

ДОКУМЕНТЫ
К ИСТОРИИ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
В РОССИИ

1947

А
Δ-63

ИИ-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
БИБЛИОТЕКА
ИЛЛЮСТРАЦИИ И ДРУГОЕ

~~79186~~
26701

ПРЕДИСЛОВИЕ

Теснейшие связи существовали всегда среди славянских ученых, представителей разных отраслей науки в различных славянских странах. Эти связи зародились еще в конце XVIII в.; они успешно развивались на всем протяжении последующего времени и достигли своего расцвета в наши дни, когда в результате Великой Октябрьской социалистической революции и освободительной борьбы против немецко-фашистских захватчиков между всеми славянскими народами установилась и все дальше крепнет нерушимая дружба и братство.

Живым доказательством славянского общения на почве научных интересов является переписка между отдельными славянскими учеными и между научными учреждениями и организациями, накопившаяся в течение почти полутора столетий и бережно хранящаяся в архивах славянских стран. Представляя собой ценный материал для характеристики личных отношений между крупнейшими представителями науки в отдельных славянских странах, она одновременно дает нам возможность судить об их научных интересах, раскрывает проблемы, которые волновали в разные времена славянских ученых, но не всегда находили отражение в их печатных работах, что превращает эти письма в ценнейший источник для истории развития самой науки. Отсюда становится ясна важность опубликования таких документов.

Предлагаемый сборник составлен на основе хранящихся в Архиве Академии Наук СССР материалов, позволяющих осветить историю развития славяноведения, созидавшегося совместными усилиями русских ученых и ученых славянских стран.

Публикации подобного рода имели место неоднократно и раньше. Не претендуя на полноту, укажем на издания корреспонденции наших первых славистов А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, П. И. Прейса, писем к М. П. Погодину из славянских земель, переписки И. Добровского и Копитара, переписки Вука Караджича в Сербии, И. Добровского, И. Юнгманна и Ф. Челяковского в Чехии и др. Предлагаемая публикация существенно отличается от предшествующих. Прежние издания ставили перед собой частные задачи — дать материал, освещающий научную деятельность отдельных крупнейших представителей славянской науки, и имели значение главным образом как дополнительный источник для их биографий. Наш сборник ставит перед собой другую, более широкую задачу. Он посвящен определенной теме — представить документы, иллюстрирующие активные научные связи между представителями славяноведческих научных дисциплин в России и в других славянских странах.

Ввиду того, что период конца XVIII — первой половины XIX в., при всем узком значении предшествующих публикаций, до известной степени освещен, а более поздняя эпоха отражена документальными публикациями гораздо беднее, предлагаемый сборник включает материалы, характеризующие научные связи славянских ученых второй половины XIX — начала XX в., т. е. периода обострения политической борьбы в славянских странах и особого подъема славяноведения в России.

Вторая половина XIX в. внесла существенные изменения в положение славян. 60-е годы ознаменовались значительным подъемом национально-освободительной борьбы всех славянских народов. Слабые в отдельности славянские народы надеялись на поддержку соплеменной России. Явный интерес к славянскому вопросу, проявленный и русским правительством и дворянско-панславистскими кругами общества, выразившийся в организации Славянского съезда в Москве в 1867 г., особенно возбудил надежды славян на русскую поддержку в их борьбе против Турции и Австро-Венгрии. Однако непосредственного вмешательства России в это время не последовало ни в связи с подготовкой к выступлению против Турции Балканского союза, ни в связи с обострением чешско-австрийских или хорватско-австрийских отношений. Надежды на подобное выступление России оказались наивной мечтой славянских буржуазно-национальных деятелей. Эти надежды имели мало общего с действительными планами царской России, которая решала во внешней политике свои задачи, осуществляя их там, где сосредоточивались ее интересы. Их она пыталась разрешить войной с Турцией в 1877—78 гг. Объективным результатом этой войны было освобождение Болгарии русскими войсками, что явилось крупнейшим событием в жизни болгарского народа и положило начало новому периоду его исторического развития. Провозглашение независимости Сербии и Черногории также послужило важным толчком к развитию их национальной государственности. Самостоятельные национальные государства стали почвой для быстрого развития капиталистических отношений в славянских странах Балканского полуострова и подъема политической борьбы. Была одна черта, характерная для всех названных стран. Получив государственную самостоятельность, болгары, сербы, черногорцы не добились удовлетворения своих национальных претензий в территориальном отношении. Южная Болгария и Македония оставались вне княжества Болгарии, правда, первое — только до 1885 г. Сербия не смогла присоединить земель этнографически сербских или признаваемых такими сербской буржуазией.

Слабые, чтобы добиться желаемого собственными усилиями, славянские балканские страны ориентировались на те или иные великие державы, и слагавшиеся политические партии славянской буржуазии тяготели одни — к России, другие — к Германии и Австро-Венгрии. Разрыв между Болгарией и Россией во второй половине 80-х—90-х годах и прогерманская ориентация правительства Фердинанда и стамбуловистов привели к отходу правящих кругов от прежнего руссофильства, которое временно осталось уделом оппозиции. В Сербии правительство также ориентирова-

лось на Запад, на Австро-Венгрию, что было закреплено австро-сербскими соглашениями 80-х годов. Однако наиболее дальновидные славянские деятели понимали, что цели австро-германского блока на Балканах очень далеки от освободительных стремлений славян. Немецкие страны стремились к экономическому и политическому закабалению славян. Проникновение немецких капиталов, рост торговых связей, железнодорожное строительство для создания кратчайшего пути через полуостров — таковы были основные пути немецкой экономической экспансии на Балканы. Все это обнаружилось уже в 80-х годах и усилило политическое тяготение народных масс к России, надежды их на русскую поддержку в национальной борьбе славян.

Сказанное в известной мере касается и австрийских славян, особенно чехов. После поездки в Москву в 1867 г. чехи продолжали самостоятельную борьбу против австрийского гнета. Хотя они не получили прямой поддержки от русского правительства, но возможность в той или иной форме опереться на Россию расценивалась чехами как важная помощь в их национальном деле, а австрийским правительством — как угроза государственному благополучию Двудеиной империи. Яснее всего эта мысль была выражена у чешских либералов — младочехов.

Если более правое политическое течение (старочехи) пошло по пути совместной работы с австрийским правительством, то младочехи понимали бессмысленность союза с Австрией с точки зрения чешских интересов и уже в начале 80-х годов проявляли явное тяготение к России, к русскому народу.

Политическое господство австрийских немцев строилось на искусственном разжигании национальной вражды между народами, входившими в состав Австрии. Вынужденные уступать требованиям венгров, энергично боровшихся за свою национальную независимость, немцы в то же время использовали венгров как орудие своей антиславянской политики по отношению к словакам и хорватам. Мадыаризация славян вызывала резкое осуждение в кругах русских славянофилов. Эти настроения ярко выражены, например, в письмах Ламанского 60-х гг.

Не менее сложным было отношение к русским полякам в Галиции, где вражда к царской России — одной из виновниц раздела Польши, осложнялась польско-украинскими противоречиями, бывшими результатом господствующего положения польской шляхты и ее противодействия национальному движению украинского народа.

В этой обстановке складывались и формировались научные связи славистов и оторвать развитие научного общения от развития политических связей невозможно. Научные связи с Россией, с русскими учеными были не только формой научного контакта и ученой взаимопомощи. Русская поддержка славянской науки представляла собой форму содействия национальному движению, национальной культуре братских народов. Что это обстоятельство так именно и расценивалось славянами, видно из ряда документов настоящего сборника.

Но когда речь идет о русских участниках публикуемой переписки, следует учитывать различные тенденции, существовавшие в русской среде.

Интерес к изучению славянства, стремление к сближению со славянами существовали у разных групп русских ученых. Одна из этих групп принадлежала к левому, демократическому течению. В чисто политической плоскости воззрения этого течения были сформулированы великим революционным демократом Н. Г. Чернышевским, сторонником свободного и самостоятельного развития славянских народов. Среди русских ученых славистов ближайшим к нему был А. Н. Пыпин и некоторые другие. Представители названного направления с симпатией относились к самобытной славянской культуре. Но в условиях царского режима сторонники таких взглядов не могли стать влиятельной группой среди русских ученых. Их воздействие было сильнее в рядах демократической молодежи, чем в академическом кругу. В последнем же господствовали разные оттенки панславизма, в славянофильской и других его разновидностях, и национализма. Эта группа ученых была в тесной связи с дворянскими общественными организациями, известными под именем Славянских комитетов. Официальная цель последних заключалась в помощи учащимся в России славянам, школам и церквям в славянских землях. Но для самих Комитетов важнее были неофициальные цели: пропаганда панславизма, стремление направить славянское движение в панславистское русло, а в отдельные моменты (1867, 1875—1876 гг.) попытки толкнуть русское правительство на путь такой политики, которая вела к постановке и решению восточного вопроса. Русские реакционные панслависты понимали под последним создание под властью русского царя единого славянского государства. (Мы не входим в подробности касательно форм связей России и славян, поскольку в построениях русских панславистов этот вопрос излагался не вполне одинаково). Представление о едином славянском государстве связывалось с тезисом о необходимости общеславянского языка, каким признавался русский. Так стремление к освобождению славян сплеталось у представителей этого крыла со стремлением (более или менее ярко выраженным) к руссификации славян. Русские панслависты охотно готовы были поддержать национально-освободительную борьбу славян. Они стремились толкнуть русское правительство к вооруженному выступлению в пользу освобождения славян, но все это сочеталось с практическими расчетами на привлечение славян в состав Российской империи.

К этому течению общественной мысли в той или иной мере принадлежало большинство русских славистов второй половины XIX в. Крупнейшим его представителем был В. И. Ламанский, профессор Петербургского университета, основоположник так называемой петербургской школы русских славистов. Представитель панславизма, Ламанский во всех своих работах проводил идею объединения славян как отдельной этнографической группы, противопоставляя ее группе романо-германской. Идеолог панруссизма, он защищал положение о русском языке, как общелитератур-

ном языке для всех славян. Идеолог самодержавия и его захватнической политики, Ламанский был сторонником руссификаторской политики царизма в Польше и не раз выступал с полонифобскими речами. Панславистские идеи Ламанского нашли дальнейшее развитие у его учеников. Из его школы вышел А. С. Будилевич, приверженец руссификации, верный слуга царизма, все труды которого проникнуты реакционной православно-славянофильской идеологией. Учеником Ламанского был и Т. Д. Флоринский, яркий представитель панруссизма, православия и самодержавия, впоследствии активный враг советской власти. К указанному течению примыкали А. Ф. Гильфердинг, П. А. Кулаковский, И. С. Пальмов и др.

При всей буржуазной ограниченности своих взглядов эти крупные ученые внесли значительный вклад в общеславянскую науку. Хотя они помогли славянской науке и культуре по своим особым мотивам, объективно все же славянская наука получала нужную ей поддержку. Общение русских и славянских ученых способствовало более глубокому взаимному сближению и уяснению русскими славистами того обстоятельства, что в славянской среде панславистские тенденции не имели сколько-нибудь значительного распространения.

Предлагаемые документы дают в целом весьма содержательную картину развертывания и укрепления научных связей между русскими и славянскими учеными специалистами в области славяноведения, с середины XIX в. до 10-х годов XX в. Сборник начинается письмами студента Петербургского университета В. И. Ламанского, ученика И. И. Срезневского, увлекающегося памятниками славянской истории, преклоняющегося перед научными заслугами недостаточно оцененного современниками русского слависта А. Х. Востокова.

Интерес русских славистов направлен на разыскание памятников и выяснение истории мало изученных, исчезнувших и исчезающих групп славянства. Таковы изыскания А. Ф. Гильфердинга в середине 50-х годов в области языка и истории полабских славян, поглощенных немецкой агрессией, кашубов, словинцев около Данцига, сербов-лужичан; он продолжает связи, ранее завязанные в этих местах Срезневским, делает ряд интересных публикаций по полабскому и кашубскому языкам. Гильфердинг изучает плохо известную тогда турецкую Боснию. Ламанский пишет диссертацию о славянах в Малой Азии, Африке и Испании.

Гильфердинг сближается с культурными кругами чехов и сербов, требует для них из России русские книги, пишет известную работу о развитии народности у западных славян. Внимательно изучает общественную и научную жизнь чехов молодой А. Н. Пыпин в конце 50-х годов, посещая знаменитых стариков славистов и сближаясь с чешской научной молодежью. Он считает своим долгом знакомить чехов с русской литературой, пишет статьи в „*Časopis Českého Musea*“ и в то же время знакомит в „Современнике“ русские передовые круги с историей чешского национального возрождения, его деятелями и вождями, следит за текущей политической борьбой в связи с полемикой по поводу

Краледворской рукописи. В начале 60-х годов изучает славянские страны В. И. Ламанский, сравнивая свои наблюдения с русскими обычаями и порядками. Он знакомится с виднейшими представителями чешской и сербской интеллигенции; отсюда начинаются его тесные личные связи с славянскими деятелями, стремящимися к сближению с русскими: Ю. Грегром, А. Патерой и многими другими. Благодаря этим связям Ламанский играет видную роль в организации съезда славянских гостей, приглашенных на Всероссийскую Этнографическую выставку в 1867 г. Этот знаменитый славянский съезд отражен в сборнике несколькими интересными документами (письмами к Ламанскому Ю. Самарина, А. Патеры, П. А. Лавровского), рисующими подготовку съезда и отклики на него.

Следующие документы — письма учеников Ламанского (с 1865 г. занявшего кафедру в Петербургском университете) к своему учителю, передающие наблюдения над экономической и политической жизнью австрийских славян (А. С. Будиловича — начала 70-х годов, К. Я. Грота — начала 80-х годов и др.). В этих письмах также отражены новые научные знакомства, выражен яркий интерес к новым научным трудам славянских ученых и к богатым публикациям славянских исторических источников и памятников литературы, которые стояли тогда на первом месте в работе исследователей как необходимый этап в развитии славяноведения. В письмах Грота рассыпаны многочисленные характеристики современных деятелей чешской науки, правда поверхностные, но хорошо отражающие славянофильские пристрастия автора.

Любопытны письма к Ламанскому А. Патеры (1879—1880 гг.), К. Я. Грота (1882 г.) и И. О. Первольфа (1886 г.), рисующие острую полемику о Краледворской рукописи, которая хотя и служила нередко целям политической борьбы, но имела также большое значение для развития критической историографии.

В 70-х годах в России появился крупнейший славист, в будущем член всех славянских академий, организатор множества научных исследований в области славистики — И. В. Ягич. В его письмах к Ламанскому отражено его пребывание в Одесском университете, переход в Берлинский университет и основание им научного органа славянской филологии, знаменитого „Archiv für slavische Philologie“; освещены обстоятельства его перехода в Петербургский университет и избрание в Академию Наук в 1880 г., где он занял место умершего Срезневского. После семилетнего пребывания в Петербурге Ягич принял кафедру славянской филологии в Вене и создал там свой известный славянский семинарий, много сделавший для подготовки европейских славистов.

Отделение русского языка и словесности Академии Наук в 50—70-х годах при И. И. Срезневском проявляло большой интерес к изучению славянства и внимание к славянским ученым. В „Известиях II Отделения“ постоянно находили место славянские материалы, рецензировались славянские издания; в них печатались словарные материалы по болгарскому языку Н. Герова. Комиссия во главе с Срезневским

выработала программу истории Болгарии. Отделение поддерживало связи с сербо-лужичанами (см. докум. 15); на средства Отделения был издан сербско-русский словарь П. А. Лавровского.

Документы сборника отмечают избрание в члены-корреспонденты Академии крупных ученых — поляка В. А. Мацеевского и серба Ю. Даничича, чествование Академией 50-летнего юбилея Чешского музея и 50-летие научной деятельности историка Чехии и вождя старочешской партии Ф. Палацкого.

С начала 90-х годов вновь оживляются научные связи: в публикуемых письмах появляются имена чехов — филолога Ф. Пастернака, фольклориста Ю. Поливки, историка-библиографа Ч. Зибрта, крупнейшего историка и этнографа Л. Нидерле; сербских филологов Л. Стояновича и С. Томича, словенца филолога В. Облака и др. В письмах В. Облака, талантливого, рано умершего ученика Ягича, очень живо отражен интерес славянских ученых к деятельности кружка молодых московских филологов, в основном учеников Ф. Ф. Фортунатова и Н. С. Тихонравова, в числе которых были такие замечательные ученые, как А. А. Шахматов, М. Н. Сперанский, П. А. Лавров, Б. М. Ляпунов, В. Н. Щепкин. Интенсивная научная работа и широкие замыслы московского кружка привлекали симпатии Ягича и его учеников. Завязавшаяся между молодыми учеными переписка также нашла отражение в нашем сборнике. „Я думаю, — пишет Ю. Поливка В. Н. Щепкину в 1892 г., — что центр славяноведения должен быть у Вас, это требует и интерес науки и естественные aspirations величайшего славянского народа. У нас центр не будет постоянно, на время когда здесь такая крупная сила как Ягич, но после него все распадется... Разумеется, я не представляю себе славяноведение тенденциозное во вкусе Петербургской школы“.

В 1894 г. А. А. Шахматов был избран адъюнктом Академии Наук и очень скоро сделался душою II Отделения. Вновь начатое им издание „Известий ОРЯС“ сплывало вокруг него свежие научные силы. Издание это было свободно от тенденций панславизма, носило более независимый академический характер и быстро завоевало научный авторитет. Шахматов вел переписку со многими десятками ученых, в том числе со многими славянами. Конечно, только очень небольшая часть этой переписки вошла в наш сборник.

С 90-х гг. в Петербурге издавался этнографический журнал под редакцией В. И. Ламанского — „Живая старина“, притягивавший некоторые славянские силы и пользовавшийся успехом в славянских странах.

С половины 90-х годов И. В. Ягич начал готовить задуманное им издание Grundriss'a по славянской филологии. В письмах к Шахматову он подробно раскрывал намеченные научные темы, советовался по поводу приглашаемых авторов. Ягич привлек к участию в Grundriss'e большое количество русских и иностранных ученых. В сборнике помещен сохранившийся в фонде академика А. А. Соболевского размноженный оттиск письма Ягича с проектом плана Grundriss'a, которое рассылалось им лицам, приглашаемым к сотрудничеству. Этот план очень интересен

как прототип будущей Энциклопедии славянской филологии, осуществление которой под редакцией Ягича было начато русской Академией Наук.

За время с начала 90-х годов Академия Наук оказала поддержку многим предприятиям славянских ученых, обращавшихся к ней за помощью. Она дала возможность фольклористу Л. Кубе закончить собрание песен славянских народов, субсидировав несколько его экспедиций. Академия выхлопотала правительственную субсидию Н. Герову на издание его Болгарского словаря, вышедшего в Болгарии. Она поддерживала в течение четырех лет издание библиографического журнала по славяноведению, выходившего в Праге под редакцией Л. Нидерле; напечатала Кашубскую грамматику и Кашубский словарь Ф. Лоренца, добилась в Государственной Думе специального ассигнования на издание Словаря ниже-лужицкого языка Э. Муки и т. д. Сделавшись под руководством А. А. Шахматова признанным центром славяноведения, II Отделение Академии Наук организовало ряд исследований в области славянской диалектологии и акцентологии. Шахматов предлагал И. Лосю составить диалектологическую карту польского языка. Это не было осуществлено. Но разработанная А. И. Беличем диалектологическая карта сербских говоров появилась в академическом издании. По инициативе Шахматова и Фортунатова была создана комиссия для изучения законов сербо-хорватского ударения под руководством М. Мурко и субсидированы ее экспедиции. Также получил поддержку для диалектологической экспедиции на чакавские острова деятельный сотрудник „Известий ОРЯС“, молодой сербский лингвист, ученик Ф. Ф. Фортунатова, А. И. Белич, нынешний президент Сербской Академии Наук и видный политический деятель демократической Югославии.

В сборнике отражены с достаточной полнотой важнейшие в истории славяноведения попытки объединения сил славянских ученых. Чрезвычайно интересно обращение (1899 г.) группы чешских славистов с предложением созвать съезд славистов филологов в Праге в 1901—1902 гг. Здесь намечен проект занятий съезда, организации его секций, высказано стремление сделать съезд регулярно собирающимся. Съезд этот не был разрешен австрийским правительством. Следующим этапом была попытка созвать съезд славистов в Петербурге в 1904 г., предпринятая II Отделением Академии Наук. Ряд документов иллюстрирует подготовку к этому съезду. В апреле 1903 г. состоялся так называемый „предварительный съезд русских филологов и историков“, важнейшим результатом которого явилось начало издания Славянской энциклопедии. Проектировавшийся на 1904 г. съезд не был запрещен, но был отложен царским правительством, под предлогом военного времени, в самый разгар организационных работ, что фактически явилось его срывом. Таковы были трудности научного объединения в области славяноведения в то время. Этому делу мешало, с одной стороны, давление панславистских националистических элементов, с другой — недоверие правительства к либерализму руководящей группы II Отделения, хотя

либерализм этот был весьма умеренный, кадетского типа, направленный на конституционное преобразование России.

Документы показывают активную деятельность Ягича по подготовке Энциклопедии славянской филологии; публикуется его план издания, утвержденный Отделением, его отчет о переговорах с авторами и т. д. Интересны письма к Шахматову В. Д. Спасовича и И. А. Бодуэна де Куртене, в которых освещается позиция польских ученых, отрицательно отнесшихся к участию в Энциклопедии, ввиду ряда неразрешенных исторических вопросов, и постановивших создать свою польскую Энциклопедию.

Кульминационным пунктом, достигнутым в дореволюционное время в организации научного объединения славистов, было создание Союза славянских академий. Со стороны югославянских ученых поступали многократные высказывания о необходимости организации съезда славистов в России. „Вы, петербуржцы, предопределены сделать почин“, — писал Стоянович Шахматову в 1910 г. „Мне кажется, что Россия должна взять в этом деле больше всего участия и что почин должен также в ней явиться“, — писал ему же Белич. Идея научно-организационного сближения славистов оформилась во II Отделении Академии в идею создания Союза академий славянских стран. Документы подробно освещают борьбу русской Академии за привлечение к этому Союзу славянских стран, совещание представителей славянских академий 7—9 мая 1912 г. и историю выработки устава „Союза славянских академий и ученых обществ“, который был формально утвержден пятью академиями (русской, сербской, югославянской, чешской и болгарской). Фактическому осуществлению Союза помешали Балканские войны и первая мировая война, надолго разорвавшая международные научные связи.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, провозгласившей новые принципы национальной и внешней политики, чуждые угнетения национальностей и территориальных захватов, уничтожила те преграды единению славянских стран, которые создавала политика царской России. Вторая мировая война расколола мир на два лагеря — демократический и империалистический. Каждую славянскую страну она расколола на те же два лагеря. Но численно незначительные группы реакционеров остались изолированными среди демократических слоев, и в славянских странах победила демократия. Новый демократический режим славянских стран способствует укреплению межславянских связей, содействует дальнейшему росту славянской науки. Межславянское научное общение, которому чужды какие бы то ни было расчеты на подчинение одних стран другими, обеспечивает расцвет славянской науки, идущей иными чем раньше путями, но использующей все положительное, что давала старая научная школа. Дальнейшее укрепление в славянских странах народной демократии является залогом еще более тесного сближения славянских ученых.

Документы предлагаемого сборника выбраны из Архива Академии Наук СССР, в основном из архивных фондов академика В. И. Ламанского (фонд 35), академика А. А. Шахматова (фонд 134), Канцелярии

Отделения русского языка и словесности (фонд 9); использованы также фонды академика И. И. Срезневского (фонд 216), академика А. И. Соболевского (фонд 176), академика П. А. Лаврова (фонд 284), академика Б. М. Ляпунова (фонд 752), М. Н. Сперанского (фонд 172), чл.-корр. К. Я. Грота (фонд 281), чл.-корр. И. А. Бодуэна де Куртене (фонд 102), чл.-корр. В. Н. Щепкина (фонд 254). Несколько документов взято из фондов академика Ф. И. Успенского (фонд 116), академика Н. К. Никольского (фонд 274), чл.-корр. А. В. Михайлова (фонд 171), Конференции Академии Наук (фонд 2).

Архивные документы и письма печатаются в некоторых случаях в извлечениях, когда этого требует тематика сборника. Опускаемые места, не относящиеся к нашей теме, отмечаются знаком [...]. Сокращенные имена, слова и явные опiski оригинала восстанавливаются без скобок. В скобках восстанавливаются слова, допускающие неясность чтения, а также, в необходимых случаях, пропуски оригинала. Орфографические особенности подлинников, особенно не русских авторов, сохранены (за исключением отмененных форм старой орфографии). Редакционные подстрочные примечания текстологического характера и легенды даны курсивом. В состав примечаний не включены собственные имена, которые аннотированы в расширенном именованном указателе в конце книги.

Работа по настоящему изданию проведена по инициативе Комиссии по истории Академии Наук СССР. Просмотр фондов и отбор материалов выполнены старшим научным сотрудником Комиссии по истории Академии Наук СССР В. Р. Лейкиной-Свирской и старшим научным сотрудником Ленинградского Отделения Института истории Академии Наук СССР Л. В. Разумовской. В. Р. Лейкина-Свирская подготовила к печати русский и немецкий тексты и составила примечания; подготовка к печати и перевод текстов на славянских языках принадлежит Л. В. Разумовской, участвовавшей также в составлении примечаний. Аннотированный именной указатель составлен В. Р. Лейкиной-Свирской и Л. В. Разумовской.

С. А. Никитин

В. И. Ламанский — М. П. Устинову

9 (21) октября 1850. Петербург

9 октября 1850.

[...] Что же касается до меня, то жизнь моя, любитель сильных ощущений назвал бы ее прозябанием, она все по прежнему, нового только то, что по четвергам я хожу к Бишопу, на практические уроки английского языка, вместе с братьями. Яша тоже ходит к нему, но на уроки теоретические. Мы начинали читать из прозаиков — Диккенса *Nickolas Nickleby*, из поэтов — Шекспира *King Lear*. И образ жизни мой таков — утром в университет, вечером дома, за письменным столом занимаюсь [...]. Но самый любимый мой профессор — это Срезневский. К нему я хожу и во второй курс, где он читает или лучше мы (потому что он так любезен, что и меня спрашивает, т. е. просит переводить) читаем Кралёвдорскую рукопись или собрание древних чешских стихотворных памятников IX—XIV вв., найденных Ганкою в гор. Кенигсхофе, в старой башне между разным хламом... Язык их очень легкий, и в то время вообще все славянские наречия мало различались между собою. В первом же курсе он читает 1 раз в неделю церковно-славянский язык, где мы разобрали одно место Остромирова Евангелия; а другой раз — обзор славянских наречий. Этот курс состоит в следующем: О славянских племенах и народах (в отношении историческом, религиозном и политическом). Основные черты славянских наречий. Филологический обзор вообще всех славянских языков и характеристика каждого языка порознь. Представивши обзор славянских народов, он приступил к языкам историческим и критическим обзором замечательных ученых в филологии общей и преимущественно славянской.¹ Из русских он преимущественно расхваливал Павского и Буслаева.² [...]

В. Ламанский.

Ф. 35, оп. 1, № 1760.

¹ Программа регулярных университетских занятий по славянской филологии была впервые выработана И. И. Срезневским в Петербургском университете в 1848 г.

² Имеются в виду труды Г. П. Павского „Филологические наблюдения над составом русского языка“, СПб., 1841—1842 и Ф. И. Буслаева „О преподавании отечественного языка“, М., 1844.

В. И. Ламанский — М. П. Устинову

26 ноября (8 декабря) 1851. Петербург

26 ноября 1851.

Любезный Миша!

Письмо твое получил 18 ноября. Неволина „Историю гражданских законов“¹ купил, но еще не отослал, а взял просмотреть на дня на три, в полной уверенности, что ты не будешь в претензии, если кое-где листы будут разрезаны. Не шутя невольно вырывается удивление при одном беглом обзоре этого сочинения. Боже мой, какой прогресс! Если ты позабыл Французскую Христоматию Ноэля² (читали у Энглеза), где был целый отдел под заглавием *Parallèles*, то позволь мне тебе напомнить ее, проведем параллель между Невוליным и Востоковым. У того и другого масса знаний соединена с примерною скромностью. Последний тебе, вероятно, мало известен, но слегка занявшись славянской филологией (насколько она нужна не для русской истории, для нее она нужна вся, хотя г. Устрялов, Смарагдов не заблаговолили отвести филологии хоть последнее местечко в кругу наук необходимых для истории, меж хронологии, геральдики; но насколько нужна она для лица, занимающегося русской историей), ты увидишь то громадное значение в науке гениального (без всякого преувеличения) ученого Востокова. Он открывает законы в языке, которые основывают науку славянскую филологию, никем не отвергаемые, потому что ясны, как день, и делает это так скромно, что любой студент 1 курса более значения придает составлению своих [...] (прости за цинизм) записок. О двадцатилетнем труде (Описание Румянцовского музея) Востоков выражается: занимавшись несколько лет. Вскоре, кажется, выйдут его Грамматика³ и Словарь церковно-славянского языка⁴ два произведения, которые поставят его рядом с Яковом Гриммом. Мы привыкли судить Востокова по его Русской грамматике⁵ но 1) это практическое руководство, 2) практическая грамматикой родного языка никогда нельзя быть довольным, замечание старое, но тем не менее не несправедливое. В числе моих планов, предположений, фантазий, каких немало набралось в моей голове, есть одно — написать, разумеется, лет через пяток, обзор деятельности Александра Христофоровича Востокова. Ровесник Жуковскому по годам, ровесник и по литературной деятельности: в один год издали они первые свои труды. Востоков писал и стихи в начале нынешнего столетия, в 1817, если не ошибаюсь, издал Опыт русского стихосложения, где верно определил размер русских народных песен. В 1820 г. открывает он в славянском языке носовые звуки, объясняет свойство полугласных, дотоле никем не подозреваемых; в пяти, если не менее, строчках замечает, что различия между славянскими языками существовали в глубокой древности, и множество других заметок, которые вошли в науку как истины — и все это, заметь, на 60 страницах, без малейшего пустословия, без всякого притязания на славу.⁶ Потом писал в 25 г., 27. и, наконец, издал Описание Румянцовского музея в 1842 г. — единственная книга в нашей литературе: филолог, историк, археолог находит огромные пособия. В 43 г. издает Остромирово-Евангелие, памятник XI в., имеющий важное значение для славянской

филологии. К стыду надо признаться, что русские ученые, по крайней мере печатно, не оценили его как следует, исключая одного молодого Билярского.⁷ Западные же славянисты — Копитар и Миклошич не находили довольно слов в латинском языке (Копитар писал, а Миклошич пишет побольше по-латыни) для эпитетов Александру Востокову: *summus Alexander Vostokovius, sagacissimus, acutissimus, doctissimus*,^{*} и еще в 1851 г. Миклошич именует его *celeberrimus*.^{**} У нас не стыдятся ставить его рядом с академиками подобно Плетневу (доброму и благородному, но не даровитому), Давыдову и проч. Недавно, как тебе известно, выбран в академики Срезневский, человек чрезвычайно деятельный. Он задумал издавать Известия по примеру немецкому, Бюллетеню III и I отделения; с 52 г. будут выходить эти Известия,⁸ где будут помещать, кроме (о радости!) Востокова, редактора (Срезневского) и прочих академиков, и посторонние ученые статьи не о русской грамматике, а вообще по славянской филологии, русской истории и древности, разборы новых сочинений по этим наукам. Согласись, мысль прекрасная! Теперь опять, кажется, без Востокова не обойдется. В сентябре получили в Петербурге толстый том in 8 „*Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi edidit Fr. Miklosich*“, 1851. Супрасльская рукопись была найдена ксензю Бобровским в 25 г. без подписи и отнесена была им к 13 веку. Он прислал Востокову снимок в несколько строчек. Востоков в „Библиографических листах“, издававшихся Кеппенем, 1825 г., доказал, с обычною скромностью и проницательностью, что де Бобровский ошибся и не верно переписал, отметил именно ошибки и показал, что эта рукопись писана в 11 в. у южных славян.⁹ Потом рукопись пропала и в 48—49 г. очутилась у Миклошича. Ныне он ее издал и замечает в своем предисловии: *Etiam celeberrimus Alexander Vostokov in Bibliografickija Listy 1825, 14 nostrum codicem negat post seculum undecimum scriptum esse*.^{***} Вот авторитет! Эта рукопись чрезвычайно важна. Множество слов, неизвестных еще доселе, и главное, еще тем, что поможет решить окончательно вопрос, каким славянам переведена была Кириллом Библия и где отечество так называемого церковно-славянского языка. Важна она и потому, что доказывает образованность этих славян. Вообрази, жизни святых за один март месяц — 456 страниц, следовательно, за 12 месяцев было 12 таких томов. В этих жизнеописаниях преобладает элемент исторический, а не один религиозный. Заметь, в 11 в., если не раньше. Жалко только, что Миклошич не разобрал ее филологически и исторически, не приискал греческого текста, если это все перевод. Востоков, верно, напишет рецензию этого издания в Известиях и уже без чего-нибудь нового, важного не обойдется.¹⁰ О Востокове можно говорить утвердительно. Теперь я занимаюсь чтением этой рукописи, которую приобрел в прошлом месяце. Кроме того, занимался я последнее время разбором Переяславской летописи,¹¹ сравнил с Лаврентьевским списком, изд. Тимковским,¹² и пришел к тому убеждению, что эта рукопись писана в первой половине XV в. где-нибудь в западной России. Срезневский заметил мне, что я ошибаюсь, потому-де, что она относится к XVI в. по почерку — „что сказал мне Бередников“. Я горячо заметил ему, что Бередников

* превосходный Александр Востоков, мудрейший, острейший, ученейший.

** знаменитейший.

*** Даже знаменитейший Александр Востоков в „Библиографических листах“ 1825, 14 не признает нашу летопись написанной позже XI века.

невежа как филолог (в чем он согласился), а почерк плевое дело при суждении о рукописи. Заметил, что там раз встречается[ся] гроши, которые указывают на 16 в. Меня задело это за живое, я снова просмотрел ее язык, вооружился всеми замечаниями, наблюдениями Востокова в Описании Румянцовского музея и остался при том же убеждении. Но гроши—XVI в., это меня тревожило. Смотрел я Münzkunde Круга,¹³ не нашел; статью Мальгина (в сочинениях Академии Российской)¹⁴ тоже. Наконец, рассмотрел сочинение барона Шодуара „Arreçu sur les monnaies russes“.¹⁵ Там он говорит, что грош впервые встречается в акте 1463 г. (а не 16 в.), следовательно рукопись могла быть писана в конце 15 столетия, а никак не в первой половине. Но... там сказано „а гривна по пятьдесят грош“. Но в Вел. России считалось рубли грошей, гроши, грошки, никогда не было гривны грошей. В Литве гроши встречаются впервые в актах 1356, там были копы грошей. Взял я книгу Czackiego „O polskich i letewskich prawach“, 2 t., 1800 roku.¹⁶ Там нашел я, что только в Польше употреблялся счет гривны грошей, еще в конце 13 в. и в 15 в. Гривна имела в Польше уже издавна 48 грошей, потом 56 и, наконец, 60 грошей и потом опять 48 грошей. Кроме, в некоторых местах летописи заметны польско-русский выговор и польско-русские выражения. „А гривна по пятьдесят грошей“ не встречается ни в одном из списков Ярослава Устава (церковного). Эту вставку очень немудрено мог сделать русский, который знал польский счет денег. Вот мое мнение. Срезневскому я потом не говорил, пот му что после первого горячего разговора с ним, где я сказал может быть много лишнего, он и не заикался об этой летописи. [...]

Ф. 35, оп. 1, № 1760.

¹ К. А. Неволин. История российских гражданских законов. СПб., 1851.

² Имеется в виду двухтомный сборник литературных отрывков, много раз переиздававшийся в Париже в начале XIX в.: *Leçons françaises de littérature et de morale*, par Noël et De la Place.

³ Грамматика церковно-славянского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам. СПб., 1863.

⁴ Словарь церковно-славянского языка. СПб., 1858.

⁵ Распространенные учебники А. Х. Востокова, вышедшие в 1831 г. и много раз переизданные: „Сокращенная русская грамматика для употребления в высших учебных заведениях“ и „Русская грамматика А. Х. Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматикой полнее изложенная“.

⁶ Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составленной по древнейшим оного письменным памятникам. Труды Общ. любит. рос. словесн. ч. XVII, 1820.

⁷ Имеется в виду работа П. С. Билярского „Судьбы церковно-славянского языка. I. О средне-болгарском вокализме по патриаршему списку Летописи Манассии“ (СПб., 1847), где автор ставит Востокова на первое место перед Добровским как „основателя настоящей науки славянской филологии“.

⁸ После разделения Академии Наук на 3 отделения выходили „Bulletin de la classe physico-mathématique“ (1843—1859) и „Bulletin de la classe historico-philologique“ (1844—1859); с 1852 г. Срезневский начал выпускать первый повременной орган Отделения русского языка и словесности — „Известия второго отделения имп. Академии Наук“ (1852—1853), о чем было сообщено в заседании Отделения 11 октября 1851 г. В конце 1851 г. к сотрудничеству в „Известиях“ были приглашены, в числе других, П. О. Шафарик, В. В. Ганка, Ф. Л. Челябинский, В. С. Караджич, Ф. Миклошич, Ян Коллар, Д. Зубрицкий, В. А. Мацевский, В. Войццкий. (См. В. И. Срезневский. К истории издания „Известий и ученых записок II Отделения Академии Наук.“ СПб., 1905).

⁹ Известие о вновь открытых древних словенских рукописях. Библ. листы, 1825, № 14. — Дополнения и поправки к известию о Супрасльской рукописи XI века. Там же, 1826, № 36.

¹⁰ Сообщение об издании Супрасльской рукописи было помещено в „Изв. II Отд. Акад. Наук“ А. Ф. Бычковым (т. II, 1853).

¹¹ Очевидно, по изданию этой рукописи Главного архива Министерства иностранных дел, сделанному М. Оболенским в 1851 г.: „Летописец Переяславля Суздальского“. В исследовании Д. В. Поленова „Обозрение Летописца Переяславского“ (СПб., 1854) также устанавливается более раннее происхождение рукописи, чем предложенное Бередниковым.

¹² Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия, изд. проф. Р. Тимковским. Общ. истории и древностей российских, М., 1824.

¹³ I. Ph. Krug. Zur Münzkunde Russlands. Изд. Акад. Наук, СПб., 1805.

¹⁴ Тимофей Мальгин. Опыт исторического исследования и доказательства о древности в Российском государстве монеты разного достоинства и медалей своих собственных. Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею, ч. IV, СПб., 1810.

¹⁵ Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères qui ont eu cours en Russie... par le baron S. de Chaudoire (в 2-х частях). Petersburg — Paris, 1836—1837.

¹⁶ Статья Т. Чацкого „О монетце polskiej i litewskiej“ (перепечатана в „Dzieła Tadeusza Czackiego“, изд. Э. Рачинским, т. I. Познань, 1844).

3

А. Ф. Гильфердинг — И. И. Срезневскому

3 (15) сентября 1855. Сгорелец

3 сентября, Сгорелец.

Пишу Вам, многоуважаемый Измаил Иванович, из Сгорельца, куда привлек меня старик Геннинг. Папеньке стало, слава богу, легче, он мог уже ходить гораздо лучше, и я решился покинуть его на несколько дней. Три дня провел в Праге, два дня с Смоляром в Будишине и Любии (Löbau),¹ день в Сгорельце. Устроил дело о списывании Геннинга довольно успешно, собрал разные сведения о Люнебурге, получил письмо к тамошнему ученому обществу и завтра утром еду обратно в Карлсбад. Побуду опять с папенькою, 10-го мы переедем во Франценсбад, и там я опять оставляю конвалесцента и отправлюсь в Люнебург.² Найду ли что, бог весть, но есть надежда.

Чехи и сербы (будишинские) приняли меня как родного. По-чешски я мог разговаривать довольно бегло. Нашел между чехами большое уныние, великое неудовольствие, к нам и к Севастополю удивительное сочувствие, между собою порядочное разъединение; ужасное сетование на то, что ничего не знают, что у нас пишется и делается. После поездки в Люнебург надеюсь побывать в Праге и в Будишине подолее и собрать сведений для сообщения, может быть и нашим читателям, чего-нибудь о литературе этих господ.³ Между тем, обращаюсь к Вам с просьбою: прислать мне что можете русского для раздачи здесь. Такое желание у них иметь какие-нибудь русские книги, что Вы представить себе не можете. В особенности нельзя ли бы достать из Географического Общества пару экземпляров Этнографического Сборника,⁴ 21-ую книжку Временника (я взял с собою экземпляр расшитый, для собственного чтения, и должен был дать его Ганке: до сих пор ничего не знали о Бессоновском издании),⁵ Буслаева пословицы?⁶ Но вообще пришлите все, что можете. Было бы хорошо также дать экземпляр Опыта биографии Гоголя,⁷ стихотворения Тютчева.⁸ Лужичане переводят Федра; Крылова у них нет.

Здесь в Сгорельце я сошелся с Нейманном, секретарем Лужицкого Исторического общества. Он говорит, что Вас знает, и просит Вас быть посредником между его Обществом и Академиею. Общество предлагает книги, при сем означенные, и желает в особенности французских и немецких изданий Академии. Устройте это: связь, общение всегда дело хорошее.

Книги для раздачи чехам и пр. благоволите адресовать мне и передать в Министерстве иностранных дел⁹ Александру Ивановичу Гримму. Через него же пишите мне. С нетерпением жду и письма и посылки. Книги Ваши я по большей части роздал, так же как свои. Катерине Федоровне* почтение и усердный поклон.

Вас глубоко уважающий и покорнейший слуга

А. Гильфердинг.

Ф. 216, оп. 5, № 180.

¹ В своих поездках по славянским землям, начавшихся в 1855 г., магистр славянских наречий А. Ф. Гильфердинг обратил внимание на сербо-лужицкий край, изучавшийся И. И. Срезневским еще в 40-х гг. Результаты своих наблюдений Гильфердинг изложил в статье „Народное возрождение сербо-лужичан в Саксонии“, напечатанной в „Русской беседе“ (т. I, 1856; Собр. соч., т. II, СПб., 1868).

² В работах над „Историей балтийских славян“ (статьи, печатавшиеся в „Москвитяине“ в 1854—1855 гг.; изданы отдельной книгой, М., 1855) Гильфердинг усиленно искал среди онемеченного населения восточного угла ганноверского королевства остатки славянских племен, сохранившиеся „в глуши люнебургских болот“. Он заинтересовался работами Христиана Геннинга, составившего в конце XVII — начале XVIII в. словарь полабского языка со сведениями этнографического и исторического характера. Рукопись Геннинга хранилась в библиотеке Верхнелужицкого научного общества в Сгорельце (Гёрлице). Собранные редкие памятники Гильфердинг напечатал в работе „Памятники наречия полабских древлян и глинян“ (Изв. II Отд. Акад. Наук, т. V, 1856, стр. 433—480; отдельное издание, СПб., 1856).

³ На основе своих наблюдений над культурной жизнью славянских земель Гильфердинг написал известную работу „Les slaves occidentaux“, изданную анонимно на французском языке в Париже в 1858 г. и одновременно в „Русской беседе“ (т. IV, 1858) под названием „Западные славяне“.

⁴ К этому сроку вышли вып. I и 2 (1853 и 1854) „Этнографического сборника“, издаваемого Русским географическим обществом, в которых был помещен ряд местных этнографических описаний России, присланных Географическому обществу в ответ на его программу 1847 г.

⁵ Кн. 21 за 1855 г. „Временника Моск. общ. истории и древностей российских“ содержит „Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар“, изд. П. Бессоновым.

⁶ Ф. И. Буслеев. Русские пословицы и поговорки. М., 1854.

⁷ Опыт биографии Н. В. Гоголя со включением до сорока его писем. Соч. Николая М. [П. А. Кулиша]. СПб., 1854.

⁸ Стихотворения Ф. Тютчева, изд. редакцией „Современника“. СПб., 1854.

⁹ Гильфердинг с 1852 г. служил в Министерстве иностранных дел.

* Срезневской

А. Ф. Гильфердинг — И. И. Срезневскому

сентябрь 1855.* Карлсбад¹

Я познакомился в Карлсбаде с Мацеевским. Он передал мне для Вас маленький меморандум в надежде, что Вы найдете в Петербурге финнофила, который взялся бы помочь ему. Не поговорите ли об этом деле с Гротом,¹ которому мой поклон.

Мацеевский только и живет мыслию о новом издании Правodawства.² Я читал часть первого тома. Много нового и замечательного. Он говорил мне о важных, открытых им, польских юридических памятниках, в особенности мазовецких, которые составят приложения к книге. Будет дело хорошее во всех отношениях — помочь ему. Извините, что тороплюсь и мараяу. Завтра в 6 ч. утра надо быть на машине, а уже поздно.

А. Гильфердинг.

Ф. 216, оп. 5, № 180.

¹ Имеются в виду связи Я. К. Грота с Гельсингфорским университетом, где он в 40-х гг. занимал кафедру русского языка.

² В. А. Мацеевский в течение долгого времени искал средства для напечатания вторым, широко дополненным изданием своего труда „Historya prawodaw stwslowiańskich“ (1-е изд. в 4-х томах вышло в Варшаве — Лейпциге в 1832—1835 гг.). Гильфердинг направил Мацеевского (письмом от 24 декабря 1855) к новому президенту Академии Наук Д. Н. Блудову, по совету которого Мацеевский обратился к Александру II, прося заимообразно пособия на издание. По ходатайству Блудова, в феврале 1856 г. Мацеевскому было пожаловано 1000 р. сер. без возврата, благодаря чему он смог приступить к изданию „Истории славянских законодательств“. (См. В. А. Францев. Из переписки В. А. Мацеевского. М., 1901 и К биографии В. А. Мацеевского. Варшава, 1909).

А. Ф. Гильфердинг — И. И. Срезневскому

21 августа (2 сентября) 1856. Остенде

Остенде, 21 авг. (2 сент.) 1856.

Извините, многоуважаемый Измаил Иванович; был я в краях Прибалтийских, не на Рюгене, правда, у кашубов, а янтарного крестика не взял с собою. Оглошность непростительная, но не непоправимая.

Зато вывез я оттуда пропасть всякого этнографического и филологического добра (иной скажет, пожалуй, хламу), — целое наречие, вообразите, новое славянское наречие: не кашубское, а словинское.¹ Да, в самом деле, между Leba See и Garden See, которые увидите на карте, есть несколько деревень за болотом, так об них говорят, где тип народа совсем рознится от польского и кашубского, где наречие какое-то архаичестическое, с разными признаками языка** балтийских славян, где

* Письмо датировано на основании предыдущего.

** Вставлено неразобранное слово.

жители называют себя Slovinstji ledze и где лет через двадцать пять ни одного словинского человека не будет. Месяц целый прошатался я между Данцигом и Слупском, отыскал Цейнову,² с ним попутешествовал четыре дня, а остальное время представлен был своим средствам, т. е. чудотворной силе водки и жевательного табаку. И с помощью этих непобедимых союзников сколько я записал по корчмам Кошубчины и словинским! Просто не поверите.

Затем я побывал в Праге, был на похоронах Гавличка, которые привели в движение весь город.³ Но это только присказка, а сказка впереди: именно, предполагаю опять осень и часть зимы поехать по австрийским славянам и заглянуть в Сербию. Теперь купаюсь в Остенде и с страстным нетерпением жду конца сему купанию. Папенька, благодаря бога, успел отлично в своем Карлсбадском и Франценсбадском лечении, теперь ходит свободно и легко. Он здесь не купается и только подвергается крепительному морскому ветру. 8 сентября нов. ст. едем в Лондон на самое короткое время, потом в Париж. В конце сентября (русского) папенька воротится домой, а я поеду опять в Прагу, Вену и т. д. Умоляю Вас прислать мне для раздачи еще каких-нибудь книг (изданных Академиею или других), номеров Известий (даже разрозненных, а особенно последних: не обещали ли мне присылать их аккуратно и прислать также оттиски Люнебургских памятников, а я ни одной не получил: так-то Вы со мною поступаете?), еще парочку экземпляров Областного словаря,⁴ если можно Великорусских песен,⁵ первого тома Материалов для словаря,⁶ всего, одним словом, что возможно. Большая часть прежнего запаса уже роздана или разослана, а очень нужно русских книг, особенно в Сербию (Австрийскую и Княжескую).

В Берлине буду ожидать от Вас пакета к 20 сентября стар. ст. Стоит Вам только передать в Министерство иностранных дел Александру Ивановичу Гримму, но не откладывая, а то будет после ужина горчица. Пожалуйста, не пренебрегите сею покорнейшею просьбою Вашего почитателя и покорного слуги

А. Гильфердинга.

Ради бога, не забудьте про Люнебургские оттиски: мне просто стыдно в Праге, все спрашивают, что я сделал с материалами, собранными год целый ому назад, а я должен говорить, что-де застряли в Петербурге и никакого слуху об них нет.

Поклоны Кословичу, Палаузову. Что Геров? Напишите, пожалуйста, и перешлите письмо тоже через Министерство иностранных дел.

Ф. 216, оп. 5, № 180.

¹ Результаты своих открытий летом 1856 г. Гильфердинг напечатал в „Изв. II Отд. Акад. Наук“, (т. VIII, 1859—1860) в статье „О наречии померанских словинцев и кашубов“ в книге „Остатки славян на южном берегу Балтийского моря“. (СПб., 1862).

² С. Ф. Цейновой как знакомом кашубского наречия вел сношения еще И. И. Срезневский. См. заметку Срезневского о Цейнове в „Изв. II Отд. Акад. Наук“ (т. I, 1852) и кашубский словарь Цейновой (там же, т. IX, 1860—1861).

³ Имя чешского публициста К. Гавличка-Боровского, погибшего жертвой австрийской репрессии, было довольно популярно в России в 50-х гг. А. Н. Пыпин в своих статьях о Праге в „Современнике“ 1859 г., сравнивал Гавличка с Белинским. Гильфердинг написал о Гавличке особую статью (см. его Собр. соч., т. II, 1868).

⁴ Опыт областного великорусского словаря, изд. II Отд. Акад. Наук, под ред. А. Х. Востокова. С. 6., 1852.

⁵ Имеется в виду, вероятно, публикация „Великорусские песни. Из записок бакалавра Ричарда Джемса 1619—1620“ в „Изв. II Отд. Акад. Наук“, (т. I, 1852).

⁶ „Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий“ печатались регулярно в составе книжек „Изв. II Отд. Акад. Наук“, заполняясь словарными работами по различным языкам.

6

Н. Геров — И. И. Срезневскому

11 (23) сентября 1856. Петербург

Милостивый государь
Измаил Иванович!

По распоряжению высшего начальства я должен отправиться на службу в Болгарию, в город Филиппополь¹ и посему долгом считаю доложить Вам нижеследующее:

1) Отъезд мой за границу несколько не помешает мне продолжать составление Болгарского словаря, издаваемого в Прибавлениях к Известиям Второго Отделения императорской Академии Наук,² тем более, что при назначении меня начальство имело в виду мои занятия по этой части.

2) Продолжение Словаря я буду присылать в Отделение через Азиатский департамент Министерства иностранных дел, о чем уже получил разрешение.

3) Корректуру может держать мой брат, Константин Геров, который поступает теперь в Московский университет, если можно посылать ее к нему в Москву. Адрес его я буду иметь честь прислать Вам из Москвы.

4) Для предупреждения всех случайностей, могущих причинить уничтожение известных уже вам материялов, из которых я составляю Болгарский словарь, и сделать окончание его невозможным, я прилагаю при сем книгу, в которой записаны эти материялы, и покорнейше прошу Вас передать ее для хранения в Отделение. Если по какому-нибудь непредвиденному случаю составление Словаря не будет окончено мною, то по этой книге может продолжать оное вышеупомянутый мой брат.

5) Присылку продолжения Словаря начну с начала будущего 1857 года, а до тех пор займусь только Русско-болгарским словарем, печатание которого уже началось в Москве, для того чтобы вести составление обоих Словарей параллельно. Первый лист Русско-болгарского словаря, уже отпечатанный, буду иметь честь прислать Вам из Москвы.³

6) Для получения вознаграждения, которое Отделение благоволило назначить мне за составление Болгарского словаря, я сделаю в свое время надлежащее распоряжение.

При сем позвольте мне, милостивый государь, обратиться со всепокорнейшею просьбою к Вам.

1) испросить разрешение Отделения выдать мне из типографии сто экземпляров из отдельно печатаемых на мой счет отисков Словаря для отвозения их в Болгарию.

2) Исходатайствовать у Отделения издания его для Болгарского училища св. Кирилла и Мефодия в Филиппополе.⁴

3) Позволить мне сообщать в Отделение то, что будет открыто мною в Болгарии по части старо-славянской письменности.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою

Н. Геров.

С.-Петербург
11 сентября 1856

Ф. 210, оп. 5, № 169.

¹ Учившийся в России и принявший русское подданство в 1846 г. Н. Геров был учителем в Болгарии, затем состоял на русской дипломатической службе. Он был назначен вице-консулом в Пловдив (Филиппополь), где было впервые открыто русское консульство.

² В 1855 г. Геров передал Срезневскому собранные им лингвистические материалы по болгарскому языку. Отделение русского языка и словесности предложило ему составить словарь болгарского языка, который и был напечатан (буквы А—В) в „Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий“ (Изв. II Отд. Акад. Наук, т. V, 1856).

³ Проекты русско-болгарского словаря Герова, так же как и болгарско-русского Жинзифова (см. письмо Жинзифова — Срезневскому, № 21), связанные с московским кружком болгар, не были осуществлены.

⁴ Это четырехклассное училище с преподаванием на болгарском языке было основано Н. Геровым в 1849 г. в Филиппополе, в центре византийского церковного засилья; деятельность его имела большое влияние на развитие борьбы за церковную самостоятельность Болгарии.

7

В. А. Мацеевский — Академии Наук

6 (18) февраля 1857. Варшава

Do grona mężów uczonych i dostojnych akademią nauk cesarską w St. Petersburgu składających!

Raczyliście łaskawie uczeni i dostojni mężowie na posiedzeniu swem dnia 29. Grudnia roku 1856 odbytem obrać mnie członkiem — korespondentem swojego zgromadzenia, i wydany przez siebie w formie urzędowej dyplom, pocztą nadesłać mi nie omieszkaliście, który też w zeszłym miesiącu roku bieżącego odebrałem. Serdecznie Wam za ten wyświadczony sobie zaszczyt dziękuję, i tem więcej go cenię, gdy na dyplomie znalazłem własnoręczny podpis męża, pod którego głównym sterem ważne się prace dla słowiańskiego prawa głównym badań mych naukowych celem będącego przygotowują. Wydawanego od siebie o historyi tegoż prawodawstwa dzieła dwa pierwsze tomy przesyłając Wam z przyrzeczeniem nadsyłania reszty w miarę jak z druku wychodzić będą, pokornie proszę przyjąć z tą życzliwością, z jaką go Wam przesyłam, jako słaby dowód wdzięczności swej za wielki dar, który, powtarzam to z całą szczerością serca, nader sobie wysoko cenię.

Przyjmijcie wyraz najgłębszego szacunku wysoko cenieni dostojni mężowie

od nowego kolegi swego

Wacława Aleksandra Maciejowskiego,
doktora prawa, profesora i byłego urzędnika rządowego
Królestwa Polskiego.

Pisałem w Warszawie dn. 6/18 lutego 1858*.

Ф. 9, оп. 1, № 209.

* Подлинник ошибочно датирован 1858 г.

Перевод

Ученым и достойным мужам, составляющим
имп. Академию Наук в С.-Петербурге!

Вы были так любезны, ученые и достойные мужи, на своем заседании 29 декабря 1856 года избрать меня членом-корреспондентом своего собрания и не преминули выслать мне по почте выданный Вами в официальной форме диплом, который я получил в прошлом месяце текущего года. Сердечно благодарю Вас за эту оказанную мне честь и ценю ее тем более, что на этом дипломе я нахожу собственноручную подпись мужа, под главным руководством которого готовятся труды важные для славянского права,¹ являющегося главной целью моих научных исследований. Пересылая Вам два первые тома издаваемого мною труда по истории этого законодательства с обещанием присылать остальные по мере выхода их из печати,² покорно прошу принять их с таким же расположением, с каким я Вам их посылаю в качестве слабого доказательства своей благодарности за высокий дар, который, повторяю со всей сердечной искренностью, чрезвычайно высоко ценю.

Примите выражение глубокого уважения,
высокопочитаемые достойные мужи,
от нового своего коллеги
Вацлава Александра Мацеевского,
доктора права, профессора и бывшего государственного чиновника
Царства польского.

Писано в Варшаве 6/18 февраля 1858.

¹ Имеется в виду президент Академии Д. Н. Блудов, оказавший помощь Мацеевскому в исхлодательствовании средств на издание его труда (см. прим. 2 к письму 4).

² Второе издание „Historya prawodawstw słowiańskich“ вышло в Варшаве в 1856—1865 гг. Перевод первого тома издан Обществом истории и древностей российских в 1858 г.

8

Проект программы Истории Болгарии, составленный
Комиссией Академии Наук

1857. Петербург

Программа задачи на премию о болгарской истории.¹
Скончавшийся в 1847 году болгарский патриот Василий Априлов отказал в духовном своем завещании сумму в 2000 рублей серебром „для написания (на русском языке) полной и подробной Истории Болгар, с примечаниями и ссылками“. Побуждаемые желанием, чтобы это распоряжение завещателя осуществилось, душеприкащики его передали все это дело императорской Академии Наук, предоставив ей принять надлежащие меры на тот конец, чтобы оказанная работа состоялась. Академия с своей стороны, убежденная в том, что основательная история Болгарии не только восполнит собою ощутительный пробел в науке вообще, но и удовлетворит также действительной потребности отечественного историка, не поколебалась принять

на себя это почетное поручение и готова, сколько от нее зависит, содействовать тому, кто возьмется за этот предмет, к совершенному труду в пользу науки.

Относительно к разработке предмета Академия требует, чтобы она вполне была основана на тщательном изучении источников и чтобы в ней постоянно принимались в соображение, будет ли то в примечаниях, или в виде прибавлений к тексту самого изложения, все предшествовавшие по этому предмету работы большего или меньшего объема. Посему сочинение должно необходимо начинаться исчислением источников, определением времени, к которому они относятся, и оценкою главнейших из них. Хотя и не вменяется в неперемное условие, чтобы составитель пользовался также еще не напечатанными источниками и грамотами по части Болгарской истории, однако желательно, чтобы в главе об источниках сообщены были, по мере возможности, также известия о них. Затем к главе об источниках следует еще присовокупить критический взгляд на прежнюю разработку Болгарской истории, как в целом, так и в отдельных монографиях.

Что касается пределов задачи, достаточно заметить, что История болгар должна начинаться с того времени, когда имя их впервые появляется в европейских источниках, т. е. около 480 года, и быть доведена до той поры, когда совершенно исчезло так называемое второе Болгарское царство после битвы на Коссовском поле (1389 г.).

По нынешнему состоянию Болгарской истории как науки и при разбросанности отдельных сведений о болгарях весьма желательно, чтобы в примечаниях вполне приводимы были в подлинном тексте те сведения или источники, которые или мало доступны, или толкуемы различно. Это необходимо особенно там, где отдельные важные или сомнительные вопросы требуют критической проверки относящихся к ним сведений.

Академия считает за нужное в особенности препоручить вниманию разработывателя следующие пункты:

1) Народность языческих болгар и отношение их с одной стороны к гуннам и к волжским болгарам, а с другой к славянам.

2) Этнографическое исследование народонаселения Болгарского царства, первого и второго, в отношении к общественному быту и к политическому устройству, между прочим исследование о значении элементов ромынского, греческого и албанского.

3) Происхождение славянского богослужения в той мере, как оно должно войти в состав истории болгар.

4) Исследование о пределах первого и второго Болгарских царств по ту сторону Дуная. Полная и совершенно исощающая предмет свой обработка исторической географии Болгарии конечно может составиться только на основании местных исследований; однако иные отдельные географические вопросы требуют со стороны воздвигателя Болгарской истории самого внимательного рассмотрения.

5) Хронологию событий, за недостатком источников, конечно, местами можно установить только приблизительно; но за всем тем желательно по многим причинам, чтобы в конце сочинения была приложена краткая хронологическая таблица всех как исследованных окончательно, так и других упомянутых в самом сочинении событий.

6) Необходимо также составить генеалогические таблицы для наглядного изображения родства болгарских царей с владетельными и боярскими домами Византии, Сербии, России и т. д., всякий раз с указанием источников.

Относительно некоторых других предметов, которые не должны быть оставлены без исследования в истории болгар, Академия допускает некоторые облегчения. Конечно, нельзя не желать, чтобы в полную Историю болгар включена была также тщательно обработанная история церковно-славянской литературы; но это при множестве церковно-славянских рукописей и при их разбросанности покамест исполнимо только в некоторой степени. Но за всем тем необходимо, чтобы в требуемой Истории болгар, по крайней мере, начертан был основанный на положительном изучении очерк истории древне- и средне-славянской письменности, в той мере, как это возможно при нынешнем недостатке предуготовительных к тому работ, и в этом очерке не должны быть опущены без упоминания те лица, которые сделали известными как переводчики, авторы или споспешествователи литературы. Строго лингвистического разбора древнеболгарских рукописей не требуется, потому что это — работа сама по себе.

С разысканиями о болгарском отделе церковно-славянской литературы в некотором отношении неразлучно сопряжена история Болгарской церкви. Академия уверена в том, что этот отдел Болгарской истории пока еще не может быть обработан удовлетворительным образом, потому что еще не изданы в свет все сюда относящиеся документы. Несмотря на это, она настаивает на том, чтобы хотя скольконибудь была пояснена история Болгарской церкви и чтобы при этом обращено было надлежащее внимание на географическое пространство болгарских епископств и на отношения Болгарской иерархии как к Византии, так и к соседственным странам. Ближайшего рассмотрения заслуживают также возникшие в средние века в Болгарии расколы богомилов и другие гностические или новоманихейские секты и т. д., а равно воследовавшее их в другие страны распространение. Наконец, в главе о Болгарской церкви следует подвергнуть рачительному исследованию еще вопрос об участии болгарского духовенства при введении и распространении в России христианства и церковно-славянской литературы.

На счет же истории внутреннего политического и общественного быта Болгарии в средних веках излишне было бы постановить высокие требования, потому что они не могут быть выполнены за скудостью источников. Но все же нужно, по возможности, собрать во едино те немногие сведения, какие имеются на лицо, о гражданском и военном устройстве языческих и христианских болгар царства первого и второго и прочих их политических учреждениях и обычаях, о торговой их деятельности, о монетах и т. д.

Академия не скрывает от себя что обработка „полной и подробной Истории Болгар с примечаниями и ссылками“, соответственно нынешнему состоянию науки, не может быть исполнена в короткое время и что не легко найти соединенными в одном и том же лице все филологические познания, требующиеся для совершения такой работы, а посему, если, вопреки всем сделанным ею облегчениям и обещаемому ею содействию, не найдется отдельного лица, которое приняло бы на себя разрешение задачи в полном ее объеме, то Академия готова поручить обработку отдельных ее частей тому или другому ученому и дать ему соразмерное за то вознаграждение, лишь бы тем со временем осуществилось прекрасное желание завещателя.

Так как душеприкащики покойного Априлова предоставили Академии заявить сие распоряжение этим делом Академии и уже вручили ей

завещанную сумму, то Академия сим вызывает отечественных ученых, которые захотят приняться за эту работу, обращаться на этот конец к неперменному ее секретарю.

Подписали: Н. Устрялов, А. Куник, А. Никигенко, И. Срезневский, М. Коркунов.

С подлинным верно: академик Н. Устрялов.

Ф. 2, оп. 1856, № 19.

¹ Этот проект программы был выработан комиссией, избранной Общим собранием Академии Наук 22 декабря 1856 г., в ответ на вопрос, сделанный через епископа херсонского Инокентия (в письме президенту Д. Н. Блудову от 10 декабря 1856 г.), о возможности назначения конкурса на премию В. Априлова. Проект исходит из предположения, что руководство этим делом перейдет к Академии Наук. Вопрос обсуждался в Общем собрании 1 марта и 3 мая 1857 г., и было одобрено мнение Комиссии о том, что следует предварительно предоставить ученым разработать отдельные части болгарской истории и издать их в виде подготовительных работ для полной и основательной Истории Болгар.

9

А. Ф. Гильфердинг — И. И. Срезневскому

28 августа (9 сентября) 1857. Сараево

Сараево, 28 августа 1857.

Милостивый государь

Измаил Иванович!

Я в долгу у императорской Академии, которая удостоила меня избрания в члены-корреспонденты по Отделению русского языка и словесности; в долгу и перед Вами, которые вероятно подумали, что я бросил или отложил свои занятия по славянской части. Не вините меня: давно хотелось мне прислать Вам что-нибудь и напомнить Вам о своем существовании, но разные заботы помешали. Я попал в славянскую часть Турции¹ и томился желанием объехать эту страну, так мало еще исследованную. Желание мое исполнилось. Я только что возвратился из поездки, в которую посетил Баньский монастырь под Старым Влахом, Новый Пазар с развалинами Сопочан и с монастырем св. Петра Коришского у Ибра, монастырь св. Иоанникия Девичского, Печскую патриархию, Дечане, Придрек с окрестными монастырями, обитель Грачаницу на Косовом поле, а на возвратном пути монастырь св. Троицы в Плевлях (Таслидже), недавно запустевшие обители Доволе и св. архангела Михаила на Таре и, наконец, большой монастырь Пиву в Дробняках. Рукописей вывез отсюда порядочный груз, в том числе 21 пергаменная. Разумеется, большая часть богословского содержания, но есть и некоторые неизвестные еще исторические памятники. Грамот (хрисовул) старинных нигде не видал, кроме как в Дечанском монастыре, где хранится прекрасно сбереженная подлинная дарственная запись св. Стефана Дечанского, 1323 г., изданная, но с бесчисленными ошибками, в книге „Дечански Првенац“ (у Новом Саду 1852).² Другая дарственная запись того же короля, 1322 года, покрывает целую стену в алтаре монастыря Грачаницы близ Приштины. И та, и другая весьма замеча-

тельны; их списал временный спутник мой в этой поездке, серб г. Стефан Веркович; я пришло их Вам от его имени для помещения в „Известия“.³

Скажу Вам несколько слов об этом человеке и уверен, что Вы поблагодарите меня за то, что я пригласил его быть сотрудником изданий, печатаемых императорскою Академиею на пользу славянской филологии и истории. Г. Веркович уже шесть лет странствует по Турции из бескорыстной любви к науке. Он первоначально посвятил себя почти исключительно нумизматике южно-славянских государств; до него эта отрасль нумизматики почти не существовала; теперь, благодаря его трудам, мы знаем монеты каждого почти южно-славянского владетеля (кроме древнейших болгарских государей, монеты которых, сколько мне известно, еще не открыты). Г. Верковичу обязано Белградское общество словесности большею частью монет сербских и болгарских, которые г. Янко Шафарик описал в „Гласнике“, в своих прекрасных статьях о нумизматике.⁴ Кроме монет, уступленных этому Обществу, г. Веркович составил себе богатое собрание греческих, римских, византийских и славянских монет: оно хранится у него в Серресе и ожидает покупателя. Недавно нумизматические труды его увенчались находкою давно искомой монеты королевича Марка, существование которой составляет важный исторический факт.

С нумизматическими поисками все более и более развивалась в г. Верковиче охота к изысканию древних памятников письменности. Многие удалось ему открыть; еще больше, можно надеяться, найдет он в диком крае, в котором никто из ученых еще не бывал, и куда он теперь отправился, именно в Албанских „Дибрах“ и в окрестностях Эльбассана и Каваяи.

Я просил его сообщать важнейшие свои находки по части древней славянской словесности и истории во II-е Отделение императорской Академии и уверил его, что Отделение это не преминет удостоить его полезные труды приличного вознаграждения, в котором он нуждается тем более, что находится в крайней бедности. На первый раз г. Веркович передал мне, для пересылки Вам, небольшую статью, в которой Вы найдете несколько замечательных памятников Душановой эпохи. Прилагаю эту статью к моему письму⁵ и покорнейше прошу Вас, если она будет издана, немедленно выслать гонорарий г. Верковичу на мой адрес: скорое получение этого вспомошествования даст ему возможность продолжать ученые поездки, от которых он иначе, вероятно, принужден бы был отказаться по недостатку средств. [...]

Ф. 216, оп. 5, № 180.

¹ В 1856 г. Гильфердинг был назначен русским консулом в Боснию и Герцеговину, с резиденцией в Сараеве, где пробыл 3 года. Свои поездки по малоисследованным местам турецкой Сербии он описал в статье „Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии“ (частью печаталась в „Русской Беседе“), опубликованной в составленном им сборнике „Босния, Герцеговина и Старая Сербия“ (Записки Русск. геогр. общ., СПб., 1859 и с небольшими дополнениями в Собр. соч., т. III, 1873).

² Описание Дечанского монастыря, сделанное иеромонахом Гедеоном Иосифом Юришичем.

³ Обе грамоты помещены в „Изв. II Отд. Акад. Наук“ (т. VII, 1858).

⁴ „Описаније свију досад познати српски новаца“ в „Гласник друштва српске словесности“, выходившем в Белграде в 1847—1858 гг. (т. III, 1351 и добавление в т. VII, 1855).

⁵ Это письмо Гильфердинга было напечатано Срезневским в „Изв. II Отд. Акад. Наук“ (т. VI, 1858); вместе с ним помещена и статья С. И. Верковича „Новые славянские находки в Македонии“.

А. Ф. Гильфердинг — И. И. Срезневскому

22 октября (3 ноября) 1858

Милостивый государь

Измаил Иванович!

Еще в бытность мою в Боснии писал я Вам о трудах и открытиях сербского археолога-путешественника г. Верковича. Некоторые из этих открытий удостоились издания в Известиях II Отделения Академии Наук. По Вашему совету, я указал ему на предмет, который он оставил в стороне, хотя имел более всякого другого случай обогатить им науку, именно на болгарские народные песни и сказки. Г. Веркович поспешил обратить и на них свое внимание, и плодом его усердия является сборник песен, записанных им в Серресе.¹ Часть этих песен и также сказка, приложенная им к этому сборнику, принадлежат к Велесскому краю в Македонии, другая часть суть песни собственно серресских болгар. По мере того как подвигаются труды наука, все далее и далее открывает она славян. Серресский край в самой Турции почитается всеми за чисто-греческую страну: и вот являются песни серресских болгар-простолудинов. Любопытны эти песни, которые показывают, в каком виде теперь звучит славянская речь почти у ворот Солуня, родины Кирилла и Мефодия, и я уверен, что Вы не откажетесь представить их просвещенному вниманию II Отделения императорской Академии.

Кроме этих песен (г. Веркович обещает продолжать свой сборник), он доставил мне список неизданной сербской грамоты, кажется 1292 года, две пергаменные рукописи и несколько материалов, весьма важных для истории славян. Посылаю Вам все это. Вы обратите, без сомнения, внимание на греческое житие сербского короля Иоанна Владимира († 1015). Москопольское издание, с которого оно списано, составляет такую редкость, что оно не было в руках даже у Шафарика и Миклошича. Но еще замечательнее сборник дарственных грамот сербского царя Стефана Душана монастырю Иоанна Предтечи в Меникионе близ Серреса (на греческом языке). Этот сборник, списанный г. Верковичем, драгоценен тем, что он представляет, можно сказать, целое административное дело времен Душановых. Г. Веркович желает, чтобы он был напечатан в одном из изданий Академии.

Из письма его ко мне Вы увидите, что он намеревался в будущем году продолжать свои путешествия и проникнуть в глубь Фессалии и Албании и что, останавливаемый в своих предприятиях недостатком денежных средств, он возлагает свои надежды на пособие из России. Вы употребите, я уверен, в его пользу свое ходатайство. Был бы грех непростительный, если бы человек, обрекающий себя на всевозможные труды, опасности и лишения, чтобы спасти и открыть для науки остатки славянской старины в Турции, не мог найти в русском ученом сословии материальной помощи, необходимой для успеха его предприятия.

С искреннейшим уважением и преданностью имею честь быть
Вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг.

22 октября 1858

Ф. 216, оп. 5, № 180.

¹ С. И. Веркович собрал в течение нескольких лет в южной Македонии большое количество болгарских песен, сказок и народных обычаев. Часть этих материалов была издана им в Белграде в 1860 г. — „Народне песме Македонски бугара. Скупно Стефан И. Верковић. Книга прва. Женске песме“. Часть их была впоследствии издана Болгарской Академией Наук в „Сборнике за народне умотворения, наука и книжнина“ (т. X, 1894); большая часть его материалов поступила в Библиотеку Академии Наук и была впоследствии издана П. А. Лавровым (Сборник Верковича. Народные песни македонских болгар. П., 1920). См. статью П. Лаврова об академическом рукописном сборнике Верковича в „Сборнике статей, посвященном почитателями В. И. Ламанскому“ (ч. II, 1903, стр. 1282—1350). Деятельность Верковича в середине 60-х гг отклонилась от пути собирания подлинных народных песен, и он сделался невольным творцом и жертвой мистификации — пресловутой „Веда словена“. (Об этом см. статью И Шинманова „Glück und Ende einer berühmten literarischen Mystification: «Веда словена»“. Archiv f. slav. Philologie, XXV, 1903).

11

А. Н. Пыпин — В. И. Ламанскому

10 (22) ноября 1858. Прага

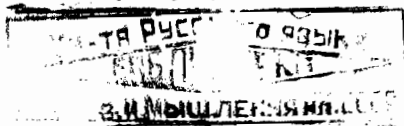
22 ноября 1858.

Сия башня каждое утро представляется моему взору,* когда я отправляюсь после завтрака в Народный музей, находящийся очень недалеко от меня, на Коловратской улице, той самой, которая на картинке идет налево. Я приехал в Прагу неделю тому назад,¹ утром, после путешествия целой ночи. Выехавши из Вены вечером часу в восьмом, я приехал сюда на другое утро часу в девятом и, конечно, ничего не видел. С вечера, по особенному гулу поезда, я слышал, что мы проезжаем туннели, перерезывающие моравские и чешские горы; в темноте нельзя было отличить никакого окрестного вида, притом все лежало в снегу, который смешивал все в одну безразличную массу. Таким образом и здесь, как на дороге от Триеста до Вены, для меня пропал вид славянской земли; только один маленький городок перед Прагой я видел утром, проснувшись от беспокойного сна; длинные заборы и пустоши напомнили мне любезное отечество.

Прежде чем буду говорить о Праге, несколько слов о Вене, где я прожил недели полторы. Всею своею наружностью Вена произвела на меня гнусное впечатление, которое Вы можете понять, впечатление австрийской столицы; оно осталось у меня до самого выезда. Все мелочи и житейские подробности соединились для этого впечатления: утром вы идете в кафе, видите кучу австрийских Militärs в белых куцых мундирах и зеленых штанах, или в этом роде, с пошлыми физиономиями; за кофеем вам подадут множество разных österreichischen Zeitungen, в которых то и дело трактуется об S. Apostolomagistät, что очень скучно; обедаете опять с Militärs; в театре видите плохие оперы, пошлые водевили, безвкусные трагедии и т. д., и т. д. Мне решительно ничто не нравилось, даже Нестрой, имя которого вы, конечно, знаете. Нестрой забавен, правда, но без широкого таланта; Мартынов несрав-

*Гравюра на почтовой бумаге изображает „Der Pulverturm“.

² Документы к истории славяноведения

ненно разнообразнее и веселее. С славянами я встретился у Раевского, которого, помните, вы видели кажется у Срезневского. Он рассказал мне славянские и русские новости, у него я видел объявление о славянской конторе;² в рукописном извещении о ней я видел ваше имя. Из славянской молодежи я видел у него серба Станковича, который занимается духовной музыкой и исследует ее в народных источниках; другого господина, писавшего, как мне писал Раевский, статьи о Боснии в „Норде“. Раевский сильно хлопочет для „Беседы“ и „Паруса“, но дело кажется идет довольно медленно. Я познакомился и с Миклошичем, был у него на лекции в университете (он переводил со своими студентами на немецкий свои сербские памятники) — слушатели его исключительно, славяне, сербы, чехи. Читает он хорошо. В Вене он довольно известен; славянофилы здешние его не совсем любят (напр. Ганка и др.). Миклошич действительно держится как-то отдаленно; они называют его гордым человеком. Известные Вам намеки на его отношение к Копитару я слышал и здесь, но не придаю им ни малейшего значения. Один вечер у Раевского мы проболтали и проиграли с Богдановой, которая восхищает венских славян: они усердно аплодировали ей в театре и чувствуют сильную симпатию к „славянскому“ дарованию.

В Прагу я отправился вместе с Раевским, который ехал в Берлин, чтобы на возвратном пути завернуть и в Прагу, опять для славянской конторы, которой он очень радует. Первый визит, конечно, был сделан Ганке. Мне была уже известна по портретам его физиономия, но я не ожидал найти столько добродушного и немного комического старика. Он очень жив, несмотря на свои почти семьдесят лет, всегда хлопочет в своем музее.³ Он повел показывать нам (т. е. мне и моему спутнику Утину) достопримечательности своего музея, которым он очень радуется. Вечером мы пошли с ним в „мещанскую беседу“,⁴ где встретили толпу чехов, наиболее престарелых, писателей, музыкантов, простых игроков на бильярде, истребителей местного пива и т. д. В разные дни я видел и познакомился здесь с Пуркиней, Эрбеном и некоторыми юношами.

Начинаю отвечать Вам на Ваши вопросы. Пуркиня очень стар, и из таких стариков, с которыми, кажется, не скоро разговоришься серьезно; Эрбен также не молод, седой и весьма милый господин; Ганка — добродушнейшее существо в уморительном парике, который Утин очень метко сравнил с первобытной шкуркой, ободранной с молодого теленка. У Шафарика был раз еще только в университетской библиотеке; он показался мне очень болезненным стариком; разговор его весьма поучителен. Про него говорят, что он будто бы уже начинает путаться, но я желал бы, чтобы многие так путались. Палацкого еще не видел.

Ганка великий патриот. Раз Раевский (вернувшийся из Берлина) начал шутить над его открытиями, доказывающими древнее православие чехов, уже не существующее, Ганка пришел в азарт и весьма удачно сказал: да что же делать, — вы только „избавьте нас от лукавого“, мы на другой же день опять будем православные. Впрочем, Ганка человек не такого рода, чтобы мог иметь школу и последователей; он стоит одиночкой между молодым поколением, которое решительно не имеет главы и предоставлено самому себе. Сколько я до сих пор имел возможности узнать его, в нем есть те же разделения как у нас: есть свои славянофилы, не сомневающиеся в великой будущности славян и т. д., проникнутые великой любовью к единоплеменникам разных названий, но это люди, думающие не умом, а чувством, надеющиеся того, на что невозможно надеяться. Есть и другая сторона — чешские западники,

между которыми назову, например, вероятно известного вам Вацлика. Он издал недавно книжку: *La souveraineté du Monténégro etc.*⁵ Это весьма умный и талантливый молодой человек; он очень понравился мне с первого раза. Вацлик довольно много путешествовал, ходил по Сербии, Герцеговине и Черногории, знает хорошо тамошние обстоятельства и также хорошо знает все чешские дела, знаком с русской литературой и т. д. Как говорит, он „учится писать“ в журнале Гавличка.⁶ Вацлик нисколько не славянофил; он не любит своих мечтающих соотечественников и обвиняет их в непрактичности и в непонимании своего положения; в отношении к русским он ставит себя, т. е. чехов, как народ с большим развитием цивилизации, и выводит из этого надлежащие следствия. Я спрашивал его о „Русской Беседе“: он, хотя и не соглашается с нашими московскими писателями, но думает, что „для такого великого народа, как русский“ можно допустить и такие великие увлечения и иллюзии (это его слово); он не понимает народности в науке и других вещей, проповедуемых „Русской Беседой“. В то же время он не любит „Современника“ страшно и говорит, что там много „глупостей“. Я это объясняю тем, что ему внутренние обстоятельства нашей литературы мало известны; например, Тургенева он понимает только в „Рассказах охотника“, а остальные вещи кажутся ему французскими: по их собственной повествовательной литературе ему кажется, что все подобные вещи должны быть написаны народным языком. Я еще не успел объяснить ему, что у нас уже мало одного народного языка, когда заходит дело о жизни высшего класса общества. Для меня любопытно было его мнение о Петре Великом: он думает, что Петр наделал России много вреда и должен был бы начать не с учреждения академии и корпусов, а с заведения школ для народа. [...]

Прага как город чрезвычайно мила; я очень жалею, что мне пришлось увидеть ее зимой в снегу, летом она должна быть удивительно хороша, с высоким берегом реки, Градчином, монастырями на горе, великолепным мостом (гораздо лучше римского *S. Angelo*), уставленным множеством статуй, с оригинальными башнями и пр. Но теперь, скажу Вам правду, Прага, наполненная, по случаю праздника Радецкого,⁷ австрийскими *Militärs*, произвела на меня печальное впечатление; куда ни повернешься — немцы, город как будто завоеванный. Был в театре: давали довольно некстати трагедию из жизни Помпадур; вид публики, густо набившей театр, был странен: в ложах, глаза, привыкшие всегда видеть хорошенькие лица, более или менее красиво одетые, не могли найти этой отборной публики. Ганка, как будто заметивший мое удивление, сказал: да ведь у нас дворянство не бывает в чешском театре. Чешские спектакли позволяют только раз в неделю, и то от половины 4-го до семи, чтобы не помешать немецкому спектаклю. Актеры большеинство — посредственность, даже большая посредственность. Пишите мне скорее; я буду еще писать вам о Праге и побольше. Вы хотите иметь портреты; достать их можно; пришлите только денег, которых у меня теперь нет; это можете сделать через Чернышевского. Да скажите Чернышевскому, чтобы он пересылал мне сюда скорее Шлоссера;⁸ я пошлю отсюда к старику в Гейдельберг; надо торопиться, старик очень плох. Прощайте, милый Владимир Иванович. Я письмо написал Вам вздорным образом, торопился (потому что его повезет Утин в Лейпциг, чтоб оно не ездило в Вену) и вышло коротко и странно. Присылайте Вашу диссертацию. Ваши книжки я отдал Ганке и Шафарыку. Надо послать еще Кукулевичу — жалею, что не был в Аграме. До сви-

данья. Я остаюсь здесь по крайней мере до половины января. Напишите о начале Ваших лекций: от всей души желаю вам начать и продолжать их со всем успехом внешним и внутренним, какой только возможен.

Ваш Алек. Пыпин.

Ф. 35, оп. 1, № 1187.

¹ Во время своей заграничной командировки магистр русской словесности А. Н. Пыпин в ряде статей ознакомил русское общество с историей чешского литературного возрождения, его деятелями и общественно-политической жизнью Праги. (Два месяца в Праге. „Современник“, 1859, №№ 3, 4; Из Праги, там же, 1860, № 4; Вячеслав Ганка, там же, 1861, № 3). О своих славянских впечатлениях вспоминает он также в автобиографических заметках, продиктованных в 1900—1904 гг. (Мои заметки. М., 1910).

² Настоятель русской посольской церкви в Вене славянофил М. Ф. Раевский в 50—60-х гг. играл выдающуюся роль в русско-славянском научном и культурном общении, отмечаемую многими русскими и славистами. „Славянская контора“ за границей была делом редактора „Русской Беседы“ И. С. Аксакова и имела задачей популяризацию и распространение славянофильской печати. (См. переписку И. С. Аксакова с В. И. Ламанским. „Русская мысль“, 1916, № 9).

³ Пыпин рассказал в „Современнике“ историю основания в 1818 г. чешского Народного Музея, центральной ячейки национального литературного движения.

⁴ Чешский клуб в Праге, основанный в 1846 г.

⁵ *La Souveraineté du Monténégro et le droit des gens modernes de l'Europe*, par Jean Vascilik. Paris — Leipzig, 1858.

⁶ Журнал Гавличка — „Národní poviny“, выходивший в 1848—1849 гг. в Праге и запрещенный австрийским правительством, по словам Пыпина, оставался „до сих пор любимым, хотя и запрещенным чтением“ чехов.

⁷ Открытие памятника известному австрийскому фельдмаршалу, чеху Иосифу Радецкому.

⁸ Идет речь о русском переводе „Истории XVIII столетия до падения Французской империи“ Ф. Шлоссера, под ред. Н. Г. Чернышевского, в 8 томах; первые 3 тома вышли в Петербурге в 1858 г. В своих воспоминаниях Пыпин рассказывает, что посетил Шлоссера.

12

А. Н. Пыпин — В. И. Ламанскому

7 (19) декабря 1858. Прага

Прага, 19 декабря 1858.

Дорогой мой Владимир Иванович! Тотчас почти по приезде в Прагу я писал вам, так что теперь мог бы иметь уже ответ, но его нет до сих пор. На днях получил только об вас маленькие сведения от Ососова из Флоренции. Что вы ничего не пишете? Я в последнее время как-то получаю все коротенькие письма, и они вовсе не удовлетворяют моему желанию знать побольше о тех, кого я искренно люблю и кого иногда сильно хочется повидать. Со временем и вы поедете за границу и испытаете это немного тоскливое чувство, которое нападает иногда на путешественника, несмотря на разнообразные и, так сказать, трескучие впечатления его жизни. Это чувство приходит, когда остаешься один и когда начинают наскучать новые знакомые, — все-таки чужие.

Я уже второй месяц в Праге, ко многому присмотрелся, видел много любопытных людей, видел интересные вещи: вообще, все это,

взятое вместе, довольно печально. Я ожидал найти больше в Праге, думал найти живое движение,¹ хотя и сдавленное, но, как мне кажется, по крайней мере до сих пор, этого живого движения очень мало; люди разьединены, серьезного труда нет; всякой решительной, даже просто несколько смелой попытки выразить свою мысль боятся и отдают на произвол своих надсмотрщиков. Фигура захавшего сюда Бартенева (как вы знаете, он вроде *reisenden Commis* „Русской Беседы“) еще яснее показывала мне положение вопроса. Мы много с ним говорили и, как вы можете представить, беспрестанно не соглашались, хотя он находил, что я очень славянофил для западника (извините за западничское выражение): это вы вероятно знаете. Для меня собственно славянская часть славянофильского вопроса была всегда предметом большого интереса и сочувствия, вам это известно; здесь я не мог не увлечься этим сочувствием еще далее обыкновенного, но, быть может от того, что я много желаю, мне кажется очень неудовлетворительным то, что находишь здесь.

До сих пор остается здесь... не знаю, что остается, потому что пришел Ганка и я не успел дописать фразу, а потом забыл. Впрочем, едва ли сам Ганка не был тем, о чем я хотел говорить. Вы слышали уже без сомнения о новой полемике по поводу Краледворской рукописи?² Она не кончается до сих пор; разные ученые — Палацкий, Станек, Гаттала, Иречек (*Jireček*) продолжают писать опровержения против гнусных статей „*Tagesbote aus Böhmen*“; в театре Коллар, лучший здешний актер, декламировал Ярослава,³ при чем представлены были прекрасные живые картины, едва впрочем не запрещенные полицией: вдруг разносится слух, что первая причина полемики, враг, нападавший на лучший памятник чешской старины — не немец, как думали, не еврей, а чех! мало того, чех-писатель! Ганка был совершенно обескуражен. Указывали имя, и вам весьма известное, имя редактора „Часописа“, секретаря Музея и Матицы,⁴ имя Небеского, который сам когда-то писал о Краледворской рукописи! Я не поверил этому с первого раза, но Небеский ходил словно в воду опущенный, и можно было дать волю подозрениям. Дело еще не объяснилось; но конечно объяснится, потому что Ганка давно уже подал официальную просьбу в уголовный суд на редактора *Tagesbote*, и этот должен будет объяснить происхождение оскорбительных статей. Небеский печатно вытребовал от этого редактора объяснение, что он, Небеский, не принимал в статье ни малейшего участия, — это так, но все-таки это было не даром, слух имел основание в той неурядице, которая разделяет чешский литературный и ученый круг. Небеского почти единогласно обвиняют в зложелательстве Ганке, в желании отстранить его от музея и занять его место. Молодежь далека от стариков и не совсем их любит; старики держатся особняком от молодежи — это разделение весьма грустно. Общими силами они могли бы делать прекрасные вещи.

У меня очень много знакомых, преимущественно между молодежью, разумеется. У Шафарика я был два раза, но его прием такой что называется сдержанный, что нет охоты ходить к нему чаще, — хотя бы это было очень поучительно, быть может. Мне вовсе не нравятся его официальные разговоры. Другое дело Ганка, Эрбен: этот последний весьма мил и его нельзя не полюбить с первого раза. Я выдаюсь часто с Ваг-ликом (он написал по-французски книгу о Черногории и приготовил несколько статей для „Беседы“), с Коларжем, чешским поэтом (переводившим между прочим кое-что и с русского), Лешетицким; знаю некоторых чешских музыкантов и художников и т. д. Отношения их к рус-

ским весьма дружеские и любезные, и с ними сходишься очень скоро; многие из них мне очень нравятся. Беда только, что это почти всегда народ бедный, который должен терять время на посторонние работы, — так что для серьезного труда остается мало досуга. Я уже не раз слышал здесь русскую музыку: Глинка, Варламов, Алябьев поются на концертах „Чешской беседы“. Я познакомился здесь с одной любезной „слечной“, которая пела в одном концерте лермонтовского „Ангела“; это тоже патриотка и славянофилка в своем роде. Она, например, неохотно говорит по-немецки [...]

Мои занятия относятся всего больше к новой чешской литературе, 48-му году, другими славянами здесь заниматься трудно, потому что мало новых книг. Я между прочим написал для „Часописа“ длинное письмо о новейшей русской литературе; другое столь же длинное пишется.⁵ Моя точка зрения не есть точка зрения „Беседы“, поэтому хорошо было бы, если бы, например, хоть вы написали о том же предмете, чтобы *audiatur et altera pars*. Славянофилы говорят о литературном общении, но сами ничего не хотят сделать для „Часописа“, как чехи уже сделали для „Беседы“. По-русски здесь читают, но все-таки мало, и наша литература известна им отрывочно; например об Аксаковом, Островском, Некрасове и многих других замечательных людях почти понятия не имеют. Знают только Пушкина, Лермонтова, Хомякова и Гоголя, отчасти Тургенева.

До свиданья, милый Владимир Иванович. Не сетуйте на меня за пессимизм; я бы душевно рад был от него отказаться; меня глубоко радует здесь все, в чем я вижу успех к лучшему; меня истинно тронуло патриотическое увлечение чехов Ярославом на сцене, как будто бы это было лично наше, русское дело, — но меня печалит вид нынешних обстоятельств, которые довольно трудны.

Прощайте, буду ждать вашего письма. До половины января, может быть до 25 н. ст. я еще в Праге. Потом поеду в Берлин.

Ваш Александр Пыпин.

P. S. Здесь очень помнят русских, которые бывали в Праге, — Гильфердинга, Катенина и т. д., но жалеют только, что русские, захавши домой, в Петербург, забывают о Праге и как-то не исполняют своих обещаний. Катенин хотел что-то прислать и не прислал; Гильфердинг кажется также.

Ф. 35, оп. 1, № 1137.

¹ Пыпин имел в виду широкое национально-освободительное движение за независимость Чехии, ярко проявившееся в 30—40-х гг. и достигшее высшего напряжения в 1848 г. Восторжествовавшая австрийская реакция ослабила это движение.

² В „Современнике“ Пыпин подробно рассказал историю этой полемики, вызванной политическим выпадом газеты „*Tagesbote aus Böhmen*“, где в статье анонимного автора отвергалась подлинность Краледворской и Зеленогорской рукописей и Ганка обвинялся в их фальсификации. Пыпин, вместе с большинством чешских ученых в это время, твердо стоял на неправильной позиции защиты подлинности этих рукописей. Как известно, процесс Ганки с редактором Кугом кончился оправданием Ганки. Подробные сведения о расследовании происхождения Зеленогорской рукописи в связи с этим процессом приведены также П. А. Лавровским — „Поездка в внутреннюю Чехию весной 1860“ в сборнике „Утро“, изд. М. П. Погодиным (М. 1868).

³ Название одной из поэм Краледворской рукописи.

⁴ Пыпин рассказал в своих статьях историю основания Чешской Матицы в 1830 г. и ее деятельности, объединившей в 1857 г. до 5000 членов. „Часопис чешского музея“ выходил с 1827 по 1922 г., сначала параллельно с одноименным немецким органом

Музея, с 1832 г. прекратившимся. Основатель и первый редактор Часописа — Палацкий; потом Шафарик (1838—1842), Небеский (1850—1861), Вртятко (1861—1864), Эмлер (1871—1905), Зябрт (1905—1922).

⁵ В „Часописе чешского музея“ появились следующие статьи Пыпина, „редактора «Современника»“: „Listy o ruské literatuře“ (1858,4), „Listy o nejnovější ruské literatuře“ (1859,1) и „Listy o nynější ruské literatuře“ (1859,2).

13

А. Н. Пыпин — В. И. Ламанскому

17 (29) января 1859. Берлин

Берлин, 29 января 1859.

Только теперь, в Берлине получил я письмо ваше, дорогой Владимир Иванович. Прежде всего я от всей души радуюсь, что ваше путешествие может наконец устроиться; я был бы до крайности рад увидеться с вами здесь и говорить с вами на месте о вещах, которые вас и меня одинаково занимают. Быть может все, что вы увидите здесь, изменит несколько ваши взгляды и вы извините то, что считаете моими ошибками. Дай бог, чтобы ваше путешествие устроилось теперь именно; мы бы с вами встретились. Начинаю теперь отвечать на ваши вопросы. Вы поняли, вероятно, что из Праги я не писал вам много потому, что не хотел ставить имен и т. п., чего пражане очень трусят: они боятся, что письма читаются. Вы не удовлетворены моим письмом потому ли, что оно коротко, или потому, что в нем видите вы мало сочувствия к Праге. Скажу вам совершенно искренно, что я оставил Прагу с сожалением; мне было тоскливо расставаться с моими приятелями, которых любил конечно не по одному личному пристрастию. Я успел войти в их интересы и не мог им не сочувствовать... Да и не было времени, когда я им не сочувствовал. Но что были некоторые вещи, которые возбуждали мой скептицизм, которые даже возмущали меня, в чешской литературной среде, это также правда. Я вам расскажу сколько можно, все по порядку.

Приехавши в Прагу, я прежде всего сошелся с Ганкой. Это очень старый человек, чрезвычайно любезный к русским, человек вовсе не талантливый, но трудолюбивый и его нельзя не уважать, несмотря на некоторые смешные его стороны. Я всегда оставался с ним в самых дружеских отношениях. В настоящее время занимается он изданием „Остатков славянского богослужения в чехах“¹ и изданием любопытного немецкого перевода Далимиловой хроники на немецкий язык,² еще из XIII, кажется, столетия. Ганка первый познакомил меня с Вацликом, у которого думал найти для меня квартиру (а не нашлось). Извините, мой милый Владимир Иванович, но меня неприятно поразили ваши резкие суждения о пражских людях (и между прочим о Вацлике), о которых вы едва ли можете судить, не видавши их. Я очень хорошо знаю здесь источник ваших приговоров и готов поспорить с этими „бывальми и порядочными людьми“, которых вы послушались. Ваши советы мне знакомиться с Эрбеном, Ганкой, Палацким пришли несколько поздно; я читаю их уже в Берлине, узнавши хорошо этих людей еще в Праге. Вам кажется мое знакомство с Вацликом неудачно; я, напротив, нахожу

его довольно удачным. Ригера я также знаю; Вртятку видывал, и не один раз, но как-то не проникнулся к нему подобающим уважением... (Между прочим, письмо это я пишу для вас только).

Другой визит мой был к Шафарику. Его ученые заслуги уважаю я может быть столько же, как и вы, и поторопился увидеть знаменитого человека. Это без сомнения человек очень обширного ума и сведений; разговор его очень назидателен, но он играет такую недоступную фигуру, что я с трудом заставлял себя пойти к нему во второй раз: он был столько же сух. Я надеялся от него большей любезности, тем больше, что с моей стороны изъявил ему свое уважение, приславши ему книгу, — о чем он только кстати вспомнил. Разумеется после двух визитов я оставил его в покое и последний раз был у него только перед отъездом: здесь он был уже как следует живым человеком, но жаль уж поздно. Не подумайте, что это мои только личные впечатления. Нисколько. Отчего же не знает его никто из пражской молодежи, отчего ни одна молодая душа не идет к нему, не ищет от него пользы, которую он, конечно, мог бы принести своими разговорами? А это факт. Спросите у „бывалых“ людей.

Утин, с которым я был первое время в Праге, отправился к Палацкому и вынес от него подобное впечатление. Это, признаюсь, замедлило мой визит; я вовсе не был намерен заниматься идолопоклонством и ходить свиде ельствовать свое почтение деревянным господам. Я познакомился с Палацким только в последнее время; он мне вообще понравился; он говорил гораздо прямее и открытее Шафарика. Оба они не нравились мне своим высокомерием относительно Ганки, человека все-таки почтенного, что бы они ни говорили. Один раз, в ученом их обществе, Шафарик возмутил меня своим неотесанным обращением с ненаходчивым Ганкой. Это также факт. Очень милый и умный юноша сын Шафарика, Войтех, недавно приехавший в Прагу из Геттингена и Берлина, где он штудировал химию: он издал говорят хорошую чешскую химию, которую послал русским ученым.

Эрбен — совершенно другого рода человек. К нему привязываешься с первого раза, и его я видел очень часто. Он занимается теперь приготовлением издания всеславянских сказок,³ хотя в умеренном объеме: он показывал мне свои материалы. Это будет замечательная вещь. Жаль, что слабые глаза не позволяют ему скоро кончить эту работу.

Ригер человек серьезный, с большими знаниями и опытностью. Он занимается чешским конверсацион-лексиконом, который уже скоро начнет печататься.⁴ Это будет очень важное приобретение для чешской литературы. Конечно, Ригер очень занят теперь словарем, но я не знаю, отчего он мало пишет: находит же он время переводить вздорные водевили для театра. Много видел я и знал других порядочных людей в Праге, например Rezaí, Křeji, Зеленый, Ярош и т. д. Молодежи я знаю не мало и многие мне очень нравятся. Нет сомнения, что к нам питают большую симпатию, любят нас, но знают нас очень мало. Русская литература представляется почти одной „Русской Беседой“; знают Тургенева, Гоголя, немножко Лермонтова, отчасти Пушкина и только; о новом понятии не имеют. Меня просили написать что-нибудь для „Часописа“ общее о новой русской литературе. Я написал два длинных письма, из которых одно (довольно скверно переведенное невинным Ганкой) уже напечатано в последней книжке „Часописа“ 58 г. Вы увидите там, что я должен был излагать дело довольно элементарным образом; это потому, что я должен был взять в расчет всеобщее неведение о русской литературе. Ни

одного русского журнала кроме „Беседы“ и „Современника“ (в редакции „Пражских Новин“)⁵ нет в целом городе. В письмах я должен был коснуться и так называемого славянофильства, потому что пражские читатели воображают, что „Беседа“ есть выражение мыслей всего литературного мира в России. Я старался объяснить им, что с славянофилами у нас вообще соглашаются, когда дело идет именно о славянах; так как в других вопросах согласия с славянофилами de facto не имеется (у писателей „Русского Вестника“, „Современника“ и т. д.); я должен был объяснить и это и сказать вместе с тем, что по нашим домашним вопросам мнения резко разделяются, большинство не на стороне „Русской Беседы“. Не знаю, как все это понравится вам — я думаю, что не совсем, — в таком случае не сердитесь на меня, а лучше напишите сами для „Часописа“ свою статью с вашими взглядами; это было бы для них очень хорошо. Зачем же до сих пор „Русская Беседа“, взявшая на себя славянскую монополию, не позаботилась связать действительных литературных сношений с чехами; зачем она не доставляет книг Музею или хоть изредка статей о русской литературе для „Часописа“. Редактор просил меня продолжать письма; теперь мне это неудобно сделать, но я назвал ему между прочим вас, чтобы он мог обратиться к вам с просьбой о подобной статье для „Музейника“. Вы без сомнения напишете. Просто позор, до какой степени не имеют понятия о новой литературе: вместо порядочных людей переводят Булгарина и подобную сволочь. Я сколько было возможности старался указать им хорошие вещи, для некоторых просто составил списки того, что следует переводить... Я пишу вам теперь еще под свежими пражскими впечатлениями, и если что покажется вам резко и неприятно, вспомните, милый Владимир Иванович, что я пишу это только вам, пишу, как в настоящую минуту думаю (и после вероятно буду думать), надеясь, что вы поймете как следует искренность. Меня возмущала в Праге „Русская Беседа“: эти люди, из которых многие бывали в Праге, видели чехов, — эти люди, вместо дела, вместо положительной помощи, угощают их своими теориями о великом славянстве, о вечности православия, о славянском превосходстве, вещах смешных, когда перейдешь от них к факту, увы! не столько блестящему. Чехам нужны книги, они народ бедный, — что же дала им „Беседа“? А она могла им дать. Я думаю было бы очень полезно прислать несколько новых книг, да и книг не только славянофильских; зачем же выставлять только себя? Ведь чехи читают только то, что им дают. Зачем же они прячут тех, кто говорит против них? Страшно — что ли? Что бы стоило этим господам, хвастающимся своей монополией, послать в Прагу хоть маленький выбор новой литературы. Как хотите, славянское литературное общение — шаг, почти достойный сатиры. Что же это за общение, когда буквально в целой Праге, кроме меня, не было человека, который был бы знаком сколько-нибудь с нашей новой литературой: а мы можем изучать друг друга только литературным путем. Когда вышла в „Revue de deux mondes“ статья Делаво о Некрасове,⁶ чехи спрашивают: что это за замечательный поэт ваш Некрасов? Мы и не слышали... Да, вообще, французам и немцам русская литература несравненно лучше известна, нежели чехам.

Чешская литература в последнее время сильно задавлена цензурой; в литературном мире царствует порядочная апатия. Впрочем и при нынешнем положении она имеет замечательные произведения. Вы знаете, например, „Живу“;⁷ начали выходить выпусками хорошие „Древности чешской земли“⁸ с текстом Миковца, издателя „Люмира“, очень порядочного.

беллетрического журнальчика.⁹ "Památky archeologické"¹⁰ несколько сухи, но хороши. Скоро выйдет великолепное иллюстрированное издание Кра*¹¹

Ф. 35, оп. 1, № 1187.

¹ Ostatky slovanského bohoslužení v Čechách. Praha, 1859.

² Гавка издал впервые „Dalimilova chronika česká“ в Праге в 1849 г., а ее немецкий перевод — „Dalimil's Chronik von Böhmen“ в Штутгарте в 1859 г.

³ K. J. Erben. Sto prstonárodných pohádek a pověstí slovanských v nářečích původních. Citanka slovanská. Praha, 1865.

⁴ Первый том Энциклопедического словаря — „Slovník naučný“ под ред. Ригера вышел в Праге в 1859 г.

⁵ Пражская газета, основанная в 1786 г.; под названием „Pražské Noviny“ выходила с 1824 г.

⁶ H. Delaveau. Un poète satirique en Russie — Nicolas Nekrasoff. Revue des deux mondes, t. 13, livraison du 15 Décembre 1858.

⁷ Živa. Časopis přírodnický (издание Чешской Матицы, популярно-научный журнал, под ред. Яна Пуркине и Яна Крейчего, 1853—1867).

⁸ Starožitnosti a památky země české. Nakresy od J. Hellicha a V. Kondlera. Popisuje F. B. Mikovec. Díl I—II, Praha, 1860—1864.

⁹ Lumír. Týdenník belletristický a archiv pro dějepis (выходил в Праге в 1851—1864 гг.).

¹⁰ Památky archeologické a mistopisné. Vydávané od archeologického sboru Musea království českého nakladem Matice české (издание выходило в Праге с 1855 г. под ред. К. В. Запа).

¹¹ Задуманное роскошное издание Краледворской рукописи, с иллюстрациями известного чешского художника И. Манеса было осуществлено только в 1887 г.

14

В. В. Ганка — В. И. Ламанскому

20 октября (1 ноября) 1859. Прага

Милостивый государь
Владимир Иванович!

Прежде всего примите мою душевную благодарность за присланные книги, хотя я не преминул сделать это в своем письме, которое может быть Вы получили недолго после отъезда г. Кунца. Я имел тоже удовольствие прочитать письма Ваши к г. Шрамку и узнал из них Ваши благородные чувства, которые внушили мне истинное уважение к Вам. Прошу покорнейше сообщить мое благодарение и г.г. Ососову, Мордовцовым, Костомарову, Чернышевскому и другим. При упомянутом благодарении я послал желаемую Вами статью о давних черепах д-ра Грегра, которую он написал по поводу книги д-ра Рециуса. Теперь же посылаю с г. Кунцом известия о сочинениях г-на д-ра Пуркине, которые тянутся через несколько книжек повременного издания „Живы“ и которые пополняет упомянутая книжка, где и помещена статья д-ра Грегра о черепах. Автобиографии, как мне сам профессор Пуркине сказал, нет.

Очень, очень трудно было приобрести словарь Риттерсберга,¹ ибо он, как Вам известно, сконфискован, и те, у которых он есть, не хотят расстаться с ним, но я хлопотал и не устал допоки не нашел и уговорил владетеля с тем, что непременно съящу позже для него другой экземпляр.

* Конец письма утрачен.

Вы пишете и посылаете пакетец про А. Ф. Гильфердинга, но его здесь нет и мне неизвестно где он, но явит ли он ся, это нам будет большое удовольствие передать ему Вашу посылочку.

За Ваш прекрасный подарок „О славянах в Малой Азии“² я Вас уже благодарил в упомянутом письме, передал экземпляры и Музею, и П. И. Шафарику, и Эрбену, и Нибескому, и они благодарят Вас, но экземпляр для г. Палацкого опоздал, и как он точно уехал в Ницу, то я его отдал зятю его, г. Ригеру, который мне сказал, что жена его, дочь Палацкого, через несколько дней поедет тоже в Ницу и вручит экземпляр отцу сама.

Достойнейшему братцу Вашему Евгению Ивановичу прошу покорнейше засвидетельствовать мое сердечное почтение и также и г-ну Ососову.

„Путешествие по Амуру“³ будет для меня новейшим наслаждением.

Пора бы было, чтоб явился уж человек, который бы искренно и усердно занялся торговлею славянских литературных произведений. Дай бог, чтоб удалось это г-ну Смоляру!

Много хотел я Вам еще писать, но пора кончить, некоторое скажет Вам г. Кунц.

Желая Вам всего благополучия и постоянного здоровья, остаюсь навсегда искренне преданным

Вам другом и почитателем

Вячеслав Ганка.

Прага $\frac{20 \text{ окт.}}{1 \text{ нояб.}}$ 1859.

Ф. 36, оп. 1, № 326.

¹ L. Rittersberg. Kapesní slovníček novinářský a konveršáční. Praha, 1850—1851.

² Магистерская диссертация В. И. Ламанского „О славянах в Малой Азии, Африке, и Испании“, отдельный оттиск из „Ученых записок II Отд. Акад. Наук“ (кн. 5,) 1859, с посвящением Францу Палацкому.

³ Вероятно, имеется в виду: Р. Маак. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества в 1855 г. тт., I—III и атлас. СПб., 1859.

15

Я. Э. Смоляр — II Отделению Академии Наук

19 октября (10 ноября) 1859. Петербург

Другему Вотѣиелену
Кнежорское Академии Навук в С. Петербургу.¹

В ъень 29 октября 1859.

Найподвольнише подписаны, в мьесѣи Будишине в Саксонии быдлядцы а вот там свое книжнэ вихование на вше строны розпристрейвайцы книгикупц Э. Е. Смолярь воброѣа со на Друге Вотѣиеление Кнежорское Академии Навук в С. Петербургу з тэй належнэй проству:

за бы его Туто за Своего книгикупца-коммиссионера поменовало а ему Свое вшеяке книги а списы по западнэй Европие розпредаваѣ доверило.

Вумиенения, под котрымжь мѡже со то стаѣь, су тайке:

1) Друге Вотѣиеление К. А. Н. сѣде в сподобных часах Свое книги Ј. Е. Смолярей на предань а то през его Петербургскаго комиссионара, книжкупца Д. Е. Кожанчикова.

2) Д. Е. Кожанчиков да не тайке книги, вот Другого Вотѣиеления К. А. Н. за Ј. Е. Смоляра достатѣ, надробнѣ „гесериссе“, застрахуе е вот шкоды а посѣле е потом Ј. Е. Смолярей, кижь за не застрахованне а порто ве своее капсы заплаѣи.

3) Для тутых вуложков, кажь тѣжь для книжкупскаго рабата повыши Ј. Е. Смолярь за западну Европу петербургску плаѣизну тайкиж книги во 30 процентов.

4) Ј. Е. Смолярь заплаѣи Другему Вотѣиелению К. А. Н. кѡждо-лиетное к І. Юния пенезы за Его розпредатѣ книги а приположи запис нерозпредатых або посѣле тутѣ книги самѣ наспет, ели со то жада-Ј. Е. Смолярь ма при вшием тием вше порто сам заплаѣиѣь.

5) Започатк Ј. Е. Смоляревего комиссионарства ма со в мѣсацу Маю 1860 стаѣь, скѡнчиѣь мѡже со вонѣ 12 мѣсацов по тым дню, на котрымжь е со пак вот Другого Вотѣиеления Кнежорское Академие Навук пак вот книжкупца Ј. Е. Смоляря вуповеѣило.

Ј. Е. Смолярь,
будышински книжкупц
в тѡн час в С. Петербургу.

Ф. 9, оп. 1, № 217.

¹ Ян Эрнест Смоляр, старейший деятель сербо-лужицкого национального возрождения, один из основателей сербской Матицы в Будишине в 1847 г., еще с начала 40-х г. связанный с русскими славистами через И. И. Срезневского (См. Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель 1839—1842. СПб., 1895), а в середине 50-х гг. чрез А. Ф. Гильфердинга (Записка члена сербо-лужицкой матицы 1873 г. Труды Института славяноведения, т. II, 1934), приехал в 1859 г. в Россию для сближения с русскими учеными кругами. Еще в 1858 г. он напечатал письмо в „Русской Беседе“ (т. IV) — „Голос заграничного книгопродавца об устройстве русской книжной торговли“; теперь он предложил II Отделению Академии Наук наладить взаимный обмен изданиями через его книжный магазин в Будишине, на что Общее собрание 4 сентября 1859 г. выразило согласие. Этим было вызвано настоящее письмо Смоляра, излагающее условия его комиссионерства.

16

Ф. Палацкий — В. И. Ламанскому

16 (28 марта) 1860. Ницца

w Nizze, 28 března 1860.

Ušlechtilý pane! Nehoršite ani nediwte se, že na wzácné a milé poslání Waše od 16 srpna m. v. dochází Wás tak pozdní odpověď. Wědomo Wám bude, že již w polowici měsíce září 1859 opustiw Prahu, neobdržel sem ani knihy ani psaní Wašeho, nežli zde w Nizze, když dcera má přijewši za mnau, přinesla mi je s sebou. Pak trwalo to drahný čas, nežli doptal sem se adresy Waší, aby psaní mé nezabloudilo snad na cestě.

Milý pane! Uznaw mne za hodna přípisu a oběti prwního učeného plodu swého, učinil ste mi před swětem welikau čest, za kterauž Wám swé upřímné a srdečné díky wzdawám.

Wyznám však, že jakkoli rád jsem osobními tomu od Wás wyzname-
nání, vždy ještě wyše wážím sobě té útěchy, kterau poskytuje mi we knize i
we psaní Wašem wyjew jarého ducha národního, wyjádření prawých sau-
citůw a ideí wšslowanských. Nemohu nezaplésati w srdci swém a nepro-
hlédati do budaucnosti nadějnější, když powážím, kterak cit a duch slowan-
ský počíná již wnikati až i do širších oborůw společnosti ruské, kdežto za
mého mládi ještě málo bylo Rusůw, a to jen mezi učenými, kteří wěděli,
že jsou Slowané. Dajže bůh dílu tomu swého požehnání, aby duch ten
přičiněním vlastencůw upřímných a horlivých šířil se čím dále tím více
mezi Wámi jako mezi námil W době té, kde zásada národnosti nabývá
wždy větší wahy w životě národůw, nezůstanem konečně ani my opuštění
a osířeli naprosto. Bohužel, že tentýž osud, jenž Wás na východě wolá i
wede ku působení wšeswětowému, k moci a sláwě powěké, zdá se jakoby
nám na západě uložil byl žiwobyti jen mučennické, osobu tragickau we
dramě dějin středoeurospkých!

Doslýchám, že hodláte wydati se nezadlauho na cesty do krajín západ-
ních a nawštíwiti také staroslawnu naši Prahu. Milo mně bude přiwítati
Wás we kruhu mých přátel a domluwiti se s Wámi o wšelikých záležito-
stech Wašich i našich. Kéžby jen přítomnost Waše padla do stejné doby
s přítomností mau w Prael! Wšak oznámíte i mi napřed swůj příchod, při-
činím se abych newzdálil se od domowa tuze daleko. Nizzu hodlám opu-
stiti dne 21 dubna i wratiti se upřímo do Prahy.

Mezitím, nežli sejdeme se, chei pojednati s Wámi aspoň o jedné neb
druhé věci, tykající se našich studií. Wám učení mé o původu wojskové
moci kozácké zdá se býti pochybné: já pak jsem o prawdě jeho dokonale
přeswědčen. a myslím že i w Rusích dojde uznání, až jen archaologowé
Waši počnau studowati také historii wálečného umění aneb wálečných
obycejůw we vlasti swé! Rad bych wěděl, kterak se jim podaří wyložiti
wojské spůsobu u kozákůw starých, rdozílne owšem od ruských, polských
i tatarských, ale naprosto identické s řády starotáborskými, jichžto půwodce
byl žižka? Kterak dostaly se k nim netoliko powěstné ony hradby wozowé
a co k nim náleželo, ale i celá terminologie wojská husitůw našich?
Kéžby jen sbíraly se wšecy staré po nich památky w Ukrajině, na Dněp-
ru atd. dříwe nežli zajdau a upadnau w konečné zapomenutí! Jest wěru
nemilo, že o věcech těchto vždy ještě u cizozemcůw (ku př. Levasseur-
a j.) učiti se musíme.

Owšem p. Kostomarowa Bogdan Chmelnický ještě nedostal se mi do
rukau, ani jini toho druhu spisowé. Za to četl sem zde w Nizze první
swazek Sowremennika na rok 1860, a w nim p. Kostomarowa pojednání
o původu Warjahůw a Rusůw. Připomenu, že já již před třidceti lety w
časopisu Jahrbücher des böhmischen Museums wynesl swé zdání o té
věci, de něhož slowa „Frank“, „Warjag“ a „wrag“ jsau kořenem i půwo-
dem swým identicka a „warjažské moře“, nic jineho neznamená nežli
„moře Frankůw“, t. j. krajín západních, jakož i podnes w Carihradě a na
východu wúbec wšickni lidé krajín západních „Franky“ slowau.

„Warjag“ jest forma nowější, finská neboli,* „wrag“ forma prastará,
předwěká, slowanská, jména „Frank“, kteréž i we slowu „frach“ se ozývá,
i sahá ona do wěkůw přehistorických. Ostatně rád bych wěděl, kterak
p. Kostomarow wykládá „ruská“ jména prahůw Dněprowských, kteréž
zachowal Konstantin Porphyrogenneta.

* Одно слово не разобрано.

Račtež mi prosím dáti zprávu, došli-li Vás toto psaní, a pod jakowau adressau Wám budaucně psáti sluší.

Zůstávám wždy se zwláštni setrnosti
Wášeho Blahorodi ochotný slauha

Frant. Palacký.

Ф. 35, оп. 1, № 1065.

Перевод

Ницца, 23 марта 1860.

Благородный господин! Не сердитесь и не удивляйтесь, что на достойное и любезное письмо Ваше от 16 августа прошлого года такой поздний Вы получаете ответ. Да будет Вам известно, что еще в половине сентября месяца 1859 г. покинув Прагу, я получил и книгу и письмо Ваше только здесь в Ницце, куда привезла их с собой дочь, приехавшая за мной. Прошло много времени, пока я узнавал Ваш точный адрес, чтобы письмо мое не заблудилось в дороге.

Любезный господин! Признав меня достойным своего письма и преподнесения первого своего научного труда, Вы оказали мне перед миром великую честь, за которую выражаю Вам свою искреннюю сердечную благодарность.

Признаюсь однако, что как ни рад я тому, что персонально Вами отмечен, однако еще выше ценю я то удолетворение, которое доставляет мне в книге Вашей и в письме Вашем выражение бодрого духа народного, выражение чувств и идей общеславянских. Не могу не возликовать в сердце своем и на будущее гляжу с бóльшей надеждой, когда вижу, как чувство и дух славянские начинают проникать уже и в самые широкие круги русского общества, в котором в моей юности было мало еще, да и то только среди ученых, русских, знавших, что они — славяне. Да благословит бог это дело, пусть дух этот при содействии патриотов искренних и усердных ширится чем далее, тем более, как среди вас, так и среди нас. В нашу эпоху, когда основа народная приобретает все большее значение в жизни народов, мы, наконец, не останемся брошенными и осиротевшими. К сожалению, судьба, которая на востоке вас зовет и ведет к деятельности, к могуществу и вечной славе, нам на западе, кажется, уготовила жизнь только мученическую, роль трагическую в драме средневропейской истории.

Слышал я, что Вы собираетесь в скором времени отправиться в западные страны и навестить также и нашу древнюю Прагу. Приятно мне будет приветствовать Вас в кругу моих друзей и побеседовать с Вами о всяких делах ваших и наших. Если бы только Ваше пребывание совпало с присутствием моим в Праге. Во всяком случае, если Вы уведомите меня заблаговременно о своем прибытии, я постараюсь не отдаляться от дома слишком далеко. Ниццу я собираюсь покинуть 21 апреля и вернусь прямо в Прагу.

Между тем, пока мы не встретились, я хочу побеседовать с Вами по одному-двум вопросам, касающимся наших исследований. Вам моя теория о происхождении военной мощи казацкой представляется ошибочной; я же совершенно убежден в ее истине и думаю, что и в России она будет признана, как только археологи ваши начнут изучать историю военного искусства или военных обычаев своей родины. Очень хотел бы зять, как удастся им изложить военные приемы старых казаков, отличающиеся от русских, польских и татарских, но прямо тождествен-

ные с порядками старотаборитскими, основателем которых был Жижка. Каким образом попали к ним не только пресловутые эти сооружения возов и все, что с ними связано, но и вся военная терминология наших гуситов? Если бы можно было собрать все древние памятники о них на Украине, на Днепре и т. д. раньше, чем они исчезнут и канут в вечное забвение! Очень грустно, что в этих вопросах мы все еще должны учиться у иностранцев (напр. Levasseur'a)¹

„Богдан Хмельницкий“ г. Костомарова² еще не попал в мои руки, как и другие его труды. Зато читал я здесь в Ницце первый выпуск „Современника“ за 1860 г., и в нем сообщение г. Костомарова о происхождении варягов и русов.³ Напомню, что я уже 30 лет назад в журнале *Jahrbücher des böhmischen Museums* высказал свое мнение по этому вопросу,⁴ согласно которому слова „Франк“, „Варяг“ и „враг“ идентичны по корню и происхождению, и „варяжское море“ ничего иного не значит, как „море франков“, т. е. западных стран, как и посейчас в Царьграде и на востоке вообще все люди западных стран слынут „франками“.

„Варяг“ — более новая, финская или* форма, „враг“ — древняя, доисторическая, славянская форма имени „франк“, которое откликается и в слове „frach“ и ведет происхождение от доисторических времен.

Наконец, я очень хотел бы знать, как объясняет г. Костомаров „русские“ названия Днепровских порогов, сохранившиеся у Константина Порфирородного.

Будьте добры, пожалуйста, сообщите мне, дошло ли до Вас это письмо и по какому адресу следует Вам писать в будущем.

Остаюсь всегда с особым вниманием

Вашего благородия покорный слуга
Франтишек Палацкий.

¹ Имеется в виду, вероятно: W. Le V a s s e u r. Beschreibung der Ukraine, der Krim und deren Einwohner. Breslau, 1780.

² 2-е изд. вышло в Петербурге, в 1859 г.

³ „Начало Руси“.

⁴ Статья Палацкого „Auch eine Meinung über die Franken und Waräger“ в „*Jahrbücher des böhmischen Museums für Natur- und Länderkunde, Geschichte, Kunst und Literatur*“ (B. I, 1830).

17

М. Я. Горник — И. И. Срезневскому

8 (20) февраля 1861. Будишин

Милостивый государь!
Почтеннейший профессор!

Сердечно благодарю Вас за Ваше милое письмо, которое свидетельствует о любви Вашей ко мне и всем лужицким славянам. Правда, мы не дали еще вестей о себе; но также правда, что мы в Будишине очень часто вспоминаем о Вас. А как, в прочем, можно забыть Вашего дружелюбия!

* Одно слово не разобрано.

Я Вам не писал, потому что ничего важного не сделал. Слава богу, я здоров; но многие должности не позволяют мне писать по-сербски, сколько бы я хотел. В Часописе Матицы (выпуск 21), в котором статья Лавровского „О мифическом значении слова dešć“, подал я четыре маленькие статьи.¹ Работаю далее, как знаете, на словаре Пфуля,² которого лист 39 печатается, так же за месяц издаем выпуск IV.

Мой Lužičan³ дальше выходит и абоненты размножились; в последнем подал я некролог Ганки и назначил его заслуги для сербов. С удовольствием я читал Ваше известие о сборнике на память Ганки⁴ и хочу подать Вам что-нибудь, угодно ли будет:

1. Несколько писмов од покойного.

2. Статью о значении Ганки в сербской семинарии в Праге.

3. Slovenkje Iskrice. Поем в словацком наречии, которое сочинил Samo Bohdan Hroboň, stud. theol. в Пеште (?) по войне России с западными. Для словянских мыслений не мог поем этот (строчек 500) быть напечатанный в Австрии. Ганка послал его к нам, хотим ли его издать; но никто не дал к тому денег. Думаю, что будет для сборника приятно изготовить копию. Ганка читал все словянские наречия; для того, кажется, могут в Сборнике быть статьи во всех наречиях. Моя статья может ли быть в лужицком? [...]

4. Упомянутый поем из гуситских времен я видел в библиотеке Герсдорфской и узнал из рецеписа, что его покойный Ганка имел через половину года 1844 и изготовил копию для Музея. Угодно ли могу писать в Прагу, чтобы мне назначили важнейшие части к отписанию, не хотите ли Вы издать все, в котором случае мог бы в самом скором времени чех из копии Ганки это изготовить. Прошу писать мне о том!

Сербские книги для Академии, для Второго Отделения, для Археологического и для Географического общества пошлет Матица через Фосса. „Лужичан“ и пр. для Вас подает Вам г. Смоляр, приложивший письмо короткое, которого я ожидал.

Будьте здоровы, любезнейший Измаил Иванович, и благоволите принять мои сердечнейшие приветствия для Вас и Вашего милого семейства! Кланяйтесь А. Гильфердингу, Ламанскому и другу поляку Богуславскому! Пишите мне и я не буду дальше так ленивый в корреспонденции.

Ваш покорнейший Михаил Яковлевич Горник.

Будышин
8/0 февр. 61.

Ф. 216, оп. 5, № 193.

¹ М. Горник, избранный в 1858 г. секретарем Сербской Матицы, был в течение 40 лет фактическим бессменным редактором и сотрудником „Časopis Matice serbskeje“ (выходившим с 1817 г., первое время под ред. Смоляра). Е. о. труд и перечислены в брошюре К. Я. Грота „Михаил Горник“ и в статье Ад. Черного (журн. „Lužica“, 1833, № 8—11).

² Lužiski serbski słownik. Serbsko-ñemski džel. Lausitzisch-wendisches Wörterbuch. Verfasst und unter Mitwirkung von Seiler in Lohsa und Hornick in Budissin herausgegeben von Prof. Pfuhl in Dresden. Вып. 1—8, Будышин, 1857—1866.

³ Горник редактировал издававшийся Смоляром в 1860—1881 гг. „Lužičan, časopis za zabavu a rovučenje“.

⁴ И. И. Срезневский заявил о намерении издать сборник памяти В. Ганки в заседании Петербургского Археологического общества, о чем было сообщено тогда же в „СПб. ведомостях“ (см. прим. И. В. Ягича к письмам Срезневского и Кеппена 1861 г. в книге „Новые письма Добровского“, СПб., 1897, стр. 429). В архиве Срезневского сохранились наброски плана сборника и обращения об издании сборника, а также заметка „Петер-

бургская летопись поминаний В. Ганки". В „Изв. II Отд. Акад. Наук“ Срезневский поместил свои и П. Лавровского воспоминания о Ганке, „Обозрение филолого-археологических трудов Ганки“ и описание его похорон в Праге (т. IX, 1861).

18

В. И. Ламанский — родителям

25 мая (7 июня) 1862. Прага

Прага, 7 июня 1862 г.

Сегодня ровно неделя, как живу я в Праге¹ и как получил Ваше первое письмо, любезнейшие папенька, маменька, братья и Липушка. Не писал Вам раньше потому, что только что перед тем послал Вам второе длинное письмо, да и вообще, я положил себе за правило писать письма в конце недели. Впрочем, сказать правду, здесь я так мало имею свободного времени, что при всем желании не мог до сих пор ничего написать Аксакову,² а материалу накопилось довольно. В самом деле, здесь живешь словно в полу-русском городе. По-немецки не говоришь по целым дням. Не думайте, однако, чтобы я уже выучился по-чешски. Правда, болтаю кое-как, но еще плохо. Вообще, мне надо разговориться, раскаться и тогда дело идет кое-как на лад. Но, к сожалению, я встречаюсь и выдаю больше всего с теми чехами, которые недурно говорят по-русски. Разговоры с ними очень приятны, но не так поучительны. Кто любит Москву, тому Прага не может не нравиться. Вид с Градчина, Пражского кремля, восхитительный. Влтава, разделяющая Прагу на две части, гораздо шире и красивее р. Москвы. Город древний, полный самых дорогих и, часто, самых тяжелых воспоминаний для славянина, Прага, хотя и носит на себе множество следов немецкого влияния, однако вообще все более становится городом славянским. На улицах по преимуществу слышна речь чешская. Шляясь по рынкам и вообще по городу, я был поражен сходством простых старух и детей с нашими. Так вот и переносишься в Россию. Впрочем, у меня в трактире есть две такие старушки. С первого же разу я заговорил с ними по полу-чешски и полу-русски. По-немецки они знают и, видя, что я затрудняюсь по-чешски, они заговаривали со мной по-немецки, но я им все говорил по-своему. Тогда одна из старух попростоватее призвала другую, которая дала ей выговор, зачем она говорит со мной по-немецки, видишь пан не розуми, вон е поляк. Теперь я со старухами моими большой приятель. Та из них, которая побойчее, разговаривая со мною, обыкновенно бьет меня по плечу. Так и ждешь иногда, что услышишь вот: „касатик мой“. Знакомых у меня здесь довольно. В прошлое воскресенье был здесь один национальный политический праздник, открыто было новое гимнастическое общество „Сокол“. Все лучшее чешское общество здесь присутствовало. Мужчины и дамы говорили речи. Подробнее об этом празднике и о походе соколов за город, об их костюмах, о сближении их с народом я напишу в „День“. Здесь впервые познакомился я с литераторами и политическими деятелями, потом в Чешской беседе, здешнем национальном клубе. Палацкий приехал в Прагу недавно. Я уже с ним виделся, был у него. С дочерью его, женою даровитейшего вождя

3 Документы к истории славяноведения

чехов Ригра, я познакомился еще в воскресенье. Старик был кажется мне рад. Он говорил со мною о положении чехов. Я нарочно завел речь о поляках. Не знаю, искренно ли, но он соглашался с нашим славянофильским взглядом на польский вопрос. Они без розуму — говорил он. Палацкий уже стар, но сохранил необыкновенно свежую память и ясный ум. Человек высокодаровитый и чрезвычайно, замечательно умный. Он мне с справедливою гордостью рассказывал о том уважении, которое оказывает вся чешская земля ему и его зятю. Надо Вам сказать, что здесь крестьяне так образованы, как едва ли где в Европе. Разумеется, они не читали ученых трудов Палацкого и не могут о них верно судить, но они инстинктивно чуют его громадные заслуги чешской народности, хорошо знакомы с политической, гражданской [ролью] его и Ригра. И вот, чуть только Палацкий или Ригер появляются где-нибудь в деревне, крестьяне готовят им повсюду торжественные встречи. Так никогда не встречают они австрийского императора. Народ одевается по праздничному, молодежь выезжает на конях, палит из ружей, старики несут по-нашему хлеб-соль, кричат ура, говорят речи. Палацкий мне показывал благодарственный адрес, который ему поднесли в марте 1862 г., с 1500 подписей со всех концов чешской земли. Он и Ригер избраны почетными членами более чем шести тысяч общин. Чехи в этом отношении народ совершенно особенный. Их шляхта, дворянство — немецкое по преимуществу. Большинство чешских аристократов не умеет даже говорить по-чешски. Все лучшие чешские писатели, ученые, вожди — по большей части дети крестьян. Они сами, не без некоторой гордости, говорят про себя: мы, чехи, плебеи. Жаль, жаль, дурно для славянства, говорил мне например Палацкий, что у вас еще народ мало имеет образования, когда зашла у нас речь о некоторых нелепостях наших либералов-прогрессистов. С Ригером я еще не познакомился. Он живет с Палацким, но его еще не было в Праге, когда я был у того. Сейчас был я у адвоката и члена венского рейхсрата Браунера, третьего популярнейшего вождя чехов. Ему лет за сорок, человек очень умный и простой. Он знает многих наших русских, с большим уважением особенно отзывался о Гильфердинге и Ю. Самарине, звал меня к себе в деревню в воскресенье или в понедельник. Меня также звали к себе Палацкий и пани Ригрова. Познакомился я также с здешним демократом князем Рудольфом Турн-Таксисом, который женат на дочери учителя, носит звание доктора прав и подписывается всегда не князь, а доктор такой-то. Он постоянно якшается с народом и не имеет никаких сношений с здешними аристократами. Таких, впрочем, людей между чехами очень мало. Едва ли не он один. Другой аристократ Клам-Мартиниц принадлежит также к партии Ригра, т. е. народной, чешской, т. е. федералистической. Кабинетных занятий я здесь никаких не имею, бываю в заседаниях ученых обществ, хожу, когда есть время, в библиотеку Музея, читаю газеты, журналы, больше всего беседую с чехами и понемногу знакомлюсь с их бытом. Купил здесь несколько книг, очень хороших и очень дешево. Умер один здешний патер Крольмус, любитель чешской старины; после него осталась библиотека и распродается теперь по дешевой цене. Я купил там вчера несколько книг. Обдумывая план моих будущих занятий и ознакомясь с здешними порядками, я пришел к убеждению, что мне полезнее будет провести большую часть зимы здесь, нежели в Вене. К сожалению, мне еще не могли указать здесь на мадьяра, у которого бы я мог учиться по-венгерски. Здешний профессор славянских наречий, хороший филолог, словак Гаттала хорошо

знает мадьярский язык. Он мне обещал давать уроки, если будет зимою в Праге, а это еще не верно. Одно только это обстоятельство еще беспокоит меня, а то бы я с величайшим удовольствием остался бы здесь на зиму в Праге. Здесь есть чем позаняться для будущего моего курса. Да и жизнь в Праге дешевая. Уезжаю из нее в среду на Вену, останавлиюсь дня на два в столице Моравии Брне—Брюнне, а в Вене пробуду меньше, чем прежде предполагал, не неделю, а дня четыре, много пять дней. Теперь все славянские депутаты оставили Вену, и мне остается ознакомиться там с некоторыми учеными славянскими да с Балабининым, беседы с которым должны быть для меня особенно поучительны. Раевский теперь у нас или, лучше, у Вас в Петербурге. Постарайся, пожалуйста, кто-нибудь из братьев повидаться с Раевским, узнать, когда он поедет в Вену и послать с ним сотни три, четыре Титовских папирос Самсона по 1 р., кажется, да несколько сотен гильз. Сигары здесь и дороги и нехороши. Чай отвратительный. Приходится больше пробавляться пивом. Здесь употребительнее два—обуэjne, обычнее а Пльзенске. Чешское вино Мельницкое очень хорошее, легкое, красное. Чехи вообще народ чрезвычайно трудолюбивый и промышленный. В Праге хотя капиталы в руках немцев по преимуществу, но вы видите множество прекрасных магазинов чисто чешских. Знаменитый Лебеда на вывеске своей сделал две надписи, одну по-чешски и другую по-русски. Скажите Яше, что адрес Высокого, горного инженера чеха, я узнал. Он живет в Чехии, в Joachimov—Joachimsthal. Пусть Яша в сентябре или октябре пришлет ко мне через посольство Горный журнал.³ Я его передам по назначению. Сын знаменитого Пуркини, еще бодрого живого старика, большого патриота, участвующего во всех народных праздниках, пописывающего доднесь плохие, впрочем, чешские стихи, сын этого Пуркини, Эмануил, профессор ботаники в Лесном Институте, где-то за Прагою, очень изрядно говорит по-русски. Ему бы сильно хотелось принять участие в какой-нибудь из наших ученых экспедиций в Сибири или в Европейской России. Скажите о том Евгению как члену совета Географического общества. Такой человек был бы полезнее какого-нибудь немца Радде. Вот, например, уж Ламбль пишет и печатает статьи по-русски. Я здесь видел оттиски какой-то его статьи. Знаешь ли ты о том, Сережа? Кажется, он помещает свои статьи в „Московской медицинской газете“.⁴ Русских газет и журналов я не вижу вовсе. Здесь есть только „День“, да и то самый последний 17 №. Надеюсь увидеть их в Вене. Да пришлите мне с Раевским „Книжный Вестник“⁵ за 1862 г. [...] Что у Вас делается на Руси? Какие такие вышли новые прокламации? Кто будет вместо великого князя в Государственном совете?⁶ Здесь живет теперь, в одном трактире и даже рядом со мною, граф Дм. А. Толстой, директор департамента полиции в министерстве внутренних дел. Я только здесь с ним познакомился, хотя мы выехали с ним из России в один день. Сегодня он уезжает в Вену, а потом во Львов и обратно в Россию. Он человек не глупый, как кажется не подлый, но как-то не особенно мне нравится. Здесь живут также Пыпин, с которым я встречаюсь каждый день в Чешской беседе, но не говорю с ним ни слова,—чехи объясняют это тем, что он западник, а я восточник,—также Барсов, юноша крайне пустой. Не знает ничего по-чешски и изучает здешние школы по немецким книгам. Недавно он мне расхваливал сочинение одного Гельферта о народном образовании,⁷ а это один из величайших скотов австрийских и врагов славянской народности, который всячески противится чешскому образованию в духе народном.

Юноша пустой, но вместе с тем, или лучше по этому самому, обо всем судит резко, рубит с плеча. Как хорошо, что у наших просветителей нет средств, а то бы и у нас ввели бы для блага народного систему Гельферта, отчаянного немца и тупого, нелепого католика. Трудно себе представить, до какой степени развита у здешних немцев международная вражда и ненависть к славянам. Я ехал из Дрездена в вагоне с одним немцем, который сам из Силезии, но уже с год живет в Праге, занимается коммерческими делами. Узнав, что я еду в Прагу, он мне стал описывать чехов. „Я много объездил земель, знаю поляков в Познани, Силезии, все это очень дурной народ, но ч-хи самый подлейший, какой я только знаю. Das niedrigste Volk“. На мое замечание, что в России есть много чехов, все людей очень хороших, которые ничем не хуже наших немцев, он мне возразил: „знаю, знаю, они хитрый, очень хитрый народ, у вас они притворяются хорошими. Теперь они идут против нашей конституции. Я знаю, что бы я с ними сделал, если бы я был император, я бы всех их повесил на виселицу“. В Праге немцы довольно многочисленны, хотя их гораздо меньше чехов. Но масса капиталов в их руках. Все австрийское правительство на их стороне. Здесь борьба с немецким элементом происходит безостановочно. Можно сказать, вся народная жизнь чехов есть постоянный отпор немцам и дружный натиск на них. Надо удивляться богатству духовных сил и энергии этого маленького народа — около 6 миллионов. „К нашему счастью, говорят чехи, на стороне немцев сила государственная и правительственная, так что чех, отстаивая свою народность, идет вместе с тем за свободу. Несчастье словаков, что мадьяры, притесняющие их народность, идут против австрийского правительства и заставляют их прибегать с просьбою о помощи к последнему“.

Письмо мое я прерывал несколько раз. В субботу сидел у меня Ригер, в воскресенье я обедал у Палацкого, который живет вместе с ним. У Палацкого обедали знаменитый медик Гаммерник, Эрбен, Вертятко из молодых ученых, редактор „Народных листов“, газеты,⁸ органа Палацкого и Ригра (с этим Грегром ведется теперь процесс за нарушение общественного спокойствия, за оскорбление чести министра Шмерлинга, преподлый процесс.⁹ Он защищается прекрасно, но все уверены, что будет обвинен на несколько месяцев в крепость, здесь суд гласный, но присяжных нет). Был еще один богатый чешский фабрикант Фингерхут (Н-персток), долго проживший в Америке. За обедом и после мы много разговаривали о наших славянских делах. При этом в полчаса узнаешь больше и лучше, чем в месяц из книг. Меня особенно здесь ласкает один здешний писатель и ученый, первый после Палацкого, Эрбен. Славянин необыкновенно даровитый, не только как ученый, но и как поэт, очень умный, но вместе с тем чрезвычайно добрый, скромный и простой. Он нашу Русь ужасно любит. С каким восторгом, если бы вы знали, говорит он о песнях, собранных Рыбниковым.¹⁰ Он мне подарил несколько книг своих. Ему лет под 50. Другой мой самый близкий мой знакомец и приятель, молодой чех, лет 23, только что ныне сдающий эламен в университет. По всей вероятности, он займет здесь кафедру славянских литератур. На этого Патеру надо возлагать большие надежды, из него может выйти нечто в роде Шафарика. Он хорошо говорит польски, отлично изучил лужичан, среди которых прожил 3 месяца, знает и говорит по-русски, как не многие из наших немцев. Сын простого мужика, этот Патера, при всей своей учености, сохраняет всю прелесть того добродушия и наивности, которым отличается крестьянин вообще,

славянский в особенности. Трудно Вам описать его ласки и его предупредительность. Он знает многих русских, Лавровского, Ровинского, Троянского, Петровского с женою, который недавно только выехал из Праги. Этот Патера много читал по-русски, очень любит Хомякова, постоянно читает „День“. Еще на прошлой неделе стали меня здесь уговаривать не уезжать так скоро из Праги, замечая, что на юге теперь должно быть невыносимо жарко. В субботу ночью, проснувшись до света от страшной жары, я долго обдумывал план своего путешествия и решил остановиться на том. Мало еще знакомый с чешским языком, я не могу теперь один ходить по чешским деревням, а потому, если Патера не согласится поехать со мной, то я уеду в среду, а если согласится, то я останусь в Чехии еще недели три, для того чтобы ознакомиться с простым народом, в сношениях с которым я могу скорее научиться по-чешски. А между тем, и не так здесь жарко, как там на юге, а в половине июля отправлюсь на Вену. Жаль теперь оставлять Прагу и потому уже, что только что начал знакомиться с здешними порядками, привыкать к чешскому языку. С Патерой виделся вчера и он едет со мной, сначала к отцу в деревню. [...]

Ф. 35, оп. 1, № 1726.

¹ Магистр В. И. Ламанский во время командировки за границу был в Австрии, Сербии, Италии, Сицилии, на о. Мальта, в Греции, Константинополе. Его письма к родителям за 1862—1864 гг. наполнены множеством фактов и впечатлений этого путешествия.

² Ламанский был тесно связан с И. С. Аксаковым, доставляя статьи и материалы для „Русской беседы“; после прекращения „Русской беседы“ Аксаков издавал еженедельную газету „День“ (1862—1863). Часть обширной переписки Ламанского с Аксаковым опубликована в „Русской мысли“, 1916, №№ 9, 12; 1917, № 2 (за 1858—1862 гг.).

³ Я. И. Ламанский был связан с редакцией „Горного журнала“, органа ученого комитета корпуса горных инженеров.

⁴ „Московская медицинская газета“, издававшаяся Обществом русских врачей в 1858—1877 гг.

⁵ „Книжный вестник, журнал книжно-литературной деятельности в России“, выходил в 1861—1867 гг. в Петербурге.

⁶ Ламанский имеет в виду назначение в. к. Константина Николаевича наместником в Царстве Польском.

⁷ Die österreichische Volksschule. Geschichte, System, Statistik. Von I. A. v. Helfert. I—IV Bände. Prag, 1860—1861.

⁸ Газета „Národní Listy“ выходила с 1861 г. под ред. Ю. Грегра, сначала при участии Палацкого и Ригера, затем определялась как орган младочешской партии; закрыта немцами в 1939 г.

⁹ Ю. Грегр неоднократно подвергался преследованиям австрийского правительства. В 1862 г. он был приговорен к 10 месяцам заключения, штрафу в 3000 гульденов и лишен звания доктора.

¹⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, М., 1861—1867.

19

В. И. Ламанский — родителям

9 (21) июня 1862. Гудлицы

Деревня Гудлицы, 9/21 июня 1862 г.

Здравствуйте, любезнейшие папенька, маменька, братья и сестра. Письма Ваши, любезные маменька и Липушка, я получил в прошлую субботу, еще в Праге. В 3 часа пополудни, 14 июня, сел я с молодым

Патерою в доставник — почтовый дилижанс, и около 9 часов вечера мы прибыли в город Бероун. Там уже нас ждала телега — вуз брата Патеры, который сам приехал за нами с своим маленьким сынишкою — Вацлавом. Сегодня неделя, как живу я в чешской деревне. Во внешнем расположении и в наружности она сохраняет много черт чисто славянских, живо напоминающих наши русские деревни, но что касается до внутреннего устройства, то ее постигло уже страшное искажение. Не только нет общинного землевладения, но и никакого мирского управления. Мирской сход или слабое подобие его бывает раз в год — зурка — когда отсыпают известную меру пшеницы учителю школы. Члены общины не могут из своей среды выгнать негодяя, как бы то ни было наказать его, отдать в рекруты и т. д. За малейшую кражу надо идти жаловаться к ураду (urząd), к чиновникам. Так пропадает много времени, денег. Чиновники такие же взяточники. Взятки называются romazanku — мазом. Тут вы видите общность русского и чешского народного воззрения. На воров не ищут обыкновенно, а стараются расправляться сами. Часто забивают их до полусмерти и даже до смерти, когда поймают. Деревня Гудлицы веснице — целое село, в нем около 1300 жителей.¹ Но поглядите, какая разница с нашим селом. Здесь обыватели разделяются на два класса, одни с д л а к и имеют поземельную собственность, и сравнительно очень много, другие — д о м к а р ѝ (ржи) имеют только chaloupi (халоупу) и ничего более. Права голоса в общине не имеют они никакого, а между тем их большинство. Наши экономисты скажут, что это прекрасно. Так говорить они должны и иначе говорить не могут, потому что это ведь по-европейски уже. У нас ведь это остаток азиатства. Так наша цивилизация тверда. Азиатство заносит свою, по счастью, слабую руку на все те наши народные обычаи, которыми наш народ существенно отличается от народов западно-европейских. Они, эти господа, обличают только тем полное свое незнание славянства, племени чисто европейского и столь же способного, как и романцы и немцы. Русскому изучение западных славян в высшей степени полезно в том отношении, что оно убеждает его все более и более, как должны мы дорожить тем азиатством нашим, на которое тыкают нам пальцем наши западники. Вы ведь видите, до какого страшного унижения доходила народность славянская, видите, что она бы совсем вымерла и погибла, если бы не уцелели остатки этого азиатства. Вы чувствуете, какая сила и мощь хранится в этих даже остатках. Вы легко себе представить можете, какие великолепные плоды даст наше полное азиатство, когда люди мысли и науки поймут его значение, как здесь властенцы и народовцы, все эти Палацкие, Шафарики, Ганки, Юнгманны, поняли здешние остатки этого азиатства, стали с любовью изучать их, внушать обществу уважение к ним. Правда, такие люди сами носили в груди своей эти остатки. У нас один Ломоносов, а тут все почти ученые и писатели — все сыновья мужиков. В деревне Гудлицах родился Юнгманн, на той избе, где он жил, прибита простая надпись „Здесь родился Юнгманн“. Разница наша с западными славянами состоит в том, что в нас больше сохранилось всего старого, коренного, славянского. Здесь шляхетство совсем онемечилось и стало предателем и врагом народа. У нас только на половину.

Семья, родина, в которой я живу, состоит из старика отца — папа — таты, который уже хозяйством не занимается, а живет себе на покое, читает новины, газеты, болтает целый день, любит подвыпить. Он еще застал работу и помнит, когда их палкою гоняли на барщину. Старший

сын его хозяин, молодой человек 32-3 лет, превосходно ведет свое хозяйство. Мужик смирный, тихий, спокойный, но развитой, пишет так прекрасно, как немногие, например, из наших старых военных генералов. Другой его сын Адольф, мой приятель — будет в чехах вторым гудлицким Юнгманном. Он будет профессором славянских наречий в Пражском университете и профессором прекрасным. Старший сын женат и имеет 3 маленьких сыновей, из коих старшему 8 лет, и одну дочь, которой 10 лет. Дети с 5 лет начинают ходить в школу. В остальное время они помогают родителям в хозяйстве. Христина — хорошенькая девочка, летом редко ходит в школу, много работы дома. Старик Патера года два тому овдовел и по смерти жены своей взял к себе в дом сестру покойницы, старушку, урожденную немку из Штейермарка. Она не забыла по-немецки, но говорит прекрасно и по-чешски. Кроме нее и Адольфа в доме никто не умеет по-немецки. Раппи тета готовит обед и прочее. По своей живости и юркости она напоминает мадам Лютц, маленькая, худенькая, она минуты не сидит на месте, необыкновенно вежливая, деликатная и добрая. Кроме того у Франца Патеры, молодого хозяина, два подруга работника и две работницы — две молодые голки. Эти две уже совершенно напоминают наших девок. Во многом чехи ближе к малороссиянам, нежели к нам, но в некоторых отношениях они более сходятся с нами, между прочим в том, что также чрезвычайно живы, подвижны, также любят калякать и растабаривать. Одна голка особенно хорошо говорит по-чешски. Необыкновенно приятный мелодический язык. Вы, конечно, знаете примету, сделанную филологами и этнографами, что самая чистая народная речь везде, во всех землях, сохраняется женщинами. Из уст женщины можно только слышать самую приятную, самую мелодичную речь. Так говорят филологи, но быть может, если бы были филологи и этнографы-женщины, то они бы сказали совершенно противное. Мой хозяин живет очень достаточно, он седлак, а не домкарь. В доме несколько комнат, другой дом для прислуги, кладовой и т. д., конюшня, хлев, сарай. В доме необыкновенно чисто, у всех кровати, несколько комодов и шкапов, железная печь, очень красивая. Здесь, вообще, железо стоит очень дешево. В Праге когда был, дни стояли необыкновенно жаркие, а тут погода вдруг переменилась, пошли дожди, стало необыкновенно холодно. Погода нам таки мешает гулять, однако я уже много видел здесь окрестностей, был в разных соседних деревнях, сделал несколько знакомств. Гудлицы прежде принадлежали князю Фирстенбергу. Это нечто вроде здешнего Демидова. У него множество лесу, большие каменноугольные и железные заводы. Он совершенный немец, как и все здешние аристократы. Сам живет в Вене. Я познакомился с некоторыми лицами, служащими в его имениях и живущими в разных краях. Двое из них, один лесничий, а другой смотритель каменноугольного завода, очень хорошо образованные люди. В разговорах с ними и с их семьями узнаешь столько, так наглядно знакомишься с краем, что я считаю особенным счастьем, что приехал сюда из Праги. Никакое чтение, никакие статистики в мире не заменят таких простых дружеских бесед за чашкою кофею или кружкою пива, чем здесь обыкновенно угощают даже крестьяне. Вчера целый день был я в Яхимове на горном заводе. Как для меня рудник совершенная была новость, ибо видел только модель в Горном корпусе, то я и не преминул случаем осмотреть завод. Рудник очень глубокий, 119 сажен под землею. Так далеко я не спускался, но доходил однако до 30 сажен. Потом осматривал сливарню. Адольф уезжал в Прагу, — и я вчера ходил с 3 седлаками, отцом, сыном и его

дядею. По наружности своей, безбородые, в немецкой одежде, они напоминают сразу наших немецких колонистов, но поскоблите их, поройтесь в них и вы найдете в них много родственного, нашего. В четверг вечером, когда Адольф уезжал, я оставался в горнице и читал книгу, шел дождь, гулять нельзя было. Надо было видеть участие, с которым приходили ко мне один за другим каждый член дома. Каждый лез с одним вопросом, не стосковалось ли мне. Старик Патера — отличный старик, вчера он подпил и объяснял мне, как он любит своих детей, как он любит их, т. е. русских. Знаете, он всегда меня спрашивает, как у них, т. е. у вас. „Муй сын, туй Адольф ма (имеет) рад их, а я еще сем радши, поневадж я мам ласку к нему“. В этом доме много перебывало русских, Ровинский, Троянский жили здесь очень долго. Короткое время были здесь из Киева профессора Сидоренко и Ренненкампф. Стоит только что-нибудь сказать старику, он сейчас бежит к своим, в кухню и начинает им рассказывать. Показал ему ваши портреты, сейчас взял, несет к своим. Точно также с моею подушкой. О русских здесь осталась память с наполеоновских войн. В народе здешнем есть даже поговорка — например, мать или тетя говорит ребенку, если он очень здоров — Ты си силен, яко Рус.

Ровинский оставил по себе превосходную память. Он исходил пешком всю Чехию. Здесь его знают в каждой деревне и ужасно любят. Сейчас приносили нам, мне и Адольфу, обедать. Мы всегда обедаем особо.

Прощайте. Еще не знаю, как долго останусь здесь и вообще в Чехии. Может быть на два, на три дня съезжу в Мюнхен, если поеду с Адольфом в западный край Чехии, где народ сохранил свою одежду. Оттуда недалеко до Мюнхена. Мне хочется свезти туда Адольфа, хоть чем-нибудь отплатить за их гостеприимство. В Праге бы в это время я бы истратил по крайней мере 20 гульденов. Будьте здоровы. Пишите о новостях. Очень рад, что получил наконец 2 номера „Дня“. Аксакову еще не писал. Что братья? Пишите мне не за раз, а в несколько присестов. Вы видите, я пишу Вам довольно подробно. Платите тою же монетою. Вам же это легче. Что будем мы делать теперь с сербами? Мы все здесь славяне рады последней бомбардировке Белграда.² Авось восстановят, наконец, поголовно южные славяне. Будьте здоровы. Завтра, маменька, в день Вашего рождения, если будет хорошая погода, пойду на Криво прат. Напишу потом.

Любящий Вас В. Ламанский.

Кланяйтесь всем домашним поголовно и знакомым, также Мише* и прочим. Местности везде здесь необыкновенно живописные. Все горы, по которым я начинаю привыкать лазить.

Ф. 35, оп. 1, № 1726.

¹ О селе Гудлицы написал несколько статей упоминаемый ниже А. С. Троянский (Русский вестник, 1861, № 11, 1862, №№ 1, 12). О брате А. Патеры см. также: А. А. Кочубинский. В краю бывлых еретиков (Исторический вестник, 1882, № 8, стр. 376).

² Белград подвергся трехдневной бомбардировке со стороны турецкого гарнизона, что явилось реакцией турок на политику Михаила Обреновича, направленную на полное освобождение Сербии от турецкой зависимости, и, в частности, на проведение им закона об учреждении постоянного народного войска; предлогом для обстрела послужило возмущение, вызванное в городе убийством турками сербского мальчика.

* М. П. Устинову.

20

В. И. Ламанский — родителям

7 (19) августа 1862. Будиш

Будиш, 7/19 авг. 1862.

Здравствуйте, любезнейшие папенька, маменька, братья, Липушка и пр., и пр. Деньга, наконец, я получил в прошлую пятницу, 15 августа. Вы сами можете себя представить, как я им обрадовался. Собирался было уехать отсюда еще вчера, в понедельник, но не удалось, и уезжаю завтра на пароходе по Дунаю в Новый Сад, где надеюсь найти письма Ваши, ибо я еще в субботу перевел мой адрес для здешнего почтамта. Знаете, я все ждал прежде письма, а потом уже денег.

Две недели с 1 по 15 августа прожиты были мною в томительном ожидании почтальона. К счастью еще, был не один, а с Барсовым. Свой человек, с ним не было так скучно. Впрочем, не думайте уже, что я ни весть что делал в это время, только жил чрезвычайно экономно, мало курил, ел и пил, ничего не покупал, не бывал ни на каких гулянках или празднествах, но попрежнему ходил по гостям или сидел дома и занимался.

Я уже, кажется, писал Вам, что Венгрия страна в высшей степени интересная и страшно мало известная в Европе. Я об ней напишу статью, уже воротившись в Вену или в Прагу. [...] Магьяры либеральны, любят свободу, умеют защищать ее, но только для себя. Магьяры, не будет их и полных 5 милл., финского, азиатского происхождения, не имея нигде в мире близких себе соплеменников, они со всех сторон окружены славянами, которые на юге, западе и, особенно, на севере имеют родных, к которым их тянет сама природа. В смутном предчувствии своего будущего, первые поэты мажарские в начале нынешнего столетия с пророческою грустью говорили о своей народности, которая имеет потонуть в море славянском. Вена, с своей стороны, увидавши, что онемечить ей мажар не удастся, что она пробовала в конце 18 в., взялась за ум и стала всячески содействовать развитию в мажарах национальной гордости, пугая мажар славянским элементом Венгрии, который сам по себе слаб и естественно должен тянуть к своим сильным соплеменникам. До конца 18 в. мажарский язык был в совершенном пренебрежении. До 20-х годов в Венгрии для всех национальностей общим языком был латинский. По-латыни говорили все грамотные, женщины, половые, по выражению здешнего русского диакона. Когда на сейме в 1830 г. граф Сеченый явился в своем гусарском национальном доломане и стал говорить по-мажарски, то возбудил тем смех, хохот, негодование. Но мало-помалу пробудилось чувство национальности и в мажарах. [...] Начались гонения, преследования всех других народностей Венгрии, всех хотели мажарить. Вена всему этому очень радовалась, ибо немецкий элемент в Венгрии не имеет никакой силы, особенно над славянами. Немецкие деревни между русскими или словаками в Верхней Венгрии все быстро славянятся, ибо здесь, не как в Чехии, славяне в чистоте сохраняют свою народность. Словак относится к немцу не как чех, который его ненавидит, ибо сам сильно онемечен и не может с ним успешно бороться, а как русский, который, правда, не любит немца, смеется над ним, но не боится и не ненавидит его и никогда не поддастся онемечению. Здесь немцы — не народ,

а отдельные личности. Здесь они боятся страшно мадьяр и все мадьярятся, т. е. ходят в ботфортах, носят атиллы, — дурацкий, театральный, сочиненный, но не народный костюм. Мадьяры завели свою академику, там много ученых немцев, им аристократы дорого платят и эти немцы все называют себя мадьярами, одеваются, пишут по-мадьярски. Я разговариваю с Финали (видите, и фамилию переменял) по-немецки (еще не хотел было поговорить по-немецки), он филолог, читает по-русски, академик — все говорит мне: у нас в Венгрии, wir Ungern. Вдруг слышу, что он только 4 года тому назад выучился по-мадьярски. Да кто же вы, откуда? — „Я немец из Кургессена“. А тоже в ботфортах и атиле. Вот бы наших Фритче, Куника, Шерера отправить в Венгрию, — я уверен, надели бы тоже ботфорты. Другой немец, учитель гимназии, тоже в ботфортах, так при мне кобынялся и кривлялся, что тошно мне стало, желая показать передо мною, в какой восторг он приходит от марша Ракоция, венгерской марсельезы. Музыка самая обыкновенная, и немцу, имеющему Моцартов, Бетховенов, восхищаться такую дрянью — неппростительно. Здесь немцы держатся той стороны, которая сильнее. [...] Нигде нет такого фанатизма патриотического, как между мадьярами. Гр. Вай говорил (а все почти мадьяры так мыслят и поступают): для меня мадьярство дороже всего на свете, выше спасения души, выше бога. В последнее время мадьяры имели двух особенно замечательных деятелей — гр. Сеченаго и Кошута. Оба (последний природный словак, мадьярон, не совсем чисто говорит по-мадьярски) были отчаяннейшие мадьяроманы и страшные гонители всех не мадьяр. Для славян Кошут был менее опасен, нежели Сеченый, ибо последний действовал медленно, осторожно, хитро. Всю свою жизнь, все свои миллионы посвятил он этой цели, чтобы с одной стороны пробудить национальность мадьярскую, а с другой — умножить, усилить ее другими народностями, славянскими и румынскою. Кошут был пылок, горяч и был полезен славянам, ибо раздражал их, но Сеченый действовал лукаво, как бес какой. Он всегда говаривал: Венгрия еще не была мадьяроршагом, а только еще будет. Он печально качал головой, когда Кошут в 1848 г. прямо выступил против Австрии, ибо понимал, что мадьяры одни, не в союзе с немцами, с Веною, не могут царить над славянами. Впрочем, это понимает и Кошут, ибо, желая уничтожить Австрию, он послал комиссаров в Франкфуртов, предлагая Германии вступить в союз против славян. [...] Славяне бедны, а мадьяры располагают большими капиталами. Они заводят на счет земли театры, музеи, академии, чисто мадьярские, заставляя славян платить на это деньги. Дикость доходит до того, что сербские православные монастыри принуждены были жертвовать большие деньги на театр, не венгерский, т. е. для всех народов, живущих в Венгрии, а чисто мадьярский. Это совсем не то, что у нас, где и остяки и лопари косвенно жертвуют на русский театр или т. п. Русский народ в России страшно преобладает численно, а мадьяры в Венгрии в значительном меньшинстве. Впрочем, ни один русский не способен так презирать и ненавидеть другие, чужие народы. Избави нас бог от такого дикого, преступного, безобразного патриотизма.

Читали ли Вы, был ли напечатан в русских газетах или журналах адрес польских эмигрантов к шведам? Хотят возвратить Россию к старому положению, которое она занимала до Полтавской битвы. [...]

Пишите мне о наших новостях. Где Чернышевский, Соловьевич?¹ В чем их обвиняют? Что готовится, что будет у нас 26 августа.² Что

нового в литературе, напиши, Сережа? Что „Русский Вестник“ и „Современная Летопись“³ и теперь пишут за Англию против Сербии? Леонтьев уже раз писал против Ионических островов. Что случилось с Ломоносовым?⁴ Пишите, ради бога, почаще. Ведь от Вас получил последнее письмо от 8 июля. Что наши Саши? Да напиши ты мне, Саша,* хоть несколько строчек, надолго ли приехал сюда, что хочешь делать и пр., и пр. Где Евгений, Порфирий, Костя? Что Глафира и Верочка? Где Яша? Будьте здоровы. Завтра в 6 часов утра сажусь на пароход и в четверг в том же часу буду в Новом Саде, куда и адресуйте мне письма à Neusatz, poste restante, там пробуду недолго и в Сербию. Где Володя Филиппов? Что не едет теперь к сербам, ведь хотел. Сербы нуждаются в офицерах. Прощайте еще раз. Кланяюсь нянюшке, Сергею и всем. Где теперь Нестор? был ли в Москве? Что делает Ив. Аксаков?

Целую Вас всех. Не забывайте Вашего сына и брата Владимира.

Ф. 35, оп. 1, № 1726.

¹ Н. Г. Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич, арестованные 7 июля 1862 г., находились в это время в заключении в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости.

² 26 августа 1862 г. праздновалась годовщина тысячелетия России.

³ „Современная летопись“ выходила в 1861—1862 гг. как еженедельное приложение к „Русскому вестнику“, основанному М. Н. Катковым в 1856 г.

⁴ Ламанский имеет в виду биографический очерк о Ломоносове, отданный им в „Отечественные записки“; напечатан в №№ 1, 2, 1863.

К. Жинзифов — И. И. Срезневскому

17 (29) августа 1862. Москва

Милостивый государь
Измаил Иванович!

Соотечественник мой К. Геров, возвратившись из Петербурга, сказал мне, что Вы не знаете, получили ли мы присланные Вами нам „Известия“ Петерб. Академии Наук. Спешу уведомить Вас, что присланные Вами книги уже давно переданы нам г. Аксаковым и зачислены в нашей библиотеке. Долгом считаю вместе с тем изъявить Вам нашу чувствительнейшую благодарность за Ваше к нам сочувствие и внимание и покорнейше прошу Вас в лице московских болгар простить мне эту мою ошибку и не подумать, что это произошло от моей небрежности. Во-первых, незнание Вашего адреса, во-вторых, продолжительная моя болезнь и, в-третьих, университетские экзамены, продолжавшиеся без малого три месяца, не дали мне возможности известить Вас во время о получении присланных Вами книг. Смею уверить Вас, Измаил Иванович, что нам слишком дорого Ваше сочувствие и внимание, и этот невольный мой поступок да не послужит к охлаждению к нам с Вашей стороны, и будьте уверены, что вперед это не повторится.

С первым удобным случаем постараюсь доставить Вам 3-й выпуск „Братски Труд“, который за неимением средств, с большим трудом доведен до 4-го выпуска.¹

Считаю нужным для себя сообщить Вам, что я принял на себя труд составить краткий Болгарско-русский словарь, над которым и работаю, уже собрано несколько тысяч слов. Но я слышал, что в Петербургской Академии находится словарь Неофита² с греческими объяснениями; будучи хорошо знаком с греческим языком, как с древним, так и с новым, то я обращаюсь к вам с просьбою: нельзя ли будет прибавить к тому словарю и собираемые мною слова, если только я не соберу, по крайней мере до 20 000 слов. Ваши советы относительно составления словаря будут для меня чрезвычайно полезны, и я буду чувствительно Вам благодарен, если Вы меня удостоите ими. Я с удовольствием принял бы на себя объяснить на русском языке словарь Неофита, если только не найдется другой, словом я желаю узнать Ваше мнение, продолжать ли мне составление Болгарского словаря или нет.

Будучи уверен, что вы глубоко сочувствуете бедному болгарскому народу, и изъявляя Вам нашу чувствительнейшую благодарность и глубокое наше к Вам уважение, остаюсь

Ваш покорнейший слуга Ксенофонт Жинзифов.

1862 г. Авг. 17 д.
Москва.

Если вы удостоите меня ответом, то благоволите адресовать в Московский университет.

Ф. 216, оп. 5, № 241.

¹ Ксенофонт (Райко) Жинзифов был деятельным участником кружка болгарской молодежи в Москве в 60-х гг. Кроме сборника „Братский труд“ (тт. I—IV, М., 1860—1862), в издании которого принимал участие также Л. Каравелов, кружку принадлежал ряд других изданий.

² Рукописный греко-болгарский словарь Неофита Рыльского, составленный в Болгарии еще в первой половине XIX в. Автор пытался напечатать его в Константинополе в 1875 г. См. предисловие к вып. 3 Болгарского словаря А. Дювернуа и статью К. Иречка в „Периодическо списание на Българското книжевно дружество“ (Средец, 1882. 2). Рукопись находилась в монастыре Иоанна Рыльского в Болгарии и осталась неоконченной за смертью автора.

22

В. И. Ламанский — родителям

24 августа (5 сентября) 1862. Белград

Белград. 24 авг. (4 сент.)* 1862.

Вчера в 8 часов утра я приехал в Белград, в 11 часов отправился к Влангали и просидел у него до часу. Так как всю ночь я не спал, то и спешил домой, чтобы выспаться до обеда, на который пригласил меня Влангали в 5½ часов. Как только пришел в трактир, сейчас же завалился спать. Никому я ничего не сказал, чтоб меня разбудили, и таким образом проспал до 9 часов, когда меня разбудил человек, чтобы приготовить постель. Город теперь в осадном положении, позже 9 часов нельзя ходить по улицам. Я остался в трактире ужинать, причем болтал с хозяином гостиницы и еще двумя сербами об их теперешних делах, о 48-м годе и т. д. Разговор наш весь шел по-сербски. Сербы удивлялись, что я так изрядно говорю и что так скоро выучился, собственно в 12 дней, в пребывание мое в Новом Саде. Сегодня я встал рано, но до 9 часов просидел за своим дневником, который с конца июля веду постоянно. В 10-м часу отправился на одну баррикаду, где служит Мил. Янкович, — помните, был у нас. Не найдя его, — он уехал в деревню, — отправился в дом консульства, к одному знакомому сербу еще по Вене — Медаковичу, теперешнему секретарю Влангали, с ним пошел к митрополиту Михаилу. Он был у князя, и в ожидании его мы ходили по саду и ели виноград. Мы толковали о Сербии, Гарибальди и пр. с тремя монахами и одним молодым человеком светским, профессором богословия. Весь разговор наш был по-русски, ибо они все учились в России. Наконец, приехал митрополит от князя, человек молодой, милый, любезный. Он воспитывался в Киевской духовной академии и прекрасно говорит по-русски. Звал меня к себе опять. От него я отправился к Влангали на завтрак. Еще вчера познакомился я у Влангали с французским консулом и его секретарем Дозоном, который живет в Сербии, кажется, около десяти лет, знает язык мадьярский, сербский, теперь учится по-русски и читает „Мертвые Души“, которые ему очень нравятся. Я с ним говорил по-французски и по-сербски, и он удивлялся, как я мог так скоро выучиться. Не думайте, впрочем, чтобы я уже владел сербским языком, надеюсь, впрочем, в эти три месяца я хорошо научусь по-сербски, ибо теперь до половины ноября буду жить только между сербами. Здесь я пробуду вероятно около 2 недель, оттуда отправлюсь в Славонию, Кроацию, Далмацию и Черную Гору. Если хватит времени и денег, съезжу ненадолго на Ионические

* Так в подлиннике.

острова и в Грецию, а оттуда в Венецию на несколько дней и через Вену в Прагу, где намерен пробыть до весны, а весною хочу отправиться в Галицию и Верхнюю Венгрию. Я все более начинаю свыкаться с этою странническою, цыганскою жизнью. Она имеет свои прелести, не лишена и горести: часто находят на меня минуты тоски, в которые передумывается очень много, понимаешь цену всякой вещи, которою прежде не умел дорожить, чувствуешь и сознаешь, какое великое благо и счастье иметь родных, друзей, знакомых, быть, наконец, русским человеком.

Ваше письмо, любезные мои маменька и Липушка, от 15 августа я получил в Новом Саде 2 сентября; из него я с сожалением узнал, что мои письма не исправно и даже совсем не доходят до Вас, напр. одно из Вены, два из Пешта, из которых в одном я поздравлял Липушку с именинами и торопил Вас скорее выслать мне деньги. Я живу вообще довольно экономно, но переезды и книги обходятся дорого. Не ездить и не покупать книг нельзя. Я глубоко благодарен папеньке за то, что он ссудил меня 50 рублями. Если не придет денег Катков, то я их возвращу в первых числах октября. Быть может вы все на меня сетуете, зачем я не пишу писем для газет. Поверьте, не из лени. Писать глупостей не хочется и нельзя торопиться, ибо наши слова, наши русские суждения взвешиваются, комментируются славянами. Какое-нибудь неосторожное слово может повредить не мне, а России или понятиям славян о ней. Здесь же, у славян все интересы так запутаны и перепутаны, что о положении одной народности нельзя верно судить, не узнавши положения другой, и всякий небольшой уезд, по-нашему, составляет здесь особую страну с своими интересами, находится в самых различных отношениях к другим уездам. Описывать все это очень трудно, для этого требуется большая осмотрительность.

О Сербии или о Белграде писать Вам мне нечего, еще ничего не видел. Жителей в городе очень мало, все почти магазины, лавки заперты, везде баррикады, на каждом шагу встречаешь солдат и земскую дружину.

Вы, сколько я заметил, недовольны моими последними письмами, находите их мало интересными, замечаете, что мало пишу о себе. Липушка требует, чтобы я подробно описал мое плавание по Дунаю, но из Пешта до Нового Сада берега Дуная мало представляют живописного, за то сам Дунай очень величествен; вода его мутная. Пароходы по Дунаю не отличаются большими удобствами, и я слышал, что наши волжские устроены лучше. Публика на пароходах самая разношерстная. За обедом (из Пешта) сидели за столом один подле другого: пруссак, француз, серб, роман (валах), итальянец, еврей и пр. Новый Сад, несмотря на свое выгодное положение, на Дунае, городишка очень плохой, имеет менее 20 тыс. жителей, довольно грязен. Жители тамошние, по большей части, все сербы, уверены, конечно, что Новый Сад город отличный. Велика варошь, лепа варошь. Здешний театр, его управление и пр. напоминает русский театр в провинции или в Москве во второй половине 18 в. Интеллигенция не то что не любит русских, — меня принимали очень радушно, — но вообще завидует нам, нашей силе, часто ругает Россию, но народ чрезвычайно нас любит. Говорю о православных сербах. Русского царя сербы простые в Австрии считают своим царем. Еще недавно — мне рассказывал сам экзаменатор, — в одной народной школе ребенок серб в одной школе на вопрос, где он живет, в какой стране, ничего не мог ответить, как только: в Воеводине. Об Австрии он не слышал. „А кто наш царь?“ — „Николай“. Из Нового Сада я ездил на Фрушку

Гору — сербские православные монастыри, но, к сожалению, посетил только один монастырь — Крушедол, где провел день и ночь у епископа Груича, очень умного мужика. В Новом Саде был в гостях два раза, раз на обеде у владыки, у епископа Платона. Все живут отлично, едят чудесно, пьют превосходные вина. 30 числа в Новом Саде был концерт в пользу черногорцев и герцеговинцев, а после бал. Я был одет в парадном сербском костюме — душанке. Барыни здешние напоминают наших купчих, почти все белятся и румянятся. В воскресенье, 1 числа, я ездил с одним моим приятелем Костичем, молодым сербским писателем, в окрестные села, между прочим в русинские, где сделал очень любопытные наблюдения над русским языком.

Иду обедать к Влаангали. Пишите мне в Аграм, en Croatie.

Будьте здоровы. Ваш В. Ламанский.

Пишите подробнее о празднестве. Если Катков принял,¹ то подпишитесь на „Современную Летопись“ и вышлите мне в Аграм, poste restante.

Ф. 35, оп. 1, № 1726.

¹ Неизвестно, о какой статье идет речь.

23

Я. Шафарик — И. Иречку

22 октября (3 ноября) 1862. Белград

W srbskem Bělehrade. d. ²²/_{XI} 862.

Drazewáženy pane šwagre!

Doručitel těchto řadků pán Vladimír Lamaňski z Petrohradu, žádá sobě seznámiti se s Wámi a s našim milým Wojtěchem Šafárikem. On pracował u nás přes několiká neděl velmi pilně, skoumáje naše staré rukopisy, jejichž počet se až přes sto listů rozmnožil, jeli pak co w nich hodného powšimnutí, to wám on nejlépe bude moci zdělití. Pán Lamaňski chce zimu strawiti we Widni, a poněwadž sem se naučil znati ho a sobě wážiti, tedy ho i Wám a mému bratranci Wojtěchowi srdečně poručím, byste mu byli s radů na pomoci, jestliby Wás on v něčem požádal.

Oznamuji Wám spolu že sem obdržel i balík s knihámy od Wás, psání od Wladislawa i obrazy něbožtika pana stryca vše řadně, a za vše co nejsrdečněji děkuji. Máteli katalogu biblioteki strycowi dwa tři kusi na zbyt, prosil bych Wás byste mi z nich ještě poslal, moji zdejší dobry přátelé, jmenowitě Daničić, mně welice o ně žádají. — Pán dr. Gabler Wám bude moci něco wíce powěděti o nás. Ja Wám jen tolik w kratce oznamuji, že se nacházíme w známém starem stawě, měli sme tyto posledni měsice špital w domě... všech pět deti stunalo od frizlů. Teď již dobre, některý ale ještě jsu dosti slaby.

Pán Lamaňsky mislí že by p. strycowu biblioteku měla wlada ruská kupit, z částky pro biblioteku cisarsku w Petrohradě, ostatek pak pro nowe ustanowující se Uniwersitu Odessku. — Tež je toho domněni žeby náš Wojtěch professuru chemije neb jinu kteru, kolikby chtěl, na Uniwersitě Odeske velmi snadno a jiste obsahl, kdyby to jen chtěl, a ministru Golowinu o to psal. On snad s Wámi o tom promluwi, je uřednik ministerstwa proswěštenija a tak může k věci něco říci.

Seznamte p. Lamaňského s panem doktorem Gablerem, jehož zde u mně w Bibliotece widěl.

Pak wyříd'te mé nejwdečnejši ucty pani tetce jež mi všeci ruku libáme, a pozdrawení celé rodině, zwlaště Waši Božence, bratrancům Wojtěchowi a Wladislawowi, pak Wašemu bratrowi Hermengildowi; Wám se wdečne poručím a jsem s upřímným pozďřawením

Waš oddaný šwagr .

Dr. Jan Šafárik.

Ф. 35, оп. 1, № 1549.

Перевод

Сербский Белград. 22 XI 862.

Многоуважаемый шурич!

Предъявитель этих строк, г. Владимир Ламанский из Петербурга, желает познакомиться с Вами и с нашим милым Войтехом Шафариком. Он работал у нас в течение нескольких недель весьма прилежно, изучая наши древние рукописи, количество которых увеличил более чем на сто листов; имеется ли в них что-нибудь заслуживающее внимания, это он сам Вам наилучшим образом сможет рассказать. Г. Ламанский хочет провести зиму в Вене, а так как я научился уважать и ценить его, то поэтому сердечно рекомендую его и Вам, и моему двоюродному братцу Войтеху, чтобы Вы оказали ему помощь своими советами, если бы он к Вам с чем-нибудь обратился.

Одновременно сообщаю Вам, что и пакет с книгами от Вас, и письмо от Владислава, и портреты покойного дядюшки получены мною все в полном порядке, и за все самое сердечное спасибо. Если у Вас есть два-три лишних экземпляра каталога дядиной библиотеки, я просил бы Вас послать их мне, мои здешние добрые друзья, именно Даничич, очень у меня их просят. Г. д-р Габлер сможет Вам рассказать о нас больше. Я только вкратце сообщу Вам, что мы пребываем в прежнем известном Вам положении, в последние месяцы у нас была целая больница дома... все пятеро детей хворали инфлуэнцой. Теперь им уже хорошо, но некоторые еще довольно слабы.

Г. Ламанский полагает, что дядюшкину библиотеку должно бы купить русское правительство,¹ часть для императорской библиотеки в Петербурге, остальное для новоорганизующегося Одесского университета. Он также считает, что наш Войтех, если бы только хотел, мог бы непременно и очень легко получить профессию химии или какую другую, какую хочет, в Одесском университете, и министру Головину* об этом написал. Он вероятно будет об этом с Вами сам говорить, он является чиновником Министерства просвещения и может замолвить словечко по этому делу.

Познакомьте г. Ламанского с г. д-ром Габлером, которого он видел здесь, у меня в библиотеке.

Передайте мое глубочайшее почтение тетушке, ручку которой мы все целуем, и привет всей семье, особенно Вашей Божене, братцам Войтеху и Владиславу и Вашему брату Герменгильду.

Остаюсь Вашим покорным слугой, с искренним почтением
Ваш преданный шурич д-р Ян Шафарик.

¹ Библиотека П. И. Шафарика поступила в чешский Народный музей.

* Головину.

Ю. Даничич — II Отделению Академии Наук

2 (14) апреля 1864. Белград

В Биограду 2/14 апр. 1864.

Господине

Имао сам част лицем на благовијести примити с Вашим писмом диплому којом ме императорская Академия Наук утврђује за својега члана кореспондента.

Том се почашћу осјећам везьма охрабрен у књижевном раду својем, и мислим да не могу ничьм боље показати колико је цијеним и колико сам на њојзи захвалан Императорской Академии, него да од сада путем којим сам пошао још већма трудим да будем од користи књижевности својега народа.

Особито ми је мило што имам част Вама, Господине, ово исказати, и овом приликом молити Вас да бисте били увјерени о потпуном поштовању које имам према Вама.

Кад буде готов мој „рјечник из књижевних старина српских“, а биће, ако да бог, до 3 месеца дана, узећу слободу послати Императорской Академии један екземпляр с другим дјелима својим, која нађем. У том ће бити готово и Никољско јеванђелије, које ћу такође послати. Том приликом, ако је слободно, имаћу част послати по један екземпляр и рјечника и јеванђелија Вама, Господине, и господину академику И. И. Срезневскому, која мислим да већ има неколико свезака рјечника, и којему молио бих да бисте извољели казати од мене поздрав и поклон.

Ако бисте ме удостојили части да ми што пишете или коју книгу пошљете, молио бих да на адреси извољите додати имену мојему: „професор у Великој школи“.

Завершујући ово писмо молим још један пут да бисте били увјерени о потпуном поштовању мојем.

ђ. Даничич.

Ф. 9, оп. 1, № 367.

Перевод

Белград, 2/14 апр. 1864.

Милостивый государь!¹

Я имел честь как раз в благовещение получить вместе с Вашим письмом диплом, которым имп. Академия Наук утверждает меня своим членом-корреспондентом.

Я везьма ободрен этой честью в своей литературной деятельности и думаю, что лучше всего смогу доказать, как ценю ее и как благодарен за нее имп. Академии, тем, что с этих пор еще более буду трудиться на пути, избранном мною на пользу литературы своего народа.

Особенно приятно мне, что я имею честь, милостивый государь, это Вам высказать и при этом случае просить Вас быть уверенным в полном уважении, которое к Вам питаю.

4 Документы к истории славяноведения

Когда будет готов мой „Словарь древней сербской письменности“,² а это будет, даст бог, через 3 месяца, я разрешу себе послать один экземпляр имп. Академии вместе с другими своими трудами, какие найду. Скоро будет готово Никольское евангелие,³ которое также пришлю. При этом случае, если разрешите, буду иметь честь послать по одному экземпляру и словаря, и евангелия Вам, милостивый государь, и господину академику И. И. Срезневскому, который, я думаю, имеет уже несколько выпусков словаря, и которому прошу передать от меня привет и поклон.

Если бы Вы удостоили меня чести написать мне или послать какую-нибудь книгу, я просил бы на адресе добавлять к моему имени — „профессору Великой школы.“

Заканчивая это письмо, прошу еще раз принять уверения в моем полном почтении.

Ю. Даничич.

¹ Председательствующим II Отделения был П. А. Плетнев.

² Речник књижевних старина српских, тт. I—III. Биоград, 1862—1864.

³ Издано Даничичем в Белграде в 1864 г.

25

А. Патера — В. И. Ламанскому

24 октября (5 ноября) 1866. Прага

V Praze, 5. listopadu 1866.

Mily Vladimire Ivanovičil

Doufám, že jste moje poslední psaní obdržel, které jsem Vám před dvěma týdny odeslal.

Letos jsem byl počáde v Praze, neb jsem nemohl mimo Prahu po bibliotekách studovati, všude kde měli lepších rukopisů, uschavali je před Prusáky. Studoval jsem pouze po celý čas musejní rukopisy. Nyní jsem již sebral hezkého materialu, ale nemám niaké naděje, že by u nás jsem ho mohl vydávati, neb nákladatele sotva nějakého najdu. Prosím Vás, poradte mi, nemohla by Vaše akademie počase vydávati naše staré památky jazyka i literatury? Jak by se tím prospělo nám i Vám, nepotřebuji o tom šiniti slov! Kdyby to jednou možna bylo, přichystal bych kriticky svůj material k vydání i posílal bych Vám památku po památce. Nejdříve bych každou památku v úvodu ocenil literárně a filologicky, pak bych podal na jedné straně diplomaticky věrně text a při tom text dle nynějšího pravopisu, a na konec bych ke každému památníku připojil slovníček. Takým způsobem bych hleděl vydati všechny české památky do XV století, památky z XV a XVI století bych podal jen nejdůležitější a o ostatních bych přichystal popis, jaký Vám vydali Vostokov, Gorskij a Nevostrujev, Strojev atd.

Mimo české památky mne nyní obzvláště zajímá Vaše literatura i počínám si pořádati material, bych ji obšírněji spracoval pro Čechy. Tím sám vniknu důkladněji do ducha jejího a vyplním ponekud čitelnou mezeru v naší literatuře, neb se mluví u nás mnoho o Slovanech a málo je známe.

Nákladatele bych již našel. Doufám že mi budete jako vždy nápomocen. Nyní bych nevyhnutně potřeboval i prosím byste mi přislali:

1) Стоюнина. О преподавании русской литературы.

2) Судовщикова. Пособие учителям при преподавании истории русской литературы. Киев.

Těž bych prosil při tom o Vaši radu, neb bez té bych se nemohl do tohoto díla pustiti.

Nemáme v Praze teč „Известия имп. Академии Наук“ т. IX—X. Já mám pouze tomu IX vypusk V-tý. Ostatní tomy I—VIII jsou v Šafaříkové bibliotece (v museum).

Předěšlý týden byla v Praze pani Šestakova i přivezla mi „Сказание о королевице Брунsvике“, děkuji Vám za Vaši laskovost i svým časem použiju již Vámi mi přisláný přepis. — Pani Šestakova se v Praze dlouho nezdržela neb zamýšlí z jara opět přijíti do Prahy. Poslal jsem Vám po ní nejnovejší lepší spis chorvatský, který Vás zajisté bude interesovati. „Mesić. Život Nikole Zrinjskoga Sigetskoga junaka. U Zagrebu 1866“; právě jsem ho byl dostal.

Před dvěma nedělemi byl u nás p. Larionov z Kazaně, velmi hodný i srdečný Ruský, přijede do Petrohradu asi za týden i zdrží se tam. Poslal jsem Vám s ním Havlička v rukopise (1) Duch Havličkův v 4° str. 130 a 2) Jeho Kutnohorské epístoly (2. archů v 4°) — Chtěl jsem Vám poslati exemplář tištěných epístol ale nemohl jsem ho dostati, proto jsem Vám je dal opsati. „Duch Havličkův“ koluje u nás jen v rukopise. Budete moci ledačeho použití při vydání své čítanky. Těž jsem p. Larionovu pro Vás dal „Čelakovského sebrané listy“ a „Palacký. Život Dobrovského“. Byl bych Vám ještě ledaco poslal, ale nechtěl jsem ho více obtěžovati. Hattalovu mluvnici jazyka slovenského jsem Vám poslal pod křížovou obálkou i snad jste ji již dostal. Možná Vám ještě posílati knihy knihkupeckou cestou (k Prusovi do Lipska aby to odeslal Isakovu do Petrohradu)? Pište mi, poslal bych Vám některé a tež pro p. Šestakovou „Karadžićovy písně národní srbské“. Chtěla je v Praze koupiti, a e nemohla, proto jsem psal do Vidně, pro ně. — U nás nyní málo co kloudného vychází. Hattala končí svůj článek obšírný „de mutatione consonantium“ i pošleme Vám jej, jakmile vyjde.

Letos jsme měli kroušnou návštěvu trojích hostů. První byli Prušáci, kteří u nás zůstavili podivný dojem o své kultuře, každý sedlák by Vám o ní mnoho napovídal. S Prušáky přišla k nám cholera, která u nás silně řádila; třetí hosté jsou jezovitě. Máme jich již dvanácte usazeno v Praze i přijde jich nejspíše ještě více, jak je jen z ce é Itálie vyženou, vtrhne celá tato sbeň do Rakouska. U nás nenajdou tak dobré pole, jako v Haliči kde jim jejich vychovanec Goluchovský připravuje cestu. Zde v Praze i na venkově panuje proti nim hrozná antipatie, již se stalo mnoho skandalů (často jim vytloukají okna, i v kostele proti nim vystupují).

„Národní listy“ budou míti několik procesů skrze, ně, a po krajích se sbírají osvědčení proti nim. O politice naší Vám ani nepišu, neb jest naše pclitické položení velmi smu né, jak sám víte. Prusko náš nejnebezpečnější vrah, který má silu a kterému bysme se tak lehce neubráníli, rado by nás brzy pohltilo, neb se jim u nás velmi líbilo.

Rakousku mají nyní pomoci Beust a jezovitě! Račte vyříditi p. Srezněvskému moje uctivé pozdravení a díky za přisláné mi jeho spisy. Kdyby v Praze něco potřeboval, s radostí mu zaopatřím vše.

Váš

A. Patera.

Děkuji Vám za laskavé přijetí Šrámkovo, psal svému příteli i jeho psaní učinilo velmi dobrý dojem u nás. Kdybyste potřebovali pro klassickou filologii ještě jednoho mladého filologa Pičku, který se též pilně učí ruštině a na universitě jest jeden z nejvýtečejších poslouchačův. Byl by ochoten, třeba hned se odebrati k Vám, by ještě asi rok mohl u Vás na universitě studovati.

Letos byl v Praze professor Leger z Paříže, který přeložil i vydal francouský překlad rukopisu Kralodvorského (letos). Dobře jsem se s ním seznámil i tu mi vypravoval že nyní sbírá material k většímu spisu o Cyrillu a Methodijovi. Upozornil se ho na to, co bylo u Vás v tom oboru vyšlo. V sborníku Kirillomethodějském se mi nejlepe líbil článek Viktorova. Některé články v tomto sborníku jsou povrchně i nekritické.

Ф 35, оп. 1, № 1077.

Перевод

Прага, 5 ноября 1866.

Милый Владимир Иванович!

Я надеюсь, что Вы получили мое последнее письмо, которое я послал Вам две недели назад.

В нынешнем году я все время был в Праге, потому что кроме Праги я нигде не мог работать в библиотеках, всюду, где имелись ценные рукописи, их спрятали от пруссаков.¹ В течение всего времени я работал исключительно над рукописями Музея. Теперь я уже собрал много прекрасного материала, но у меня нет никакой надежды издать его у нас, потому что едва ли я найду издателя.² Пожалуйста, посоветуйте мне, не могла ли бы ваша Академия со временем издать наши старые памятники языка и литературы. Как это было бы полезно и для нас и для вас, об этом не стоит и говорить! Если бы это было возможно, я обработал бы критически свой материал к изданию и посылал бы вам памятник за памятником. Сначала я дал бы к каждому памятнику в предисловии литературную и филологическую оценку, потом привел бы на одной странице дипломатически точный текст, а рядом текст в современной орфографии, и в конце приложил бы к каждому памятнику словарик. Таким образом я хотел бы дать все чешские памятники до XV века, из памятников XV и XVI в. я дал бы только важнейшие, а для остальных приготовил бы описание, как у вас это сделали Востоков, Горский и Невосгруев, Строев и т. д.

Кроме чешских памятников меня в настоящее время особенно занимает ваша литература, и я начинаю подготавливать материал, чтобы ее шире обработать для Чехии. Этим самым я более обстоятельно вникну в дух ее и заполню ощутительный пока пробел в нашей литературе, потому что у нас много говорится о славянах, а знаем мы их мало. Издателя я уж нашел бы. Надеюсь, что Вы как всегда мне поможете. Сейчас мне непременно нужны и прошу Вас мне прислать:

1) Стоюнина: О преподавании русской литературы.

2) Судовщикова: Пособие учителям при преподавании истории русской литературы. Киев.³ Также попрошу у Вас совета, потому что без него я не мог бы взяться за это дело.

Нет у нас также в Праге „Известий“ имп. Академии наук, т. IX—X. У меня есть только 5 выпуск IX тома. Остальные I—VIII тт. находятся в библиотеке Шафарика (в Музее).

На прошлой неделе в Праге побывала г-жа Шестакова и привезла мне сказание о королевиче Брунsvике.⁴ Благодарю Вас за Вашу доброту

и в свое время использую присланный мне Вами список. Г-жа Шестакова не задержалась долго в Праге, потому что предполагает весной опять сюда приехать. Через нее я послал Вам последнее лучшее хорватское сочинение, которое Вас безусловно заинтересует — Месич. „Жизнь Николая Зринского, Сигетского юнака“. Загреб, 1855, я только что его получил.

Две недели назад был у нас г. Ларионов из Казани, очень достойный и сердечный русский, он приедет в Петербург приблизительно через неделю и там задержится. Я послал Вам с ним рукописные копии Гавличка: 1) Дух Гавличка, в 4°, 130 стр. и 2) его Кутногорские эпистолы (2 листа в 4°).⁵ Хотел еще послать Вам экземпляры печатных эпистол, но не смог их достать, поэтому дал снять копию с них для Вас. „Дух Гавличка“ имеет хождение у нас только в рукописи. Вы сможете кое-что использовать при издании своей хрестоматии.⁶ Также я передал Ларионову для Вас „Челяковского собрание сочинений“,⁷ и Палацкого „Жизнь Добровского“.⁸ Послал бы Вам еще кое-что, но не хотел его больше затруднять. Грамматику словацкого языка Гатталы⁹ я послал Вам бандеролью, и Вы вероятно уже ее получили. Можно Вам еще посылать книги через книгопродавцев (Прусу в Лейпциг, чтобы тот переслал Исакову в Петербург). Напишите, я послал бы какие-нибудь книги Вам и для г-жи Шестаковой „Народные сербские песни Караджича“.¹⁰ Она хотела купить их здесь в Праге, но не смогла, поэтому я написал о них в Вену. Сейчас у нас мало что хорошего выходит. Гаттала кончает свою большую статью „de mutatione consonantium“¹¹ и мы ее Вам вышлем, как только выйдет.

В этом году нас навестили три тяжелых гостя. Первым были пруссаки, оставившие у нас курьезное впечатление о своей культуре, каждый крестьянин много бы о них Вам порассказал. С пруссаками пришла к нам холера, здорово нас опустошившая; третьим гостем были иезуиты. Посажено их к нам в Прагу двенадцать, и придет их скоро еще больше, а когда их выгонят из всей Италии, тогда весь этот сброд бросится в Австрию. У нас они не найдут такого хорошего поля для деятельности, как в Галиции, где Голуховский, их воспитанник, подготавливает им почву. Здесь, и в Праге и в окрестностях ее господствует антипатия к ним, уже произошло много скандалов (часто им выбивают окна, выступают против них в костеле). „Narodní Listy“ из-за них будут иметь несколько процессов, собирают свидетелей против них в провинциях. О нашей политике Вам не пишу, потому что наше политическое положение очень печально, как Вы сами знаете. Пруссия — наш опаснейший враг, она имеет силу и от нее мы так дешево не отделаемся, она бы нас с удовольствием проглотила, пруссакам у нас очень понравилось.

Австрии должны помочь сейчас Veust и иезуиты! Г. Срезневскому передайте мой почтительный привет и благодарность за присланные им его труды. Если бы ему что-нибудь нужно было в Праге, я с радостью устрою ему все.

Ваш А. Патера.

Благодарю Вас за любезный прием Шрамека, он написал своему приятелю и его письмо произвело очень хорошее впечатление у нас. Не нужно ли для классической филологии еще одного молодого филолога Пичку, который тоже прилежно обучается русскому языку и в университете являлся одним из прилежнейших слушателей. Он с радостью сейчас же собрался бы к Вам, чтобы еще годик иметь возможность поучиться у Вас в университете.

В этом году был в Праге проф. Лэже из Парижа, который перевел и издал французский перевод Краледворской рукописи (в этом году).¹² Я с ним хорошо познакомился и он мне рассказывал, что собирает материал для большого труда о Кирилле и Мефодии.¹³ Я обратил его внимание на то, что вышло у Вас в этой области. В Кирилло-Мефодиевском сборнике мне больше всего понравилась статья Викторова.¹⁴ Некоторые статьи в этом сборнике — поверхностные и некритические.

¹ Во время австро-прусской войны.

² Описание пражских рукописей было издано только в 1910 г.: *Soupis rukopisů knihovny metropolitné kapitoly pražské. Sestavili A. Patera a A. Podlaha. Část I. Praha, 910.*

³ В. Стоюнин, СПб., 1864; Е. Судовщиков, 1863.

⁴ Речь идет, очевидно, о русском списке этого популярного в Чехии сказания. О русских списках см. в статье Ю. Поливки „Kronika o Brunsvikovi v ruské literatuře“ (*Rozpr. České Ak. věd, Tr. III, č. 5, Praha, 1892*).

⁵ Идет речь о запрещенных цензурой сборниках публицистических статей К. Гавличка-Боровского, изданных им в 1851 г., во время пребывания в Кутной горе, после высылки из Праги: „Duch Národních novín. Spis obsahující úvodní články z Národních novín roku 1848, 1849, 1850“ и „Epistolj Kutnohorské“.

⁶ Сведения о составленном В. И. Ламанским „Сборнике образцов чешского языка“ имеются в „Обзоре преподавания наук в СПб. университете на 2-е полугодие 1886—87 г.“ (СПб., 1837); см. библиографию трудов Ламанского П. Д. Драганова в „Новом сборнике статей по славяноведению“ (1905, стр. XLVII). Это позволяет датировать его брошюру „Образцы чешского языка“ (СПб., 6. г.)

⁷ Fr Lad. Čelakovský. Sebrané listy. Praha, 1865.

⁸ F. Palacký. Josef Dobrovský's Leben und gelehrtes Wirken. Prag, 1833. Русский перевод этой книги А. Царского вышел в Москве в 1838 г.

⁹ M. Hattala. Mluvnica jazyka slovenského. Pešť, 1864.

¹⁰ Српске народne pjesme, скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Кн. 1—5, у Бечу, 1841—1865.

¹¹ De contiguarum consonantium mutatione in linguis slavica. Prague, 1865.

¹² L. Leger. Chants héroïques et chansons populaires des slaves de Bohême. Paris, 1866.

¹³ L. Leger. Cyrille et Methode. Etude historique sur la conversion des slaves au christianisme. Paris, 1868.

¹⁴ А. Е. Викторов. Кирилл и Мефодий. Новые источники и ученые труды для истории славянских апостолов. Кирилло-Мефодиевский сборник. В память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный по определению Моск. общ. любителей росс. словесности М. Погодиным, М., 1865.

26

Ю. Ф. Самарин — В. И. Ламанскому

5 (17) апреля 1867. Москва

Москва, 5-го апреля 1867.

Почтеннейший Владимир Иванович.

Московская городская Дума, ассигновав сумму на прием и угощение славян, ожидаемых к выставке, поручила все по этому предмету распоряжения особой Комиссии, в которой я состою председателем. На первом же заседании Комиссия единогласно выразила желание воспользоваться настоящим случаем для выражения сочувствия и признательности московского общества к тем из русских ученых, которые

своими трудами наиболее содействовали нашему сближению с славянами. С этой целью мне поручено, от имени города, пригласить в Москву, вместе с ожидаемыми из-за границы гостями, Вас и Измаила Ивановича Срезневского. С величайшею радостью исполняя это поручение, я позволю присовокупить к нему следующие две просьбы.

Во-первых, я попросил бы Вас взять на себя труд передать прилагаемое письмо И. И. Срезневскому, адреса которого я не знаю.

Во-вторых, нам бы необходимо было знать для предстоящих приготовлений, кого именно из славян ожидают в Россию, из каких стран, в каком числе, и что именно предполагается сделать для их встречи в Петербурге.¹ Помнится, Вы даже сами вызвались меня об этом уведомить. Чем раньше мы все это узнаем, тем будет лучше.

Во избежание всяких недоразумений, считаю нелишним присовокупить, что Комитет приглашает Вас через меня от имени городского общества; следовательно, Вы будете гостем Москвы, которая берет на себя приготовить для Вас помещение и все нужное.

Мы все надеемся, что Вы не откажетесь от приглашения и уговорите также И. И. Срезневского приехать вместе с Вами.

Глубоко Вас уважающий и искренно Вам преданный Юрий Самарин.

Мой адрес: в Москве, на Ордынке, в Толмачевском переулке, в доме графини Соллогуб.

Ф. 35, оп. 1, № 1263.

¹ О событиях, связанных с приездом на Этнографическую выставку в Москве депутации славян и с устроенным славянофильскими кругами чествованием этой депутации в Петербурге и в Москве, превратившим ее пребывание в России в своеобразный славянский съезд, см. в книге „Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867“ (изд. Моск. университета, М., 1867), где даны сведения о числе (около 80) и составе славянских гостей, о подробностях их приема и опубликованы произносившиеся речи. Из новейшей литературы см. содержательное исследование: M. Prelog, „Pout Slovanů do Moskvy roku 1867. Z rukopisu přeložila Milda Paulová“ (v Praze, 1931), где имеется указатель печатных и архивных источников. См. также С. А. Никитин, „Славянские съезды 60 гг. XIX в.“ в „Славянском сборнике“, изд. Всесоюзной 6-ки им. Ленина, М., 1948 (печатается).

27

Ю. Ф. Самарин — В. И. Ламанскому

10 (22) апреля 1867. Москва

Москва, 10 апреля 1867.

Благодарю Вас усердно, почтеннейший Владимир Иванович, за Ваше письмо и сожалею искренно, что Вы, соглашаясь быть гостем в Москве, не хотите быть гостем Москвы. По крайней мере не поручите ли Вы мне нанять квартиру для Вас? Мы приготовили было для Вас помещение в той самой гостинице Кокорева, в которой поместятся все славяне. К тому времени при ожидаемом съезде и в праздник довольно трудно будет Вам приискать номер и потому, право, не лучше ли Вам поручить это мне заблаговременно, если Вы не намереваетесь остановиться у кого-нибудь из Ваших знакомых. У нас теперь принят порядок такой. Комитет, назначенный от Думы, берет на себя и покрывает городской суммой только расходы на содержание гостей, т. е. на помещение,

экипажи и стол; но никаких обедов не дает. Один обед даст университет, на что уже ассигнована сумма; другой, вероятно, в театре по подписке. Для устройства этого последнего обеда вчера назначена особая комиссия: князь Голицын (старшина потомственных дворян), Аксаков, Погодин, граф Бобринский, Лямин, Чегвериков и другие. Будьте покойны, мы у Вас гостей перебивать не будем; держите их сколько признаете нужным; только уведомьте меня заблаговременно, когда им можно будет выехать в Москву. Что касается отправки приглашений от города к Ригеру и Палацкому, то в этом я встречаю затруднения. По моему мнению; звать надобно всех или никого; но выбора тут быть не может; иначе многие в праве бы были обидеться. Мы думаем поступить таким образом: по получении известия о приезде гостей в Петербург, отправить к ним депутатов от города для приглашения их принять гостеприимство, предлагаемое от Москвы. Следовательно, Комитет выставки отправит вероятно и своего депутата.

Относительно встречи и нужных приготовлений в Варшаве Вы, конечно, переговорите с Черкасским, который теперь в Петербурге и может дать добрый совет лучше чем кто-либо.

С нетерпением буду ожидать от Вас дальнейших известий.

Душевно Вам преданный Юрий Самарин.

Ф. 95, оп. 1, № 1263.

28

А. Патера — В. И. Ламанскому

9 (21) апреля 1867. Прага

V Praze, 21/7.* dubna 1867.

Drahý Vladimire Ivanovič!

Dnes odpoledne jsem dostal Váš telegram i šel jsem s ním hned k Palackému a Erbenu. Jest—li jste ještě neposlal lístky do Prahy, tedy je raději pošlete panu Rajevskému do Vidně, který nám psal, že nám je zaopatří. Bude to lépe, když je dostane sám p. Rajevský, neb pak nebude o ně opět snad psáti do Petrohradu a Moskvy. Pan Erben mu o tom hned napíše, aby se snad nestalo nějaké nedorozumění. Kdybyste byl lístky již poslal do Prahy, tak mi to hned napište, neb p. Palacký odjede s Riegrem zejtra do Paříže, ale 17. aneb 18. května se s námi sjedou ve Varšavě.

Z Prahy pojedou jistě: Palacký, Erben, Rieger, Brauner, Hamerník, Vilany, Kolář, Černý, Skrejšovský, Faltis, Julius Grégr, Kubišta, Skřivan, Palacký (syn). Co zástupce naší šlechty pojedje s námi z Prahy náš hrabě Harrach a snad ještě některý český šlechtic. Psal jsem Vám o něm, jak pilně čte rusky, jest to jeden z prvních a nejpřírodnějších našich šlechticů. Budete z něho míti radost, až ho poznate. Přivezu Vám jeho tabulky z historie české, které nedavno vydal.

Nyní se stal u nás náramný obrat politický, polská frakce se seschla na několik duševně bankrotovaných kavalirů Pustovojtové (z redakce Národních Listů). Julius Grégr již úplně nahledl že se ocitl se svou politikou

* Так в подлиннике

ve psí a pošiná obracet. Prosil Rajevského i Erbena, by mohl s námi jeti, v což tito svolili. Grégr jest ještě nejhodnější z těch polonofilů, alespoň pozná Rusko a „Národní Listy“ budou rozumně psáti. My se již o to postaráme.

Snad pojedje též p. Hattala, jest pořáde velmi churav, proto nemohu psáti jistotu, jest—li přijede. Ale bude—li to jen drobet možná, tak ho získáme, by též jel. Zejtra Vám pošlu jeho spis nejnovější, druhým pánům to přiveze on sám aneb kdyby nepřijel, tak ja vezmu exempláry pro ně. Z Vidně pojedje z Čechů malíř Svoboda a hude. nik Förcgott (Tovašovský), které zajisté znáte, neb jsou dobří známí p. Rajevského.

To víte, jak jsme získali hlavy, tak by nyní hnedle každý jel, ale všecko má své meze. (I Vrtátko dostal nyní velikou chuť, neb kde jsou naši Palacký, Riegr, Erben atd, tam on se rád připlete. Rád by zase nějaký rád ruský. Proti mně se kul manevr, bych nemohl jeti, ale nic se nemohlo poříditi. Povím Vám o tom).

Poslední zpravičku Vám pišu „в скобках“!!

Působením Erbena, Palackého, Riegra a Zeleného jsem dostal od Svatorboru malou podporu na cestu. Též mám již dovolenou od musea. Váš dopis v „Москве“ se velmi zde líbil. Beseda měšťanska se předplatila na Moskvu, škoda, že jest na tři měsíce zastavená.

Palacký dostal dnes list od Pogodina a Popova z Moskvy, v kterém ho zvou na výstavu.

Vyřídte panu Balak irevu moje srdečné pozdravení i aby odpustil, že jsem mu nepsal. P. Kolář mu psal několikráte, jak nabývá opera „Ruslan a Ludmila“ vždy větší oblíby. My s Kolářem jsme na každém představení a pohrozili sme direkci českého divadla, že jak by se opovážil Smetana (vulgo Syrovátka) něco změnití aneb vynechatí, že druhý den jím operu vezmeme. A tu by pak direkce neobstala s obecnstvém. Asi tři neděle nedávali Ruslana, poněvadž byla Tejinková (Ludmila) nemocna a již bylo obecnstvo nespokojeno a direkce dostala mnoho listů, proč se tato opera nedává. Batínko, odpustte, že jsem Vám již dříve neposal zprávu o „Журнале М. Н. Пр.“ která byla v „Národních Listech“ vytištena, předešle jsem zapomenuł Vám to poslatí a asi dvakráte mi to ztratili, tak že jsem musel posledně jeti po paměť to napsati.

Budu Vám opět brzy psáti a až se uvidíme na svaté Rusi tu Vám vše povím.

Pozdravujte p. Srezněvského.

Váš

A. Patera.

Škoda, že nemůže jeti náš Rank! Dobrák chystá nyní „Pořátky ruského jazyka“ do tisku.

Vyjedeme z Prahy 15/3 května ráno.

Ф. 35, оп. 1. № 1077.

Перевод

Прага, 21/7 апреля 1867.

Дорогой Владимир Иванович!

Сегодня после обеда я получил Вашу телеграмму и пошел с ней сразу к Палацкому и Эрбену. Если Вы еще не отправили билетов в Прагу,¹ тогда пошлите их лучше в Вену г. Раевскому, который писал нам, что их заготовит. Будет лучше, если их получит сам г. Раевский,

и не будет опять писать о них в Петербург или Москву. Г. Эрбен сразу ему напишет об этом, чтобы не получилось какого-нибудь недоразумения. Если же Вы уже послали билеты в Прагу, тогда сразу мне напишите, потому что г. Палацкий завтра уезжает с Ригером в Париж, но 17 или 18 мая они съедутся с нами в Варшаве. Из Праги едут: Палацкий, Эрбен, Ригер, Браунер, Гамерник, Вилани, Коларж, Черны, Скрейшовский, Фальтис, Юлий Грегр, Кубишта, Скриван, Палацкий (сын). В качестве представителя нашей шляхты поедет с ними из Праги наш граф Гаррах и может быть кто-нибудь еще от чешской шляхты. Я писал Вам о нем, как он примерно читает по-русски. Это один из первых и самых искренних наших шляхтичей. Он Вам понравится, когда Вы его узнаете. Привезу Вам его таблицы по чешской истории, недавно им изданные.²

Сейчас у нас совершился чрезвычайный политический переворот, польская фракция сузилась до нескольких духовно обанкротившихся поклонников Пустовойтовой (из редакции *Národních Listů*), Юлий Грегр уже полностью убедился, что оказался со своей политикой в нелепом положении и начинает поворачивать. Просил Раевского и Эрбена, чтобы поехать с нами, на что те согласились. Грегр еще самый достойный из полонифилов, по крайней мере он узнает Россию и „*Národní Listy*“ станут писать разумно. Мы уж об этом позаботимся.

Вероятно поедет также и Гатгала, он все время очень болен, поэтому не могу Вам точно сказать, поедет ли. Но если это будет хоть немного возможно, так мы уж постараемся, чтобы он тоже поехал. Завтра вышлю Вам его последнюю работу, другим он привезет ее сам или, если он не поедет, то я захвачу экземпляр для них. Из Вены от чехов поедет художник Свобода и музыкант Ферхготт (Товачовский), которых Вы, очевидно, знаете, это хорошие знакомые Раевского.

Знаете, если бы было в нашей власти, так бы сейчас каждый поехал, но все имеет свои границы. (И Вртятка тоже сейчас возымел великое желание ехать, потому что где находятся наши Палацкий и Ригер и Эрбен и т. д., туда он тоже любит вмешиваться. Он хотел бы получить какой-нибудь русский орден. Против меня ковалась интрига, чтобы я не мог ехать, но ничего не вышло. Расскажу Вам об этом).

Последнее пишу Вам „в скобках“!!

По ходатайству Эрбена, Палацкого, Ригера и Зеленого я получил небольшую субсидию от Сватобора³ на дорогу. Имею уже отпуск от Музея. Ваше письмо в „Москву“ здесь очень понравилось.⁴ „Беседа мещанская“ подписалась на „Москву“, жаль, что она на три месяца закрыта.

Палацкий получил сегодня письмо от Погодина и Попова из Москвы, в котором они зовут его на выставку.

Передайте г. Балакиреву мой сердечный привет, пусть он извинит меня, что я ему не писал. Г. Коларж писал ему несколько раз о том, как опера Руслан и Людмила приобретает здесь все большее расположение. Мы с Коларжем бываем на каждом представлении и пригрозили дирекции чешского театра, что если бы Сметана (*vulgo* Сыворотка) осмелился в ней что-нибудь изменить или выбросить, то на другой день мы заберем у них оперу. А тогда бы дирекция не справилась с публикой. Около трех недель не ставили Руслана, потому что Телинкова (Людмила) была больна, и уже публика была обеспокоена и дирекция получила массу писем с запросом, почему эта опера не ставится. Батенька, простите, что я Вам уже раньше не послал заметку о Журнале М. Н. Пр., напечатанную в „*Národních Listech*“. Сначала я забыл Вам

ее послать, а два раза мне ее потеряли, так что я должен был в конце концов написать по памяти.

Скоро я Вам опять напишу, а когда увидимся на святой Руси, тогда все Вам расскажу.

Привет г. Срезневскому.

Ваш А. Патера.

Жаль, что не может ехать наш Ранк! Добряк подготавливает к печати „Начатки русского языка“.⁵

Из Праги выедем 15/3 мая утром.

¹ Речь идет о процедуре получения бесплатных железнодорожных билетов для славянских депутатов на Этнографическую выставку.

² Chronologický přehled dějin českých. Sestavil a vydal Jan Harrach. V Praze, 1867.

³ Общество для пособия нуждающимся чешским литераторам и ученым, основанное в Праге в 1862 г.

⁴ В № 69 „Москвы“, издававшейся И. С. Аксаковым, Ламанский напечатал „Письмо из С.-Петербурга о приготовлениях к встрече славян“.

⁵ Вероятно: J. Rank. Rukověť ku poznání ruského jazyka. Praha, 1867—1868.

29

В. И. Ламанский. Заметка

1867. Петербург

В видах всеми теперь сознаваемой у нас необходимости укрепления взаимного общения России с землями славянскими и распространения верных и правильных сведений о России в землях славянских и о славянах в России, было бы в высшей степени полезно и своевременно образовать, с разрешения правительства, особое, постоянное, этим целям посвященное учреждение.

Многими членами высочайше разрешенного Петербургского комитета по приему славянских гостей заявлено желание обратиться к постоянный славянский комитет,¹ который бы заботился о расширении и укреплении тех сношений с австрийскими и турецкими славянами, [которые возникли] в пребывание славянских гостей в России в мае текущего года и так много способствовали усилению в славянских землях постоянно ныне возрастающего сочувствия к России и желания учиться русскому языку.

Некоторыми из членов Славянского комитета в Петербурге, которые вместе с тем состоят членами Ломоносовского комитета, предложена мысль о соединении в одно учреждение предполагаемого Славянского общества с предположенным, но еще не утвержденным Ломоносовским обществом распространения знаний в России.² Такое слияние двух обществ в одно было бы, говорят эти члены, вполне уместно и благоразумно. Не разбивая, а собирая наличные материальные и нравственные силы, оба эти общества, в одно соединенные, имели бы гораздо более успеха, так как и то, и другое имеет общие цели — распространение знаний в России, развитие русского народного самосознания, а оно немислимо без славянского направления, и увековечение памяти Ломоносова, отца русской литературы и образователя русского письменного языка, распространять который в землях славянских есть

ближайшая цель Славянского общества. Сверх того Ломоносовское общество предполагает заботиться о частных народных училищах, об устройстве читален, ученых и педагогических съездов, — а Славянское общество прежде всего должно постараться об устройстве русских читален в разных городах славянских, о раздаче денежных пособий преподавателям русского языка, русской литературы и истории в славянских училищах, гимназиях, университетах и пр. Наконец, Славянскому же обществу всего приличнее и уместнее принимать все предварительные необходимые меры для устройства ученых славянских съездов. В пребывание славян в России наши ученые всех специальностей не раз заявляли мысль о необходимости живых тесных сношений с учеными славянскими. Таким образом, предполагаемые Ломоносовским обществом учено-литературные съезды были бы крайне недостаточны и несовременны без участия ученых славянских. Впрочем, как бы ни были сильны доводы в пользу слияния Славянского общества в Ломоносовское общество распространения знаний, оно не может состояться без согласия большинств*

Ф. 35, оп. 3, № 52.

¹ Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета возник по инициативе петербургских членов Московского славянского благотворительного комитета — устройствелей приема славянских гостей. Первыми устройствелями были А. В. Фрейганг, М. Ф. Миркович, В. И. Ламанский и др.; позже большое участие в организации Петербургского отдела приняли А. Ф. Гильфердинг и Ф. И. Тютчев. Деятельность Петербургского отдела началась с 7 мая 1868 г., а 12 апреля 1877 г. он был преобразован в С.-Петербургский славянский благотворительный комитет, заменивший закрытый в 1878 г. Московский комитет (см.: 15 лет С.-Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1883, стр. 50б).

² Ломоносовский комитет возник в марте 1865 г. по инициативе группы, связанной с Министерством внутренних дел (П. И. Мельников, А. Н. Майков, Б. М. Маркевич, П. П. Семенов и др.); по утвержденной правительством программе он организовал юбилейное чествование Ломоносова 6—9 апреля 1865 г. Ламанский имеет в виду предложенное в программе юбилейных мероприятий „учреждение в Петербурге общества любителей русской словесности и наук под именем Ломоносовского“, которое так и не получило разрешения свыше.

П. А. Лавровский — В. И. Ламанскому

28 октября (9 ноября) 1867. Харьков

Милостивый государь

Владимир Иванович!

Надеюсь, что Вы прочитали в газетах о безобразии, какое совершилось в нашем университете, при самом начале лекций. Я не столько указываю на „Москву“, сколько на „СПб. Ведомости“, из защитительной статьи которых можно легко усмотреть суть дела, как ни усиливался автор отбить нападение „Москвы“. Корреспондент „Москвы“ (до сих пор не доберусь — кто он), действительно, увлекся, но только скорее в пользу, но благо харьковскому оратору; в действительности, лекция была жестче, грубее и безумнее.¹

*Конец рукописи утрачен.

Во всяком случае, лекция Каченовского послужила мне поводом немедленно же остановиться на вопросе о съезде славян, собрать несколько мыслей, изложить их перед своими студентами, к которым присоединилось и несколько из юристов, и в заключение написать отдельную статейку, под заглавием: „Судьба славянского единства и съезд славян в России“. Статью эту отправил я в редакцию „Журнала Министерства Народного Просвещения“ 26 октября, но по личным соображениям сомневаюсь, чтобы она могла быть напечатана в этом журнале. Не имея же никого из таких знакомых, которые бы могли перенять ее из означенной редакции, я обращаюсь с покорнейшею просьбою к Вам — принять ее, если редакция найдет для себя неудобным напечатание, и приютить куда-либо в более пригодное издание.² Решаюсь думать, что „Отечественные — например — Записки“ не будут против. Если мои предположения справедливы, то прошу Вас еще приписать карандашем на рукописи желание автора иметь несколько отдельных оттисков, хоть 25, ежели не в обычае больше.

Прошу извинения за хлопоты, какие причиняю я Вам подобным поручением. Но Вы чуть ли не более всех других прикосновен к славянскому съезду, опозоренному так бесцеремонно из Харькова: я уже не говорю о Ваших занятиях и Вашем направлении, едва ли стоящих в разрез с теми суждениями, какие высказаны в моей статейке.

Из примечания в самом конце последней Вы усмотрите, что нападение на съезд славянский не есть какая-либо случайность, единичный факт: оно входит в систему отвержения и преследования всего, что мало-мальски указывает на славянство, хотя бы такое указание и относилось непосредственно к научному разъяснению собственно русской жизни.

Подобное направление ограничено, впрочем, одним юридическим факультетом, успевшим уже изгнать из себя все, что напоминает и о России. Понятно, что при таком взгляде нечего думать о славянских законодательствах. Наш юридический факультет, как вероятно Вам известно, уже и высказал свое мнение об этой кафедре. Но так как мнение это было отвергнуто всеми остальными русскими университетами, то и нельзя не подумать о достойном замещении и здесь кафедры славянских законодательств.³ Я сносился с Йиречком; он не прочь, но предложить его мне — все равно что самому отвергнуть его. Не напишет ли многоуважаемый знаменитый Иван Иванович рекомендацию об Йиречке попечителю и не укажет ли на пользу иметь его профессором. Список ученых трудов, а также и самые труды я бы мог доставить попечителю от себя. Подумайте. Ваш университет, кажется, имеет в виду молодого человека из своих, Московский также озаботился. Поводы рекомендовать Йиречка; следовательно есть.

Ваш Лавровский.

28 октября, 1867.
Харьков

Ф. 35, оп. 1, № 787.

¹ Идет речь о полемике, вызванной хроникерской заметкой в газете „Москва“ (№ 135, 22 сентября 1867 г.) по поводу неодобрительного отзыва проф. Харьковского университета Д. И. Каченовского о роли славянофилов в съезде славян. В передовой „СПб. ведомостей“ (№ 282) В. Ф. Корш назвал эту заметку доносом (имя лектора и город в заметке не были названы, но указаны вполне прозрачно); там же были опубликованы две заметки из Харькова в защиту противославянофильского выступления Каченовского. В ответ на это И. С. Аксаков в № 170 „Москвы“ (3 ноября 1867) выступил с передовой, где отвергал обвинение славянофилов в желании „прибрать славян к рукам“ и т. д.

² Статья эта, повидимому, не была напечатана.

³ В течение почти всего 1866/67 учебного года историко-филологический факультет Харьковского университета во главе с П. А. Лавровским боролся за введение в учебный план кафедр славянской истории и славянских законодательств против представителя юридического факультета — Д. И. Каченовского, считавшего эти кафедры „предметом роскоши“. После перехода Лавровского в Варшавский университет в 1869 г. кафедра славянской филологии несколько лет оставалась вакантной, до избрания М. С. Дринова. См.: „Краткий очерк истории Харьковского университета“ (Харьков, 1906, стр. 202—203); речь М. Халанского о М. С. Дринове в „Сборнике в честь Дринова“ (Харьков, 1908).

31

П. А. Лавровский — В. И. Ламанскому

1(13) декабря 1867. Харьков

Многоуважаемый Владимир Иванович!

С истинным и восторженным удовольствием прочитал я известие о приготовляемом Вами издании славянского Сборника.¹ Дай бог ему скорейшего и полного успеха. Для людей, подобных мне, заброшенных в среду азиатско-европейской амальгамы, такое издание на Руси, особенно с отделом свежих материалов, есть самая желанная и питательная пища.

Понятно, что при таком взгляде на Ваше издание, я и не могу и не смею отказаться от посильного участия. В настоящее время, разорванное лекциями и тем более тяжелым трудом по окончанию сербского словаря,² чем сомнительнее благоприятный исход его, я бы мог заняться праведением в систему и снабжением необходимыми замечаниями своих извлечений из рукописей сербских, составленных еще в 59 году, в бытность в Белграде и Загребе. Мы разошлись друг с другом в характере рукописей, обращавших наше внимание: я имел в виду материал, относящийся до верований, понятий и быта сербского и отчасти болгарского народа, и, понятно, хватался за рукописи, не имея в виду их древности или значения в литературе церковно-славянской. Не могу не придавать важности и тем извлечениям из средневековых болгарских рукописей, XVI—XV стол., которые наглядно характеризуют состояние наречия народно-болгарского. Таким образом, мое участие на этот раз не выходило бы из границ „материалов“. Не могу не желать узнать определеннее срок.

Что до Надлера, то прежде всего спешу поблагодарить Вас за внимание к нему: это один из достойнейших моих учеников, воспринявший в обилии любовь к славянству и, что особенно в моих глазах важно, перенесший ее в область всеобщей истории, до сих пор изгоняющей из своего объема, даже и на кафедрах русских университетов, все мало-мальски славянское. Я еще с ним не говорил, потому что спешу отвечать Вам; но это все равно, в полном сочувствии и согласии его на участие сомнения быть не может, — и Вы в праве обращаться к нему прямо со всеми запросами и предложениями. Завтра надеюсь увидеться с ним. Боюсь только, чтобы не стеснил его узкий круг исторической литературы в нашем городе.

Радуюсь хотя какому-нибудь сведению о моей статье, так долго висящей между небом и землей; во всяком случае, я буду больше надеяться на Вас, в предположении, что ей трудно явиться в „Журнале Министерства Народного Просвещения“, как в официальном органе: напечатание этой статьи в нем было бы такою победою славянского направления в России, в какую я, при всем желании, верить еще не могу. Убедительнейше прошу Вас только не забыть о нескольких оттисках.

Не знаю, известно ли Вам об отсылке мною, в конце сентября, первых листов (до буквы Д) сербско-русского словаря в Академию?² Вчерне он готов весь; набело переписан уже до буквы О. Этот словарь чисто практический, для чтения сербских и хорватских книг. В основе Караджич, с дополнениями по Дробничу и Паричу.³ Труды было очень не мало: досуги целых трех лет убиты на тяжелую механическую работу. А что будет из этого? Молчание до сих пор Академии приводит меня в смущение. Но все равно: каков бы ни был ответ, я желаю только знать его поскорее, чтобы иметь развязанными свои руки и не тратить попусту времени на приведение к концу переписки, с которою связан утомительный пересмотр и дополнение.

В настоящие дни ходит здесь подписка в пользу славян, пострадавших за приезд на этнографическую выставку:⁴ рублей до 400 уже собрано. Разумеется, находятся люди, которые отказываются и взглянуть на лист под тем предлогом, что они не вмешиваются в политические дела (!?) Такой ответ, между прочим, дан был мне вчера и от ректора нашего университета. Странно одно, что именно эти-то люди только и занимаются политическим пустословием, понятно, в границах и с точки зрения иностранной публицистики. К счастью, такие люди видимо убывают.

Осмеливаюсь послать на Ваше имя три экземпляра сочинения Петрановича о богомилах.⁵ Мне прислал он 15; но что я сделаю с таким количеством в Харькове? Вероятно, один экземпляр не откажется взять Орест Федорович Миллер: к его занятиям означенное сочинение имеет близкое отношение. Экземпляр стоит 1 р. 15 к.

Что-то делается с Филологическим институтом? Согласно с своим рвением выбраться из харьковской трущобы, я писал (еще 19 сентября) директору Института о своем желании, но не удостоен ответом. Вероятно, так и быть должно.

Простите за многописание. Передайте почтение Измаилу Ивановичу, с которым, вероятно, встречаетесь Вы не редко.

Всегда готовый к Вашим услугам

П. Лавровский.

1 декабря, 1867.
Харьков.

Ф. 35, оп. 1, № 787.

¹ Речь идет о т. I „Записок Русского географического общества по отделению этнограф. и“, изданном под ред. Ламаевского (СПб., 1867).

² Сербско-русский словарь П. А. Лавровского был издан Академией Наук в 1870 г.

³ В. Караджич. Српски рјечник, иступачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Вена, 1818; 2-ое изд., 1852. — Drobnić. Ilirsko-němečko-taljanski mali rječnik. Вена, 1846—1849. — Рагџић. Ilirsko-taljanski rječnik. Задр, 1858.

⁴ Идет речь о широко известных в то время фактах административного преследования, которому подверглись И. Субботич, М. Полит и другие после возвращения в Австрию.

⁵ Б. Петранович. Богомили. Црква Босаньска и крѣстьяни. Историчка расправа. Задр, 1867.

Адреса Академии Наук Чешскому музею и Францу Палацкому

2 (14) мая 1868. Петербург

Императорская Академия Наук,
вспоминая заслуги науке, словесности и народности,
ознаменовавшие пятидесятилетнее существование
Музея королевства чешского,
поздравляет оный с достославным совершением
полувековой деятельности
и желает ему непрерывного на предбудущие времена
преуспеяния и обогащения новыми сокровищами
на пользу просвещения и народного самосознания.

Францу Палацкому,
историкографу Чешского королевства,
прославившемуся своими трудами
по истории
народа чешского и всего племени славянского
и тем способствовавшему пробуждению народного духа,
императорская Академия Наук,
в день полувекового юбилея
от появления первого его исследования,
приносит сочувственное поздравление
с столь славно пройденным поприщем,
желая, чтобы он еще долго действовал
трудами и примером
на пользу науки, исторической истины и славянского мира.¹

Ф. 9, оп. 1, № 448.

¹ Эти адреса приняты Общим собранием Академии Наук по предложению И. И. Срезневского. Им же были составлены поздравительные тексты Чешскому музею и Ф. Ю. Палацкому от Петербургского университета (Заметки Срезневского. ф. 216, оп. 1, № 968) 1 июня 1868 г. Срезневский читал в Малом конференц-зале Академии записку о значении Чешского музея и Палацкого в успехах новой чешской литературы. Также он напечатал „Воспоминания о Чешском музее по поводу его 50-летия“ (Записки имп. Акад. Наук, т. XIV, кн. 2, 1869).

А. С. Будилович — В. И. Ламанскому

11 (23) ноября 1872. Вена

Вена, 1. Johannes Gasse, Hotel Tegetthoff.
1872, 23/11 ноября.

Дорогой Владимир Иванович.

Получили ли Вы письмо мое из Варшавы и книгу, посланную чрез Барсова? В настоящее время я вот уже около месяца нахожусь в Вене.¹ Давно собираюсь к Вам писать, но так как Вы в праве ожидать от меня

письма содержательного, а материал накапливался медленно, то я и откладывал со дня на день составление письма.

Первые 2 недели моего здесь пребывания ушли на ознакомление с городом, на удовлетворение любопытства туриста. Но затем мало-помалу глаз удовлетворился и я принялся за более серьезные научные занятия. Посетил несколько лекций Миклошича и Шемберы, а затем стал заниматься и в библиотеках. Начал я не с Hofbibliothek, а с университетской, так как и здесь я нахожу пока все необходимое на первый раз. Прежде всего я решился несколько ориентироваться в литературе „Австриографии“, так как иначе я должен бы блуждать в массе книг, лишенный всех указаний библиографических и критических. Поэтому я постепенно просматриваю здешние (т. е. австрийские) ученые периодические издания, например *Sitzungsberichte* и *Denkmäler* Венской Академии Наук, труды разных исторических и археологических обществ, где я встречаю не мало важных статей оригинальных, а также критическую оценку важнейших сочинений по нашей части, явившихся в последние десятилетия в Австрии и других местах.

Ознакомившись с литературою своего предмета (преимущественно славянская этнография и культурная история австрийских славян), я примусь за изучение капитальных изданий и отдельных исследований.

Домашние мои занятия разделены между изучением немецкого языка, которым я должен вполне овладеть, и чтением книг по австрийской статистике на первый раз. Я стараюсь подробно ознакомиться с топографией страны, ее отношениями политическими, экономическими и общественными. В этом смысле не потерянным я считаю время, употребленное в кофейнях на чтение газет и т. п.

Из личных знакомств наиболее пользы и удовольствия извлекаю я из встречи с Вашим старым, но всегда юным и пылким А. И. Добрянским, который вот уже месяц гостит в Вене, но завтра уезжает отсюда в свое имение, а оттуда в Россию.

Признаюсь, я мало встречал еще людей, знакомство с которыми было бы столь для меня поучительно. Это целая энциклопедия сведений, чрезвычайно точных и ясных — обо всех почти сторонах политической и общественной жизни не только Угрии, но и всей Австрии. Такой ум, такая опытность, такое трезвое и независимое суждение и вместе с тем взгляд, столь нам родственный и сочувственный! Если бы я ничего не нашел в Вене, кроме А. И. Добрянского, то и тогда я не напрасно бы сюда приехал и прожил здесь.

Познакомился я еще с Вашим приятелем — Кузмани (что в Триесте), — но он здесь очень занят, так что я не мог эксплуатировать его сведений.

Миклошич принял меня очень любезно, но он не имеет способности или желания делиться с другими своими знаниями. Раз у него побываешь, а другой раз идти как-то не идет. Читает он 3 отдельные курса: 1) древнеславянскую фонетику, 2) синтаксис славянских языков и 3) славянские древности. Первый курс не представляет особых новостей в сравнении с его печатной статьей.² 2-й хотя нов, но неудобно слушается по своей схематической сухости, на древностях же мне не пришлось еще побывать.

Впрочем, я должен сказать, что как профессор Миклошич производит хорошее впечатление тем одушевлением, с которым он трактует о самых сухих материях.

Шембера читает чешский язык и славянскую диалектологию, но нового в научном отношении на лекциях предлагает он очень немного.

Главной помехой для посещения лекций университета служит то, что они совпадают со временем, очень, к сожалению, непродолжительным, когда можно заниматься в библиотеках. Поэтому приходится жертвовать либо лекциями для книг, либо наоборот. Я избрал первое, так как собственно говоря в Вене славистика не пользуется особенно завидным положением для воспитанника русских университетов.

Я предполагаю пробить здесь еще месяца полтора. Ознакомлюсь еще с Hofbibliothek, а затем перееду в Прагу.

Знаете еще, Владимир Иванович, какую я имею к Вам просьбу. Я недавно послал гр. Толстому письмо, где излагаю затруднительность своего финансового положения и невозможность добросовестно выполнить данную мне (хотя бы то и мной самим составленную, что, конечно, между нами) программу, если Министерство не найдет средств несколько увеличить мое содержание. Действительно, теперь здесь жить дороже чем в Петербурге. На 125 руб. в месяц (а за вычетом расходов подъема и путевых и гораздо меньше) здесь чуть-чуть можно пробыть. На что же нанять учителя языков, покупать книги, оплачивать расходы на переезды с города в город, а потом из деревни в деревню?

Голубинский (который недавно уехал уже из Вены в Белград и Царьград) получает $3\frac{1}{2}$ тысячи руб., с обещаньем прибавки в случае надобности. Я же имею $1\frac{1}{2}$ тыс. руб. Я думаю Министерство не обременит прибавка мне в год по 1000 руб. хотя бы с условием отслуживать за то лишней против обязательств год.

Вероятно Толстой перешлет эту бумагу в университет. Не откажитесь поддержать мою просьбу: я прошу не излишнего, а насущно необходимого для выполнения моих благих пожеланий в отношении к славянству и славистике. А то вместо путешествия мне придется засесть где-нибудь в Горице и жить там до другого года.

У Раевского бываю довольно часто — нахожу в его доме большое радушие и гостеприимство.

Посещаю другой раз и театры — для наблюдений бытовых и для изучения языка; но признаюсь Вам, что для будущего времени я должен отказаться от этого развлечения, если в скором времени Петербург не усилит несколько моих ресурсов. Не будет ли И. И. Срезневский против этого в факультете? Плохую оказал бы он мне тем услугу...

Корректуру я получаю и отправляю аккуратно,³ — держу по 3 корректуры; вероятно так рассудили за благо. Впрочем, это не очень меня обременяет.

С газетами и журналами я не корреспондирую пока — как потому, что некуда посылать, так и потому, что это отвлекло бы меня от более важных работ. Но если Министерство откажется, придется по необходимости „строчить“.

Поклон Вашим родителям и племянницам. Если увидите Кояловича и Корнилова, то кланяйтесь. А что Духовная академия?⁴

Пишите —

Ваш А. Б.

Ф. 35, оп. 1, № 173.

¹ Отчет о научной командировке А. С. Будиловича напечатан в извлечении в ЖМНП (1874, декабрь): „Путевые заметки о долине среднего и нижнего Дуная“.

² Fr. Miklosich. Lautlehre der altslovenischen Sprache. Wien, 1850.

³ Вероятно, работа Будиловича, издававшаяся Академией Наук: „XIII слов Григория Богослова в древне-славянском переводе по рукописи имп. Публичной библиотеки XI века. Критико-палеографический труд“ (СПб., 1875).

⁴ 13 ноября 1872 г. Ламанский был приглашен штатным преподавателем в СПб. духовную академию по русскому языку и славянским наречиям.

34

А. С. Будилович — В. И. Ламанскому

15 (27) февраля 1873. Прага

Прага, 15
27 II 1873.

Дорогой Владимир Иванович.

Письмецо Ваше от 23 января я получил (через А. О. Патеру), но по разным причинам не собрался сейчас Вам отвечать. Напрасно Вы предполагаете, что я за что-нибудь на Вас сержусь. Не пишу же я к Вам часто потому, что как-то совестно высылать письмо малосодержательное, а важных материй не всегда наберешься. К университету я не имею ни малейших претензий: я сам удивился, когда узнал, что Толстой отправил его туда для решения. Как бы то ни было, я получил пособие в 700 р., и это несколько восстановит нарушенное равновесие моих финансов.

А. О. Патера купил все Comeniana, недостающие у Вас, и высылает завтра же по адресу СПб. университет. Там будет 8 или 9 книжек. Стоят они пустяк Но я еще не знаю точно, сколько именно, пришлю счет в следующем письме.

Я выехал из Вены сейчас после нашего нового года. По дороге останавливался дня на 3 в Берне, да столько же времени в Оломуце. Виделся кой с кем из тамошних мораван. Самый деятельный из них — Брандль. Его издания, вероятно, Вам известны. Несколько замечаний о новейших из них я хочу поместить в своем отчете, который должен представить к 1 марта и который, конечно, будет отдан Вам на прочтение. Чтобы не заставлять Вас поэтому читать то же два раза, я не буду в этом письме распространяться о новейших произведениях чешской науки и литературы. Ограничусь некоторыми замечаниями личного свойства.

Видел я в Берне автора „Цизих слов в слованштине“. ¹ Удивительный чудак! Живет совсем изолированно от всего местного общества, выходит лишь по временам, и то большею частью в полночь — в кофейню. Русский язык известен ему лишь по большому словарю Шмита. ² Ни Академического, ни Даля ³ он и не видал. Несмотря на то задумывает составлять сравнительный словарь всеславянский! — С Дудяком я не познакомился, потому что он не пользуется особенным доверием своих соотечественников. Говорят, однако, что в изданном недавно 1-м томе чешском его Истории Моравии он гораздо ближе стал к народной точке зрения, чем в прежнем „Geschichte von Mähren“. ⁴ В Оломуце я познакомился с несколькими учителями тамошних учебных заведений. У них есть там прекрасная библиотека. Но ученой деятельности почти совсем незаметно. Живут они под гнетом политическим, в ежедневной народной борьбе за существование. Не удивительно, что не остается

им времени на ученые работы. Даже и в Праге очень заметно ослабление деятельности ученой в сравнении с прежним временем. Писатели старшие как будто ослабели и не столь уже производительны. Палацкий едва ли производит уже что-нибудь важное и оригинальное. Продолжает издание Архива⁵ (1-й вып. VI-го тома — больше не вышло). Ни о какой новой работе он уже не говорит: библиотеку свою постепенно передает в музей. Старость начинает заявлять свои права. Гиндели болен — чахоткой что ли, живет, кажется, в Меране и потому приостановил как историю 30-летней войны,⁶ так и издание „Памятников“.⁷ С 1871 г. уже ничего не выходит. Небеский, лучший знаток чешской литературной старины, занят более переводами греческих и латинских драм и комедий (Плавта, кажется), чем чешской литературой. Один Томек прилежно работает над 3-м томом истории г. Праги⁸ — но едва ли скоро отдаст его в печать. Он издает кроме того „Zaklady starého mĭstopĭsu pražského“. Вышло 2 т. (в 4 вып.), обнимающие Старое и Новое место; 3-й том должен описать Малую страну. Это материал для топографии старинной Праги которым он уже воспользовался во 2-м томе истории Праги. Емлер тоже деятельно занимается, но больше изданиями, чем исследованиями: *Regesta Bohemiae*⁹ (2-й том еще не кончен, кажется), затем вышел 1 т. *Desky zemské*;¹⁰ он же редактирует *Časopis Českého Musea*, но он теперь очень похудал в сравнении с прежними временами, Шафарика, Гануша, Ербена. Что касается *Monumenta Conciliorum XV saec.*,¹¹ то я осведомлялся об этом у Палацкого и узнал, что 2-й том, который печатался кажется уже 15 лет, все еще не выпущен. Немцы мало интересуются подобными изданиями, несколько их как бы компрометирующими. Занимается там некий Бирк. Нужно вскоре ожидать выхода 2-го тома. Вероятно готовится к юнгманову празднику (юль) издание сочинений Фомы Штитного по рукописи Музея.¹² К тому же времени должна выйти биография юбиляра, написанная Зеленым.¹³ Он, кажется, внимательно изучает свой предмет, но некоторые сомневаются в его способности вполне им владеть. Другой литератор — Шульц тоже пишет биографию Юнгманна для *Matice lidu*.¹⁴ Этот, кажется, лучше может обработать свой материал. Он дал мне, между прочим, для описания несколько писем Челяковского из 20-х годов, писанных отчасти русскими буквами, отчасти же и на русском языке!

Гебауер издал недавно большую книгу о чешском правописании¹⁵ и потом о баснях Фляшки из Пардубиц.¹⁶ Но Гаттала очень дурно отзывался об этих, как и обо всех других ученых (?) работах Гебауера, который де и в подметки не годится Небескому. Про Гейтлера он тоже выражается скептически, считая его человеком легкомысленным и трактующим важно о предметах очень мало ему известных, как например, литовский язык и древнеславянский. Я сам не прочел еще этой фонологии,¹⁷ поэтому воздерживаюсь от своего об этом мнения. А. О. Патера ставит Гейтлера на одну линию с Гебауером, Первольфом и Шерцлем.

Гаттала печатает в журнале „Osvĕta“¹⁸ ряд статей о всеславянском языке. Цель его — доказать слабость отдельных славянских языков и литератур и необходимость литературного единения с Россией. Но он не совсем ясно и определенно излагает свои об этом мысли. Я был на нескольких его лекциях по славянской филологии и убедился, что он составил очень подробный и хорошо уже обработанный курс славянской грамматики. Он говорил мне, что мог бы его напечатать, если б нашел издателя, в объеме, превышающем романскую грамматику Дица.¹⁹

Кажется, что он не прочь бы издать ее в России и по-русски, если б там нашелся издатель. Я думаю, что это была бы вещь хорошая, потому что, во всяком случае, Гаттала человек умный и знающий, несмотря на все свои странности и причуды. Он очень дружелюбно относится к русским. Я ничего не заметил в нем ксендзовского или езуитского. Было бы очень хорошо, если б который-нибудь из русских университетов произвел его в свои почетные доктора, чего он заслуживает, конечно, гораздо больше, чем Головацкий или даже Ягич. Как Вы думаете об этом? А. О. Патера тоже имеет не мало материалов — и очень важных, но затрудняется их изданием. Например, он описал в Музейной библиотеке несколько томов очень важной переписки Добровского с Копитаром, Гриммом, Перцем, Рыбаем, Палковичем и мн. др. Эта переписка, по его словам, бросает неожиданный свет на историю возрождения славянской науки и жизни и представляет драгоценные материалы по славянской филологии и истории древностей. Не издала ли бы этого наша Академия Наук? Это составит несколько томов.²⁰

Другая работа Патеры, над которой он уже 10 лет работает, без сомнения, Вам известна уже. Это описание чешских рукописей. Он их описал уже до 500 — из библиотек музейной и университетской. Окончив эту работу в Праге, он думает посетить затем библиотеки и архивы провинциальные: Требонский, Индрихоградецкий, Рудницкий, Литоме-рицкий, затем Оломуцкий и Бернский, Венские и т. д. Это будет труд очень капитальный, но конец его не так еще близок.

Слышал я еще, что здешнее „Историческое общество“ предпринимает издание *librorum erectioium* — как материала очень важного для исторической топографии Чехии.²¹ Познакомился я еще с одним молодым чешским юристом Ганелем, который написал сочинение „Об источниках чешского права“,²² — и считается здешними чехами за лучшего в Чехии знатока славянских прав (не исключая даже г. Иречка). Он хорошо говорит и по-русски и довольно близко знаком с нашей юридической литературой.

Чешская публицистика имеет довольно значительное развитие экстенсивное, но — содержания в ней солидного не особенно много. Журналов литературных почти нет. „Osvěta“ почти единственное издание, имеющее претензии на название чешского revue; но и оно мало имеет серьезного содержания. В 1-м № за 1873 г. некий Дурдик (живущий теперь доктором медицины в Москве) поместил очень неприличную статью против славянофилов.²³ Некоторым из здешних политических тузов эта статья — при всей своей бестактности — очень понравилась. „Pokrok“ сегодня полемизирует с „русским консулом Макушевым“ за его статью, — вступает за Палацкого. Макушев действительно не совсем дипломатично написал свою статью.²⁴ *Deutsche Zeitung* — демократический орган Вены — тоже ударила в набат по этому поводу, призывая внимание правительства на русские интриги.

Вообще же должно сознаться, что между здешними газетами нет ни одной, искренно нам сочувствующей. Провинциальные листки гораздо лучше в этом отношении. Всех ближе к нам еще *Národní Listy*, но в отсутствие заключенного Юл. Грегра и они как-то теряют свой определенный характер и как-будто ступеньваются.

На Парнасе чешском царит теперь молодая поэтесса Елишка Красногорская (*Z máje života; Ze Šumavy* и т. д.), писательница действительно даровитая, но слишком, кажется, неумеренно расходующая свой талант.

Как драматургов хвалят Боздеха и гр. Коловрата. Затем в изящной литературе порядочная пустота. Живут больше переводами. Между прочим переводят „Vojna a mír“; „Обыкновенная история“; * „Гражданский брак“ (имел успех на здешней сцене). Издают свою старину: переписку Челяковского, письма его жены; переиздают Немцову, Челяковского, Правду и др.

Вообще, видно и в изящной литературе такое же утомление, как и в науке.

Адольф Осипович не мог найти Вам библиографических указателей за последние годы. Выходит у них „Kritický a bibliografický Věstník“ — ред. Гостинский и Урбанек. Но он не отличается полнотой библиографических указаний.

Приведу несколько заглавий из своей записной книжки [...]

В Праге я большую часть времени провожу в Музее и отчасти в Университетской библиотеке. В настоящее время просматриваю literární rozústalost Шафарика. Меня особенно интересуют этнографические его материалы. Но, к сожалению, более важные вещи до 1874 г. находятся у Иречка (наследника Шафарика), с правом их издать.

В последнее время — несколько исправив свои финансы, я занялся приобретением важнейших сочинений по славистике, преимущественно чешской, и в настоящее время уже не мало имею важных изданий. Этому помогла Чешская Матица, предоставившая мне по экземпляру всех своих историко-литературных изданий. Даже Časopis Českého Musea я получил от 1846 до 1872 года. Адольф Осипович обещал дополнить недостающее, так что я буду иметь полный экземпляр.

На днях я отправил Ивану Петровичу** длинное письмо о здешних общественных отношениях. Я предлагаю там славянам несколько мер для успеха наших дел. Надеюсь, что Вы согласитесь с моими предложениями и поддержите их в Комитете.

Как идут Ваши издания? Довольны ли Вы своими занятиями в Духовной академии? Передайте мой поклон Кояловичу и Катанскому.

Я проживу здесь до 10 марта старого стиля. Потом недели 3 употреблю на поездку по чешским провинциальным городкам. Около 1 апреля опять заеду в Прагу и около 5 апреля отправлюсь в Саксонию и Пруссию — на лето же еду в Галицию и Карпатскую Угriu.

Новиков обещал мне выхлопотать открытый лист от Андраши. Не знаю, исполнит ли он это. Многие пугают меня затруднениями путешествия по Угрии и Галиции для русских, но с осторожностью можно, думаю, их избежать.

Очень рад, что Бодуэн успевает в своих работах, Его критики не читал, потому что здесь нет ни одного экземпляра ЖМНП.²⁵ Я слышал, что он теперь в Милане и изучает местные наречия (?).

От первого моего отчета не ждите ничего особенного. Я едва начинаю ориентироваться в библиографии славистики. Этим студиям я посвящал доселе наиболее времени. Но, конечно, результаты их не могут быть так наглядны и непосредственны. Поэтому не будьте судьбою очень строгим, хотя и поблажек я ни от кого не желаю.

Сегодня приехал сюда гр. Комаровский. Надеюсь от него узнать что-нибудь о причте для здешней церкви. Она может иметь здесь со временем громадное значение.

* Одно название не разобрано.

** Корнилову.

Мне бы очень нужно — отправляясь в Галицию — иметь сборник песен Головацкого²⁶ — не пришлете ли Вы мне его сами или не попросите ли об этом Корнилова. Расход возвращу с благодарностью.

Вышла ли Пекарского 2-я книга Истории Академии Наук?²⁷

Бычкову я послал недавно предложение купить рукописи покойного Берчича (большой частью глаголические).²⁸ Не знаю решат ли они. А следовало бы. Мой поклон Вашим родителям и племянницам. Где Порфирий Иванович? Оставайтесь здоровы и не забывайте искренно Вам преданного А. Будиловича.

Р. С. Поздравлять ли Вас с ординатурой?

Страхую письмо по недоверию к австрийской почте и полиции.

Ф. 35, оп. 1, № 173.

¹ Имеется в виду Матценауэр (Antonin Matzenauer. *Cizí slova ve slovanských řešech*. Brno, 1870).

² Русско-немецкий и немецко-русский словарь Иоганна Адама Шмидта (несколько изданий).

³ Словарь церковно-славянского и русского языка, изд. II Отд. Акад. Наук. СПб., 1847. — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. М., 1863—1866.

⁴ *Mährens allgemeine Geschichte*. Brünn, 1859—1888, Bände I—XII; то же в чешской обработке: *Dějiny Moravy*, I—IX, Praha, 1872—1882.

⁵ *Archiv český čili staré písemné památky české i moravské*. Díl I—VI, Praha, 1810—1872.

⁶ *Geschichte des Dreissigjährigen Krieges von Anton Gindely*. Erste Abteilung. *Geschichte des böhmischen Aufstandes von 1618*. B. 1, Prag, 1869 (II и III части вышли в 1878 г.; Zweite Abteilung. *Die Strafdecree Ferdinands II und der Pfälzische Krieg*. вышла в Праге в 1830 г.).

⁷ А. Гиндели издавал в Праге с 1865 г. серию „*Monumenta historiae bohemica*“.

⁸ Václav Tomek. *Dějepis města Prahy*. Díl I—1355, II—1871, III—1375, Praha (последний XII т. вышел в 1901 г.). Его же. *Začlady*. Díl I—III, Praha, 1866—1875.

⁹ *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*, pars I, 603—1293. Opera Carol Jar. Erben. Prague, 1854; pars II, 1293—1310 Opera Jos. Emler. Prague, 1882.

¹⁰ *Pozůstatky desk zemských království českého r. 1541 pohorelých*. Vydal Josef Emler. Díl I, v Praze, 1870; díl II, 1872.

¹¹ *Monumenta consiliorum generalium saeculi decimi quinti*. T. I, Vindobonae, 1857 (т. II вышел в 1873 г.).

¹² *Thomy z Štítáho knihy naučení křesťanského*. Na oslavu stoleté památky narození J. Jungmanna. Sbor Matice české. Z rukopisu musejního k vydání upravenil Ant. Jaroslav Vrtátko. Praha, 1873.

¹³ Václav Zelený. *Život Josefa Jungmanna*. Novočeska Bibliotheka, č. XX, Praha, 1873.

¹⁴ Josef Jungmann. *Sepsal Ferdinand Schulz*. *Matice lidu*, ročník VII, č. 3. V Praze, 1873.

¹⁵ *Príspevky k historii českého pravopisu a výslovnosti staročeské*. Sbornik vědecký Musea království českého, odbor hist. fil. a filos., IV, Praha, 1872.

¹⁶ Flaška Smil z Pardubic. *Nová řada baseň*. K tisku připravil a výklady opatřil J. Gebauer. (Památky staré literatury české). Praha, 1876.

¹⁷ *Starobulharská Fonologie se stálým zretelem k jazyku litevskému*. Sepsal Leop. Geitler. V Praze, 1873.

¹⁸ Журнал „*Osvěta*“. *Listy pro rozhled v umění, vědě a politice*“ под ред. Вацлава Влчека выходил в Праге в 1871—1908 гг.

¹⁹ *Grammatik der romanischen Sprachen von Fr. Diez* (вышла 3-м изданием в 3-х частях, Bonn, 1870—1872).

²⁰ Патера передал И. В. Ягичу и участвовал в подготовке к печати писем Копитара Добровскому в опубликованном Ягичем „*Briefwechsel zwischen Dobrowsky und Kopitar (1803—1828)*“ (Источники для истории славянской филологии, т. I, изд. II Отд. Акад. Наук. Берлин—СПб., 1885). Также Ягич использовал имевшиеся у Патеры письма Копитара к Ганке и Кеппена к Добровскому для II тома „*Источников для истории славянской филологии*“ — „*Новые письма Добровского*“.

Копитар и других юго-западных славян" (СПб., 1897). Сам Патера опубликовал 3 тома „Korrespondence J. Dobrovského“: I (переписка с Ф. Дурихом), Прага, 1895; II (переписка с В. Злобичем), 1908 и IV (переписка с И. Рубаем), 1913.

²¹ Libri erectionum archidieccesis Pragensis saeculo XIV et XV, edidit Clemens Borový. Книги I—V, Прага, 1875—1889; с 1893 г. издание продолжала Чешская Академия Наук.

²² Вероятно: I. Haněl. O vlivu práva německého v Cechách a na Moravě. Praha, 1874.

²³ P. Durdík. Slavjanofilská strana na Rusi.

²⁴ „Современное положение северозападных славян“ [„Голос“, 26 января (7 февраля) 1873, № 26]. Макушев осуждал идею Палацкого о создании из Австрии сильной славянской державы и указывал, что австрийских славян ожидает онемечение. О нападках на автора газеты „Рокрок“ — органа Палацкого и Ригера, — и немецких газет см. статью „Ответ Палацкому“ [„Голос“, 29 июня (11 июня) 1873, № 178].

²⁵ Имеется в виду рецензия И. А. Бодуэна де Куртене, напечатанная в ЖМНП, (1873, август) на А. Schleicher: Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache (Фонология и морфология полабского языка). Изд. Акад. Наук, СПб., 1871.

²⁶ Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким, печатались в „Чтениях ОИДР“ в 1863—1877 гг.; изданы отдельно в 4-х частях, М., 1873.

²⁷ П. П. Пекарский. История имп. Академии Наук в Петербурге, т. I, СПб., 1870; т. II, 1873.

²⁸ Собрание глаголических рукописей и печатных книг Берчица было приобретено Публичной библиотекой (см. Отчет Имп. Публ. Библиотеки за 1874, СПб., 1876, стр. 67).

35

И. В. Ягич — В. И. Ламанскому

6 (18) апреля 1873. Одесса

Одесса 6 апреля 1873.

Многоуважаемый друг

Владимир Иванович!

Искренно радуюсь Вашему утверждению в ординарные профессоры и поздравляю Вас. Празда Ваши высокие ученые достоинства дали Вам уже давно право на это отличие; но что Вы, наконец, и от С. Петербургского университета получили это признание, оно должно обрадовать в интересе славянской науки всех нас, Ваших друзей, ожидающих теперь от Вас, что Вы, в полной независимости своего отличного положения, сделаетесь новым центром славянской филологии. Именно я желаю, чтобы Вам удалось основать для нашей науки особенный ученый орган[...], в чем по моему убеждению славянская филология крайне нуждается. В имя такого предприятия я позволяю себе поздравить Вас *iteratis vicibus*.

Я собираюсь на днях уехать за границу: весенняя погода Одессы очень неприятно подействовала на мое и без того слабое здоровье. Постоянная голодная боль мешает мне заниматься, и я должен был опять прекратить преподавания, которых в нынешнем году у меня так сказать почти и не было.

Я поеду, во-первых, через Вену в Загреб, оттуда же после маленького отдыха намерен ехать в Прагу. Не знаю, какие Ваши планы на счет лета. Не увидимся ли где-нибудь?

Вам, конечно, известно, что Даничич покидает Югославянскую академию и переселяется в Белград. Я очень неохотно отказал академии теперь уже заменить его место; но если мне и в будущем году пред-

стоит такая жизнь, какую я должен был препроводить в нынешнем году в Одессе, то я считаю 2 года каторги достаточною заплатою за все мне оказанные услуги.

Если я могу быть Вам чем-нибудь полезным по случаю моей поездки в южнославянские страны, сделайте одолжение, напишите мне письмо в Загреб, я готов на всякую услугу.

Поклонитесь, пожалуйста, Измайлу Иванычу и всем своим.

Моя жена кланяется Вам; она все еще плачет и печалится за своею миленькою дочкою.

Ваш В. Ягич.¹

Ф. 35, оп. 1, № 1615.

¹ Письма Ягича из фондов В. И. Ламанского и А. А. Шахматова частично использованы в статье В. Н. Кораблева „Памяти акад. И. В. Ягича“ (Труды Инст. славяноведения, т. II, 1934).

36

А. С. Будилович — В. И. Ламанскому

21 апреля (3 мая) 1873. Прага

Прага, 1873. 3/V н. ст.

Дорогой Владимир Иванович.

Наконец-то, после нескольких месяцев сборов, присел я за письмо к Вам. Не я один, впрочем, виноват в том, что наша переписка столь редка. Отправив письмо, все как-то ждешь на него ответа, а время уходит. Вести из СПб. доходят до меня довольно редко. Самую приятную для меня новость привез Зигель (который теперь проживает в Праге и приказал Вам кланяться), а именно новость о Вашей ординар-профессуре. Поздравляю Вас с этим званием. Поздравил бы еще кой с чем, но не знаю, имею ли на это право.

В настоящее время я возвратился на несколько дней в Прагу из своего путешествия по „венковским“ городам и селениям Чехии. В продолжение 3-недельной поездки я успел обогнуть или осмотреть важнейшие центры восточной Чехии. Из Праги посетил Млада Болеславль, затем Турнов (с Вальдштыном, Грубой Скалой и Седмигорками), Либерец, Ломницу, Нов. Паку, Либин (местопребывание Ив. Ив. Кубишта), Белоград, Ичин, Быдзов, Горицы, Неханицы, Грздек, Садовую с Хлумом, Проблутом etc., Кралев Градец, Смарицы, Йозефов, Йаромерь, Кралев Двор, Влетвицу, Высокое, Трутнов, Броумов, Наход, Нове место, Рихнов, Костелец н/Орлице, Потштын, Литицы, Устин/Орлице, Брандыс н/Орлице, Хоцен, Замрек, Шняков (село и двор), Выс. Мыто, Литомышь, Полицу, Свитаву. Оттуда возвратился в Прагу. Дня через 2 отправляюсь опять в скитание на Ю. и В. на Колин, Кутную Гору, Часлав, Немецкий Брод, Иглаву, Индрихов Градец, Требонь, Будеевицы, Прахатицы, Писек, Табор, Прибрам, Клатовы, Домажицы, Пльзень, Стрибро, Бероун, Карлштын, Прага. Недели через 3 я надеюсь окончить этот тур и затем чрез Мельник, Рудницу, Литомерицы — отправлюсь в Будишин etc.. Путешествовал я довольно благополучно. Лишь дождь, а потом и снег по временам затрудняли мои экскурсии.

Снабженный рекомендациями от своих прежних знакомых, я всюду встречал самый радушный прием. Самое имя „русский“ сильно импонирует на чехов разных слоев и ступеней образования — и чем ниже, чем ближе к массам, тем больше заметно какое-то благоговение к русскому имени. В этом отношении Прага не может дать понятия о Чехии. Словно они какого мессии ждут оттуда с востока! Во многих провинциальных городах учатся по-русски. кто знает хоть немножко, охотно пользуется этим своим знанием. Купцы и промышленники говорят о выгодах, какие могла бы найти Чехия в сближении с Россией для сбыта произведений чешской промышленности; патеры — очень многие — завидуют праву русских попов жениться и служить литургию на народном языке; учителя все толкуют о своих коллегах, нашедших в России приют или сбыт для своих классических знаний. Помещики и крестьяне с завистью говорят о просторе русских полей и лугов, рек и лесов, дешевой земле и великой будущности сельского хозяйства. Все же без различия смотрят на Русь как на единственный оплот против германизации. Народ чувствует недостаточность своих сил для борьбы с соединенными силами всей Германии и борется — не падает, не теряет надежды лишь по уверенности, что в критическую минуту придет помощь от могущественного восточного собрата. Бог знает, что произвело и воспитало в них такую веру в славянское призвание России; но она почти повсеместна. Я мог лишь заметить, что сильный толчок в этом отношении произвел Московский съезд 1867 г. До сих пор с любовью вспоминают они об этом всенародном торжестве России, начиная от царя и кончая крестьянином. Это мирит их с немецкими на вид (?) тенденциями некоторых представителей нашего правительства и располагает их к мысли, что это либо притворство, либо преходящее явление. Трудно поколебать в них веру в русский народ: разве бы он выдал их головой Пруссии. Но тогда я не хотел бы уже путешествовать по Чехии!

Что касается силы этнографической и упругости племенной чешского народа, то я проникнут теперь большим к ней доверием, чем прежде. Путешествуя по окраинам Чехии, я всюду осведомлялся, не изменяется ли в последние десятилетия этнографическая граница двух народностей в ущерб, например, чешской, и всюду получал ответ, что наоборот — немецкие города и села в Чехии все более проникаются чешскими элементами. Около Нов. Паки мне называли до 10 деревень, которые пред 20-30 годами были немецкими, а теперь говорят лишь по-чешски. В Либерце, Трунове, Броумове, Ландшкроне, Свитаве — число чешских обитателей возрастает с каждым годом. В Либерце хотят даже открыть несколько чешских народных школ для детей фабричных и рабочих, которых там до 8 000. Для этого предполагается там основать школьную матицу, по образцу Простеевской, Голомуцкой и Будеевицкой. Кралев Двор на памяти людей совершенно очелшился. Интересен факт, что чешский язык знаком почти всем богемским немцам крестьянам, между тем как между чехами немецкий язык распространен лишь в интеллигентных классах и в некоторых пограничных селениях. Поэтому чехизация такого немецкого утраквиста (2-язычного) гораздо легче, чем германизация коренастого и упрямого в своих нравах чешского седлака. С другой стороны, чехи занимают в Богемии все почти лучшие и плодороднейшие местности, между тем как немцы сосредоточены или, лучше, рассеяны по горам, б. ч. мало плодородным. Оттого чехи в массе сравнительно богаче и развитее немцев. Оттого германизация не представляется им успехом в образовании. Как жители гор — немцы в Богемии гораздо грубее, суровее

чехов, — оттого чехи неохотно отдают своих дочек замуж за немцев или наоборот. Оттого племенная граница держится удивительно крепко и скорее изменяется к выгоде чешского, чем немецкого элемента.

В среде самого народа не замечается особенной неприязни между чехами и немцами, но все-таки изолированность двух народностей довольно велика. Лишь в городах — в интеллигентных слоях — борьба племенная, воспитанная школами и публицистикой — вносит рознь в среду смешанного населения. Немецкой партии служит важным подспорьем бюрократия чешского края — по своей зависимости от правительства большую часть примыкает к партии господствующей — немецкой. [...] Не столько впрочем тяжелы чехам политические, как экономические последствия немецкой еврейской гегемонии в Австрии. Дани и налоги — чрезвычайно высоки. Иногда они достигают 25—30% с чистого дохода. А то бывает и больше. Правительство настолько близоруко, что иной раз убивает целые отрасли промышленности возвышением налогов, имея при этом в виду не столько интересы государства, сколько подавление богатства народного чехов, которое дает им такой перевес над немцами той же страны. Если оно будет и дальше подвигаться на том же поприще, то действительно народу чешскому ничего не останется другого, как искать приюта для своего труда и предприимчивости [...]

Но я удалился от своей темы. Хотел я показать, что во всяком случае чехи очень далеки уже от религиозного — не только фанатизма, но просто даже — одушевления. В городах стыдятся и называть себя верующими. В церковь ходят лишь для свиданий или для созерцания мадонн партера. Русских упрекают за приверженность к религиозным своим преданиям. В этом индифферентизме коренится недовольство существующими у них — равно чуждыми народному духу — религиозными формами и несознаваемая, но чувствуемая уже потребность религиозного обновления.

Практическое направление народной жизни в современном поколении чехов отражается и в поэзии, и в науке. Гражданские мотивы составляют преобладающее содержание первой, а служение *blahobuty* — цель второй.

При таком одностороннем развитии и направлении народной жизни еще увеличиваются опасные последствия ударов, направленных на экономические отношения народа. Не нужно забывать, что теперь уже в Чехии довольно материалов пролетариата. Можно смело сказать, что в среднем выводе $\frac{1}{3}$ населения страны составляет класс халупников, наденников — батраков, имеющих либо самый ничтожный земельный надел, либо и вовсе его лишенных. Часть этого бедного люду идет в наймы к вельжостаткарям или богатым седлакам; другая, большая часть его — ищет работы на фабриках. Доныне большую часть фабричного контингента поставляли сами немцы, у которых в горных, большей частью, их селениях большая половина рук оставалась и остается без работы, а ртов — без пищи. Но в последние годы какие-то экономические условия очень увеличили число батрачествующего люду и между чехами, так что теперь половина рабочих даже на Либерецких и Трутновских фабриках состоит из чехов. Может быть это произошло от поднятия цен на предметы потребления, с одной стороны, а государственных бремян — с другой. Надел в 10-20 корцев прежде еще мог пропитать семейство, но теперь он уже недостаточен, оттого владельцы подобных малых участков распродают его больше богатым седлакам, а сами переселяются в Америку, иногда в Россию, а большую часть идут на фабрики. Положение этого фабричного люда очень печальное. Заработная цена низка вследствие обилия

и даже излишка рабочих рук. От 5 ч. утра до 7 ч. вечера работает и получает иногда лишь 25—30 крейцеров! А если и больше заработает, так немедленно по получении пропьет! А государство заставляет его всех детей от 6 до 14 лет посылать в школу и тратит по 3 fl. 12 х. за каждого в год: сумма небольшая, но для человека, который никогда не имеет и 5 fl. в кармане — обременительная. Учится такой худак в школе 8 лет, а потом идет в чернорабочие на фабрики и до смерти уже не заглянет в книгу. Разве сумеет разобрать надпись: Hostines, Hospodá [...]

Вообще народ представляется разбитым на несколько частей, мало имеющих между собою соприкосновения. 1) Аристократия, 2) чиновничество с войском, 3) городские цехи, 4) мелкие с духовенством землевладельцы, 5) батраки с разными второстепенными подразделениями. Интеллигенция народная вышла преимущественно из 4-го класса, отчасти еще из 3-го, а впоследствии к ней примкнула часть образованных представителей 1-го класса. Между аристократией большинство фамилий чешских. Но не все они настолько независимы от придворных влияний, чтобы открыто и непреклонно стять за интересы народные. Иногда в среде одной фамилии разделение: 2 Шварценберга признают себя чехами, а 3-й немцем; один Кинский — чех, другой — немец. Тоже между Коловратами. С другой стороны есть несколько чужих фамилий (Chimau, Chamare etc.), примкнувших к чешской народной партии. В настоящее время чехи имели бы, впрочем, большинство в группе *velkostatkaři*, если бы правительство было к ним, чехам, более расположено. Последнее же при выборах подкупает голоса мелких велькостаткарей или, как их зовут, *kobulkaři*, которые, нуждаясь в деньгах и ища карьеры, не смотрят на свое происхождение и на интересы большинства населения страны. С другой стороны, в Вене образовалось особое общество на акциях (чехи зовут его *Chabrüs*) еврейско-немецкое, закупающее мелкие, не занесенные в земские опеки как *velké statky*, чтобы усилить немецкую партию при выборах. Аристократы живут большею частью в Вене или в Праге. На народ они мало имеют влияния, потому что сносятся с ним лишь чрез посредство разных управляющих. Но те, которые стоят на стороне народной, пользуются необыкновенным сочувствием грамотных частей народа [...]

Что касается затем чиновничества, то по своей зависимости от наместничества и министерств оно держится в стороне от народа, приходя с ним в соприкосновение лишь официальное. Изъятия составляют чины автономных учреждений — местных, окрестных и земских *zastupitelstv*, как выборных от народа учреждений. Бургомистр и гейтман — в одном городе — бывают большею частью вождями двух различных партий: народной и бюрократической. Учительское сословие прежде примыкало тоже к автономным сословиям страны; но с 1869 г., с преобразования школ и подчинения их школьным радам — местным, окрестным и земским, под председательством не *starost okresnich zastupitelstv* а *zemského výboru*, но гейтманов и наместника, — учительский класс подпал зависимости от администрации и потому лишился уже отчасти своей близости к народу и своего нравственного на оный влияния.

Городские цехи, бывшие прежде носителями германизации, решительно проникаются теперь народным духом. По крайней мере в Чехии это заметно. В Моравии дела гораздо хуже в этом отношении. *Obšane* (*Bürger*) являются передовщиками в разных патриотических предприятиях: учреждают *čtenarské besedy*, *zpěvacké spolky*, *hasičské sbory*, *založny*,

spořitelny, sokoly и т. д. К ним примыкали донные и педагогические сословия городов. Духовенство и села тоже поддерживают патриотические их podniky. Вообще, к чести духовенства надобно сказать, что оно почти всецело стоит на народной стороне. Даже немцы в чешских, например, монастырях проникаются антинемецким духом, потому что заправляющие немцы как Германии, так и Австрии связали свое дело и свое имя с борьбою против Рима, против духовенства. Это очень роковой для единства Германии шаг мечтающей об этом единстве либеральной партии. Они вызвали против себя соединенную оппозицию сословия, еще сильного своим влиянием не только на народ, но и на аристократию, а инде и на правительства.

Дружба русского правительства, или, по крайней мере, некоторое его сближение с папою было бы теперь очень дипломатичной мерой: оно приобрело бы нам расположение сословия, которого влияние обыкновенно преуменьшают или игнорируют.

Что касается дальше седлаков или мелких статкарей, то благодаря держащемуся еще поныне обычаю неделимости участков, они довольно хорошо обставлены в материальном отношении, имеют по 50 — до 200 корцев земли, трудолюбивы и предприимчивы, довольно образованы — для своего сословия — и, несмотря на бремена налогов, еще умеют сводить концы с концами. Из их детей наиболее пополняется сословие как духовенства, так и интеллигентных представителей народа — в школах, литературе, политике и т. д. В последнее время в их среду закрадывается страсть к роскоши, особенно в прекрасном поле — франтят направо и налево. Развитие духа ассоциации побуждает и позволяет им устраивать разные промышленные предприятия. Например: акционерных сукроварен теперь в Чехии больше полутораста. Много акционерных пивоваров, lihovarův и т. д. Почти в каждом местечке есть либо spořitelna — Sparkasse, либо založna, Vorleihkasse, иногда же та и другая. Некоторые заложны достигают крупных размеров, делаая в год оборотов на 3-4 мил. fl. В продолжение 10 лет их открывают несколько сот и с каждым годом основываются все новые. У немцев чешских они не так хорошо привились. Они много помогают не только своим членам, открывая им личный кредит на значительные суммы, но и поддерживают школы, больницы, разные патриотические предприятия, вследствие чего немцы воздвигли на них гонение.

Во многих городах можно встретить магазины (большую частью střížné zboží) на акциях (Oul), которые делают еврейским торгашеским спекуляциям конкуренцию столь же опасную, как založnu еврейским ссудным мазурничествам. Промысл быстро развивается, но его сильно задерживает высота налогов и прочие тарифы, особенно для вывоза в Россию, на которую чехи смотрят как на главный рынок для сбыта своих промышленных произведений.

Школы тоже развиваются. Во многих городах в последние годы построены просто дворцы под школы. Но теперь это усердие ослабевает от перехода школ под правительственный надзор. Ощущается в последнее время сильный недостаток в учителях для народных и общанских школ, особенно вследствие огнятия от учителей привилегии от военной повинности. С другой стороны замечается падение гимназий и развитие реальных училищ. Практицизм времени и поколения не мирится с классицизмом старых школ. Он с каждым годом теряет свою почву. Скоро Россия уже не в состоянии будет находить в Чехии хороших знатоков классических языков. Замышляется здесь реформа средних школ, именно:

предполагается соединить гимназии с высшими реальными школами, так чтобы 4 первые года были общие курсы, а 4 последние — в 2-х параллельных отделениях: 1) реальном и 2) классическом. В Таборе уже есть такая школа. Из реального отделения будут поступать в политехнику и пр. специальные заведения, а из классического — в университет.

Много бы чего мог я еще порассказать Вам из своих наблюдений над чешскою современностью, но собираюсь в путь — потому спешу окончить это письмо. Веду заметки на своем пути — быть может впоследствии их обработаю и издам.

Зигель давно уже здесь: переписывает „синтагму“ сербскую. Кланяется Вам. Патера тоже. Получили ль Вы книги, посланные Вам на имя университета? Напишите мне письмецо, адресуя на имя Патеры. Как показался Вам мой отчет? Я даже не знаю доселе, получен ли он.

Корнилов сказал мне, что скоро начнет печататься Ваша историческая хрестоматия.¹ Но необходим ли в подобном, для широкой публики предназначающемся издании подлинный текст переводимых отрывков? Это обременит Вас и типографию, замедлит печатание, а издания популярного все-таки не сделает строго ученым, потому что полноты здесь не будет.

Как смотрите Вы на проект издавать при Славянском комитете сборник в виде ежегодника или и чаще (при накоплении материала)? Иван Петрович писал мне, что Вы как будто (я хорошенько не понял его выражений) предполагали возможным заменить подобное предприятие посредничеством Комитета для доставления статей от славянских ученых в наши существующие периодические издания. Я же думаю, что эта мысль, хорошая сама по себе, будет непрактичною до тех пор, пока мы не будем иметь места и средств для печатания подобных статей, одобренных нашим Комитетом. Да и какие наши журналы будут их печатать? Ж.М.Н.П. всегда запружен статьями. Других же серьезных органов нашего направления теперь почти нет. Да и просил ли Феоктистов, либо Катков, либо Краевский и Стасюлевич, как другие редакторы, Славянский комитет о подобном посредничестве? Потому и нужен специальный славянский журнал или издание, сборник, что нет теперь у нас приюта самым даже серьезным и капитальным статьям по славянской части.

Я надеюсь поэтому, что Вы будете поддерживать, а не отодвигать в неопределенное будущее наш план о славянском сборнике. Я с своей стороны не пожалел бы трудов для осуществления его, потому что убежден в его важности и настоятельности. Если Вы иначе смотрите на этот предмет, то простите за разногласие, но я не перестану носиться с этой мыслью до тех пор, пока она тем или другим способом не будет осуществлена.²

Губе писал Зигелю, что задумывает издавать журнал, посвященный разработке вопросов из науки славянского права.

Гиндели недавно возвратился в Прагу из Мерана, но я еще не виделся с ним. Мой поклон Вашим родителям, братьям и племянницам, а также И. И. Срезневскому и другим моим знакомым между Вашими коллегами в университете и академии.

Ваш А. Будилович.

Р. С. Новиков выхлопотал мне рекомендательные письма от министерств циз- и транслейтанского для свободного путешествия. Читал я еремиады Бодуэна в „Соче“.³ Думаю, что он сам виноват во всех

невзгодах своего путешествия. Его статьи слишком желчные и откровенные — еще более сделают подозрительными простодушных поселян к этому „русскому“ обличителю, а тем затруднят путешествие и другим русским в той стране. Это статьи очень бестактные и неуместные. Редакция сама это выразила в примечаниях.

Ф. 35, оп. 1, № 173

¹ По поручению Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета Ламанский составил в 1870 г. „Историческую хрестоматию славянских народов“. О ней же упоминает И. И. Срезневский в „Записке об ученых трудах Ламанского“ (Протоколы Совета СПб. университета за 2-ю половину 1872/73 г., № 8). Издание ее, намеченное в 1874 г., не осуществилось.

² Будилович, так же как и Ламанский, принял ближайшее участие в издании „Славянского сборника“, выпущенного Петербургским отделом Славянского комитета. К сотрудничеству в сборнике были приглашены и дали свои статьи несколько ученых-славян. Т. I, под ред. Н. Н. Страхова, вышел в 1875 г., т. III в 1876 г. и т. II в 1877 г.

³ Журнал, выходящий в Горице — „Soča. Glasilo slovenskega politečnega društva goriškega za brambo narodnih pravic“.

37

А. С. Будилович — В. И. Ламанскому

14 (26) февраля 1874. Загреб

Загреб, 1874. 14/26 февраля.

[...] Передал Ваши поклоны Рачкому, Кукулевичу, Матковичу: просят и Вам кланяться.

Литературные новости здесь следующие. Кукулевич издал I-й том Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae,¹ в который вошло 248 грамот от 503 до 1102 г., отчасти перепечатка, но в исправленном чтении, из Mansi, Farlati, Lučić и др., отчасти же новое из разных архивов Далмации, Хорватии, Италии, Вены, Пешта и т. д. Это издание считают очень важным для истории.

Кукулевич мне говорил, что собирается издать еще средневековые надписи в Хорватии и Славонии, которых у него до 900.² Вам известно, что и Момзен в 3-м томе своего Corpus Inscriptionum³ поместил немало паннонских и дакийских (паннонских — большею частью от Любича),⁴ но Кукулевич говорит, что в Истрии и Далмации жатва для инскриптолога остается еще очень богатая. Вот бы нашему Помяловскому этим заняться. Это ведь важнее, чем подбирать оброненные крохи на дорогах Лациума и развалинах Помпей.

Любич печатает югославянскую нумизматику — в больших размерах, с таблицами и т. д.⁵

Рачкий обрабатывает древнюю (дославянскую) историю Фракии и Иллирика, что должно составить повидимому несколько томов.⁶ Продолжает писать и историю югославян в XI веке.⁷

Кроме того, они (Академия Наук) хотят издать в фотографических снимках хорватский дипломатический древнейшего времени, вместе со снимками надписей на камнях, медалях и пр. Эту книгу (еще не печатается) Рачкий хочет представить Киевскому Археологическому съезду.⁸

Маткович переводит, *respektive* пишет учебник австро-венгерской географии для средних школ. Кроме того он мечтает издать описание всех путешествий по Балканскому полуострову в 16 и 17 в., какие ему известны и доступны.⁹

Кстати, Вы как-то просили меня списать для Вас в Пеште Гундуличево Описание путешествий по Болгарии. Но я узнал, что эта вещь уже напечатана в Бандуриевых комментариях к Константину Порфирородному.¹⁰

Напечатано уже почти все сочинение или сборник Богишича об обычном праве югославян в виде ответов на вопросы из составленной им программы.¹¹ Книга листов в 40, без предисловия, которое еще не написано. Я перелистывал эту книгу и нашел там много интересных сведений.

Выборка материала для исторического словаря Сербо-хорватского языка начата по плану Даничича, доведена уже довольно далеко.¹² Эксцерпированы древние грамоты, летописи и пр., затем далматинцы до конца 17 в. За образец они себе поставили словарь Гриммов.¹³ Это будет вещь важная, но еще не скоро выйдет в свет.

Издано на днях в одном томе — полное собрание сочинений Прерадовича¹⁴ (по 5 fl.), которого они считают первым своим поэтом нового времени.

„Старых писцев“ вышло 5 тт. Печатается 6-й (кажется Чубранович).¹⁵

Статистическую книжку Матковича „Hrvatska i Slavonija“,¹⁶ вероятно, Вы уже знаете.

Университет будет отчасти открыт будущей осенью, именно юридический и половина историко-филологическая (другая — натуральный и медицинский позже).¹⁷ Переговоры насчет профессуры держатся в такой тайне, что я не могу допытаться, кто будет там профессорствовать. Очевидно, однако, что профессорствовать будут почти все академики: Рачкий, Мелич, Маткович и т. д. В слависты пригласили Ягича, но он еще не ответил: да или нет. Если он откажется, то имеют в виду профессора в Штирийском Градце Крека (?).

На славянское право хотят пригласить Ганеля из Праги. Другой кандидат некий словенец Турнер, который недавно издал в Страсбу ге сочинение: „Slavisches Familienrecht“¹⁸ как докторскую диссертацию. Жалованья здесь профессорам ординарным 1800 fl., но каждые 5 лет прибавка $\frac{1}{4}$ жалованья. Эгот последний обычай не мешало бы ввести и у нас.

Вообще хорватам теперь жить лучше любого другого славянского племени в Австрии. Мадыарского духу здесь совсем теперь не слышать. Немецкий язык силен, но мадыарского совсем нет. Бан¹⁹ — человек очень популярный. Если не изменятся дела к худшему, то лет через 5—6 Хорватчина перецеголяет всех других австрийских славян.

Есть лишь опасность, как бы небогатые их силы, разделившись на много сторон — Академия Наук, университет, суды, администрация etc., не потеряли своей интенсивности. Если этого не случится, то Загреб решительно будет югославянскими Афинами. И теперь в здешние школы поступает много сербов, болгар, словенцев. Едва ли Белград будет доволен этим своим соперником.

Я давно не получаю писем от И. П. Корнилова. Не знаю в каком положении находится теперь ваш Сборник. Ужасно неаккуратный народ эти славяне, — не исключая чехов. Ербен, Небеский, Патера — все обещали и не сдержали слова. Не знаю, что сделали Наумович да Кралицкий.²⁰

Читаю теперь далматинцев и загребинцев. На днях присяду за отчет

В отчаяние человек приходит перед бесконечностью славистики. Чем больше изучаешь, тем более открывается неизвестного, неисследованного. Вот уж подлинно „жатва многа“!

Пора однако и честь знать. Прощайте, дорогой Владимир Иванович. Передайте мой привет Вашей супруге. Не забывайте Вашего
А. Будиловича.

Адрес недели еще две такой же: Agram, Hotel Prückner № 42. Потом в Люблян у, на имя Левстика или в Poste restante.

Ф. 35, оп. 1, № 173.

¹ Вышел в Загребе в 1874 г., в серии „Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium. Povjestni spomenici južnih slavena, издаваемой Югославянской Академией Наук.

² Nadpisi sredovječni i novovječni na crkvah, javnih i privatnih sgradah... u Hrvatskoj i Slavoniji (изданы посмертно в 1891 г.).

³ Имеется в виду ч. I т. II. „Corpus inscriptionum latinarum“ (Берлин, 1873), содержащая „Inscriptiones Asiae provinciarum Europae graecarum Illyrici latinae“.

⁴ С. Любич уступил Моммзену свою эпиграфическую коллекцию. Сам Любич издал в серии „Monumenta spectantia historiam...“ 7 тт. „Listine o jednošajih između južnoga slavenstva i mletačke republike“ (книги серии: I—V, IX, XII, 1368—1886).

⁵ Opis jugoslovenskih novaca. Zagreb, 1875.

⁶ Этот труд вышел в серии „Monumenta spectantia“ (кн. VII) — „Documenta historiae croaticae periodum antiquum illustrantia“, под ред. Ф. Рачкого (Загреб, 1877).

⁷ Имеется в виду участие Рачкого в т. II издания Aug. Theiner „Vetera monumenta slavorum meridionalium historiam illustrantia“, (Загреб, 1875).

⁸ Археологический съезд 2—16 августа 1874 г. под председательством А. С. Уварова отличался особой многолюдностью, обилием докладов и участием большого числа иностранных ученых.

⁹ Этот труд был издан в 1873 г. в т. XII „Rad'a jugoslavenske akademije“ — „Putovanja po balkanskom poluotoku za srednjega veka“.

¹⁰ Имеется в виду изданный в 1711 г. Ансельмом Бандури двухтомный свод в латинском переводе, с научными комментариями, константинопольских памятников — „Imperium orientale“.

¹¹ V. Bogišić. Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih slovena, Agram, 1877.

¹² Т. I подготовлявшегося Югославянской Академией „Rječnik'a hrvatskoga ili srpskoga jezika“ вышел в 1830 г. под ред. Ю. Даничича. При участии Даничича издан вып. I-й т. II; дальше редактором был П. Будмани.

¹³ Jacob und Wilhelm Grimm. D. utesches Wörterbuch. Leipzig, 1852—1860.

¹⁴ Pjeanička djela Petra Preradovića. Zagreb, 1873.

¹⁵ Серия, издаваемая с 1869 г. Югославянской академией — „Stari pisci hrvatski“, т. VI, „Hektorović i Lucić. Pjesme“ (Загреб, 1874).

¹⁶ Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih jednošajih. Zagreb, 1873.

¹⁷ Загребский университет был открыт 19 октября 1874 г. по постановлению Сабора Даламации Хорватии и Славонии, в составе 4-х факультетов.

¹⁸ 1874 г.

¹⁹ Иван Мажуранич.

²⁰ В первом томе „Славянского сборника“ были помещены статьи славян — И. Наумовича, „О галицкой Руси“, О. Пича, „Очерк политической и литературной истории словаков за последние 100 лет“, Я. Ф. Головацкого, „Карпатская Русь“.

И. В. Ягич — В. И. Ламанскому

17 (29) декабря 1874. Берлин

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Я вчера, только что получил Ваше обязательное письмо, тотчас отправил по почте первую половину (общая часть) рукописи.¹ Жалею, что должен Вам надоедать таким скучным поручением. Но когда Вы уже

¹ Документы к истории славяноведения

взялись за дело, то, пожалуйста, не щадите карандаша. Знаю, что Вы найдете очень много шороховатостей в моем „стиле“. Но и кроме того не стесняйтесь несколько вычеркивать все излишнее. Например, если Вам кажется, что все сказанное о Вук Стефановиче и загребском иллиризме слишком известно, так сделайте одолжение и сократите, т. е. отбросьте все, не относящееся к предмету. Я, главным образом, хотел убедить нашего „Буру“, * что его заимствования из Шлейхера не в попад. Он слишком ортодоксен, верит всему, что пишут мои немцы, забывая их поговорку: *lügt wie gedrückt*. У меня началась эманципация от таких тесных взглядов с тех пор, как я был у вас, да позвольте мне лучше сказать, у нас в России: ведь я люблю Россию не менее настоящего русского. Это я смею сказать теперь, когда не должен опасаться более упрека, который тяготел на моей душе: „Издали, подобно сотням беглецов, на ловлю счастья и чинов заброшен к нам по воле рока“. Я без чина уехал из России, но в сердце повез с собою любовь и благодарное воспоминание к ней.

С тех пор как я здесь, убеждаюсь я все более в природном превосходстве нашем. Мы, конечно, не так учены, но за то мы люди с душою, да и пожалуй известные сословия даже образованнее у нас (я говорю о России), чем здесь. Вот Вам и ответ на вопрос, если Вас интересует, как мы здесь проживаем. Не очень-то весело. Мы тоскуем, но не скучаем. Хоть и в Берлине, все же лучше заниматься славянскими языками, чем санскритским. Студентов у меня пока немного: по большей части поляки. Немцы хотели бы только по-русски учиться. Но это падает на долю лектора русского языка, который с временем и будет в здешнем университете.

Мое положение особенно тяжело в том отношении, что я ограничен пока только на свои литературные пособия. Здесь почти ничего нет, и как-то не охотно соглашаются выписывать книги, писанные языками им непонятными. Но я пока еще молчу, в скором же времени сделаю кабинетский вопрос.

Когда Вы пошлете в редакцию мою статью, напомните им, чтобы мне послали с начала будущего года по 1 экземпляру журнала. Деньги я заплачу, как скоро узнаю кому и сколько. Еще я должен попросить Вас, чтобы по случаю напомнили Черкесову, моему комиссионеру, о сочинениях Котляревского, которых он еще мне не выслал. Удивляюсь как это ему не удалось. Ведь он очень самоуверенно отзывался в прошлом году о своих глубоких исследованиях.

Мы с женою кланяемся Вам и просим Вас принять уверение о глубоко и искреннем уважении, с которым мы всегда вспоминаем Вас.

Ваш преданный В. Ягич.

17/29 12. 1874
Берлин

Ф. 35, оп. 1, № 1615.

¹ Упомянутая статья Ягича в русских изданиях не появилась. Рецензия его на Даничица, „Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека“ (Београд, 1874) опубликована в „Archiv f. slav. Philologie,“ (II, 1876).

* Даничица.

И. В. Ягич — В. И. Ламанскому

5 (17) февраля 1875. Берлин

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Я и опять обращаюсь к Вам с маленькою просьбою. Сделайте одолжение подпишите меня на „Детское Чтение“ 1875-ый год (на Невском проспекте № 42, дом армянской церкви) и на музыкальный журнал „Нувеллист“ (в музыкальном магазине Бернарда) — одно, как Вы изволите видеть, назначается для моей Станочки, другое же для супруги. Я запаса „Вестником Европы“ и „С.-Петербургскими Ведомостями“ (они теперь упали). Таким образом, мы стараемся поддерживать нашу русско-хорватскую национальность среди не очень-то симпатичных нам немцев.

Для упомянутой цели я прилагаю 10 рублей (6 за „Нувеллиста“, 3. 65 за „Детское Чтение“); если же высылка за границу стоит дороже, я дополню что бы недоставало, при первом случае.

Видели ли Вы издаваемый в Белграде журнал „Отаџбина“?¹ Правительство, лучше князь, поддерживает его. Только наши братья сербы, в особенности молодое поколение, через чур уже увлекаются дарвинизмом и материализмом. Смешно же их самообман, будто бы они опередили русских, потому что у них — конституция. Очень кстати их министр просвещения Новакович был в Киеве и кое чем был поражен.²

Скажите, пожалуйста, какой текст Вы бы рекомендовали мне для чтения в лекциях русского языка? Я имею в виду Семейную хронику Аксакова?³ Надо выбрать что-нибудь достойного, но вместе интересного для университетских студентов. Хроника рекомендуется и тем, что она переведена на немецкий язык. Но мне очень хочется узнать Ваше мнение. В настоящее время я занят составлением русской грамматики для университетского преподавания — во-первых, сжатый очерк русских форм.

Поклонитесь Измаилу Ивановичу и другим знакомым, Вас же дружески целует Ваш искренно преданный

В. Ягич.

$\frac{5}{17}$. 2. 875

Прошу на адресе назначить мою квартиру

Prof. Jagic, Berlin, Körnerstrasse 5. II.

Ф. 35, оп. 1, № 1615.

¹ „Отаџбина, књижевност, наука, друштвени живот“ выходил с 1875 по 1892 г. под ред. В. Борђевића, ватем П. Поповића.

² С. Новакович, как и Ягич, был на III Археологическом съезде и издал о нем брошюру „С Археолошке изложбе у Кијеву. Белешке Ст. Новаковића“ (Београд, 1874).

³ Вышла отдельным изданием в 1850 г.; переведена на немецкий С. А. Рачинским.

И. В. Ягич — В. И. Ламанскому

17 (29) мая 1875. Берлин

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Я читал сегодня в „Петербургских Ведомостях“ о диспуте Бодуэна,¹ бывшем на днях и кончившемся — рукоплесканием. Оттуду заключаю, что он (Бодуэн) должно быть еще в Питере и конечно бывает и у Вас. Вот почему я пишу Вам это письмо, желая, чтобы Вы если возможно сообщили и ему содержание этого письма.

Вы может быть уже слышали, что я затеваю здесь орган филологико-археологический под заглавием „Archiv für slavische Philologie und Alterthumskunde“.² „Beiträge“ теперь соединяются с Куновым журналом³ — кельты и романы имеют свои органы — только мы остаемся без общего всесоединяющего журнала. Пока Вы, господа русские, не решитесь в Петербурге основать центральный орган для всех славян — позвольте мне прибегнуть к постыдному, но, к сожалению, до сих пор практическому средству — к языку немецкому. Ведь главное дело не форма, а содержание. По содержанию же я желаю служить интересам нашей науки, познавательная не только немцев и прочих „языков“ с результатами наших ученых историко-филологических трудов, но и братьев славян, которые все еще не знают друг друга, в особенности же не знают — русских. Ведь Вы знаете, что, например, на „Влтаве“ еще рассуждают о том, который из славянских языков должен быть общим для всех — для нас берлинцев это уже решенный вопрос! И так мы опередили в этом сознании братьев славян, а Архив должен своим образом внушить эту мысль и тем из „иноязычников“, которые еще не верят в будущность русско-славянской культуры, и, в особенности, братьям славянам, практически доказывая им важность научных исследований, являющихся со дня в день в большем числе в России.

Эту мысль провести, конечно, трудно, да и невозможно без содействия многих. Потому-то я и обращаюсь к Вам и через Вас к Бодуэну с просьбою помогать мне в этом предприятии. От Вас я, конечно, не требую немецких статей, но доволен, если Вы не пропустите случая прислать мне от времени до времени свои уже напечатанные статьи для передачи их в переводе. Но Бодуэн, надеюсь, пожелает иногда прямо сюда что-нибудь прислать. В этом смысле, пожалуйста, передайте ему мою просьбу и поклон.

От Вас, дорогой Владимир Иванович, можно бы пока надеяться той статье, которую Вы должно быть уже напечатали в Славянском сборнике, о Рез (если не ошибюсь).⁴ Кроме того, нельзя ли от Вашего воспитанника Брандта достать статью, написанную им о Османе?⁵ По этим моим желаниям Вы можете судить, что Archiv имеет программу гораздо обширнее, нежели только разбор грамматических форм славянских языков, что в Германии называют филологиею par excellence! Лингвистическую часть Архива берет на себя Лескин, польскую литературу — Неринг, чешскую — Гебауер, о деятельности южных славян и русских берусь я сообщать. Оригинальные статьи и переводы то целиком, то в извлечениях — должны изменяться по очереди.

Это предприятие теперь поглощает все мое внимание. Не удастся ли оно так, как я желаю, тогда „с богом Берлин-граде“. Возиться с немцами — мне уже надоело. Вообразите — теперь остались мне только два, занимающиеся русским языком — все остальные испугались от этого „трудного и чуждого“ языка! Бог с ними — не пометайте бисер ваших пред свиных — говорит священное писание.

Я надеюсь вскоре получить для Вас несколько книг, как Даничица историю форм,⁶ Ткалчица Monumenta ecclesiae, Zagreb.⁷ Прислать ли это Вам по адресу?

Мы с женою кланяемся Вам и просим иметь нас в дружеской памяти.

Из Берлина, первый год, восьмой месяц нашего заточения.

Вам искренне преданный

В. Ягич.

17 29 5 875

Ф. 35, оп. 1, № 1615

¹ И. А. Бодуэн де Куртене защищал в Петербургском университете докторскую диссертацию „Опыт фонетики резвянских говоров“ (СПб. 1875).

² Журнал Ягича „Archiv für slavische Philologie“ выходил с конца 1875 до 1920 г. и дальше, под ред. Э. Бернекера, до 1929 г., по одному тому из четырех книг в год. До появления серьезных научных журналов на национальных языках в России, Польше, Чехии он играл большую роль объединяющего центра в области славистики.

³ Берлинские журналы „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des deutschen, griechischen und lateinischen“ (издавался в 1852—1874 г. А. Куном) и „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slavischen Sprachen“ (выходил в 1856—1870 гг. как приложение к первому) с 1877 г. слились в „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprache“ А. Куна.

⁴ Идет речь, очевидно, о кандидатской работе С. А. Пташицкого, ученика В. И. Ламанского, на тему о Николае Рее из Нагловиц, польском поэте XVI в. (Отзыв Ламанского об этой работе в „Протоколах Совета СПб. университета за первую половину 1875“). Кроме двух брошюр о Н. Рее (Вильно, 1880 и Варшава, 1881), Пташицкий опубликовал работу о Рее в „Сборнике статей по славяноведению“, изданном учениками В. И. Ламанского в 1883 г.

⁵ Работа Р. Ф. Брандта, за которую он получил от историко-филологического факультета золотую медаль в 1875 г. Ее первая часть под заглавием „Историко-литературный разбор поэмы Ивана Гундулича «Осман»“ была напечатана в „Известиях Историко-филологического института им. Безбородко“ (т. IV, Киев, 1879).

⁶ См. прим. 1 к письму 38.

⁷ I. Tka l'čić. Monumenta historica episcopatus Zograbensis saec. 12—13. Zagreb, 1873.

Ю. Грегр — В. И. Ламанскому

16 (27) апреля 1877. Прага

Slovutný Pane, Vysoce ctený příteli!

Posílám Vám vřelý přátelský pozdrav ve chvíli veliké! Celý národ náš nadšen jest mocnou sympatií k velkému národu ruskému a žehná zbráním jejím. Můžete býti hrdým na to, že jste Rusem jakož my Čechové hrdí jsme vědomím, že jsme Slované!

Válka na osvobození jižného Slovanstva vzbuzuje nebývalý interest v našem lidu. Moje péči o to, aby rychlými a dobrými správami hovělo se dle možnosti tomuto interestu, zasilám jednoho z nejobratnějších žurnalistů

našich, pana Dr. Serváce Heliera na bojiště. Hledaje spojení v Petrohradě přichází především k Vám aby si ucházel o Vaši protekci a přízeň.

Račte mu prosím dáti laskavá odporučená a býti mu přátelským a blahosklonným rádcem.

Vyslovuje Vám při příležitosti této svou vřelou úctou trvám v hluboké přátelské oddanosti

Dr. Julius Grégr
majitel Národních Listů.

Praze 27 4. 877.

Ф. 35, оп. 1, № 413.

Перевод

Благородный господин, высокоуважаемый друг!

Шлю Вам горячий дружеский привет в великий час. Весь народ наш преисполнен большой симпатии к великому народу русскому и благословляет его оружие.¹ Вы можете гордиться тем, что Вы — русский, как мы, чехи, горды сознанием, что мы — славяне!

Война за освобождение южного славянства возбуждает небывалый интерес в нашем народе. Заботясь о том, чтобы быстрыми и добрыми делами способствовать по возможности этому интересу, посылаю одного из выдающихся наших журналистов, г. д-ра Сервация Геллера, на позиции. В поисках связей в Петербурге он придет прежде всего к Вам, чтобы заручиться Вашей протекцией и расположением.

Пожалуйста, дайте ему хорошую рекомендацию и будьте ему дружеским и благосклонным советчиком.

Выражая Вам при этом случае свое искреннее почтение, остаюсь глубоко дружески преданный

Д-р Юлий Грегр,
издатель Národních Listů.

Прага 27 4. 877

¹ Русско-турецкая война началась объявлением войны Турции в манифесте 12 (24) апреля 1877 г.

42

П. А. Сырку — В. И. Ламанскому

14 (26) сентября 1878. Тырново

Тырново 14 сентября 1878 г.

[...] В августе, числа 5, я Вам выслал первый выпуск французского перевода „Критической истории румынов“ Хиждеу,¹ пересмотренного и дополненного самим автором; а перед тем, кажется, рапорт, представленный Точилеску министру народного просвещения и вероисповеданий, о командировке его в скит Вербилу для описания тамошних древностей. Получили ли их или нет? На этих днях я Вам вышлю грамматику Момчилова,² которую не выслал из Русчука, потому что в тамошнем книжном магазине ее не было. К сожалению, Заметок Порванова по болгарской грамматике, говорят, нельзя уже совсем найти в продаже, а к самому автору обратиться также нельзя, так как он уже умер. Впрочем, надеюсь, что в Фалиппополе я их найду через Манчева, и тогда я их Вам вышлю. Ничего нового, оригинального и более интересного пока еще нет в новоболгарской литературе, но скоро будет. Каравелов готовится

здесь и печатает уже свой сборник народных песен³ и целый большой том своих заметок о Болгарии,⁴ а в Русчуге Илия Блъсков печатает большой рассказ из народной жизни под заглавием „Пянь баша“.⁵ Тоже готовится к изданию что-то в Филиппополе, да важное особенно, кажется. Из старых более интересных произведений болгарской литературы достать в книжном магазине трудно, так как книжное дело в Болгарии совсем еще не устроено; их можно найти разве только у авторов. Газет в Болгарии в настоящее время одна единственная, полуофициальная „Марица“,⁶ издающаяся в Пловдиве (Филиппополь) не очень давно; до этих пор вышло всего 13 №№, при двух разгах в неделю. Она обставлена довольно хорошо и имеет полное право на название хорошей газеты. Есть еще одна болгарская газета „Българинъ“, но она издается в Журжеве; в Румынии издается еще нечто похожее на журналы: в Русчуге „Славянско Братство“ Р. Блъсковым,⁷ а здесь „Знание“ Каравеловым.⁸ Последний содержательнее первого; направление и задачи можете определить из самых названий их. Кроме всех этих в Царьграде американское общество протестантов издает газету „Зорница“, которая выходит довольно давно, но она, впрочем, не имеет никакого значения для болгарского общества. Вот и вся теперешняя болгарская периодическая печать. Периодических изданий теперь гораздо меньше, чем было прежде. Впрочем, находились охотники издавать газеты и в других городах, но этому очень мешают разные цензурные обстоятельства. Например, в Русчуге говорили мне, что там не издается газета только потому, что нет цензора на месте или поблизости; поэтому нужно посылать всегда приготовленный к печати № в Пловдив, а для этого нужна по крайней мере неделя времени.[...]

Здесь меня весьма часто спрашивают как простые, так и интеллигентные болгары, что делает и где живет и как живет Аксаков, а также и о том, захочет ли Игнатъев быть болгарским князем, если его изберут болгары. И к одному и другому здесь относятся с большим уважением и любовью. Об Аксакове Журжевский „Българинъ“ приводит целую статью и в нем же затем напечатана его речь последняя.⁹

Готовый к Вашим услугам П. Сырку.

Р. S. Похлопочите о дозволении в России пловдивской газеты „Марица“, она этого стоит.

Ф. 35, оп. 1, № 1380.

¹ V. P. Nas de u. Istoria critica a romanilor. Pamentulu terrei-romanescei, т. I, 2-е изд., т. II. Bucuresci, 1874—1875.

² Вероятно „Грамматика на новобългарския езикъ“ (Русчуг, 1868). К ней относится критическая статья, упоминаемая ниже: Първанов, „Бележки връхъ граматиката на новобългарския езикъ от Ив. Н. Мъмчилова“ (Русчуг, 1868).

³ „Болгарские народные песни, собранныя Любеном Каравеловым“ были изданы много позже Обществом истории и древностей российских, под наблюдением П. А. Лаврова (М., 1905).

⁴ Рукопись „Записка за България и българите“ Каравелов не успел опубликовать (см.: С. Б о б ч е в. Любен Каравелов. София, 1904).

⁵ Пянь баша, убиецъ на децата си. Повесть чисто българска из народния живот, кв. I. Русчуг и Варна, 1879.

⁶ Выходила в 1878—1885 гг. под ред. Начовича, Ив. Гешова и др.

⁷ Выходила с октября 1877 г. по декабрь 1878 в Бухаресте и Русчуге.

⁸ А. Каравелов редактировал журнал „Знание. Издание за наука и литература“, издававшийся в Бухаресте в 1875—1876 гг., а затем весной 1878 г. в Тырнове.

⁹ Очевидно, речь 22 июня 1878 г. в Московском славянском комитете по поводу Берлинского конгресса, за которую Московский комитет был закрыт правительством, а И. С. Аксаков выслан в деревню.

A. Патера — В. И. Ламанскому

27 декабря 1878 (8 января 1879). Прага

V Praze, 8 ledna 1879.

Поздравляю Вас с Новым Годом!

Добрейший Владимир Иванович!

Ради бога, извините меня, что я Вас заставил так долго ждать ответа.

Čtĕje Vám poslati určitou zprávu, kdy byla dodaná k cenzuře Lindova Záře nad pohanstvem odkládal já stále svojí odpovědí, ale u nikoho až dosud jsem se nemohl domoci určitých zpráv. V archivu gubernialním, kde jsem doufal jisté zprávy najít, jsem ničeho nenalezl. Ještě se pokusím na poli- cejním ředitelství, ale tam sotva něco bude. V „Novinách privilegovaných“ číslo 21. str. 84 (9. září 1818) oznamuje Linda (který byl redaktorem těchto novin)—že Záře vyšla tiskem. V Knihopisném slovníku Douchy je chyba tisku: místo 1818 stojí 1815. O samém Lindovi jest pouze to známo, co Hanuš již ve svém spise „Die gefälschten böhmischen Gedichte aus den Jahren 1816—1849“ napsal.

Zároveň Vám posílám přepis článku „Tagesbote“, který jste si přál. Článek tento napsal nejspíše bývalý sekretář Musea V. Nebeský, jak mně to dotvrzoval V. Nagel, nynější správce kněhtiskárny Politiky v Praze. Roku 1858 byl on sazečem se svým bratrem v „Tagesbote“ a sázel článek „Handschriftliche Lügen“, avšak musel vždy hned rukopis odevzdati redak- torovi Kuhovi, jen malý dodatek mu nahodou zůstal, ale bohužel se mu ztratil. Brzy na to dostal článek tutež rukou psaný, který byl od V. Nebeského, a tu prý úplně se přesvědčil že článek v „Tagesbote“ byl psán Nebeským. Co se dotýče článku ve Světozoru Jos. a Herm. Jirečků, to byly skoro všechny použity v „Die Echtheit der Königinhofer Hand- schrift“, těchže bratří. Budete — li však chtít, dám Vám je v nejkratší době přepsati neb v celé Praze máme snad pouze v Museum úplný exemplář.

Fotografie Zelenohorského rukopisu je sice a však tak chatrná že se ustálo od fotografování, neb na fotografii je rukopis nečitelný a nejasný. Evangelium sv. Jana nebylo fotografováno a při nynější správě bibliotéky ani nelze dáti tento zlomek fotografovati. Snímky v „Älteste Denkmäler“ znáte, ale nejsou dosti věrné. Lituji, že jsem poslal svůj článek „Mater verborum“ do akademie Vaší, ačkoliv jsem prosil, by mi posýlali korrek- turu, nestalo se tak. Obdržev vytisk, nalezám tam tolik chyb, že jsem se až zhrozil! Nepochopuji, jak jsem mohl při některých slovech napsati, že nejsou české (ku př. stězka, kviesti, murín, ohar atd), vždyť jsou některé zcela obyčejné i v nové češtině. Mohlo se to stati snad jen ve spěchu, když jsem psal a překladal článek, jehož konec jsem si ani nepřčetl, doufaje, že všechny chyby napravím, až dostanu korekturu. Po roce kone- čně dostanu článek, a nemohu ho ani poznati!

Čtĕl jsem právě poslati korespondencí Dobrovského do akademie, neb jsem prvý díl úplně k tisku připravil, ale nyní toho více neučiním, neb se obávám, by se mi něco podobného nestalo! Bůh da, že snad se mi nas- kytne jiný nakládatel, kterýby se díla toho ujal! Věřte mi, добрейший Владимир Иванович, chtěla li by akademie podobným způsobem vydávati

spisy druhých Slovanů, tím by odstrašila Slovanů ruský psátí a posylati své práce k Vám. Já aspoň jsem sprážen!

Že Hanka nejspíše vepsal nové glossy sám do rukopisu „Mater verborum“, soudím již z jeho prvé zprávy (v Časopise musea 1827 str. 69 a 70) kde píše, že Graffovi předložil Mater verborum, „neboť hned při zapisování v katalog některá staroněmecká slova byl nalezl“. Kdo však přehlíží musejní rukopis Mater verborum, ten zajisté spíše najde dříve české glossy, které jsou ponejvíc mezířádkové, kdežto německé jsou obyčejně v řádcích, a aby je někdo nalezl musí čísti text latinský. Škoda velká, že Dobrovský tak brzo umřel, ten by nám byl podal nejlepší zprávu o tom! Glossy byly vepsany nejspíše teprv tehdáž, když byl rukopis již v museum, a tedy Hanka co bibliotekář zajisté by nikomu nepužčil rukopis aby si tam vpisoval, co se mu líbí. Že by byl mohl někdo vepsati glossy do rukopisu, dokud byl ještě v Březnici, nelze ani mysliti. Nějaký hospodársky úředník nemohl toho učiniti a učence českého, pokud známe, v Březnici v této době nebývalo. A pak kdo by u nás neznal slabost Hankovu? Vždyť známe mnoho důkazů, jak rád vpisoval své poznámky a opravy do starých rukopisů!

(Použijete li toho v některém svém článku, prosím Vás snažně byste neupomínal o mně, že pokládám Hanku za padělatele gloss v „Mater verborum“, mám své příčiny, neb dokud jsem u musea, nemohu tedy vystupovati, jak bych si třeba přál!)

Co se dotýče Libušina proroctví, to jest ono nyní opět v museum. Delší dobu bylo ztraceno, neb bývalý skriptor I. Dunder si ho vzal z musea a po smrti jeho našlo se v jeho papírech v Novém Strašeci kde žil ra odpočinku, a bylo navraceno a sice r. 1877 do musea. Jest to velmi nemotorný falsifikat! Možná dost, že je to pokus (co do pisma) samého Dundra, který si tež líboval v nápodobování starých rukopisů.

Právě jsem dokončil článek do Časopisu musea a odevzdal do tiskárny, v kterém popisují rukopis a podávám glossy (zajisté XII stol.), které jsem v něm nalezl. Jak mile bude článek vytištěn, hned Vám ho pošlu.

Prosím ještě jednou, byste odpustil, budu hleděti, bych opět vynahradil, v čem jsem se byl obměškal.

Očekávejte ode mne co nejdříve list, kde odpovím, dle možnosti, na ostatní otázky.

Pozdravujte naše společné přátelé a známé.

Budte zdráv.

Vám vždy k službám povolný

A. Patera.

Děkuji Vám velice za přislané knihy; mám pro Vás opět několik knih připravených, napište, co ještě potřebujete, a hned vše odešlu. Nyní budu míti opět více času. Předěšlý měsíc byl jsem 14 dni u svého přítele hraběte Kolovrata kterému jsem již před několika měsíci byl slibil, že mu srovnám jeho biblioteku.

V budoucím listu též odpovím panu Veselovskému, již jsem některé rukopisy prohledl za tím účelem.

Ф. 35, оп. 1, № 1077.

Перевод

Прага 8 января 1879.

Желая послать Вам точную справку о том, когда была представлена в цензуру „Záře nad rohanstvem“¹ Линды, я все время откладывал свой ответ, но ни у кого до сих пор не смог добиться точных сведений.

В местном архиве, где я рассчитывал найти точные данные, я не нашел ничего. Попробую еще в полицейском управлении, но и там едва ли что-нибудь окажется. В „*Novinách privilegovaných*“,² № 21, стр. 84 (от 9 сентября 1818) Линда (он был редактором этой газеты) сообщает, что „*Záře*“ вышла в печати. В „Библиографическом справочнике“ Доухи³ — опечатка, вместо 1818 г. стоит 1815. О самом Линде известно только то, что написал уже в своем труде „*Die gefälschten böhmischen Gedichte aus den Jahren 1816—1849*“ Гануш.⁴

Одновременно посылаю Вам копию статьи „*Tagesbote*“, которую Вы хотели иметь. Скорее всего эту статью написал бывший секретарь Музея В. Небеский, как мне это подтвердил В. Нагель, теперешний заведующий типографии „*Политика*“ в Праге. В 1858 году служил он вместе со своим братом наборщиком в „*Tagesbote*“ и набирал статью „*Handschriftliche Lügen*“,⁵ но должен был рукопись вернуть редактору Куге, и случайно осталось у него только маленькое добавление, но, к сожалению, он его потерял. Вскоре после этого он получил статью, написанную той же рукой, это была статья Небеского, и тут, говорит он, он вполне убедился, что статья в „*Tagesbote*“ была написана Небеским. Что касается статей в „*Светозоре*“⁶ Иосифа и Герменгильда Иречков, то они были почти все использованы в „*Die Echtheit der Königihofener Handschrift*“⁷ этих же братьев. Если хотите, я дам их Вам в ближайшем времени переписать, потому что во всей Праге только вероятно у нас в Музее имеется полный экземпляр.

Фотография Зеленогорской рукописи так неудачна, что фотографирование прекратили, потому что на фотографии рукопись неразборчива и неясна. Евангелие от Иоанна⁸ не было сфотографировано и при нынешнем управлении библиотеки нельзя этот отрывок дать фотографировать. Вы знаете снимки в „*Älteste Denkmäler*“,⁹ но они недостаточно верны. Я очень жалею, что послал свою статью „*Mater verborum*“¹⁰ в вашу Академию; хотя я и просил посылать мне корректуру, однако этого не делали. Получив экземпляр, нахожу там столько ошибок, что я даже испугался! Не постигаю, как я мог о некоторых словах написать, что они не чешские (например, *stězka*, *kviesti*, *murin*, *ohar* и т. д.), ведь некоторые из них совсем обычны и для новочешского языка. Это могло произойти только в спешке, когда я и писал, и переводил статью, конца которой даже не прочел, надеясь, что все ошибки поправлю, когда получу корректуру. Через год, наконец, получаю статью и не могу ее просто узнать!

Хотел я послать переписку Добровского¹¹ в Академию, потому что первый том я полностью подготовил к печати, но теперь уж этого не сделаю, боюсь, как бы чего-нибудь подобного не случилось! Даст бог, найдется другой издатель, который возьмется за это дело. Поверьте мне, добрейший Владимир Иванович, если бы Академия стала издавать таким образом работы других славян, этим она отучила бы их писать по-русски и посылать свои труды к вам. Я, по крайней мере, потерял охоту.

Что Ганка скорее всего сам вписал новые глоссы в рукопись „*Mater verborum*“, я заключаю уже из первого его сообщения (в Часописе Музея, 1827 г. стр. 69 и 70), где он пишет, что предложил „*Mater verborum*“ Граффу, „потому что уже сразу при внесении ее в каталог он нашел некоторые древненемецкие слова“. Но кто станет просматривать музейную рукопись „*Mater verborum*“, тот, конечно, скорее обнаружит глоссы чешские, чаще всего вписанные между строками, чем

немецкие, которые обычно находятся в строках и для обнаружения которых надо читать латинский текст. Очень жаль, что Добровский так рано умер. Он уж дал бы нам самые точные справки относительно этого. Глоссы были вписаны скорее всего только тогда, когда рукопись была уже в Музее, и тогда Ганка, как библиотечарь, конечно, никому не дал бы рукопись, чтобы тот вписывал туда, что ему нравится. О том, чтобы кто-то мог вписать глоссы в рукопись, пока она была в Бржезнице, нечего и думать. Какой-нибудь управляющий имением этого не мог сделать, а чешского ученого, насколько знаем, в Бржезнице в это время не бывало. И потом, кто у нас не знает слабости Ганки? Ведь у нас имеется много доказательств того, как он любил вписывать свои замечания и поправки в старые рукописи!

Если Вы используете это в какой-нибудь своей статье, убедительно прошу, не упоминайте, пожалуйста, что я считаю Ганку подделывателем глосс в „Mater verborum“, я имею на то свои причины, потому что пока я в Музее, я не могу выступать так, как мне бы этого хотелось!

Что касается Любушиного пророчества,¹² то оно опять — в Музее. Долгое время оно считалось утерянным, так как бывший переписчик И. Дундер взял его к себе из Музея, а после его смерти оно нашлось в его бумагах в Новом Страшце, где он жил на отдыхе, и было возвращено, именно в 1877 г., в Музей. Это очень неудачная фальсификация! Вполне возможно, что это — попытка, судя по почерку, самого Дундра, который тоже любил подделывать старые рукописи.

Я только что окончил статью для Часописа Музея и отдал ее в типографию, в ней я описываю рукопись и привожу глоссы (безусловно XII века), найденные мною в ней.¹³ Как только статья будет напечатана, я сейчас же Вам ее пришлю.

Еще раз прошу простить меня, буду стараться возместить то, с чем задержался.

Ждите от меня в скором времени письма, в котором отвечу по возможности на остальные вопросы.

Передайте поклон нашим общим друзьям и знакомым.

Будьте здоровы.

Всегда готовый к услугам

А. Патера.

Очень благодарен Вам за присланные книги; у меня опять приготовлено для Вас несколько книг, напишите, что Вам еще требуется, и я сейчас же Вам отошлю. Теперь у меня будет опять больше времени. В позапрошлом месяце я пробыл 14 дней у своего приятеля графа Коловрата, которому уже несколько месяцев назад обещал привести в порядок его библиотеку.

В следующем письме отвечу также г-ну Веселовскому, я уже просмотрел с этой целью некоторые рукописи.

¹ „Záře nad pohanstvem“ — поэма Иосифа Линды — вышла в 1818 г. Сходство ее с Зеленогорской рукописью давало основание противникам подлинности последней считать Линду одним из авторов этого памятника. Подробное описание пятидесятилетних споров, в результате которых подлинность Зеленогорской рукописи была отвергнута, см. в статье Иосифа Гануша „Padesátiletá diskusse o rukopisy“ (Listy filologické, XXIII, 1909).

² Имеется в виду основанная Шенфельдом газета „Privilegované Pražské noviny“; с 1324 г. называлась просто „Pražské noviny“. С 1818 по 1832 г. редактором ее был Линда, с 1834 по 1835 г. — Челяковский, с 1846 до 1843 г. — Гавличек.

³ Fr. Doucha. Knihopisný slovník česko-slovenský. Praha, 1865.

⁴ Prag, 1862

⁵ Анонимная статья „Handschriftliche Lügen und palaeografische Wahrheiten“ в № 310 газеты „Tagesbote aus Böhmen“ за 1858 г., автор которой выступал против подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей.

⁶ „Světozor“ — литературно-художественный журнал, выходил в Праге с 1867 до 1899 г.

⁷ Prag, 1862.

⁸ Отрывок евангелия Иоанна был впервые опубликован Ганкой как древнечешский памятник в „Časopis Českého Musea“ в 1829 г. Подлинность его также вызывала сомнения и была опровергнута химическим обследованием в 1886 г.

⁹ Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache, kritisch beleuchtet von P. J. Šafarik u. Fr. Palacký. Praha, 1840 (это издание обоих видных ученых, веривших в подлинность рукописей, на время притушило споры вокруг них.)

¹⁰ А. Патера. Чешские глоссы в Mater Verborum. С дополнительными замечаниями И. И. Срезневского. Сборн. Отд. русского языка и словесности, т. XII, 1878.

¹¹ Впоследствии Патера опубликовал переписку Добровского в издании Чешской Академии. Т. I — переписка с Ф. Дурихом — вышел в Праге в 1895 г.

¹² „Libušin soud“ — памятник, составление кот рого приписывалось также Ганке, опубликовавшему его в 1846 г. в „Časopis Českého Musea“. как памятник первой половины XIV в.

¹³ Очевидно: Staročeský zlomek legendy o panně Maryi Časopis Českého Musea, 1879.

44

П. А. Сырку — В. И. Ламанскому

28—29 декабря 1878. (9—10 января 1879). София

София. 28 декабря 1878 г.

Оказывается, что здесь в Софии, пребывает большая часть знакомых мне болгар, но из них я виделся только с двумя, из которых один известен и Вам и даже немного и знаком. Это здешний митрополит Мелетий, бывший студент СПб. духовной академии, которому я подарил от Вас всего лучшего. Занимает он кафедру софийскую уже 5—6 лет. Здоровьем своим не особенно хвалится, как и прежде. Вообще он мало изменился; борода выросла у него немного длиннее и начала уже сесть, лицо же немножечко только сделалось старческим, что придает ему более почтенный и серьезный вид, хотя летами еще не очень стар. Сохраняя о Вас весьма приятные воспоминания, он посылает Вам свой привет и от всего сердца благодарит в Вашем лице всех деятельных русских мужей, немало и неустанно трудившихся и трудящихся о распространении и утверждении в русском обществе славянской идеи и идеи освобождения, будучи при этом от души благодарен и признателен всему русскому народу за освобождение последним болгар из рук их вековых и диких поработителей. Несмотря на свою слабость, он деятельно трудился и старался о пробуждении, образовании и освобождении болгар из оков турок и греков, за что не мало пострадал в турецкое время и едва избег или виселицы, или вечного заточения. В настоящее время, с неменьшим старанием заботясь о своих пасомых и об устройении болгарской иерархии на новых началах, всеми зависящими от него мерами старается не только покровительствовать, но и облегчить труд для тех, которые будут заниматься болгарской историей, филологией, археологией и др. Но почти все свободное от занятий духовными делами время он посвящает делу освобождения македонских болгар, как македонец родом, оставшихся еще под игом турок. Он и еще один

из его собратиев и сослуживцев, также родом македонец и воспитанник Зографского монастыря на Афоне, получивший образование в Московской духовной академии и автор нескольких брошюр, митрополит охридский Нафанаил, временно проживающий теперь в Кюстендиле, — душа комитета, ведающего дела восстания болгар в Македонии.¹ Митрополит Мелетий состоит председателем комитета, а митрополит Нафанаил руководит всем восстанием, или в переводе на военный язык есть просто главнокомандующий в восстании как человек весьма хорошо знакомый с местностью Македонии и весьма способный. Особенно последний всеми силами старается возвратить и слить этот болгарский уголок с целой Болгарией и мечтает, да будет мне позволительно и прористительно выразиться об этом старце так, восстановить то значение Охриды, какое она имела в Болгарском царстве. [...]

Я нарочно распространился так много об этих двух личностях потому именно, что они играют важную роль в нынешней судьбе Македонии, о нынешнем положении которой будет сказано ниже. Если же эти два лица и сойдут со сцены, как лица официальные в делах комитета, на самом же деле будут играть ту же роль, какую играют и теперь.

Преосвященный Мелетий предложил мне известить через Вас Славянское общество об одной из самых насущных потребностей Комитета, или, вернее, македонских болгар, с просьбою удовлетворить, если возможно, последних, очертив предварительно нынешнее весьма незавидное положение Македонии.

Македония сделалась в последнее время убежищем отъявленных негодяев, свирепствовавших в Болгарии, Фракии до прихода в эти две большие турецкие области русских войск. Эти негодяи не только повторяют то, что делали в уюмянутых сейчас провинциях, но стараются излить весь свой гнев с удесстеренною яростию на несчастное и бедное македонское население из-за того, что болгары, а следовательно и македонцы, были причиною появления русских на Балканский полуостров, упразднивших почти совершенно европейскую Турцию и отнявших у них, т. е. негодяев, возможность своевольничать и давать полную волю их диким страстям. Кроме этих негодяев Македония наводнена большим числом турецких беглецов, оставивших свои жилища в Болгарии, Фракии, Боснии и Герцеговине и отнимающих теперь у несчастных македонцев все нужное для существования человека: дома, земли, скот, пожитки; последним остаются одни только страдания и бедствия зимнего времени, скитаясь по горам, покрытым снегом, и голым лесам, без одежды и хлеба. Таким бедствиям подвергаются не одни только болгары, но все македонское население, которое решилось или добыть себе святу свободу с оружием в руках, или умереть, но только не позорною или мучительною смертью. Македонцы восстали против своих угнетателей при деятельной поддержке своих свободных братьев. С этою целью учрежден комитет „Единство“, разделяющийся на отделы, члены которых должны заботиться о прискивании средств для поддержки и усиления восстания. Кто заправляет делами этого комитета, я уже сказал выше. По всей свободной Болгарии собираются добровольные пожертвования оружием и деньгами и другими вещами для восставших. Но свободные болгары оказывают своим братьям не только материальную помощь, но многие из них поступают в ряды восставших, стараясь при этом не слишком тяготить тех, за которых они пошли сражаться, но довольствуются весьма немногим. Охотники, отправляясь в Македонию, получают от Комитета только по рублю серебром, ибо продоволь-

ствуют их македонцы, которые рассчитывают, что лучше кормить своих, чем турок и всяких негодяев. Восстание довольно хорошо организовано и идет весьма успешно, будучи руководимо несколькими опытными и хорошо знакомыми с местностями воеводами из болгар македонских и куцовлахов. Насколько успех восстанцев велик, Вы можете судить по тому, что турки в нескольких местах принуждены были сдаваться в плен болгарам. Число пленников доходит до 200, не считая тех из них, которые впоследствии спаслись бегством. Но еще яснее Вам представится громадность успеха македонцев из письма, приложенного при сем, турецкого главнокомандующего, обязанного Портой во что бы то ни стало потушить восстание, к предводителям инсургентов и ответа последних ему. Успех восставших был бы гораздо больше, если бы они, т. е. восставшие, не испытали крайней нужды в одном из необходимых и насущных средств для продолжения восстания или, вернее, для ведения войны. Нужда эта заключается в недостатке ружей; она так сильна, что македонцы сами из дальних мест обращались к Комитету за ружьями, предлагая за одно по 2 и более червонцев, оставшихся еще не разграбленными турками. Недостаток в ружьях заставил восставших прекратить свои действия на зимнее [время]. Но с наступлением весны население Македонии готово восстать поголовно, ибо преисполнилась уже чаша их страданий, и к тому времени все должно быть готово. В настоящее время находится почти совершенно в руках восставших Разложский, Меленишкий, Демир-Хисарский округи и Малешкое (Струмицкого округа) и Пчинское скопия (Браилевского округа), жители которых перевели своих жен и детей в Болгарию и Фракию и решились или освободиться из-под ига турок или умереть. Но еще важнее эти местности в стратегическом отношении; там находятся такие теснины и выгодные позиции, особенно при селе Кресне, что, совершенно заняв их, можно иметь огромное влияние на ход дел во всей Македонии, так как сами эти местности составляют огромную часть этой области. В этих именно местах турки и принуждены были сдаваться в плен болгарам. В случае же недостатка оружия все это пропадет, а вместе с тем пропадет и вся бодрость и присутствие духа населения, чего совсем нежелательно.

Болгарское княжество не может оказать Комитету или, вернее, македонцам помощи оружием, да и ничем почти, так как у него немало других дел и нужд, с одной стороны, а с другой, вся Европа закричит во всеуслышание, что Россия уже стала строить другую комедию за спиной Болгарии. Местные власти, хотя не имеют ничего против начинаний македонцев, но по различным политическим соображениям не могут вмешиваться в дела Комитета, а тем менее оказывать ему деятельную помощь, ограничиваясь пожеланием македонцам всякого успеха и добровольными пожертвованиями, когда представляется возможность и удобство. Европейские державы не только не помогают и не помогают македонцам, но и не сочувствуют им: но когда же они сочувствовали болгарам, когда последние восстали против своих поработителей, турок и даже греков. Что касается России, то она, не принимая никакого деятельного участия в делах Македонии, не то что не сочувствует македонцам, но говорит, что последние ничего не добьются, а только даром тратят свои силы. В каком же смысле сказываются подобного рода вещи, Вы сами можете понять. Впрочем, есть люди как в Европе, так и у нас, в России, которые весьма сочувствуют македонцам и говорят, что готовы бы даже помочь болгарам и Комитету, да только бол-

гары черезчур спешат и этим портят все дело; — нужно действовать все постепенно, всему придет свое время. К таким принадлежит и Алабин, бывший прежде здесь губернатором, а теперь живущий в Петербурге. Но лицо, по предложению которого я пишу эти строки, уверяет, что оно, имея полную возможность видеться с людьми, прекрасно знающими все пружины политики, и узнать от них все, что касается и готовится для Македонии, а также будучи знакомо прекрасно с нынешним положением этой области, видит в постепенной помощи гибель Македонии и предвидит предварительно потерю ее для православного славянства, так как протестантская и католическая пропаганды растянули уже теперь свои паутинны по всей Македонии для того, чтобы постепенно запутать измученное и разоренное турками несчастное население этой области. Мне кажется, что не мешало бы сопоставить это уверение преосвященного Мелетия с слухом, со дня на день все более и более распространяющимся иностранными газетами, о разделе европейской Турции. Разумеется, после этого вполне прав митрополит Мелетий, говоря, что люди, желающие постепенного освобождения Македонии, самообольщаются нехотя. Следовательно нужно действовать для спасения своих братьев, когда есть удобное время, когда народ верит в свои силы и спасение, когда находится на Балканском полуострове русское войско, внушающее вековым угнетателям болгар некоторый страх и уважение. Может быть болгарам и не удастся вырвать совершенно из когтей Турции Македонию, — это говорят и сами коноводы восстания; но они, т. е. болгары, поставят в Европе македонский вопрос, в чем отчасти и успели, который будет иметь огромное влияние на благоприятный результат в решении вопроса о целостности и границах Болгарского княжества, а для самой Македонии отвоюет административное управление, и тогда эта область спасена.

Таким образом, Комитет, объявляя Славянскому обществу чрез Вас Владимир Иванович, о своей крайней нужде в ружьях, обращается к нему, т. е. к Обществу, с покорнейшей просьбой — поможет ли Общество само, или чрез свое посредство доставить Комитету „Единство“ в виде помощи или пособия 30 000 дальстрельных ружей, потребное количество патронов и небольшое количество револьверов, что будет вполне достаточно для изгнания турок и всяких других негодяев из несчастной Македонии. Во всяком случае, Комитет покорнейше просит Общество известить его в самом непродолжительном времени — каков будет ответ, отрицательный или положительный.

Искренно преданный Вам П. Сырку.

P. S. Сегодня вечером был у Дринова. Он принял меня весьма любезно и просил еще видеться с ним. Пред Вами изливается во всевозможных комплиментах и желает Вам всего лучшего. Жалуется, что работы ужасно много и тяготится ей; но при первой же возможности оставит свой пост и возвратится к своим мирным и гораздо более плодотворным занятиям, чем теперешние, к которым не имеет никакого влечения. Впрочем, о нем в следующий раз, а также и о будущем народном собрании в Тырнове. Будьте здоровы [...] передайте мои низайшие поклоны всем моим приятелям и Вам известным.

29 дек. Еще несколько слов о делах Македонии. Комитет „Единство“ узнает, что в Кладове, в Сербии, лежат без всякого употребления 6000 ружей и 3 пушки, принадлежащие Славянскому комитету, кажется Московскому, который приобрел эти вещи для болгар. Нельзя ли сделать как-нибудь, чтобы болгары могли теперь воспользоваться ими?

Затем, также узнает Комитет из достоверных источников, что австрийцы строят интриги в Македонии с той целью, чтобы жители этой области просили от Европы оккупацию Македонии австрийскими войсками. Это мне передал о. Мелетий поутру 29 декабря.

Ф. 35, оп 1, № 1380

¹ Письмо П. А. Сырку вносят ряд новых данных для освещения мало изученного вопроса о Македонском восстании 1878 г.

45

И. В. Ягич — В. И. Ламанскому

9 (21) октября 1879. Берлин

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Наконец-то Вы вспомнили и обо мне: спасибо Вам за дружескую память. Жаль, что проф. Васильевский не застал меня в Берлине. Я ехал в Австрию, в Вену и Загреб, на обратном пути был также в Праге. Очень грустные впечатления я вынес из Загреба и вообще моей родины. С одной стороны, ненависть к сербам „влахам“, как они говорят (вследствие чего кирилловским шрифтом печатанных сочинений вовсе не читают), с другой — сильное влияние немецкого языка и немецкого образа мыслей — все это внушает мне серьезное опасение, что хорваты наравне с словинцами навсегда для славян погибли, т. е. они незаметно сделали добычею немецкой культуры, немецких материальных и духовных интересов. Они, конечно, этого пока не сознают, но у меня глаза острые — не даром я живу в Берлине. В Вене я много виделся с Миклошичем, который, несмотря на свое корректное австрийское политическое направление все же еще считается слишком ярким славянином, не доверяют ему. Иначе он был бы уже давно министром. Русских, как Вам известно, он не долюбивает, но, как мне кажется, он втихомолку сознает, что мое отношение к России, нашей единственной опоре, — совершенно корректно и единственно возможно. В Праге я имел случай говорить с старо- и младо-чехами накануне их вступления в „рейхсрат“; всеми без исключения овладело очень унылое настроение, они чувствуют, что это роковой шаг, которого не следовало бы им сделать, если бы русская дипломатия умела лучше отстаивать славянские интересы.

Мой друг Шифнер, конечно, был крайне возмущен Вашим фельетоном,¹ прислал и мне один номер, содержание которого я сообщил его товарищу Веберу. Но мой комментарий (словесный) был такого рода,

что Вебер повидимому потерял охоту защищать академию, собственно говоря Бётлингга. Впрочем, я подозреваю Ваше авторство также в фельетоне „Голоса“ о истории Трейтшке.² Не знаю кто обратил внимание Трейтшке на этот фельетон, он же просил меня сообщить ему содержание его. Я увлекся великолепной иронией настолько, что перевел целую статью. Трейтшке остался очень доволен: он мне сказал: Wenn man von dem unversöhnlichen Hass gegen die Deutschen absieht, behandelt mich ja der Recenzent viel auständiger und vernünftiger als viele deutsche Kritiker.* Трейтшке вообще принадлежит здесь еще к числу наших друзей, но Киперт наш ярый противник и недоброжелатель.

Надеюсь, что Вы не будете удивляться этим моим сообщениям. Но в то же время Вы можете вообразить себе мое неприятное положение в такой среде. Впрочем ничего. Я доволен. Лучше все же в Берлине, чем в Австрии, нечего говорить о Загребе, где грызутся друг с другом, как крысы.

Благодарю Вас за присланную мне книгу, сочинение Соколова,³ и Вашу статью о Краледворской рукописи,⁴ которою я остался очень доволен. Теперь уже говорят, что Краледворская рукопись может быть сочинение 15 стол! Все ближе и ближе подходим к 19-тому.

Моя жена очень хорошо помнит Вас, Вы не поверите, что она все еще вздыхает по России! Вот за эти-то наши симпатии я, наконец, дождался того, что, как говорят, недавно было напечатано распоряжение министерства, которым я лишюсь службы ординарного профессора Новороссийского университета!⁵ Славно, нечего говорить!

Будьте живы да здоровы, вспоминайте иногда и обо мне.

Ваш старинный друг В. Ягич.

9/21 окт.
1879.

Berlin, Bendlerstrasse 19

Ф. 35, оп. 1, № 1615.

¹ Идет речь о выступлении Ламанского против немецкого засилья и протаскивания родственников на службу в Академии Наук. Его фельетон „Еще племянник и санскритолог“ напечатан в „Новом времени“ [3 (15) мая 1879, № 1140].

² Идет речь о статье, подписанной буквой L, „Панегирист новой германской империи [„Голос“ 5 (17) июля 1879, № 184], посвященной разбору исторических приемов Г. Трейтшке в I ч. „Германской истории в XIX в.“ (Лейпциг, 1879).

³ Магистерская диссертация М. И. Соколова „Материалы и заметки по старинной славянской литературе“, вып. 1 (М., 1888).

⁴ Очевидно оттиски из ЖМНП, где печаталась статья „Новейшие памятники древнечешского языка“ (1879, № 1, 2, 3, 4, 8; 1880, № 6).

⁵ Ягич был отчислен от службы в Новороссийском университете за неявку к должности.

46

И. В. Ягич — В. И. Ламанскому

12 (24) марта 1880. Берлин

24/12. 3.830

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Вы должно быть удивляетесь, да может быть и сердитесь на меня, что я все до сих пор медлил с ответом на Ваше важное предложение.

* Если отвлекаться от непримиримой ненависти к немцам, то рецензент обходится со мной гораздо приличнее и благодарнее, чем многие немецкие критики.

⁷ Документы к истории славяноведения

Недавно я прочел в одном письме Добровского: „чем человек старше, тем неохотнее он приносит жертву“. Эти слова относятся в известном смысле ко мне. Жертвы, конечно, разнообразны, тут речь идет об одной только, но очень тяжелой для меня: я опасаясь, что, согласившись на Ваше предложение, я должен буду отказаться от той спокойной, свободной и, смею прибавить, полезной литературной деятельности в интересе всех славян без исключения, которую Вы теперь видите сосредоточенную в моем Архиве. Еслиб я предвидел возможность продолжения такой же деятельности у вас, то поверьте мне, никто счастливее меня, никто охотнее меня не поспешил бы ответить на Ваше любезное письмо: спасибо друг, согласен, выбирайте. Но дело в том, что я как-то не доверяю самому себе, я боюсь разных формальных препятствий, разных предрассудков, клевет и пр. Представьте себе: ведь Вы меня еще не избрали, и вот уже какой-то незнакомец поздравляет меня в органе незнакомца самым нелепым, да, надеюсь, и незаслуженным ругательством. Спасибо ему и за это, если ему удастся заблаговременно уклонить опасность, угрожающую не Вашему университету, а мне. Все те, кто поверит выходкам подписавшегося В. С. (одного ли из Срезневских?), оказались бы после моими противниками, когда было бы уже поздно: лучше заранее скажите им сущую правду. Я не русский, но имею слабость любить Россию как главу славянства; интерес славянской науки мне выше всего, я покинул Одессу с надеждою с большим успехом действовать в пользу этой науки из Берлина, тут немцы не при чем, я уважаю их устойчивость и добросовестное отношение к своим обязанностям, но не разделяю, и никогда не буду участвовать в их нерасположении к славянам. Кому такой образ действия не нравится, тот, конечно, не должен сочувствовать мне и во всяком случае лучше заранее высказать это несочувствие. Вам же, дорогой Владимир Иванович, вот мой ответ: если Вы и прочие, близко стоящие к этому вопросу, действительно убеждены в том, что я мог бы удачнее действовать в качестве Вашего друга и товарища, чем положим Потебня — по-моему о нем только и может быть речь, если не остановитесь на моем избрании, тогда, заручившись согласием (предварительным) своих товарищей, узнайте, пожалуйста, какое мнение Академии Наук на счет моего избрания. Я уже писал Гроту, обратившемуся ко мне по этому поводу, что я не столько дорожу положением академическим (т. е. выгодами литературной деятельности через Академию), что у меня идеально, т. е. не обращая внимание на ваш официальный порядок, на первом плане Академия, на втором — университет.¹ Будь у вас больше практического отношения к делу, уже давно следовало бы в Академии Наук учредить место академика славянской науки с такою обстановкою, которая сделала бы для него возможным существовать независимо, помимо профессорской должности. В таком случае вы выиграли бы: на должность профессора могли бы пригласить одного, на должность академика другого. Лучше же, что бы ни говорить, иметь двух чем одного! К сожалению, у вас пока еще „славянский вопрос“ дома, в собственном доме, не на очереди. Жаль!

Во всяком случае прошу Вас, прежде чем приступите к официальному образу действия, хорошенько обдумать и поговорить и тогда написать мне результат предварительных совещаний. Я не буду несколько обижаться, если Вы по соображениям предпочтете все-таки Потебню; ведь он славный грамматик, отличающийся особенно тонким грамматическим чутьем (не знаю только какая у него педагогическая деятельность),

при том же он — русский, хотя я горжусь тем, что я раньше Измаила Ивановича начал указывать на значение его деятельности. Моя деятельность, как Вы могли убедиться, заключается не в многотомных исследованиях, а скорее в желании поставить целую науку на правильную точку, в стремлении указывать на пробелы и настаивать на строго научном, критическом исследовании каждого отдельного вопроса: для этого мне необходим журнал или хоть бы какое повременное издание, но независимое от неподходящего к делу баласта. Я желал бы в России видеть и иметь центр славянской науки, к которому с уважением и любовью обращались бы взоры всех славян, где было бы место для взаимного их сотрудничества; одним словом, я желал бы России несколько побольше „ославянить“. Не преждевременны ли эти мечтания? Подумайте об этом, не спешите, или же — оставьте хоть меня в покое.

Против возражения, что де славянин пишет только по-немецки, я могу сослаться кроме моих статей в Раде,² на критическое издание закона Винодольского,³ написанное мною же по-русски; к сожалению, оно выйдет только на днях. Но я напишу сегодня же к секретарю Общества любителей древней письменности, чтобы он доставил Вам все напечатанные листы, может быть Вы найдете нужным сослаться на этот мой последний труд.

Прощайте. Ваш преданный В. Ягич.

Ф. 35, оп. 1, № 1615.

¹ Ягич был избран экстраординарным академиком 2 мая 1880 г. Подготавливая избрание его Советом Петербургского университета (см. „Записку В. И. Ламанского об ученых трудах В. И. Ягича“ в „Протоколах Совета СПб. университета за 2-е полугодие 1879—1880“, № 22. СПб., 1881), Ламанский писал А. Н. Пышину 21 марта 1880 г., прося его переговорить с И. М. Сеченовым, голос которого, как лично знающего Ягича по Одессе, может повлиять на многих: „Ягич не европеец и не немец, а славянин, который может и должен принести великую пользу и русской литературе, и русскому университету“ (фонд А. Н. Пыпина в Архиве Института русской литературы).

² Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, где Ягич как член Загребской академии сотрудничал с самого его основания в 1867 г.

³ Закон Винодольский. Изд. Общ. любителей древней письменности. СПб., 1880.

47

А. Патера — В. И. Ламанскому

14 (26) августа 1880. Прага

V Praze, 26 srpna 1880.

Neráchte se na mne horšiti, že jsem Vám již tak dávno nepsal! Používaje nyní příležitosti, která se mi naskytlá odjezdem našeho přítele I. S. Annenkova, spěchám, bych napravil, v čem jsem se byl obměškal.

Příkládám snímky, o které jste mne žádal a síce:

1. Poněvadž v Šafaříkové pozůstalosti jsem nemohl najíti snímků z Rajhradského martyrologia, neb pozůstalost literární Šafaříkova není nám ještě úplně odevzdána, vypůjčil jsem si s prof. Hattalou rukopis tento prostřednictvím universitní knihovny do Prahy, a zde jsem dal místa, která jsou pro Vás nejzajímavější, fotografovati a síce přede vším přípisek zelený starobulharský na l. 71^a, jehož konec se nalezá na str. 2^{hc}, a pak přípisek

psány černým inkoustem na l.1^b. Co psal Šafařík o nich, jest Vám známo. Budete-li si přát ještě některých zpráv bližších o tomto rukopise, napište mi, neb jsem ho důkladně probral a proskoumal.

2. Dále jsem učinil snímky ze zlomku Desatera, který se nalezá v universitní knihovně a o kterém podal zprávu Hanuš v „Sitzungsberichte d. böhm. Gesell. der Wiss.“ a Yirešek ve své obraně Kralodvorského rukopisu. V tomto zlomku jsou [skutečně psány podobně C, ale není to nic zvláštního, neb se podobné [nalezá i v mnohých rukopisech českých XIV stol. Zde jmenuji ku př. jen rukopis XVII E 8 v universitní knihovně v Praze.

Letos o svátcích velikonočních byl Kralodvorský rukopis chemicky proskouman p. prof. Šafaříkem. Byl jsem též jedno dopoledne přítomen tomuto skoumání a tu jsem opět nabyl přesvědčení, že z paleografického stanoviska těžko něco namítati proti Kralodvorskému rukopisu. Místa, kde byla rasura, aneb která Hanka svým inkoustem spravoval byla destilovanou vodou umita a tu na mnohých místech písmě rasurou odklizené se ovšem mdleji okázalo, a Hankovy přípisy se úplně smily. Kde přes všecko vymývání destilovanou vodou písmě určitě na jevo nevyšlo, bylo místo takové vymýváním navlhlé nejprve pijavým papírem osušeno a potom sirnikem ammonatým čili sulfhydratem (NH₄ SH) štětičkou natřeno, po kterémžto natření litera vymizelá náhle pěkně černě se objevila. Zpráva o tomto proskoumání podána bude v budoucím svazku Časopisa musejního. Co se dotýče fotografie, o které Vaše universita žádala, to bylo v schůzi musejní (ještě v zimě) po návrhu Emlerově usnešeno, by p. bibl. Vrt'átko dal Libušin soud a zlomek evangelia sv. Yana fotografovati. Učinil-li tak p. Vrt'átko, pochybuji, ale bude nejlépe, když Váš rektor universitní ještě jednou napiše k výboru musejnímu. P. Vrt'átko jest již delší čas na dovolené a ke konci srpna se nejspíše již navrátí do Prahy.

Že Šembera pochybuje i o pravosti Mastičkáře, jest směšno tomu, kdo se poněkud touto staročeskou památkou obíral, neb pak by mohl podobným způsobem pochybovati o celé literatuře české XIV stol. Obrana Gebaurova jest chatrná a pitomá, ale od něho nelze ničeho lepšího očekávati.

Prvý díl české Alexandreidy, který vydáváme s p. prof. Hattalou jest již dotištěn až na úvod, jak mile bude úvod dotištěn pošlu Vám exemplář v obálce po poště. Dostaváte mé články z Časopisu musejního, které podobným způsobem posílám? Též se nalezá v tisku „Hradecký rukopis“, který vydám nákladem České matice. Již jsou tištěny tři archy.

Upně souhlasím s Vámi, že by bylo nejlépe, kdyby korespondence Dobrovského vyšla najednou po dílech a ne v časopisech, jako ku př. v Archivě, kde korespondence Kopitarova několik let se bude tisknouti. Ale pomozte mi Nemohu najíti nakladatele. Prof. M. P. Petrovský, kterému jsem vloni v červnu odevzdal celý díl (asi dvě stě listů) korespondence Dobrovského k Durichovi a Duricha k Dobrovskému, dosud mi ani nepsal, vydáli tento díl Kasanská universita. Kdyby to chtěla akademie Petrohradská vydáti, jsem ochoten zaslati jí ove přepisy, ale pod tou jedinou vyminkou, by mi zasílali korekturu, a to by se stalo jako s glossami v Mater verborum. Akademie sice již vyslovila svou ochotu, že je vydá, ale poněvadž se mi stala s glossami taká nemilá nehoda, odložil jsem zasluku přepisů, poněvadž jsem se bál, by podobně nebyla vydána, a tu jest pak lépe když nevyjde. Račte promluvíti o tom, s kým uznáte za dobré, velmi se mi tím zavděčíte, neb již deset let mi tato práce leží.

Mám opět pro Vás připravený Časopis musea, račte napsati, jak Vám je poslati a co si ještě přejete. Spěchám! Pud'te zdráv!

Váš upřímný A. Patera.

Ф. 35, оп. 1, № 1077.

Перевод

Прага, 26 августа 1880.

Не сердитесь на меня, что я уже так давно Вам не писал. Теперь пользуясь случаем, который мне представился с отъездом нашего друга Ю. С. Анненкова, спешу выполнить то, с чем я задержался.

Прилагаю снимки, которые Вы желали иметь, а именно: 1. Поскольку в наследстве Шафарика я не смог найти снимков с Райградского Мартиролога,¹ так как литературное наследство Шафарика пока нам еще не целиком передано, то я вместе с прсф. Гатталой выписал эту рукопись через университетскую библиотеку в Прагу и здесь отрывки, которые для Вас интересны, дал сфотографировать, и именно, прежде всего зеленый древнеболгарский отрывок на листе 71а, конец которого находится на стр. 2-ой, а потом отрывок, написанный черными чернилами на листе 1в. Что писал о них Шафарик, Вам известно. Если Вы захотите получить еще какие-нибудь более подробные сведения об этой рукописи, напишите мне, потому что я ее основательно просмотрел и проработал. 2. Дальше я сделал снимки с отрывка Десяти заповедей,² находящегося в университетской библиотеке, о котором Гануш сделал сообщение в „Sitzungsberichte d. böhm. Gesell. der Wiss.“, а Иречек в своей защите Краледворской рукописи.³ В этом отрывке [действительно написано подобно С, но это не представляет собой ничего особенного, потому что подобное [находится и в многих чешских рукописях XIV в. Назову здесь, например, хотя бы рукопись XVII. Е. 8 в университетской библиотеке в Праге.

В нынешнем году на пасхе Краледворская рукопись была химическим способом исследована г. проф. Шафариком. В одно утро присутствовал и я при этом исследовании и тут опять мог убедиться, что с палеографической точки зрения трудно что-нибудь возражать против Краледворской рукописи. Подчищенные места или те, которые Ганка поправлял своими чернилами, были промыты дистиллированной водой, и тогда во многих местах тускло выступили подчищенные буквы, а приписки Ганки полностью смылись. Там, где, несмотря на все промывание дистиллированной водой, буквы восстановить не удавалось, такое место, отсыревшее из-за промывания, сначала осушали пропускной бумагой, а потом при помощи щетки протирали серным аммониаком или сульфидратом (NH_4SH) и после такого протирания исчезнувшая буква сразу вдруг приобретала прекрасный черный цвет. Сообщение об этом исследовании будет помещено в следующем выпуске Часописа Музея.⁴ Что касается фотографии, которую просил Ваш университет, то на заседании Музея (еще зимой) было по предложению Эллера постановлено, чтобы г. библиотекарь Вртятко дал сфотографировать Любушин суд и отрывок евангелия св. Иоанна. Сделал ли это г. Вртятко, я сомневаюсь, но будет лучше, если ректор Вашего университета еще раз напишет в правление Музея. Г. Вртятко уже давно в отпуску и скорее всего вернется в Прагу в конце августа.

Что Шембера сомневается и в подлинности Mastičkař'a,⁵ это смешно для того, кто занимался этим древнечешским памятником, потому что тогда он может сомневаться во всей чешской письменности XIV века. Защита Гебауера негодная и глупая, но от него ничего лучшего нельзя и ждать.⁶

Первый том чешской Александриды, который мы издаем с г. проф. Гатталой,⁷ уже напечатан вплоть до предисловия, как только предисловие будет допечатано, я вышлю Вам экземпляр бандеролью по почте. Получаете ли Вы мои статьи из Часописа Музейного, которые я таким образом посылаю? В печати также находится „Градецкая рукопись“,⁸ которую я издаю через Чешскую матицу. Уже напечатано три листа.

Вполне согласен с Вами, что было бы лучше всего, если бы переписка Добровского вышла сразу томами, а не в журналах, как например, в Архиве, где корреспонденция Копитара несколько лет будет печататься.⁹ Но помогите мне! Я не могу найти издателя. Проф. М. П. Петровский, которому я в прошлом году в июне отдал целый том (почти двести листов) писем Добровского к Дуриху и Дуриха к Добровскому, до сих пор мне не написал, будет ли Казанский университет этот том издавать. Если бы Петербургская Академия захотела издать, я с охотой прислал бы ей эти письма, но под единственным условием — присылать мне корректуру, а то могло бы произойти то же, что с глоссами в Mater verborum. Правда, Академия уже выразила свое желание издать их, но поскольку у меня произошло с глоссами такое печальное недоразумение, я отложил высылку писем, боясь, чтобы они подобным же образом не были изданы, тогда пусть лучше не выходят. Будьте добры поговорить об этом с кем найдете лучше, много меня этим обяжете, эта работа у меня лежит уже 10 лет.

У меня опять приготовлен для Вас Часопис Музея, соблаговолите написать, как Вам его выслать и что Вы еще желаете. Спешу! Будьте здоровы!

Ваш преданный А. Патера.

¹ Древнечешский рифмованный памятник XIV в.

² „Desatero božie (kázanie)“ — стихотворный памятник чешской письменности начала XIV в.

³ Имеется в виду сборник статей И. и Г. Иречков „Die Echtheit der Königinhofer Handschrift“, Prag, 1862.

⁴ V. Šafařík. Zpráva o lučebním proskoumání rasur, musejních zlomků Alexandriidy a Rukopisu Královédvorského. Časopis Českého Musea, 1881.

⁵ Против подлинности Mastičkař'a (древнечешский памятник первой половины XIV в. — отрывок пасхального действия), как и ряда других памятников, в частности Зеленогорской рукописи, Шембера выступил в приложениях к своим „Dějínám řeči a literatury československé.“ Videaň (4-е изд., 1878).

⁶ Гебауэр отстаивал подлинность Mastičkař'a в своей статье „Staročeský Mastičkař a paně A. Šemberovu námítky proti jeho přesnosti“ (Listy filologické, XI, 1880).

⁷ Zbytky rymovaných Alexandriid staročeských. Vydali A. Patera a M. Hattala. Praha, 1831.

⁸ A. Patera. Hradecký rukopis. Památky staré literatury české, č. 8, Praha, 1881.

⁹ Переписка Копитара с Добровским печаталась в „Archiv f. slav. Philologie“, (т. VI, 1879, т. V, 1880). См. прим. 20 к докум. № 34.

В. Облак — И. А. Бодуэну де Куртене

16 (28) декабря 1881. Целье

Gehertter Herr,

Entschuldigen Sie meine Freiheit, dass ich mich an Sie, geherter Herr, wende, und ersuche mir eines ihrer Werke, z. B. „15 Schriften Sep. Abd. und Ausschnit. meist Rec. v. Werken z. slowenischen Linguist.“, dass in deutscher oder slovenischer Sprache verfasst ist, gratis schicken zu wollen, da mir als armen Gymnasial Studenten meine pecuniären Verhältnisse weder Ihre noch einiger anderer Slavisten Werke, z. B. Safarik, anzuschaffen erlauben, für welches Studium ich die grösste Freude habe.

In der Hoffnung auf Entschuldigung für meine Freiheit
zeichne ich mich Ihr gehorsamster Diener
Ignaz Oblak, Studirender.

Cilli, den 28 Dec. 1881
Steiermark.

Ф. 102, оп. 2, № 226.

Перевод

Многоуважаемый, господин.

Простите мне мою смелость, что я обращаюсь к Вам,¹ многоуважаемый господин, с покорнейшей просьбой выслать мне один из Ваших трудов, например „15 оттисков и вырезок — рецензий на труды по словенскому языкознанию“² которые напечатаны на немецком и словенском языке, так как денежные обстоятельства мои, бедного гимназиста, не позволяют мне приобретать ни Ваших трудов, ни трудов других славистов, например Шафарика, к изучению которых я имею большое желание.

В надежде на прощение моей смелости
остаюсь покорнейший слуга Ваш,
Игнатий Облак, гимназист

Цилли, 28 декабря 1881
Штирия.

¹ Письма Облака к Бодуэну частично напечатаны или использованы М. Мурко в его книге „Dr. Vatroslav Oblak“ (Ljubljana, 1900).

² Облак нашел это заглавие в каталоге лейпцигского букиниста Келера (письмо его от 30 марта 1882 г.)

К. Я. Грот. Из записной книжки

Май—июнь 1882. Прага

1 день в Праге.

У Пича. О нем уже раньше слышал, что он написал разбор моей книги (в Pohlady)¹ и что не согласен с моим взглядом на мадьярское вторжение. Патера познакомил нас; в это первое свидание не было еще речи о нашем разногласии. Он занят теперь большим трудом по этнографии Венгрии в средние века² — начиная с их вторжения до 16 века, кажется. Он доказывает давность других национальностей в Венгрии (славян и румын) сравнительно с мадьярами, а между прочим, отстаивает известия Анонима,³ толкуя их не в пользу мадьяр, как это делали до сих пор, а в пользу славян. Он, сколько я мог понять, хочет доказать, как славянские княжества, которые застали мадьяры, — продолжали свое существование потом. Относительно румын он противник Томашека и сторонник Юнга. Всего любопытнее, что от Томашека он получил недавно его новую монографию — о состоянии Балканского полуострова (посвященную румынскому вопросу по поводу находки Васильевского),⁴ где он, конечно, выступает противником Пича, но все-таки посылает ему свою книжку с надписью и письмом на обороте обложки, в которой он отдал должное его изысканиям о давности румынских поселений в Истрии⁵ и признает, что исследование Анонима может привести к новым интересным выводам. Пич видит в этом немецкую тонкую любезность и умение поддерживать хорошие отношения. Конечно, своими исследованиями Пич восстановил против себя сильно мадьяр и сношения с ними стали для него очень трудны. Он знает несколько мадьярский язык, но держится того мнения, что для историка средних веков — знание мадьярского языка не есть необходимость, что все-таки все их писания — тенденциозны. Наиболее важны — по его мнению, труды Фр. Пешти и Баллаги. В *Ungarische Revue*⁶ он мне показывал статьи первого о хорватах, где оспаривается у них право и на Хорватию (I).

У Гаттала. Был у него 1-й раз с Патерой — он принял очень радушно. Маленький бритый господин. Живой еще и бодрый, хоть уже 61 год (он священник). Я знал о нем прежде, что он всех и вся бранит, и тут я убедился, что это отчасти правда. Он готовит большое сочинение в защиту Краледворской рукописи⁷ и нападает сильно на противников ее подлинности — особенно на Ламанского и Ягича. Ламанского он считает неподготовленным для суждения — в филологическом отношении — не лингвистом, а потому не компетентным (между прочим, указывал, что Ламанский говорил о Миклошиче, что он упорно молчит о Краледворской рукописи, тогда как Миклошич на нее ссылается в своей грамматике (показал мне место), и не без иронии заметил, что Ламанский говорит против себя, ибо Миклошич упорно молчит о Слове о полку Игореве). Затем Гаттала напустился на Ягича и этому уже не было пощады: он его честил самыми резкими прозвищами: ученым фразером, журналистом, врагом правды, бесчестным карьеристом, льстецом, наконец, человеком, служащим умственной проституции, вредным во всех отношениях: он имеет целью — попасть в Вену после Миклошича и для этого на все готов — на всякие подлости и низости. Относительно Краледворской рукописи Ягич, по его словам, сначала говорил, что все-

решение вопроса зависит от палеографических исследований и им принадлежит последнее слово. Потом же, когда Патера доказал и решил, что в палеографическом отношении Краледворская рукопись безупречна, то Ягич стал говорить, что она не выдерживает критики в филологическом отношении [...]

29 мая. Прогулка с Патерой и Гатталою.

Встреча с географом-статистиком Эрбеном, хорошо знающим П. П. Семенова (был в Петербурге на конгрессе).⁸ Гаттала сообщил ему о моей книге и основные мысли. Эрбен возражал и выражал свое несогласие. Патера потом заметил, что большинство чехов будет против меня из-за поклонения перед Палацким, которого считают величайшим из историков — непогрешимым. Между чешскими учеными видна ужасная вражда. Гаттала говорит, что против него и Патеры вооружены все чешские филологи за то, что они доказали их невежество. Оба они с насмешкой относятся к успехам чешской науки: филологии, литературы и даже истории, выключая, конечно, только себя. Особенно достается Иречку, Тифтрунку, Гебауэру. О Томеке заметил, что он воображает, что чешский народ — избранный (как иудеи) — узкий патриот (Патера ругает и Константина Иречка). От Гатталы при каждом удобном и неудобном случае достается Ягичу, от Патеры — Гебауэру.

Гаттала любит останавливаться на этимологии разных слов и предлагает свои соображения и толкования. Кажется, очень доволен своим трудом о Краледворской рукописи. Он часто цитирует и русские слова — из былин и песен (кметы — от comes, comte). Читали письма Пальмова из Будишина.⁹

29 — 1 июня.

Познакомился с Эмлером — только в сенях Музея, с Витеком — секретарем русского кружка, очень симпатичным молодым человеком, служащим в купеческой конторе. Он обещал свести с другими членами кружка. С ним много говорили о школах и народном образовании. Я рассказывал ему о положении этого дела в России и о недостатках. Говорили о воинской повинности и проч.

С Голечком — литератором познакомил меня Витек в ресторане u Ježíška. Я ему дал рекомендательную карточку от Овсяного. Он, как и все члены русского кружка, говорит немножко по-русски. Он писал много о Черногории и знаток ее. Скоро опять туда едет. Он очень бы желал ехать в Россию — изучать ее и писать о ней. Но имеет слишком мало средств.

С Блажейем — хозяйственным распорядителем кружка — служит в банке страхового общества Slavia (можно видеть 11—12 ч. дня) — очень любит русских, симпатичный человек — хотел также устроить собрание кружка — говорит очень порядочно по-русски. Сегодня, 1-го, он был у меня с визитом.

С Стрибржеком — казначеем кружка только встретились и познакомились мимоходом.

С Алоизом Ант. Шебором, братом Осипа Ант. — он очень был любезен и внимателен, хотел искать квартиру, но я уж устроился в отеле, с ним мы условились ежедневно гулять, чтоб говорить по-чешски. Сегодня, 1-го, мы гуляли от 6 до 8 на „Каналке“ за городом и с высоты любовались видом на Прагу; изъясняясь с ним по-чешски, я пришел к сознанию, что упражняясь так ежедневно, можно будет научиться довольно скоро. Он мне очень понравился; по-русски он говорит немножко, понимает еще плохо, вообще, не особенно быстрых способностей.

2-го [июня].

Был с Пичем в „Беседе“ и познакомился, сидя у одного стола, с следующими лицами: проф. Тифтрук (с ним говорил всего больше — довольно симпатичный, но кажется самонадеянный), Томек (с ним не познакомился близко), Эмлер (тоже), Иречек (не особенно симпатичный), Калаусек (более симпатичный, еще молодой), Гол (историк всеобщ., специально историк чешских братьев) — молодой и симпатичный человек, Гебауер (решительно несимпатичный, угрюмый, неприветливый и недобрый), Студничка (математик — приятный и симпатичный). Наконец, тут же был и Ригер. Встретил также с Патерой председателя русского кружка Вашатого (Vašaty), человека внушительной и почтенной наружности. Он уверил, что состоит председателем только по имени, а настоящий председатель — вице-председатель Патера.

Ригер в этот вечер по поводу процесса Добрянского¹⁰ сердился и заметил, что он сейчас бы мог заменить Добрянского, ибо виноват столько же, сколько и он.

3-го июня.

У Эмлера с Патерой в Ратуше: знакомство с ним, самый любезный и обязательный человек: оказалось, что он теперь не читает в университете палеографию (а о печатях), и потому предложил свои услуги — частным образом, при своих занятиях в Ратуше: обещал показать и преподать все что нужно (латинское и чешское письмо). Я ему подарил свою диссертацию (с чешской надписью). Буду заниматься у него по утрам.

Эмлер — очень дельный ученый (один из самых дельных теперь) и знаток в средневековой палеографии, он издатель известных Regesta diplomatica (продолжает труд Эрбена), а также редактор Casopis Českého Museum, с Патерой в хороших отношениях и требует у него статей для каждой книжки журнала. Он, впрочем, в ладах и с другими профессорами и, вообще, более человек науки, чем политики.

Там же, в Ратуше, познакомился с Челяковским (сыном знаменитого) — очень симпатичным человеком и, кажется, искренним славянином.

В кофейне Slavia встретился опять с Голечком — поэтом. Подарил ему на память свою книгу „Известия Константина Багрянородного“.¹¹ Он говорит не много, но с толком и дельно, может быть потому, что не свободно выражается по-русски. Уже раньше я ему дал свою карточку с адресом нашим в Петербурге, чтобы нашел, когда будет. Если еще не уедет, хочу познакомить его с нашими. [...]

4-го июня.

Работал утром у Эмлера — палеография латинская. Он очень любезен: предварительно дал разные разъяснения, объяснил сокращения и написание разных букв, потом прямо дал читать и списывать латинские грамоты (изданные Эмлером). Сегодня списал две. Так и буду продолжать. В 2 ч. был у Гаттала с визитом — поднес ему свою книгу и получил от него последнюю его вещь (о правописании чешском).¹² Он показывал свои некоторые выходы против немцев в своих ученых сочинениях (о Шлейхере).¹³

Приехали Макушев и Анненков — весело провели время.

5-го июня.

Утром у Эмлера. День избрания ректора чешского университета. Эмлер волнуется. Челяковский с пренебрежением высказывался о Пиче, когда я с ним о нем заговорил. Избран Томек. Тадра — в проректоры (у них было одинаковое число голосов — решил жребий). С визитом у Макушева. Он дал свои последние брошюры. [...]

18/30 июня.

Был первый раз на лекции Гатталы и, признаюсь, несколько разочаровался, не столько, конечно, в нем самом, сколько в научном уровне его слушателей и, сообразно с тем, его способе чтения. Читает он славянскую грамматику (сравнительно с санскритом), но кажется без строгой системы, по крайней мере эта лекция имела какой-то отрывочный и случайный характер. Гаттала читает медленно с некоторыми отступлениями и пережевывает то, что сообщает своим слушателям. При мне он толковал очень элементарную вещь: о отношении падежей к корням, о том, что они все происходят от корня, а не от именительного (как до сих пор думали). Говорил об окончании именительного падежа в санскрите и первоначальном образовании буквы *s* — что есть ни что другое как указательное местоимение, ибо примитивный человек, говоря о предмете, указывал на определенный предмет. Таким образом, именительный — есть тоже падеж, показывающий отношение говорящего лица к объекту, о котором он говорит, а косвенные падежи показывают отношение субъекта к другим предметам и, следовательно, косвенно отношение к говорящему лицу. При этом Гаттала привел какую-то фразу немецкого ученого филолога и эту фразу еще перевел и разъяснил по-чешски. Слушатели его все старательно за ним записывали. В немецком языке они (т. е. вообще чешские студенты) довольно слабы, в чем мне признался сам Гаттала после лекции, Гаттала любит приправлять свои лекции шуточками и суждениями, к делу не относящимися. Благодаря этому его лекции усердно посещаются. Но, вообще, я вынес невысокое понятие о подготовке и познаниях чешских студентов. Гаттала же также не мастер излагать предмет. Он размазывал около 1 часа то, что можно было сказать в $\frac{1}{4}$ часа.

19 июня/1 июля.

Сегодня было собрание Музейного общества в Ратуше, в той самой, где был избран королем Юрий Подебрат. В собрании председатель — Клам Мартинц, а делопроизводитель — Эмлер. Были тут и Лобковиц, Ригер, Ирзек и другие великие чешские мужи. Отчет был напечатан (составлен Вряткой), но никто его не читал, потом Эмлер доложил о пожертвовании кн. Вяземским всех изданий Общества любителей письменности и кн. Вяземский был единогласно (посредством листков) избран в почетные члены общества, потом был выбор 2 членов, потом ревизионной комиссии, наконец две речи: Голла — о чешских братьях, по-немецки (с большим, мало относящимся к делу введением) и потом Augustin'a — о климатических условиях в Праге, слишком специальная и плохо прочитанная. После осматривали залы Ратуши. В собрании был и Коларж, с которым мы и возобновили знакомство.

Сегодня я переехал на частную квартиру. Вечером был у Макушева на дому. [...]

Ф. 281, оп. 1, № 175.

¹ Идет речь о магистерской диссертации К. Я. Грота „Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в.“ (СПб., 1881), разобранной О. Пичем в журнале „Slovenské Pohľady“ (издавался И. Шкультетым в Турчанском св. Мартине).

² J. L. Pič. Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht. Ein Beitrag zur Kritik der älteren ungarischen Geschichte. Leipzig, 1882. — Грот написал разбор работ Пича в статье „Новые труды по истории Угрии“ (Сборник статей по славяноведению, составленный учениками Ламанского, 1883) и дальше следил за его трудами.

³ W. Tomasek. Zur Kunde des Hämus-Halbinsel. (Sitzungsberichte d. kais. Akad. d. Wissensch., philos.-hist. Klasse, V, XCIX) Wien, 1832. — Здесь разбирается исследование

В. Г. Васильевского „Советы и рассказы византийского боярина XI века“, (ЖМНП, 1881 №№ 6, 7, 8).

⁴ Vindiciae Anonymi Belae regis notarii. Будапешт, 1802.

⁵ Очевидно в книге Пича „Über die Abstammung der Rumänen“ (Leipzig, 1880):

⁶ Издание Венгерской академии наук, выходило с 1881 г. под ред. P. Hunfalvy.

⁷ М. Гаттала выступил в 1835—1886 гг. на страницах журнала „Osvěta“ и газет „Národní Listy“, „Rokrok“ и „Politik“ с серией известных полемических статей, наванных им „Обраной Краледворской рукописи“. Сборник этих статей переиздан после смерти автора — „Obrana rukopisu Královedvorského“ (Praha, 1911).

⁸ Имеется в виду статистический конгресс, происходивший в 1872 г. в Петербурге, на котором И. Эрбен был секретарем.

⁹ И. С. Пальмов был командирован в 1832—1834 гг. в славянские земли для подготовки к замещению новой приват-доцентуры в Петербургской духовной академии по истории славянских церквей. Вследствие преследований австрийской полиции покинул Австрию. Статья его „Из поездки к сербам-лужичанам“ напечатана в „Христианском чтении“ (1883, кн. 3—4).

¹⁰ Идет речь о политическом процессе в Львове где обвинялись Ольга Грабар (дочь А. И. Добрянского) и ряд других галичан в агентурной деятельности в пользу России. В обвинительном акте были названы „русскими эмиссарами“ И. И. Соколов и И. С. Пальмов. Процесс кончился оправданием почти всех подсудимых. В русской печати была опубликована А. С. Будиловичем защитительная речь А. И. Добрянского (СПб. ведомости, 23—27 августа 1882, № 231, 232, 234) под названием „Отрывок из червонорусской мартирологии“.

¹¹ К. Я. Грот. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах. Записки Русск. Геогр. общ., т. IX, СПб., 1830.

¹² Вероятно: Brus jazyka českého. Příspěvek k dějinám osvěty vůbec a slovanské i české zvláště. Praha, 1877.

¹³ Вероятно: August Schleicher und die slavischen Consonantgruppen. Prag, 1896.

50

К. Я. Грот — В. И. Ламанскому

11 (23) июня 1882. Прага

11/23 июня 1882. Прага

Hôtel de Saxe.

Адрес мой — в Музей.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович.

Пользуюсь отъездом наших в Петербург, чтобы поделиться с Вами некоторыми впечатлениями и наблюдениями. По почте писать обо всем совершенно немислимо при нынешних обстоятельствах, а потому не надо упускать верной okazji. [...] Условия для занятий здесь благоприятны, и я думаю, что останусь здесь даже долее, чем рассчитывал, ибо австрийское усердие по части выискивания „русских эмиссаров“ и „агитаторов“ решительно заставит отказаться пока от путешествия к словакам и, вообще, в пределах угорской славящины. Таков совет всех здешних друзей и доброжелателей. Вы уже вероятно знаете, что И. С. Пальмов принужден был бежать отсюда — лишь только газеты принесли известие о распоряжении арестовать его. Здешние друзья успели во время его спровадить в Будишин, где он укрывается и по сию минуту от любопытных взоров австрийской полиции — и, конечно, находится вне опасности. К сожалению, возвращение сюда еще невозможно, ибо здешняя полиция все его еще ищет (на днях призывался к допросу один русский — его знакомый и наводились у него справки относительно Пальмова — конечно без результата). Бедный Иван Саввич должен был

бросить все свои работы. Теперь он собирается в Охранов (Гернгут). Я вчера получил от него письмо, в котором он горько жалуется на свое положение и полное одиночество. Кстати вчера же я получил письмо от другого „русского эмиссара“ (!) Ивана Ивановича Соколова — из Букурешта: он уже возвращается в Россию — был в Рущуке, а теперь, идет приезда в Букурешт проф. Ажбота из Пешта, получившего командировку в Россию, и с ним поедет на Киев, Нежин и Москву. Нелепый и неслышанный львовский процесс, эта бессмысленная комедия, вызывает здесь всеобщее негодование [...] Чехи всех партий высказывают свое негодование, и даже сам д-р Ригер сказал на днях в „Беседе“, что и он виноват не менее Добрянского и мог бы сейчас попасть под суд на его место! Однако поведение многих обвиненных и их способ оправдания производят весьма безотрадное впечатление. Только Марков да Добрянский защищаются смело, умно и с полным достоинством, а другие — например, Площанский... какое обнаруживается в большинстве малодушие, трусость, ничтожество. Здесь все-таки того мнения, что процесс ни к чему не приведет, и если бы на суде вздумали осудить, то в Вене — изменят решение. [...]

Ф. 35, оп. 1, № 423.

51

К. Я. Грот — В. И. Ламанскому

23 августа (4 сентября) 1882. Прага

Прага, ^{23 авг.}
_{4 сент.} 1882

Ovocný Trh, č. 17, ve III poschodi

Глубокоуважаемый Владимир Иванович.

Я чувствую себя весьма виноватым, что давно, уже очень давно не писал Вам. Но тому было много причин. Признаюсь, одна из главных — это невозможность по нынешним обстоятельствам писать откровенно все, что на душе. При том до последнего времени моя жизнь здесь в Праге текла однообразно; особенно интересных эпизодов среди занятий или среди отношений с людьми не было, а потому я не спешил делиться впечатлениями. Что касается собственно моих работ, то я сообщу Вам о них более подробные сведения в конце своего пражского пребывания, а теперь скажу только, что самым существенным моим приобретением здесь должно считать те успехи, которые я сделал в занятиях палеографией под руководством профессора Эмлера. Он чрезвычайно любезно предложил мне свои услуги, дал мне возможность заниматься ежедневно в архиве в его соседстве и даже обещал систематически прочесть мне целый курс палеографии. Если многочисленные его занятия и дела и не позволили ему вполне выполнить своего обещания (именно относительно систематического курса), то все же я ему весьма обязан и тем, что он мне преподавал, и его внимательным и участливым отношением ко мне. Я даже отчасти доволен тем, что он меня более представлял самому себе — при самой работе (разборе и переписке грамот etc., в фотографических снимках, большею частью из издания Зякеля)¹ и лишь после проверял мою работу, перечитывая со мною документы. Эти занятия — рядом с Эмлером (тут же работает и его помощник

Челяковский) были для меня полезны и в других отношениях. Во 1-х, близкое знакомство с Эмлером (наряду с другими знакомствами) дало мне возможность прийти к кое-каким заключениям, годным к характеристике чешских ученых вообще — относительно круга их понятий, их научного кругозора (особенно в славяноведении) и т. д. Была и практическая польза. Вокруг меня раздавался непрерывно чешский язык (прием Эмлера и Челяковского многочисленных деловых и неделовых посетителей), что было полезно, да и с Эмлером приходилось объясняться исключительно по-чешски, так как он по-русски не только не говорит, но и не понимает. Кстати о Челяковском. Он и понимает и говорит немного по-русски; это положительно один из достойнейших чешских деятелей, один из лучших представителей младочехов. Его личный характер мне особенно симпатичен. [...] прям, откровенен и одинаково независимо держит себя со всеми. Таких характеров приходится встречать не много.

Теперь я вернулся в Прагу после небольшого путешествия в Будишин и еще нахожусь под приятными впечатлениями этой поездки, которыми и хочу несколько поделиться с Вами.² Проводив своего брата до Дрездена, откуда он поехал на несколько дней в Лейпциг — донести свою диссертацию (кстати, она уже теперь готовая лежит передо мной),³ я повернул к лужичанам, чтобы провести у них несколько дней и вернуться затем в Прагу — другой дорогой. Так как у меня не было никаких специальных ученых целей, то я назначил на свое пребывание в Будишине и окрестностях всего несколько дней, чтобы только успеть ознакомиться с жизнью и особенностями сербско-лужицкого народа, с его почтенными представителями и их деятельностью. Так я и сделал. Нечего и говорить, что я был встречен там с редким радушием и гостеприимством. Все было сделано, чтобы дать мне возможность в короткое время увидеть и узнать как можно более. Самыми усердными и любезными моими руководителями и спутниками были симпатичнейший М. Я. Горник и молодой сербский деятель (учитель) Э. Мука, издатель литературного журнала „Лужица“. Меня посвятили во все стороны и части ученой и литературной деятельности, снабдили меня всеми возможными сербскими изданиями, познакомили с кем только можно было из наиболее интересных лиц и поводили по селам и деревням сербо-лужицким. Прислушался я достаточно и к языку — и стал понимать, когда говорили медленно, а сам объяснялся или по-чешски, или по-русски. Горник говорит порядочно по-русски. Есть и еще кое-кто знакомый с русским языком. Например, один учитель Шолта, у которого я нашел разные наши газеты и журналы. Был я в католической и в протестантской среде, но никакого религиозного антагонизма и отчуждения между ними и даже в интеллигенции (не говоря уже о народе) не мог заметить. Выше всего стоят интересы национальные, и все служит им, не увлекаясь никакими другими соображениями и видами. Приятно, легко живется среди этих достойных сынов славянской семьи, утопающих в немецком море, но все еще крепко и высоко держащих славянское знамя в упорной борьбе с готовыми их поглотить жадными германскими волнами. Пожив среди них, невольно подумаешь: о если б и прочие наши братья славяне понимали так же хорошо свои задачи и свои взаимные отношения, как эта горсть сербо-лужичан! Во всяком случае (уже ради интересов науки) — этот бедный народ заслуживает поддержки, а старик Смоляр — по своей дряхлости и беспомощности — уже плохой представитель своего народа у нас. На него мало надеются. Он теперь

еще у своих родных в Нижнем Новгороде. Я познакомился с его сыном — заведующим его книжной лавкой и типографией и редактирующим газету „Serbske Nowiny“.⁴ Он также деятельный малый, но, к сожалению, без высшего образования. Из протестантов я познакомился еще с пастором Имишем, у которого семинария молодых кандидатов на сан священников. Другие подробности и наблюдения сообщу в отчете.* На обратном пути — в северо-восточной Чехии я заехал к одному чешскому патриоту — мельнику, живущему в сел. Клаштере — близ „Mrihovo Hradiště“.. По рекомендации Пича я давно собирался побывать у него. Это — один из почтенных чешских типов, встречающихся в провинции, вдали от пражского политического омота и деморализующей среды здешнего общества. Если не ошибаюсь, этот Дерих⁵ (так его имя) по отцу немецкого происхождения, но чех и истинный славянин в душе, горячий, но разумный патриот — человек очень образованный, начитанный и даже отчасти ученый (он еще молодой человек и недавно женат). Он очень порядочно говорит по-русски, а теоретически знает русский язык очень хорошо и хорошо пишет; имеет маленькую библиотеку русских писателей, получает несколько русских журналов (Русский Вестник, Киевскую Старину) и следит за русской литературой. В его семействе я провел день самым приятным образом и с не малой для себя пользой. Остался бы там еще дольше и побывал бы может быть в Малой Болеславе, если бы не спешил в Прагу, так как имел в виду ехать в Тřeboň — позаняться в архиве, где Патера уже был некоторое время и должен был ждать меня. Каково же было мое разочарование, когда я узнал по приезде в Прагу, что Патера должен вернуться в самом скором времени, так как одно из „начальств“ музея в лице инспектора Музея „министра“ Иречка, будучи не в состоянии найти без Патеры какую-то книгу, воспыдало страшным гневом, что Патеру отпустили без его особого разрешения, и потребовало его скорейшего возвращения. Бедный Патера, который между тем нашел в архиве много для себя интересного и важного, должен был, работая без усталости днем и ночью, наскоро только просмотреть и отметить найденное и теперь уже вернулся к своему посту. Без него в музее — несмотря на многочисленный штат и начальство — совершенный хаос: суета большая, а толку никакого. На русских посетителей музея Иречки и С^о смотрят уж больно косо, а по словам лица, заслуживающего доверия — может быть близко время, когда последует внушение или распоряжение — запирают совсем двери музея (т. е. его книгохранилища) перед русскими... Вот в каких теперь руках Чешский народный музей! От порядков в музее кстати к покойному Небескому, этому почтеннейшему из нынешних чешских ученых и деятелей старого поколения. О смерти его Вы вероятно слышали уже или читали, а о похоронах Вам может быть рассказывал Ю. С. Анненков, уже более недели тому назад уехавший из Праги. Сравнительно небольшая группа людей собралась проводить усопшего на место вечного покоя на Вышеград. Весь наш пражский кружок русских присутствовал здесь: Макушев, Кочубинский, Анненков и Ваш покорный слуга. Но не видно было главных вожakov чешского народа... Небеский умер тихо, но, как Вам известно, после 7-ми летней мучительной болезни, приковавшей его к одру. Его почти забыли в последнее время, и только немногие

* К. ниж. лужичанам я не ездил, ибо не было времени и притом интересных лиц (ученых-литераторов) (кроме поселившегося у них Иордана) там нет. Это посещение — до другого раза.

друзья посещали его. Говорят, после него осталось много неизданных поэтических произведений, свидетельствующих о его недюжинных поэтических дарованиях. Эта сторона его литературной деятельности мало известна, и желательно, чтоб его неизданные сочинения поскорее стали общим достоянием. Для вопроса о Краледворской рукописи смерть его может быть также не без значения: для ее защитников она, пожалуй, кстати... Скоро опять наступает учебное время и учебный люд съезжается на зимние квартиры. Впрочем, университетские занятия начнутся еще не так скоро. Я жду приезда некоторых лиц, с которыми еще не успел познакомиться. Таковы Ганель, Гиндели, Гаттала тоже в деревне: отдыхает от своей „Обраны“, которая, думаю, стоит ему много дурной крови. Впрочем, постоянный лай и ворчание против бесчисленных своих литературных и eo ipso личных врагов — это его элемент. Макушев и Кочубинский уехали: 1-й — вчера, 2-й — третьего дня. С последним была речь и об Одессе, но об этом в другой раз. Деньги из департамента я получил. Рассчитываю пробыть здесь еще наш сентябрь: хочу еще если удастся поработать в Музее — пока можно... До сих пор все были препятствия. Утро проводил у Эмлера, ибо ему в другое время было неудобно. Получить что-нибудь в музее из-под замка ключницы (виноват, ключаря) Вртятки — также дело нелегкое! Отсюда поеду в Вену, где, как слышал, теперь Адольф Иванович.* Иван Саввич Пальмов был здесь проездом в Белград, но все время был в ужасной тревоге: боялся здешней полиции, хотя процесс уж кончился. Что у Вас делается? Как поживаете Вы и Ваше семейство? Что слышно хорошего? О Флоринском ровно ничего не знаю: он совсем пропал. Об Иване Ивановиче** слышал, что он поехал в Нежин на свадьбу брата. Правда ли? Как приятно было бы иметь от Вас несколько строк! Всякий отзыв из дорогой родины для меня наслаждение, а от Вас был бы величайшим. Простите, что пишу так мелко: хотелось побольше вместить. Прошу передать мое почтение Вашей супруге и поклон всем друзьям — при случае.

Вам искренне преданный

Константин Грот.

О повороте вопроса о чешском университете Вы, конечно, знаете.⁶ Истинные чешские патриоты предпочитают вовсе не иметь своего университета, чем такой!

¹ Th. Sickel. Monumenta graphica medii aevi ex archivis et bibliothecis imperii Austriaci collecta. Vindobonae, 1853—1882, 10 частей. — Зимой 1882/83 г. К. Я. Грот слушал лекции Зикеля по дипломатике в Историческом институте при Венском университете. См. его статью об этом институте в ЖМНП (1884, апрель).

² Грот описал свои впечатления в статье „Из поездки к сербо-лужичанам“ (Изв. Петербургского славянского благотворительного общества, 1883, октябрь).

³ Магистерская диссертация Н. Я. Грота „Психология чувствований в ее истории и главных основах“ (СПб., 1879—1880).

⁴ Газета, основанная Я. Э. Смоляром в 1851 г.

⁵ Посещение Осипа Ивановича Дуриха (Дериха) ярко описано также А. А. Кочубинским, побывавшим у него в 70-х гг.: „В краю бывших еретиков (из старых воспоминаний о север-восточной Чехии)“ (Исторический вестник, 1882, июль).

⁶ Имеется в виду разделение Пражского университета постановлением австрийского правительства на два — немецкий и чешский.

* Добрянский.

** Соколове.

О. Пич — К. Я. Грогу

20 апреля (2 мая) 1883. Прага

Милостивый государь

Константин Яковлевич!

На днях я читал в наших газетах, что Вы назначены в Варшаву на место покойного нашего Викентия Васильевича,* и посему спешу, чтобы поздравить Вас с назначением столь лестным.

По случаю же своего письма я беру на себя смелость беспокоить Вас двумя просьбами, именно: занимаясь древней Россией, я должен был остановиться тоже на археологических Ваших исследованиях и следить за вашими (русскими) кладами, могилами, городищами и пр. и собрал довольно много, чтобы иметь ясное, на сколько это возможно, понятие об этих делах. Самые чувствительные пробелы остаются особенно по поводу городищ: о Ярославской губ. я нашел только у Калайдовича¹ и в Древностях,² где приведено около 20 городищ, ничего же я не нашел о Орловской, Калужской, Московской, Волынской, Подольской и Херсонской губерниях. Моя же просьба состоит в том, чтобы Вы были так добры и спросили какого-нибудь из ваших археологов, если им по этому поводу что нибудь известно; достачит, если я пока буду знать хоть бы общее число городищ в пойменованных губерниях, так как это мне на первом плане нужно, ибо подробностей о постройке городищ я нашел довольно. Вторая просьба состоит в том, чтобы Вы изволили мне сообщить, какое именно самое лучшее сочинение по поводу мифологии финнов; меня про это просил наш поэт Чех, а так как у меня из новейших только Koskinen³ под руками и там не находится никакой ссылки, то я обращаюсь по случаю тоже к Вам, так как у Вас возможность спросить у Вашего папеньки, которому я покорнейше прошу при сем передать мой поклон.

В надежде, что эти мои просьбы не будут Вас слишком беспокоить и желая на новом поприще столь же блестящих успехов, каких достиг и Ваш предшественник, я имею честь оставаться Ваш покорнейший слуга

Прага 2.V 83

20.IV

О. Пич.

(Smečky, 4)

Ф. 281, оп. 2, № 393.

¹ Вероятно имеется в виду К. Ф. Калайдович, „Письмо к А. Ф. Мадиевскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии“ (М., 1822), хотя там не говорится о Ярославских городищах.

² Сведения о городищах помещались в „Материалах для археологического словаря“. (Древности. Труды Московского Археологического общества, т. I, вып. 2, 1867; т. II, 1870).

³ Вероятно: Ирве Коскинен. *Finnische Geschichte von den frühesten Zeiten bis auf die Gegenwart*. Leipzig, 1874.

* Макушева.

Ю. Грегр — В. И. Ламанскому

7 (19) февраля 1885. Прага

19/2. 835.

Vysoce ctený Pane a příteli!

Již dávno toužím po tom, abych se Vám opět aspoň dopisem přiblížil. Od té doby, co jsem se s Vámi naposled viděl, co tu uplynulo času, a co tu politických a sverálních proměn zde u nás a tam u Vás! Tak jako by mezi krajem Vaším a krajem našim nepřestupné hory byly vystoupily. Zdá se jakobychom my se byli Vám a Vy nám odcizili a přede cítíme my Čechové potřebu sblížit se s Vámi více, než kdy jindy. V této chvíli i krátkozrací staročeši počínají poznávati, že nepatrná ta přízeň vlády vídeňské k nám Čechům od vstupu našich poslancův do říšské rady byla jen tvářená a na naše oklamání dobře vypočtená! Jednak nás potřebovali, jednak chtěli lahodnou ukolébavkou uspati otázku Českou, a proto byli plni slibů k nám. Jedni u nás slibovali těmto dobrácky věřili a stali se fanatickými přívrženci vlády, jiní věnovali jí své služby z té oné osobné ambice. A nyní po šestiletém sloužení až do zapření nejdražších interessův národních nechťejí nám páni ve Vídni dáti ani několik set zlatých na českou školu, a nejnaléhavější naše potřeby o něž by se měl stát starat z vlastní povinnosti, odbývají s potupným opovržením. Tak se děje nejen nám Čechům, nybrž všem slovanům rakouským. Je patrné, že v radě koruny zasedají dva Poláci, kteří jsou slovanských snah úhlavnějšími protivníky než sami Němci. Sesílení slovanského živlu v Rakousku, výjma polského pokládají za sesílení panslavistického hnutí, za sesílení Ruska a za ohrožování polského zájmu. Tak jsme za nynější tak zvané „naši vlády“ hůře na tom, než za panování zřejmě k nám nepřátelských Němcův. Však jedno naučení mohli jsme sobě vzíti z různých těch proměn dosavadních a zejména z nynější politické éry že my Slované rakouští za všech dob a poměrův sloužíme zde jen za materiál cizím interessům. — Naše budoucnost leží jen v myšlénce slovanské! Národ náš se myšlénce této neodcizil — zapřeli jí na tu chvíli jen politikové staročeští, avšak nyní již lze znamenati, kterak národ počíná se opět probouzeti k mocnějšímu vědomí slovanskému, a není pochybnosti, že po nynějším sklamání v slibnou, však věrolomnou politiku rakouskou, vědomí toto prostoupí veškeré vrstvy našeho lidu. Lituji jen, že je tak málo styku mezi námi. Také v literatuře by se mělo více pracovati k šíření slovanské ideje a sympathie k příbuzným národům slovanským. Za tímto účelem rád by se vypravil spisovatel náš p. Václav Holeček k Vám na Rus, aby živými popisy oživoval sympathie našeho lidu k národu Ruskému. Pan Holeček je právě v tomto směru spisovatelem dovedným. Byl svého času na Černé Hore, účastnil se povstání v Bosně a Hercegovině a vydal svá pozorování v těchto zajímavých spisech:

- 1) Za svobodu. Kresby z bojů hercegovských a černohorských. 3 knihy.
- 2) Černohorské povídky. 3 svazky.
- 3) Černá Hora v míru. Dva díly.
- 4) Junácké kresby černohorské.

Pan Holeček je mláďa, statný muž a zná dobře ruský, byla by z toho dobrá kořist pro slovanskou literaturu, kdyby mohl rok, dvě leta strávit a cestovat na Rusi. Bohužel nedostává se mu k tomu prostředkův. Nechtěl byste se jej laskavě ujmouti a doporučiti jej dobročinnému slovanskému komitétu v Petrohradě, aby mu k cestování poskytl prostředkův. Učiňte tak prosím a sdělte laskavě výsledek svého vzácného odporučení. S podobnou

prosbou obrátím se na státného radu p. Aksakova do Moskvy, pokládaje věc za důležitou. Těši se na brzkou Vaši odpověď, trvám v přátelské oddanosti

Dr. Julius Gregr.

Ф. 35, оп. 1, № 413.

Перевод

19/2 885.

Высокоуважаемый господин и друг!

Уже давно иду я случая приблизиться к Вам снова хотя бы письмом. С момента, когда мы с Вами в последний раз виделись, сколько времени уплыло, сколько политических и прочих перемен и здесь у нас, и там у вас! Так, как будто между вашей страной и нашей вдруг встали неприступные горы. Кажется, как будто мы вам, а вы нам стали чужими, а ведь мы, чехи, чувствуем потребность сблизиться с вами более, чем когда бы то ни было. В настоящий момент даже близорукие старочехи начинают сознавать, что и то незначительное расположение венских властей к нам, чехам, после вступления наших депутатов в рейхсрат оказалось только притворным и хорошо рассчитанным на наш обман! То ли они в нас нуждались, то ли хотели ласковой колыбельной песенкой усыпить чешский вопрос, и поэтому были щедры на обещания нам. Одни из нас добродушно верили этим обещаниям и стали фанатическими приверженцами власти, другие пошли к ней на службу из личной выгоды. И теперь после шестилетней верной службы, соединявшейся с нарушением самых кровных интересов народных, господа в Вене не хотят нам дать даже нескольких сот золотых на чешскую школу, и самые неотложные наши нужды, о которых обязано бы заботиться государство, удовлетворяются с оскорбительным презрением. Так поступают не только в отношении чехов, но также и всех австрийских славян. Заметно, что в рейхсрате сидят два поляка, которые являются большими противниками славянских стремлений, чем сами немцы. Всякое усиление славянского элемента в Австрии, кроме польского, они расценивают как усиление панславистского движения, как усиление России и угрозу польским интересам. Так при нынешней, так наз. „нашей власти“ нам гораздо хуже, чем в правление явно враждебно настроенных к нам немцев. Во всяком случае один урок мы могли вынести из всех этих различных, происходивших до сих пор, перемен, а особенно из нынешней политической эпохи, а именно, что мы, славяне австрийские, во все времена и при всех условиях служим здесь только в качестве материала для удовлетворения чужих интересов. Наше будущее лежит только в славянской идее, народу нашему эта идея не стала чуждой, отказались от нее в наше время только старочешские политики, но все-таки сейчас можно уже заметить, как в народе начинает опять пробуждаться сильное славянское самосознание, и нет сомнения, что после теперешнего разочарования в многообещающей, но вероломной австрийской политике, это сознание проникнет все слои нашего народа. Сожалею только о том, что так мало связей между нами. Также и в литературе следовало бы больше работать над распространением славянской идеи и симпатий к родственным славянским народам. С этой целью наш писатель г. Вацлав Голечек охотно отправился бы к Вам на Русь, чтобы своими описаниями оживить симпатии нашего народа к народу русскому. Г. Голечек в этом направлении писатель опытный. В свое время был он в Черногории, участвовал в восстании в Боснии и Герцеговине и свои впечатления изложил в следующих интересных произведениях:

- 1) За свободу. Очерки черногорской и герцеговинской борьбы. 3 книги.
- 2) Черногорские рассказы. 2 тома.
- 3) Мирная Черногория. 2 тома.
- 4) Очерки черногорского юначества.

Г. Голечек — молодой человек, знает хорошо русский язык, для славянской литературы было бы очень полезно, если бы он мог провести год, два в России и попутешествовать по ней. К сожалению, ему не хватает на это средств. Не могли ли бы Вы взять на себя заботу о нем и отрекомендовать его Славянскому благотворительному комитету в Петербурге, чтобы тот предоставил ему средства для поездки. Сделайте это, пожалуйста, и сообщите о результатах своей рекомендации. С такой же просьбой обращаюсь и к статскому советнику г. Аксакову в Москву, считая это дело весьма важным. Рассчитывая на Ваш скорый ответ, остаюсь дружески преданный

д-р Юлий Грегр.

54

И. О. Первольф — В. И. Ламанскому

25 марта (6 апреля) 1886. Варшава

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Как Вам вероятно известно, в Чехии настоящий бунт по поводу злополучных рукописей „Краледворской“ и „Зеленогорской“. На Гебаура набросились филологи и репортеры и др. и ведут себя так, что просто срам. Прилагаю здесь письмоце Гебаура. Как видите, он меня просит написать кое-что об этой истории; но я думаю, что мой голос здесь ничего не значит; стали бы тоже кричать, что я „zřádcе“ и пр. Положим, мне это совершенно все равно, так как моя наивные земляки давно знают, что я считаю обе „рукописи“ баладами 19-го века, а не „драгоценными перлами“ древнечешской цивилизации, и что я non juro in verba magistri Martini Hattalae.

Нельзя ли Вам исполнить просьбу Гебаура? Не можете ли написать статейку в Ж. М. Н. П. по поводу этих новых споров, начавшихся с бранных статей Гатталы в *Národních Listech* в декабре 1885-го г. и обострившихся вследствие отличной статьи Гебаура в *Atheneum*?¹ Вы как один из самых главных представителей скептической школы (относительно обеих „рукописей“) сослужили бы хорошую службу науке;² Ваш голос не был бы гласом вопиющего в пустыне и, может быть, подействовал бы на многих моих земляков как здоровое *Quos ego!* *Národní Listy* постоянно печатают статьи *contra Gebauer et Masáryk*, с разными патристическими восклицаниями и вздохами, которые, однако, не могут закрыть отсутствие критики и научных приемов. Надеюсь, что и Ягич скажет свое слово в *Archiv f. sl. Philologie*.³ Если Вам нужны некоторые статьи, то, пожалуйста, напишите мне; я их вытребую из Праги.

Примите уверения глубокого моего к Вам уважения.

И. Первольф.

(Вспульная, № 37).

Варшава, 25 марта 1886.

Ф. 35, оп. 1, № 1034.

¹ J. Gebauer. Potřeba dalších zkoušek rukopisů Královedvorského a Zelenohorského. „Athenaeum“, t. III, Praha, 1886.

² В. И. Ламанский выступил с докладом о Краледворской рукописи в связи со статьями Гебауера в „Атенеум“ на одном из ближайших заседаний Историко-филологического общества при Петербургском университете.

³ И. В. Ягич отозвался на эту полемику статьей „Philologie und Patriotismus“ и рецензией на книгу J. Goll „Historický rozbor básní rukopisů Královedvorského; Oldřicha, Beneše Hermanova a Jaroslava“ (Praha, 1886). в „Archiv f. slav. Phil.“ (IX, 1886; X, 1887).

55

П. А. Лавров — В. Н. Щепкину

1886. Москва

Милейший

Вячеслав Николаевич!

Хлопоты по исправлению текста листов,¹ приготовляемых к печатанию, которые мы пересматриваем вместе с Влайковым, отнимая значительную долю времени, мешали своевременно уведомить Вас об ответе Дринова. Он прислал весьма любезное письмо, в котором выражает радость в ожидании продолжения словаря, но в то же время признает, что это труд не легкий. Ударения, расставленные Влайковым, он нашел совершенно правильными, поправив лишь его в двух местах; после этого мы доверяем установку ударения Федору Г. на всем словаре и уже без чьей-либо проверки, за неудобством переписки главным образом; иначе бы, вероятно, Дринов не отказался пробегать присылаемые листы. На 5 листах он изменил несколько ошибок, например; доплачѣ (у Дозона) = да! плачѣ; в некоторых местах неправильно было поставлено настоящее время в глаголах; глагола допнѣ, как это говорил нам и Ф. Г., если припомните, в болгарском языке несуществует; он появился благодаря опечатке. Должно быть допинам. Указав эти ошибки, Дринов заметил: все подобные неисправности Вы смело можете поручить исправить Влайкову. Последнего он очень хвалит, знает его по небольшому рассказу, напечатанному в Периодическом Списании² и написанному очень хорошим болгарским языком. Письмо Дринова весьма ободрило меня, а из занятий с Влайковым я мог убедиться, что мы в нем нашли весьма полезного сотрудника: он знает по-болгарски не в пример основательнее Райкова; он знаком с разными наречиями и изданиями, множество песен знает на память, знает также правописание некоторых из авторов. При чтении листов, которое идет медленно, он часто останавливается на тех местах, где Александром Львовичем сделаны вставки или изменения, при чем оказывается, что таковые сделаны не всегда удачно; не всегда на том месте, где бы следовало. Поражает его и величина примеров. Многие незнакомые слова он помогает определить, повидимому, вполне правильно. Для корректуры его помощь также весьма важна. Нам, впрочем, пока прислали всего один лист. Вообще, с Влайковым можно надеяться на успех. Новые карточки мы решили сначала совместно пересмотреть, разрешить все недоумения и уже потом писать, чтобы тем избавиться от переписки и переделок, какие приходилось делать в листах, до сих пор написанных. — Что касается наших вопросов, то Дринов дал следующие ответы: 1. относительно дръво или дърво: В подобных случаяхъ в большинстве говоров слышен перед п, р. (Но так как у нас раньше не

было правописание 1-х вып. Ал. Льв., равно как и М.,³ то я не мог воспользоваться им). 2) об **ы** и **и**: **ы** вообще перешел в **и**. Только в очень немногих говорах на его месте слышен глухой звук или его замены (**Я** везде уничтожил **ы**). 3) Относительно **ж**: В тех говорах, где **ж** выговаривается как глухой звук, он совершенно тождествен с **ъ** (**Я** оставил **ж** на основании этимологии, как мы условились). 4) о шипящих: Шипящие выговариваются вообще твердо, только в немногих говорах сохранилась небность. (**Я** везде поставил твердые гласные после шипящих). 5) **са**, **ся** или **се**: В Восточной Болгарии слышно **сâ** (**â** — глухое **а**) или **са**, в западной же и в некоторых центральных говорах **се**. Что касается **ся**, то оно чуждо народной речи (**Я** оставил **са**, как мы условились). 6) **ь** или **ь**: **Н** в слове **конь** и т. п. выговаривается очень мягко в некоторых говорах. Что касается **ъ** в слове **царь** и т. п., то он везде потерял небность. — После всего этого общее замечание: Ограничиваюсь такими общими диалектологическими указаниями, ибо затрудняюсь дать более определенные ответы на Ваши вопросы. Позволю себе прибавить, что, по моему мнению, как в примерах, так и в заголовках следует придерживаться правописания памятников. — Последнее замечание меня смутило, ибо исполнение его повело бы за собой двойное помещение одного и того же слова. Оттого я всюду хочу опускать **ы**, ибо иначе должно стоять **загинж** и **загинж** и т. д. Но что касается случаев подобных **женж**, **жну** и **женж**, то я поместил их каждое на своем месте. Не знаю как лучше поступить с **ж**. Помнится Федор Евгеньевич* заметил 'раз, что **ж** хорошо передает выговор турецких слов; но мы с Вами решили его оставить лишь этимологически. Оттого в **д** в других случаях я поставил **ѣ**.

Будьте любезны, Вячеслав Николаевич, поделиться теми соображениями, какие у Вас вызваны будут замечаниями Дринова. Я виноват перед Вами, забыл у Влайкова Миладинова.⁴ Но Дев. Кг.** попал не намеренно, я не успел вернуть его Шахматову, в чем так перед ним повинен; попросите его извинить меня, если с ним спишетесь. Разделяю Вашу радость по случаю поворота дел в Сербии; Влайков убежден, что на Софию эти события повлияют.⁵ Дай-то бог! А пока в тиши от всяких треволений я стараюсь как можно более обогариться. У Влайкова много болгарских книг. Мы все восхищаемся Вазовым, одним из лучших современных болгарских поэтов; теперь он в качестве эмигранта живет в Питере. Многие из его лирических стихотворений проникнуты сильным чувством и обнаруживают несомненный талант. Влайков, впрочем, недоволен его настоящим мировоззрением. Между его стихотворениями особенно хорошо стихотворение покойному государю Александру II. Хороши также стихотворения в честь виновников болгарского возрождения, с именами которых, к стыду своему, я знакомлюсь лишь теперь. Пожалуй еще большей силой отличаются лирические стихотворения Ботева, погибшего до войны 1878 г. в гайдуцкой чете, которой он был вождем. Я выписал себе полное собрание сочинений Каравелова (Любена),⁶ а Генриетта Андреевна сочинения Вазова. Упражняемся по временам и в болгарском чтении. Знакомлюсь с наречием Ф. Г. Интересно у них

* Корш.

** Сокращение не расшифровано.

Иютация е исчезла всюду; я, впрочем, восстанавливаю ее по Цоневу, Миклошичу и др. Генриетта Андреевна и Левушка* кланяются Вам; она ждет Вас к себе. В надежде увидиться остаюсь с искренней к Вам любовью готовый к услугам П. Лавров.

У Влайкова есть интересная хрестоматия (здесь пока отдел поэзии); оригинальные и переводные произведения лучших поэтов, с их биографиями.⁷ Будьте здоровы.

Ф. 254, оп. 1 № 38.

¹ Речь идет о завершении работы над „Словарем болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати“, составленным А. Л. Дювернуа. После смерти Дювернуа 16 марта 1886 г., в течение 1886 г. был допечатан вып.² словаря, начатый покойным, что дает возможность датировать это письмо. Остальные выпуски были изданы в течение 1837—1889 гг. Работу эту выполнили ученики Дювернуа по Московскому университету П. А. Лавров, В. Н. Щепкин, студент-филолог болгарин Ф. Г. Влайков, Г. А. Дювернуа и Б. М. Ляпунов. В работе принимал участие также Ф. Е. Корш. Отзыв М. С. Дринова о словаре Дювернуа помещен в „Отчете о присуждении Макарьевской премии“ (СПб., 1892).

² Болгарский журнал, выходивший в Софии с 1870 до 1911 г.

³ Имеется в виду англо-болгарский словарь С. F. Morse (Константинополь, 1866), из которого брались дополнения для словаря Дювернуа.

⁴ Български народни песни собрани од братя Миладиновци Димитрия и Константина. Загреб, 1861.

⁵ Имеются в виду события после войны 1886 г. между Сербией и Болгарией, когда король Милац, желая восстановить свой авторитет, подорванный неудачной войной, пошел на примирение с партией радикалов, поручил ее представителю Груичу формирование нового кабинета и даже соглашался на подготовку реформы конституции.

⁶ „Съчинения на Любена Каравелова“ вышли в Русуке в 8 тт. (1886—1888).

⁷ И. Вазов и К. Величков. Българска хрестоматия или сборник от избрани образци по всичките родове съчинения с приложение на кратко жизнеописания на най-знаменитите писатели, ч. I, проза; ч. II, поэзия. Пловдив — Свештов — Солун, 1884.

56

Ю. Грегр — В. И. Ламанскому

3 (15) декабря 1886. Прага

V Praze 15/12. 886.

lovutný Panel

Пříměte moje blahopřání k výtečné Svě řečil Jsem jí velice potěšen. Prokázal Jste Slovanstvu, zvláště nám, Slovanům rakouským službu neocenitelnou. Neobyčejná váhá její spočívá hlavně v tom, že postavil Jste věc Slovanstva na sviší základ, že Jste jí emancipoval od úzkého hlediště těch, kteří jí obmezovali jen na obvod pravoslavných Slovanův, vylučující z ní Čechy, Moravany, Slezany, Slováky, Slovincce, Poláky, Horváty a Katolické Srby, zkrátka téměř veškeré rakouské Slovany, bez nich velmoc Rakouska neměla by podmínek existence. — Poslední udalosti v Srbsku a Bulharsku musely každému moudrému politiku otevřítí oči, že pravoslaví a moment náboženský vůbec není hlavním pojítkem, jež víže jižní a západní Slovany k Rusku. Je tu mnohem důtklivější, spolehlivější a mocnější moment, sám pud sebezachování, čili zájem existenční. Čím v ohledu národním je postice některého slovanského národa ohroženější, tím vroucněji a upřím-

* Вдова и сын А. Л. Дювернуа.

něji lne k Rusku, hledaje a doufaje naléztí v mocném tomto slovanském státu pomoci a zástity. Proto jsou vzdor společne pravoslavné víře sympatie Bulharův a Srbův k Rusku vlažnějšími, než katolických Čechův, Moravanův, Slovákův a Slovincův neboť národnost ani Bulharův ani Srbův není dosud Němci a Maďary ohrožena. Za to sotva najde Rus vřelejších přátel nad zmíněné katolické Slovany, jejichž národní bytí od drahé doby co nejnebezpečněji je ohroženo. Měl Jste pravdu, když Jste pověděl, že nynější bulharský konflikt mocně vzrušil sympatie k Rusku v celém západním Slovanstvu. My všichni Slované zde na západě cítíme a soudíme že jde tu více o nás, než o Rusko, my víme, že na vítězství ruské diplomacie a ruských zbraní závisí naše budoucnost. Kdyby Rusko na poloostrovu Balkánském muselo ustoupiti ohvu německo-maďarskému aneb kdyby, ve válce rusko-rakouské podlehl: zda by rázem tíha germanisace a maďarisace nenalehla na nás silou dvojnásobnou. Bylo by to osudné sesílení odvěkých nepřátel Slovanstva! Tak jako drží moc svou jen pomocí podrobených sobě zapadních slovanských národův, rozmnožili by jí ještě větší, a povážlivou mírou podmanením kmenů balkánských. Odvaha jejich proti Rusku značne by vzrostla. Vytažení Ruska z jihu bylo by jen prvním dějem, následoval by hnedle druhý, při němž by jednalo již o rozklad samé říše ruské vznícením otázky ukrajinské a stlačením Ruska zpět na východ. Vždyť dnes již agituje se z Halice silne pro myšlénku ukrajinofilskou. — Ovšem že sotva dovedou nepřátelé Slovanstva zlomiti mohutnou sílu Ruska, avšak ostabít by je mohli a srazit zpět na východ na delší dobu. Obáváme se aby oslabeno nebylo na dobu, která při soustavné a rafinované nynější germanisaci a maďarisaci a při hrozném tom nátlaku, jejíž sjednocené silné Německo působí nyní na zapadní Slovanstvo, — mohla by snad úplně stačiti na poněmžení Českoslovanův a Slovincův, mezi tím co by Maďari oďnarodnili Slováky. Trefně Jste ve své řeči připomenul osud baltických Slovanův, to co bylo příčinou jich záhuby, ohrožuje i dnes sporé zbytky zapadného Slovanstva: tatáž bezstarostnost, úslužnost a důvěřivost nejen k cizině vůbec, ale i k samým nepochybným odvěkým vrahům, tatáž ochota zameniti svůj jazyk za jazyk eizí. Dobře Jste soudil o nynějších stranách v našem národě. Dobře víte tedy s jakou naprostou lehkověrností politikové strany konservativní čili staročeské u nás dávají voditi se neměckou šlechtou a vládou Taaffovou, která je tak centralistická a germanisující jako každá před ní, lišíc se od kabinetu Herbstova a Giskrova nanejvýše tím, že je ještě i reakcionarská a klerikálná.

Tato odvěká slabost, která zahubila již nejednu ratolest slovanskou, tato krátkozraká úslužnost k těm, kdož nás Slovany mají pořáde jen za svůj materiál, má i nyní osudný vliv na celou naši politiku domácí. Ze samí uslužnosti k šlechtě a vládě zapírají naši staročesi i myšlénku slovanskou ve chvíli, kdy germanisace nejbrutálněji naléhá na náš národ, kdy do každé témeř vesnice české nasazuje nám z Německa podporovaný „Schulverein“, germanisační školy, kdy Maďari tísní neslýchaným dosud způsobem Slováky, olupují Chorvaty o samosprávu, demoralisují Srby v Království a tísní slovan-ké, zvláště pravoslavné obyvatelstvo v Bosně a v Hercegovině! Vy jste pravil ve své řeči, že otázka slovanská může býti řešena jen společným úsilím Ruska a všech západních národů slovanských zaroveň. Prosím Vás, čím mohou za nynější své tísně přispěti k tomuto řešení Českoslované a Slovinci? Ubozí sotva žijou. Nynější tak zvané „ústavní“ poměry v Rakousku tlačí je zrovna tak, ne-li více než dřívější absolutismus. Nemáme žádného volného hnutí, neboť s tou cislajtánskou konstitucí tropí se jen holý švindl. Panují při ní Maďari a Němci krutěji než dříve. My Slované jsme tu bez všelikých

prostředkův. Vše závisí tedy jen na Rusi. Všimějte si nás více, dodávejte aspoň mravní posílí aspoň v té míře, v které Německo podporuje Němce v Rakousku. Hleďte nás časem aspoň slovy povzbudit, a pohrozit našim utiskovatelům. [...]

Rež Vaši dal jsem do „Národních Listů“, vyloučiv opatrně, co by mohlo být inkriminováno na tiskovém úřadě. Však vzdor této opatrnosti propadla řeč Vaše konfiskaci, ovšem že se dostala do českého obecnictva přede asi v 10000 výtiscích. Poslal jsem Vám výtisk v kувэru.

Před nějakou dobou poslal jsem Vám také jeden výtisk své „Obrany rukopisův Královédvorského a Zelenohorského“, abych Vám podal důkaz své zvláštní k Vám oddanosti a úcty.

Vám zcela oddaný

Dr. Julius Gregr.

Ф. 35, оп. 1, № 413.

Перевод

Прага 15/12.886.

Уважаемый господин!

Примите мои поздравления по случаю Вашей выдающейся речи!¹ Я очень ею обрадован. Вы оказали славянству, особенно нам, австрийским славянам, неоценимую услугу. Необыкновенное ее значение заключается главным образом в том, что Вы поставили славянский вопрос на более широкую основу, что Вы отделили его от узкой точки зрения тех, кто ограничивал его только кругом православных славян, устранял из него чехов и католиков-сербов, короче говоря, всех австрийских славян, без которых Австрийская монархия не имела бы предпосылок для существования. Последние события в Сербии и Болгарии должны были открыть глаза каждому умному политику на то, что православие и вообще вероисповедание не является главным, что привязывает южных и западных славян к России. Здесь играет роль более ощутительный, более надежный и более мощный фактор — самый инстинкт самосохранения или заинтересованность в существовании. Чем более угрожаемым является положение какого-нибудь славянского народа в его глазах, тем горячее и искреннее тянется он к России, ища и надеясь найти в могучем этом славянском государстве помощь и защиту. Поэтому несмотря на общую православную веру, симпатии болгар и сербов к России менее горячи, чем католиков чехов, моравов, словаков и словинцев, потому что ни национальности болгар, ни национальности сербов до сих пор немцы и мадьяры не угрожают. Зато едва ли Россия найдет более горячих друзей, чем упомянутые католики-славяне, национальной жизни которых в течение продолжительного времени угрожает опасность. Вы были правы, когда сказали, что нынешний болгарский конфликт сильно поднял симпатии к России во всем западном славянстве. Мы все славяне на западе чувствуем и считаем, что здесь идет дело скорее о нас, чем о России, мы знаем, что от победы русской дипломатии и русского оружия зависит наше будущее. Если бы Россия на Балканском полуострове должна была бы уступить влиянию немецко-мадьярскому или если бы она потерпела поражение в русско-австрийской войне, то кажется, что тяжесть германизации и мадьяризации сразу легла бы на нас с силой вдвое большей. Это было бы роковым усилением извечных врагов славянства. Так как они сохраняют могущество свое только при помощи подчинения себе западных славянских народов, то они увеличили бы его еще больше и в значительной мере

через покорение балканских народов. Храбрость их в отношении России значительно бы возросла. Устранение России с юга было бы первым результатом, за ним последовал бы сразу второй, когда бы пошла речь уже о распаде Русской империи, когда поднят был бы вопрос об Украине и отходе России назад на восток. Ведь уже и теперь агитируют из Галиции сильно за украинофильскую идею. Конечно, едва ли бы враги славянства сумели сломить могущество России, но ослабить ее и отодвинуть опять на восток на долгое время они могли бы. Мы опасаемся, чтобы она не была ослаблена в наше время, которое при сложной и утонченной теперешней германизации и мадьяризации и при грозном наступлении, производящемся сейчас объединенной сильной Германией на западное славянство, — вполне подходит для онемечения чехославян и словенцев и для денационализации словаков мадьярами. В своей речи Вы удачно напомнили о судьбе балтийских славян; то, что было причиной их гибели, угрожает сейчас и многочисленным остаткам западного славянства; такая же беззаботность, услужливость и доверчивость не только к иностранцам вообще, но и к самым несомненным извечным врагам, та же готовность заменить свой язык чужим языком. Вы дали правильную оценку современным партиям в нашем народе. Вы хорошо знаете с какой простоватой легковерностью консервативные политические или старочешские партии позволяют у нас руководить собою немецкой шляхте и правительству Таафе, которое проводит такую же централизацию, как и всякое до него, отличаясь от кабинета Гербста и Гискры главным образом тем, что является еще и реакционным и клерикальным.

Та же извечная слабость, которая погубила не одну ветвь славянства, та же близорукая услужливость тем именно, кто нас, славян, считает только своим материалом, оказывает и сейчас пагубное влияние на всю нашу внутреннюю политику. Из преданности шляхте и власти наши старочи отказываются от славянской идеи в тот момент, когда германизация самым жестоким образом ложится на наш народ, когда в каждую почти чешскую деревушку сажают нам поддерживаемый Германией „Schulverein“, германизирующий школы, когда мадьяры неслышанным до сих пор способом притесняют словаков, отнимают у хорватов самоуправление, деморализуют сербов в королевстве и притесняют славянское, особенно православное население в Боснии и Герцеговине. Вы в своей речи сказали, что славянский вопрос может быть разрешен только общими усилиями России и всех западных славянских народов одновременно. Спрашиваю Вас, чем при теперешнем своем угнетении могут помочь этому разрешению чехославяне и словенцы? Бедняги едва существуют. Современные так наз. „конституционные“ условия в Австрии угнетают их так же, если не более, чем прежний абсолютизм. У нас нет никакого свободного движения, потому что эта дислейтанская конституция чистый обман. При ней мадьяры и немцы хозяйничают еще круче, чем раньше. Мы, славяне, здесь лишены всяких средств. Все зависит только от России.

Больше внимания проявляйте к нам, окажите нам хотя бы нравственную поддержку, хотя в той мере, в какой Германия поддерживает немцев в Австрии. Старайтесь иногда хоть словами ободрить нас и пригрозить нашим притеснителям. [...] Вашу речь я отдал в „Národní Listy“, предусмотрительно опустив все, что могло бы быть изъято цензурой. Если бы несмотря на эту предосторожность Ваша речь подверглась бы конфискации, то все таки она попадет в руки чешского общества более чем в 10.000 экземплярах. Я послал Вам экземпляр в конверте.

Neskoliko времени тому назад я послал Вам также один экземпляр своей „Защиты Краледворской и Зеленогорской рукописей“,² чтобы дать Вам доказательства своей особенной Вам преданности и почтения.

Вам целиком преданный

д-р Юлий Грегр.

¹ Речь В. И. Ламанского „О положении болгарских и славянских дел с точки зрения историка и слависта“, произнесенная в торжественном собрании Петербургского славянского благотворительного общества 23 ноября 1886 г. и опубликованная в „Новом времени“, вызвала многочисленные отклики в славянской печати.

² „Na obranu RK a RZ“ — сборник статей Ю. Грегра по этому вопросу из газеты „Národní Listy“ (Praha, 1886).

57

В. Облак — И. А. Бодуэну де Куртене

16 (28) апреля 1887. Вена

Na Dunaju 28. IV. 87.

Blagородni gospod profesor!

Za Vaše cenjeno pismo in pojasnila nekterih poljskih oblik zahvaljujem se najtopleje ter prosim ob enem, da mi ne zamerite, da se še zdaj, ko sem na Dunaju včasih do Vas obrnem s kako znanstveno prošnjo. Res je, da imam tukaj izvrstnega učenjaka, kateri ne ume samo dobre svoje stroke in lepo predava, nego, kateri se tudi živo za svoje dijake briga ter jih pri študijah kolikor mogoče podpira in, kedar smo leni, se žali bog le pregotokrat zgodi, pridno ošteje: s kratka s prof. Jagićem vsi jako zadovoljni. Toda ne morem se radi vsake meni nejasne stvari do njega obrniti, ker ga itak že vedno nedlegujim in obrnem se včasih tedaj do Vas, kateri ste mi bili že poprej naklonjen učitelj, če tudi v veliki daljavi in samo pismeno.

Uzrok današnjega pisma je, da bi rad pozvedel, če bi hoteli v Vaš znanstveni časopis Filolog. prace sprejeti od mene soceno Štrekeljeve knjižice „Morphologie des Görzer Mittelkarstdialectes“; seveda samo v tem slučaju, če bi se Vam, kedar bi je prečitali dovolj kritična in sploh pripravna dozdevala. Najbrž ste pa že sami spisali temeljeto in obširno kritiko o omenjeno knjigi. Moj spisek obsegal bi okoli 10 tiskanih strani ter bi obravnaval stvar z historičnega stališča opiraje se na študije starih naših spisateljev: Trubarja, Dalmatina etc. Posebno bi dokazal, da je stolmačenje Štrekeljevo oblik dat. pl. in instr. sgl. ъ/o-dekl. na-am krivo, ker govori proti temu popolnoma jasno zgodovina razvitka teh oblik, da je jednako krivo tudi njegovo tolmačenje loc. pl. na-ah m.-ih pri ъ/o-dekl. Celo to ni verjetno, da so v rušč. omenjene oblike v ъ/o-dekl m.-om, —ih po analogiji s a-dekl. nastala — in nato se pozivlje Štrekelj: saj je pred kratkem Šachmatov nasprotno dokazal (Исследов. о языке новгор. грам., pag. 195, 196); govoril bi tudi o gen. in dat. sgl. sestavljene dekl. na -iga, -imu in -ega, -emu, kateri dela g. Štrekelju preglavico — vse pa z historičnega stališča. Seveda bi tudi na nekterih mestih govoril o fonetskih posebnostih tega ali onega sloven. narečja, v katerem je kaj jednakega, kakor v onem, ktereга je g. Štrekelj opisal etc. — Ocena je že spisana, vedel bi rad, če morda nečete kar a priori te ocene sprejeti, kar je od vseučelišnika, toda mislim

to ni tako velika ovira: saj bode tudi prof. Jagić nekaj malega od mene v prihodnjem zvezku Archivu objavil. Ako a priori nimate nič proti oceni jo lahko pošljem na ogled, seveda je nemško pisano, pa mislim, da to ne škodi, kar jo lahko kaki dijak, Vaš učenec prestavi. V Archivu f. sl. Ph. se ne more tiskati: ker ima prof. Jagić oceno že iz Vašega peresca.

Ako sedaj želite, da Vam pošljem oceno na ogled, tako mi blagovolite to v kratkem naznamiti po dopisnici. — Kar se tiče oblik kakor véjske, tako je stvar jasna, ali kako je tolmačiti siojstra m. siostra: kaj je uzrok j? — gotovo drugi kakor v véjski. Za vojsek, gojzd, ojster etc. jaz ne vem drugega pojasnila, kakor da rečem je osled dolgega in zategnjenega naglasa nastal: nekaj jednakega je najti v prekmurskom narečju in dialektu Slovencev na izhodnem Štajirskem, kjer se mnogokrat é govori kot „ij“. Seveda je pri tem čudno, da ni iz ó v omenjenih slučajih nastal, kakor v vseh drugih jednakih slučajih „u“, tedaj guzd, uster etc: m. vosek se res govori tudi vusk, toda je tudi izgovor vojsk, vojsek jako omejen. Iz tega bi se dalo ali se da sklepati, da vendar ni uzrok „j“ v teh slučajih dolgi naglas na samoglosniku: ali kaj je uzrok? — na to vprašanje potem nevem odgovora.

Nadejaje se brzega odgovora sem
s odličnim spoštovanjem,

Vam hvaležni Vatr. Oblak, stud. phil.

Wien, III Dietrichgasse 2.

P. S. G. Štrekelj rekel mi je — kar je Vam gotovo že pismeno naznanil, da je drugi izvod njegove brošure namenjen kakemu Vašemu slušatelju.

Ф. 102, оп. 1, № 226.

Перевод

На Дунае, 28. IV. 87.

Благородный господин профессор!

Приношу Вам горячую благодарность за Ваше дорогое письмо и объяснения некоторых польских форм и прошу не обижаться на меня, если даже и теперь, когда я устроился в Вене, я обращаюсь к Вам с каким-нибудь научным вопросом. Правда, здесь я имею превосходного учителя, который не только умеет великолепно передавать свои знания, но и искренно заботится о своих учениках и сколько возможно поддерживает их в занятиях, и, когда мы ленимся, что к сожалению весьма часто случается, сурово отчитывает: коротко говоря, мы все довольны проф. Ягичем. Но я не могу по всякому неясному для меня вопросу обращаться к нему, так как я и так постоянно ему докучаю, и поэтому изредка я буду обращаться к Вам, кто был для меня уже раньше благосклонным учителем, хотя бы, при большом расстоянии между нами, только письменно.

Причиной сегодняшнего письма является мое желание узнать, не согласились ли бы Вы поместить в Вашем научном журнале „Prace filologiczne“¹ мою рецензию на работу Штрекеля „Морфология Горичского диалекта“², разумеется, в том случае, если бы она показалась Вам по прочтении достаточно критической и вполне подходящей. Вы уже сами написали обстоятельный и подробный отзыв об указанной книге. Моя работа представляла бы около 10 печатных страниц и рассматривала бы книжку с исторической точки зрения, основываясь на исследованиях старых наших ученых: Трубаря, Далматина и др. Специально я доказал бы, что объяснение Штрекелем окончания -ам в формах дательного множе-

ственного числа и творительного множественного числа склонения на ъ/о неверно, так как против этого говорит вполне ясно история развития этих форм, что также неправильно его объяснение окончания -ах вместо -их в предложном множественного числа в склонении на ъ/о. Совсем невероятно, чтобы указанные формы склонения на ъ/о в русском языке получили вместо -ом, -их свои окончания по аналогии с основами -а, а на это указывает Штрекель, хотя недавно Шахматов доказал (Исследования о языке Новгородских грамот,³ стр. 195, 196) противное; я говорил бы о родительном и дательном единственного числа сложного склонения на -ига, -иму, вместо -его, -ему, которые смущают г. Штрекеля, только с исторической точки зрения. Разумеется в некоторых случаях я говорил бы о фонетических особенностях того или другого словенского наречия, хотя бы таких, как в описанном Штрекелем. Рецензия уже написана, я хотел бы знать, может быть Вы не захотите поместить ее, так как она исходит от студента. Это не так страшно: я думаю, проф. Ягич поместит в ближайшем томе Архива мою маленькую заметку. Если Вы не имеете ничего против рецензии, я сейчас же вышлю ее для просмотра: конечно, она написана по-немецки, но думаю, что это не мешает, какой-нибудь студент, Ваш ученик, без труда ее переведет. В Archiv für slavische Philologie нельзя печатать, потому что проф. Ягич имеет уже рецензию, написанную Вами.⁴

Если Вы желаете, чтобы я выслал Вам рецензию для просмотра, благоволи мне сообщить об этом в ближайшем времени открыткой. Что касается форм как *vejske*, здесь вопрос ясен, но как объяснить *siojstra* вместо *siostra*, откуда здесь *j*? Причина его появления здесь другая, чем в *vejski*. Для *vojsek*, *gojzd*, *ojster* и пр. я не знаю другого объяснения, чем то, что здесь он возник в результате долгого или затяжного ударения: нечто подобное можно найти в приморском наречии и в диалекте словенцев на границе Штирии, где *é* часто произносится как *ij*. Конечно, удивительно, что из *ó* не возникло в указанных случаях, как во всех других подобных, „и“, т. е. *guzd*, *uster* и т. д.: вместо *vosek*, правда, говорят *vusk*, тогда произношение *vojsk*, *vojsek* — ограничено. Из этого можно было бы сделать вывод, что причиной появления в этих случаях *j* не является ударение на гласном, но какая же тогда причина? На этот вопрос не знаю ответа.

В надежде на скорый ответ

остаюсь с глубоким почтением

благодарный Вам Ватрослав Облак, студент филологии.

Вена, III, Dietrichgasse, 2.

Р. С. Г. Штрекель сказал мне, что уже сообщил Вам письмом, что второй экземпляр его брошюры предназначается кому-нибудь из Ваших слушателей.

¹ „Prace filologiczne“, под ред. Бодуэна де Куртене и Крынского выходили в Варшаве с 1835 по 1931 г.

² K. Štrekel. Morphologie des Görzer Mittelkarstdialectes mit besonderer Berücksichtigung der Betonung Verhältnisse. Sitzungsberichte der kais. Akad. der Wissensch., philos.-hist. Klasse, V. CXIII, 1895; оттиск 1886.

³ Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. Исследования по русскому языку, т. I, вып. 2. СПб., 1895; оттиск 1886.

⁴ Рецензия Облака, как и Бодуэна, на указанную работу Штрекеля помещена в „Archiv f. slav. Philologie“ (X, 1887).

58

И. Кукульевич-Сакцинский — В. И. Ламанскому

26 июля (7 августа) 1887. Пугаковец

Visokopočitajemi Gospodine!

U mojoj dubokoj starosti ne može me ništa tako ugodno obradovati, nego priznanje malenih mojih literarnih zaslukah kod slavjanske moje braće.

S toga molim Vas milostivi Gospodine da izvolite St. Peterburgskomu universitetu priobčiti moju najdublju blagodarnost za veliku čast, koju mi izkaza imenovanjem za svoga počastnoga člana. A ja ću i u posljednjih danah svoga života vazda nastojati, da se vriednim pokažem velike ove počasti, i da ostanem vjeran u ljubavi i u radu za svoju otačbinu i za veliki moj narod slavjanski.

Dočim prilažem po izrajenoj želji moju fotografiju, molim da primite izraz moga visokog počitanja.

Ivan Kukuljević-Sakcinski.

Na selu Puhakovcu u Zagorja.
7/8 887.

Ф. 35, оп. 1, № 1667.

Перевод

Высокоуважаемый господин!

В моем преклонном возрасте ничто не может меня так горячо обрадовать, как признание моих скромных литературных заслуг славянскими моими братьями.

Поэтому прошу Вас, милостивый государь, будьте добры передать С.-Петербургскому университету мою глубочайшую благодарность за великую честь, которую он мне оказывает избранием меня в свои почетные члены. А я, в последние дни своей жизни, постараюсь быть достойным этой великой чести и верным в любви и труде своей родине и великому своему славянскому народу.

Согласно выраженному желанию прилагаю свою фотографию. Прошу принять выражение моего глубокого уважения.

Иван Кукульевич-Сакцинский.

Село Пугаковец в Загорье.
7/8 887.

59

П. А. Ровинский — В. И. Ламанскому

16 (28) августа 1887. Цетинье

Цетинье 16 авг. 1887.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

К Вам есть великая просьба, мотивы которой я считаю необходимым изложить прежде всего.

Вам, конечно, известно, что Черногорский князь имеет в России несколько стипендий для своей учащейся молодежи, и стипендиями

этими распоряжается особая комиссия в Петербурге, заведующая образованием южных славян. Все стипендии, назначенные для Черногории (всего 6), в настоящее время заняты; три года не отправляли никого; а в настоящее время явилась в том настоятельная потребность, и князь обратился к нашему министру-резиденту К. М. Аргиропуло, который еще зимою заявил в комиссии о желаньи князя Николая и представил список кандидатов. Нашего министра там обнадежили, и оставалось только ждать формального ответа и готовить учеников. Между тем, ответ замедлился; Аргиропуло спрашивает по телеграфу; проходит еще несколько времени, и только в августе приходит ответ отрицательный.

Представьте себе, какое удручающее впечатление произвел этот отказ на учеников, которые ждали отправления в Россию, как манны небесной, иной ждал год, иной два года.

Ответ пришел так поздно, что хлопотать вновь было уже невозможно, и князь решил послать их на свой счет. Вопрос только в том, кто будет выдавать им стипендии, к кому в случае какой надобности они будут обращаться и под чьим нравственным влиянием будут поставлены.

Выбор остановился на Вас, многоуважаемый Владимир Иванович, так как, после Гильфердинга и Аксакова, Вы единственный человек, который всю свою жизнь работает и живет для славянства. Мысль эта с радостью принята князем Николаем, так как он лично знаком с Вами, а также знаком с Вашою деятельностью на пользу славянства. Чтобы придать этому делу совершенно частный характер, поручено обратиться к Вам с просьбою мне, частному человеку, лично знакомому с Вами.¹

Просьба эта состоит в следующем.

Отправляются на счет Черногории в Россию 7 учеников: 2 черногорца, у одного из которых родители находятся в Драче; 1 воеводянин, отец которого уже давно служит в Черногории; 2 герцеговинца из Мостара, оба подлежащие там воинской повинности, и 2 далматинца, между которыми один — племянник Метличича, известного редактора „Драшкова Рабоша“.

Отправляя их, им на руки дают только сумму, необходимую для путевых издержек; а затем они должны будут получать от Вас по 35 рублей в месяц, и сверх того одновременно по 60 рублей на обмундирование каждому и 150 рублей на всех для взноса платы за учебу. По этому расчету и на содержание их за три месяца министр-резидент переводит на Ваше имя 1500 гульденов.

Подобным же образом будут переводиться на Ваше имя и впредь господином Аргиропуло.

Ежемесячная выдача содержания даст Вам возможность лично знакомиться с их положением; а в то же время их начальства, без сомнения, будут охотно сообщать Вам об их успехах и поведении в заведении.

Конечно, для Вас это составит труд и при других Ваших занятиях очень большой, но могу Вас уверить, что посылаемые все — юноши, зрело смотрящие на свое положение и искренно стремящиеся к образованию специально в России, и потому заслуживают внимания и сами будут стараться обо всем. Больше всего будет хлопот при определении их в самом начале, потому что поступают они в различные заведения, и каждого из них нужно научить и направить; а в ином случае, может быть, потребуются и Ваше ходатайство. Поэтому и обращаемся к Вам с покорнейшею просьбою: будьте добры, не оставьте Ваших помощью этих юношей, особенно при первом вступлении их на совершенно новую почву и в новую сферу. Мне кажется, что задача России помогать этому стремлению славян искать образования у нас, а не гоняться за ним.

по Австрии, Франции, Италии и т. д., где они не только проникаются духом противным России, но и вообще пручаются смотреть на свой народ свысока и относиться к своему отечеству слишком материалистически эгоистично. Этого нет в воспитанниках России, воротившихся домой и действующих в Черногории. Между ними одного знаете и Вы: это Бакич, с честью заступающий Черногорию в Цареграде. При этом я прилагаю список отправляемых под Ваше покровительство учеников с отметкою, кто куда желает поступить, и с коротенькими замечаниями относительно характера каждого.

В надежде, что Вы не откажетесь оказать помощь стране, князь которой со всем своим народом не только бесконечно любят Россию и ждут от нее всех благ, но и благогозеют перед ее царем, называя в то же время его и своим православным царем,

с глубочайшим уваженьем остаюсь Вашим покорным слугою

П. Ровинский.

Р. S. Делая Вам такое порученье и не спрося предварительно Вашего согласия, я должен сделать поправку в том, что от Вас главным образом просят только содействия, которое не могло бы быть для Вас бременем, предоставляя по Вашему усмотрению передать исполнение всего этого кому-либо из Славянского общества или какому-либо другому лицу. Относительно распределения денег, кроме отправленной неизменяемой цифры по 35 руб. в месяц каждому, если бы потребовалось несколько больше внести за право ученья, Вы можете распоряжаться по Вашему усмотрению.

Письмо это я вручаю для передачи Вам одному из отправляемых учеников, Радовану Вукотичу.

Ф. 35, оп. 1, № 1221.

¹ П. А. Ровинский, этнограф и путешественник, был корреспондентом в оккупированной Боснии. В 1879 г. австрийские власти выслали его, и с тех пор он жил в Черногории. С 1886 г. он был драгоманом русской миссии в Цетинье. Результатом многолетнего изучения страны явился капитальный труд Ровинского „Черногория в ее прошлом и настоящем (география, история, этнография, археология, государственная жизнь)“, печатавшийся II Отделением Академии Наук. Вышло 7 книг (1883—1915).

60

П. А. Ровинский — В. И. Ламанскому

23 августа (4 сентября) 1887. Цетинье

Цетинье, 23 августа 1887.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

На днях я писал Вам по порученью, а теперь берусь за перо по собственному побуждению — потолковать об делах, которые — я знаю — интересуют и Вас не меньше, а может быть и больше, чем меня. Я разумею дела сербские, с которыми мне лично привелось впервые столкнуться почти 20 лет назад.

До недавнего времени эти дела представляли собою зияющую рану; а теперь эта рана закрывается, но не скажу, чтобы врачеванье ее было рационально.

Следя за этими делами издали, видишь в поступках ставшего у кормила Сербии Ристича одну сдержанность, осмотрительность, осторожность; а внутри страны постепенное охлаждение пылавших страстей, умиренье и затишье, которое нарушается только неистовым лаем напредняков.

Но в самом ли деле так? Сдержанность, с какою Ристич относится ко всему прежнему режиму, происходит ли из осторожности, или из другого какого-либо побуждения? Об этом у нас, кажется, не думают и представляют себе дела в гораздо лучшем свете, в таком именно, в каком нам самим приятно; они смотрят в розовые очки; а посмотрите просто и увидите совсем другое.

Король попрежнему находится в объятиях Австрии и между ним и Россией лежит пропасть, которая никогда не закроется. Амнистия дана только простакам, которые принуждены были бежать от физического насилия полиции и жандармов, из которых в Сербии создали янычаров. Из людей дела и идеи не воротился никто, и Ристич живет и действует с элементами, которые мирились со старым режимом и помиряются со всяким. Он сносился с эмигрантами единственно для того, чтобы достигнуть своей заветной мысли — опять сесть у кормила; а теперь они ему не только не нужны, но даже противны, потому что они будут жениться одним своим присутствием, не говоря об том, что они считают себя и в праве требовать от него исполнения таких условий, без которых немыслимо удовлетворенье народных целей и стремлений. Ристич, могу Вас уверить, с королем совершенно сошелся; а те люди, да и весь сербский народ его не могут и не должны терпеть. Будьте уверены, что не только в гекатомбах, принесенных в жертву этому молоху явно, но и в числе тех 60 убитых жандармами тайно и с целями грабежа, король принимал участие вместе со своим премьером. И от этого никогда не очистится Сербия, пока ею управляет Милан. Признавши Ристича, он поставил неперемным условием, чтобы министром внутренних дел был Радивой Милойкович, кстати близкий родственник Ристича (женаты на родных сестрах); но для того именно, чтобы следить за Ристичем. Это человек не глупый, но узкий, бесхарактерный и без всяких принципов. Это дубина, которая всегда готова бить направо и налево, не разбирая своих или чужих, только бы приказали. Ристич все это знает и понимает, и ему это приятно; он любит таких людей, потому что не терпит людей убеждения и независимого характера, перед которыми он значительно бы ступшеывался. Ристич никогда не поступил бы так, как поступал Гарашанин; но не потому, чтобы это было ему противно, а просто у него ни на что решительное и резкое не хватает духу; а теперь ему приятна почва, подготовленная его предшественником: он любит пользоваться готовым. Радикальных изменений ни во внутренней, ни во внешней политике он не произведет; но будет мудровать и мистифицировать целый свет и потом, пошутивши вдоволь, отступится, как то всегда бывало. Никогда еще этот человек ни против чего не боролся до края, никогда ничего не создал; а всегда являлся на готовое, а между тем сделался великим человеком. Он правил на престоле династии Обреновичей в 1858 г.; он прогнал турок из Града в 1860 и в 61 г.; он спас Сербию по смерти Константина Михалка; он, наконец, расширил границы Сербии и, главное, защитил ее против России. [...]

Ф. 35, оп. 1, № 1251.

И. В. Ягич — Б. М. Ляпунову

15 (27) ноября 1887. Вена

27 ноября 1887.

Вы очень обрадовали меня, дорогой друг, письмом, которому я уже и не надеялся. Я думал, что и Вы так же, как Григорьев, махнули уже рукою на бывшего учителя, изменившего будто бы России и славянству. Ведь у нас, в России, есть такие фанатики, которые думают, что „славянином“ можно быть только в России, я же могу уверить Вас, что славянская наука в данную минуту развивает более кипучую деятельность в венском, чем в каком-либо другом университете, несмотря на ограниченность литературных средств и не очень высокое качество „материала“, т. е. студентов. Приведу Вам доказательства: я читаю славянские древности (так не читал их еще никто, кроме разве Первольфа в Варшаве) и сербский язык, Лецевский читает польский язык, Штрекель (словинец) читает славянскую этнографию и словенскую народную поэзию. В семинарии читают студенты: а) отдельные статьи по славянским древностям (их рефераты), б) нынешнюю сербскую народную поэзию, в) памятники кирилловские и глаголические древнесербского и древнехорватского языка, г) упражняются под руководством Лецевского в польском и д) под руководством Пастернака в чешском языке. При одном профессоре где Вы найдете столько занятий? Можете по этому судить, сколько можно бы сделать в одном из русских университетов, где все прочие обстоятельства гораздо более благоприятны, недостает только „разума“ в сферах ведомства народного просвещения!

Я очень рад, что Вы попали в Москву. Дружба с такими представителями науки, как Фортунатов, Корш, Тихонравов, и такими будущими „светилами“, как Шахматов и др. — должна быть для Вас неоценима. Я дорожу ей и не скрываю, что Москва на весах моего сочувствия к России почти уже теперь перетянула. Только А. Н. Веселовский оспаривает еще в моем сердце Москве первенство перед Петербургом.

Что касается Ваших вопросов, я должен высказать полнейшее согласие с Вашими доводами насчет „млѣка“. Не знаю, обратили ли Вы внимание Филиппа Федоровича* на род слова — у нас слово среднего рода, в готском языке — женского. Да как и объяснить млѣко (= *melko) из готского miluks? Кроме того, ведь у нас есть еще и млѣзиво (= *мелзиво, молозиво), тоже среднего рода. Неужели славяне знали молозиво (особый род молока), а молока не знали?

И относительно новгородской летописи мне кажется, что Ал. Ал. Шахматов увлекается. Охотно соглашаюсь с ним в том, что нужно обратить внимание на участие различных лиц в составе летописи, но отсутствие признаков новгородских в 3 части по моему еще не доказывает, что продолжавший эту часть рукописи не был новгородец. Скажем ли, что и Григорий, писец второго Евангелия, не был оттуду? Отсутствие признаков по моему не доказывает ничего. Впрочем все эти вопросы пока еще слишком мало исследованы. Ведь помимо грамматики должно быть еще и обороты, любимые слова и т. д., по которым надо будет со временем узнавать происхождение писателя или писца. Тут только *viribus unitis* многих можно надеяться дойти до результатов.

* Фортунатова.

Вопрос о происхождении малорусского наречия один из самых трудных, нежных, даже щекотливых. Едва ли Соболевский хорошо поступает, касаясь этого вопроса с обыкновенною своею бесцеремонностью. У него — предвзятые мысли. Он хочет, желает, чтобы в старом Киеве не было — хохлов! В виду таких увлечений надо быть очень осторожным в выводах. Конечно — нынешних малороссов не было в Киеве X—XII веков; но отсюда еще не следует, чтобы народонаселение старого Киева было ближе родственнее нынешним велико-, чем малороссам. Мне и тут сдается, что более внимательное изучение летописей, в особенности древнейшей (первоначальной), откроет много малорусских улик.

Скажу еще словечко о Вашем труде¹ — Вы слишком медлите, нет ничего совершенного „sub sole“, имейте это в виду. Поторопитесь привести дело к концу, чтобы доброжелатели Ваши имели основание поддерживать Вас по Вашим заслугам.

Кланяйтесь у Фортунатова, Корша — передайте Шахматову и мои поклоны и по случаю напишите опять несколько слов.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 752, оп. 2, № 361.

¹ Б. М. Ляпунов работал над языком новгородской летописи (см. прим. 8 к докум. 63).

62

Фр. Рачки — В. И. Ламанскому

10 (22) января 1888. Загреб

Загреб, 22/1 1888.

Глубокоуважаемый друг.

Простите, что Вам так поздно отвечаю на Ваше дружелюбное письмо прошлой осени. С одной стороны, я был занят очень многими работами, с другой стороны, я хотел по возможности исполнить Ваше желание в отношении до хорватских периодических изданий. А этот труд не так легкий, хотя их число нет велики.

В приложении я Вам посылаю список этих изданий. В одно время посылаю с почтом список хорватских книг академической книжной лавки. Там я прознаменовал карандашом лучшие хорватские повести и рассказы, которые бы могли переводиться на русский язык. Но в списке нет новейших от Gialškoga (Babić), Mažuranića, Vojnićića и пр., которые суть напечатаны в беллетрист. журналу „Vienicu“, потом в изданиях Хорватской Матицы. Есть ли Вам приятно, можно Вам послать и эти сочинения.

Благодарю Вам искреннейше на ходатайство, что на Ваше предложение совет С. Петерб. университета меня выбрал в почетного члена. Вдруг прошу Вас извинять меня, что я не присылал своей фотографии, это будет скоро.

Ваша „Известия“¹ получаю поздно и неправильно; едва имею октябр. тетрадь.

Прошу Вас, чтобы назначили томы академ. изданий, которые имеете. Я заботюсь за их дополнение.

„Acta Bulgariae ecclesiastica“² уже напечатана; касаются по большей части действий францисканов в Болгарии; но суть довольно важная и для топографии страны и для истории богомилов.

На редакцию „Известий“ послана брошюра „Zu den Landtagswahlen in Hrvatien“.

Ныне довольно. Примите уверение в моем глубоком уважении.

Фр. Рачки.

Ф. 35, оп 1, № 1205.

¹ Журнал „Известия Петербургского славянского благотворительного общества“, выходящий в 1883—1888 гг.; книги с 1 сентября 1887 г. по декабрь 1888 г. вышли под ред. В. И. Ламанского.

² Т. XVII из серии „Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium“ (Загреб, 1887).

63

С. О. Гурбан-Ваянский — В. И. Ламанскому

15 (27) апреля 1888. Турчанский св. Мартин

Турч. Св. Мартин 27/4 88.

Ваше превосходительство!

Начну печатать роман в двух частях „Na rozhani“ (На рубеже), и прошу Вас позволить мне, чтобы смел Вам посветить (dediciren) это мое самое объемное сочинение. На второй странице:

Vladimiru Jvanovičovi Lamanskému
so synovskou láskou
Posväcuje
Svetozar Hurban Vajanský

Обещаю, что оно сраму Вашему имени не сделает. Прошу Вас о ваше согласие! Напишите или скажите брату моему, позволяете ли Вы? Прошу это сделать в коротком времени, чтоб мог печатать.

Книгопродавец Геруц (Невский, 88) просил меня о короткий автограф в Альбум автографов славянских поэтов, которой он хочет поднести Майкову в день его юбилея 50-летнего поэтической деятельности. Прошу Вас, согласен ли Вы с этим? Прошу Вас мне дать совет. Времени не хватает. Если Вы это не узнаете пригодным — мой брат Богуслав может сделать, чтобы мой автограф не был. Это от Вас зависит.

Еще раз Вас очень, очень искренне прошу: дайте ответ, откликнитесь моей сердечной просьбе! именно что касается дедикации моего романа!

Ваш слуга и почитатель

Светозар Гурбан Ваянский.

Ф. 35, оп. 1, № 224.

И. Штроссмайер — В. И. Ламанскому

19 (31) августа 1888. Дьяково

Veleučni Gospodine.

Prije dva mjeseca bio sam slobodan upraviti na Vašu veleučenost list, u kom sam molio, da kod slavnoga dobrotjelateljnoga St. peterburzkoga obćestva uznastojati izvolite, ter slavno obćestvo medicinaru Hrvatu Pavlu Bartolović-Štajduharu — mladiću u svakom pogledu valjanu — jedan od objavljenih štipendija podjeliti blagoizvoli.

Ja neznam, da li slavno „Dobrotvoriteljno St. peterburzko obćestvo“ slične štipendije podjeljuje ili postoji za to drugo koje družtvo: i u obće hoćeli moj preporučeni kakov štipendij dobiti moći: — s toga dakle razloga, i jer se početak školske godine primiće, čast mi je zamoliti Veleučenost Vašu, da me udostojite obavjestiti o rezultatu moje preporuke odnosno molbe Pavla Bartolović-Štajduhara.

Ako predmetnoga štipendija nepodjeljuje slavno „dobrotvoritelno st. peterburzko slavjansko obćestvo“, nego da podjeljuje Komisija azijskoga odjela pri ministarstvu (zunanjih posiov) vanjskih djela, onda bi ste me u velike obvezali, kada bi moga klienta prehvaljenoj Komisiji preporučili, dotično njegovu molbu za dokazalima, koja se pri Vama nalazi, toj Komisiji predali.

Ja se svakako nadam, da će se ruska braća naša osvrnuti na molbu siromašnoga brata Hrvata, a to iz onih razloga, koje sam bio slobodan napomenuti u zapnjem mom listu upravljenom na Vaše gospodstvo.

Ozvinite me, što se ponovno u ovoj stvari na Vas obraćam. Sa odličnim poštovanjem Veleučenosti Vaše. Vaš ponižni službenik

U Djakovu 31/19 avgusta 1888

Strossmajer biskup*

Ф. 35, оп. 1, № 1717.

Перевод

Высокоученый господин!

Два месяца тому назад осмелился я отправить письмо Вашей высокоучености, в котором просил Вас ходатайствовать пред С.-Петербургским благотворительным обществом,¹ чтобы оно соблаговолило выделить одну из объявленных стипендий — студенту-медику, хорвату Павлу Бартоловичу-Штайдугару, юноше во всех отношениях достойному.

Я не знаю, выдает ли подобные стипендии С.-Петербургское благотворительное общество или существует для этого какое-нибудь другое общество, и вообще сможет ли рекомендуемый мной юноша получить какую-нибудь стипендию; — из этих соображений и потому еще, что приближается начало учебного года, честь имею просить Вас, удостойте меня известить о результатах моего ходатайства относительно заявления Павла Бартоловича-Штайдугара.

Если С.-Петербургское благотворительное общество не выдает таких стипендий, пусть ее выдаст Комиссия Азиатского отдела при

* Подпись собственноручная; текст письма написан не его рукой.

Министерстве иностранных дел, и Вы меня очень бы обязали, если бы рекомендовали моего клиента указанной комиссии и при этом передали его заявление с документами, которые у Вас находятся, этой комиссии.

Во всяком случае я надеюсь, что наши русские братья снизойдут к просьбе бедного брата хорвата, и именно из тех соображений, которые я осмелился привести в моем прошлом письме, направленном Вашему превосходительству.

Простите, что я снова обращаюсь в Вам с этим делом.

С глубоким почтением Ваш покорный слуга

Штроссмайер, епископ.

Дьяково, 31(19) августа 1888.

¹ И. Штроссмайер был по предложению В. И. Ламанского избран почетным членом Петербургского славянского благотворительного общества по случаю 300-летнего юбилея дубровницкого поэта Гундулича (см. Изв. Петербургского славянского благотворительного общества, 1888, т. I).

65

И. В. Ягич — В. И. Ламанскому

10 (22) ноября 1888. Вена

Понедельник, 22 ноября 1888.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Пользуюсь удобным случаем поездки г. полковника Зуева в Петербург, чтобы доставить Вам приложенное письмо Рачкого, из которого Вы увидите, что он не совсем доволен Вашим молчанием. Я нахожу, что он несколько раздражен скверным положением страны. Едва ли он прав, думая, что признание каких-нибудь тысячи рублей Югославянской академии (из „Котляревского“) не повредило бы ей.¹ Напротив, я замечаю настоящее остервенение немцев и мадьяр против славян, которое легло бы тяжело на академию после такой демонстрации, главным образом потому, что накинулись бы на нее не мадьяры, а свои люди. Вообще, Рачкий неправ, упрекая Россию в бездеятельности там, где все зло происходит от бесхарактерности, продажности домашних людей. Вы видите, что творится в Сербии! Чтобы отвести глаза от вопросов внешних, заварили им кашу дома. Тут уже либералы и радикалы повидимому забыли о своей королеве, забыли о Боснии и Герцеговине, вместо этой страны помышляют о Македонии и т. д. Впрочем, это не по моей части. Я бы пришел в отчаяние от нашего нынешнего положения, если бы я не имел счастья оставаться в близких духовных сношениях с Россией. Эта связь поддерживает меня, внушает мне уверенность в будущность славянства под знаменем русским. Сколько западных славян сумеет примкнуть к этому знамени, этого не знаю я, не знает в данную минуту² никто.

Приехав благополучно в Вену,² я вскоре начал читать лекции, они поглощают все мое время. Больше месяца страдаю болезнью горла, мешающей мне много говорить: не знаю, что из этого выйдет. После германского императора все боится горловых болезней, как и я. Моя переписка с Питером остановилась на том, что Веселовский был присяжным в суде. Должно быть, он уже давно освободился от этой обязан-

ности, но давно что-то не пишет. После трех недель живых и веселых в среде друзей я теперь проживаю месяцы молчания. Даст бог, опять увидимся, опять побеседуем.

У Вас все ли здорово? Это скажет мне полковник. Желая Вам и всем Вашим всегда всего лучшего.

Что Петров? если получит командировку, пусть напишет мне заблаговременно.³

Ваш глубоко уважающий Вас
друг и товарищ И. В. Ягич.

Ф. 35, 'оп. 1, № 1615

¹ Первое присуждение премии им. А. А. Котляревского состоялось в 1889 г.; премию получила Франц Бартош.

² Ягич приезжал в Петербург в сентябре — октябре 1888 г.

³ А. Л. Петров получил заграничную командировку в 1889 г. для занятий чешской и венгерской историей.

66

Ф. Пастернек — В. Н. Щепкину

4 (16) апреля 1890. Вена

Стěný příteli!

Tak známá zdála se mi býti tá ruka, již jsem na adrese spatřil: přece neuhodl jsem, kdo tak laskavě na mne pamatuje, až mile překvapen na druhém listě čtu jméno Vaše, ctěný příteli.

Přijměte prosím mé srdečné díky za vzácné obohacení mé knihovny. Text zesnulým A. N. Popovem k tisku připravený a Vámi nyní se záslužnou předmlouvou vydaný má nemalou vážnost a rozšiřuje opět zajímavým způsobem naše vědomosti o staroslovenské literatuře. Abych malý doklad uvedl, myslím že dva kusy, vyňaté z dialogů sv. Rehoře, na str. 146. Vašeho vydání citované, jsou nejstarším rukopisným dokladem překladu „Двоє слова“, aspoň neznám dosud starších rukopisů toho obsahu než XV (Šaf.), z XV—XVI stol. (Vid., Troice-Serg.), XIV—XI (Tols.).

S potěšením také poznal jsem z oznámení Jagičova v Archivě XII. 982, že se horlivě zúčastňujete ve vydávání bulharského slovníku Duvernois. Práce ta zajisté již jest odbyta, neboť schází mi jen svazek desátý s doplňkami: ostatních devět již máme několik měsíců v rukou. Také tato práce Vaše jest pro slov. filologii nemálo záslužná. Já slovník ten často mívám v ruce, neboť budu v nástavajícím běhu letním čísti o mluvnické bulharské.

Pište mi prosím něco o tom Vašem čilém životě Moskevském abych aspoň ve vzpomínkách několik okamžiků tam u Vás prodlíti mohl. O našich poměrech Vám bych málo nového vyložil, neboť my lím, že s prof. Jagičem a snad i s dr. Murkem jste ve spojení.

Opětuji své srdečné a upřimné díky a zůstávám.

Váš oddaný přítel

Fr. Pastrnek.

Ve Vidni dne 16. dubna 1890.

Ф. 251, оп. 1, № 55.

Перевод

Уважаемый друг!

Столь знакомым показался мне почерк, который увидал я на адресе: и все-таки я не мог догадаться, кто так дружески обо мне вспомнил, пока на втором листочке не прочел с приятным изумлением Вашего имени, уважаемый друг.

Примите, пожалуйста, мою сердечную благодарность за драгоценное обогащение моей библиотеки. Текст, подготовленный к печати покойным А. Н. Поповым и сейчас с соответствующим предисловием Вами изданный,¹ имеет немаловажное значение и опять расширяет интересным образом наши знания по старославянской литературе. В порядке дополнения я думаю, что два отрывка, извлеченные из диалогов св. Григория, приведенные на стр. 146 Вашего издания, являются древнейшим рукописным образцом перевода „Двоеслова“,² по крайней мере я не знаю до сих пор рукописей такого содержания ранее XV в. (Шаф.), XV—XVI в. (Вид., Трицико-Серг.), XIV—XI (Толс.).

С удовлетворением узнал из заметки Ягича в Архиве XII. 982, что Вы с усердием участвуете в издании болгарского словаря Дювернуа. Работа эта уже очевидно окончена, потому что у меня нет только десятого выпуска с дополнениями: остальные девять мы уже несколько месяцев как имеем. И эта Ваша работа не менее важна для славянской филологии. Этот словарь часто бывает в моих руках, так как в будущем учебном году я буду читать болгарскую грамматику.

Пишите мне, пожалуйста, о Вашей деятельной московской жизни, чтобы я мог хотя бы мысленно там у Вас побывать несколько мгновений. О наших делах я едва ли могу сообщить Вам что-нибудь новое, думаю, что Вы находитесь в общении с проф. Ягичем, а может быть и с д-ром Мурко.

Повторяю свою сердечную и искреннюю благодарность и остаюсь преданный Ваш друг

Фр. Пастрнек.

Вена 16 апреля 1890

¹ Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым, б. секретарем Общества истории и древностей российских при Московском университете, вып. XX, издал по поручению Общества Вячеслав Щепкии. М., 1890.

² „Двоеслов Григория“ — диалог папы Григория I Великого, латинская рукопись конца XI в.

В. Облак — И. А. Бодуэну де Куртене

5 (17) июня 1890. Целье

V Celju . 17.6.90.

Velečenjeni gospod profesor!

Vaše cenj. pismo dobil sem zadnje dni svojega bivanja na Dunaji. Delal sem živinsko, da grem prej domu. Upam, da ostanem zdej nekaj časa tukaj, toda pozneje odidem v različne kraje. Prosim Vas, da mi blagovolite nazna-

niti kedaj se vozite skoz Celje, da Vas prižakujem. Ako sami potujete, gotovo lahko izstopite, kopel v naši Savinji bo gotovo tudi Vam dobrodela in ogledali si bodete malo naše mestece in okolico. Če pa Vam ne bo mogoče saj za nekaj ur izstopiti, bom se pa par stacij vozil z Vami. Jako vesel sem bil Vašega poročila, da bodete prišli zopet v naše kraje. Vi ste bili prvi, kateri se ste ubogega gimnazijčka usmilili in ga pri njegovem sprostostu slavistiki ljubeznjivo podpirali. Če sem pozneje dobil tudi v vsakem obzru izvrstnega učitelje, da si boljšeg želeli ne morem, ipak ne pozabim prvega dobrotnika. Zato mi bo posebno drago, če se morem z Vami sniditi. Sicer mislim tudi jaz u septem. odpotovati v Gorico k Škrabcu (v samostan francišk. na Kostejevici) in morda bodete se tudi Vi tam dalje čase mudili. To bi bilo za mene prav ugodno in tudi Škrabec bi bil prav.* Morda še ne veste, da je naš blagi Dav. Trstenjak 2 febr. l. l. umrl: njegov značaj je moral vsakdo, kdo ga je poznal, spoštovati, zdaj so redki med nami taki možje.—Kako pa napreduje tisek vaših sloven. tekstov? Imate morda o kakem beneškem (toda ne St. Peterskem) narečji podatke (biležke) v dveh eksemplarih (prepiseh)? Jaz bi jednom svojih del in rasprav silno potreboval dialiktične podatke o beneških narečjih, pa jih ne morem dobiti razven za St. Peterski. V tem slučaju bi Vas prosil prilika bi bila samo ugodna, ne bilo bi ji i treba pošiljati. Prosim tedaj, da mi izvolite prej naznaniti svoj prihod.

S prijaznim pozdravom priporuče se Vam
Vaš V. Oblak.

Ф. 102, оп. 1 № 226.

Перевод

Целье. 17. 6. 90.

Многоуважаемый господин профессор!

Ваше письмо получил я в последние дни моего пребывания в Вене. Я поступил по-свински, так как торопился домой. Думаю, что останусь здесь некоторое время и позднее уеду в разные края. Прошу Вас, сообразовалите сообщить мне, когда Вы будете проезжать через Целье, я Вас подожду. Если Вы путешествуете один, то Вам легко будет выйти, купанье в нашей Савинье подействует на Вас благотворно, посмотрите немного наш городок и окрестности. Если Вам нельзя будет пробыть здесь несколько часов, я проеду с Вами несколько станций. Как я обрадовался Вашему сообщению, что Вы опять приедете в наши края. Вы ведь были первым, кто ободрил бедного гимназистика и любовно поддержал его в его стремлении к славистике. Хотя я позднее получил выдающегося во всех отношениях учителя, так что лучшего и желать не могу, однако я не забываю своего первого благодетеля. Поэтому мне особенно дорого, что я могу с Вами увидеться. Я думаю в сентябре съездить в Горицу к Шкрабцу (в францисканский монастырь в Костевце), может быть и Вы там дольше задержитесь. Это было бы мне очень приятно, и Шкрабец был бы очень доволен.* Вы может быть еще не знаете, что наш добрый Давид Трстеняк скончался 2 февраля с. г.; его значение мог оценить каждый, кто его узнал, такие люди редко у нас встречаются. Как подвигается печатание Ваших словенских текстов?¹ Нет ли у Вас заметки о каком-нибудь бенешском (только не Св. Петерском) наречии в двух экземплярах (копиях)? Мне очень

* Одно слово не разобрано.

нужны для моих работ и исследований диалектологические данные по бенешским наречиям, но я не могу их достать, кроме наречия Св. Петерского. Поэтому и прошу Вас. И случай такой удобный, не надо было бы ее высылать. Итак, прошу известить меня о своем приезде.

С дружеским приветом остаюсь
Ваш Облак.

¹ Имеются в виду „Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. Резавские тексты.“ (СПб., 1895).

В. Облак — В. Н. Щепкину

15 (28) августа 1890. Целье

Cilli, 23. VIII. 890.

Sehr geehrter Herr!

Für die freundliche Übersendung der russ. Ausgabe der Leskienschen Gram. sowie für Ihr liebenswürdiges Schreiben herzlichen Dank. Hoffentlich wird das Buch trotz Miklos. III. im russ. Gewande in Russland treffliche Dienste leisten, es representiert ja das Asl. in seiner reinsten Gestalt. Ich habe sogleich nach dem Erscheinen Ihrer Übersetzung — ich erhielt das Buch vom Prof. Jagić — eine kleine Anzeige fürs 2. Heft des Archiv geschrieben, eine freundschaftliche Auseinandersetzung mit Sahmatov. Ich ging dabei nur auf den Anhang, d. h. auf die Analyse der Sprache der Ostromir ein und opponierte der dort ausgesprochenen Ansicht, als ob die südslav. Vorlage des Cod. Ostrom. den ersten Platz unter allen asl. Denkmälern einnehmen würde. Mir scheint es, dass ein Evang. Assem. od. Cod. Marianus dem ältesten Typus des asl. Evangeliumtexte näher steht, besonders was die Redaction (Lesearten) anbelangt. Ich will durchaus nicht sagen, dass meine Ansicht, die ja gar nicht neu ist, richtig wäre, ich hielt es nur für angezeigt einen anderen Standpunkt geltend zu machen. Natürlich musste ich anerkennen, dass die Arbeit Sahmat. in vielen Punkten über die Leistung Kozlovskij's, die gerade in der Scheidung der speziell russ. vom asl. am allernächsten ist, hinausgeht. Da ich schon anfangs Juni Wien verlassen habe, so wusste ich noch gar nichts von der Anzeige Brandts. Brandt ist nicht gerade der liebenswürdigste Recensent, aber vom Hinterwälderton Sobolevskij's hält er sich doch frei. Ich bin wirklich gespannt auf seine Anzeige und warte kaum, dass ich sie in Wien zu Gesicht bekomme.

Ich hoffe übrigens in einem Jahre Ihre werthe Bekanntschaft zu machen, falls ich wirklich nach Russland gehe, was zum Theil auch von meiner fortwährenden Kränklichkeit abhängig ist. Nur weiss ich noch nicht, ob mein Besuch SPbg. oder Moskau gelten wird, es hängt das davon ab, welche philol. Frage und Handschriften ich dort studieren werde. Murko erzählte mir oft, dass es unter den jüngeren Slavisten Moskaus ein viel regeres und angenehmeres wissenschaftliches Leben gebe als in SPbg. und es zieht mich deshalb auch mehr dahin. Jagić lobt mir immer seine russ. Studenten als Musterexemplare grossen Fleisses und kanzelt uns wegen unserer grossen Leistungen in der Faulheit und im Kaffeehaus tüchtig ab. Ich muss schon leider beipflichten. Vor mehr als einem Jahre theilte er mir mit, dass wahrscheinlich Sahmat. auf einer Studienreise nach Wien kommen werde.

Ich kann gar nicht sagen, wie ich mich darauf kindisch freute, ich fragte immer und immer „wann kommt denn Schachmat.“? aber vergeblich.

Wann wird denn Krizanič's Werk herausgegeben und hält man noch an dem Plane eines altruss. Wörterbuches fest? Ich hörte auch von einer Herausgabe oder sprachlicher Analyse der Novgorod. Chronik, an der Ljapunov arbeiten sollte, aber es scheint das Unternehmen ins Stocken geraten zu sein. Wird Sahmat. schon in nächstem Semester Vorlesungen halten? Auch Murko wird sich in diesem Semester habilitieren, so dass die Slovenen in der Slavistik an der Wiener Universität durch zwei Dozenten vertreten sein werden. Leider sind wir Slovenen alle arme Teufel und das engt uns überall ein. Bald hätte ich vergessen mich zu erkundigen, ob Brandt den in Moskau befindlichen Paremejnik bald herausgeben wird. Es wäre doch schon an der Zeit, dass man endlich dies für die kirchenslav. Geschichte der Bücher des alten Testaments so wichtige Denkmal publiciert. Wahrscheinlich wird es dabei auf das Verhältniss dieser Übersetzung zu den in anderen Handschriften erhaltenen Texten des alten Testaments eingehen, es fehlt ja nicht daran in den Moskauer Bibliotheken. Aus dem slav. Seminar in Wien wird mit der Zeit eine vollkommene Herausgabe des Bologner Psalt. mit Besprechung aller sich dabei ergebender philolog. Fragen hervorgehen, doch muss der Text zuerst genau mit den Pogodin-schen verglichen werden.

Zudem ich Ihnen für die schöne Gabe nochmals meinen verbindlichsten Dank sage und bei Ihrer wissenschaftlichen Thätigkeit fortwährende Gesundheit und besten Erfolg wünsche

verbleibe Ihr

Stud. phil. V. Oblak.

Ф. 254, оп. 1, № 53.

Перевод

Цяли, 28. VIII. 890.

Глубокоуважаемый господин!

Сердечно благодарю за дружескую пересылку русского издания грамматики Лескина,¹ а также за Ваше любезное письмо. Надо надеяться, что эта книга, несмотря на русский перевод Миклошича III,² сослужит большую пользу в России. Она представляет древнеславянский язык в чистейшем состоянии. Тотчас после выхода Вашего перевода — книгу я получил от проф. Ягича, — я написал небольшую заметку для 2 выпуска Архива,³ дружеская полемика с Шахматовым. Я касался притом только прибавления, т. е. анализа языка Остромирова евангелия, и возражал высказанному там мнению, что южнославянский извод Остромирова евангелия должен занять первое место среди других древнеславянских памятников.

Мне кажется, что Ассеманово евангелие или Мариинский кодекс больше приближаются к старейшему образцу древнеславянского текста, особенно, что касается редакции (разночтений). Я не хочу этим сказать, что мое мнение, которое вовсе не является новым, было бы бесспорно, но я хотел бы показать и значение другой точки зрения. Конечно, я должен признать, что работа Шахматова во многих отношениях превосходит исследование Козловского,⁴ являясь непосредственным исследованием отличия чисто русского от древне-славянского. В начале июня покинув Вену, я ничего не знал о статье Брандта.⁵ Брандт вовсе не слишком любезный рецензент, но он свободен от резкостей Соболевского.

Я действительно нетерпеливо жду его статьи и едва могу дождаться, пока увижу ее в Вене.

Между прочим, я надеюсь в течение года иметь честь познакомиться с Вами, если мне удастся поехать в Россию, что в известной степени зависит от моего непрерывного нездоровья. Еще не знаю, будет ли мое посещение связано с Петербургом или Москвой, это зависит — над какими вопросами филологии и рукописями я буду там работать. Мурко часто рассказывал мне, что у молодых московских славистов научная жизнь более оживлена и привлекательна, чем в Петербурге, и поэтому меня влечет больше туда. Ягич всегда хвалит мне своих русских студентов как образцы большого прилежания и основательно поучает нас за большие исследования в области лени и в кофейнях. К сожалению, я должен с этим согласиться. Больше года тому назад он сообщил мне, что вероятно Шахматов во время своей научной поездки придет в Вену. Не могу сказать, как я этому чисто по-детски радовался. Я все время спрашивал: „когда придет Шахматов?“, но напрасно.

Когда же будет издан сочинения Крижанича,⁶ и существует ли еще план издания древнерусского словаря?⁷ Слышал также об издании Новгородской летописи или об ее языковом анализе, над которым должен был работать Ляпунов, но, кажется, это начинание остановилось.⁸ Будет ли Шахматов в следующем семестре читать лекции? В этом семестре Мурко будет защищать диссертацию, так что словенцы будут представлены в Венском университете по славистике двумя доцентами. К сожалению, мы все словенцы — бедняки, и это нас сильно стесняет. Чуть не забыл спросить, скоро ли Брандт издаст находящийся в Москве Паремейник.⁹ Уже было бы пора опубликовать, наконец, такие ценные документы по церковно-славянской истории книг ветхого завета. Вероятно, он при этом будет разбирать отношения этого перевода к текстам старого завета, содержащимся в других рукописях, которых достаточно в московских библиотеках. Со временем славянский семинар в Вене выпустит полное издание Болонской псалтири с объяснением всех относящихся к этому филологических вопросов, но сначала нужно точно сличить текст с Погодинской.¹⁰

Еще раз приношу Вам мою глубокую благодарность за прекрасный подарок и желаю в Вашей научной деятельности хороших достижений и прекрасного здоровья.

Остаюсь Ваш студент филологии В. Облак.

¹ Грамматика старославянского языка А. Лескина. Пер. с немецкого с дополнением по языку Остромирова евангелия А. А. Шахматова и В. Н. Щепкина. М., 1890.

² Ф. Миклошич. Сравнительная морфология славянских языков. Перевод Н. Шлякова, под ред. Р. Брандта. Вып. 1—3. М., 1833—1886.

³ Рецензия Облака в „Archiv f. slav. Philologie“ (XIII, 1891).

⁴ М. М. Козловский. Исследование о языке Остромирова евангелия. Исследования по русскому языку, т. I. СПб., 1895. (Оттиск вышел в 1885 г.).

⁵ Рецензия Р. Ф. Брандта на перевод „Грамматики старославянского языка“ в ЖМНП (189), № 7).

⁶ Полное собрание сочинений Крижанича было предпринято по инициативе А. А. Шахматова Московским обществом истории и древностей. Вышли вып. 1. (М., 1891), подготовленный В. Н. Щепкиным и В. И. Колосовым, вып. 2. (М., 1891), подготовленный М. И. Соколовым, и вып. 3 (М., 1893), подготовленный А. В. Башкировым.

⁷ Издание словаря древнерусских памятников было задумано А. А. Шахматовым и его кружком; были сделаны попытки привлечь к редактированию И. В. Ягича и А. А. Потьебу (см. переписку А. А. Шахматова с И. В. Ягичем в сборнике „А. А. Шахматов“, изд. Комиссией по истории Академии Наук СССР, Л., 1947).

⁸ Труд Б. М. Ляпунова „Исследование о языке синодального списка 1-ой новгородской летописи. Вып. I. Очерки из истории иррациональных гласных в русском языке“, вышел в 1899 (Исследования по русскому языку, т. II, вып. 2).

⁹ Григоровичев Паримейник в сличении с другими паримейниками. Издал Роман Брандт. Изд. Общ. истории и древностей российских при Московском университете, вып. 1—3. М., 1894—1901.

¹⁰ О заветях над Болонской псалтырью, памятником болгарской письменности XIII в., в славянском семинарии Венского университета подробно рассказал И. В. Ягич в предисловии к ее изданию: „Славянская псалтырь. Psalterium Bopolniense“ (Vindoblae, 1907). Погодинская псалтырь была прислана Ягичу в Вену из Публичной библиотеки А. Ф. Бычковым в 1891 г. Текст ее напечатан параллельно с текстом Болонской псалтыри. Над подготовкой издания работали М. Н. Сперанский, Ф. Пастернак и др.

69

В. Облак — В. Н. Щепкину

5 (17) сентября 1890. Цолье

V Celju 17.9.890.

Velečenjeni gospodl

Prisrčna hvala za poslane „Библиографич. матер.“ Ne vem kedaj se bom mogel revanširati. Vaša knjiga mi je ravno dobro došla, ker se jak zdaj mnogo bolj bavim s filologičnimi vprašanji, odvisnostjo tekstov drug od drugega, o različnih recenzijah, kakor z jezikovnimi vprašanji. V tej knjigi je tudi nekaj apokrifnih tekstov, kateri segajo v staro dobo. Najbolj me pa zanimiva paralelni tekst s cod. suprasl. str. 112, tudi onega odlomka sem vesel, kateri se nahaja že v uspens. zbornika. Če se ne motim je o paralelnem tekstu rokopisa uspen. zbor. (s suprasl. cod.) poročal že Popov v Библиогр. матер 1. Kedar bodo vsi ti paralelni teksti (iz rokop. uspen. zbor., in cod. Mihanov. v Zagrebu) izdani, bode mogoče temeljito vsestransko študirati cod. suprasl. Kakor mi je pravil prof. Jagić mislite tak (Vi ali Šahmat.) izdati celi zbornik uspen. katedrale. Izide že kmalu? Jaz te publikacije težko pričakujem samo radi onega odlomka, kateri je skupen s cod. suprasl, kar je iz njega objavil Jagić v „Specimina“ je premalo, mislim, da je tudi Popov v zgoraj omenjeni razpravi nekaj malega ponatisnil iz tega rokopisa, no jaz se nisem imel v rokah Bibl. матер. № 1.

V kratkem izide v Sitzungsberichte Dunajske akadem. razprava od W. Vondráka (Altsloven. Studien), kjer govori obširno o cod. suprasl. Po njegovem mnenju je taj spomenik pisan v južni Rusiji, to se mi dozdeva malo verjetno, jaz mislim raji na pokrajine stare Dacije, tedaj med Donavo in Karpatami tja proti Rusiji. V tej razpravi bo Vondrák pobijal tudi Miklos. hipotezo o panonski domovini staroslovenčine na podlagi pražkih oblomkov. Jaz mislim, da se dá zdaj še marsikaj drugega navesti proti Miklos. teoriji, jaz sem ji že dal zdavna slovo.

Prav vesel sem poročilo, da se bo izdala komentiran palaea. Res čas je, da zaglida beli dan! Najbrž se bo pri izdanju oziralo na vse starejše tekste. To bo jako potrebno dopolnilo k Uspenskega razpravi o tem predmetu, potem bo tudi mogoče soditi o razmerja nekterih partij k šestodnevnu Jon. exarh. bulg., tudi odnošaj med koment. palaeo in kratko bo potem jasen.

Tudi mene samega vleče bolj v Moskvo, kakor v SPb. Ne samo, da najdem v Moskvi celi krog mladih slavistov in da je tedaj mnogo več prilike se razgovarjati o različnih znanstvenih vprašanjih, nego tudi profesorji mi bolj ugajajo. Razven Fortunatova, Tihonrav. in Brandta, se bo dalo tudi

marsikaj naučiti od starega Buslaeva (mislim, da ne predava). Sicer sem slišal, da je Buslaev zdaj precej zapuščen, da se le malo ukvarja za njega briga in da samotari, pa to me ne straši. Toda vse to je samo „Zukunftsmusik“, stvar je odvisno od mojega zdravja in od tega, če dobim državno podporo.

Večkrat sem že premišljeval, od kod to, da ruski slavisti ne sodelujejo pri Jagičevem Arhivu. Če starejši gospodje objavljajo svoje publikacije v akadem., se temu ne čudim, oni pač nekoliko gledajo na „profit“, toda kako, da ne pišejo mladi slavisti? Razven Šahmatova in umrlega J. Kozlovskega se še ni nobeden ob mladih slavistov oglasil v Arhivu. Če se Čehi nekoliko zогiblejo nemškega Arhiva, mi je razumljivo, oni so veliki patrioti in hočejo ad maiorem Bohemiae gloriam pisati česko, toda pri Rusih ni teh političnih antipatij, oni so pre trezni narod. Prošli teden me je obiskal prof. Boudouin d. C., kateri je bil zopet v Reziji. On upa, da pride v Krakovo na stolico za primerjajoče jezikoslovje. Zdaj se bavi s tiskanjem svojega dialektičnega materiala, katerega je pred mnogimi leti nabral med Slovenci, posebni v Reziji in med beneškimi Slovenci, pa tudi na Goriškem in Notranjskem (Innerkrain). Jako hvaležen Vam bom, če mi ob priliki naznanite sedanjí naslov Šahmatova.

S prijaznim pozdravom priporoča se

Vaš Vatroslav Oblak.

NB. Tudi mojemu očetu je imè Vatrosl. (Jgnacij).

Ф. 254, оп. 1, № 53.

Перевод

Целье 17. XII. 890.

Многоуважаемый господин!

Сердечное спасибо за присланные „Библиографические материалы“.¹ Не знаю, когда я смогу отблагодарить. Ваша книга пришла очень кстати, потому что я теперь занимаюсь гораздо больше филологическими вопросами, зависимостью текстов друг от друга, разными рецензиями, чем вопросами лингвистическими. В этой книге имеется и немного апокрифических текстов, относящихся к древним временам. Особенно интересует меня текст параллельный Супрасльскому евангелию, стр. 112, нравится мне и тот отрывок, который находится в Успенском сборнике. Если не ошибаюсь, о параллельном тексте рукописи Успенского сборника (с Супрасльским евангелием) сообщил уже Попов в „Библиографических материалах“, 1.² Когда все эти параллельные тексты (из рукописи Успенского сборника, из Михановского евангелия в Загребе) будут изданы, можно будет основательно и всесторонне изучить Супрасльское евангелие.³ Как Ягич мне говорил, (Вы или Шахматов) собираетесь издать весь сборник Успенского собора.⁴ Скоро выйдет? Очень жду этого издания, хотя бы ради того отрывка, который связан с Супрасльским евангелием, потому что из него Ягич опубликовал в „Specimina“⁵ очень мало, думаю, что и Попов в вышеупомянутой работе напечатал из этой рукописи самые пустяки, но я еще и не имел в руках „Библиографических материалов“ № 1.

В скором времени появится в Sitzungsberichte Венской Академии работа В. Вондрака (Altslovenische Studien),⁶ в которой подробно сообщается о Супрасльском евангелии. По его мнению, этот памятник написан на южной Руси, это мне представляется мало вероятным, я думал бы скорее об окраинах старой Дакии, между Дунаем и Карпа-

тами, по направлению к Руси. В этой работе Вондрак опровергает гипотезу Миклошича о паннонской родине старославянского языка, основываясь на Пражских отрывках. Я думаю, что можно теперь кое-что и другое привести против теории Миклошича; я уже давно отказался от нее.

Очень радует меня сообщение, что собираются издавать Толковую Палею.⁷ Действительно, пора ей увидеть белый свет! Скорее всего при издании будут основываться на всех древнейших текстах. Это явится необходимым дополнением к исследованию Успенского об этом предмете,⁸ после чего можно будет судить об отношении некоторых разделов Палеи к Шестодневу Иоанна экзарха болгарского, и станет ясным отношение между толковой Палеей и краткой.

Меня и самого больше тянет в Москву, чем в СПб. Не только потому, что я найду в Москве целый круг молодых славистов и представится много возможностей побеседовать о разных научных вопросах, но и тамошние профессора мне больше нравятся. Кроме Фортунатова, Тихонравова и Брандта, многому можно бы было научиться у старика Буслаева (думаю, что он не преподает). Хотя я слышал, что Буслаев теперь заброшен, что никому до него дела нет и что живет он в одиночестве, но меня это не страшит. Но все это Zukunftsmusik, дело зависит от моего здоровья и от того, смогу ли я получить поддержку от правительства.

Часто я раздумываю, почему русские слависты не сотрудничают в Архиве Ягича. Если старики печатают свои вещи в Академии, этому я не удивляюсь, они придают значение „profitu“, но почему не пишут молодые слависты? Кроме Шахматова и покойного И. Козловского ни один еще из молодых славистов не печатался в Архиве. Если чехи несколько избегают немецкого Архива, это мне понятно, они — большие патриоты и хотят *ad maiorem Bohemiae gloriam* писать по-чешски, но у русских ведь нет этих политических антипатий, они ведь трезвый народ. На прошлой неделе посетил меня Бодуэн де Куртене, который опять был в Резии. Он надеется попасть в Краков на кафедру сравнительного языкознания. Теперь занят печатанием своих диалектологических материалов, собранных много лет назад среди словенцев, особенно в Резии и у бенешских словенцев, также в Горицах и Нотране (Innerkrain).⁹ Буду Вам весьма благодарен, если Вы сообщите мне теперешний адрес Шахматова.

С дружеским приветом остаюсь

Ваш Ватрослав Облак.

NB. Имя моего отца также Ватрослав (Игнатий).

¹ См. прим. 1 к докум. 66. Издание памятников, списки которых остались в архиве умершего А. Н. Попова, с проверкой их по подлинным рукописям, было предпринято Обществом истории и древностей, силами молодых филологов — А. А. Шахматова, В. Н. Щенкина, М. Н. Сперанского и др.

² Чтения ОИДР, 1879, вып. 1. Этим выпуском началось издание описаний и извлечений из рукописей, с комментарием А. Н. Попова, доведенным автором до вып. 14 (Чтения ОИДР, 1830, вып. 3, 4; 1881, вып. 2).

³ Подготовкой издания Супрасльской рукописи занялось II Отделение Академии Наук в 1895 г., поручив С. И. Северьянову фотографически воспроизвести разрозненные части рукописи, хранившиеся в Любляне, в Варшаве и в Петербурге, и слить их с изданием Миклошича 1851 г. Труд Северьянова „Супрасльская рукопись“ вышел в „Памятниках старославянского языка“ (т. II, вып. 1, СПб., 1904).

⁴ Шахматов готовил издание „Сборника XII в. Московского Успенского собора“ по тексту, списанному А. Н. Поповым, но не успел его закончить. Напечатанный под его наблюдением текст вместе с несколькими листами, приготовленными позже

П. А. Лавровым, был издан только в 1899 г. как вып. 1 „Сборника“ (Чтения ОИДР, 1899, вып. 2 и отдельно).

⁵ *Specimina linguae palaeo-slovenicae*. Образцы языка церковно-славянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности. СПб., 1834. — Два отрывка из Супрасльской рукописи помещены на стр. 7—63.

⁶ V. Von drák. *Altslovenische Studien. Sitzungsberichte der kais. Akad. der Wissenschaften, philos.-hist. Klasse, B. CXXXII. Wien, 1890.*

⁷ „Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г.“ с многочисленными вариантами, была издана учениками Н. С. Тихонравова в честь 40-летия его ученой деятельности. Вышло 2 выпуска (М., 1892 и 1896).

⁸ В. Успенский. *Толковая палея*. Казань, 1876.

⁹ И. А. Бодуэн де Куртене. *Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. Резьянские тексты*. СПб., 1895.

70

Ю. Поливка — В. И. Ламанскому

17 (29) ноября 1890. Прага

Прага 29/XI 90.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

На днях я получил 1 выпуск „Живой старины“.¹ Очень обрадовался и очень благодарен Вам, что Вы на меня не забыли.

В программу Вашего журнала входят тоже славяне, и я бы был счастлив, если бы мог участвовать в этом отношении, приобщая библиографические известия, рецензии и т. д. о чешских и других западнославянских изданиях, и таким образом пособствовать к полноте этого отдела Вашего журнала.

В первый раз позволяю себе прислать рецензию новейшего издания хорутанских народных песен.² Со стороны языка много нужно будет поправлять эту мою рецензию — но надеюсь, что со временем, если буду более писать, дело пойдет лучше.

В будущее я намерен написать библиографическое обозрение чешских самостоятельных изданий и журнальных статей фольклористических с того времени, где кончилась моя статья в „Wisle“.³ Если это мое намерение пригодится для Вашего журнала, покорнейше прошу, извольте мне точно написать, в каких именно размерах Вы желаете эту статью, можно ли вдаваться в подробности, в разбор одиноких изданий, например, сборника Бартоша⁴ и т. д. Не знаю, напечатан ли уже разбор изданий Бартоша от проф. Будиловича.⁵

Письмо и рецензию присылаю Вам, Владимир Иванович, пользуясь любезностью А. И. Соболевского. Извините пожалуйста, что не прямо на Ваш адрес выслано. А вот почему: письмо, на Ваш адрес высланное, сейчас бы наверно открыли на нашем почтамте и отдали бы здешнему присяжному переводчику судебных дел, г. Патере — я знаю наверно, что это случалось, раз ему, например, отдали письмо здешнего русского священника, и он об этом письме другим лицам рассказал. Я именно в наших домашних отношениях не желаю, чтобы это письмо попало в руки этого господина.

Скоро уже будет год, что я приехал в Петербург и познакомился с русскими учеными кружками. Не забуду эти прекрасные вечера, которые я провел у Вас и других. Время, которое я прожил в России,

вообще самое счастливое время моей жизни. А как ни приятны эти воспоминания, все-таки лучше не вспоминать, потому что чем более вспоминаешь, тем более сравниваешь Ваши ученые общества, Ваших ученых людей с нашими домашними, тем прискорбнее, хуже становится жить и работать в такой сфере „na národa volí dědičné“.

Низкий поклон Вашей уважаемой семье и всем господам, с которыми я имел честь и счастье познакомиться у Вас, особенно И. С. Пальмову.

С глубочайшим уважением
Ваш Ю. Поливка.

Ф. 35, оп. 1, № 1139.

¹ „Живая Старина“ — журнал Отдела этнографии Русского географического общества, основанный В. И. Ламанским, выходил в Петербурге с 1890 до 1917 г.

² Рецензия Ю. И. Поливки на V. Valjaves, „Narodne pripovjesti u Varaždinu i okolici“ (2 izd., 1890) напечатана в „Живой старине“ (т. I, 1890, вып. 3).

³ Статья Ю. Поливки „Folklorystyka czeska“ в журнале „Wista“ (т. II, 1888; miesięcznik geograficzno-etnograficzny, журнал выходил в Варшаве с 1887 по 1905 г.); статья Ю. Поливки „Обзор трудов по чешской этнографии за последнее десятилетие (1880—1890)“ напечатана в „Живой старине“ (т. II, 1891, вып. 1 и 2).

⁴ F. Bartoš. Narodné písně moravské. Brno, 1888—1889.

⁵ Отзыв Будиловича о трудах Ф. Бартоша, на основании которого Бартошу была присуждена Академией Наук первая премия им. А. А. Котляревского, напечатан в „Сборнике II Отд. Акад. Наук“ (т. LI, 1890), в „Записках Акад. Наук“ (т. LXIII, 1890) и в „Отчете Акад. Наук за 1889“.

71

В. Облак — В. Н. Щепкину

14 (26) декабря 1890. Целье

V Celju 26. XII. 90.

Velesenjeni gospodil

Ne zamerite mi, da Vam tako dolgo nisem odgovoril, toda imel sem zadnja meseca toliko skrbi in nesreče, da sem bil nesposoben za vsako pisanje. Umrli so mi mati. Se le zdaj po novem letu grem zopet na Dunaj, kjer me že nad pol leta ni bilo. Jaz bi bil že zdavna rad šel tja, če bi mi bilo mogoče, kajti letos imamo v našem seminaru conversatorij in palaeoslovenicis, kjer se razpravljajo zanimiva filološka vprašanja. Po stari navadi govori seveda Jagić svojim učencem in slušatelji večnioma molče, da bi človek skoraj mislil, da je seminar za Jagića in ne za dijake. Zdaj bom imel tudi priliko, da se veznanim z Vašima prijateljema g. Speranskim in Mihajlovim, upam, da bom od njeju natančno pozvedel o Moskovskem znanstvenem življenju in kretanju na polju slavistike.

Že od Murka sem pozvedel, da namerava prof. Fortunatov že zdavna izdati stisloven. slovnico. Jaz to knjigo težko pričakujem, ker vem da ima prof. Fortunatov o marsikterih vprašanjih slovan. fonetike svoje posebno mnenje. Tako n. pr. se Uljanov v svoji razpravi o slovan. lit. glagolu večkrat sklicuje na Fortun., toda on sam še ni nikjer, kolikor mi znano, objavil svojih nazorov. To je tudi nekoliko vzrok, nisem recenziral Uljanove knjige, kajti preveč truda bi me stalo, da zasledujem sam nekatere fonet. pojave in da se preprišam, v koliki meri je boljša Fortunat. razloga

od navadne. Vesel sem bil Vašega poročila, da se g. Šahmatov dobro počuti pri svojem akademičnem poklicu, najbrže bo kmalu objavil nekatere zanimavejše partije struske slovnice, če sploh ne pripravlja histor. ruske slovnice, samo da ostane zdrav!

O svojih rojakih ne morem Vam mnogo poročati. Štrekelj bo izdal fonetiko kraškogoriškega narečja in dobili bomo tudi kratek pregled sloven. literature, kateri nam silno manjka. Baš te dni je izšla v „Österreich in Wort und Bild“ kratka skica o sloven. literature od prof. Krek, to je dozdej še najboljše delo te vrste. Naša „Matica“ je izdala izbrane spise V. Vodnika, tudi ne slabo delo.

Srečno novo leto z mnogimi uspehi na znanstvenem polju.

Vaš V. Oblak.

Ф. 254, оп. 1, № 53.

Перевод

Целье, 26. XII. 90.

Многоуважаемый господин!

Не сердитесь на меня, что я так долго Вам не отвечал, последний месяц у меня было столько горя и несчастья, что я был неспособен ничего писать. Умерла моя мать. Теперь вот еще после нового года еду опять на Дунай, где я уже больше полугода не был. Я бы уже давно с радостью туда уехал, если бы это было возможно, потому что в этом году в нашем семинарии проводятся конверсации по древнецерковнославянскому языку, где разбираются интересные филологические вопросы. По старой привычке Ягич, конечно, говорит сам своим ученикам, а слушатели большей частью молчат, так что человек со стороны мог бы думать, что семинар этот существует для Ягича, а не для студентов. Теперь я буду иметь возможность познакомиться с Вашими друзьями гг. Сперанским и Михайловым, надеюсь узнать от них точнее о московской научной жизни и достижениях в области славистики.

Узнал я от Мурко, что проф. Фортунатов намеревается уже давно издать старославянскую грамматику.¹ Очень жду этой книги, потому что знаю, что у проф. Фортунатова имеется свое особое мнение по многим вопросам славянской фонетики. Так, например, Ульянов в своей работе о славянско-литовском глаголе² часто ссылается на Фортунатова, хотя, насколько мне известно, он сам нигде не опубликовал своей точки зрения. Отчасти это обстоятельство является причиной того, что я не рецензировал книги Ульянова, потому что мне стоило бы большого труда исследовать самому некоторые фонетические явления и решать насколько объяснения Фортунатова лучше обычных. Очень порадовало меня Ваше сообщение о том, что г. Шахматов хорошо чувствует себя на своем академическом поприще, особенно же то, что он скоро опубликует некоторые части древнерусской грамматики, если не приготовит вообще исторической русской грамматики, — пусть только он будет здоров!

О своих соотечественниках мало что могу Вам рассказать. Штрекель собирается издавать фонетику крашкгогоришского наречия. Получаем краткий обзор словенской литературы, которого нам очень не достает. Только на днях вышел в „Österreich in Wort und Bild“ краткий очерк

словенской литературы проф. Крека,³ до сих пор лучшая работа в этой области. Наша „Матица“ издала избранные произведения В. Водника,⁴ тоже не плохая вещь.

Счастливого нового года и многих успехов на поле науки.

Ваш В. Облак.

¹ Идет речь о „Лекциях по фонетике старославянского языка“ Ф. Ф. Фортунатова, которые печатались в Московской университетской типографии в 1888—1893 гг.; было отпечатано всего 16 листов, которые и распространялись в ученых кругах. Издание это не было закончено и не вышло в свет. „Лекции“ изданы только после революции (П., 1919).

² Г. К. Ульянов. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 1. Варшава, 1891; ч. 2, 1895.

³ Gr. Krek. Die slovenische Literatur. Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild, H. 14, Wien, 1890.

⁴ Valentina Vodnika izbrani spisi. Uredil Fr. Wiesthaler. Založila Matica slovenska, Ljubljana, 1890.

72

Ю. Поливка — В. И. Ламанскому

1 (13) февраля 1891. Прага

Прага, 13 II 91.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

С ответом на Ваше письмо, с которым Вы меня осчастливили, я немножко опоздал, потому что я хотел Вас известить, есть ли здесь писм Прейса. Был я у библиотекаря музея Вртятки несколько раз и, наконец, добился неудовлетворительного результата. По его словам нет ни в бумагах Шафарика, ни у Ганки писм Прейса. Я ему высказал полнейшее свое удивление, потому что Прейс с Срезневским напечатал известие из путешествия своего.¹ Вртятко сам не помнил ни имени Прейса и не встречался с ним в Праге.

Из переписки Челяковского очень мало сохранилось. Что попало в музей, напечатано в Часописе.² Бумаги, между ними и матерьялы для сравнительного словаря славянских наречий и переписка вместе с библиотекою попали по завещанию к Пуркине. Как мне говорил Яромир Челяковский, профессор чешского права на университете, то книги из библиотеки растаскали сыновья Пуркине, нуждающиеся в деньгах „на пиво“, бумаги „хранились“ на чердаке и оттуда растаскались „к hokynáři na syrešku“. Пуркине не обращал на все это внимание, жил только своей науке.

Что касается Вашего вопроса на счет диссертации Добровского, то я не знаю повод его, т. е. предлагает ли кто-нибудь ее Вам, или нет ее в библиотеках? В нашей университетской библиотеке хранится экземпляр. Вот ее заглавие „De sacerdotum in Bohemia caelibatu narratio historica, cui constitutiones concilii Moguntini Fritzlavial 1224, celebrati adnexae sunt. Autore J. D. P(resbiter) C(ensor) C(aesareo) R(egius) et Soc(ietatis) Sc(ientiarum) B(ohemiae) M(embrum)“. Pragae 1787. Caractere Joannis Josephi Diesbash. м. 8°, стр. 40+23. Говорил мне один чиновник

университетской библиотеки, что очень часто встречается в каталогах буквистов.

Библиографический очерк составляю, но не думаю ограничиться на сухой библиографический перечень по этнологии (-графии) и диалектологии; по исторической географии и древностям я не осмеливаюсь писать. Можно это другому поручить?

Масарик совсем теперь в политику ушел, он теперь агитатор младочешский на выборах в рейхсрат; он всем слишком увлекается. Не знаю насколько полезно это будет нашей научной жизни и нашему университету. Он очень хорошо действует на студентов, его лекции привлекают массу слушателей, а если теперь как депутат на рейхсрат будет полгода в Вене, явно, что деятельность университетская страдает. Во-вторых, он никогда не сделается выдающимся политическим и парламентарным деятелем, потому что он очень слабый оратор; мысли у него прекрасные и для нашей среды оригинальные, но нет у него главных средств, которые для политического деятеля в „конституционных“ государствах гораздо важнее, это страсть, хотя иногда поддельная, и особенно орган и легкие. Но ему кажется кафедра университетская слишком тесна! Очень жаль! Он больше всех наших славистов сделал для распространения русского языка в нашей молодежи. Я сам удивился, когда я узнал, что читают русские книги люди, у которых это прежде, когда я еще был студентом, не могло предполагаться, например, у классиков, философов и др. На своих чтениях и в семинарии он постоянно указывает на русскую литературу, главным образом на Льва Толстого и Достоевского. В начале этого семестра читал в семинарии даже „Крейцерову сонату“ по русскому берлинскому изданию со своими слушателями; ему „соната“ не интересна только как сочинение великого художника и мыслителя, но он мыслям Толстого приписывает очень важное значение. Его влияние высказывается даже в других и незначительных вещах, так например, стали у нас студенты собираться в своих кружках и клубах на чайные вечера (в здешнем студенческом обществе Славия купили себе громадный самовар), на чтения и прения по разным литературным темам.

В „Живой Старине“ я очень много ждал от библиографического отдела. Я надеялся, что этот отдел, как думаю во всяком журнале из важнейших, будет полный пересмотр всех этнографических изданий западных; я видел в Неофилологическом обществе в СПб. всех возможных изданий на разных языках; и этого я не нахожу. Во-вторых, я ждал, что больше внимания обратится на издания меньших племен славянских, и что „Живая Старина“ сделается также своего рода архивом славянской филологии, по крайней мере одной ее отрасли. Вообще, это очень прискорбный факт, что нет в России крупного органа для славянской филологии вроде Архива Ягича. Что центральный орган славянской филологии издается на немецком языке, это из славянской точки зрения факт очень прискорбный. С одной стороны, это доказывает, что славяне западные признают немцев как своих вождей интеллектуальных, а с другой стороны, что русская ученая литература не нуждается в изучении славянских племен.

Что касается западных славянских литератур, чешской, главным образом, и югославянской, то хочу по возможности усердно сообщать библиографические заметки в „Живую Старину“. [...]

У нас, наконец, тоже хотят каким-то образом организовать изучения этнографические. Существует здесь общество для изучения древно-

стей и этнографии „Společnost přátel starožitností českých“ и теперь приготавливает какой-то журнал,³ разумеется в размерах согласно скудным средствам. Во время выставки (от мая до октября) приготавливается тоже съезд археологов и этнографов чешских и в честь этого первого съезда должен быть издан первый № будущего журнала. Если бы Вы благоволили присылать „Живую Старину“ этому обществу (можно на мой адрес), то бы Вы сделали большую пользу, более чем присыланием в нашу Академию.

Я похлопочу, чтобы Вам были присланы издания общества и официальное прошение.

Молодой один студент составил библиографический перечень статей, напечатанных в наших журналах по русской этнографии. Может быть что Вам пригодится для печати.

Вышлю ее Вам на днях.

Вместе с этим позволю себе выслать Вам под бандероллом книжку свою „Drobné příspěvky literární historické“,⁴ которые отчасти касаются тоже народных преданий и сказок.

Вашей уважаемой семье и всем господам, с которыми я имел честь сходиться в Вашем доме, низкий мой поклон.

С глубоким уважением преданный Ю. Поливка.

Ф.35, оп. 1, № 1139.

¹ В. И. Ламанский собрал письма П. И. Прейса и напечатал их в „Живой старине“, а также отдельным изданием — „Письма П. И. Прейса М. С. Куторге, И. И. Срезневскому, П. И. Шафарыку, Куршату и др.“ (СПб., 1892).

² Vzájemné dopisy Fr. Lad. Čelakovského a Vaclava Staňka. Časopis Českého Musea, 1871, III—IV; 1872, I—IV.

³ Журнал „Časopis společnosti přátel starožitností českých“ выходил в Праге с 1893 по 1912 г.

⁴ Praha, 1891.

73

Ч. Зибрт — В. И. Ламанскому

1 (13) июня 1891. Прага

Slovutný panel

Dovoluji si Vám uctivě poděkovati za laskavou zmínku o mých skrovných pracích ve sborníku „Живая старина“.

Zaroveň osměluji se Vám oznamiti, že přední zdejší firma nakladatelská bude vydávati sborník, podobný Vaší Starine, varšavské „Wisle“ a jiným, cizím časopisům. Vyjednali jsme to se soudruhem Drem Niederlem. Po delším jednání usneseno, že Dr. Niederle a já budeme pořadati vydávání za přispívání všech našich autorů, kteří se obírají studium lidu českého ať po stránce fysické nebo kulturné! Časopis náš, nazvaný „Český lid“ bude věnován studiu fysického i kulturního rozvoje českého lidu. Bude obsahovati 1) články, 2) materialy, 3) referáty. Část archaeologickou a anthropologickou řídí Dr. Niederle — část kulturně — historickou a ethnografickou obstarám já. Ku každému sešitu bude připojen francouzský extract článků i obsah, aby mohly cizí časopisy těžiti odtud.

Smíme Vás, slovutný pane, prositi na výměnu ct. časopisu Vašeho? Podrobný program, jak mile vyjde, dovolím si Vám přislati.

Račte přijmouti ujistění hluboké úcty, s jakou jsem
Slovutnosti Vaší oddaný
Dr. Čenek Zibrť.

v Praze 13/VI 891
Na Slupí, 12.

Ф. 35, оп. 1, № 573.

Перевод

Многоуважаемый господин!

Разрешите почтительно поблагодарить Вас за любезную заметку о моих скромных работах в журнале „Живая Старина“.¹

Одновременно осмеливаюсь сообщить Вам, что главная местная издательская фирма собирается издавать журнал подобный Вашей „Старине“, варшавской „Висле“ и другим иностранным журналам. Договорились мы это дело начать с д-ром Нидерле. После длительных переговоров решено, что д-р Нидерле и я организуем издание при содействии всех наших авторов, занимающихся изучением народа чешского как со стороны физической, так и культурной. Наш журнал, названный нами „Чешский народ“,² посвящен будет изучению физического и культурного развития чешского народа. Он будет содержать: 1) статьи, 2) материалы, 3) рецензии. Часть археологическую и антропологическую редактирует д-р Нидерле, часть культурно-историческую и этнографическую возьму на себя я. К каждому выпуску будут прибавляться на французском языке резюме статей и содержание, чтобы и иностранные журналы могли извлечь пользу.

Можно ли просить Вас, многоуважаемый господин, вступить с нами в обмен на Ваш уважаемый журнал? Как только выйдет подробная программа, я разрешу себе прислать ее Вам.

Примите уверения в глубоком уважении, с каким остаюсь

Вашему благородию преданный
д-р Чenek Зибрť.

Прага 13/VI 891
На Слупе, 12.

¹ Имеется в виду, вероятно, рецензия Е. Петухова на С. Зибрť, „Listy z českých dějin kulturních“ (Praha, 1891) в „Живой старине“ (т. II, 1891, вып. 2).

² Журнал „Český lid. Sborník věnovaný studii lidu českého v Cechách, na Moravě, ve Slezsku a na Slovensku“. (Red. L. Niederle, Č. Zibrť. Praha) выходил с 1891 по 1928 г.

И. В. Ягич — А. В. Михайлову

8 (20) ноября 1891. Вена

Вена XIX Döblinger Hauptstr.

20. XI. 1891.

Многоуважаемый Александр* Васильевич!

Ваше любезное письмо представляет для меня значительный интерес, уже не говоря о задушевности Ваших отзывов о моей семинарии, сообщением новостей о парижской Пчеле, которая как раз в данную минуту меня тоже занимает. Начну с того, что я не знаю более подробного описания ее. В Starina-x Загребской академии т. 21 Дучич кое-что сообщает о славянских рукописях парижских,¹ но о Пчеле не помню ничего. Рукопись XV в. с Δ и ζ по-моему дело возможное как для Болгарии, так для Молдовалахии; ведь это правописание (по крайней мере ζ) проникало с конца XV в. и в Россию. Преобладание ζ тоже не доказывает сербизма, как Вы хорошо замечаете. Формы на охь попадаются в то время так в сербских, как в болгарских (и даже в русских) текстах. Надо бы точнее определить, чиста ли болгарская редакция рукописи или же попадают уже руссизмы, т. е. не найдется ли иногда Δ в значении я? Нет ли в самом деле нигде ж или Δ по-сербски или по-русски переданное через оу (γ)? нет ли нигде τ вместо рь или рь?

Если рукопись происхождения, как кажется, не русского (румынская ли или болгарская, это в сущности менее важно), тогда уже одно существование ее имеет важное значение для „Пчелы“, так как доселе полной „Пчелы“ южнославянской не найдено. Но есть кое-какие отрывки, стоящие в связи с „Пчелою“. Эти отрывки меня интересуют и я как раз в настоящее время печатаю 2 из них (третий пражский собирает напечатать Поливка в Загребе). Не знаю, известно ли Вам, что в Петербурге печатается славянский (русский) древнейший список „Пчелы“ (из Публичной библиотеки)² XIV века, пергаменный, с regard с греческим текстом. Доселе напечатано 20 листов. Если поставить этот текст в основание наших дальнейших сравнений и соображений, то я должен сказать, что мои сербские отрывки (один из них XIV, другой XV в.), несмотря на их отрывочность, представляют все же один и тот же перевод с русскою редакциею. Вот я приведу Вам несколько доказательств, которые дадут Вам возможность сличить с ними парижский текст. [...]

Из этих различий я заключаю, что кроме одного перевода „Пчелы“, засвидетельствованного совпадением печатаемых мною отрывков с текстом русской Пчелы, на юге существовал, независимо от этого, особый перевод какой-то выборки из „Пчелы“ или лучше сказать какого-то коротенького гномология, независимого уже в греческом тексте от 71 главы „Пчелы“.

Как относится ко всему этому Парижская Пчела? Вот вопрос, который можете разрешить нам Вы, и на ответ с Вашей стороны я рассчитываю. Уже мои отрывки меня соблазняют, я готов (хотя с некоторою несмелостью) утверждать, что 71 глав Пчелы переведено уже на юге, где-нибудь в Македонии, вероятно в XII веке (туда же и в то же время я отношу Менандра, а Менандр и Пчела — памятники одного характера),

* В подлиннике ошибочно: Алексей.

и что она очень рано занесена в Россию. К сожалению, ни в одном из моих отрывков нет как раз тех изречений с чисторусскими оборотами и словами русской Пчелы, чтобы видеть, каково тут отношение текстов друг к другу. Если бы я мог хоть бы один руссизм (в подборе слов) найти в сербских отрывках, я, конечно, предпочел бы утверждать, что русская Пчела попала рано (уже в XIV веке?) в Сербию; но в моих отрывках нет ничего, что бы наводило на такую мысль. И вот тут как раз является Парижская Пчела! Что это такое? спрашиваю и я!

Буду очень рад, если эти беглые заметки заставят Вас дальше размышлять об этом интересном историко-литературном вопросе.

Я провел месяц октябрь в России, был в Москве, виделся со всеми вашими, участвовал раз в их заседании „Палейском“, ³ славный молодой народ, который я охотно бы взял с собою в Вену, если бы мог. Не так понравилось мне в Питере, потому что оскорбляет меня мысль, что такие люди, как Соболевский, Сырку, считают себя вправе чуждаться меня. В чем я провинился? Стоя под влиянием должно быть Соболевского, даже мой старинный друг Ламанский позволил себе в Живой Старине неприличную выходку против меня за то, что я в Вене, а не в С.-Петербурге. ⁴ Ведь я не хотел, это он отлично знает. Отчего кривить душой и теперь, 6 лет спустя, клеветать на меня? Вы знаете, что я всегда желал России всего лучшего, и что в моей деятельности в Вене нет ничего антирусского. Что мое назначение в члены Herrenhaus-a не помешало мне опять приехать в Москву, это я доказал поездкою нынешнего года. Ехал я на свой счет, лучше сказать, на свои скромные сбережения, не имея никакой командировки, ни „поручения“ — а он рисует меня каким-то темным австрийским агентом!! Разве это прилично?! Но и в Петербурге другие опять приняли меня по старой дружбе, в числе которых я с особенным удовольствием указываю на Веселовского и Майкова. Итак, в конце концов я поездкою в Россию очень доволен.

Здесь в нынешнем году только Мочульский — но он мне не так нравится, как мои прошлогодние друзья. Насколько я знаю, он занимается здесь преимущественно апокрифами, в особенности теми, где являются „вопросы и ответы“. За этим он следит так по славянским, как по греческим рукописям. Но не слышал от него, чтобы он занимался ветхим заветом.

Статья Ф. И. Успенского появится должно быть в ноябрьской книжке Журнала Министерства Народного Просвещения, о стригольниках: ⁵ это соображения довольно остроумные, но не совсем пока еще убедительные.

Очень приятно было через Вас впервые услышать о предприятии почтеннейшего Крумбахера. ⁶ Передайте ему мой сердечный поклон. Дай бог удачи его журналу.

Спасибо за указания рукописей грамматического содержания. ⁷ Омона каталога у меня нет, ⁸ не могу позволить себе еще и эту роскошь. А семинария без денег. Но я попрошу Вас все же доставить мне адрес Вашего Пикара; может быть придется по тому или другому случаю обратиться к нему.

Если увидите Леже, передайте ему поклон. А описание рукописей Мартынова у меня есть (это *Les manuscrits slaves de la Bibliotheque imp. de Paris...*). ⁹

Все мы здоровы, живем по прежнему, ждем не дождемся Сперанского из Белграда. Он там печатает текст сербской Палеи (не толковой),

найденный им в двух различных текстах.¹⁰ В то же время читает корректуры моих текстов, там же печатаемых.

Желаю Вам и Вашей супруге всего лучшего, мы будем очень рады опять увидеть Вас в Вене.

Мои все кланяются.

Ваш искренне преданный И. В. Ягич.

Ф. 171, оп. 2, № 109.

¹ Н. Дучић. Словенски рукописи у народној библиотеци у Паризу. „Starine“, t. XXI, 1889.

² Имеется в виду список „Пчелы“ XIV—XV в., напечатанный В. Семеновым — „Древняя русская пчела по пергаменному списку“ (СПб., 1893).

³ Ягич имеет в виду „тихоправовцев“, занимавшихся изданием Толковой палеи, в связи с чем создан кружок лиц, поддерживавших это предприятие.

⁴ Заметка В. И. Ламанского „Замечания к слову проф. Ягича о Миклошиче“ в „Живой старине“ (1891, вып. 3).

⁵ Имеется в виду работа Ф. И. Успенского „Философское и богословское движение в XIV веке“ (ЖМНП, 1892, №№ 1, 2).

⁶ В 1892 г. К. Крумбахер основал в Лейпциге журнал „Byzantinische Zeitschrift“.

⁷ Ягич собирал материалы для работы „Рассуждения южно-славянской и русской старины о церковно-славянском языке“, напечатанной в „Исследованиях по русскому языку“ (изд. II Отд. Акад. Наук, т. I, СПб., 1895).

⁸ Идет речь о составленных Андри Омоном каталогах греческих рукописей, хранящихся в библиотеках Франции.

⁹ Paris, 1853.

¹⁰ Историјска Палеја, њени преводи и редакције у старој српској књижевности. Споменик Српске крал. Академије, XVI, 1892.

75

Ч. Зибрт — В. И. Ламанскому

26 марта (7 апреля) 1892. Прага

V Praze 7/IV. 92.

Slovutný panel

Především je mi to velikým potěšením, že mohu Vám to, co si ráčíte ode mne přát, hned vyplniti. Došlo mne psaní Vaše i Váš list s penězy, Činil jsem tedy podle přání Vašeho a koupil jsem důležitější zjevy literární v oboru Komenologie, menší i větší. Vyjmenuji je a zároveň přidám kratší charakteristiky, abyste poznali, z jakého stanoviska která kniha psána, s jakou tendencí:

1) Nejlepší je druhé vydání biografie Komenského od Zoubka, které doplňuje z pozůstalých zápisů Zoubkových Dr. I. V. Novák. Vyšel posud I. sešit. (Předplatil jsem celé dílo, až sešity budou vycházeti, budu Vaši Slovutnosti je posílati).

2) Dobrý ježivotopis od Šmahy, Vyšel I. sešit. Příkladám jej a předplatil jsem celé dílo

3) Přehled veškeré literární činnosti stručně a jasně podán v časopise „Paedagog. Rozhledy“, který jsem rovněž koupil a příkladám

4) Na základě pramenů hlavně polských psána je brožura od Menčika

5) Klerikalní tendenci má proti Komenského slavnosti namířena brožurka Brynychova

6) Proti této brožurce čelí brožurka Sokolova

7) Znamentný je spisek Mrazikův, psaný s hlubokým citem

2 zl.

1 zl. 40 kr

50 kr

30 kr

4 kr

5 kr

32 kr

8) Paedagogické hlavně zásluhy líčí Klika	1 zl.	
9) Pěkna je Anthologie z Komenského		50 kr
10) Tendenci evangelickou má spis „Památce Komenského“.		25 kr

Nové otisky spisů Komenského:

11) Kšaft umír. matky		10 kr
12) Výhost světa		5 kr
13) Hlubina bezpečnosti		40 kr
14) Poslední vůle		10 kr
15) Přemýšlování		50 kr
16) Harmonie		60 kr

K českým spisům připojil jsem důležitější německé:

17) Šmaha vylíčil Kartografické zásluhy Komenského.	1 zl.	
18) Bötticher: Erziehung (paedag. studie)		25 kr
19) Nebe: Comenius als Mensch		30 kr
20) Vrbka: Leben (pěkne ilustrace pro. Menčík)	1 zl.	
21) Kvačala napsal jednu z nejlepších biografii o Komenském (před-
platil jsem mimo zasláný ještě dva díly)	3 zl.	

Přikládám spisy německé také proto, abyste poznali, jak soudí Němci o slavném našem rodáku.

Dohromady dal jsem za knihy vyjmenované 13 zl. 36 kr. Kdybych knihy ty Vaši Slovnosti poslal v jednom balíku, stálo by to mnoho peněz. Proto jsem to rozdělil na čtyři balíky.

Jak přiložené lístky poštovní ukazují, dal jsem za jeden 37 kr, za druhý 46 kr, za třetí 40 kr, za čtvrtý 40 kr. — dohromady 1 zl. 63 kr, tedy 13 zl. 36 kr. + 1 zl. 63 kr. = 14 zl. 99 kr. Račili Jste mi poslati 15 zl., tedy zbývá 1 kr.

Druhý díl Vintřův posud nebyl vydán. Spisy Rezkovy Vám pošlu; buď je pro Vaši Slovnost vyprosím od autora s prosbou, aby Vám je věnoval, nebo sám je opatřím.

Zaroveň prosím, abyste mi ráčili napsati určitěji, co Jste si přáli v poznámce v posledním listu o Albertovi professorovi vídeňském? Milerád se postarám o odpověď hned. Zdá se mi, že dobře nevím, co si to ráčíte přát. Jak mi to bude jasno, hned Vám pošlu, čeho žádáte. Prosím za odpověď.

Děkuji Vám za to, že mi článek v Živé Starině otisknete i děkuji za upozornění na 2 sešit „Živé Stariny“. Článek pošlu, jakmile trochu budu hotov s prací neodkladnou, kterou se nyní obírám.

Rašte přijeti ujistění opravdové úcty, s jakou jsem vždy

Vaši Slovnosti
v službách dalších hotový a nelíčeně oddaný

D. Čenek Zibrť.

Ф. 35, оп. 1, № 573.

Перевод

Прага 7/IV 92.

Благородный господин!

Прежде всего для меня большая радость, что я могу все пожелания Ваши сразу выполнить. Ваше письмо и деньги я получил. Я поступил согласно Вашему письму и купил важнейшие работы в области коменологии, меньшие и большие. Перечисляю их и одновременно даю краткие характеристики, чтобы Вы знали, с какой точки зрения книга написана, с какой тенденцией:

- 1) Самым лучшим является второе издание биографии Коменского, написанной Зубком, дополненное по сохранившимся записям Зубка д-ром И. В. Новаком.¹ Пока вышел 1 выпуск. (Я подписался на все издание, и, по мере того как будут выходить выпуски, буду высылать их Вашему благородию). 2 золотых
- 2) Удачна биография, составленная Шмагой. Вышел 1 вып. Прилагаю его, подписался на все издание. 1 зл. 40 кр.
- 3) Обзор всей литературной деятельности кратко и ясно дан в журнале „Педагогический Обзор“, я тоже купил его и прилагаю. 50 кр.
- 4) На основе источников, главным образом польских, написана брошюра Менчика.² 30 кр.
- 5) Клерикальные тенденции имеет против юбилея Коменского направленная брошюрка Брынных. 4 кр.
- 6) Против этой брошюрки направлена брошюрка Сокола. 5 кр.
- 7) Очень хорош небольшой труд Мразика,³ написанный с глубоким чувством. 32 кр.
- 8) Главные педагогические заслуги перечисляет Клика⁴. 1 зл.
- 9) Прекрасна Антология из Коменского⁵. 50 кр.
- 10) Евангелической тенденцией проникнут труд „Памяти Коменского“. 1 зл.

Новые издания трудов Коменского:

- 11) Завещание умирающей матери⁶. 10 кр.
- 12) Отречение от света. 5 кр.
- 13) Глубина безопасности⁷. 40 кр.
- 14) Последняя воля. 10 кр.
- 15) Размышления⁸. 50 кр.
- 16) Гармония⁹. 60 кр.

К чешским трудам я добавляю важнейшие немецкие:

- 17) Шмага описал Картографические заслуги Коменского.¹⁰ 1 зл.
- 18) Беттишер: Воспитание (педагогическое исследование). 25 кр.
- 19) Небе: Коменский как человек. 30 кр.
- 20) Врбка: Жизнь (прекрасные иллюстрации к Менчику)¹¹. 1 зл.
- 21) Квачала написал одну из лучших биографий Коменского (кроме приданного, я подписался еще на 2 тома)¹². 3 зл.

Добавляю немецкие труды также для того, чтобы Вы знали, что думают немцы о нашем знаменитом соотечественнике.

Всего я заплатил за вышепоименованные книги 13 зл. 36 кр. Если бы я послал Вашему благородию эти книги в одной посылке, это бы очень дорого стоило. Поэтому я разделил их на четыре посылки.

Как показывают приложенные почтовые квитанции, я заплатил за одну посылку 37 кр., за вторую 46 кр., за третью — 40 кр., за четвертую — 40 кр. — всего 1 зл. 63 кр. Итого 13 зл. 36 кр. + 1 зл. 63 кр. = 14 зл. 99 кр. Вы мне послали 15 зл., таким образом остается 1 кр.

Второй том Винтра¹³ до сих пор не был издан. Труды Резека¹⁴ вышлю Вам, если выпрошу их для Вашего благородия от автора с просьбой Вам их подарить или сам их достану.

Одновременно прошу, будьте добры написать мне точнее, что Вы хотели в примечании в последнем письме об Альберте, венском профессоре? Я с удовольствием постараюсь ответить сейчас же. Мне кажется, я не совсем понимаю, что собственно Вы хотите знать. Как только мне это станет ясно, я немедленно вышлю Вам то, что Вы желаете. Жду ответа.

Благодарю Вас за то, что Вы напечатаете мою статью в „Живой Старине“, и за указание на 2-ой выпуск „Живой Старины“. Статью вышлю как только немного освобожусь от неотложной работы, которой я сейчас занят.

Примите уверения в истинном уважении, с каким всегда к Вашему благородию пребываю, к дальнейшим услугам готовый и бесконечно преданный

Д-р Ченек Зибрт.

¹ Komenského život. Na oslavu třistaleté památky jeho narození. Sepsal Fr. J. Zoubek. K tisku upravil dr. J. V. Novák. Sešit, 1—3. Praha, 1892.

² S. Menčík. Jan Amos Komenský. Životopisný nástin k třistaleté památce jeho narození. Praha, 1892.

³ O životě, zasluhách a cnostech J. A. Komenského. Ke slavnosti třistaletých narození Komenského pro český lid napsal J. Mrázik. Smíchov, 1892.

⁴ J. Klika. Komenského život a práce (odbor literární a paedagogický při ústředním spolku jednot učitelských v Čechách k památce třistaletých narození J. A. Komenského. Praha, 1892.

⁵ Anthologie. Sbirka zasad paedagogických ze spisu J. A. Komenského. Uspořadali J. V. Novák a K. Vorovka. (Se životopisem a podobiznou). Praha, 1892.

⁶ A. Komenský. Kšaft umirající matky Jednoty bratrské. Dle vydání Berlinského z r. 1757. Praha, 1879.

⁷ A. Komenský Centrum Securitatis to jest Hlubina bezpečnosti. Praha, 1878.

⁸ A. Komenský. Přemýšlování. Praha, 1864.

⁹ A. Komenský. Harmonie neb rozjímání umučení, smrti, pohřbu i vzkříšení pana našeho Ježiše Krista. Praha, 1864.

¹⁰ J. Šmaha. Comenius als Kartograph seines Vaterlandes. Znaim, 1892.

¹¹ A. Vrbka. Des Comenius Johann Amos Leben und Schicksale. Wien, 1892.

¹² J. Kváčala. Comenius Johann Amos. Sein Leben und seine Schriften. Berlin — Leipzig — Wien, 1892.

¹³ Вероятно, речь идет о труде Э. Винтера „Kulturní obraz českých měst“, т. I которого вышел в 1890 г., т. II в 1892 г.

¹⁴ A. Rezek. Dějiny Čech a Moravy nové doby, kn. I—X. Praha, 1892—1903.

76

Л. Куба — Академии Наук

1 (13) апреля 1892. Подблады

Славная императорская Академия Наук!

С глубочайшим почтением подписанный осмелуется беспокоить высоко уважаемое общество следующим сообщением и просьбой.

Писатель этого письма трудится уже 10 г. сочинением „Slovanstvo ve svych zpěvch“ (Славянство в своих песнях),¹ в котором он стремится представить своим землякам весь славянский мир в музыкальном отношении. Сначала я воспользовался материалами собранными, но вскоре показалась надобность — так как материалы в некоторых случаях или вообще не хватало, или не были довольно инструктивными, — путешествовать, изучать и собирать собственно. Таким образом я трудился собираньем песен (напевов и текстов) г. 1885 на Словацкой (в Венгрии), весной г. 1886 в Лужице, летом г. 1886 на Малой и Белой России, г. 1887 в России Галицкой (в Австрии), в Мало- и Великороссии, г. 1888 между словенцами в Краине и Приморью, г. 1889 в Корутанску, Штырии, Харватску и Славонии, г. 1890 в Черной Горе и Далмации, г. 1891 опять в Черной горе.

Користь этих моих путешествий была столь велика, что я только отчасти мог ее поместить в своем издании „Славянство в своих песнях“, а большую часть сохраняю в рукописе.

Чтобы представить литературу, я употребляю отчасти всех печатных материалов, сколько их могу приобрести; но последние выпуски 42—57 совершенно мои подлинные, 1) потому что Кукач (хорват) запретил мне воспользоваться его сборкою южнославянских песен,²

2) потому что черногорские песни вообще предо мною не были собраны с напевами, и словенские только в незначительной части. Эти выпуски 42—57 современно высилаю. Прибавляю также и мое материяли лужицкие, которые исключительно были изданы ласковостью Матицы Сербской в Будышине в Лужице.

Прочая польза моих путешествий была следующая: 1) в Лужице я нашел и собрал „сербские рейе“ (танцы), играные на сербские (особенные) гусле; эту очень интересантную инструм. музыку предо мною никто не записывал. 2) в России я собрал в Смоленской губ. в Данькове 40 песен Белорусских, которые с напевами я до тех пор напрасно искал в русских сборниках; 3) в России я наблюдал и записывал хоры народные, к которым вел меня интерес первой степени. Я же в своем издании помещал этих хоров так, как их из уст народа записал в партитуре.

Это все же я сделал без чужого импульса, из своей мысли, без чужого пособия и все на свои расходки. Я даже не медлил, когда показала надобность путешествовать (г. 1885), оставить свое звание учительское, и потому что я холостяк, я при скромности довольно удобно жил из материального успеха своей музыкальной и литературной деятельности, особенно „Славянства в своих песнях“, которое сначала имело довольно много подписчиков.

Но от г. 1889 последнее обстоятельство переменялось и некоторые прочие условия. 1) Труд мой очень долго тянется и тем досадит публику, и это тем больше, что 2) некоторые материялы (напр. черногорские) черезчур оригинальны и для общественности довольно трудно понятны (в музыкальном отношении), так что подписчиков место привлекать они испугают, 3) у нашего малого народа теперь вообще финансовый кризис, потому что народ черезчур дешев ради конкуренции должен хлеба продавать; и кроме того разошлось прошлого года несколько миллионов гульденов выставкою, ибо всякий делал сверх своих средств. Таким образом, я уже четыре года терплю дифицитом, и последние песни (харватские) я издал только для 400 подписчиков — так что только печатание ни с половиной не заплатилось.

Теперь я в следующей ситуации: издавать дальше не могу, потому что 1) нет у меня средств на путешествие (и я должен еще в Сербию, в Босну и Герцеговину, в Булгарию), 2) печатать не могу ради долгов. Могу только возвратиться в свое прежнее звание — но в таком же случае сочинение мое никогда не совершится. А я хочу все сделать, сколько ни можно, чтобы издание свое совершить.

И так прихожу просить пособия — потому что все мои шаги прочие дома и на других странах не помогли — у Вашего высокоуважаемого общества.

Искренно скажу, что мне эта необходимость не очень веселит, так как вообще просить пособия я не нахожу мужа достойно. Для того я осмелюсь сейчас предложить форму, для меня самую удовлетворяющую. 1) Пусть я должен за полученное пособие добавить все материялы мною до сих пор собранные (их есть 1500—2000) и 2) пусть я должен за пособие, полученное на следующие путешествие (в Сербию), добавить все материялы, на оной экскурсии записанные.

Примечаю, что всякое пособие, для совершения моего труда высланное, принято будет с наибольшею благодарностью — и что будет тем большее, чем скорее придет.

Касательно моей деятельности могут свидетельствовать: его сиятельство кн. П. А. Васильчиков, проф. Ровинский на Цетыньи, проф. А. Л. Петров, рецензия Изв. Слав. СПб. Благ. Общества и т. д.

С глубочайшим почтением

Людвиг Куба
писатель

Подбрады 13/4 92 (Австрия, Чехы)

Прибавляю к своим книгам, которые идут под бандеролу, 4 рецензии „Известий СПб. благотворительного славянского общества“ и 1 рецензию „Известия Университета“ из Киева.

Ф. 9, оп. 1, № 657.

¹ Издание началось с 1883 г.

² F. K u h a č. Južnoslovjenske narodne popievke, kn. I—IV. Zagreb, 1878—1881.

77

П. А. Васильчиков — президенту Академии Наук

Апрель 1892. Петербург

Чешский писатель и музыкант Людвиг Куба с 1883 г. стал издавать сборник „Slovanstvo ve svých zpěvech“ „Славянство в его песнях“, с целью познакомить читающую публику и музыкальный мир с народными мелодиями всех отраслей славянства и вообще популяризовать славянскую народную музыку и поэзию. В сборнике помещались славянские песни в оригинале (с прибавлением чешского перевода), переложенные для пения хором и соло — с аккомпаниментом фортепиано. Первоначально Куба брал мелодии и тексты из уже напечатанных сборников; но скоро убедился в необходимости обратиться к самостоятельному записыванию песен из уст народа. В 1885—1892 г. он совершил девять путешествий по разным частям славянского мира. Он был в России (2 раза), в Галиции, у лужицких сербов и у словаков, в Хорватии, Далмации и Приморьи, Крайне, Штирии и Хорутании, на Черной Горе (2 раза). Часть записанного им материала вошла в его сборник. Всего напечатано 57 выпусков, обнимающих собою песни русские (велико-, мало- и белорусские), польские, чехоморавские, словацкие, лужицкие, хорватские, словинские, черногорские), печатаются и скоро выйдут выпуски 58—62: песни долматинские. В полном своем объеме сборник будет заключать в себе не менее 2000 страниц и содержать около 1200 песен. Кроме того у Кубы хранится в рукописи более 2000 записанных им мелодий с текстами. Путешествия и печатание сборника — все это Куба совершал на свои средства без всякого денежного пособия с чьей бы то ни было стороны.

„Славянство в его песнях“ было встречено весьма сочувственно всей славянской печатью; в России был также дан одобрительный об нем отзыв (Известия Славянского Общества, 1884, № 7). Тем не менее предприятие Кубы испытало в конце концов участь, постигающую и многие другие начинания в общеславянском деле. Пока печатались песни чехо-моравские, польские и отчасти русские, издание окупалось и приносило хотя небольшой доход. Чехи и поляки охотно покупали

свои народные песни. Но с последующими выпусками дело пошло хуже и хуже. В России не обратили на него почти никакого внимания; югославы мало покупали даже выпуски, заключавшие их собственные народные песни; чехи и поляки не особенно интересовались народной поэзией остального славянского мира; а у лужичан и словаков мало обеспеченной национальной интеллигенции. Куба не только истратил свои собственные средства, но вошел еще в долги. Чтобы поправить свои дела, он задумал издать описание своего путешествия по Черногории с иллюстрациями. Вышли первые пять выпусков.¹ Рисунки, по большей части набросанные самим Кубой, весьма многочисленны, изящны, хорошо исполнены и верно передают действительность. Рассказ жив, интересен и удачно характеризует страну и людей. Но и здесь оказалось, что симпатия и интерес к Черной Горе далеко не так велики, как об этом всегда заявляют другие славянские народности. Издание Кубы успеха почти не имело и должно было прекратиться. Обращаясь он к Чешской Академии наук, прося материальной поддержки „Славянству в песнях“. Получен был ответ, что академия интересуется только тем, что касается самого чешского народа; остальное славянство не ее дело. Югославянская Загребская Академия отказала по недостатку средств. В конце концов Куба не только должен был отказаться от продолжения своего издания, но за долги наложен был арест на его имущество, и он остался нищим. Между тем его сборник едва ли не единственное в своем роде как по объему, так и по редкой настойчивости и по умелости, с которой он составлен, явление. Красивые и разнообразные мелодии народных песен почти всех славянских народностей переложены им в простой и изящной форме и могли бы иметь большой успех и значение для популяризации народной славянской музыки. Но и в научном отношении его сборник заслуживает полного внимания, содержа в себе (особенно в последних выпусках) много новых, им впервые записанных песен и мелодий.

Было бы в высшей степени справедливым и желательным оказать материальную и нравственную поддержку этому талантливому и бескорыстному труженику, выручить его из его настоящей нужды; дать ему возможность и в будущем действовать на том же поприще: собирания и издания славянских народных песен, на котором он показал уже себя вполне подготовленным и умелым. Между прочим весьма важно было бы тем или другим способом напечатать ту часть собранных им песен и мелодий, которую он должен был за недостатком средств для печатания всего собранного материала оставить в рукописи.

Деятельность Кубы давно известна С.-Петербургскому Славянскому благотворительному обществу. Верное своему призванию, оно пособляло ему в его деятельности, оказывало ему содействие при поездках его по России и в Черногории, оно помогает ему и теперь в его нынешнем в полном смысле слова бедственном положении, но помощь эта может быть лишь крайне недостаточной. Общество настолько обременено уже лежащими на нем расходами: по содержанию стипендиатов из славян в разных учебных учреждениях наших, по оказанию помощи бывшим русским добровольцам Сербско-турецкой войны 1876 года, на пособия приезжающим в Россию славянам, наконец, по продолжению начатых уже им изданий и т. п. расходами, всецело поглощающими его двадцатитысячный бюджет, что оно не может доставить бедному Кубе тех средств, которые нужны ему для продолжения изданий. Подобная помощь могла бы быть под силу лишь таким учреждениям, как

императорская Российская Академия Наук, императорское Географическое общество, не раз печатавшим в своих трудах собрания народных песен, не раз оказывавшим широкую помощь лицам, собиравшим народные песни, между прочим в Балканском полуострове, и доказавшим всем этим, какое они придают значение изучению народной поэзии, столь важному в историческом, этнографическом и филологическом отношениях.

Вот почему мы осмеливаемся надеяться на то, что Академия и царственный президент ее, которому так близко все, что относится до поэзии, не оставит предпринятого Кубой дела без поощрения и поддержки.²

Ф. 9, оп 1, № 657.

¹ Na Cerne Hoře. Praha, 1892.

² Академия Наук неоднократно выдавала Л. Кубе субсидии для продолжения его труда по собиранию славянских песен (в апреле 1893 г.— 200 р., в мае 1894 г.— 200 р., в марте 1895 г.— 300 р.).

78

Ю. И. Поливка — В. Н. Щепкину

2 (14) мая 1892. Прага

Прага 14/V 1892.

Любезнейший Вячеслав Николаевич!

На днях я выслал Вам сборник рассказов Строупежницкого.¹ Не знаю понравятся ли они Вам. У меня новое издание этих рассказов, а как я не знал, что подходящее Вам выбрать, взял книжку эту из своей библиотеки и отправил Вам. Я с Вашими взглядами на беллетристику не согласен; я, однако, смотрю и привык именно под впечатлением ваших критиков — увлекаюсь Добролюбовым — смотреть на литературу изящную с утилитарной точки зрения и требую от нее, чтобы она была правдивым зеркалом всей нашей жизни, помещичьей и буржуазной, интеллигентов и рабочих фабричных. В нашей литературе чешской именно слабо находит отзыва еще до сих пор настоящая жизнь народа, его борьба социальная, его борьба против гегемонии германизма, не отражаются в ней еще с достаточной силой мысли движущие литературы других народов, она в самом деле „rapenská“, правильнее говоря „šoňácka“ — не знаю подходящего выражения русского, и правы русские, говорящие, что она наивна. Но одно в ней выражается: недостаток быстрого движения мысли в нашем обществе, поглощение всего интереса для дневной, будничной борьбы, политической и партийной, и углубление в историю прошлого — оттого обилие исторических романов и т. д. „Цветов“, нравящихся Вам, едва ли нарву Вам. Пишите, понравятся ли рассказы Строупежницкого? и по желанию вышлю Вам рассказы Святоплука Чеха, лучшего нашего писателя из новейших.

А теперь опять две просьбы! Простите, что так утруждаю Вас, но не вижу себе другой помощи. И так покорнейше прошу выслать мне

1) описание рукописи Севастьянова от Викторова,²

2) Бессонова — Калеки переходные.³

Я очень нуждаюсь в этих книжках и, пожалуйста, чем скорее мне их вышлите. Этих книг в здешних публичных библиотеках нет как и нет сборников Афанасьева, Киреевского, Рыбникова, разумеется

что нет и менее важных. Бессонова Калеки перехожие надеюсь найдутся, может быть у Шибанова.

Вы мне писали, что желаете обмениваться со мною книжками; и потому я Вам писал, что Валечке Вы не должны за грамматику Гебауэра;⁴ я так Вас понял, что мы счета книг высылаемых между собой будем вести — потому прошу мне точно сообщить цены книг, Вами мне высланных и высылаемых. Я держусь правила *clara pasta boni amici*, и как дорожу Вашим дружеством, покорнейше прошу открыто сообщить, сколько я Вам должен. На днях получил я Крижанича II выпуск, большое спасибо! сообщите мне и цену его. М. Н. Сперанский мне на днях из Рима писал, что при Археологическом обществе в Москве основано славянское отделение. Это прекрасное предприятие и желаю самого лучшего успеха. Я думаю, что центр славяноведения должен быть у Вас, это требует и интерес науки и естественные aspirations величайшего славянского народа. У нас центр не будет постоянно, на время, когда здесь такая крупная сила научная, как Ягич, но после него все распадется. Помните, как негативно держался Добровский против планов Копитара — а мы, ученики Добровского, эти его взгляды соблюдаем. Разумеется, я не представляю себе славяноведение тенденциозное во вкусе Петербургской школы. По моему мнению большая беда, что народные претензии славянских племен и у нас на западе всегда до сих пор шли рука об руку с консерватизмом, даже с реакцией. — Будьте здоровы!! Пришлите скорее II часть хрестоматии.⁵ Не унывайте.

Ваш Ю. П.

Ф. 254 оп. 1, № 58.

¹ Вероятно: *Ladislav Stroupežnický. Povídky a novelly. Praha (6. r.)*.

² А. Е. Викторов. *Собрание рукописей П. И. Севастьянова. Издано к 50-летию юбилею Румянцовского музея. М., 1881.*

³ Калеки перехожие. М., 1862—1864.

⁴ *Mluvnice česká pro školy středné a ustavy učitelské, d. I—II. Praha, 1890.*

⁵ Идет речь о попытке издания составленной Щенкиным русской хрестоматии со словарями на чешском, сербском и др. языках. Часть рукописи была переслана в Прагу книгоиздателю Э. Валечке. Издание не осуществилось.

79

А. Куба — II Отделению Академии Наук

21 мая (2 июня) 1892. Подобралы

Ваше превосходительство!

Спешу благодарить за благоприятность, с которою славная Академия относится к моему труду, и за надежду, которую в мне касательно окончания моего „Славянства в своих песнях“ возбудила.

Мне нужно ради совершения труда направить еще следующие путешествия:

3	месячное	в Босну и Ерцеговину	—800	рубл.
3	„	в Сербию	—800	„
3	„	в Болгарию	—800	„
2	„	в Истрию и острова		
		Далматские	—600	„
1	„	к Венгерским сербам	—400	„

Всего 3 400 „

При получении этих пособий (я могу, разумеется, всякий год только 1 путешествие исполнить) бы мне не было нужно искать уже других пособий, хотя они самые минимальные, ибо при моем путешествии очень теряется денег. Я должен постоянно гостить народ, и все гостить и гостить, и то всякого, кто войдет, потому что, во-первых, я прежде не могу знать, в ком песни сохраняются и в ком нет, и, во-вторых, народ поет, т. е. музыкально поет только в раздражении, когда он весел тронут. Текст диктировать — этого он может сделать за „всякой погоды“, но „гласом петь“ он способен только, когда в души и сердцу его разжат огонь. А спички, которыми я этот огонь разжу, — подарки, гошение, деньги, а в малой части только хорошие слова.

При получении пособия в назначенном степени я бы мог без гонорара предположить которому-либо издателью донесенные материалы — ибо сам я уже не хочу их печатать, так как я очень много денег потерял в последние лета изданием этим.

Но и в случае, что бы не было можно с Вашей стороны получить пособия в назначенной мере, а меньше, я труд готов совершить, потому что уже бы нашлись меньше некоторые пособия.

Я сам теперь уже ко финансовым жертвам не способен, но касательно времени и работы я с большую радостью воспользуюсь с самыми плохими и скверными обстоятельствами, только чтобы дело совершить.

Теперь я в положении очень скверном. Прошлой години я предложил Чешской Академии совершить мой труд, выписав все мое путешествие, все, что я денежно труду пожертвовал; а ответ, который я получил, был этот: „Это все ваш частный плезир, до которого не кому дела“. Эти слова в то время сделали на меня чрезвычайное моральное впечатление, и я сам был недоумению, работаю ли что-нибудь полезного или лишнего, хорошего или скверного, жертвы мое ли принесены идеи, мысли, или только какой капризи. И у одно время я на самом деле самому себе стал смешен и со своим трудом. А, хвала богу, я столь душевно оздоровел, что теперь мне смешна — наша славная Чешская Академия.

Было бы хорошо, если бы не было нужно этого года потерять, а если бы можно было хоть 1 малое путешествие направить: в Истрию или на Далматские острова, или в Венгрию к сербам.

Простите, Ваше превосходительство, мое ошибки. Давно уже, когда я был последний раз в России — уже тому 5 годов назад. А с тех пор я должен опять все прочие языки славянские изучать, и так нельзя, чтобы один другому не мешал, хотя — искренно признаюсь — тщательно я не студовал ни один, потому что не хватало времени.

Очень хорошо было бы знать в какую помощь от славной Академии Вашей можно надеваться, чтобы при случаю было можно благовременно и на котором либо другом месту еще хлопотать или в Киеве, или в Славянском обществе и т. д.

С искреннейшую благодарностью и глубочайшим почтением

Людвик Куба.

Подебрады 2/6—21/5 92

Ф. 9, оп. 1, № 657.

Л. Г. Нидерле — В. И. Ламанскому

8 (20) августа 1892. Прага

Прага, dne 20. srpna 1892.

Slovutný pane redaktore!

Zaroveň s tímto listem dovoluji si Vám zaslati první sešity mého díla „Lidstvo v době předhistorické“, s uctivou prosbou, abyste o něm, budeli možno rážili přiněsti buď referat nebo jen krátkou zprávu v Živé Starině.

Kniha moje lišiti se bude od ostatních podobných (je to ostatně prvá kniha podobná psaná slovansky) hlavně tím že poprvé v ní budou i starožitnosti zemí slovanských šířeji vyličený. V jiných knihách o nich slova nebývá, neznajíť autoři obyčejně žádné řeči slovanské. Kollega Zibrť sdělil mi, že Jste ráčil být, slovutný pane professore, minulý měsíc v Praze. Kdybych to byl věděl v čas, byl bych ač jsem byl churav, nemeškal složiti Vám svoji poklonu. Takto to činím aspoň tímto listem, a prosím, abyste byli ujistěni mě hluboké úcty k Vám

Docent Dr. Lubor Niederle.

Прага. Ječná ulice 29.

Ф. 35, оп., 1 № 1007.

Перевод

Прага, 20 августа 1892.

Многоуважаемый г-н редактор!

Одновременно с этим письмом разрешаю себе послать Вам первые выпуски моего труда „Человечество в доисторическую эпоху“¹ с покорнейшей просьбой поместить о нем, если соблагovolите, отзыв или хотя бы коротенькую заметку в „Живой Старине“.

Моя книга будет отличаться от подобных ей (в конце концов, это первая такая книга, написанная на славянском языке) главным образом тем, что в ней впервые будут описаны шире и древности славянских стран. В других книгах о них ни слова не бывает, ведь авторы их обычно ничего не знают о славянских делах. Коллега Зибрт сообщил мне, что Вы, многоуважаемый г. профессор, изволили в прошлом месяце быть в Праге. Если бы я знал об этом во время, то не преминул бы принести Вам свои приветствия, хотя и был болен. Делаю это в этом письме и прошу Вас быть уверенным в моем глубоком почтении к Вам.

Доцент д-р Любор Нидерле.

Прага. Ечна улица 29.

¹ Lidstvo v době předhistorické. Praha. 1893.

Ф. Пастернек — В. Н. Щепкину

2 (15) апреля 1893. Вена

Dráhy přítelil

Za Vaši vzácnou ochotu, přispěti do Sborníku Kollárovského, přijměte mé srdečné díky. Takovým způsobem budeme mít, aspoň podle nynějších slibů, dva (velko) ruské příspěvky: Váš a p. prof. Kožubinského (Theo ri v. praxi, jak totiž sám Kollár svých zásad „libozvučných“ zachovával) Že nemáme více nikoho, obzvláště že nikdo z Petrohradu, kdež pro Slováky tolik sympathie se jeví, to jest mi líto. Také ruského básníka nerad postrádám. Avšak taková už jest nyní ta naše „vzájemnost“! Plané slovo, bez obsahu, jenž teprve budoucí věky do něho vloží. Ci nevloží? Těžko býti prorokem. Prozatím panuje neobmezeně individualismus. Přece doufám, že náš Sborník nižadné stránky v životě a spisích Kollárových bez platných příspěvků nezůstaví. Mám v tom směru ještě jednu prosbu. V Русск. Арх. 1873 jsou některé listy Kollárovy k N. I. Nadeždinu. My žurnalu toho nemáme, a přece bych rád věděl, co jest obsahem oněch listů. Račte mi laskavě o tom dáti zprávu, avšak prosím co nejdříve.

Že Jste dosud nedospěl k tomu, abyste něco o terminologii tkáčske posbíral aneb posbírali dal, tomu ovšem se nedivím a také jsem nemyslel, aby se to hned stalo, nýbrž příležitostně, snad až nějaká podobná publikace ruská se objeví.

Prof. Speranskij byl tyto dni tak laskav a poslal mi svůj článek „о змеивике“, račte mu vysloviti mé vřelé díky. Naše české žurnály bohužel takových otisků nerozdávají. Jinak bych se byl odsloužil článkem svým „о nově nalezeném listě Anastasiově“, který vychází v Čas. Nat. Mor. v Brně.

Co о Speranském pochvalného mi pišete, potvrzuji z celého srdce. Jsme zde všichni jeho ctiteli a doufáme, že kruh náš, spojený vzájemnou úctou pro karakter a práci vědeckou, ještě se osvědčí.

Nyní jsem všechny zapráhl do Kollára, pracuji Murko, Vondrák, Karásek, a také Franko, Gjorgjević, Stanojević a j. Ani náš velmistr od nás nemá pokoje. V ponděli začne K. Jireček přednášeti: о dějinách jihoslov. XIV a XV. věku a v seminári bude čísti Monumenta serbica.

Srdečné pozdravení Vám a ct. p. Speranskému.

Váš upřímný přítel

Fr. Pastrnek.

Ve Vídni 15/IV. 1893.

Ф. 254, оп. 1, № 55.

Перезод

Дорогой друг!

Примите мою сердечную благодарность за Ваше согласие принять участие в сборнике Коллару.¹ Таким образом, у нас будут, по крайней мере, соответственно имеющимся обещаниям, две русские статьи: Ваша и статья г. проф. Кочубинского (Теория в практике, или как сам Коллар применял свои принципы „благозвучья“). Очень мне жаль, что мы не имеем больше никого, особенно никого из Петербурга, где проявляется

столько расположения к словакам. К сожалению, не досчитываюсь и русских поэтов. Такова уж теперь наша „взаимость“! Пустое слово, без содержания, которое, вероятно, только будущие века в него вложат. Или не вложат? Трудно быть пророком. Пока царит неограниченный индивидуализм. Все-таки я надеюсь, что наш сборник не оставит без достойных статей ни одной странички в жизни и деятельности Коллара. В этом направлении — еще одна просьба. В Русском Архиве за 1873 год имеются письма Коллара к Н. И. Надеждину.² У нас нет этого журнала, а я очень хотел бы знать содержание этих писем. Будьте добры сообщить мне об этом и, пожалуйста, как можно скорее.

Что Вы до сих пор не удосужились подобрать сами или поручить кому-нибудь подобрать что-нибудь из терминологии ткацкого дела, я не удивляюсь, я и не предполагал, чтобы это сразу было сделано, разве так как-нибудь при случае, если какая-нибудь подобная русская работа появится.

Проф. Сперанский был так любезен прислать мне на днях свою статью „о змеевике“,³ будьте добры, передайте ему мою горячую благодарность. Наши чешские журналы, к сожалению, не дают отписок. В противном случае я ответил бы своей статьей „о ново найденном письме Анастасия“, которая выходит в „Часописе Моравской Матицы“ в Брно.⁴

Все, что Вы хорошего пишете о Сперанском, подтверждаю от всего сердца. Мы здесь все являемся его почитателями и, надеемся, что наш кружок, связанный взаимным уважением к характеру и научной работе, еще себя оправдает.

Сейчас я всех впряг в работу по Коллару, работают Мурко, Вондрак, Карасек, также Франко, Джорджевич, Станоевич и др. Даже наш великий маэстро не имеет покоя от нас. В понедельник К. Иречек начинает лекции по истории южнославянской в XIV и XV веках, а в семинаре будет читать Monumenta serbica.⁵

Сердечный привет Вам и уважаемому г. Сперанскому.

Ваш преданный друг Фр. Пастрnek.

Вена 15. IV. 1893.

¹ Сборник вышел под названием: „Jan Kollár. 1793—1852. Sborník statí o životě, působení a literární činnosti pěvce «Slavy dcery» na oslavu jeho stoletých narozenin“ (redakce Fr. Pastrnka vydaly český akademický spolek ve Vidni a slovenský akademický spolek „Tatran“. Ve Vidni, 1893). Среди 38 статей имеется статья А. Кочубинского: „Romantická myšlenka a skutečnost (Příspevek k životopisu Kollárovu)“. Статьи В. Н. Щепкина нет.

² Письма Платона Атанзковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н. И. Надеждину (с предисловием и объяснениями Нила Попова). „Русский архив“ 1873, т. 2, № 7.

³ М. Н. С п е р а н с к и й. О змеевике с семью отроками. М., 1893 (оттиск из „Археологические известия и заметки Моск. Археологич. общества“, № 2).

⁴ Nový pramen o svatém apoštolu slovanském Cyrillovi. Časopis Matice Moravské XVII, 1893.

⁵ Издание Миклошича. Wien, 1858.

П. А. Кулаковский — В. И. Ламанскому

5 (17) февраля 1894. Загреб

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Прежде чем дошло до Вас мое письмо, совершился печальный факт: Рачкий умер! Я поспешил Вам телеграфировать. Через день после этого телеграфировал я и графу Игнатьеву, с которым Рачкий был в переписке. После похорон 3 (15) февраля я получил депешу от графа Игнатьева, а на следующее утро, т. е. 4 (16) февраля мне были переданы телеграммы из Славянского общества за подписью Аристова и от ректора Петербургского университета проф. Никитина с поручением возложить по венку на гроб Рачкого. К искреннему сожалению, я не мог исполнить уже этого поручения, ибо похороны совершились накануне. Возлагать же венок на могилу здесь не принято, да и действительно неудобно — тело Рачкого поставлено в склеп гробницы и будет перенесено в особую гробницу. Здесь бы желали, чтобы деньги, ассигнованные на венки, были переданы на памятник. Хотел было сейчас же писать ректору г. Никитину, но имени и отчества не знаю: постараюсь разыскать. Если можно, спросите и сообщите мне, могу ли я эти 20 руб., ассигнованные ректором на венок, передать на памятник? Здесь многие так поступили. О желании возложить венок со стороны Петербургского университета и Славянского общества заявлено мною в здешних газетах. А это главное, — чтобы было известно, что был отзыв от нас. Будьте столь добры, сообщите мне, как поступить.

А я вот что сделал. Прежде всего возложил венок из лавра и пальм на гроб с русскою надписью от себя. Хорваты возложили этот венок на гроб от Академии, — ибо гроб был выставлен в Академии и народ валил весь день 2 февраля прощаться с Рачким; бросалось это в глаза потому, что другие венки не возлагались до отпевания. Предлог был тот, что другие венки были цветочные и могли увянуть.

Здесь гостил упсальский профессор Лундель, проездом в Софию и Македонию, где он намерен провести несколько месяцев для изучения диалектов. Мы вдвоем шли в составе Академии. Ягич тоже приезжал на похороны. Во время отпевания проф. Смичикляс, ныне намечаемый в вожди и президенты Академии, предложил мне и Лунделю говорить у могилы. Лундель взялся говорить о значении Рачкого для европейской науки, — мне подобало сказать о значении Рачкого в славянстве. Конечно, это были не речи, а „несколько слов“. Прекрасная речь проф. Матковича была им произнесена при выносе из Академии, а проф. Смичикляс и Брехтенский произнесли речи над могилою. Затем говорили два словенца, приезжавшие в качестве депутатов из Любляны. Затем говорил Лундель по-немецки и я по-русски. Оказалось, что это была первая по-русски публично произнесенная в Загребе речь. Таким образом, я старался всячески исполнить свой долг русского человека у гроба этого великого ученого и славянина. На днях пошлю Вам все №№ Obzor'a¹ со всеми этими речами, телеграммами, статьями. Похороны были действительно все народныя. Притихла даже вражда сербо-хорватская. Сербы были на похоронах и искренно жалеют, что им не предложили говорить, — тут просто вышла недогадка. Не было только бана, но все власти были. Некоторые из мадьяронов и, между

прочим, проф. Армин Павич, демонстративно отсутствовали. В толпе плакали, плакали искренно. Если бы я не видел, я бы не поверил в такую популярность ученого, почти не показывавшегося в последние года из своего кабинета и Академии. Правда, Рачкий и теперь принимал участие в политике, направлял истинно народную партию, писал в газетах и журналах, — но почти всегда без подписи. Потеря Рачкого, конечно, долго будет всеми чувствоваться. Вот характерный анекдот: в одной лавке дали мне служанку, чтобы она провела меня к одному торговцу через две улицы. Служанка — хорватка. Это было около 11 часов утра 1 февраля, т. е. через 4 часа после кончины Рачкого. Идет она со мною и говорит: „Вот умер Рачкий! А это был единственный священник наш, который за нас, бедных хорватов, заступался“. Я спросил: грамотна ли она? Оказалось, что грамотная. Газеты здесь выходят по вечерам, — не было еще известий о смерти Рачкого, — мнение ее, нужно думать, самостоятельно в ней возникло.

Конечно, и в Академии, и в образованном патриотическом здешнем обществе еще все не знают, что и как начать: так все привыкли к авторитету Рачкого, что теперь ходят словно в некотором огуманении.

У меня на душе тоже нехорошо. Я привык любить и уважать Рачкого: знал его уже 17 лет.

И так, простите, многоуважаемый Владимир Иванович, что беспокою просьбами, но если можно, поймите мои сомнения, и если ректор Никитин и Славянское общество разрешат, то деньги, ассигнованные ими на венки, передам на памятник Рачкому.

Адрес мой: Jugoslavenska Akademija.

Еду отсюда тотчас после 1 марта в Любляну.

Искренно и глубоко Вас уважающий и всюю душою преданный

П. Кулаковский.

5 февр. 1894 г.
Загреб.

Ф. 35, оп. 1. № 772.

¹ Хорватская газета, выходившая в Загребе с 1870 г.

83

И. С. Пальмэв — В. И. Ламанскому

21 августа (2 сентября) 1894. Прага

21 авг.
2 сент. 1894 г.
Прага (в Чехии).

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Вот уже два месяца, как я выехал из Петербурга за границу и живу теперь — как видите — в „золотой“ Праге. Но прежде чем приехать в Прагу, я побывал еще в Берлине, Дрездене и оставался в течение более 4-х недель в Карлсбаде. В Берлине, и Дрездене я останавливался не надолго: я хотел только познакомиться с этими городами и их достопримечательностями. Но моя главная цель и место назначения (по совету врачей) был Карлсбад или — как чехи упорно называют — „Карловы Вары“. В Берлине я встретил несколько своих прежних знакомых, в том числе и венских. Последние мне были очень полезны. Я разумею болгарина Эла-

тарского, бывшего студента С.-Петербургского университета, изучающего теперь археологию в Берлинском обществе, а затем магистранта петербургского университета г. Тураева. Благодаря им, в особенности г. Златарскому, который — кстати — с признательностью вспоминал Вас, я в короткое время успел осмотреть берлинские музеи и часть библиотеки. Какое богатство в музеях — в особенности по классическим древностям и истории востока! Конечно, Вы имеете об этом более обстоятельные сведения, чем какие я мог бы сообщить Вам на основании своего все-таки поверхностного наблюдения. В Дрездене я также имел весьма опытных руководителей в лице членов причта местной православной церкви: прот. Я. Е. Смирнов, с благодарностью вспоминавший Ваше к нему расположение, псаломщик С. С. Нечаев, брат петербургского петропавловского протоиерея, уже старожил в Дрездене, были моими обязательными спутниками не только по городу, но частью и по окрестностям (мы предприняли, например, поездку в так называемую саксонскую Швейцарию и любовались там прелестными видами живописных вершин гор, обрывающихся страшными пропастями; а внизу стремительно теснилась быстротечная Лаба, унося с собою между прочим и избытки славянского труда в ненасытное немецкое море). Был я, конечно, в Дрезденской картинной галлерее, в музеях (историческом и специально церковных древностей) и т. д.

Наконец, в конце июня я приехал в Карлсбад. [...] В Карлсбаде жил со мною в течение трех недель Ф. И. Успенский с супругой; в Карлсбаде же я встречался с некоторыми своими знакомыми болгарями (митрополитом руцукским Григорием), часто встречал самого Кобурга — юркого, но чем-то обеспокоенного, с сербами (например, с ректором Карловицкой семинарии о. Вучковичем, хорошим человеком и сербом), румынами (проф. букурестского университета). Конечно, встречался я здесь с очень многими чехами, бывал между прочим в их „Беседе“ (славянской), председателем которой состоит д-р Энгель (Арич), пользовавшийся между прочим и меня. Говорит он по-русски весьма правильно и производит впечатление человека образованного, в политическом отношении примыкающего к младочешской партии. Кажется, он состоит одним из главных деятелей, чуть ли даже не „старейшиною“ младочешского клуба (хотя он не „стар“ — ему несколько более 40 лет). Бывал он в России, жил не только в Москве, но и в моей родной Рязанской губернии, в имении фон-Дерваса, у которого был воспитателем детей. Наконец, в Карлсбаде же я встретился и с Вишатым, с которым потом пришлось встречаться и в Праге (теперь он уехал в Альпы, желая успокоить себе нервы после „лихорадочной деятельности и обострившихся отношений“ у него в парламенте). О Вишате, как и других деятелях младочешской партии, с которыми мне пришлось и м. б. придется еще познакомиться в Праге, сообщу Вам свои впечатления после, когда буду иметь возможность узнать их близко и сопоставить с ними так называемых реалистов, которых пока не видел, ибо знакомые мои (Масарик, Крамарж, Поливка и др.) на каникулярное время выехали из Праги. Во всяком случае, судя по главному органу младочехов „Národní Listy“, можно заключить, что они больше других партий чувствуют необходимость сближения чехов со всем остальным славянством (с поляками они постоянно полемизируют) и в особенности с Россией. Поэтом сведения о России встречаются в их газетах весьма часто и притом такие, которые внушают чехам уважение к нашему отечеству. Пишет и известный Вам субъект, путешествовавший по России, имя которого

называть излишне (Г.).¹ Замечательно еще и то, что в „Národních Listach“ систематически помещаются статьи (руководящие) и по кирилло-мефодиевскому вопросу — о необходимости чехам уяснить себе значение этого вопроса не только в литературе, но и в практической жизни. Рассуждение на эту тему пишет весьма серьезный чешский публицист, имя которого Вам также известно и потому считаю излишним называть его снова (К). Мне пришлось с ним только теперь познакомиться лично, хотя заочно я переписывался с ним и ранее. Приятно с ним побеседовать; кажись, что таких идеалистов здесь вероятно немало. Во всяком случае вопросы, поднимаемые им в „Národních Listach“, находят не только отголосок в других чешских газетах, но и возбуждают тревогу в клерикальных кругах: клерикальный „Čech“ и др. полемизируют против „кирилло-методизма“, [выступают] агитатором против этого на бывшем католическом брненском съезде и бьют тревогу по поводу предполагаемого собрания младочехов 28 октября (в день св. Вячеслава). Когда кончу свои занятия в Праге, намерен съездить в Моравию и побывать там в тех местах, где сосредоточивался весь интерес славянского движения. Говоря о Карлсбаде и своих там знакомствах, я так далеко зашел вперед, что, минуя Прагу, мечтаю уже о Моравии. Хочу однако возвратиться несколько назад и сообщить Вам кое-что и о Праге.

В Прагу я приехал в конце июля (23 числа), имел намерение не только освежить свои прежние впечатления и наблюдения, но и восполнить некоторые свои познания по чешской истории. Во время первой своей командировки я не успел сделать того, что было предположено мною: тревога, поднятая тогда поляками из-за пресловутого галицко-русского процесса, заставила меня покинуть не только Прагу, но и Австрию вообще. Я уехал тогда на юг — в Сербию и Болгарию, оставив свои прежние занятия Чехией до более благоприятного времени. Это время не наступило, однако, и до сих пор. Теперь, воспользовавшись значительным отпуском для лечения своего недуга, я намерен остаться на некоторое время в Праге и восполнить здесь свои прежние занятия. С этою целью я послал в совет академии² прошение о продлении мне заграничного отпуска до января 1895 г., а к январю — бог даст, возвращусь в Петербург, если только теперь получу себе просимую отсрочку. Иван Егорович* благословляет мое намерение и обещает содействовать осуществлению моих планов. Я, конечно, уверен, что Вы замолвите за меня словечко пред кем следует. Жду ответа с нетерпением. А теперь пока знакомлюсь в Чешском музее с „братскими делами“,³ пользуясь услугами добрейшего и любезнейшего А. О. Патеры, с которым часто вспоминаем Вас. [...]

Вследствие предполагаемой отсрочки заграничного отпуска я не знаю что делать с „Славянским Обзорением“?⁴ Не позаботятся ли об нем А. Л. Петров, И. И. Соколов, Г. М. Князев, А. Л. Липовский, И. Н. Половинкин, Ф. М. Истомин, а также К. Я. Грот, который будет жить в Петербурге, и др.? Кланяюсь и прошу Вас помочь мне.

Остаюсь Ваш неизменный искренний почитатель

И. Пальмов.

Мой низкий поклон Александре Ивановне и всему Вашему семейству. Как Вы все поживаете? При случае прошу Вас передать мой поклон И. Е. Троицкому, В. В. Болотову, М. И.** и другим нашим общим знакомым.

*Троицкий.

**Фамилия не разобрана.

На всякий случай мой пражский адрес: Prag, Thorgasse 17 (III Stock) Wohnung H. Apratik мне.

P.S. В музее не получают „Живой Старины“. Не распорядитесь ли прислать? Я познакомился с д-ром Зибртом; хороший молодой ученый, служит в музее и я с ним вижусь часто. Он Вам кланяется.

Ф. 35, оп. 1, № 1068.

¹ Имеется в виду, вероятно, Иосиф Голечек. Указанный ниже „К“ не расшифрован.

² Петербургской духовной академии.

³ И. С. Пальмов работал над исследованием „Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия“. Вышел т. I, вып. 1—2 (Прага, 1904).

⁴ „Славянское обозрение“ — орган Петербургского славянского благотворительного общества, в 1892 г. издавался ежемесячно, под ред. А. С. Будиловича, а в 1894 г. вышел в виде ежегодника, под ред. И. С. Пальмова.

84

Л. Куба — Академии Наук

14 (26) сентября 1894. Подбрады

Славная императорская Академия Наук в Петербурге!

Имею честь сообщить славной и. Академии, что пособие (200 рубл.), полученное для собирания народных песен славянских, я с искреннейшею благодарностью принял и воспользовался им при путешествии в Болгарию, которое продолжалось на 6 недель. Как прошлые года, также и этот раз я очень довольный успехом своего путешествия, хотя болгарский народ в этом отношении не довольно охотный. Материалы мои — очень важные и любопытные, замолила редакция болгарского „Вестника“, и когда труд мой будет напечатанный, я вышлю славной Академии экземпляр.

Сувременно прошу покорно славную Академию, чтобы еще следующий год — последний раз мне изволила помочь на последнее путешествие — в Сербию — которое мне необходимо сделать, если хочу свой труд „Славянство в своих песнях“ совершить. Если бы славная Академия не помогла, я бы не мог в Сербию выбраться, сочинение мое, на котором уже трудюсь уже 12 годов (от г. 1883), бы осталось не совершенно пред последним своим отделом!

Хотя примлю всякое пособие с глубочайшею благодарностью, осмелуюсь всетаки просить, если будет можно и если прочие важнейшие дела допустят славной Академии: чтобы, возможно ли, большое пособие благоволила определить на мою экскурсию в Сербию, так как мне было этого года очень трудно дополнить полученую суму и провести большое время в Болгарии. Работа моя очень дорогая, ибо мне нужно людей гостить, подаровать и гоноровать — и то иногда даром! Обращаю внимание, что издание мое пассивно, что оно издавается с дефицитом, и что я несую жертву на времени, работе и на денгам. Значит, я не требую ничего для себя, но для славянской народной песни, славянской этнографии.

С этим письмом я высылаю два последние выпуска моего труда „Slovanstva“ № 59 и 60, это песни далматские, и молю, да их славная Академия примлѣе в свою библиотеку.

С глубочайшим почтением
Лудвик Куба.

Подобрады $\frac{26-14}{9}$ 94

Ф. 9, оп. 1, № 657.

85

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

10 (22) января 1895. Вена

Вена, 22 янв. 1895.
XIX/I Döblinger Hauptstr. 24.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Из Вашего письма (в котором Вы еще не указываете своего адреса!) я убедился (даже несколько обидно для меня!), что я собственно Фортунатову и Коршу обязан тем, что Вы согласились принять участие в задуманном Grundriss'e.¹ Я понимаю, что Вы хотите и должны прежде всего иметь в виду научные интересы Академии. Только этим я и извиняю Вас. Но, с другой стороны, Вы не забывайте, что деятельность Ваша имеет, в особенности с тех пор как Вы поступили в Академию, значение более широкое, и всеславянское и космополитическое. Поэтому я думаю, что участие в предприятии чисто научном, рассчитанном же на общий интернациональный интерес, не может быть названо потерей для Академии. Итак, Вы не должны нисколько беспокоиться, если частичка Вашего времени будет посвящена разработке вопроса, интересующего, конечно, Вас (так я, по крайней мере, предполагаю), в издании, которое предназначается быть настольной книгой для тысяч! Только предполагая, что Вы дорожите участием в предприятии, в котором должны очутиться в дружном единении выдающиеся деятели настоящего времени в области славянской науки, я настоятельно прошу Вас не отказаться от участия. Я желал бы внести Вас в число сотрудников для исторического очерка русского языка (звуков и форм) по всем наречиям и говорам. Статья Ваша должна развернуть перед читателем картину исторического хода всех наречий и говоров русской земли от первых (доисторических) начал до того момента, когда выступают на сцену великорусский литературный язык, а также малорусский. Тому и другому должна быть потом посвящена особая грамматическая статья, довольствующаяся изложением фактического. Не знаю, как поступить насчет белорусского. Какого мнения Вы? Надо ли дать еще особый анализ звуков и форм его после того, что будет изложено в рассуждении Вашем? Имейте в виду, что это наречие не считается литературным. Я хотел бы также узнать Ваше мнение насчет нынешних, живых, говоров великорусских. Считаете ли Вы недостаточным то, что о них войдет в Ваш очерк, или же Вам кажется целесообразным прибавить еще отдельное диалектологическое обозрение в роде того, что сделано проф. Соболевским в Живой Старине?² В последнем случае состояла бы глава, посвящаемая русскому языку, из трех частей: 1-е, общего исторического очерка жизни и судеб русского языка

(лучше русских наречий), 2-е, грамматического анализа великорусского и малорусского языка, 3-е, обозрения диалектологического.

При большом значении русского языка я готов уступить ему больше места, чем другим, но все же, чтобы не выйти из рамок и плана целого издания, я должен сказать, что больше 8 листов не должна обнимать разработка всех этих вопросов. Вы очень обяжете меня, если, обдумав все это, сообщите мне свое мнение откровенно и по-дружески.

Насчет срока мы, я надеюсь, сойдемся, я настаиваю на сроке (конец 1895 или весна 1896 года), зная по опыту, что многие просрочат. Если Вы обещаете кончить наверно к осени 1896 года, я согласен. Не понимаю, отчего Вы настаиваете на том, что напишете по-русски, когда я знаю, что Вы отлично владеете и немецким языком. Полагаю, Вы не хотите причислять себя к тем, кто боится писать по-немецки (в роде иных чехов, словинцев, хорватов и т. д.). Впрочем, если Вы уже никак не хотите — воля Ваша, напишите по-русски. Гонорара полагается 50 марок с печатного листа.

Вот и все, что я хотел сообщить Вам на первых порах об этом. С нетерпением буду ждать Вашего ответного письма.

А теперь у меня к Вам маленькая просьба. Не хотите ли быть столь любезны и навести справку в редакции „Нивы“, отчего она не посылает своего журнала моему зятю д-ру Решетару, выславшему подписную цену уже более месяца? Какие нехорошие это порядки, в редакции ли или на почте, не знаю!

Кланяйтесь всем членам Отделения.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1758.

¹ Во второй половине 90-х гг. Ягич усиленно хлопотал над планом создания Grundriss'a по славянской филологии совместными силами славистов разных стран и над задачей привлечения сотрудников и отыскания материальной базы для этого предприятия.

² А. И. Соболевский. Очерк русской диалектологии. „Живая старина“, т. III. 1892, вып. 1—4.

Н. Геров — II Отделению Академии Наук

9 (21) февраля 1895. Филиппополь

Императорское посольство в Константинополе доставит во Второе Отделение императорской Академии Наук экземпляры первого тома издаваемого мною толкового Словаря Болгарского языка.¹

Представляя первый том сего Словаря на воззрение Отделения Русского языка и словесности, неизлишним считаю объяснить, что Словарь этот составлен мною по образцу академического Словаря Церковно-Славянского и Русского языка,² с тою лишь разницею, что глаголы страдательные, возвратные и взаимные и страдательные причастия не поставлены в ряду как отдельные слова, а показаны при глаголах действительного залога; также и наречия от прилагательных показаны каждое при прилагательном, от которого происходит.

В остальном следуя плану академического Словаря, я при каждом слове ставил грамматические объяснения и логическое определение

значения его, также сословы, какие оно имеет, потом перевод его на русский язык, далее примеры с выписками из народных песен, в которых встречается слово, затем, с отделением их чертою, выражения, составляющие особенности языка, и, наконец, пословицы и поговорки.

Русские переводные слова внесены в Словарь лишь в дополнение к определению значения болгарских, поэтому Словарь и не может быть назван Болгарско-русским.

При некоторых выражениях, пословицах и поговорках показаны и русские соответственные выражения, пословицы и поговорки, но это редко.

В первом томе, содержащем первые пять букв А, Б, В, Г, Д, заголовочных слов 11497; при них примеров 5295, выписок из народных песен 565, выражений, составляющих особенности болгарского языка, 930 и пословиц и поговорок слишком 3500.

Все эти слова, примеры, выражения, пословицы и поговорки записаны мною из уст народа, и из собранного таким образом материала исключительно составлен Словарь. Из книг я не выписывал ни одного слова, ни одного примера. Это потому, что имеющиеся теперь на болгарском языке книги полны слов, не употребляемых болгарскими и неизвестных им, также выражений, несвойственных болгарскому языку. Я же с самого начала этой работы поставил себе задачею представить в Словаре болгарский язык таким, каким он сохранился в народе до начала новой болгарской словесности.

Ввиду того, что иногда по одному слову, существующему в том или другом из славянских языков, делаются заключения по вопросам, имеющим историческое значение, я думаю, что хорошо сделал, составив словарь исключительно из слов, существующих в живом болгарском языке. Я бы желал знать, как найдет это Второе Отделение императорской Академии Наук, и крайне признателен буду, если оно удостоит меня ответом с изъяснением своего мнения о таком составе словаря.

С такою же признательностию приму также всякие указания на недостатки, какие будут замечены в первом томе, чтобы по возможности восполнить их при издании последующих томов.

Весь Словарь выйдет в пяти томах, из коих второй теперь в печати.

Н. Геров.

Филиппополь.

9-го февраля 1895 г.

Ф. 9, оп. 1, № 647

¹ „Речник на българският язык с тълкувание речиты на български и на руски“. Н. Геров издал первые 2 части словаря (Пловдив, 1885—1893). По ходатайству президента Академии Наук, министром финансов С. Ю. Витте в феврале 1896 г. была назначена субсидия Н. Герову на продолжение издания его словаря, в 1500 р. (Ф. 9, оп. 1, № 647). Т. I словаря был передан на отзыв М. С. Дринову. После смерти Герова остальные части издал Т. Панчев (ч. 3, 4, 5 — 1899, 1901, 1904 и дополнения — 1908). Словарь был премирован Академией Наук в 1910 г. премией А. А. Котляревского.

² Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный II Отделением Академии Наук, т. I—IV. СПб., 1847.

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

9 (21) марта 1895. Вена

Вена 9/21 марта 1895.
XIX/I Döblinger Hauptstr. 24.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

К концу нашего здешнего полугодия накопилось много дел и я должен был переписку по моему предприятию несколько отложить. Теперь берусь за дело снова. Не далее как вчера я получил известие от Корша, что он соглашается принять участие по двум пунктам: о влиянии восточных языков на славянские и о метрике. К сожалению, Фортунатов все еще медлит с ответом, я уступил его желанию и ограничился, хотя это довольно неудобно, просьбою взять на себя по крайней мере фонетику. Боюсь, если он вскоре не даст ответа и надежного обещания, что надо будет обойтись без него. Жаль, даже очень жаль. Тут ему представляется самый удобный случай войти в обмен своими соображениями и исследованиями с ученым миром запада, который слишком мало знаком с его результатами, а это обстоятельство отражается не совсем выгодно даже на ходе его исследований.

Возвращаюсь еще раз к нашему предмету, т. е. к теме, предназначенной мною Вам. Мне хотелось бы от Вас получить: 1-е, очень сжатый очерк (обзор) трудов, посвященных до сих пор научному исследованию русского языка; 2-е, такую же (т. е. сжатую) историю русского языка, в которой затрогивались бы вопросы о древности русских наречий, их первые проблески в древних памятниках, вообще борьба наречий народных с литературной стихией, чтобы таким образом становился понятным нынешний литературный язык русский. Вот на что я рассчитываю непременно. Теперь другой и дальнейший вопрос: хотите ли Вы, после этого исторического освещения, взять на себя также характеристику всех нынешних живых наречий и говоров? Хотите ли совсем от этого удалиться или же поделить эту задачу? В последнем случае и я имел в виду Карского для белорусского, а Ляпунова для малорусского наречия, Вам же предоставляя я великорусские говоры. От решения Вашего зависят мои дальнейшие шаги. Ляпунова я знаю из Петербурга, Карский лично мне незнаком. Я очень желаю и сам, чтобы весь материал шел через Ваши руки, но, конечно, за мною должно остаться право последней редакции в виде уравнивания всех частей и желательного подведения под одного так сказать знаменателя. В сущность излагаемых теорий никто не будет трогать.

Сделайте одолжение, сообщите мне, чем скорее, тем лучше, Ваше решение по всем этим пунктам.

И с историею русской литературы беда. Я имею в виду М. Н. Сперанского по древней литературе, а по новой А. Н. Пыпина; но первый, кажется, слишком занят своею диссертациею, а Пыпин ничего определенного пока не отвечает. Да, правду сказать, он и не привык коротко и сжато выражаться. Какого были бы Вы мнения на этот счет?

Что касается словаря русского,¹ мне казалось бы, что не следовало бы ограничиться писателями 19 столетия, это не будет тогда исторический словарь нового литературного языка русского. Надо бы по моему, как я уже Вам писал, вынуть из писателей 18 и 19 столетий известное,

не очень широкое, но и не очень узкое, число, и на основании их сочинений создать словарь. Да и тут я бы поступил так, чтобы сначала продолжал словарь с той буквы, на которой покойный редактор остановился. Если дело будет приведено хорошо к концу, при новом издании легко было бы первые буквы заменить новою разработкою. Вот мое мнение, которого я, конечно, никому не навязываю.

Очень хотелось бы получить вскоре ответ, да кстати и с Вашим адресом.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1758.

¹ Идет речь о работе А. А. Шахматова в Академии Наук над продолжением „Словаря русского языка, составленного II Отделением Академии Наук“. В 1895 г. вышел последний, 3 вып. I тома (А—Д, 1891—1895), издававшегося под ред. Я. К. Грота. Задуманный Шахматовым план в корне реформировал принцип этого издания. Вып. I. II тома вышел в 1897 г.

88

П. А. Кулаковский — В. И. Ламанскому

16 (28) апреля 1895. Варшава

Варшава. 16 апреля 1895 г.
Маршалковская № 76.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Мне придется скоро опять побывать в Петербурге по двум причинам: 1) по Вам известному делу, оконченному в Москве уже, 2) по следующему поводу, о чем подробнее.

В начале апреля Славянское общество просило меня навести справки о некоем болгарине, учащемся в здешнем Ветеринарном институте, просившем пособия. Я навел сии справки и в ответе Аристову выразил мнение, что следовало бы Славянскому обществу отозваться какою-либо суммою на пострадавших от землетрясения словенцев, особенно в Любляну. Во всех славянских странах бедствие это нашло добрый отзыв, а у нас, конечно, не до того теперь. Но вот на прошлой неделе получаю телеграмму от Аристова, что Игнатъев просит меня, если могу, приехать к 11 мая и прочесть что-либо в общем собрании Славянского общества. Я подумал-подумал, и так как у меня между 8 и 15 свободное время от обязательства здесь сидеть, то решил согласиться и назначил тему о Шафарике.¹ 1 мая — столетие со дня его рождения. Следует, мне кажется, вспомнить о нем. Конечно, я не хочу читать лекции о Шафарике специально, входить в подробности его жизни и определения его великих ученых заслуг, но думаю (так по крайней мере мечтаю) дать общий отзыв об его значении как славянского мыслителя и ученого. Мне хочется остановиться на его некоторых взглядах и воззрениях общего характера, как на вопросы о племennom разветвлении славян, на славянское единство в языке и культуре, литературе, на его критику. Мне хотелось бы провести мысль в небольшом чтении о том, что необходима проверка и критика взаимных славянских отношений, что в наше

время болезни мегаломании у славян в различных племенах эта критика единственное средство отрезвления и здоровья. Переписка Шафарика с Погодиным дает хороший материал для суждения об отношениях Шафарика к России, а переписка Юнгманна с Марком для определения различных взглядов на Россию.² Конечно, это только общие мысли, ибо к разработке я еще не приступал. Ведь подобная речь не должна тянуться более 25—30 минут? Так ли? Я никогда не бывал на общих заседаниях Славянского общества. Я был бы очень благодарен Вам, Владимир Иванович, если бы Вы сделали мне замечания и указания. Постараюсь приехать в Петербург 9 мая, чтобы 10-го, до заседания, повидаться с Вами.

Читали ли отзыв о Вас в *Národních Listach* № 114, 26 dubna за текущий год? В нем говорится по поводу речи Комарова,³ что „следует согласиться с Ламанским, что русским нужно ближе знакомиться с славянскими народами, их прошлым и настоящим, их обстоятельствами жизни и т. д.

Lamanský podle našeho mínění ne pochybil tak ve věci, jako ve výkazu, jenž obyčejně u něho bývá drsný a překrý. Lamanský byl blízek pravdy, ale nedobral se až k ní. — Donkichotiada... byla po valce (говорится об освобождении болгар) kdy nastalo vystrážlivění z bojovného nadšení a kdy bylo třeba pracovati na osvobozené půdě podle plánu, který měl býti už před válkou dopodrobna promyšlen. Rusko táhnene za Dunaj smluvilo se s jinými státy najmě Německem, o posledním mezníku, ku kterému smí dospěti, až zvítězí. Ale bylo třeba ohlednouti se také na osvobozený národ a uvážiti, co s kim, jak upravití jeho byt a poměr k Rusku, až bude osvobozen. Toho Rusové opomenuli. V Bulharsku po osvobození bylo vše na náhodě. Každý krök vítězů najednou byl nejistý, a v nejistošě není síly.*

Сделал эту выписку, зная, что у Вас нет под руками *Národních Listů*. Крепко жму Вашу руку и всему Вашему семейству низенько кланяюсь. Искренно Вам преданный и глубоко Вас уважающий

П. Кулаковский. [...]

Ф. 35, оп. 1, № 772

¹ Речь П. А. Кулаковского о Шафарике напечатана в отчете о собрании в газете „Свет“ (№ 110, 13 мая 1895).

² Письма Шафарика М. П. Погодину изданы Обществом истории и древностей российских как 2-й выпуск „Писем к М. П. Погодину из славянских земель“ (М., 1880). Переписка И. Юнгманна с А. Марком напечатана в „*Časopis Českého Musea*“ (1881, V).

³ В. В. Комаров выступил 6 апреля 1895 г. на общем собрании Петербургского славянского благотворительного общества в ответ на ранее сказанную речь В. И. Ламанского (газета „Свет“, № 79, 7 апреля 1895).

* С нашей точки зрения, ошибка Ламанского заключалась не столько в освещении сути дела, сколько в способе выразиться, который у него обычно резкий и грубый. Ламанский был близок к истине, но постиг ее не вполне. *Донкихотиада...* имела место после войны (говорится об освобождении болгар), когда наступило отрезвление после воинственного возбуждения и когда надо было начать работу на освобожденной территории по плану, очевидно, продуманному во всех деталях еще до войны. Россия в своем стремлении за Дунай договорилась с другими государствами, а именно с Германией, о границе, до которой она может прийти, если одержит победу. Но следовало также принять во внимание и освобожденный народ, обсудить, как упорядочить его бытие и отношения с Россией, когда он будет освобожден. Это русские упустили из виду. После освобождения в Болгарии все было делом случая. Каждый шаг победителей уже сразу был неуверенным, а в неуверенности нет силы.

М. С. Дринов — В. И. Ламанскому

26 апреля (8 мая) 1895. Харьков

Глубокоуважаемый Владимир Иванович.

Более трех недель я находился в сильной тревоге по случаю опасного положения моей единственной дочери, которая болела инфлуэнцею, плевритом и воспалением легких. Теперь она начала чувствовать себя лучше, и доктора уверяют, что всякая опасность уже миновала, но я все еще не пришел в себя от пережитых тревожений и бессонных ночей. Вот почему до сих пор не мог откликнуться на Ваше любезнейшее письмо, да и теперь отвечаю кратко, не так, как бы хотелось. Сердечно радуется моему твердому решению основать в столице России строго научный журнал, посвященный славянской истории и филологии в обширном смысле слова.¹ Это начинание идет навстречу хорошо сознанной потребности, и я не сомневаюсь, что весть о нем будет принята в умственных центрах России и славянства с возгласом „давно пора“, который вырвался из моих уст при чтении Вашего письма. Название журнала „Славянский мир“, по моему мнению, подобрано весьма удачно. От всей души желаю полного успеха Вашим хлопотам и прочной постановке этого чисто научного предприятия, которое, несомненно, будет иметь и весьма важное общественное значение. Излишним считаю уверять Вас в своей готовности послужить такому благому делу, чем могу. В Б. М. Ляпунове, которого, вероятно, увидите через неделю в Петербурге, Вы будете иметь весьма усердного и полезного сотрудника. Между нашими слушателями попадаются иногда, хотя и редко, дельные юноши, которых также можно было бы привлечь к участию в журнале, особенно в критико-библиографическом отделе.

С завтрашнего дня я принимаюсь за исполнение одного довольно щекотливого поручения 2-го Отделения Академии Наук, именно за составление краткого отзыва о недавно изданном 1-м томе словаря Герова.² Щекотливым называю это дело потому, что приходится давать не совсем одобрительный отзыв о труде, который болгарские критики (официальные) превознесли до небес и на издание которого болгарские правители ассигновали 35 000 франков.

После перенесенных дочерью болезней нам необходимо уехать куда-нибудь на лето из Харькова, но куда? Об этом некогда было еще подумать.

Искренне уважающий Вас и душевно преданный

М. Дринов.

Харьков, 1895
26 апреля.

Ф. 35, оп. 1, № 496.

¹ Идет речь о планах В. И. Ламанского издавать журнал „Славянский мир“. В его архиве сохранилось прошение министру народного просвещения И. Д. Делянову от 25 марта 1895 г. о субсидии на издание с 1896 г. ученого русского органа для изучения славянской филологии и славянской истории, под редакцией Ламанского, с привлечением русских и славянских славяноведов. Редакционный совет журнала должен был в то же время составлять издательскую комиссию Филологического общества при

Петербургском университете, о возрождении которого заботился Ламанский, бывший до весны 1888 г. его председателем. В редакционный совет намечены: по славянской филологии — А. И. Соболевский, И. Н. Жданов, А. А. Шахматов, И. Лось; по славянской истории — С. Бершадский, И. С. Пальмов, П. А. Сырку и С. Л. Пташицкий. Издание „Славянского мира“ не состоялось.

² Отзыв М. С. Дринова на „Словарь болгарского языка“ Н. Герова напечатан в „Изв. ОРЯС“ (т. I, кн. 2, 1896) и в „Записках Харьковского университета“ (кн. IV, 1896; отд. оттиск 1897).

Л. Куба — Академии Наук

16 (28) декабря 1895. Подбрады

Славная императорская Академия Наук в Петрограде!

С глубочайшим почтением потписанный имеет честь сообщить славной Академии, что полученным сего года пособием воспользовался следующим образом.

Путешествовал и собирал песни (с вполными текстами) в Сербии в этих местах (городах) и их окрестностях: Пирот, Ниш, Крагуевац, Смедерево, Београд, Шабац, Мачва. Собранные материалы теперь переписую и приправляю последний отдел моего труда „Slovanstvo ve svých zřevch“.

Этим путешествием я совершил нужные для совершения моего труда выездки по всем славянском мире, кроме Македонии, и я могу теперь удобно заключить рукопись моего „Slovanstva“ и мне не станет другой хлопоты, чем спорить деньги, чтобы был в состоянии издать песни босенско-герцеговские, болгарские и сербские.

Путешествие мои, початые г. 1886 на мое собственные средства, я не был в состоянии совершить због нехватания денег, и я должен из всей души благодарить славную Академию, которая мне охотно помогла три раза: г. 1893, 1894 и сего года. Позвольте, да Вам искренное „спасибо!“ повторяю!

Македония только осталась мне мимо програм, потому что я должен был стеснить свой програм на самые необходимые экскурсии — и Македония содержит Сербия и Болгария, народы мною уже посещенные.

Но всетаки было бы полезно зайти в эту запущенную землю, в которой мало путешествуется, и тем менее обращается внимание на фолклор этой во всяком случае занимливой и важной стороне славянского мира.

Я бы очень рад как supplement своих славянских этнографических этюд заехал в Македонию ради песен, еслибы славная Академия могла еще один раз своим пособием в этом предприятии содействовать, и я бы был от всей души благодарен, потому что бы я мог своему труду „Slovanstvo“ прибавить так занимливый и важный отдел македонских песен.

Но потому что я уже славную Академию много беспокоил, я не осмелюсь просить вновь, а только предлагаю эту мысль будто proposition, и если найдет у славной Академии одобрения, я буду считать своей должностью выехать еще в Македонию и благодарить искренно за полученное пособие и честь.

Материали мои, которые будут, как полагаю, в месяце апреле в рукописе приправлены, я осмелюсь славной имп. Академии предложить (за все прошлые года).

С искреннейшею благодарностью и с глубочайшим почтением

преданный

Лудвик Куба.

Мостар в Герцеговине. 28/16 декабря 1895.

Адрес: Л. Куба, Подебрады, Богемия.

Ф. 9, оп. 1, № 657.

91

Э. Мука — В. И. Ламанскому

18 (30) января 1896. Фрейберг

Freiberg w Saks. 30. I. 96.

Wysokočesčeny slawny Knježel!

Hižo dawno sym Wam chcył pisać a so Wam nanajwutrobniso džakować za Wašu tak wulku přečelniwosć a dobrotu, zo sće mi dali pósłać za našu Maćicu Serbsku wšitke dotalne zwjazki Wašeje wubjerneje „Živeje Stariny“ a zo chceće mi ju porjadnje dale přisyłać na wuměňenje za moju „Łužicu“ a wote mnje redigowany „Casopis Maćicy Serbskeje“, ale ja wočakowach přeco, zo bych Wam z dobom móhl dopjelnić Waše we Wašim lubym lišće wuprajene přeća. Chcych a chcu Wam je z wutroby rady dopjelnić, ale dokaž wot swojeje serbskeje „Lauten und Formenlehre“ hižo dawno wot dostatych 15 swobodnych exemplarow žadyn wjacy nimam, pisach na Jabłonowske towarstwo w Lipsku, kotrež je ju nakładowało, zo by mi hišće 1—2 ex. dalo, dokaž jej trjebam, ale dotal njedostach. Dostanu-li pak hišće, pósčelu Wam hnydom 1 exemplar lubje rad. „Łužicu“ drje tola porjadnje dostawaće a „Casopis M. S.“ budu Wam porjadnje słać za lěto dwójcy; pódlá sčelu Wam pod križnym zwjazkom zešiwk, kiž je runje wušoľ.—Dla žadaneho nastawka (statii) za Žiwuju Starinu, kotryž bohužel dla wjele džěła za zastojnstwo Maćicu Serbsku sam njemóžu pisać, sym znatemu mi młodemu spisaćelej, poručnosć daľ a nadžijam so zo móžu Wam jón hišće do 1. hapryła pósłać! Z cyła chcu Wam rad po móžnosci porjadnje wědomostne narodopisne nastawki za Waš časopis słać. Rad bych tež pozdžišo stare pomjatniki našeje serbskeje řeče wudaľ.—By-li je snano Waša Kejžarska Akademija w Petrohrodže do nakłada wzaľa a mje při wudaću ze srědkami podpjeraľa?

Skónčnje dowolam sebi hišće ponižnu próstwu w nastupanju našeje najwjetšeje narodneje naležnosće, našeho serbskeho Maćičneho doma, centra našeje cyľ je narodnosće, prašenja žiwjenja a byća Serbowstwa. My njemóžemy sami třebne pjanjezy za to w nasim maľym a khudym narodže nazběrać a wobročamy so tež z próstwu wo pomoc na našich sbožownišich słowjanskich bratrow, na wulki a nadobny ruski narod. Sčelu Wam pódlánekotre tajke ruske próstwy a někotre serbske rozprawy wo naležnosći a dotalnym postawje serbskeho Maćičneho doma, a prošu Was z tutym w mjenje předsydstwa nanajnutnišo při Wašej znatej nadobnej zmyslenosći, zo byšće nam chcyli Wašu lubosć přikhilić a mjez Wašimi mnohimi zamo-

žitými znatými w Petrohrodže a druhdže nam dobyć dobroćerjow Serbowstwa a z najmjeńša po możności wjele zakładnikow serbskeho narodneho doma. Za tutu lubość budže Wam Maćica Serbska a cyły serbski narod přeco džakowny. Rad bych Wam wjacy tajkich ruskich próstwou a serbskich rozprawow pósłał, tak ruče hać sebi je žadaće.

Z najwyššim počescówanjom poruša so Wam
 Waš džakownje poddany
 Ernest Muka.

Adres: Dr. Ernest Muka (Mucke) in Freiberg, Sachsen.

Ф. 35, оп. 1, № 982.

Перевод

Фрейберг в Саксонии. 30. I. 1896.

Высокоуважаемый господин.

Уже давно хотел я Вам написать и сердечно поблагодарить за Ваше столь дружеское отношение и доброту, выразившиеся в том, что Вы прислали для нашей сербской Матицы все вышедшие до сих пор выпуски Вашей прекрасной „Живой Старины“ и что хотите мне ее систематически дальше присылать в обмен на мою „Лужицу“ и редактируемый мною „Часопис Матицы сербской“;¹ но я ожидал, пока смогу выполнить изложенные в Вашем любезном письме пожелания. Я хотел и хочу выполнить их от всего сердца, но поскольку уже давно из полученных 15 экземпляров своей сербской „Lauten und Formenlehre“² ни одного не имею, я написал в общество Яблоновского в Лейпциг,³ которое ее издавало, чтобы мне еще дали 1—2 экз., так как я нуждаюсь в них, но до сих пор ничего не получил. Если еще получу, охотно пришлю Вам немедленно 1 экземпляр. „Лужицу“ Вы получаете, а Часопис Матицы буду Вам посылать дважды в год; при сем высылаю Вам бандеролью выпуск только что вышедший. Что касается желаемой статьи для „Живой Старины“, которой, к сожалению, из-за большого количества работы по руководству Матицей сербской сам не могу написать, то я поручил ее своему знакомому молодому писателю и надеюсь, что еще до 1 апреля смогу Вам ее выслать. Вообще, я хотел бы Вам по возможности аккуратно присылать этнографические статьи для Вашего журнала. Очень хотел бы также в будущем издать древние памятники нашего сербского языка. Не согласилась ли бы ваша имп. Академия в Петербурге принять их к опубликованию и отпустить мне необходимые на издание средства?

Наконец, разрешаю себе еще обратиться к Вам с покорнейшей просьбой в связи с постройкой нашего важнейшего национального учреждения, народного дома нашей сербской Матицы, центра всей нашей национальности, вопроса жизни и существования сербов. Сами мы не можем собрать необходимые для этого средства в нашем малом и бедном народе, и мы обращаемся с просьбой о помощи к нашим более состоятельным славянским братьям, к великому и славному русскому народу.⁴ Посылаю Вам при этом такие обращения на русском языке и сербские брошюры об организации и современном положении сербского народного дома и от имени правления последнего прошу Вас покорнейше, зная Ваши взгляды, оказать нам любезность и приобрести нам доброжелателей сербского народа среди Ваших многочисленных состоятельных знакомых в Петербурге и в других местах, и по возможности больше членов основателей. За эту услугу Матица сербская и весь сербский народ

будет Вам чрезвычайно благодарен. Охотно пошлю Вам больше таких обращений на русском языке и сербских брошюр, коль скоро Вы пожелаете.

С глубочайшим почтением остаюсь
Вам искренне преданный
Эрнест Мука.

¹ Луицкий лингвист Э. Ю. Мука стал преемником М. Горника в редакции „Časopis Maćicy Serbskeje“, а также редактором ежемесячника „Lužica“ с 1882 по 1913 г.

² Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialecte und des Obersorbischen. Leipzig, 1891.

³ Общество, основанное польским ученым И. А. Яблоновским в 1768 г., выдававшее премии за лучшие научные труды.

⁴ Закладка нового народного дома в Будишине была совершена 8 апреля 1897 г. в 50-летие литературного общества лужицких сербов — Матицы сербской (В. Францев. Матица сербская в Будишине. СПб., 1897).

92

С. Томич — В. Н. Щепкину

24 января (5 февраля) 1897. Белград

Београд, 24 января 1897 год.

Многопоштовани Вјачеслав Ниќолајевићу.

Ја Вам пишем „на жену па на уштап“ кад мени штогод затреба. Тако и сад. Потребна ми је г. М. Покровскога расправа „Разисканија по семасиологији древ. јзыков“, па бих Вас молио да ми је пошљете, а колико буде стајала, ја ћу Вам одмах одовуда послати. Будите тако добри те ми учините и ту љубав.

Кад би ми могли набавити Филипа Фјодоровића курс: введение в языковедение јер ја имам, благодарећи Вашој доброћи, курс фонетики и морфологије индој. језика — не знате, како би ми доброту и пријатељску услугу указали. Ја сам још тамо у г. Поржезинскога видео такав курс, а свакако — нема просто сумње да ће имати и новије издање.

Читам у Idg. Forschungen, да је неки немац, Бернекер, превео лекције Филипа Фјодоровића из стар. слов. језика на немачки и да се штампјеу у Штрасбург и то ме је врло обрадовало, доста је и било тутања под „спудом“.

О себи немам шта да вам причам. Одређен сам за члана Вукова Одбора за издавање Вукових списа. Г. Стојановић није овде па га је замењујем као помагач у изради — штампању Вукова Рјечника, који је сложен досад до 43 табака закључно. — Још нисам почео рад као приватни доцент, јер је скупштина потврдила нов „устав“, и траје преуређивање... Рад сам знати, шта Ви радите, о чем се бавите, да се нисте одметнули у хајдуке од — науке...

Да ли Ви добивате наше „Дело“ у Москви, и ако не добивате, гледају да Вам се шаље, — то је наш „литературни центар“, и ако није као што би требао да је и могао бити. И то бих желео знати, да ли добивате књиге „Књижевне Задруге“, која би требало и Вас тамо да интересује.

Поздрав Филипу Фјодоровићу, Петру Алексејевићу и Вама од оданого Вам С. Н. Томича

Ф. 254, оп. 1, № 73.

Перевод

Белград, 24 января 1897 год.

Многоуважаемый Вячеслав Николаевич.

Я пишу Вам „и в новолуние, и в полнолуние“, когда мне что-нибудь требуется. Так и сейчас. Нужен мне труд г. М. Покровского „Разыскания по семасиологии древних языков“,¹ и я просил бы Вас мне его прислать, а сколько он будет стоить, я немедленно Вам отсюда вышлю. Будьте так добры, окажите мне и эту услугу.

Если бы Вы могли приобрести для меня курс Филиппа Федоровича — Введение в языковедение, — у меня есть благодаря Вашей доброте курс фонетики и морфологии индоевропейских языков, — Вы не представляете, какую любезность и дружескую услугу Вы мне оказали бы.² Я видел этот курс еще там у г. Поржезинского, но и сомнения быть не может, что я хотел бы иметь и это новое издание.

Читаю в Indogermanischen Forschungen, что некий немец, Бернекер, перевел лекции Филиппа Федоровича по старославянскому языку на немецкий и что они печатаются в Страсбурге,³ и это меня чрезвычайно обрадовало, довольно им лежать под спудом.

О себе мне Вам нечего рассказывать. Назначили меня членом Вуковой комиссии по изданию трудов Вука. Г. Стояновича здесь нет и я его замещаю как помощник по подготовке к печати Вукова словаря,⁴ который составлен до сих пор по 43 лист включительно. Я еще не начал работать в качестве приват-доцента, потому что скупщина утвердила новый „устав“ и преобразования продолжаются. Очень рад был бы узнать, что Вы поделяетесь, чем занимаетесь, не изменили ли науке?

Получаете ли Вы в Москве наше „Дело“,⁵ а если не получаете, то я позабочусь, чтобы Вам его послали, это наш „литературный центр“, и если оно таковым не является — то должно и может им быть. Еще я желал бы знать, получаете ли Вы выпуски „Книжной задруги“,⁶ которые и Вас должны были бы интересовать.

Привет Филиппу Федоровичу, Петру Алексеевичу и Вам от преданного Вам

С. Н. Томича.

¹ М. М. Покровский. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1895.

² Идет речь о литографированных курсах лекций Ф. Ф. Фортунатова: „Сравнительное языковедение“, курс 1897/98 г.; „Сравнительная морфология индоевропейских языков“, курс 1890/91 г. и др.

³ Предпринятое Э. Бернекером с согласия Ф. Ф. Фортунатова издание немецкого перевода „Лекций по фонетике старославянского языка“, о чем было сообщено в иностранной печати, не было осуществлено.

⁴ Речь идет о подготовке третьего издания Сербского словаря В. Караджича.

⁵ Дело, лист за науку, книжность и друштвени живот (выходил в Белграде с 1894 г.).

⁶ Сербское книгоиздательство в Белграде, предпринимавшее серийные издания.

С. Томич—М. Н. Сперанскому

5 (17) септембра 1897. Београд

Београд, 5 септ. 1897 г.

Поштовани г. Сперански.

Још се не бих наканио да Вам пишем, да ми не рече г. Милићевић да сте били болесни. Г. Милићевић је добио од Јагића писмо у коме му овај јавља да сте били болесни, и да сте, пошто сте оздравили, право отишли у Њезин.

Из Београда нема шта особито, што би вредно било да Вам се јави; све иде по староме—мало се ради, више се политизира и очекују промене владе. Бар тако се пронесе глас: криза, криза и ништа...

Вуков одбор за преношење земних му остатака ради; али још не зна се дан када ће бити пренос. Краљ није овде, а у иностранству, и ако је умосвен да одреди дан, он ваљда не воли да о Србији бригу брине. Мени је г. Милићевић предао бригу да Вам јавим, кад овај дан буде одређен—наравно оном свечаном „јавнициом“, како ју је чича Милићевић назвао. Тока је наштампао „приповијетке“ и пуштене су у продају, а испросио девојку. Просидба је утврђена, са свадбом чека, док не поправи татану кућу.

Стојановић се одмара у Абаџији, а Вуков Рјечник чека божедана, док се господин не одмори. Вели се биће до броја ове године напечатан.—Ја „пословице“ радим али збор школских и других хитних послова, још нисам стипао да их спреим потпуно штампугу. Чекамо да прегрми ова свечаност.

Пишући ове ретке, слободан сам замолити Вас, да ме се сетите збор оних лекција г. Фортунатова, о којима смо у Крагујевцу разговарали. Велику ћете ми услугу и доброту учинити, ако ми их добавите—макар да их ја само препишем. Још бих Вас молио да ме обавестите, јесу ли наштампани они рукописи Потебњини, у којма је он обрадио неколике хартије из историје значења речи. О њима знам из једнога извештаја Едв. Волтера у Сборнику петрогр. академије.

Ако Вас интересује, могу вам саопштити да у Београду сада имамо још један рукопис „Георгија Инока“ хронографа. На хартији је писан в лето 3 ре мџа октом'вриа к. Својина је г-зе Константиновићке, оне краљеве рођаке, која има још неких рукописа. Онај запис је на другом листу, можда сполмиње само кај је поклоњен, није цео сачувам, неко окршен. Мислим да Поливка ради на хронографама бар је путовао овамо на југ њих ради.

Неможте заборавити ону моју молбу о лекцијама, а о другом чем, што ми нисте дали и обећали.

Примите срдачан поздрав и уверење о моем одличном поштовању

С. Н. Томич.

Перевод

Белград, 5 сент. 1897.

Уважаемый г. Сперанский.

Я не собрался бы и сейчас еще Вам написать, если бы г. Миличевич не сказал мне, что Вы были больны. Г. Миличевич получил письмо от Ягича, в котором тот сообщает ему, что Вы были больны и что после выздоровления сразу отбыли в Нежин.

В Белграде нет ничего такого особенного, что стоило бы Вам сообщить, все идет по-старому, мало работают, больше занимаются политической и ждут перемены власти. Разве пронесется слух: кризис, кризис, и опять ничего...

Комиссия по переносу останков Вука работает;¹ но еще неизвестно, когда перенос состоится. Короля здесь нет, он — за границей, и если назначить день, он возможно не захочет иметь заботу о Сербии. Г. Миличевич поручил мне сообщить Вам, когда этот день будет назначен, разумеется, торжественным „извещением“, как говорит дядя Миличевич. Джокя* напечатал „пословицы“, и они поступили в продажу, а он посватался. Просьба удовлетворена, свадьбу откладывают до тех пор, пока не поправят отцовский дворец.

Стоянович отдыхает в Аббации, а словарь Вука дожидается лучших дней, пока хозяин не отдохнет. Говорят, что будет напечатан до конца этого года. Я тружусь над „пословицами“, но сборник школьных и других обиходных выражений еще не пытался подготовить для печатания. Ждем, чтобы отгремели эти торжества.

Набрасывая эти строки, осмеливаюсь просить Вас послать мне собрание тех лекций Фортунатова, о которых мы беседовали с Вами в Крагуевце. Большую услугу мне и пользу окажете, если мне их достанете — хотя бы для того, чтобы я их переписал. Еще бы я попросил Вас известить меня, напечатаны ли те рукописи Потевни, в которых он обработал несколько памятников истории значения слова. О них знаю из одного сообщения Эд. Вольтера в Сборнике Петербургской академии.²

Если Вас интересует, могу Вам сообщить, что у нас в Белграде имеется теперь еще одна рукопись хронографа „Георгия инока“. В рукописи стоит — в году 3 ре мѣца октомвриа к. Она является собственностью г-жи Константинович, родственницы короля, имеющей еще другие рукописи. Запись эта — на втором листе, возможно это только упоминание о времени, когда он преподнесен.

Думаю, что Поливка работает над хронографами, по крайней мере он приезжал сюда на юг ради них.

Не забудьте мою просьбу о лекциях и о другом, что Вы мне обещали и не дали.

Примите сердечный привет и уверение в моем глубоком уважении.

С. Н. Томич.

¹ Сербская академия избрала особую комиссию для перенесения праха В. Караджича из Вены в Белград. О связанных с этим торжествах см.: А. Гаврилович. Споменица о переносу праха В. С. Караџића из Беча у Београд 1897. Београд, 1898.

² Библиографические материалы для биографии А. А. Потевни. Собрал Э. А. Вольтер. Сборник ОРЯС, т. LIII, 1892.

* Дж. Джорджевич.

Л. Стоянович — М. Н. Сперанскому

11 (23) октября 1897. Белград

Београд, 11 окт. 1897.

Драги пријатељу.

Ви ћете ми опростити што сте тако дуго чекали на одговор. Вукова свечаност није ми дала време да вама одговорим. Поред многог тргања око дочекивања и испраћања гостију био сам пре тога заузет писањем отчета за тај дан, који је доста дуг, и биће мислим скоро наштампан. Кад буде готов, послаћу вам га.

Мирослављеве еванђеље још никоме није послато јер је краљ био на путу. Сад кад се вратио опет је министерска криза. Док се то сврши почеће разашилјање.

Јавите ми јесте ли држали какву седницу за Вука?

Да ли сте што нашли од Вукове кореспонденције? Овде је био Пјетухов, а сад је у Софији. Он је обећао да ће наћи Вукова писма писана Срезневском.

Приповетке Вукове Вам је Ђорђевић јамачно послао, сад је можда мало збуњен.

Много вас поздравља

Ваш Љуб. Стојановић.

Ф. 172, оп. 1, № 229

Перевод

Белград 11 окт. 1897.

Дорогой друг.

Простите, что Вам так долго пришлось ждать ответа. Вуковы торжества не дали мне времени ответить Вам. Помимо большой возни с ожиданием и проводами гостей я был занят писанием отчета за этот день, отчета, который достаточно длинен, и, думаю, скоро будет напечатан. Когда он будет готов, я его Вам вышлю.

Мирославово евангелие еще никому не посылалось, так как король путешествовал.¹ Теперь, когда он вернулся, опять наступил министерский кризис. Как только это окончится, начнут рассылать.

Сообщите мне, было ли у Вас какое-нибудь заседание в честь Вука?

Нашли ли Вы что-нибудь из переписки Вука? Здесь был Петухов, теперь он в Софии. Обещал найти письма Вука к Срезневскому.²

Пословицы Вука Джорджевич Вам, наверно, послал, теперь он меньше занят.

Горячо приветствует Вас

Ваш Люб. Стоянович.

¹ Идет речь об автотипическом издании Мирославова евангелия, сербского памятника XII в., сделанном Л. Стояновичем, под наблюдением И. В. Ягича, на средства короля Александра Обреновича (Вена, 1897). Издание было равносложно крупнейшим представителям южнославянской филологии.

² Л. Стоянович занимался подготовкой переписки В. Караджича, которая была им издана: „Вукова преписка“ (I—VII, Београд, 1907—1913). О письмах Вука к Срезневскому см. „Описание выставки в память 100-летия со дня рождения Срезневского“ (П., 1916, стр. 322), где упоминаются только 2—3 автографа Караджича.

П. А. Сырку — В. И. Ламанскому

17 (29) октября 1897. Вена

29 окт. 1897. Вена.

[...] Игнатий Викентьевич Ягич ужасно гадко относится к нам и свысока, свысока; к тому же он и неискренен. Он всегда говорит, что мы, русские, в славистике должны служить образцом для других славян; а между тем он всеми силами старается сделать Вену центром славянских студий; Семинарий его очень хороший; ему я посвящу целое письмо к Вам, при этом семинарии он хочет завести приват-доцента, кроме славянских языков, по румынскому, новогреческому и албанскому. По последнему он готовит уже македонского болгарина, который выдает себя за албанца. Затем благодаря его стараниям и другим, назначено чуть ли не миллион гульденов на изучение Балканского полуострова во всех отношениях. В нынешнем году был отправлен в Боснию и Сербию его зять Решетарь и имели поручение отсюда — Милетич для болгарских наречий и Аранца для далматинских; отчеты их будут напечатаны.¹ Впрочем Аранцею Ягич очень недоволен. Работают также и по другим отраслям знания на Балканском полуострове. Своим семинарием Ягич высказывал мне неудовольствие; он говорит, что к нему не приходят ни из Праги, ни из Кракова, Львова и Черновиц, ни из Загреба, ни из Белграда; а есть у него два-три словинца. Хотя в славянском семинарии у него собирается ныне до 18 человек, но большая часть из них заезжие рыцари, а серьезно занимающихся студентов два-три. Впрочем, его студенты в сравнении с нашими очень не важны; они знают немного и очень узкие слависты-лингвисты по преимуществу. Если бы у нашего студента были те удобства, какие имеет здешний славист-студент, то наш делал бы чудеса в сравнении с здешним. Уже одна библиотека, пополняемая главным образом нашими даровыми изданиями, чего стоит; к тому же она открыта с утра, с 9 ч. до 6—7 ч. веч., с отоплением и электрическим освещением. Что же у нас, Владимир Иванович! Недавно читал в *Insbrucker Nachrichten*, что на границах Баварии, в одном замке, находится глаголическая рукопись в 20 лл. 1057 г. Ягич узнал об этом раньше, но скрывал от меня до тех [пор] пока я ему не сказал, что он от меня скрывает. Правда, это известие оказалось мифическим; но все-таки с его стороны большое свинство. Боялся, чтобы я туда не поехал. Но ему достаточно было сказать мне, как сказал впоследствии, что он ведет переписку по поводу этого известия, и я, конечно, не стал бы ему мешать. Затем на этих днях он сделал сообщение в Индогерманском обществе о Добромировом Евангелии,² о котором он спрашивал у меня сведений, не сказав зачем; в день сообщения и даже когда отправлялся в заседание, виделся со мною, но ничего не говорил мне об этом, хотя я уже знал, куда он идет и зачем. Я его не видел после сообщения; но я скажу или, вернее, спрошу, как ему покажется, если с ним [так] поступит кто-либо из нас у нас. Не знаю, приобретали ли это Евангелие у нас или нет? Оно, несомненно, украдено с Синая, привезено сюда в числе других славянских и неславянских рукописей; но в здешней Придворной библиотеке, заподозрив воровство, не купили. Восточной человек отсюда отправился к нам: это было в прошлом году. Знаете ли что-нибудь Вы об этом? Об этом Евангелии писал Порфирий во 2-м путешествии своем на Синай и затем в Путешествии

в афонские монастыри и скиты,³ где бытописует Зографский монастырь, в сравнении с другими болгарскими рукописями.

Относительно труда по славянской филологии Ягич разочарован; он говорит, что братья славяне его обманули. Теперь он думает, что с 20-м томом бросит Archiv, так как теперь трудно пополняется, что правда, и тогда сам начнет писать свой Grundriss. Во всяком случае, пока себя не обеспечит, хотя бы для 1-го тома, ничего сказать не может. [...]

Ф. 35, оп. 1, № 1380

¹ Ягич напечатал отчет „Vorläufige Berichte der Balkankommission. I. Über Dialectforschung auf der Balkanhalbinsel nach den Mittheilungen der Herren prof. Miletic in Sofia, prof. M. Rešetar in Wien und d-r Aranza in Spoleto zusammengestellt“ в „Anzeiger der kais. Akad. der Wissensch. in Wien, philos.-hist. Klasse“, В. XXIII, 1897.

² Исследование о Добромировом евангелии Ягича издано в „Sitzungsberichte der kais. Akad. der Wissensch. in Wien, philos.-hist. Klasse“ (В. CXXXVIII и CXL, 1898)— „Evangelium Dobromiri. Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII Jahrhunderts“.

³ Еп. Порфирий (Успенский). Второе путешествие... в Синайский монастырь в 1850. СПб., 1856; Восток христианский. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 и 1846, ч. I и II, Киев, 1877; 2 изд., М., 1880.

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

2.(14) ноября 1897. Вена

Вена 2/14 ноября 1897.
VIII Kochgasse 15.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Ваше письмо обнадеживает меня столь приятным известием насчет А. Н. Пыпина, что я не могу выдержать, я спешу сейчас передать Вам, как я буду рад, если этот план состоится. Не знаю, что Вы могли бы сообщить мне в равной мере приятное и отрадное! Действительно пора исполнить по отношению к этому честному труженику старый долг всей образованной России. Кому же приличнее сделать это, как первенствующему в империи учреждению, импер. Академии Наук! Дай бог, чтобы это известие осуществилось. Пожалуйста, если избрание состоится — конечно не у вас в Отделении, а в Общем собрании — напишите мне или пошлите даже телеграмму, чтобы я мог тотчас же поздравить моего старого хорошего друга и приятеля!

И я с Вами жалею, что здоровье Л. Н. Майкова пошатнулось. Как это так скоро с ним случилось? Ведь он не многими годами старше меня. Впрочем — мы уже действительно становимся стариками. И я начинаю это чувствовать.

Ваше усердие выше всякой похвалы — я даже повторяю, будьте осторожны, не напрягайте своих сил уже очень расточительно. Как я рад, что Вы счастливы в семье! Кланяйтесь Вашей дорогой супруге, скажите ей, что я и от нее надеюсь, что она не допустит Вам через чур много заниматься, Вы теперь живете не только для науки, но и для семьи.

Я убежден, что Ваш труд, вложенный в словарь, сразу покажет, что Вы гораздо серьезнее относитесь к этой задаче, чем Ваш предшествен-

ник, только и этому труду посвящайте не все свободное время. Словарная работа очень утомительна. В Белграде я видел нашего Будмана (редактора загребского академического словаря). Вот на нем небеследно отразилось многолетнее занятие словарем, оно подкашивает его силы.

Как жаль, что нельзя к Вам на такие заседания, как были поминки по Ф. И. Буслаеву.¹ Я уважал и обожал этого человека за тот священный огонек, который одушевлял его до последних дней жизни. Это был ваш и всех нас — Grimm. За границей слишком мало знали его, даже Миклошич в своих статьях о народной поэзии повидимому обходит его молчанием вследствие незнакомства с его трудами. Я в своих лекциях по истории славянской народной поэзии всегда останавливался на нем очень подробно. Я собственно заставил его начать у нас в Сборнике перепечатку своих статей.² Как жаль, что не продолжалось. Не имеется ли это в будущем в виду?

Очень радует меня бойкость Ваших „Известий“.³ Постараюсь к рождеству приготовить опять кое-что для вас. Только насчет Драганова я бы просил Вас проверять его данные несколько повнимательнее.⁴

На днях я доставляю Вам предварительное известие о ходе занятий по диалектологии наших трех путешественников, д-ра Милетича, д-ра Решетара и д-ра Аранцы. Последний не удался, он обманул мои надежды, но Милетич и Решетар исследовали очень усердно. Я намерен предложить академии послать их и в будущем году для продолжения занятий.

Вскоре придет в Петербург один из молодых сербов, кончивших у меня и Иречека свои занятия в прошлом году. Он желает продолжать свои науки преимущественно по византологии у Вас. Вы позволите направить его и к Вам, он очень симпатичный и сведущий молодой господин. Фамилия его: д-р Станоје Станојевић.

А я все еще не получаю конца моих источников!⁵ Целый год нельзя было покончить с этим изданием!

Кланяйтесь Вашей супруге от всех нас. Будьте здоровы. Передайте поклон Северьянову, он славный, только слишком увлекающийся труженик.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1658.

¹ Идет речь об Общем собрании Академии Наук 6 сентября 1897 г., где А. Ф. Бычков читал воспоминания о деятельности Буслаева.

² Т. XLII „Сборника ОРЯС“ за 1897 г. содержит работы Буслаева — „Народная поэзия“.

³ „Известия Отделения русского языка и словесности“ начали выходить с марта 1896 г. под ред. А. А. Шахматова; издавались до 1927 г.

⁴ Ягич имеет в виду статью П. Д. Драганова „Библиографическое обозрение литературы южных славян и Галицкой Руси за 1895 год. I. Систематический указатель важнейшим произведениям Болгарской литературы“ в „Изв. ОРЯС“ (1896, кн. 2 и 4; 1897, кн. 3; отдельно СПб., 1897).

⁵ Источники для истории славянской филологии, т. II. СПб., 1897 (Новые письма Добровского, издал И. В. Ягич).

И. В. Ягич — А. И. Соболевскому

12 (24) февраля 1898. Вена

Милостивый государы!

Прилагаемый план издания: Grundriss (или если Вам лучше нравится: Handbuch, Compendium?) покорнейше прошу Вас обсудить, сделать замечания на оборотной странице, отметить ту часть, которую Вы соглашаетесь взять на себя, прибавить требуемый Вами для этого срок и определить объем, который Вам казался бы необходимым для самого сжатого изложения предмета.

Если удастся собрать сотрудников для этой первой части издания, тогда я представляю план и для второй части (истории литератур) и для третьей (этнографии).

Надеясь, что Вы не откажетесь принять участие в этом общеславянском предприятии, хотя бы только советами, честь имею быть

Ваш покорный слуга

И. В. Ягич.

Вена 12 (24) февраля 1898
VIII Kochgasse 15.

PLAN
eines
Grundrisses der slav. Philologie
Einleitung

1. Geschichte der slav. Philologie.
2. Ethnograph. statistische Übersicht des Slaventhums in Vergangenheit und Gegenwart.
3. Das Schriftwesen bei den Slaven: Runenfrage, glagolitisches, cyrillisches und latein. Alphabet. Kurze Geschichte der dreifachen Grafik.

I Theil: Die slavischen Sprachen

1. Der slavische Sprachtypus innerhalb der indoeurop. Gesamtheit.
2. Die Verwandtschaftsverhältnisse innerhalb der slavischen Sprachen. Die Classificationsversuche.
3. Die Beziehungen der slavischen Sprachen zu ihren Nachbarn, beleuchtet durch die Lehnwörter:
 - a) Einflüsse der Germanen, Rumänen, Griechen, Litauer, Finnen, Magyaren und Türken auf den slav. Sprachschatz.
 - b) Einflüsse der Slaven auf den Sprachschatz der Magyaren, Rumänen, Albanesen, Neugriechen und Litauer.
4. Die Lautphysiologie der slav. Sprachen.
5. Allgemeinslavische vergleichende Lautlehre.
6. Laut- und Formenlehre des Altkirchenslavischen mit geschichtlicher Einleitung.
7. Laut- und Formenlehre des Russischen mit geschichtlicher Einleitung:
 - a) Grossrussisch
 - b) Weissrussisch
 - c) Kleinrussisch (Ruthenisch).
8. Laut- und Formenlehre des Polnischen mit geschichtlicher Einleitung:
 - a) Polnisch
 - b) Kaschubisch
 - c) Polabisch.
9. Laut- und Formenlehre des Lausitzserbischen mit geschichtlicher Einleitung:
 - a) Niederlausitzserbisch
 - b) Oberlausitzserbisch
10. Laut- und Formenlehre des Böhmisches mit geschichtlicher Einleitung:
 - a) Böhmisches
 - b) Slovakisch.

11. Laut- und Formenlehre des Slovenischen mit geschichtlicher Einleitung:
 - a) Slovenisch
 - b) Karintisch.
12. Laut- und Formenlehre des Serbokroatischen mit geschichtlicher Einleitung:
 - a) Čakavisch
 - b) Stokavisch
13. Laut- und Formenlehre des Bulgarischen mit geschichtlicher Einleitung.
14. Die Wortbildungslehre der slavischen Sprachen.
15. Der Syntax der slavischen Sprachen.

Текст плана и сопроводительного письма размножен на тектографе.

Перевод

Ф. 176, оп. 2, № 519.

ПЛАН

Очерка славянской филологии

Введение

1. История славянской филологии.
2. Этнографическо-статистический обзор славянства в прошлом и настоящем.
3. Письменность у славян: вопрос о рунах, глаголица, кириллица и латинский алфавит. Краткая история тройкой графики.

Часть I. Славянские языки

1. Славянские языки в семье индоевропейских языков.
2. Родственные связи между славянскими языками. Попытки классификации.
3. Отношения славянских языков к их соседям, освещаемые лексическими заимствованиями:
 - a) влияние германцев, румын, греков, литовцев, финнов, венгров и турок на славянскую лексику.
 - б) влияние славян на лексику венгров, румын, албанцев, новогреков и литовцев.
4. Физиология звуков в славянских языках.
5. Общеславянская сравнительная фонетика.
6. Фонетика и морфология древне-церковнославянского языка с историческим введением.
7. Фонетика и морфология русского языка с историческим введением:
 - a) великорусский
 - б) белорусский
 - в) малорусский (русинский)
8. Фонетика и морфология польского языка с историческим введением:
 - a) польский
 - б) кашубский
 - в) полабский
9. Фонетика и морфология серболужицкого языка с историческим введением:
 - a) нижнелужицкий
 - б) верхнелужицкий
10. Фонетика и морфология чешского языка с историческим введением:
 - a) чешский
 - б) словацкий
11. Фонетика и морфология словинского языка с историческим введением:
 - a) словенский
 - б) каринтийский
12. Фонетика и морфология сербохорватского языка с историческим введением:
 - a) чакавский
 - б) штокавский
13. Фонетика и морфология болгарского языка с историческим введением.
14. Словообразование в славянских языках.
15. Синтаксис славянских языков.

К. Ф. Радченко — М. Н. Сперанскому

14 (26) апреля 1899. Белград

Глубокоуважаемый Михаил Несторович!

Глубоко благодарен Вам за Вашу любезность. Ваше сообщение вдвойне для меня ценно: с одной стороны я получил возможность узнать (хоть отчасти) круг интересующих Вас вопросов, с другой замечательная систематичность в Ваших занятиях рукописями является поучительной для меня. Неловко мне, но решаюсь, ободренный Вашей любезной готовностью, просить Вас о подобных же указаниях относительно Фрушкой горы и Загреба, в особенности же первой, так как я думаю посетить ее сравнительно в непродолжительном времени. Относительно плана моих летних поездок я еще не могу сказать ничего определенного. В проекте имею побывать в Старой Сербии, Македонии и пробраться на Афон. Удастся ли осуществить этот план, скажут обстоятельства и состояние финансов. До июня месяца во всяком случае буду или в Белграде или поблизости его. Что касается моих занятий в Белграде, то признаться откровенно рукописей, имеющих непосредственное отношение к занимающим меня вопросам, я не нашел, но за всем тем Белградская библиотека представляет не мало интересного: здесь немало материала для апокрифических деяний апостолов, что Вам впрочем лучше моего известно, для истории текстов богослужбных книг, Пчел, рукописей, интересных по языку. Впрочем, зачем я это говорю Вам — столь известные Вам вещи. Жаль только, что постоянный дефицит в необходимых пособиях. Обязательный Сречкович также предоставил в мое распоряжение 3 рукописи: одна из них — известное Вам Босанское евангелие; две другие также Вам известны и в сущности мало интересны, так как все выдающееся в них издано, а неисправности изданий отмечены Вами.¹

Ваш К. Радченко.

Белград, 14 апр. 1899 г.

P. S. Адрес мой: Космойская ул., 43

Ф. 172, оп. 1, № 205

¹ См. статью: Заметки о рукописях белградских и софийских библиотек. Известия Историко-филологического института в Нежине, т. XVI, 1898.

Обращение группы чешских славистов о созыве съезда славистов филологов

14 (26) июня 1899. Прага

Slovutný pane!

Je partrno a znáno, že slovanská filologie netěší se posud ze zájmu tak hlubokého a všestranného, jako ku př. filologie klassická, romanská, germanská a. j.

Příčin tohoto neutěšeného zjevu jest několik a neposlední zajisté ta, že vědečtí zástupcové filologie slovanské netvoří potřebné družiny, ideeln a jednotné, která by měla společný, v hlavních rysech pevný program.

Aby se takového sdružení dosáhlo, proto navrhuje, by se po příkladu jiných sjezdů odborných scházeli také zástupcové a pěstitelé filologie slovanské, a aby první takový sjezd byl v Praze, pokud možno, v roce 1901 anebo 1902.

Předmětem sjezdu toho a jiných přístích byly by, rozumí se, jediné a vylučně vědecké zájmy a potřeby slovanské filologie. Každá jiná věc by byla odtud přísně vyloučena.

Jest zajisté předmětů dost, o kterých bychom se raditi mohli.

Tak předně o vydání souborného díla (compendia) o slovanské filologii, kterého jest velice potřebí.

Důležité thema mohlo by býti, jakým jednotným způsobem se mají lidové řeči slovanské čili dialekticky zapisovati. Jiné, jak by se měla vydávati soustavná bibliografie. Vážný návrh mohl by se týkati vydání řádného slovníku jazyka církevně-slovanského, jakož i vůbec vydání slovníků jednotlivých slovanských řečí, podle stejných zásad sestavených, snad i velkého slovníku všeslovanského. To jsou themata jazyková. Podobná themata poskytovaly by i ostatní odbory slovanské filologie.

Sjezd by dále byl povolán rokovati o způsobu, jakým by slovanská filologie se pěstovati měla, aby se dosáhlo úspěchu největšího. Hlavně by šlo o studium universitní: sem by náležela organisace stolic slov filologie, seminářů, studijních cest atd.

Takových důležitých otázek a předmětů rokování našlo by se dosti mnoho a hlas sboru, v kterém by účastenství měli vážní představitelé slovanské filologie, nezůstal by zajisté bez povšimnutí na místech příslušných.

Po příkladu jiných sjezdů odborných má i tento sjezd slovanských filologů

- a) v určitých lhůtách se opětovati,
- b) střídavě svolávan býti do různých zemí a měst,
- c) míti povahu mezinárodní, jehož všichni zástupci a pěstitelé slovanské filologie jakož i jejich pomocných věd, účastniti se mohou,
- d) dále má býti jednacím jazykem sjezdu obecný jazyk té země, v které sjezd se koná, tudíž ku př. v Praze český, v Krakově polský, v Bělehradě srbský, v Petrohradě anebo Moskvě ruský atd, při čemž ovšem volnost užívati při přednáškách kteréhokoliv jazyka slovanského, zůstává v úplné platnosti.

Předkládajíc Vaší Slovnosti krátký návrh zamýšleného sjezdu, dovolujeme si vysloviti prosbu, abyste nám předně důvěrně a v brzku odpověděti ráčil, jestli a pokud s návrhem našim souhlasíte, smíme-li očekávati, že se sjezdu osobně účastníte a které otázky hodláte věnovati svou zvláštní pozornost.

Podle výsledku tohoto dotazu zařídíme další kroky.

Odpověď račte zaslati buďto na adresu Prof. Dr. Fr. Pastrnek, Praha, Mariánská ul. 15 anebo kterémukoliv z podepsaných.

V. Praze, dne 26. června 1899.

J. Gebauer, Vinohrady, Čelakovského ul. 15, K. Kadlec, Vojtěžská ul. č. 5/11, J. Máchal, Opatovická ul. č. 10/11, L. Niederle, Žižkov, Husinecká ul. 11, Fr. Pastrnek, Mariánská ul. 15/11, J. Polívka, Vinohrady, Hálkova tř. 49, J. Vlček, Vinohrady, Krameriova ul. 18, J. Zubatý, Smíchov, Karlova ul. 20.

ZATÍMNÍ PROGRAMM
PRVNÍHO SJEZDU SLOVANSKÝCH FILOLOGŮ V PRAZE

1. Účelem sjezdu jest přispěti k rozkvětu slovanské filologie.
2. Na sjezdu konají se odborné přednášky a rozhovory o předmětech, které spadají do oboru slovanské filologie v širším smyslu, totiž:
 - a) do dějin slovanský-h jazyků,
 - b) do dějin slovanských písemnictví,
 - c) do slovanského národopisu a
 - d) do slovanských starožitností.
3. Na sjezdu utvoří se čtyři odbory:
 - a) pro jazykozpyt,
 - b) pro slovesnost,
 - c) pro národopis,
 - d) pro starožitnosti.
4. Přednášky a rozhovory mohou se konati ve všech řečech slovanských, jakož i v řeči německé a francouzské. Jednacím jazykem sjezdu, v kterém formální projevy, jako zahájení, uvítání členů, výsledky voleb atd. se dějí, jest jazyk český.
5. Přednášky a referáty, jakož i vůbec průběh celého sjezdu budou vypsány ve „Zprávách o 1. sjezdu slovanských filologů v Praze“.

Ф. 134, оп. 1, № 473.

Печатный текст.

Перевод

Милостивый государы!

Совершенно очевидно и известно, что славянская филология не пользуется пока таким глубоким и всесторонним вниманием как, например, филология классическая, романская, германская и др.

Причин этого неутешительного явления — несколько, и не последней является та, что ведущие представители славянской филологии не образуют необходимого объединения, цельного и единого, которое имело бы общую, в главных чертах, определенную программу.

Для достижения такого объединения мы предлагаем, чтобы представители славянской филологии по примеру других специалистов собирались на съезды и чтобы первый такой съезд созван был в Праге, если возможно, в 1901 или 1902 году.¹

Предметом обсуждения на съезде этом и на других будущих были бы, разумеется, единственно и исключительно только научные интересы и потребности славянской филологии. Всякий другой вопрос категорически исключался бы.

Безусловно имеется много вопросов, по которым мы могли бы совещаться.

Прежде всего, например, об издании сборника (compendium) по славянской филологии, в котором ощущается большая потребность.

Важной темой мог бы послужить вопрос о выработке единого способа записи народных говоров славянских или диалектов. Или вопрос об издании систематической библиографии. Существенно важно было бы выдвинуть предложение об издании удовлетворительного словаря церковно-славянского языка, как и вообще словарей отдельных славянских языков, составленных по единому принципу, а может быть и большого общеславянского словаря. Это темы по языку. Подобные же темы можно было бы предложить и по другим разделам славянской филологии.

Далее съезд был бы призван обсудить меры, которые должна принять славянская филология для достижения наибольшего успеха. Вопрос стоял бы главным образом о постановке преподавания в университетах, и сюда бы вошли организация кафедр славянской филологии, семинариев, научных командировок и т. д.

Таких важных вопросов и предметов для обсуждения нашлось бы достаточно, и голос съезда, в котором приняли бы участие главные представители славянской филологии, конечно, не остался бы не услышанным в местах надлежащих.

По примеру других съездов и этот съезд славянских филологов должен:

- а) повторяться в определенные сроки,
- б) созываться поочередно в разных странах и городах,
- в) иметь международное значение, поскольку в нем могут принимать участие все представители и руководители славянской филологии, равно как и ее вспомогательных дисциплин.

г) объединяющим языком съезда должен быть язык той страны, в которой собирается съезд, т. е., например, в Праге чешский, в Кракове польский, в Белграде сербский, в Петербурге или Москве русский и т. д., при чем, конечно, с полным правом сохраняется свобода пользоваться в докладах любым славянским языком.

Предлагая Вам краткий проект замышляемого съезда, разрешаем себе просить Вас ответить нам откровенно и не откладывая, соглашаетесь ли Вы с нашим проектом, можем ли мы рассчитывать на Ваше личное участие в съезде и какому вопросу сообразовалите Вы посвятить свое внимание.

Согласно ответам на эти вопросы мы предпримем дальнейшие шаги.

Ответ будьте добры направить по адресу проф. Ф. Пастернека, Прага, Марианская ул. 15 или кому-нибудь из нижеподписавшихся.

Прага, 26 июня 1899.

Я. Гебауэр, Винограды, ул. Челяковского; 15; К. Кадлец, ул. Войтеха, № 5/11; Я. Махал, Опатовицкая ул., № 10/11; Л. Нидерле, Жижков, Гусинецкая ул., 11; проф. Пастернек, Марианская ул., 15/11; Ю. Поливка, Винограды, Галькова ул., 49; Я. Влчек, Винограды, ул. Крамера, 18; И. Зубаты, Смихов, Карлова ул., 20.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПЕРВОГО СЪЕЗДА СЛАВЯНСКИХ ФИЛОЛОГОВ В ПРАГЕ

1. Цель съезда — способствовать расцвету славянской филологии.
2. На съезде имеют место специальные доклады и прения по вопросам, входящим в понятие славянской филологии в широком смысле слова, т. е.:
 - а) по истории славянских языков,
 - б) по истории славянских литератур,
 - в) славянской этнографии и
 - г) славянских древностей.
3. Съезд будет иметь четыре секции:
 - а) языкознания,
 - б) литературы,
 - в) этнографии,
 - г) древностей.
4. Доклады и прения могут происходить на всех славянских языках, как и на немецком и французском. Общим языком съезда, на котором проводится вся формальная часть съезда, т. е. открытие съезда, приветствия членов его, результаты выборов и т. д., является язык чешский.
5. Доклады и рефераты, как и вообще вся деятельность съезда, будут оглашены в „Отчетах I съезда славянских филологов в Праге“.

¹ Съезд славистов-филологов в Праге не состоялся. Назревшая потребность в научном съезде славистов привела к попытке его организации силами Отделения русского языка и словесности Академии Наук, предпринятой в 1902—1904 гг., о чем см. дальнейшие документы.

И. В. Ягич — М. Н. Сперанскому

3 (15) августа 1899. Аббацця

Аббацця 3/15 августа 1899.

Дорогой Михаил Несторович!

Все мы жалеем, что в нынешнем году Вы должны были прежде времени нас покинуть [...]

Стоянович жив-здоров, попрежнему. Останется здесь до конца недели. Семья „Пастернек“ ежедневно с нами до обеда купается, а после обеда делаем вместе прогулки. На днях все мы были в Мощеницах (в трех верстах), после дождя улучили прелестную погоду, прохладно, без пыли. Мы отправили Вам отсюда карту! Получили ли Вы ее?

Я очень благодарю за доставленную мне фотографию, на днях я отправлю ее в Берлин. В таком виде надпись значительно выиграет.

Теперь у Вас все в полном сборе. Желаю блестящего успеха. Если бы графиня Уварова, когда она приезжала в Вену, дала мне знать, что она в Вене — другого я от нее не требовал бы — то и меня быть может тянуло бы на ваши археологические съезды.¹ Приятно услышать, что по крайней мере Коста Почтали ей полюбился из южных славян. Может быть теперь повезет Мурку войти у нее в милость. Он теперь уже у Вас.

Я забыл высказать мысль, что Вы могли бы доставлять мне те №№ „Киевлянина“ (или другой газеты), где будут отчеты о ходе вашего съезда. Это не разорило бы Вас, а может быть нашелся бы молодой славист, который захотел бы облегчить Ваш труд бандерольных посылок. Зато я доставляю Вам на днях брошюрку „Jagić prema hrvatstvu i srpstvu“,² в которой, как знаете, написан мне „ученый некролог“!

Передайте мой поклон Т. Д. Флоринскому, В. И. Ламанскому, засвидетельствуйте мое почтение графине-председательнице. А Вам жмет дружески руку Ваш искреннейший

И. В. Ягич.

Мои все кланяются. Душко* получил карту из Киева, он был две недели болен, простудился. Я останусь здесь до 17/29 включительно.

Пастернек с нетерпением ждет первых известий о том, как будет в Киеве (на съезде) принят проект о славянском съезде филологов в Праге. Он ежедневно заговаривает об этой любимой мечте его.

Груич поселился в Вилле из-за электрической фабрики. На днях приедет его семейство.

Впрочем гостей очень мало.

Я кончил уже свою статейку о „Скупе“ Марина Држића.

Еще раз весь Ваш.

Ф. 172, оп. 1, № 276.

¹ Идет речь об XI Археологическом съезде, происходившем в Киеве 1—20 августа 1899 г.

² Napisao Josip Pasarić, u Zagrebu, 1899.

101

Л. Нидерле — Академии Наук

3 (15) октября 1899. Прага

В императорскую Академию Наук

редактора-издателя журнала
Věstník slovanských starožitností
 (Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave)
 профессора Д-ра Любора Нидерле
 прошение.

В прошедшем 1898 г. предпринято мною издание Вестника славянских древностей,¹ при чем я предполагал издать в год два выпуска листов по 8—10 каждый. До сих пор не существовало журнала, который бы представлял обзор трудов, касающихся славянских древностей, хотя потребность в подобного рода обзоре чувствовалась постоянно. Как я представляю себе свою задачу и насколько успешно удалось мне ее разрешить, показывают первые два выпуска Вестника, равно как и третий, который появится в самом скором времени. Оба первые выпуска содержат в себе отчет и отзывы о 700 приблизительно трудах, вышедших в течение 1898 и 1899 гг.

Что труд, мною предпринятый, достигает своей цели и что я по мере сил своих стремлюсь выполнить свою задачу, хотя это и не легко в Праге, — это доказывают отзывы славянских ученых, которые с большой благосклонностью приветствовали появление моего Вестника, например, отзыв А. Липовского в Известиях отделения русского языка имп. Академии, 1899, 1, 367, В. И. Ламанского в Живой Старине, 1899, ст. 272, А. Беляшевского в Киевской Старине, 1898, № 12, II, 100, В. В. Ягича в Archiv für slav. Philologie, XX, ст. 634, А. Брюкнера в Kwartalnik historyczny, 1899, ст. 541, Л. Милетича в Булгарском Прегледу, 1898, ноябрь, 1, 0, М. Грушевского в Записках товариства имени Шевченко, XXVII. Библ. I, А. Радича в Zbornik za narodni život, Zagreb, III ст. 331, Г. Пеха в Globus, т. LXXIV, ст. 328, Л. Леже в Revue critique, 1898, № 42, ст. 272 etc., etc.

Такое признание полезности Вестника служит для меня вознаграждением за мой труд и за крупные траты. Стоит же мне один выпуск Вестника при 10 листов объема: печать и бумага 350 гульденов, гонорар сотрудникам и рассылка 150 гульденов — всего приблизительно 500 гульденов, что составит в год при двух выпусках сумму, самую меньшую 900—1000 гульденов, которые, хотя и охотно, но все-таки с большим трудом плачу из моих собственных средств. Надеяться на покрытие хотя части расходов из подписки при таком специальном содержании журнала невозможно, тем более, что всем занимающимся славянскими древностями Вестник рассылается бесплатно, Чешская же Академия Наук не могла при своих ограниченных средствах помочь мне более нежели 150 гульденами на издание 1—2 выпусков, так что все-таки более 700 гульденов расхода по изданию первого года осталось не покрытыми.

Ввиду изложенных обстоятельств, предлагая при сем императорской Академии Наук вышедшие до сих пор выпуски Вестника, осмеливаюсь обратиться к ней с просьбой, не найдет ли она возможным, если при-

знает дальнейшее существование Вестника полезным, оказать журналу поддержку для дальнейшего его выхода в виде ежегодного пособия в размере, какой ей будет благоугодно назначить.²

Беря на себя смелость обратиться за помощью к императорской Академии Наук, позволяю себе находить оправдание тому в том, что Вестник мой имеет характер не только чешский, но и общеславянский и статьи в нем печатаются на всех славянских языках, преимущественно на чешском, польском и русском.

Повторяя еще раз свою покорнейшую просьбу, прошу к ней благосклонного внимания императорской Академии Наук, чем императорская Академия обяжет меня к глубокой и искреннейшей признательности.

В чешской Праге дня 15. X. 1899 г.

Д-р Любор Генрихович Нидерле,
профессор Чешского университета.

Прага, Zizkov, Husinecká 11.

Ф. 9, оп. 1, № 736.

¹ „Věstník slovanských starožitností“ выходил под редакцией Л. Нидерле в 1898—1900 гг.

² В заседании II Отделения Академии Наук 11 декабря 1899 г. было постановлено выдать на поддержку журнала Нидерле 300 р., с правом нового ходатайства о пособии в конце 1900 г.

102

Ф. Пастернек — М. Н. Сперанскому

6 (18) ноября 1899. Прага

V Praze, v Mariánské 15, 18/11. 1899.

Vysoce vážený pane kollego!

Potřebuji velmi nalahavě Vašeho spisu „Славянские апокрифические евангелия“ vydaného v 1895. a prosím, jestli snad ještě výtisk po ruce máte, abyste mi ho laskavě daroval, po případě, abyste mi výtisk cestou knihkupeckou poslal. Víte, že jest nám zde těžko, knih ruských, jmenovitě odborných, obdržeti.

Doufám, že Vám kollega Polívka dal již zprávu, jak daleko jsme dospěli v záležitosti sjezdové. Čekáme nyní rozhodnutí vlády, jelikož bez takového schválení nemohli bychom nic vážného podniknouti nemohli. A nynější poměry jsou právě velmi nepříznivé, protože vláda je provisorní. Musíme vyčkati, jak se situace vyjasní.

Jinak jsme všichni zdraví a rádi na Vás vzpomínáme, jmenovitě děti. Kdy hodláte přijeti do Prahy? Těšíme se již napřed Vás uviděti.

Vaš oddaný ctitel

Fr. Pastrnek.

Ф. 172, оп. 1, № 176.

Перевод

Прага, Марианская 15, 18. 11. 1899.

Высокоуважаемый коллега!

Мне очень нужно Ваше издание — „Славянские апокрифические евангелия“, вышедшее в 1895, прошу, если у Вас есть еще оттиск, подарить его мне, выслав при возможности через книжный магазин. Вы знаете, что здесь нам трудно получать русские, особенно специальные книги.

Надеюсь, что коллега Поливка сообщил уже Вам, насколько далеко успели мы в организации съезда. Ждем теперь разрешения властей, поскольку без такового разрешения ничего серьезного мы предпринять не могли бы. А нынешние обстоятельства как раз весьма неблагоприятны, потому что правительство у нас — временное. Нам приходится выждать, пока ситуация выяснится.

В остальном мы все здоровы и с удовольствием вспоминаем о Вас, особенно дети. Когда намереваетесь приехать в Прагу? Уже вперед радуемся увидеть Вас.

Преданный Ваш почитатель
Фр. Пастернек.

103

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

29 ноября (11 декабря) 1899. Вена

Вена, 11 декабря 1899.
VIII Kochgasse 15

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Желая успокоить Вас насчет выбора Владимира Ивановича Ламанского, я уверяю Вас, что это решение Отделения мне по душе. Я уважаю Владимира Ивановича как умного человека с широкими взглядами, который правда иногда *in politicis* увлекается, но насчет потребностей славянской науки отличается глубокими познаниями. Во всяком случае он стоит несравненно выше большинства своих учеников, если он хочет считать своими учениками людей в роде Сырку, Соколова, Брандта и т. д. Конечно, Владимир Иванович будет только хорошим руководителем, но и это очень важно. У нас в России — извините, что я так выражаюсь, я чувствую, что я отрезанный ломоть — недостает именно хороших руководителей, организаторов; рабочие силы были бы, но заказчиков нет. [...] Славянский мир все еще полон внутренних недоразумений, которыми умные противники нашего культурного роста умеют пользоваться нам во вред, раздувая наши противоположные стремления. Только из вашей среды можно бы ожидать авторитетного слова, если бы — да, если бы у вас было менее казенщины.

Но оставим эти ненужные и бесполезные нарекания. Повторяю только еще раз: я рад вашему избранию, присоединяюсь ему.

К сожалению, моя мечта — пробыть в вашей среде несколько недель декабря — не состоялась. Не вдаваясь в объяснение всех причин, скажу только, что нет веселого расположения духа, которое влекло б меня к вам. А дома дел очень много.

Поэтому я должен вкратце сообщить Вам, что Вы в отчете о моей деятельности за 1899 год можете вкратце внести:

1. для академии в Петербурге: мое участие в сборнике статей о А. С. Пушкине в южнославянских литературах.

2. для академии венской (если не было уже сообщено): две статьи о Добромировом евангелии, одна о Златоусте — можно прибавить, что эти рукописи теперь уже собственность имп. Публичной библиотеки — и наконец мои Beiträge к славянскому синтаксису.

3. для академии белградской: сличение хиландарского типика с греческим подлинником.

Помимо того: в Архиве вышла статья о сложных словах, оценка надписи 993 года и несколько отзывов.¹

Вдаваться в характеристику этих трудов не хочу, такой превосходный знаток, как Вы, не нуждается в моих указаниях.

Вы могли бы, если хотите, указать на то, что я в здешней Венской академии руковожу диалектологическими исследованиями в пределах балканских стран. Вскоре Вы получите экземпляр отчета д-ра Бартоли о его изучении стародаматинского наречия.² Как Вы знаете, я направил также Олафа Брока в югозападную Сербию для изучения наречия Врани и Алексинца. На обратном пути был здесь (недели 4 тому назад) г. Брок, но от его рефератов я не вынес вполне удовлетворительного впечатления. Молодой человек при своих блестящих „lautphysiologi“-ческих познаниях несколько небрежно относится к другим сторонам жизни языка. Да он и через чур зазнается. Это повредило у нас ему в глазах многих. Сообщаю Вам это, конечно, не для отчета. Также не для отчета я должен поделиться с Вами не вполне удовлетворяющими меня впечатлениями, полученными мною от чтения почтенных во всяком случае трудов Щепкина и Ляпунова. Эти труды страдают не недостатком, а излишеством.³

Желаю Вам здоровья и хорошего расположения, при Вашей изумительно плодотворной деятельности я должен только предостерегать Вас: не напрягайте через чур Ваших сил.

Передайте мой поклон Вашей супруге, все мы Вам кланяемся.

Ваш искреннейший

И. В. Ягич.

Вы помните Станоевича и Радоница. Они оба теперь в Новом Саде, первый без дел — из Константинополя его вытеснили палачи короля Милана, подозревавшие в нем сербского радикала, второй пристроился в Матице Сербской.

Новый шрифт⁴ — „перестраивается“. Ваши возражения основательны.

У меня теперь один молодой очень усердный словинец занят рисованием диалектологических карт. Если выйдет что-нибудь сносное и удовлетворяющее, я постараюсь об издании. При таких предприятиях ощущается недостаток славянской солидарности!

Ф. 134, оп. 3, № 1753.

¹ Библиография работ Ягича указана в „Материалах для биографического словаря действительных членов Академии Наук“ (ч. 2, П., 1917) и в „Zbornik u slavu Vatroslava Jagića“ (Berlin, 1908).

² Matteo Bartoli. Bericht über eine Studienreise zur Erforschung des Altromanischen in Dalmatien. Sitzungsberichte der kais. Akad. der Wissensch. in Wien, phil.os.-hist. Klasse, 1899.

³ Имеются в виду изданные Отделением русского языка и словесности в 1899 г. диссертации В. Н. Щепкина „Рассуждение о языке Саввиной книги“ и Б. М. Ляпунова „Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи“.

⁴ Идет речь о славянском шрифте нового образца, сближенном с латинским и русским гражданским шрифтом, который собирались производить в Вене.

104

Л. Милетич — П. Лаврову

1899. София

София, 1899.

Уважаемый г-н Лавров!

Моля Ви за извинение, че до сега не Ви написах в отговор на любезното Ви писъмце, което получих чрез г. Златарски заедно съ изпроводените ръкописи. За преписът из ръкоп. № 65 благодаря крайно. За жалост в него не намирам членни форми като конячук (= тог-о) и пр., докато Вие такиви форми из * ръкопис цитувате в студийката Ви върху дамскините. Вижда се, че те се срещат в некое от непреписаните слова.

Не побързах да Ви отговоря едно, че бех много записан с работа, която беше се натрупала дори от пролетос, а главно защото и така проведенията ръкопис сега не може да влезе в работа, понеде XVI том на Сборника е на свършване та едвам на пролет ще се захвате XVII т., в който ще гледам да се обнародва текстите на „Негоя“. Както искате Вие. Аз мислих, че ще може и коректура да Ви се изпроводи. Господин Шишманов е готов да приеме статията за Сборника, казва, ако тя е в съгласие с програмата на Сборника. Аз мислих че не е в несъгласие, като паметник на Влахо-българската писменост. Относително изданието аз още ще Ви пиша, когато се залавям за работа с него. Колкото се отнася до ромънския текст, аз ще помоля г-на Агура и ако той не успее, то ще гледам аз самичък да го сравни с славянския.

Г. Шишманов онзи ден ми каза, че получих от Вас отделни отпечатци, между които и един за мене, съдържащи критика върху Попруженковия труд. Аз още не съм получих своя екземпляр от г. Шишманова и благодаря Ви за вниманието. Изпращам Ви две свои малки работи.

У нас върват обществените работи много лошо: финансовата криза взема големи размери и вредно влияе върху всичко. Не знаем, да ли ще можем да одържим „Български Преглед“ всред това общо безпаричие, което съвсем зле се отразява на абонамента. И моите надежди за пътувание на пролет в южна Русия се намаляват.

Приемете сърдечен поздрав и предайте, моля, поклон от моя страна и на госпожата Ви.

Ваш Л. Милетич.

Благодаря и за проведения екземпляр „Сборник XII века Московского Успенского собора“.

Ф. 284, оп. 2, № 119

* Слово не разобрано.

Перевод

Уважаемый г-н Лавров!

Прошу извинения, что я до сих пор не ответил на Ваше любезное письмо, полученное мною через г. Златарского вместе с присланными рукописями. Весьма благодарен за переписанный текст из рукописи № 65. К сожалению, я не нахожу в нем членных форм как коняток (=тог-о) и пр., хотя Вы такие формы из * рукописи цитируете в статье своей о дамаскинах.¹ Видимо, они встречаются в некоторых не переписанных местах.

Я не торопился Вам отвечать, так как был сильно занят работой, накопившейся с весны, а главное потому, что присланная рукопись теперь не может пойти в работу, поскольку XVI том Сборника закончен и едва ли весной будет начат том XVII, в котором я постараюсь напечатать тексты „Негоя“.² Как вы хотите? Я думаю, что можно будет Вам и корректуру посылать. Г. Шишманов готов принять статью в Сборник. Он говорит, что она подходит к программе Сборника. Я думаю, что она подходит, как памятник валахо-болгарской письменности. Относительно издания я еще Вам напишу, когда возьмусь за работу с ним. Что касается румынского текста, то я попрошу г. Агура и если он не успеет, то я попытаюсь сам сравнить его со славянским.

Г. Шишманов сказал мне, что получил от Вас отдельные оттиски, среди которых один и для меня имеется, содержащий критический отзыв о труде Попруженко.³ Я еще не получил своего экземпляра от г. Шишманова, благодарю Вас за внимание. Посылаю Вам свои маленькие работы.

У нас дела идут очень плохо: финансовый кризис принял широкие размеры и вредно влияет на все. Не знаем, сможем ли мы сохранить „Български Преглед“⁴ при этом общем безденежье, которое плохо отражается на абонентах. И мои надежды на поездку весной в южную Россию уменьшаются.

Примите сердечный привет и передайте, прошу Вас, поклон от меня Вашей супруге.

Ваш Л. Милетич.

Спасибо и за присланный экземпляр „Сборника XII века Московского Успенского собора“.

¹ П. А. Лавров, Дамаскин Студит и сборники его имени „Дамаскины“ в югославянской письменности. Летопись ист.-фил. общества при Новоросс. унив., т. VII, Одесса, 1899.

² Статья Лаврова „Слова наказательные воеводы Валашского Иоанна Негоя к сыну Феодосию“ не была помещена в „Сборник за народни умотворения, наука и книжнина“, а вышла в серии „Памятники древней письменности“ (т. CLII, СПб., 1904).

³ Отзыв Лаврова на книгу М. Г. Попруженко „Синодик царя Бориса“ (Одесса, 1899) под заглавием „К вопросу о синодике царя Борила“ (Летопись ист.-фил. общества при Новоросс. унив., т. VIII, Одесса, 1900).

⁴ „Български преглед. Списание за наука, литература и обществен живот“. Выходил в Софии с 1893 по 1900 г. (тт. I—VI).

* Слово не разобрано.

105

Ч. Зибрт — В. И. Ламанскому

20 января (1 февраля) 1900. Прага

V Praze, na Slupi, 12.
1/II. 900.

Slovutný pane!

Dovoluji si poslati první díl své knihy „Bibliografie české historie“ a prosím za laskavé její přijetí a za* posudek v časopise „Живая старина“ nebo v jiném časopise odborném.

S ujištěním úcty hluboké
vždy nejoddanější

Dr. Čenek Zibrt.

Ф. 35, оп. 1, № 573.

ПереводПрага, на Слупе, 12.
1/II. 900.

Благородный господин!

Разрешаю себе послать Вам первый том своей книги „Библиография чешской истории“,¹ прошу ее доброжелательно принять и дать о ней* отзыв в журнале „Живая старина“ или в другом специальном издании.

С уверением в глубоком почтении
всегда преданнейший

Д-р Ченек Зибрт.

¹ Bibliografie české historie. Sestavil Čenek Zibrt. Díl první. I, Knihověda a část všeobecná; II, Pomocné vědy. Praha, 1900 (издание Чешской Академии Наук).

106

К. Иречек — В. И. Ламанскому

30 марта (12 апреля) 1900. Вена

Многоуважаемый г-н коллега!

Письмо Ваше от 24 января уже давно в моих руках, только я при моей медленности в эпистолографии очень виноват, что отвечаю так поздно. Г-н Николай Владимирович Ястребов здесь всем понравился своим знанием и трудолюбием. Он усердно занимается в Институте австрийской истории, который с своей библиотекой и сборками снимков одно из лучших заведений нашего университета.

Прекрасную статью о книге г. Сырку¹ я прочел с особенным удовольствием. Удивляюсь Вашему трудолюбию; я книгу г. Сырку начал читать с начала, с края, посередине, но всегда устал — indigesta moles.

Моя болгарская история, изданная в 1876 г., требует для нового издания многих променений. Некоторые части надо написать совершенно

* Одно слово не разобрано.

наново. Я всегда собирал заметки, но с самой работой не начал. Книга вышла у Темпского на чешском и немецком языке.² Темпский желал один раз, чтоб я приготовил новое издание, но при этом променились притежатели завода и дело заспало. В 1895 г. бывший председатель болгарского Книжного друщества г. Стоянов при проезде через Вену желал, чтоб я для болгарского правительства написал новое издание на болгарском языке и кроме того еще сделал сам популярное извлечение для болгарских школ. Мне всегда очень приятно говорить по-болгарски, когда является болгарин у меня, но писать на болгарском языке статьи и книги, 16 лет после отъезда из Болгарии, это мне уже не легко! Впрочем не знаю сколько было в этих рассказах г. Стоянова — Wahrheit und Dichtung. Я болгарам посвятил лучшие годы жизни, почти двадцать лет от библиографии 1872³ до „Fürstenthum Bulgarien“ 1891 и был очень счастлив проститься с ними. Заниматься Болгарией опять год или два — это меня теперь почти пугает!

Основательное изучение прекрасных древностей сербских церквей и монастырей очень желательно. В Белграде архитекторы проф. Валтрович и Милутинович составили знаменитую сборку рисунков для истории сербской архитектуры. Я видел этот материал в 1892 г. у Валтровича. Но для издания нет денег в Сербии.

Новакович уже уехал из Константинополя в Париж — сколько я знаю, не по своей воле.

Я напечатал теперь в неизданной еще книжке Archiv'a обширную статью о законнике царя Стефана Душана, по поводу издания Новаковича.⁴ Теперь я занят изучением этнографического состава далматинских городов в средние века.

Прошу принять уверение в глубоком моем уважении и преданности.

Вена, $\frac{12 \text{ апреля}}{30 \text{ марта}}$ 1900

К. Иречек.

Ф. 35, оп. 1, № 605.

¹ Рецензия В. И. Ламанского в ЖМНП (1899, № 11) о докторской диссертации П. А. Сырку „К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского“ (т. 1, СПб., 1899).

² История болгар К. И. Иречка вышла в Праге, в изд. В. Темпскý, на чешском и немецком языках; была переведена на русский язык Ф. К. Бруном и В. Н. Палаузским (Одесса, 1878).

³ Bibliographie de la litterature bulgare moderne. Книгопис на новобългарската книжнина 1806—1872. Viden, 1872 (приложение к „Периодическо Списание“, sv. 7, 8).

⁴ Статья Иречка „Das Gezetzbuch des serbischen Caren Stephan Dušan“ (Archiv f. slav. Phil., XXII, 1900) по поводу книги „Законник Стефана Душана, цара српскога, 1349 и 1354. На ново издао и објаснио Стојан Новаковић“ (Београд, 1898).

107

К. Иречек — Ф. И. Успенскому

30 марта (12 апреля) 1900. Вена

Вена 8/2.
 $\frac{30 \text{ марта}}{12 \text{ апреля}}$ 1900.

Многоуважаемый г-н коллега!

Считаю приятным долгом высказать Вам мою искреннюю благодарность за высылку „Известий“ Русского Археологического института в Константинополе,¹ которых я получил пять выпусков (III; IV, 1, 2, 3; V)

вместе с письмом, с которым Вы меня удостоить изволили 16-го марта. До сих пор я знал „Известия“ только по сведениям, напечатанным в „Византийском Временнике“² и в болгарских журналах.

Ваш Институт сделал уже много для изучения древностей Балканского полуострова. Открытие кирилловской надписи 993 г. само собою составляет одно из самых важных событий в анналах славянской археологии.³

Местность Абобы с огромным валом, загадочными группами мегалитических памятников и остатками каменных построек я видел в 1884 г. в течении только несколько часов. С радостью я узнал о Ваших раскопках, начатых в 1899 г. на этой местности, которая, кажется, была средоточием болгар в эпоху языческую и первую христианскую до Симеона.⁴ Надеюсь, что продолжение раскопок найдет содействие и у молодого болгарского правительства, которое с самого начала своего обращает слишком мало внимания на собиране и сохранение памятников самой болгарской старины.

У меня Болгария попала теперь в задний план. С книгой „Das Fürstenthum Bulgarien“ 1891 я простился с предметами, которые занимали меня почти двадцать лет. С этих пор мои слабые силы к себе привлекает Далмация и преимущественно Рагуза, вместе с соседями, сербами, боснийцами и хорватами.

Будет ли мне иногда возможно оказать Вам и Вашему Институту какое-нибудь содействие, я всегда это буду считать особенным удовольствием.

Я не хотел беспокоить Вас на болгарском или сербском языке, которыми по долговременной практике владею несколько лучше, и позволял себе писать Вам на русском языке — сколько знаю и умею.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

К. Иречек.

¹ Издание под ред. Ф. И. Успенского было начато в 1896 г. в Одессе, выходило с 1898 г. в Софии, с 1930 г. снова в Одессе.

² Издание Историко-филологического отделения Академии Наук, выходило с 1894 г. под ред. В. Г. Васильевского и В. Э. Регеля.

³ Надпись царя Самуила, найденная в Македонии, опубликована в „Известиях Русского Археологического института в Константинополе“ (т. IV, вып. 1, 1899).

⁴ Материалам раскопок у Абоба-Плиска посвящен весь т. X „Известий Русского Археологического института“ (1905).

М. Шрепель — М. Н. Сперанскому

1 (14) мая 1900. Загреб

Zagreb 14/V. 1900.

Štovani prijatelj!

Ima već mnogo vremena, što Vas nijesam vidio, ali se zato mnogo Vas sjećam. Prošli april proveo sam u Beču, te sam se s prof. Jagićem često razgovarao o Vama. Jagić sada štampa za bečku akademiju studiju o zavičaju staroslovenskoga jezika. Ja sam sasvim utonuo u latinizmu, nadao sam se, da ću možda dobiti profesuru hrvatske literature poslije Pavića, koji je postao naš šef prosvjete, ali vlada ne će ni da čuje o tom. Pitat ćete: zašto? Politikal

U Zagrebu nemamo Vaše knjige o apokrifnim jevandjeljima, a upravo bi mi trebala poradi jednэ radnje, koju bih i ja morao ocijeniti. U knjižarama je nisam mogao dobiti, pa tako evo dolazim k Vama s molbom i pitanjem: biste li mi Vi mogli pribaviti koji primjerak? Ja ću Vam odmah poslati novac, koji mi naznačite. Bio bih Vam mnogo zahvalan, ako mi odgovorite. Vidio sam Vaše krasno djelo u Jagića, pa sam razabrao, da nam bar 1 eksemplar valja na svaki način imati u Zagrebu.

Ja se sada bavim oko Marulića želeći napisati studiju o svim njegovim hrvatskim i latinskim djelima za njegov jubilej, koji ćemo skromno slaviti godine 1901. Uza to studiram i našega humanista Jana Panonija.

Недавно је био у Загребу Петровскиј (отац и син), а у Већу сам нашао Јастребова, ученика проф. Ламанскога.

Usrdno Vam pozdravljam

Vaš odani štovatelj

Milivoj Šrepelj.

Jurjevska ul. 18.

Ф. 172, оп. 1, № 270

Перевод

Загреб 14/V. 1900.

Уважаемый друг!

Уже много времени прошло с тех пор, как я Вас не видел, но зато я часто Вас вспоминаю. Прошлый апрель провел я в Вене и там часто беседовал о Вас с проф. Ягичем. Ягич печатает сейчас для Венской Академии исследование о родине старославянского языка.¹ Я совсем утонул в латинизме, надеялся, что может быть получу профессуру хорватской литературы после Павича, который стал у нас министром просвещения, но власти не хотят и слышать об этом. Спрóсите, почему? Политика!

У нас в Загребе нет Вашей книги об апокрифических евангелиях,² а она нужна была бы мне для одной работы, которую я должен рецензировать. В книжных магазинах я не смог ее получить, поэтому обращаюсь к Вам с просьбой и вопросом: не могли ли бы Вы приобрести для меня экземпляр? Я немедленно выслал бы Вам сумму, которую Вы мне укажете. Буду Вам очень обязан, если ответите. Видел Ваш прекрасный труд у Ягича и решил, что хоть один экземпляр нам следует иметь на всякий случай в Загребе.

Сейчас я занимаюсь Маруличем, хочу написать работу о всех его хорватских и латинских трудах к его юбилею, который мы собираемся скромно отпраздновать в 1901 году. Кроме того изучаю и нашего гуманиста Яна Панония.

Недавно были в Загребе Петровские (отец и сын), а в Вене я нашел Ястребова, ученика проф. Ламанского.

Сердечно приветствую Вас

Ваш искренний почитатель

Милюй Шрепель.

Юрьевская ул. 18.

¹ Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Denkschriften der kais. Akad. der Wissensch., philos.-hist. Klasse, B. XLVII. Wien, 1900.

² М. Сперанский. Славянские апокрифические евангелия (общий обзор). Изд. Московского Археологического общества, М., 1895.

Л. Нидерле — II Отделению Академии Наук

21 сентября (4 октября) 1900. Прага

В Отделение русского языка и словесности
императорской Академии Наукиздателя журнала
„Věstník slovanských starožitností“
Любора Нидерле

прош е н и е!

Разрешением с 20 февраля 1900 г. № 72 императорская Академия Наук изволила благосклонно оказать поддержку издаваемому журналу „Вестник славянских древностей“ и постановила выдать для этой цели 300 рублей и предоставить издателю право войти в Отделение русского языка и словесности с новым прошением в конце 1900 года.

Высказывая императорской Академии Наук глубочайшую мою благодарность за лестное внимание, оказанное моему предприятию, имею честь предложить императорской Академии оба изданные мною выпуски Вестника за II год (выпуск 3 и 4) и, пользуясь позволением Академии, обращаюсь в Отделение русского языка и словесности с покорнейшим прошением оказать на год 1901 эту самую поддержку и постановить на издание журнала выдать сумму 300 рублей. Беру на себя смелость надеяться, что Академия не откажет это прошение ввиду того, что я намерен с 1901 г. расширить и программу и объем Вестника.

Благодаря лестному вниманию ученых и поддержке со стороны корпораций славянских и имея в виду потребности нашей науки, хочу расширить мой „Вестник славянских древностей“ на „Вестник славянской филологии и древностей“ и издавать с 1901 г. правильные ежегодные обзоры всех трудов по славянскому языкознанию, по этнографии и истории литератур и древностей славянских. Я вошел поэтому в сношения с специалистами по славистике Чешского университета, с профессорами О. Зубатым, Фр. Пастрънком и Ю. Поливкою, и расширенный „Вестник славянской филологии и древностей“ будет с 1901 г. издаваться мною и этими господами.¹

Обращая благосклонное внимание императорской Академии Наук на это расширение моего издания, осмеляюсь высказать надежду, что императорская Академия Наук не откажет своей поддержки на г. 1901 и постановит к этой цели ту же самую сумму, яко за прошлый год, чем императорская Академия Наук обяжет меня к искреннейшей признательности.

Прага, 4 октября 1900 г.

Д-р Любор Г. Нидерле,
профессор Чешского университета.

(Прага, Žižkov, Husinecká ul. 11).

¹ „Věstník slovanské filologie a starožitností“ выходил в 1901—1902 гг. В заседании 28 октября 1900 г. Отделение постановило выдать Нидерле на расширение его издания 300 р.

Л. Нидерле — А. И. Соболевскому

28 октября (10 ноября) 1900. Прага

Praha, 10. 11. 900.

Высоцетъный Алексѣи Ивановичи!

Odpustte mi laskavě, že jsem díky ve svém listu posledním neaddressoval na Vás správně. Byl jsem vskutku přesvědčen, že Jste v Akademii ve prospěch mého Věstníku jednal.

Děkuji Vám zároveň srdečně za zaslany mi referat o mém článku, jenž mne přirozeně velice interessoval. Prehlédnuv jej musím ale doznati, že naše mínění nejsou od sebe tak daleko, jak se Vám zdá.

Populární moje stat obracela se především proti prof. Pičovi, jenž známé místo letopisu o ugarské a bolgarské prarodině Slovanů přijímá za starou tradici a za pozitivní doklad toho, že odtamtud se differencovala jednota slovanská.

Ja jsem přesvědčen, že zpráva letopisu je umělá kombinace a že centrum diferenciacie nebylo zde na jihu ale na séveru od Karpat.

Na tomto mém přesvědčení nemění pranic datum toho, kdy Slované počali se stýkati s Dunajem a kdy přejali jméno Dunajъ. I já soudím, že se to stalo uz v době před Kr. narozením. Jenom soudím vedle toho že

1) písňe mohou býti mladši a nemusí být dokladem tohoto starého styku, a 2) že styky Slovanů s Dunajem a přejeti jména Dunaje, třebas bylo sebe časnější nelze ještě vykládati ve prospěch zprávy letopisu o prarodině ugarské a bolgarské.

Jinak jsem Vám za Vaše upozorneni velice vděčen a prosím abyste přijal ujištění mé hluboké úcty k Vám

L. Niederle.

Ф. 176, оп. 2, № 306.

Перевод

Прага 10. 11. 900

Высокоуважаемый Алексѣй Иванович!

Извините меня великодушно за то, что в последнем своем письме я не адресовал благодарности своей специально Вам. В действительности я был убежден, что именно Вы действовали в Академии в пользу моего Вестника.

Одновременно сердечное Вам спасибо за присланный отзыв о моей статье,¹ который естественно меня весьма интересовал. Просмотрев его, я должен признать, что наши мнения не так уж расходятся, как это кажется Вам.

Моя популярная статья обращена прежде всего против проф. Пича, который известное место летописи об угорской и болгарской прародине славян принимает за старую традицию и за положительное доказательство того, что там произошла дифференциация славянского единства.

Я убежден, что известие летописи — искусная комбинация и что центр дифференциации находился не здесь на юге, а к северу от Карпат.

Этого моего убеждения никак не изменяет время, когда славяне начали соприкасаться с Дунаем и когда усвоили имя Дунай. И я пред-

полагаю, что это случилось уже в эпоху до рождества Хр. Предполагаю, потому что:

1) песни могут быть моложе и не должны являться доказательством этого древнего соприкосновения, и

2) что соприкосновение славян с Дунаем и усвоение имени Дунай, если это все было раньше, нельзя истолковывать в пользу сообщения летописи об угорской и болгарской прародине.

Во всяком случае я очень благодарен Вам за Ваши замечания и прошу принять уверения в моем глубоком к Вам уважении

Л. Нидерле.

¹ Статья „Нидерле“, „Zur Frage über den Ursprung der Slaven“ (в приложениях к *Věstník slovanských starožitností* 1899, sv. 2) была направлена, как и его работа „Na obranu“, Praha, 1877, против положений О. Пича в его рецензии на монографию Нидерле „O původu slovan“, Praha, 1896 (Památky archeologické d. XVII, 1897).

111

Ю. Поливка — А. А. Шахматову

5 (18) ноября 1900. Прага

Praha, Vinohrady. Hálk. 49.

18 XI 1900.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Вам вероятно известно, что Вестник, издаваемый проф. Нидерле, переменится с нового года в Вестник всей славянской филологии: языковедения, истории литератур до конца XVIII столетия, этнографии и древностей. Поведем вместе Вестник с нынешним издателем, т. е. Зубатый, Пастрънек и Ваш подписанный почитатель. Кроме славистики будет еще особое дополнение балтийской филологии. Нидерле послал на днях в Вашу Академию прошение и сообщил эту перемену или расширение своего издания.

Мне поручено вести отдел литературной истории и этнографии всех славянских племен.

Как образец мы имеем в виду „Jahrbuch für die germanische Philologie“.¹

Прилагаю коротенький список содержания.

Рецензии отдельных книг, статей должны быть коротенькие, сжатые, более изложение содержания чем критикой. У всех приведутся рецензии, рефераты, напечатанные в журналах, по потребности с мнением рецензента. Все, разумеется, с полнейшею библиографическою точностью.

Итак, обращаюсь на Вас, многоуважаемый Алексей Александрович, с покорнейшею просьбою, благоволите поддержать это наше предприятие, которое, надеемся, сделается полезным всем занимающимся славяноведением.

Вас лично утруждать не смеем, попросим только, чтобы Вы нам указали, на кого бы мы могли обратиться, кого бы мы могли просить о библиографических сведениях из повременных изданий русских, нам здесь в Праге недоступных. Издания Академии и других ученых обществ

русских мы здесь в Праге получаем, хотя неправильно — кстати позвольте заметить, что мы еще не получили ни одного № Ваших Известий¹ на г. 1900, — получаем также в университетской библиотеке Вестник Европы, Исторический Вестник, Русский Филологический Вестник, но другие издания, журналы, важные для полноты библиографических справок, нам здесь недоступны. Мы нуждаемся именно в выписках из изданий сего рода.

Примите уверение в моем глубочайшем уважении и преданности.

Ваш Ю. Поливка.

Ф. 134, оп. 3, № 1200.

¹ Jahresbericht über die Erscheinungen auf dem Gebiete der germanischen Philologie, herausgegeben von der Gesellschaft für deutsche Philologie in Berlin (1879—1926).

² Известия Отделения русского языка и словесности (ОРЯС).

112

Ф. Е. Корш — В. И. Ламанскому

19 декабря 1900 (1 января 1901). Москва

19 дек. 1900.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Новакович сокрушил меня своей необыкновенной любезностью: он не только сам предложил мне произведения Станојевича и взял мой адрес, но и — *credite, posteril* — уже исполнил свое обещание. Надобно восписать ему соответствующую благодарность, а я не знаю, куда ему ее направить и как его при том величать. Мало того: неизвестно мне, тот ли это самый Стоян Новакович, который был некогда профессором сербского языка и словесности в белградском „свеучилишту“ и написал много исследований по своему предмету, в том числе и любопытную мне книгу под таким приблизительно заглавием: Акценти старијех штампаних књига црногорских и млетачких.¹ Если это тот самый, его предложение — читать со мною сербские стихи — для меня клад.

В Москве нашел я присланную мне из Любляны новую книжку Илешича „Prešern in slovanstvo“.² Написана она умно, беспристрастно и с большим знанием дела. Мне она была особенно приятна тем, что подтвердила кое-что, отчасти высказанное в моем предисловии, отчасти удержанное до времени про себя, хотя не без намеков там же. Илешич не задумывается признать его довольно узким крайцем и даже эгоистом. Впрочем, сильно мне сдается, что сам он увлечен энтузиазмом Станка Врза и потому питает тайную склонность к иллиризму, может быть, бессознательно. Постараюсь узнать, не штириец ли он: эти молодцы что-то стали топорщиться, завидуя крайцам, и чуть ли они именно и прославили нашего с Вами друга, Ашкерца, весьма посредственного стихотворца. Такого мнения о нем держится сама Елена (Людмила то ж) Львовна (т. е. Элеонора Лудвиговна) Енко, чрезвычайно умная особа, для которой я, на старости лет, изменил своим обязанностям при Новаковиче. Сидя рядом с ней, я невольно вспоминал стих Прешерна:

*Nevárno glédati je dekléta mláde.**

* Опасно смотреть на молодых девушек.

Хорошо, что я уж отвык влюбляться; не даром я выбран в Академию.. Так-то оно так, а все-таки я забыл, о чем я говорил. Да, о соперничестве штирийцев с крайцами. Она, ki résem moja bó posóda pjénega iména,* признала вполне мое объяснение Ашкерцевой славы. Как же штирийцам не выдвигать всячески Браза, самого даровитого из них, хоть он ни одного стишка не написал по-словенски? Ожидая с нетерпением сведений о Новаковиче, поздравляю Вас и Ваше семейство с наступающим праздником.

Ваш Ф. Корш.

Ф. 35, оп. 1, № 715.

¹ Стојан Новаковић. Акценти штампаних српско-словенских књига црногорских и маџачких. Београд, 1877 (оттиск из „Гласника српског ученог друштва“, кн. 44).

² Ф. Е. Корш изучал в это время творчество словенского поэта Франца Прешерна, столетний юбилей со дня рождения которого словенцы праздновали 3 декабря н. ст. 1900 г. Ему принадлежит издание „Стихотворения Франца Прешерна со словенского и немецкого подлинников, в переводе и с предисловием Ф. Е. Корша“ (М., 1901). По предложению Корша Отделение русского языка и словесности согласилось на издание под его редакцией полного собрания поэтических трудов Прешерна. Вследствие выяснившегося позже неудобства издания при наличии рукописных источников в Любляне, Отделение решило содействовать изданию Прешерна силами словенских ученых (Протоколы ОРЯС, 28 октября 1900 г., 13 октября 1901 г. и 9 февраля 1902 г.).

113

К. Иречек — В. И. Ламанскому

22 декабря 1900 (4 января 1901). Вена

В Вене 8/2 Josefstädter Strasse 48.

22 декабря 1900

4 января 1901

Многоуважаемый господин коллега.

Сердечно благодарю на любезно посланной мне „Живой Старине“, которой я получил г. 1890—1893 целиком, 1899 вып. 1—3, 1900 вып. 1—3. Будет мне особенным удовольствием послужить Вам одним приложением с моей страны: о променении географических имен в течение средних веков, с особенным вниманием к землям южнославянским и греческим. Это любопытный проблем исторической географии. Но прежде надо кончить статью, которая меня занимает больше года, о романах далматинских городов в средние века, на немецком языке для Венской академии.¹

Из Болгарии я получил известие о раскопках в Абобе в 1900 г. нашлось много любопытного, но надписей мало. В Белграде проф. Любомир Стоянович составил пока в рукописи для Сербской академии сборник сербских подписей, послесловий и записей в рукописях и пр.,² в двух томах; в третьем томе будет указатель имен и слов. Академия получит, сколько я узнал, от сербского правительства на г. 1901 большую субсидию. В Хорватии одно из самых видных явлений критические рассуждения проф. Исидора Кршнявы о соединении Хорватии с Венгрией после смерти короля Звонимира, теория противоположная теории Рач-

* Чье имя будет носить моя песня.

каго; но источников об этом деле так мало! В Праге проф. Нидерле имеет намерение издавать маленькую энциклопедию о славянах, географии, истории, языках и пр.;³ его археологический „Věstník“ меняется в журнал библиографический для славянской филологии и для древностей.

Позволю себе поздравить Вас с новым годом и новым столетием и прошу принять уверение в глубоком моем уважении и преданности.

К. Иречек.

Ф. 35, оп. 1, № 605.

¹ Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. Tt. I—III. Denkschriften der kais. Akad. der Wissensch., philos.-hist. Klasse, B. XLVIII, 3, B. XLIX, 1—2, Wien, 1902—1904.

² Стари српски записи и нагписи. Књ. 1, Београд, 1902; књ. 2—1903; књ. 3—1905 (издание Сербской Академии наук).

³ Позже Л. Нидерле составил „Озрение современного славянства“ для „Энциклопедии славянской филологии“ (СПб., 1909). То же на чешском языке вышло несколько раньше в Праге.

114

К. Шкорпил — Ф. И. Успенскому

18 (31) марта 1901. Варна

Варна 18 марта 1901

Многоуважаемый господине директоре!

Найнапред Ви поздравлявам с „Добре дошел“ от Петербург.

С вчерашната поща Ви пратих неколко рисунки за Вашета обиколка в България през 1899 г.

Колкото се касае за Абоба, в основание на писмото Ви до Министерството на народ. просвещение в София, Министерът е поискал от мене един подробен рапорт за разкопките в Абоба; нъ азъ му отговорих, че не ми е възможно да дам един подробен рапорт и затова бех повикан в София, да дам един устен рапорт. Министерът като се е уверил в необходимостта за командировката ми в Цариград е обещал, да ма командирова от 1. Април до края на м. Юний, нъ е искал един писмен рапорт (общ) за разкопките, който испратих от давна в Министерството, нъ до сега немам отговор; треба да кажа, че обещанието е дал бивши министр Пеев и сега е нов министр Славейков. Сега е важно да зная за програмата ни по нашата работа. През Великденската ваканция ще направа една обиколка в околността на Абоба, за да събера още некои сведения. После ще има нужда, както сам казахте за некой допълнителни разкопки (девятшларе) в Абоба.

От г-ин Клуге немам сведения, как са излезли фотографическите снимки и да ли ще има нужда още от некои снимки и естампажи. От предметите, които се намерват у мене (железни, глинени, тухли и др.) ще има нужда от фотографическите снимки, които мога да направа сам, нъ да ги дам при фотографина да ги изработи.

Затова Ви моля, господине директоре, да ми съобщите, какво мислите по тези работи, за да мога на време да приготва нужното. За отговора от министерството ще Ви съобща, щом ще получа отговор.

С поздрав на многоуважаемата Ви госпожа и на Вас от жена ми и от мене оставам Вам преданий

К. В. Шкорпил.

Ф. 116, оп. 2, № 424.

Перевод

Многоуважаемый господин директор!

Прежде всего поздравляю Вас с добрым прибытием из Петербурга.

С вчерашней почтой я послал Вам несколько снимков, связанных с Вашей экспедицией в Болгарию в 1899 г.¹

Что касается Абобы, то на основании Вашего письма Министерству народного просвещения в Софии, министр затребовал от меня подробный отчет по раскопкам в Абобе; но я ответил ему, что не могу дать подробного отчета, и поэтому я был приглашен в Софию дать отчет в устной форме. Министр убедился как будто в необходимости предоставления мне командировки в Царьград, обещал командировать меня на срок с 1 апреля до конца месяца июня, но потребовал письменный (общий) отчет по раскопкам, который мной давно отправлен в Министерство, но ответа до сих пор не имею; следует сказать, что обещание это дано бывшим министром Пеевым, а сейчас — новый министр, Славейков. Теперь мне важно знать программу нашей работы. В пасхальные каникулы направляется экспедиция в окрестности Абобы для собирания еще некоторых сведений. Затем потребуются, как Вы сами говорили, некоторые дополнительные раскопки (девташларе) в Абобе.

От г. Клуге не имею сведений относительно того, как вышли фотографические снимки и потребуются ли ему еще какие-нибудь снимки и эстампы. Если нужны будут фотографические снимки предметов, находящихся у меня (железных, глиняных, кирпичных и др.), их я могу сделать сам, не отдавая их в фотографию.

Поэтому прошу Вас, г. директор, сообщите мне, что Вы думаете по поводу этой работы, чтобы я мог во время приготовить все нужное. Об ответе из Министерства я Вам сообщу, как только получу его.

Поклон многоуважаемой супруге Вашей и Вам от моей жены и от меня. Остаюсь преданный Вам

К. В. Шкорпил.

¹ К. Шкорпил принимал активное участие в Комиссии, организованной летом 1899 г. Русским Археологическим институтом в Константинополе для исследования северо-восточной Болгарии в археологическом отношении. Ему принадлежал приоритет в теории о приурочении к местности Абоба центра болгарской политической жизни в VIII и IX вв., что подтвердилось раскопками. См. „Изв. Русского Археологического института“ т. X, 1905, стр. 7.

А. И. Белич — А. А. Шахматову

2 (15) января 1902. Белград

Белград 2/1 1902.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Благодарю Вас за Ваше письмо, в котором мне сообщаете о юбилее Филиппа Федоровича.* Приглашение участвовать в Сборнике в его честь я получил и послал статью В. К. Поржезинскому.¹ Вас же теперь прошу

* *Фортунатова.*

прислать мне Ваши статьи о сербском ударении, не печатанные в Известиях,² так как в настоящем семестре я читаю курс по сербскому ударению. Вместе с тем я был бы Вам очень и очень обязан, если бы Вы в Академии выдали распоряжение о прислании мне следующих работ Срезневского: „Древние глаголические памятники“³ и „Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках I—III“ (СПб., 1867—1879).

Благодарю Вас за присылание „Известий“. В скором времени надеюсь прислать Вам для них статью. Идея о библиографии славянской, осуществленная до некоторой степени в Ваших „Известиях“,⁴ мне очень нравится, только не понимаю, отчего Вы ограничились одними журналами, отчего не вошли и отдельные книги, брошюрки и т. д. в этот перечень. Отдел по сербской филологии, хотя и не полный, вышел довольно удачно. Впрочем я уже давно хотел Вам предложить следующее. Так как у нас, в „Великой Школе“, есть отдельные семинарии для славяноведения, в которых занимается немало студентов, то я, с их помощью, мог бы Вам помочь в указанном отделе славянской библиографии составлением одного или больше отделов по южнославянской библиографии тех отраслей знания, которые интересуют славистов.

К Вам с глубочайшим уважением
А. Белич.

А. Белич, проф. Велике Школе, Београд. Видинска ул. 48

Ф. 134, оп. 3, № 105.

¹ К 30-летнему юбилею ученой и преподавательской деятельности Ф. Ф. Fortunatova (21 октября 1902) был издан „Сборник статей, посвященных учениками и почтателями академику и заслуженному ординарному профессору Ф. Ф. Fortunatovu“ (оттиск из „Русского филологического вестника“, Варшава); Белич поместил в нем статью „Подвижные гласные в сербском языке“.

² Имеются в виду статьи А. А. Шахматова в „Русском филологическом вестнике“: „К истории сербско-хорватских ударений“ (тт. XIX и XXIV, 1888 и 1890) и „Юрий Крижанич о сербско-хорватском ударении“ (тт. XXXII—XXXIV, 1894—1895).

³ СПб., 1851—1862.

⁴ Имеется в виду приложение к „Известиям ОРЯС“ — „Славяноведение в повременных изданиях. Систематический указатель статей, рецензий и заметок за 1900 г., СПб., 1901.

В. Н. Щепкин — А. А. Шахматову

17 (30) мая 1902. Москва

[...] Серб Кошутич, лектор новых славянских языков в Белградской Главной школе, будучи сейчас в Москве, сообщил мне, что проф. Томич, которого я знал в Москве несколько лет тому назад, провел два года в Македонии и изготовил большой труд о македонских говорах. Томич выгодно отличается от прочих сербов, мною виденных, серьезной и искренней мыслью. По взглядам на язык он может быть назван заглазным учеником Бругмана. Выводы Томича таковы, что он не нашел издателя в Сербии, даже в лице тамошней Академии: Томич считает всю массу македонских говоров — болгарскими по происхождению. Здоровье его очень пострадало, он не скрывает от себя этого и хотел бы еще при

жизни увидеть свой труд изданным нашей Академией — по-сербски. Если бы средства и цели Московского Археологического общества допускали это, я устроил бы издание в Москве, но на это нет надежды, хотя я на всякий случай и начинаю переговоры. В труде 200 мелко исписанных листов обычной писчей бумаги. Что Вы находите возможным в этом вопросе? Я заранее предложил бы себя в переводчики, но думаю Томич не пойдет на перевод. Неужели нельзя увидеть его труд изданным в оригинале?

Я с нетерпением буду ждать Вашего ответа — на письме, в нескольких словах, или при свидании.

Искренне уважающий

В. Щепкин.

Москва
17/V. 1902

Ф. 134, оп. 3, № 1730.

117

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

23 мая (5 июня) 1902. Вена

Вена 5 июня н. с. 1902.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Возвратясь с неделю назад домой я застал Ваше прежнее письмо, за которым последовало и второе на днях. Сердечное спасибо за готовность принять участие в юбилейном томе Архива.¹ Не забудьте только прислать фотографическую карточку с автографом. Не хотели ли бы Вы уговорить также Филиппа Федоровича к участию? Веселовскому я напишу сам.

Известие о затеваемом съезде² является несколько неожиданно, хотя оно идет навстречу моим давнейшим мечтаниям. Я все желал, чтобы мы сначала сошлись в очень ограниченном числе где-нибудь на совсем нейтральной почве, например, в Дрездене. Но теперь почти вся Германия заражена уже враждебным настроением ко всему славянскому. В Праге опять не могло выйти ничего, потому что съезд принял бы тотчас же характер общенародного славянского против немцев настроенного праздника. Да в Прагу не захотел бы явиться ни один из немецких ученых. Дай бог удачи в исполнении Вашего плана, хотя я признаться не могу совсем отрешиться от некоторых сомнений и опасений. Все до сих пор сделанные попытки съездов чисто или преимущественно славянских принимали обыкновенно характер чего-то демонстративного, направленного против кого-то, наделали много шума, вызвали даже неприятные последствия, пользы же принесли очень мало. Таковым был пресловутый съезд „братьев славян“ в Москве, которым еще и теперь время от времени наши немцы пятнают чехов. Таковыми выходят и новейшие попытки съездов публицистических (в Праге, Кракове, Дубровнике, Любляне), вызвавшие уже порядочный ряд недоразумений. Поэтому Вы должны быть очень осторожны уже при постановке вопроса, чтобы устранить подозрения со стороны кой-каких недоброжелателей, а такие, будьте

уверены, найдутся. Если съезд будет поставлен серьезно, научно, без выходок славянофильских, без различных приправ вроде различных годовщин, празднуемых вашими славянскими обществами, — тогда можете рассчитывать на участие в съезде небольшого числа хороших представителей нашей науки, которые могли бы действительно оказать пользу нашей науке в ее дальнейшем развитии. Но для этого хочется, чтобы Вы с самого начала избегали ошибку, от которой страдают ваши археологические съезды: в них всегда участвует слишком много народу, нет единства программы, заседания продолжаются слишком долго и т. д. Очень щекотливы вопросы, кто будет приглашать, кого приглашать, на каком или на каких языках, на который срок и т. д. По-моему желательнее, чтобы съезд был немногочисленен, ограничен на хороших знатоков науки, специалистов, но чтобы характер собрания был интернациональный, не преимущественно славянский, например, я желал бы в нем видеть Лескина, Брикнера, Неранга, Зольмсена, Бернекера, Вольпера, Шольвина из немцев, Люнделя, Енсена, Брока из северных людей, Леже, Мелье и еще кой-кого из французов. В такое общество, мне сдается, решились бы явиться также такие осторожные, чтобы не сказать трусливые люди, как Гебауэр в Праге.

Если Вы найдете, что эти мои взгляды не слишком расходятся с Вашими или же с теми, которые высказывались в вашем кружке — так мы могли бы продолжать об этом переписку в течение лета.

Пока желаю Вам прежде всего отдыха и хорошего пребывания в Вашей Вязовке, фотографическую карточку которой Вы могли бы мне послать, чтобы я имел представление о Вашей деревне, Вашем доме и т. д.

Все мы кланяемся Вам и Вашей супруге.

Ваш всегда тот же
И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1753.

¹ XXV юбилейный том „Archiv für slavische Philologie“ вышел в 1903 г., оформленный многочисленными портретами авторов-славистов, постоянных сотрудников журнала
² 14 мая 1902 г. А. А. Шахматов писал Ф. Е. Коршу, что „поглощен мыслью о съезде славистов, который должна созвать Академия“.

В. Н. Щепкин — А. А. Шахматову

4 (17) июня 1902. Москва

Многоуважаемый Алексей Александрович.

Прилагаю к этим строкам письмо Томича, из которого можно извлечь сведения о его труде и надеждах. Бедный Томич действительно плох, у него страдание легких в выраженной форме. Полагаю, что он говорит так прямо о своей болезни и о своих материальных делах исключительно ввиду наших старых товарищеских отношений. Я ничем не обнадеживал его и написал, что отгиски получить гораздо легче чем гонорар, и про сил сообщить, что он думает об этом, чтобы передать его предположения Вам. Я не желал бы быть в его положении: быть посланным с невы-

сказанной национальной целью и брошенным ввиду строго научных итогов экспедиции! Пять тысяч динаров составляют тысячи две рублей. Я пишу ему, что Сербскую Академию необходимо приучать к идеализму, т. е. потере денег, но что свои расходы и труд нужно стараться окупить, и прошу, не откладывая присылки рукописи, выждать результата моих осведомлений относительно возможного вознаграждения. Я буду ждать Ваших соображений по этому вопросу. По миновании надобности я желал бы иметь письмо Томича обратно. Желаю Вам хорошего лета. Я также на днях уезжаю в деревню. Адрес мой: Щелково почт. станц. Москов. губ. и уезда, в с. Тимонино.

Искренне уважающий и преданный

В. Щепкин.

Можно ли думать для Томича о стипендии на год? Думаю, что это было бы для него большим удовлетворением.

Москва
4 июня 1902.

Ф. 134, оп. 3, № 1730.

119

В. Н. Щепкин — А. А. Шахматову

10 (23) августа 1902. Москва

Многоуважаемый Алексей Александрович.

Моя переписка с Томичем подвинулась настолько, что я могу сообщить Вам некоторые положительные результаты. Просмотрев бегло весь его материал и подробно по образцу прозы и поэзии из каждой местности, я послал ему ряд вопросных пунктов, которые он возвратил мне с своими ответами, сильно меня успокоившими. Система обозначения звуков основана у него не на физиологии, а на акустике, и специальные обозначения даются только в начале каждого диалектического отдела. Но наблюдения его точны, записи достоверны, далеки от всякой подделки и в общем даже несколько лучше хороших болгарских записей. Его труд представляет целый цикл говоров: сербские в ст. Сербии и сев. Македонии и три болгарских района Македонии. Из переписки выяснилось, что он обладает данными для интересного введения, содержащего общую характеристику этих 4-х районов, и для кратких введений пред текстами каждого района. Этого и необходимо, как мне бы казалось, требовать от него для освещения материала. Он обещает также привести в более строгую систему специальные обозначения, которые в записях его сейчас страдают вариантами, колебаниями. Значение издания было бы двойное: 1) это было бы первое издание македонских текстов, стоящее вне подозрения тенденциозности: серб пришел к выводам весьма далеким от сербских политических притязаний; 2) это было бы первое русское издание македонских текстов, какое крайне необходимо для практических занятий в русских высших школах. Все это я изложу вскоре в докладной записке. Не позволите ли прислать ее Вам? Что касается вознаграждения, то не ставя никаких условий Академии, Томич желал бы

в скорейшем времени иметь авансом 500 рублей для покрытия долгов. Изложенные сведения мне приходилось добывать из него по крупице. Я храню его письма, которые содержат интересные сведения относительно плана путешествия, системы исследования, бытовых подробностей. Можно ли надеяться, что вопрос будет обсужден в 1-м же заседании?¹ Указанные 4 района расчлениют весь материал и облегчают положение издателя.

Искренне уважающий

В. Щепкин.

Москва 10/VIII. 1902.

Ф. 134, оп. 3, № 1730.

¹ 7 сентября 1902 г. II Отделение Академии Наук, обсудив докладную записку Щепкина, постановило печатать труд Томича в „Сборнике ОРЯС“ и выслать ему в счет гонорара 200 р. За смертью Томича издание не было осуществлено.

120

В. Н. Щепкин — А. А. Шахматову

11 (24) сентября 1902. Москва

Многоуважаемый Алексей Александрович.

Сима (Новаковић) Томић, проф. Главне Школе, должен быть теперь в Белграде, куда ему следует писать на Главную школу. Я же пишу ему одновременно и в Белград и в Крагуевац, где он проводил лето. Таким образом, он во всяком случае будет знать, где искать бумагу Отделения. Но как следует понимать редактирование, которое предлагается мне? Я весьма охотно буду читать одну корректуру и сношаться с Отделением и Томичем по поводу сомнений или желательных изменений. Но первую корректуру необходимо посылать в Белград. Идет ли на это Отделение? Вести издание независимо от автора я бы решительно отказался. Это слишком ответственно и совершенно не соответствует тому ограниченному досугу, которым я располагаю. Было бы крайне желательно кроме того, чтобы Отделение в своей бумаге просило Томича: 1) внести единообразие в систему обозначения звуков, 2) предпосылать каждому крупному отделу краткое предисловие относительно обозначений данного отдела и 3) теперь же приступить к написанию общего введения. Я писал Вам об этом, как о важном условии, и в докладной записке давал данные для такого требования Отделению. Это основа справедливого компромисса между интересами Академии и Томича. Быть может по отпечатании листов пяти он может снова обратиться с просьбой об авансе? Ведь в случае его смерти его труд не пропадет для его семьи, но пропадет для него. Этот фактор заставляет меня теперь же озаботиться и о введении. Об академических шрифтах напишите мне при случае: о чем можно просить? Это не так спешно.

Искренне преданный

В. Щепкин.

Москва 11/IX 1902.

Ф. 134, оп. 3, № 1730.

В. Н. Щепкин — А. А. Шахматову

24 сентября (7 октября) 1902. Москва

[...] Сегодня получил письмо от Томича. Он удовлетворен условиями Отделения и принимается за работу. Собирается составлять не только Введение, но также диалектологическую карту Македонии. Он очень интересуется началом печатания. Можно ли приступить теперь же? В таком случае я просил бы первую корректуру в одном экземпляре послать Томичу, в другом — мне. Дело в том, что наборщик сначала будет плохо понимать сербский почерк; я на первой корректуре покажу ему, что г = z, т = m и т. п. и тогда дело пойдет на лад. Также укажу, какие значки следует вырезать (ж^а, ä и т. п.); у меня есть конспект обозначений, которыми пользуется Томич, посему оригинал можно будет отсылать ему, а не мне. Позвольте поблагодарить Вас за Томича. Устройством его дела Вы его ободрили нравственно и вернули к труду. Поверьте также, что из сербов, которых я видел, Томич поражает прямым природным умом. Скажу Вам за тайну, что Музей приобретает на днях одну рукопись, вывезенную Томичем из Македонии: это среднеболгарская Псалтырь (XIII—XIV в., македонское наречие) со многими миниатюрами и заставками, которые работаны греком (судя по подписям) в прекрасной византийской манере цветущей эпохи. Рукопись еще в пути, но мы судим по описанию Томича. Псалтырь может оказаться интересной и по языку, а для целей Музея — это чистый клад — нам недоставало образцов византийской миниатюры. Я надумал вскоре послать Академии текст Ассеманова евангелия, готовый к печати,¹ исследование по нему буду вести во время печатания, а теперь принялся за статью о Болонской Псалтыри.² Ранее, по недостатку времени, не мог приняться, а статья о московской школе иконописи, повидимому, еще долго пролежит в портфеле. Могу ли рассчитывать на присылку грамоты Асеня II? Склоняюсь к тому, что Болонская Псалтырь относится к его времени, а не ко времени его отца. Вот почему мне так важна грамота. Она на бумаге и могла бы быть переслана в плоском деревянном ящике или в плотной папке, обшитой парусиной.

Искренне преданный

В. Щепкин.

Москва 24/IX 1902.

Ф. 134, оп. 3, № 1730.

¹ В. Н. Щепкин вывез из заграничной командировки 1900 г. материалы для издания Ассеманова евангелия, сфотографированный текст рукописи, хранящейся в Ватиканской библиотеке, материалы для статьи о языке и графике Болонской псалтыри, изучавшейся им в библиотеке Болонского университета, а также материалы для статьи об отношении гравюр византийских инкунабулов и памятников западного искусства, отражающих византийский стиль, к русской иконописи и миниатюре. См. его отчет в „Известиях Отделения русского языка и словесности“ (т. VII, кн. 3, 1902).

² Докторская диссертация В. Н. Щепкина „Болонская псалтырь“ была издана Отделением русского языка и словесности в серии „Исследования по русскому языку“ (ч. II, вып. 4, СПб., 1906). Здесь дан, между прочим, палеографический анализ Апостола Томича из собрания рукописей Исторического Музея.

II Отделение Академии Наук — президенту Академии Наук

7 (20) октября 1902. Петербург

7 октября 1902 г., № 548.

Выписка из протокола заседания 21-го сентября 1902 года. „Статья I. Читана докладная записка члена-корреспондента императорской Академии Наук проф. университета св. Владимира Т. Д. Флоринского (от 14-го сентября сего года), в которой он возбуждает вопрос об устройстве в возможно скором времени съезда русских и заграничных славистов. Отделение признало мысль проф. Флоринского о съезде славистов вполне своевременною и пришло к тому убеждению, что такой съезд мог бы быть созван в будущем 1903 году“.

При дальнейшем обсуждении означенного вопроса среди членов Отделения были намечены нижеследующие мероприятия: 1) с разрешения президента Академии Наук довести до сведения г. министра народного просвещения о назревшей необходимости более близкого общения деятелей на почве науки и просить его представить высшей власти о разрешении устройства съезда ученых, занимающихся славяноведением, в 1903 году в Петербурге при императорской Академии Наук; 2) учредить в ближайшем будущем, как только последует правительственное разрешение на устройство съезда, — организационное бюро и организационный комитет. Членами бюро предположено пригласить представителей всех университетских кафедр славяноведения (т. е. Санктпетербургского, Московского, Казанского, Харьковского, Киевского, Варшавского, Новороссийского, Юрьевского и Александровского в г. Гельсингфорсе). Вместе с членами Отделения им придется выработать в конце текущего года программу съезда и разработать те вопросы, разрешение которых может быть предоставлено съезду. Председательство в означенном бюро предложить акад. И. В. Ягичу; 3) кроме бюро, признано необходимым устроить организационный комитет, ведению которого должны принадлежать, так сказать, хозяйственные заботы по устройству съезда и предварительная переписка с учеными и учреждениями, заинтересованными в устройстве съезда. В означенный комитет предположено пригласить всех членов Отделения, а также проживающих в Петербурге славистов, как то членов-корреспондентов Академии: И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, П. А. Лаврова, а также С. Л. Пташицкого, П. А. Сырку и г. г. Петрова, Ястребова, Липовского, Кораблева, Лямбека, Половинкина и других. Председательствовать в означенном комитете Отделением было предложено акад. А. И. Соболевскому, который и изъявил на то свое согласие. Обо всем вышеизложенном Отделение постановило довести до сведения президента Академии Наук и просить е. выс. принять под свое покровительство учреждение съезда при Академии Наук.¹

Председательствующий А. Веселовский.

Ф. 9, оп. 1, № 798.

Надпись рукой президента: „С предположениями Отделения согласен. К. Киев 10/10“.

¹ Ввиду задержки разрешения съезда славистов со стороны Министерства иностранных дел решено было просить Министерство народного просвещения созвать предварительный съезд представителей русских кафедр славистики в январе 1903 г., под

председательством И. В. Ягича, для подготовительных работ. 16 ноября 1902 г. по предложению А. А. Шахматова, Отделение постановило издать ко дню открытия съезда славистов „Сборник статей по славяноведению“ под ред. В. И. Ламанского. К участию в этом издании были приглашены все виднейшие слависты, русские и иностранные. 22 января 1903 г. министр народного просвещения Г. Э. Зенгер сообщил президенту Академии Наук о разрешении „созвать в феврале текущего года при императорской Академии Наук предварительное совещание из представителей кафедр славяноведения и русского языка и литературы императорских Российских университетов и Историко-филологических институтов для выработки определенной программы предполагаемого при Академии Наук осенью сего года съезда ученых исследователей по славяноведению“. Отделение перенесло совещание на 10—15 апреля 1903 г.

123

В. И. Ламанский — А. А. Шахматову

Осень 1902. Петербург

Многоуважаемый Алексей Александрович!

На днях я узнал, что чехи, словинцы, хорваты, как говорил мне проф. Пальмов, проживший среди них все лето, горячо принялись за приготовление к всеславянской выставке в Петербурге 1904 г.¹, что эта выставка будет открыта не в декабре, как сначала думали, а в апреле. Эта выставка будет не промышленная только, а и художественная и этнографическая, во время выставки будут и съезды или совещания промышленников, техников и купцов, а также и этнографов.

В 1903 г. Петербург празднует свое 200-летие. Тут съедутся депутаты различных городов России. Город должен позаботиться о приличном принятии и помещении гостей.

Об этом позаботятся и в 1904 г. относительно гостей славянских, между прочим и этнографов.

Не лучше ли нам назначить съезд славистов не осенью 903, а весною (например, на святой — западной) 904 почти одновременно с выставкою. Тогда городу за одно уже придется подумать и о принятии славистов-филологов и этнографов. Да и этим последним, особенно приедем из Германии, Швеции, Норвегии, Дании, Франции, Англии, будет приятнее и занятнее повидать за одно и выставку.

Если же мы будем настаивать на 903 г., то Дума будет ворчать за навязыванье ей славян два года подряд, тем более, что и двухсотлетний праздник введет ее и без того в большие расходы по части помещений и угощений.

По-моему гораздо лучше было бы отложить съезд славистов до 904 г. Подумайте и переговорите с коллегами.

Слышал я, что и галицы и прусы да и наши поляки очень сочувствуют славянской выставке и собираются тоже не ударить себя лицом в грязь.

Ваш В. Ламанский.

Ф. 134, оп. 3, № 812.

¹ Положение о Всеславянской художественно-промышленной выставке в Петербурге в 1904 г. было выработано особым комитетом выставки в мае 1902 г.; напечатано в „Изв. Петербургского славянского благотворительного общества“ (№ 1, октябрь 1902). Выставка не состоялась.

С. Шкрабед — А. А. Шахматову

24 октября (6 ноября) 1902. Горька

Visoko čislani gospod akademikl

Z veliko hvaležnostjo poterjujem, da sem prejel blagovoljno mi poslano Vašo knjigo, kakor tudi Vaše tako prijakno pismo. Nas uboge Slovence mora pač po pravici jako veseliti, da se odlični ruski učenjaki s tolikim interesom ozirajo na naš jezik in naše skromno slovstvo. Če nam je sojeno po nemnogo letih zginiti izmej števila živih slavenskih narodov, tolaži nas vsaj to, da ne bomo zginiti brez sledu, da nas bodo v prihodnjih stoletjih mogočnisi bratje hranili vsaj kolikor toliko v dobrem spominu.—Dozdaj sem mogel prebrati le I. del Vaše razprave in čudil sem se Vašemu natančnemu poznanju vsega, kar se je storilo dozdej za našo dialektologijo. Jaz bi težko mogel kaj povedati, kar Vam še ne bi bilo znano. Zato pač tudi ne morem upati, da bi bili zadovoljni s fonetiko, ki bi jo jaz napisal. Seveda bi bil jako rad vstregel Vaši želji. Od tod je prišla obljuba, da napišem nekoliko za poskušnjo. Ali moja dobra volja je bila večja ko moja zmožnost. Moj čas je tako napolnjen z raznimi cerkvenimi, šolskimi in drugimi opravili, da nisem prišel do tega, da bi bil začel kaj pisati za obljubljeno poskušnjo. Vendar pozabil nisem na Vaše blagovoljno povabilo. Ko mi je namreč gosp. Ljapunov pisal, da namerja on sestaviti spis o slovenski fonetiki, pri čemer se hoče držati zlasti tudi mojih spiskov, sem mu jaz svetoval, naj bi se o tem natančneje dogovoril z Vami in jaz bi mu pomagal, kolikor bi bilo treba in bi bilo v moji moči. G. Ljapunov bi tudi sam mogel vedeti, kaj je v mojem za Lendovšekovo namerjano slovnico namenjenem spisku takega, da ne bi interesiralo ruskih slavistov in bi se torej smelo izpustiti, mogel bi se pa tudi o tem natančneje z Vami dogovoriti. Tako mislim, da bi se po najkrajši poti doseglo, kar se da sploh dan današnji doseči v tej reži. Mnogo nove luči za slavistiko vendar jaz ne pričakujem od tega dela, ker se kaj posebnega novega ne bo dalo najti in to tem menj, ker želite, da bodi obravnava sezeta, torej, če prav umem, brez daljših dokazovanj glede kakih interesantnijih vprašanj. Jaz pa mislim nasproti, da bi ravno take posebne in natančnije preiskave mogle razne strani našega glasoslovja pokazati v svitlejši luči. Nekatere moje take do zdaj še ne sploh priznane nazove sem hotel pred nekaj leti pojasniti v nekem spisku, ki ga je sprejel Jagić v svoj „Archiv“, kakor se skoraj gotovo spominjate. Ker je skušal rajni Oblak moje proti njemu obrnjeno dokazovanje ovreči z izgovori in zavijanjem, sem bil prisiljen se nadalje misliti o tistih vecih ter svoje prepričanje z novimi dokazi podpreti. Kakor pač tudi veste, Jagić mojega drugega spisa ni hotel več sprejeti, ker se mu je zdela menda stvar premalenkostna. Ali jaz mislim, da imajo v znanstvu lahko tudi na videz malenkostne stvari svojo važnost, in kolikor poznam Vaše spise, ste morda tudi Vi tega prepričanja. Zato si dovoljujem Vam ponuditi omenjeni nesrečni spis, ki sem ga pripravljen toliko predelati, da bi mogel v ruščino prestavljen nekoliko vgažati tistim bravcem „Izvestij“, kateri se sploh za fonetične preiskave interesirajo. Ker bi bilo zlasti le drugega uvoda treba, bi Vam mogel rokopis poslati v nepredolgem času. Pa še neko drugo delo imam „in petto“, ki bi je rad ponudil Vaši Akademiji in upam, da ji ne bi bilo v nečast, ako bi je izdala. Vže je čez 40 let, kar mislim na občno slavensko stenografijo

in upam, da je zdaj stvar toliko dozvela, da bi je smel objaviti in bi se moj sestav mogel meriti glede znanstvene vrednosti se vsemi nemškimi, ob enem bi bil blizu enako sposoben za vse druge glavne evropske jezike. — Ako sodite, visoko čislani gospod, da bi mogla Vaša Akademija prevzeti objavljenje tega ali onega spisa, ali obeh, prosim lepo, da bi mi to blagovoljno naznanili in jaz bi storil, kar bi bilo v moji moči.

Mej tem ostanem z najodličnišim spoštovanjem

Vaš hvaležni in vdani

P. Stanislav Škrabec.

V Gorici 6/11. 1902.

Ф. 134, оп. 3, № 1700

Перевод

Высокоуважаемый господин академик!

С великой благодарностью подтверждаю, что я получил любезно-высланную мне Вашу книгу,¹ как и Ваше приятное письмо. Нас, бедных словенцев, может поистине только то и радовать, что выдающиеся русские ученые с таким интересом относятся к нашему языку и к нашей скромной литературе. Если нам суждено через несколько лет исчезнуть из рядов славянских живых народов, то утешает нас только то, что мы не исчезнем бесследно, что наши сильные братья будут сохранять нас в течение, будущих столетий, по крайней мере, хоть только в доброй памяти. Пока я смог просмотреть только 1 часть Вашего труда и удивился Вашей точной осведомленности во всем, что создано до сих пор по нашей диалектологии. Мне трудно было бы даже сказать, что Вам неизвестно. Поэтому я и не могу надеяться, чтобы Вы могли бы быть удовлетворены фонетикой, если бы ее написал я. Конечно, я бы был рад исполнить Ваше желание. Поэтому я и обещал написать немного в виде опыта. Но моя добрая воля превращает мой возможности. Время мое настолько заполнено разными церковными, школьными и другими обязанностями, что я еще не начал писать обещанное. Но все же я не забыл о Вашем любезном предложении. Г. Ляпунов сообщил мне, что он предполагает написать труд по словенской фонетике, при чем хочет придерживаться и моих работ, я советовал ему точнее договориться с Вами, а я помогу ему, насколько это будет нужно и насколько будет в моих силах. Г. Ляпунов мог бы сам решить, что в моей, предназначенной для предполагавшейся грамматики Лендовшека работе² имеется такого, что не интересует русских славистов и, следовательно, могло бы быть выпущено, и он мог бы об этом точнее договориться с Вами. Думаю, что таким образом это было бы достигнуто в кратчайший срок, если вообще можно чего-либо достигнуть на сегодняшний день в этой области. Чего-нибудь нового для славистики я не жду от этой работы, и тем более потому, что Вы желаете, чтобы объяснения в ней были бы даны в сжатом виде — то есть, если я правильно понимаю, она не должна заключать длинных объяснений каких-нибудь более интересных вопросов. Я же думаю наоборот, что именно такие специальные и точные исследования могли бы показать различные стороны нашей фонетики в более ясном свете. Некоторые свои, до сих пор еще не всеми признанные термины я хотел несколько лет назад разъяснить в одной статье, которая была принята Ягичем в его Archiv,³ как Вы помните. Когда покой-

ный Облак попытался мои направленные против него положения забросать упреками, я вынужден был дальше раздумывать об этих вещах и обосновывать свои мнения новыми доказательствами. Как вы знаете, Ягич не хотел принять моей второй статьи, потому что она показалась ему, полагаю, слишком мелочной, но я думаю, что в науке на вид мелочные вещи имеют свое значение и, насколько я знаком с Вашими трудами, Вы придерживаетесь кажется того же мнения. Поэтому я разрешаю себе предложить Вам упомянутую несчастную статью, которую я готов переделать, чтобы она, будучи представленной на русском языке, могла удовлетворить требованиям Известий, которые вообще интересуются фонетическими розысканиями. Если бы потребовалось другое введение, я мог бы в непродолжительном времени выслать Вам рукопись. И еще одну работу имею я „in petto“, которую охотно предложил бы вашей Академии, и надеюсь, что она не запятнала бы своей чести, если бы ее издала. Уже 40 лет работаю я над общеславянской стенографией и думаю, что труд теперь уже настолько созрел, что я могу осмелиться его опубликовать, и мой проект мог бы соперничать по своей научной значимости со всеми немецкими, поскольку он почти одинаково пригоден для всех других главных европейских языков. Если Вы полагаете, глубокоуважаемый господин, что ваша Академия могла бы взять на себя издание того или другого труда, или обоих вместе, очень прошу Вас известить меня, и я сделаю все, что в моих силах.

За сим остаюсь с глубочайшим почтением

Вам благодарный и преданный
отец Станислав Шкрабец.

Гогица 6. 11. 1902.

¹ А. А. Шахматов. Русское и словенское акание. Варшава, 1902 (оттиск из „Сборника статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову“).

² Имется в виду работа Шкрабеца для Грамматики словенского языка, коллективно составленной по инициативе В. Облака в 90-х гг. Грамматика не была закончена вследствие смерти ее редактора И. Лендовшека в 1895 г. Свои главы Шкрабец опубликовал в своем журнале „Cvetja z vrtov sv. Františka“ (letn. XII—XIV, 1892—1894).

³ Über einige schwierigere Fragen der slovenischen Laut- und Formenlehre (Archiv f. slav. Phil., XIV, 1892); в том же томе Архива было помещено возражение В. Облака „Einige Bemerkungen zur vorausgehenden Abhandlung“.

А. О. Патера — К. Я. Гроту

26 декабря 1902 (8 января 1903). Прага

Прага 26 декабря 1902 г.

Многоуважаемый Константин Яковлевич!

Наш общий друг Владимир Андреевич Францев передал мне присланный русскими славистами альбом. Не нахожу достаточных слов, чтобы Вам, глубокоуважаемый Константин Яковлевич, выразить свою искреннюю благодарность за присылку столь прекрасного подарка от имени русских славистов. Этот альбом будет для меня навсегда милейшим воспоминанием о моих лучших друзьях в России.

Так как по болезни глаз мне нельзя всем лично заявить мою благодарность, то обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый Константин Яковлевич, с покорнейшей просьбой, не найдете ли Вы возможным изъяснить всем участникам дорогого для меня воспоминания от моего имени благодарность в „Новом Времени“ или где окажется Вам удобнее и уверить их, что я очень часто вспоминаю своих задушевных друзей в России, с которыми я имел честь лично познакомиться.¹

„Королевское чешское общество наук“ избрало Вас, глубокоуважаемый Константин Яковлевич, вчера вечером в своем общем собрании единогласно в свои члены (заграничные).

Вместе с тем позвольте поздравить Вас и глубокоуважаемую супругу Вашу с новым годом и пожелать Вам полного здоровья и всего лучшего в мире.

С истинным почтением искренно преданный Вам

Ад. Патера.

Фотография автографа А. С. Пушкина по желанию имп. Академии Наук отправлена в С. Петербург в Академию, так как Вам уже не была нужна.

Ф. 281, оп. 2, № 373.

¹ Заметка о поднесении альбома библиотекарю Чешского музея, через руки которого „прошло несколько поколений русских уч-ных“, помещена в „Изв. Петербургского славянского благотворительного общества“ (№ 5, февраль 1903). Благодарность от имени А. Патера опубликована К. Я. Гротом в „Новом времени“ (2 января 1903).

126

II Отделение Академии Наук — редакторам „Вестника славянской филологии и древностей“

17 февраля (2 марта) 1903. Петербург

Прага Чешский университет

Гг. редакторам „Вестника славянской филологии и древностей“

Ю. Поливке, Л. Нидерле и И. Зубатому

17 февраля 1903 г.

№ 108

Отделение русского языка и словесности имп. Академии Наук имеет честь уведомить Вас, что оно постановило выдать на продолжение издания Обзора трудов по славяноведению, печатающегося в издаваемом Вами „Вестнике славянской филологии и древностей“, триста рублей из сумм Отделения.

Вместе с тем Отделение русского языка и словесности считает нужным сообщить Вам, милостивые государи, что оно по материальным соображениям решило приостановиться с изданием библиографического списка по славяноведению за 1902-ой и следующие годы,¹ предполагая подвергнуть обсуждению Съезда славистов, имеющего быть при Академии Наук в Петербурге в будущем 1904 году, — вопрос об общей славянской библиографии. По сему Отделению представлялось бы жела-

тельным продолжение библиографического труда, столь целесообразно организованного под Вашею редакциею.

Председательствующий.

Отпуск.

Ф. 9, оп. 1, № 736.

¹ В 1903 г. II Отделение издало „Славяноведение в 1901 году. Систематический указатель трудов по языковедению, литературе, этнографии и истории“.

127

А. И. Белич — А. А. Шахматову

15 (28) марта 1903. Белград

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Как ни симпатично Ваше предложение о диалектологической карте сербского языка — оно трудно выполнимо, по простой причине, что все-таки в области сербской диалектологии все еще мало сделано и по отношению к качеству и количеству описаний. Если Вы согласны с тем, чтобы я внес в такую карту только то, что до сих пор сделано по сербским диалектам, и то, что мне помимо того известно, я готов Вам послать к 1 октября и карту и объяснительную статью. Конечно, никто не будет в претензии, если я то, что сам исследовал и в достоверности чего я убежден, представляю более детально, чем те диалекты, которые мне известны только по чужим работам. Впрочем, и в продолжение настоящего года я предполагаю сделать несколько диалектологических поездок в различные концы сербской территории для того, чтобы пополнить свои диалектологические познания. В одном я не сомневаюсь, а именно в том, что и такая карта принесет долю пользы славистам и славистике, ибо у многих представителей теперешней науки все еще более ошибочные взгляды на эти диалекты, чем это должно бы было быть, если бы работы о них были более доступны. Принимая Ваше предложение, я и руководствовался этой потребностью науки.

Относительно объема карты и статьи мне хотелось бы все-таки иметь некоторые указания. Ведь в статье можно бы было дать и обзор сербских диалектов, а можно бы было довольствоваться только пояснительными замечаниями. Прошу Вас написать мне, что Вы об этом думаете.

На съезд я думаю поехать, если своевременно буду уведомлен о нем и официально приглашен (и частным образом, и через факультет), ибо иначе не получу командировки, без которой мне ехать невозможно.

Прошу Вас еще сделать распоряжение о том, чтобы мне корректуру посылали, а ее отсюда уже буду посылать Степану Михайловичу* в Одессу.

Прошу Вас кланяться Филиппу Федоровичу, Юлье Ивановне,** когда их увидите.

К Вам с глубоким уважением

А. Белич.

Белград, 15. III 1903.

Ф. 134, оп. 3, № 105.

* Кульбакину.

** Фортунатовым.

Редакторы „Вестника славянской филологии и древностей“ —
II Отделению Академии Наук

7 (20) марта 1903. Прага

В Отделение русского языка и словесности!

Приносим глубочайшую благодарность за лестное внимание, оказанное Отделением имп. Академии Наук нашему изданию, и за субсидию 300 рублей, которую сумму мы на сих днях в исправности получили.

С большим сожалением издатели „Вестника славянской филологии и древностей“ узнали, что Отделение решило прекратить свое библиографическое издание до будущего съезда славянских филологов, тем более, что они сами очень неблагоприятным состоянием своего издания в материальном отношении принуждены прекратить, по крайней мере на время, свое издание. Из приложенного списка счета нашей типографии Отделение узнает, что подписанные сим изданием несмотря на материальную поддержку с разных сторон, несмотря что сами работали даром, взвалили на свои бедра большой дефицит, который сами теперь тяжело носят и который бы дальним изданием еще более возрстал.

Посему подписанные подносят Отделению покорнейшую и дерзкую просьбу, Отделение изволь поддержку, оказанную за III т. Вестнику, жертвовать на подкрытие дефицита за I и II т. Вестника.

В Праге дня 20. марта 1903.

Любор Нидерле.
Ю. Поливка.
Д-р Пастернек.
И. Зубатый.
Ф. 9, оп. 1, № 735.

И. В. Ягич — А. Н. Веселовскому

8 (21) марта 1903. Вена

Вена 21 марта 1903.

В ответ на сделанное мне от имени Отделения приглашение (от 19 февраля за № 135) принять участие в заседаниях Предварительного комитета по устройству съезда специалистов по славянской филологии и истории, честь имею сообщить Вашему превосходительству, что я постараюсь к назначенному для заседаний сроку прибыть в Петербург, чтобы участвовать в совещаниях, готов даже принять на себя председательствование в означенных заседаниях, если Отделение этого желает. По дороге я надеюсь переговорить об этом важном деле кой с кем из специалистов славянской филологий в Праге, а также с профессорами Лескином в Лейпциге и Брикнером в Берлине. Таким образом я буду, как я надеюсь, в состоянии сообщить Предварительному комитету желания и надежды части славянских филологов соседних с Россиею стран Австрии и Германии.

С сердечными пожеланиями полного успеха совещаниям Предварительного комитета, честь имею быть

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Игн. Ягич.

Ф. 9, оп. 1, № 798.

130

М. Мурко — А. А. Шахматову

22 марта (4 апреля) 1903. Градец

Градец (Graz) $\frac{4 \text{ апреля}}{22 \text{ марта}}$ 1903.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

По Вашему желанию я нашел кроме чакавца Царича с острова Хвара (Lesina) между своими учениками еще штокавца Буяса (Ramiro Bujas) из Дубровника, который нам может особенно пригодиться, так как он главным образом „философ“ и в нашем факультете существует (кажется единственный в Австрии) институт для экспериментальной психологии. Я сейчас заметил, что Буяс очень хороший наблюдатель, и узнал, что носится даже разными планами, как мерить квантитет и ударение; еще более заинтересовался он этим вопросом, когда я ему сказал, какие услуги он может сделать науке. Он и Царич изучали также прилежно уж известную литературу о сербо-хорватском ударении и делали мне интересные замечания. Но, так как я сам себе в вопросах ударения не доверяю, пригласил я в семинарию для славянской филологии сравнительного языковеда R. Meringer'a, который в свое время путешествовал по Боснии и Герцеговине с Решетаром, значит понимает толк в хорватско-сербском ударении, нашего англиста Luick'a, специалиста по фонетике (разумеется, воспитанного в школе английских фонетиков), и товарища К. Штрекля, известного Вам диалектолога. Для наблюдения мы собрали 10 чакавцев и несколько штокавцев, между ними одного из Герцеговины, для сравнения.

Результат следующий: Царич и Буяс отлично различают восходящее и нисходящее ударение. Царич оказался также точным наблюдателем своего родного наречия, о котором мы имеем сведения от Leskien'a. На далматинских островах выступает восходящее, а нисходящее ударение в долгих слогах совсем ясно и прелесть было наблюдать, как смыкается напр. гѣкѣ, где было можно спорить, на котором слоге ударение. О разных тонкостях в Tonstarke и Tonbobe делал Буяс замечания, которые всем понравились. Между другим важно, что чакавские долгота и ударения не всегда те же, как в штокавских наречиях. К сожалению, мы не нашли ни одного студента из Хорватского Приморья, из родины Мажуранича (но меня уверяли на днях в Загребе Мусич и Маретич, что он верно наблюдал). Интересен был единственный студент из Истрии, который произносил отчасти так, что Штрекель восклицал: вот видно, как Неманич прав, но отчасти Буяс и Царич все-таки и у него наблюдали восходящее и нисходящее ударение. Но интереснее всего, что они его отличают у чакавцев с далматинских островов также в коротких слогах. Я обращал уж раньше чаще внимание Буяса на то, как это совсем новый факт, но он оставался на своем. Мои судьи

не могли высказаться, так как после двух часов были уж совсем утомлены. Кроме того и они себе в этом вопросе не доверяют; Мерингер, например, в Боснии и Герцеговине никогда не мог отличать ударения коротких слогов и думает, что это даже невозможно. Выходит и в этом случае, как все эти наблюдения очень субъективны, и поэтому было бы очень важно, если бы Буяс мог перейти на экспериментальную почву. Он хочет в летнем семестре делать наблюдения в психологическом институте и я хочу его специально рекомендовать проф. Meipong'у и приват-доценту Witasek'у, который много занимается подобными вопросами. Разумеется, что очень желательно, чтобы Буяс и Царич перед своим отъездом столкнулись и настроились насколько возможно на одну ноту. Буяс желал бы иметь с собою также фонограф и думает, что будет в состоянии увеличить и измерить его начертания. Об этом я слышу разные мнения специалистов, которые разочарованы пока сделанными опытами. Мое мнение, что бы следовало ему дать фонограф на путешествие, разумеется не весом в 120 кгг, как это сделала Венская академия. Мне говорил венский романист Meyer-Lubke, что в прошлом году на Neuphilologertag'e в Бреславе были сделаны утешительные доклады о фонографе (каком олобенном), и знаю также из другого источника, что немецкие диалектологи путешествовали с фонографами за — 14 марок.

Из всего видно, что надо исследовать ударение всей чакавской области с Истрии до островов перед Дубровником, чтобы определить его характер и по крайней мере главные различия.* Кроме того я советую подробное исследование на родине Мажурича в Хорватском Приморье (за Рекою — Fiume) и на далматинских островах около Хвара (Lesina), откуда родом Царич. Поэтому должен Буяс проехать всю область и побывать некоторое время также на островах, где бы работал Царич. Если бы Царич несколько не уклонялся от задуманной задачи (он очень скромн и неподпримчив), я бы его предложил также для более точного исследования в Приморье, но кажется лучше эту задачу доверить Буясу, хотя для него выйдет тогда очень много. Вообще я думаю, что хватит для обоих работы на все каникулярное время, если желательны точные сведения на основании всех назначенных исследований Даничича и Павича. Кроме этих и словаря Вука Караджича следует снабдить их и с hervatsk-ою slovníc-ею Мажурича¹ и статьями Неманича, Милчетича (Čakavština Kvarnerskih otoka) и Кушара (O rabskom parjesji — Rad 118, — Rab-Arbe остров на границе между Приморьем и Далмациею, важно, что и Кушар там не отличал двойной долготы).** Разумеется они должны иметь и карту (достаточно, пожалуй, обыкновенной Reisekarte, имеются хорошие) и отметить свои странствования.

Я в затруднении определить стоимость такого предприятия, так как трудно сказать, сколько оно требует времени. Обращаю особое внимание на путешествие по разным разбросанным и не всегда легко доступным островам. На счет времени и ежедневных расходов за такие исследования у Вас несомненно больше опыта чем у меня. На Diäten (суточные и прогонные) полагается у нас для невысоких господ ежедневно 5 гульденов (приблизительно 4 рубля), но я думаю, что бы было достаточно и 4 или 3 1/2 гульденов, но зато бы следовало отдельно платить за каждый лист записей, чтобы иметь молодых людей в руках до конца.

* Ср. также: V. Oblak, Archiv f. slav. Phil., XVIII, 246—247.

** Rešetar'a „Betonung südwestlicher Mundarten“² могут изучить пожалуй раньше

Приблизительно я думаю, что у Буяса хватит работы на три месяца, у Царича по крайней мере на два, если он должен отыскать побольше островов в Далмации.

Считая 4 гульдена ежедневно вышло бы $360 + 240 = 600$ гульденов = 1200 крон, что дает Ягич в Balkankommission³ как minimum одному исследователю, обязанному на 6 недель.

Пособия:

Daničić. Akcenti u glagola (отд. оттиск Rad-a VI, ⁴ нет в продаже)	1 кр, 40 hel.
[Daničić отд. оттиск Rad-a] XVI, ⁵ нет в продаже, значит надо искать антикварным путем, хотя будет трудно найти отдельные книги	5 (?)
Pavić. Rad LIX (не XLIX) ⁶	3
Вук Караџић Rječnik (переплетен)	19

 2×28. 40

Крон 56. 80

Kušar. Rapsko narječje, Rad, 118	3 кроны
Milčetić. Čakavština Kvarnerskih otoka, Rad, 121	3 "
Nemanić. Čakavishe-kroatische Studien ⁷ (не могу найти цены, но не больше 5 крон, разумеется, если найдутся отдельные оттиски	5 (?)

 2×11

22 крон

Итого 78 крон 80 hel.

10 крон

 88 кр. 80 hel.

4 карты — приблизительно

Значит на пособия нужно приблизительно 100 крон, так что бы командировка обошлась по крайней мере в 1300 крон = 500 рублей, при чем останется вопрос о фонографе открытым, точно также о гонораре для записей.

Надеюсь, что Вам будет возможно на основании всех этих данных прийти к собственным выводам.⁸ О подробностях, главным образом об инструкциях для Буяса и Царича, надо будет еще поговорить.

Вам преданный

М. М. Мурко.

Ф. 9, оп.1, № 825.

¹ Slovnica hrvatska. Dio I. Rječoslovje. Zagreb, 1859 (несколько переизданий).

² Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten von Milan Rešetar. Schriften der Balkankommission. Südslavische Dialektstudien. H. I, Wien, 1900.

³ В Балканской комиссии Венской Академии наук по инициативе Ягича был создан сектор диалектологии с задачей исследования южнославянских наречий.

⁴ Rad Jugoslovenske Akademije, VI, 1859.

⁵ D. Daničić. Akcenti u adjektiva. Rad, XIV, 1871.

⁶ A. Pavić. Studije o hrvatskom akcentu. 1831.

⁷ Čakavishe-kroatische Studien. I. Sitzungsberichte der kais. Akad. der Wissensch. philos.-hist. Klasse. B. CIV, 1883, B. CV, 1883; B. CVIII, 1884.

⁸ Созданная по инициативе А. А. Шахматова и Ф. Ф. Фортунатова комиссия для изучения законов сербо-хорватского ударения, под председательством М. Мурко, получила материальную помощь Академии. По постановлению II Отделения от 29 марта 1903 г. комиссии было послано 500 р.

И. Л. Лось — А. А. Шахматову

22 марта (4 апреля) 1903. Краков

Краков $\frac{4 \text{ апреля}}{22 \text{ марта}}$ 1903 г.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Со всей готовностью я рад бы исполнить Ваше желание, но дело представляется мне слишком трудным, чтобы успеть к октябрю сего года. Кроме того теперь я должен по возможности скорее напечатать какой-нибудь труд в изданиях здешней Академии, так как без этого не могу рассчитывать на представление меня на ординарного профессора. Если не будет помехи, то может быть я бы успел приготовить карту к концу будущего года. Правду сказать, не имею до сих пор ясного понятия, как нужно бы исполнить это дело, но я думаю, что надо бы сделать карту не поговор, а отдельных особенностей народного языка, распределяя эти особенности по местностям, где были записаны. И в техническом отношении труд этот нелегок. Да притом нельзя ограничиться только небольшим сравнительно количеством обработанного теоретически материала и необходимо извлечь материал из текстов, или иначе говоря, надо бы сперва написать польскую диалектологию и потом сделать к ней карту. Я бы не имел ничего против этого, если бы опыт диалектологии напечатать в изданиях здешней Академии, а карту передать в Ваши руки, но при этом желал бы знать, можно ли бы названия местностей напечатать латинско-польским шрифтом.

Розвадовскому я передал Ваши слова. Он теперь думает взяться за составление этимологического словаря славянских языков. Примите выражение глубокого почтения.

Искренне преданный

И. Лось.

Ф. 134, оп. 3, № 868.

**Список приглашенных Отделением русского языка и словесности
на предварительный съезд славистов**

Март 1903. Петербург

СПИСОК

отдельных лиц и учреждений, которым были посланы приглашения на заседания 10—15 апреля 1903 года Предварительного Комитета по устройству в С.-Петербурге при императорской Академии Наук в 1904 году

съезда специалистов по славянской филологии и истории для обсуждения важнейших вопросов по славяноведению.

№ Фамилия имя и отчество

1. Его императорскому высочеству великому князю Константину Константиновичу, августейшему президенту императорской Академии Наук.
2. Дмитрию Ивановичу Абрамовичу
3. Ивану Александровичу Бодуэну де Куртене
4. Александру Корниловичу Бороздину
5. Федору Александровичу Брауну
6. Антону Семеновичу Будиловичу
7. Сергею Константиновичу Буличу
8. Ивану Афанасьевичу Бычкову
9. Александру Александровичу Васильеву
10. Леониду Лазаревичу Васильеву
11. Александру Николаевичу Веселовскому
12. Николаю Владимировичу Волкову
13. Эдуарду Александровичу Вольтеру
14. Леопольду Карловичу Гетцу
15. Константину Яковлевичу Гроту
16. Петру Даниловичу Драганову
17. Николаю Федоровичу Дубровину
18. Николаю Михайловичу Каринскому
19. Николаю Ивановичу Карееву
20. Дмитрию Александровичу Клеменцу
21. Никодиму Павловичу Кондакову
22. Василию Николаевичу Корзлеву
23. Василию Александровичу Кракау
24. Владимиру Степановичу Крикшину
25. Платону Андреевичу Кулаковскому
26. Григорию Захаровичу Кундевичу
27. Петру Алексеевичу Лаврову
28. Владимиру Ивановичу Ламанскому
29. Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому
30. Александру Лаврентьевичу Липовскому
31. Хрисанфу Мефодиевичу Лопареву
32. Эмилию Эрнестовичу Лямбеку
33. Евгению Александровичу Лядкому
34. Аркидию Иоакимовичу Лященко
35. Павлу Николаевичу Миллюкову
36. Александру Матвеевичу Мичатку
37. Николаю Петровичу Некрасову
38. Петру Васильевичу Никитину
39. Николаю Константиновичу Никольскому
40. Стояну Новаквичу
41. Витольду Владиславовичу Новодворскому
42. Ивану Саввичу Пальмову
43. Владимиру Николаевичу Перетцу
44. Алексею Леонидовичу Петрову
45. Сергею Федоровичу Платонову
46. Иринуху Николаевичу Половизкину
47. Александру Ивановичу Пономареву
48. Ивану Францовичу Приятелю
49. Александру Евгеньевичу Пресиякову
50. Станиславу Львовичу Пташицкому
51. Александру Николаевичу Пыпину
52. Василию Эдуардовичу Регелю

53. Якову Ивановичу Смирнову
54. Василию Васильевичу Сиповскому
55. Всеволоду Измайловичу Срезневскому
56. Владимиру Васильевичу Стасову
57. Полихронию Агапиевичу Сырку
58. Ивану Ивановичу графу Толстому
59. Филиппу Федоровичу Фортунатову
60. Василию Ильичу Чернышеву
61. Алексею Александровичу Шахматову
62. Петру Николаевичу Шефферу
63. Илье Александровичу Шляпину
64. К. Явнису
65. Николаю Владимировичу Ястребову
66. Александру Ивановичу Яцимирскому

Варшава

67. Федору Федоровичу Зигелю
68. Евфимию Федоровичу Карскому
69. Федору Ивановичу Леонтовичу
70. Александру Львовичу Погодину
71. Александру Ивановичу Смирнову
72. Ивану Петровичу Соколову
73. Владимиру Даниловичу Спасовичу
74. Григорию Константиновичу Ульянову
75. Ивану Порфирьевичу Филевичу
76. Владимиру Андреевичу Францеву

Гельсингфорс

77. Осипу Андреевичу Микколе

Казань

78. Д. Айналову
79. Александру Ивановичу Александрову
80. Александру Семеновичу Архангельскому
81. Василию Алексеевичу Богородицкому
82. Евгению Федоровичу Будде
83. Мемнону Петровичу Петровскому
84. Нестору Мемноновичу Петровскому
85. Ивану Николаевичу Смирнову

Каменец - Подольск

86. И. Е. Евсееву.

Киев

87. Николаю Павловичу Дашкевичу
88. Митрофану Викторовичу Довнар-Запольскому
89. Андрею Митрофановичу Лободе
90. Василию Николаевичу Малинину
91. Николаю Ивановичу Петрову
92. Андронику Иоанникевичу Степовичу
93. Тимофею Дмитриевичу Флоринскому

Москва

94. Роману Федоровичу Брандту
 95. Сергею Алексеевичу Белокурову
 96. Александру Ивановичу Кирпичникову
 97. Федору Евгеньевичу Коршу
 98. Матвею Кузьмичу Любавскому
 99. Всеволоду Федоровичу Миллеру
 100. Валерию Александровичу Погорелову
 101. Виктору Карловичу Поржезинскому
 102. Матвею Ивановичу Соколову
 103. Вячеславу Николаевичу Щепкину

Нежин

104. Константину Федоровичу Радченку
 105. Михаилу Несторовичу Сперанскому

Одесса

106. Александру Александровичу Кочубинскому
 107. Ивану Андреевичу Линниченко
 108. Борису Михайловичу Ляпунову
 109. Василию Николаевичу Мочульскому
 110. Михаилу Георгиевичу Попруженку

Пернов

111. Николаю Васильевичу Шлякову

Сергиев посад

112. Григорию Александровичу Воскресенскому
 113. Евгению Евстигнеевичу Голубинскому

Харьков

114. Марину Степановичу Дринолу
 115. Арсению Петровичу Кадлубовскому
 116. Егору Кузьмичу Редину
 117. Николаю Федоровичу Сумцову
 118. Михаилу Георгиевичу Халанскому

Юрьев

119. Леонарду Карловичу Мазингу
 120. Евгению Вячеславовичу Петухову
 121. Антону Никитичу Ясянскому

Австро-Венгрия. Вена

122. Игнатию Викентьевичу Ягичу

Константинополь

123. Федору Ивановичу Успенскому

124. В императорский Санктпетербургский университет
 125. В Санктпетербургскую духовную академию

126. В Историко-филологический институт
 127. В Историко-филологическое Отделение императорской Академии Наук
 128. В императорскую Академию Художеств
 129. В Славянское благотворительное общество в Санктпетербурге

Москва

130. В императорский Московский университет
 131. В Московскую духовную академию
 132. В императорский Российский Исторический имени императора Александра III-го музей
 133. В Славянскую комиссию императорского Московского Археологического общества
 134. В императорское Московское Археологическое общество

Варшава

135. В императорский Варшавский университет

Гельсингфорс

136. В императорский Александровский университет

Казань

137. В императорский Казанский университет
 138. В Казанскую духовную академию.

Киев

139. В императорский университет св. Владимира
 140. В Киевскую духовную академию.

Нежин

141. В Историко-филологический институт им. Безбородка

Одесса

142. В императорский Новороссийский университет

Харьков

143. В императорский Харьковский университет

Юрьев

144. В императорский Юрьевский университет

Ф. 9, оп. 1, № 798.

С печатью Отделения русского языка и словесности Академии Наук.

М. С. Дринов — А. И. Соболевскому

23 марта (5 апреля) 1903. Харьков

Милостивый государь Алексей Иванович.

С чувством глубокой признательности прочел я Ваше извещение о том, что Отделение русского языка и словесности императорской Академии Наук соблаговолило пригласить и меня к участию в заседаниях Предварительного Комитета по устройству так счастливо задуманного съезда специалистов по славянской филологии и истории. Относясь с живейшим сочувствием к славянскому начинанию старейшего и авторитетнейшего из высших славянских ученых учреждений и не сомневаясь, что начинание это будет в высокой степени плодотворным для славяноведения, я с особенною готовностью принимаю сколь лестное, столько же и приятное для меня приглашение и сочту себя счастливым, если сумею чем-нибудь поспособствовать достижению целей Предварительного Комитета.

Соблаговолите, милостивый государь, передать высокочтимому Отделению русского языка и словесности мою глубокую благодарность за его благосклонное внимание к моей скромной деятельности на поприще славяноведения и принять уверение в моем истинном к Вам уважении и совершенной преданности.

М. Дринов.

Харьков 1903 г. 23 марта.

Ф. 9, оп. 1, № 798.

С. Новакович — В. И. Ламанскому

23 марта (5 апреля) 1903. Петербург

23 марта 1903.

Многоуважаемый Владимир Иванович.

На 25-ое тек[ущего месяца] будет, как вижу, чествование А. Н. Пыпина. Будет ли, по этому случаю, в Академии публичное заседание в честь почтенного деятеля, и будет ли кто говорить о его деятельности? Если бы публичное заседание было, мне хотелось бы присутствовать, именно как посланнику Сербии. Вот почему Вас прошу уведомить меня о программе этого дня вообще и касательно публичного заседания.¹

С искреннейшим почтением

Ваш Ст. И. Новакович.

P.S. От В. Ягича имею письмо, что приедет на святой вторник.

Ф. 35, оп. 1, № 1021.

¹ Академики чествовали А. Н. Пыпина, по поводу его 70-летия, торжественным обедом.

135

М. М. Мурко — А. А. Шахматову

23 марта (5 апреля) 1903. Градец

Градец 5/4 903.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Я несколько опоздал с своим докладом, так как поехал на одну неделю в Люблян и Загреб. Невероятно, но факт, что я уже второй раз побегал в Люблян защищать Штреклевые Словенские народные песни.¹ Хотя в прошлом году в полном собрании Matic-ы slovensk-ой благодаря моему приезду было решено выдавать далее Штреклевые Slovenské narodne pesmi, все-таки в январе, когда Вы выбрали Штрекля в члены-корреспонденты Русской Академии,² крайние попы и некоторые гимназические учителя, которые по разным причинам недовольны Штреклем, в Književno-m odsel-е сделали предложение всей рукописи, которую предложил Штрекель за этот год, не издавать „is moralnih, estetičnih in finančialnih ozirov*“ и победили. 30 марта было заседание всего комитета и мне удалось опять спасти это прекрасное издание, при чем мне очень помогал голос Русской Академии. На один год издание все-таки прекратилось, так что за 1902 год Nar. resn-ей не получите.

Счет для поездки в чакавские страны я сделал по моему убеждению очень скромный и я Вам советую несколько щедроты, насколько это возможно.

В Загребе я узнал от Марегича (через Ягича) большую новость, что съезда славистов в этом году не будет. В этом случае останется мне побольше времени для поездки по южно-славянским землям и при этом случае я буду пожалуй и сам несколько наблюдать за нашими исследователями.

Мне очень приятно, что и Ваша жена вспоминает еще мою любезность. Для Вас я очень мало сделал, гораздо больше для многих других русских, которые, к сожалению, не вспоминают так о том, как Вы.

Если я „Известия“ получаю даром, так большое спасибо!

Кланяюсь жене и пребываю

Вам искренне преданный

М. Мурко.

Ф. 134, оп. 3, № 1019.

¹ K. Štrekelj. Slovenské narodne pesmi. Izdala in žaložila slovenska Matica (издание выходило выпусками, из которых составлены части: svezek 1, Ljubljana 1895—1898; sv. 2, 1900—1903; sv. 4, 1904—1907 и следующие).

² В связи с подготовкой съезда славистов II Отделение Академии Наук 30 ноября 1902 г. избрало 12 членов-корреспондентов (получив от Общего собрания право на 10 новых вакансий), в том числе славянских ученых: Фр. Бартоша, Вл. Гнатюка, М. Решетара, Мариана Соколовского, М. Шрепеля и К. Штрекеля.

* по моральным, эстетическим и финансовым соображениям.

136

Проспект программы занятий съезда славистов

Март 1903. Петербург

Съезд славянских филологов и историков имеет целью содействовать развитию и процветанию славяноведения. Рассмотрению съезда подлежат как общие вопросы по славяноведению, так и частные вопросы по отдельным его отраслям, а именно: по языку, литературе, этнографии, истории и древностям.

К числу таких вопросов, стоящих притом на ближайшей очереди и требующих совместного обсуждения, относятся:

- 1) о составлении энциклопедий по славяноведению,
- 2) о составлении сравнительной грамматики славянских языков,
- 3) о составлении сравнительного или этимологического словаря славянских наречий,
- 4) о составлении древне-церковно-славянского словаря,
- 5) об обработке и систематическом издании памятников древне-церковно-славянского языка,
- 6) о разработке кирилловской, глаголической и латинской (у славян) палеографии,
- 7) о выработке целесообразных программ для собирания диалектологических, этнографических, археологических и археографических материалов,
- 8) о составлении этнографических и диалектологических карт славянских земель и народностей,
- 9) о приведении в известность памятников славянской письменности и истории, хранящихся в монастырях и частных собраниях,
- 10) об издании описаний славянских рукописей, хранящихся в библиотеках, музеях и архивах,
- 11) о целесообразной постановке работ по библиографии славяноведения,
- 12) об организации ученых экспедиций и коллективных предприятий для изучения славянства,
- 13) о желательности иметь книгохранилище, где сосредоточивалась бы вся научная литература по славяноведению,
- 14) об улучшении условий научного общения между славянскими учеными,
- 15) об издании полного собрания сочинений Добровского,
- 16) о систематическом издании сведений арабских писателей о славянах,
- 17) о собрании материалов по ударению чакавских наречий сэрбско-хорватского языка.

Кроме обсуждения этих и других подобных вопросов, на заседаниях съезда предполагается чтение ряда рефератов. Следующие темы могли бы служить содержанием таких рефератов:

- а) о славянских элементах в немецком языке,
- б) о звуковых особенностях немецких слов, заимствованных славянами,
- в) о готских элементах в славянских языках,
- г) о славянском богослужении в пределах нынешней Венгрии,
- д) о кирилловских приписках в латинских рукописях,
- е) о насущных задачах славянской историографии,

- ж) о влиянии Византии, Италии, Германии на государственный и общественный быт славян,
- з) о параллельных явлениях в политической, церковной и общественной жизни славянских племен,
- и) о народных элементах в литературах отдельных славянских народов,
- й) о влиянии книжной литературы на народную словесность у славян,
- к) о происхождении русского и южно-славянского эпоса,
- л) о народных и иноземных элементах в славянском искусстве, и др.

под.

Заседания предполагается устраивать закрытые, но с допущением гостей по рекомендации членов.

Рефераты читаются на всех славянских наречиях, а также на французском и немецком языках. Язык делопроизводства — русский. Членами Съезда могут быть, исключительно по приглашению Академии Наук, лица, занимающиеся славяноведением.¹

Ф. 9, оп. 1, № 798.

¹ Этот печатный проспект был подготовлен к открытию Предварительного съезда русских славистов и рассылался вместе с приглашениями на съезд. На съезде русских филологов и историков, состоявшемся 10—15 апреля 1903 г., присутствовало 102 человека. Работали секции по вопросам: об организации съезда представителей славяноведения, об организации славянской библиографии, об издании церковно-славянских памятников и др. Важнейшим вопросом было обсуждение тематического плана издания „славянской Энциклопедии“, над чем работали подсекции языка, литературы, истории и этнографии; в результате был принят широко задуманный проспект издания. Протоколы съезда были опубликованы в брошюре „Предварительный съезд русских филологов (10—15 апреля 1903). Бюллетени №№ 1—15“, СПб., 1903, 143 стр. В русской повременной печати съезд был отмечен статьями И. А. Бодуэна де Куртене в „Вестнике Европы“ (1903, июль); А. С. Будиловича в „Русском вестнике“ (1903, май); заметками в „Киевской старине“, (1903, июнь); „Изв. Петербургского славянского благотворительного общества“ (1903, № 8, май); „Русской мысли“ (1903, июнь) и др. В зарубежной печати статьи о съезде поместили: „Kölnische Zeitung“ (Abend Ausgabe, 4 мая 1903, № 372) — статью Л. Гёца; „Beilage zur Münchener Allgemeine Zeitung“ (17 мая 1903, № 10) — статью И. Ягича и др. Подробную статью „Первый съезд славянских филологов и славистов“ по протоколам съезда поместил А. И. Яцимирский в „Русском филологическом вестнике“ (1904, № 3—4).

137

И. Л. Лось — А. А. Шахматову

29 марта (11 апреля) 1903. Краков

Краков 11 апреля 1903 г.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Не откладывая дела в долгий ящик, сейчас отвечаю на Ваше письмо с просьбой дать мне некоторые указания относительно карты: существует ли какой-нибудь план для составления таких карт, если они должны быть основаны на одном принципе? Нужно ли вносить на карту только обозначение, что для данных местностей в диалектологическом отношении сделано (например, исследование о говоре, собрание текстов и т. д.), или же надо обозначать особенности данного говора? Нужно ли обозначать территориальные границы (для Польши более или менее гадательные) говоров, или ограничиваться строгим указанием пунктов в исследованных?

Если есть готовый план для таких славянских карт, то в нем найдутся ответы на эти и многие другие вопросы. Кроме того желал бы знать, какую сумму Академия назначает на карту; от этого зависит способ ее исполнения с красками или без красок. Когда у меня будет уж ясная идея карты, поговорю здесь с типографщиками и литографами и пришлю Вам смету. Со своей стороны я душевно был бы рад исполнить Ваше желание, хотя и признаюсь, что не придется мне это легко ввиду других работ, быстрое исполнение которых для меня лично имеет первостепенную важность. Не пеняйте на меня, что я так осторожен в обещаниях, но обещать всегда легко, а я боюсь обмануть Ваши ожидания. Надеюсь, Вы мне поможете своими указаниями, советами. Какую диалектологическую карту (немецкую, французскую) Вы считаете лучшей, чтобы она могла служить для меня образцом хоть бы только в техническом отношении? Вышла ли работа Кульбакина о сваржендском говоре?¹ Жду ответа на мои вопросы и, только получив от Вас указания более точные, буду в состоянии окончательно или взяться за работу, или решиться, хотя вопреки желанию, на противоположный шаг. Относительно съезда буду говорить со здешними влиятельными лицами и извещу Вас о их взглядах на это дело.

Искренне Ваш
И. Лось.

Ф. 134, оп. 3, № 868.

¹ С. М. Кульбакин. К истории польского языка. I. Фонетика сважендского говора. II. Возникновение общепольских долгот. СПб., 1903. — Позже вышла его же брошюра: „Морфология сважендского говора“ (СПб., 1904).

138

И. А. Лось — А. А. Шахматову

28 апреля (11 мая) 1903. Краков

Краков 11 мая 1903 г.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

В последние дни я наскоро еще раз проверил, что сделано для польской диалектологии, и пришел к убеждению, что невозможно ограничиться собранным до сих пор в готовом виде материалом. Целые области до сих пор вовсе не исследованы, а между тем собраны в них довольно хорошие тексты. Оставить эти тексты в стороне при составлении карты значит подвергнуться справедливому упреку критики в небрежности и преждевременности издания карты. Ввиду этого я вижу себя принужденным взять обратно свое обещание и отозваться теперь от составления карты в столь короткое время. Спешу уведомить Вас об этом, желая предупредить возможные издержки и дать Вам возможность найти другое лицо, которое может быть сумеет поспешнее справиться с этим делом. В случае надобности я готов чем-нибудь другим услужить Вам и „Известиям“. Остаюсь вполне преданным.

И. Лось.

Ф. 134, оп. 3, № 868.

В. Вондрак — В. И. Ламанскому

29 сентября (12 октября) 1903. Вена

Ve Vídni, dne 12. října 1903.

Velectěný pane professore!

Zasilám tuto příspěvek pro „Сборник статей по славяноведению“, který má vyjít za příležitosti sjezdu slavistů v Petrohradě a dovoluji si obrátiti se zároveň k Vám s následující prosbou.

As za 2—3 neděle vyjdou v „Rozpravách České akademie“ mé „Studie z oboru církevně-slovanského písemnictví“. Dokázal jsem v nich, že zpovědní řád v Euchologiu sinajském je práci Klimentovou. Kliment řídil se při tom hlavně řeckým zpovědním řádem Jana postníka (ten byl již tenkrát a Suvorov hledí marně opak toho dokazovati), něco přeložil doslovně, něco volně zpracoval, při tom však užil též zpovědních řádů západní církve a sice to byly překlady slovanské staro němeských originalů, které byly v platnosti v Panonii. Jeden takový překlad, který však od něho nepocházel, pojal v celosti do svého řádu (tak zvanou Emmeramskou modlitbu). Mimo to dokazují, že anonymní část Glagolity Clozova, jakož i překlad Epifaniovy homilie, je též jeho dílem. Na základě tohoto nového materialu mohl jsem přikročiti k sporné dosud otázce, pocházejí-li obě panonské legendy od Klimenta. Myslím, že důkaz, který podávám o skutečném autorství Klimentově při obou legendách, úplně přesvědčí. Mimo jiné podávám též charakteristiku spisů Klimentových po jich obsahové a jazykové stránce, při čemž jsem mohl použiti profesorem Stojanovičem nově nalezených spisů Klimentových (p. prof. mi je laskavě ponechal ke studiu na nějaký čas), které mají vyjít v Petrohradské akademii. Nechci byti neskromný, avšak to mohu tvrditi, že spis můj přinese zajisté v tak mnohém ohledu obohacení naší slovanské vědy a proto se hodlám ucházeti s tímto spisem o nějakou cenu petrohradské akademie, nevím však, jak to mám učiniti. Chci jednoduše, až spis vyjde, poslati jej se žádostí, česky psanou, na akademii. Snadto postačí? Prosím Vás ale přece, abyste mi laskavě sdělil, co sam soudíte o věci té a co bych měl učiniti dle Vašeho náhledu. Spis ten dovolím si ovšem též i Vám zaslati, jakmile vyjde. Jiný můj spis (заповѣди свѣдѣхъ отьць в Eucholog. Sin.-tedy o penitenciari) vyjde v Rozprawach Krakovské akademie snad někdy k novému roku. S jinou prací o Kijevských listech a Pražských zlomcích budu, jak doufám, již brzy hotov. Doufám že tím bude otázka tato vyřízena. Opětuje ještě jednou svou prosbu, zůstávám s veškerou úctou jakožto

Vám oddaný Václ. Vondrák.

Ф. 35, оп. 1, № 288.

Перевод

Вена, 12 октября 1903.

Многоуважаемый профессор!

Посылаю статью для „Сборника статей по славяноведению“,¹ который должен выйти к съезду славистов в Петербурге, и разрешаю себе обратиться одновременно к Вам с следующей просьбой.

Приблизительно через 2—3 недели выйдут в „Трудах Чешской Академии“ мои „Студии в области церковно-славянской письменности“.² Я показал в них, что исповедный устав Синайского требника³ является работой Климента. Климент руководствовался при этом главным образом греческим исповедным уставом Иоанна Постника (последний существовал уже тогда, и Суворов напрасно пытается опять это доказывать),⁴ кое-что перевел дословно, кое-что дал в вольной обработке, при этом использовал также исповедные уставы западной церкви, а именно славянские переводы старонемецких оригиналов, бывшие в употреблении в Паннонии. Один такой перевод, не ему принадлежавший, он взял целиком в свой устав (так наз. Эммерамскую молитву). Кроме того, я доказываю, что анонимная часть *Glagolita Clozův*,⁵ так же как и перевод поучения Епифания, является тоже его трудом. На основе этого нового материала я смог подойти к спорному до сих пор вопросу о принадлежности обеих паннонских легенд Клименту. Полагаю, что довод, который я привожу в пользу действительного авторства Климента для обеих легенд, вполне убедителен. Кроме того я привожу также характеристику трудов Климента со стороны их содержания и языка, при чем я смог воспользоваться новооткрытыми проф. Стояновичем трудами Климента (профессор любезно мне их предоставил на некоторое время для изучения), которые должны выйти в Петербургской Академии.⁶ Не хочу быть нескромным, однако могу утверждать, что труд мой во многих отношениях обогатит наше славяноведение, и поэтому я намерен выступить с этой работой в конкурсе на какую-нибудь премию в Петербургской Академии, только не знаю, как это мне следует сделать. Хочу просто, когда работа выйдет, послать ее с заявлением, написанным почешски, в Академию. Вероятно этого достаточно? Но, прошу Вас, соблаговолите сообщить мне, что Вы сами думаете об этом и что должен я сделать с Вашей точки зрения. Позволю себе, конечно, послать работу эту и Вам, как только она появится. Другой мой труд (о заповѣди святыхъ отць в Синайской псалтыри, т. е. о пенитенциарии) выйдет в Трудах Краковской Академии вероятно к новому году.⁷ Надеюсь, что скоро буду готов и с работой о Киевских листках и Пражских отрывках.⁸ Полагаю, что этот вопрос будет тем самым разрешен. Повторяя еще раз свою просьбу, остаюсь с полным почтением

преданный Вам

Вацл. Вондрак.

¹ V. Vondrák. K výkladu některých padů slovanské deklinace. Статья по славяноведению, под ред. В. И. Ламанского. Вып. I. СПб., 1904.

² V. Vondrák. Studie z oboru církevněslovanského písemnictví. Rozpravy České Akademie pro vědu, tř. III, č. 20, 1903.

³ Синайский требник (синайский Евхологий) — глаголический памятник старославянского языка (XI в.). Издан Л. Гейтлером в Загребе в 1832 г. (Euchologium, glagolski spomenik manastira Sinaibrda).

⁴ Н. С. Суворов. Следы западного католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888. — Он же. К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. Ярославль, 1893.

⁵ „Glagolita Clozův“ (Сборник Клоца) — глаголический памятник старославянского языка (XI в.), издан Копитаром в 1836 г. В 1860 г. Миклошич издал еще два найденные им листа. Весь памятник издан Вондраком (Glagolita Clozův. Praha, 1893).

⁶ Найденные Л. Стояновичем новые труды еп. Климента опубликованы им в работе „Новые слова еп. Климента словенского“ (Сборник II Отд. Акад. Наук, т. LXXX. СПб., 1905).

⁷ Zachodnio-europejskie postanowienia pokutne w języku cerkiewnosłowiańskim. Rozprawy Akad. Um., wydz. fil., serya II, t. XXV (40). Kraków, 1905.

⁸ O původu Kijevských listů a Pražských zlomků. Praha, 1904.

140

А. И. Белич — А. А. Шахматову

2 (15) октября 1903. Белград

Глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Я только что вернулся с поездки, которую я также было предпринял (по Боснии и Герцеговине) для собирания материала, долженствующего лечь в основание Вашей карты. Поэтому я несколько опоздаю с картой и статьей, но, надеюсь, не больше одного месяца. Прошу Вас поэтому извинить меня, что я не вполне сдержал слова; но карту Вы во всяком случае получите.¹

Спасибо, что тотчас же напечатали мою отповедь Драганову.²

Прошу Вас ответить мне как можно скорее, согласны ли Вы напечатать в скором времени и где детальный разбор или, лучше, статью по поводу книги О. Броха.³ Надеюсь, что к началу декабря я мог бы Вам представить рукопись. Статья бы имела, по крайней мере, два-три печатных листа.

Прошу кланяться Филиппу Федоровичу.

С глубоким, почтением к Вам

А. Белич.

Белград, 2 окт. 1903.

Ф. 134. оп. 3, № 105.

¹ Статья А. Белича „Диалектологическая карта сербского языка“ и карта напечатаны во 2-м вып. сборника II Отделения „Статьи по славяноведению“ (СПб., 1906).

² Имеется в виду статья П. Драганова „О македонизмах Типика письменного и переплетного искусства по юго-славянской рукописи половины XVII в.“ (Известия ОРЯС, т. VIII, кн. 2, 1903); ответ А. Белича под тем же названием был помещен в той же книге.

³ Olaf Broch. Die Dialecte des südlichsten Serbiens. Schriften der Balkankommission, linguistische Abtheilung, III, 1903.

141

В. Вондрак — В. И. Ламанскому

14 (27) октября 1903. Вена

Ve Vidni, dne 27/10. 903.

Velectěný pane professore!

Račte přijmouti vřelé mé díky za laskavé sdělení, o které jsem Vás prosil. Do určené lhůty — totiž do 1. prosince st. st. — vyjde zajisté má práce „Studie z oboru církevněslovanského písemnictví“ v tisku, neboť očekávám tyto dni již poslední korekturu (12. archu). Jak již jsem Vám ve svém posledním listě podotkl, mohl jsem ještě všech nových textů Klimentových, které našel prof. Stojanovič, použiti, neboť on s tím přijel do Vídně

a ponechal mi vše as na týden, tak že jsem to mohl vše pročísti a co důležitě bylo, poznamenati si. Prof. Stojanovič přivezl jeden celý rukopis, abych jej pročetl, neboť mu šlo o to, aby se vypátralo, pocházejí-li všechny v něm obrožené kusy od Klimenta. Shledal jsem, že některé jen pocházejí od něho (snad většina), o některých se zase může dokázati že Kliment nemohl býti jich původcem, konečně je zde několik kusů, které nejsou jisté. Jest tedy záhodno, aby se vydal celý rukopis, a to se také, jak mi sděleno bylo, stane. Nyni vůbec nastane doba, kde se bude musiti na to pomýšleti, aby se vydaly všechny spisy Klimentovy, neboť toho zasluhuje. Jeho osobnost vystupuje nyní značně v popředí, vidíme nyní, jaké měl zásluhy o slovanské písemnictví a o slovanskou vzdělanost a proto jsme povinni význam ten, jak náleží, oceniti. Bohužel u nás Slovanů se děje v tom ohledu vůbec ještě málo, a co horšího jest, i mezi Slovaný vystupují někteří jednotlivci, kteří vůbec nemohou pochopiti významu církevní slovanštiny a methodějského díla aneb spíše nechťejí. Co máme říci o pamfletu Brücknerově (jinak to bohužel nemohu nazvati) v „Beilage zur Allgemeinen Zeitung“ (v čísle ze dne 22. a 23. července t. r.) pod názvem: „Mystificationen I. Die Wahrheit über die Slavenapostel und ihr Wirken“. Zájisté takovým způsobem, jak to Brückner zde učinil, mohl by jen ten nejbídnější žurnalista židovskoněmeckých listů psáti o slovanských záležitostech. Myslím že by se měli všickni slavisté usnísti o nějakém všeobecném protestu: ukázalo se, že je zde Brückner právě ještě špatně informován o důležitosti věci. Má přece věděti, kdy teprv začínají slovanské památky bez církevní slovanštiny, a kdy by této nebylo, že bychom neměli ku př. ani Nestora a jiné důležité památky. Že právě Slovan tak může psáti, jest to nejsmutnější. Avšak doufám, že přece přijdou doby, kde bude nemožné něco takového psáti.

Opětuje ještě jednou své nejvřelejší díky, zůstávám s veškerou úctou

Vám oddaný
Václav Vondrák.

Ф. 35, оп. 1, № 288.

Перевод

Венз 27/10 903.

Многоуважаемый профессор!

Примите мою горячую благодарность за любезное сообщение, о котором я Вас просил. К назначенному сроку, т. е. к 1 декабря ст. ст. — выйдет, наверное, моя работа „Студии в области церковно-славянской письменности“ в печати, потому что на днях ожидаю уже последнюю корректуру (12-й лист). Как я уже извещал Вас в своем последнем письме, я имел возможность использовать все новые тексты Климента, найденные проф. Стояновичем, он приехал с ними в Вену и дал мне их на неделю, так что я смог все прочесть и то, что оказалось важным, себе отметить. Проф. Стоянович привез одну рукопись целиком, чтобы я ее прочел, ему важно было выяснить, все ли приведенные в ней отрывки принадлежат Клименту. Я установил, что некоторые, возможно, даже большая часть, принадлежат ему, относительно некоторых можно доказать, что Климент не мог быть их автором, и, наконец, есть несколько отрывков, остающихся неясными. Поэтому весьма полезно, чтобы была издана вся рукопись, а это, как мне сообщили, будет. Вообще наступает время, когда следует подумать об издании всех трудов Климента, он этого заслуживает. Его персону выделяется теперь на первом плане, теперь мы видим, какие заслуги имел он в славянской письменности

и в славянском просвещении, и поэтому мы должны эту его роль как над лежит оценить. К сожалению, у нас, славян, в этом смысле делается вообще еще мало, а что еще хуже, среди славян выступают некоторые индивидуумы, которые вообще не могут понять значения церковно-славянского языка и деятельности Мефодия или, вернее, не хотят. Что сказать о памфлете (иначе, к сожалению, не могу назвать) Брюкнера в *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* (в номерах от 22 и 23 июня этого года) под заглавием „*Mystificationen I. Die Wahrheit über die Slavenapostel und ihr Wirken*“.¹ Действительно, — так, как это сделал здесь Брюкнер, мог только этот убогий сотрудник еврейско-немецких журналов написать о славянских делах. Думаю, что всем славистам вообще следовало бы вынести какой-нибудь протест: оказалось, Брюкнер весьма плохо еще информирован о важности вопроса. Должен же он знать, когда появляются славянские памятники без церковно-славянского, и что, если бы его совсем не было, то не имели бы мы, например, ни Нестора, ни других ценных памятников. Что именно славянин так может писать, это — самое печальное. Но я все-таки надеюсь, что настанут времена, когда нельзя будет писать что-нибудь подобное. Приношу еще раз самую горячую благодарность и остаюсь со всем почтением

преданный Вам Вацлав Вондрак.

¹ Взгляды Брюкнера по кирилло-мефодиевскому вопросу изложены, кроме статьи в *Beilage zur Allgemeinen Münchener Zeitung*, также в *Arch. f. sl. Phil.* (XXVIII, 1906), и в книге „*Die Wahrheit über die Slavenapostel*“, Tübingen, 1913.

142

М. М. Мурко — А. А. Шахматову

3 (16) ноября 1903. Градец

Градец $\frac{16}{3}$ ноября 1903.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Я уж чаще думал, что Вам надо написать о результатах поездки Царича и Буяса, но все ждал приезда Р. Буяса, который окончил свою поездку только что, 12, и потом уехал на несколько дней к матери в Дубровник, откуда вернется после 20. Я потребую сейчас от него отчет, так как сам не могу его выслать, хотя мне Буяс писал часто и обстоятельно. Он проехал всю чакавскую область с юга до Приморья (родины Мажураничей), только на Истрию не хватило ему времени. Он действительно очень усердно занимался и Вы получите хорошие материалы и характеристики ударения с разных мест. На счет Мажуранича вывод тот, что он замечательно хорошо записал ударение своего говора.

Доволен я также Царичем, который давал уже мне отчет о своей поездке по островам около Хвора. Его материалы получите до рождения (нов. ст.); как будет с Буясом, еще не могу сказать, но я буду требовать от него, чтобы также сейчас привел в порядок свои материалы и не увлекался слишком теориями и экспериментами. Он все желает мерить ударения, но на это теперь в Градце нет инструментов и вообще это другое дело, которое надо отложить. Он заинтересовался очень вопросами об ударении, так что можем от него надеяться хороших исследований.

Буясу я дал рекомендацию от университета на все ведомства, священников и учителей. Вот Вам пример, как он им воспользовался: на одном острове пригласили в суд (!) разных лиц будто обвиняемых. Точно то же сделал секретарь общины в Трогире (Traù), который потребовал в суд во время уборки винограда 6 баб, и Буяс мог послушаться, как эти „lajavice“ бранились несколько часов! Это уже по-турецки, но ничего, для нас полезно!

Я сам в Далмацию не поехал: помешало — обручение! На такой *Elementarereignis* я раньше не думал.

Если Буяс во время вернется, вышлю Вам отчет обоих лиц до конца ноября (нов. ст.).¹

Искренне преданный М. Мурко.

Ф. 134, оп. 3, № 1019.

¹ „Предварительный отчет по командировке для изучения чакавских ударений в Далмации“ Р. Буяса приложен к Отчету II Отделения Академии Наук за 1903 г.

143

В. Д. Спасович — А. А. Шахматову

19 декабря 1903 (1 января 1904). Варшава

Высокоуважаемый. Алексей Александрович.

Пользующие меня врачи воспретили мне езду в С.-Петербург зимою, чем и лишили меня возможности потолковать с Вами о настоящем положении интересующих нас вопросов. Сообщаю Вам по этой части некоторые сведения конфиденциально, прося не сообщать никому о моем посредстве или передаче их Вам. Оказывается, что Ягич со своею идеею сочинения отдельных славянских энциклопедий, как подготовительных стадий к общеславянской, уже пропагандировал ее в середине девяностых годов XIX века в Варшаве и в Кракове и что, сочувствуя ей, Краковская Академия знаний уже тогда решила готовить польскую энциклопедию, но по неимению денежных средств постановление это не осуществлено и отмечено только как *pium desiderium*.

Ныне по нашему коллективному обращению к Академии знаний, исходящему из Варшавы и касающемуся участия в съезде славистов в С.-Петербурге в 1904 году, вопрос о польской энциклопедии всплыл опять и получил новый толчек. Академия к идее энциклопедии отнеслась сочувственно, но она предчувствует, что идеи польских славистов не совпадут со взглядами великорусских, в особенности по части связи истории Польши в средние века с элементами литовским, белорусским и малороссийским. Во избежание ни к чему не ведущих прений на съездах по этим сложным историческим вопросам Академия знаний решила употребить все зависящие от нее меры и денежные средства, чтобы в наискорейшее время составить польскую энциклопедию, пользуясь вместе с тем съездами общеславянскими, чтобы доставить возможность своим делегатам ознакомиться на этих съездах с методами и общим планом предпринимаемых ныне во всех славянских национальностях

работ. Она не медля будет печатать свою польскую энциклопедию и внесет ее по частям как материал для обсуждения в тот или другой из ближайших съездов славистов... Не скрою от Вас, что Академия опасается, чтоб заимствования из ее польской энциклопедии не были переиначиваемы при помещении ее в общеславянскую и чтобы в общеславянской не проходили без оговорок положения, которые были бы противны национальным польским убеждениям. То недоверие, которое сказывается в этих опасениях, сгладится и исчезнет при общей добросовестной работе в великом общеславянском предприятии.

На наш вопрос, как поступать нам, в Варшаве обретающимся славистам, по отношению к общеславянскому съезду, образовать ли особый местный кружок или нет, Академия знаний отказалась дать какой-либо ответ, находя, что этот вопрос выходит из пределов круга ее деятельности. Этим вопросом мы, варшавские слависты, займемся в течение января 1904 — и я сообщу в свое время о том, как мы его решим. Во всяком случае, так как число членов Академии знаний доходит в Варшаве до 10 и так как все они будут сотрудниками в польской энциклопедии, то и на общеславянских съездах народность польская будет иметь свое представительство вполне компетентное и вполне расположенное к спокойной мирной развязке спорных вопросов в духе беспристрастия и наибольшей взаимной уступчивости. Прилагаю при сем вырезку из одной из варшавских газет, содержащую постановление Краковской Академии знаний о приступе ее к составлению польской энциклопедии.¹

Глубоко уважающий Вас и преданный Вам
Владимир Спасович.

Января 1 дня 1904
(19 дек. 1903).
Уяздовская аллея в
Варшаве.

Ф. 134, оп. 3, № 1453.

¹ Подготовленная Краковской Академией „Encyklopedja Polska“ выпустила первую книгу в 1912 г. (т. IV, ч. 2. Początki kultury słowiańskiej).

144

И. А. Бодуэн де Куртене — А. А. Шахматову

26 декабря 1903 (8 января 1904). Петербург

СПб. 26. XII 1903 — 8. I 1904.
Могилевская, 23. кв. 10.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Мне вероятно не скоро удастся увидеть Вас и поэтому письменно сообщая кое-что, могушее заинтересовать Вас.

1) Я получил несколько дней тому назад письмо от В. Д. Спасовича, и вот что он мне между прочим отвечает на мои вопросы:

„z tych niestworzonych dziwów, które Panu opowiadał Pogodin, częściej pierwsza o 10 uczonych warszawskich jest najzupełniejszą prawdą. Połowa

tych panów oświadczyła się względem udziału w zjeździe całkiem przecząco: to jest do Petersburgu nie jechać, a co głównie, żadnego polskiego kółka pod egidą Akademji Nauk w Petersburgu nie tworzyć, a pięciu było za uformowaniem takiego kółka, ale po poprzednim zapytaniu się, czy będzie w zjeździe uczestniczyć Akademia Krakowska, bo ona jest jedyną instytucją, w której praca około wytworzenia encyklopedji kultury polskiej dała by się zogniskować: w tej partji byliśmy ja, Jabłonowski, Kallenbach, Kochanowski i Kryński.

„Reszta tego co zawiera list Pański jest niezgodna z rzeczywistością. Na plenarnem posiedzeniu 1 grudnia 1903 Akademia nie tylko postanowiła obesłać zjazd slawistów w 1904 r. przez swoją delegację, ale też wybrać komisję która by ułożyła dla delegatów instrukcję zachowania się ich na zjeździe.

„Niezależnie od tego Akademia powzięła myśl szczęśliwą, wedle mojego zdania, przystąpić niebawem do ułożenia odrębnej polskiej encyklopedji zawezwawszy uczonych polaków do pracy niezwłocznej i ofiarując im honorarjum przyzwoite po 100 do 120 r. za arkusz. Przewiduje ona, że będzie musiała w niektórych rzeczach w dziejach Litwy i Rusi walczyć z rosyjskimi oponentami: aby zaś uniknąć polemiki, chce ich uprzedzić i przybyć do Petersburgu z gotowym drukiem“ (?),* „z którego wolno będzie redakcji encyklopedji wszechsłowiańskiej wziąć co zechce, albo nie brać, ale brać mogłaby już tylko w całku i nic przeinaczając.

„To właśnie zwiastowali nam w Warszawie pp. Marjan Sokołowski i Ulanowski. Do komisji układającej instrukcję weszli Sokołowski i K. Morawski.

„W przyszłym tygodniu członkowie, którzy chcieli tworzyć kółko, ale** wprzód opinji Akademji, zbiorą się u mnie i coś w tejsze materji postanowią. Co będzie, nie wiem, to powiem tylko, że pracowników mało, i że gmach warszawski dla badań naukowych bardzo i bardzo wyjąłowił“.

2) Точно также Розвадовский (в письме, полученном мною на этих днях) заявляет:

„Wieści o nieprzychylnem stanowisku Akademji wobec projektu zjazdu slawistów i encyklopedji nie są prawdziwe. Nic takiego nie było, panuje tylko sceptycyzm co dotego, czy w Petersburgu dadzą sobie prawdziwi uczeni radę z pseudouczonemi. Powstał tu projekt w ostatnich dniach opracowania encyklopedji filologii polskiej: było jedno posiedzenie w czasie mej nieobecności. W styczniu ma się odbyć drugie obszerniejsze. Genezy projektu nie znam“.

3) Сообщение о намерении Краковской Академии обработать и издать „Энциклопедию польской филологии“ пропечатано тоже в польских повременниках, между прочим в последнем №-е „Краја“ (Petersburg. 23 grudnia 1903, № 52). Постановлено посвятить этому 120—150 печатных листов и окончить все (т. е. составление и напечатание) в течение не более пяти лет. [...]

Желаю Вам всего хорошего

Остаюсь искренне Вам преданный

И. Бодуэн.

* Намерение явиться на съезд 1904 г. уже с готовым отпечатанным сочинением кажется мне совершенно невероятным.

** Одно слово не равнобрано.

*Перевод **

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Мне вероятно не скоро удастся увидеть Вас и поэтому письменно сообщаю кое-что, могущее заинтересовать Вас.

1) Я получил несколько дней тому назад письмо от В. Д. Спасовича, и вот что он мне между прочим отвечает на мои вопросы:

„Из несусветных чудес, которые рассказывал Вам Погодин, часть первая о 10 варшавских ученых — является чистой правдой. Половина этих господ высказалась отрицательно по вопросу об участии в съезде: то есть в Петербург не ехать и, что важнее, никакого польского кружка под эгидой Академии Наук в Петербурге не создавать, а пятеро стояли за образование такого кружка, но только после предварительного осведомления — будет ли участвовать в съезде Краковская Академия, ибо она является единственным учреждением, где можно было бы сосредоточить работу по созданию энциклопедии польской культуры. В этой партии были я, Яблоновский, Калленбах, Кохановский и Крынский.

„Все остальное в Вашем письме не соответствует действительности. На пленарном заседании 1 декабря 1903 Академия не только постановила направить на съезд славистов в 1904 свою делегацию, но также выбрать комиссию, которая выработала бы для делегатов инструкцию их поведения на съезде.

„Независимо от этого Академия приняла с моей точки зрения решение, приступить немедленно к составлению отдельной польской энциклопедии, призвав польских ученых к этой неотложной работе и обещая им приличный гонорар от 100 до 120 руб. за лист. Академия предвидит, что по некоторым вопросам истории Литвы и Руси ей придется спорить с русскими оппонентами; во избежание полемики она хочет их предупредить и прибыть в Петербург с готовым печатным трудом“ (?),** из которого редакция энциклопедии всеславянской воляна взять что захочет, или не брать ничего, но взять могла бы только целиком, ничего не переделывая.

„Это именно сообщили нам в Варшаве гг. Мариан Соколовский и Улановский. В комиссию по выработке инструкции вошли Соколовский и К. Моравский.

„На будущей неделе члены, решившие образовать кружок, но*** сначала мнения Академии, соберутся у меня и примут какое-нибудь решение по этому вопросу. Что будет, не знаю, скажу только, что работников мало, и что варшавские научно-исследовательские кадры очень и очень скудели.“

2) Точно также Розвадовский (в письме, полученном мною на этих днях) заявляет:

„Известия о неблагоприятной позиции, которую якобы заняла Академия по отношению к проекту съезда славистов и энциклопедии — неправильны. Ничего такого не было, имеется только скептическое отношение к тому, сумеют ли в Петербурге настоящие ученые справиться с псевдо-учеными. В последние дни возник здесь проект создания энциклопедии польской филологии, было одно заседание во время моего

* Перевод печатается вместе с русским текстом.

** Намерение явиться на съезд 1904 г. уже с готовым отпечатанным сочинением кажется мне совершенно невероятным.

*** Одно слово не разобрано.

отсутствия. В январе состоится второе, более широкое. Какого происхождения проект, не знаю.“

3) Сообщение о намерении Краковской Академии обработать и издать „Энциклопедию польской филологии“ пропечатано тоже в польских повременниках, между прочим, в последнем №-е „Края“¹ (Петербург, 23 декабря 1903, № 52). Постановлено посвятить этому 120—150 печатных листов и окончить все (т. е. составление и напечатание) в течение не более пяти лет.

Желаю Вам всего хорошего

Остаюсь искренне Вам преданный

И. Бодуэн.

¹ Tygodnik polityczno-społeczny (выходил в Петербурге с 1882 по 1909 г.).

145

М. М. Мурко — А. А. Шахматову

29 декабря 1903 (11 января 1904). Градец

Градец 11 I 904.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Буяс спрашивает меня, может ли свой отчет написать по-немецки, которым языком он хорошо владеет, или по-хорватски. Так как он хочет предпослать общие замечания о хорватско-сербском ударении и по отношению к теориям индо-германского ударения и в конце своих материалов сделать и выводы, будет ради терминологии пожалуй лучше, если он пишет по-немецки. Царич насчет немецкого языка, как все далматинцы, плох.

Мне нужно знать, будет ли съезд славистов. Наше министерство народного просвещения дает ежегодно нео-филологам стипендии на путешествия и даже на такие близкие съезды, как в Breslau. Поэтому я хочу попробовать, нельзя ли получить несколько денег и для славяноведения, но я должен свое прошение скоро передать, так как die verfügbare Summe разбирается сейчас в начале года.

В Вене я слышал несколько пессимистических отзывов о съезде (Ягич мимоходом сказал, что не поедет в СПб.) и о энциклопедии. Было бы очень жаль, если бы мои надежды насчет съезда не оправдались. Из вопросов, которые ставил Ягич Штрекелю насчет сотрудников по словенскому языку, мы заключаем, что в таком объеме и с таким большим числом сотрудников даже в области одного языка и так малого, как словенского, нельзя составлять энциклопедии славяноведения. Ягич ищет даже для словенских наречий столько сотрудников, что Штрекель хочет ему ответить, что нельзя писать диалектологии по уездам. Мне уж не нравился на предварительном съезде — отчета о нем я еще не получил — выработанный план, но если даже Ягич уходит так в ширь и в глубь, действительно нельзя ожидать так нужного и полезного сочинения. Дайте нам просто Grundriss, как германский и романский, даже эти слишком выросли!

С новым годом поздравляет Вас искренне преданный

М. Мурко.

Ф. 134, оп. 3, № 1019.

146

М. М. Мурко — А. А. Шахматову

31 января (13 февраля) 1904. Градец

Градец $\frac{13}{1}$ фев.* 904.

Многоуважаемый Алексей Александрович.

Вчера получил приглашение на съезд¹ и очень обрадовался. Дай бог, чтобы нам не помешали какие-нибудь последствия войны! План энциклопедии мне так важен, я желаю иметь Протоколы предварительного съезда, которого у меня все еще нет. Будь он у меня, я бы был написан на каникулах статейку о съезде в „Люблянский звон“. Теперь мне нужно знать, о чем и как совещалось и будет совещаться. Я все еще опасаюсь объема энциклопедии — причин много — но это дело, главным образом, вашей Академии. Буяса и Царича постоянно напоминаю; обещают мне, что будут готовы до конца этого месяца.

Жене и Вам кланяется Ваш

М. Мурко.

Ф. 134, оп. 3, № 1019.

¹ Приглашения были разосланы организационной комиссией по устройству съезда, образованной II Отделением Академии Наук 25 сентября 1903 г. (под председательством А. Н. Пыпина) и работавшей до марта 1904 г. Комиссия выработала организационные правила, тематику научных докладов, а также составила список приглашенных лиц и учреждений (около 600 человек) и успела получить ответы от принявших приглашение и заявки на доклады. Работа комиссии освещена в брошюре, изданной II Отделением, „Первый съезд славянских филологов и историков. I. Материалы по организации съезда. 1 августа 1903 — май 1904“ (СПб., 1904). Список приглашенных напечатан как рукопись (ф. 9, оп. 1, № 820).

147

М. М. Мурко — А. А. Шахматову

29 февраля (13 марта) 1904. Градец

Градец $\frac{13}{1}$ марта* 904.

Многоуважаемый Алексей Александрович.

Большое спасибо за присылку „Бюллетеней“ и двух Ваших исследований. Двинские грамоты мне очень пригодятся для исторической грамматики русского языка, исследование о полногласии вообще для всех грамматических лекций.¹ В смысле некоторых теоретических звуковых сочетаний я все еще не могу выкинуть, между прочим, какъ толк в ѣѣ, который переходит в ѣѣ? Я в этом семестре читал польскую грамматику и при этом убедился, что лучше всего для всех славянских языков не предполагать ѣѣ. Я люблю и в этих вопросах славянский реализм, но рад, что и славянские ученые занимаются этими вопросами, иначе немцы думают, что только они лингвисты.

Я надеялся, что Вам к концу нашего семестра могу уж прислать материалы Буяса и Царича. К сожалению, Вы должны ждать еще

* Ошибка в подлиннике.

несколько недель. Оба усердно занимаются своими материалами, но зашли слишком в лес, думая, что они должны свои материалы и обрабатывать. Даже Царичу было совестно свои слова привести в порядок и списать. В конце концов я его убедил, что для него лучше всего, если он держится побольше Мажурича. И Буяс понял, что он не может сразу решить всех вопросов и ограничился главным образом на представление* Подумайте только* по моему совету списал материалы на листах и вышло их около 6 000. Долго он изучал (как и Царич) всю литературу о сербско-хорватском ударении и построил себе оригинальную систему группирования ударяемых слов. У него выходит действительно все проще, хотя он вносит новые тонкости в характеристику ударений. Впрочем надеюсь, что получите материалы уж на пасху и тогда сами увидите, что оба сделали больше, чем можно от них требовать.

На днях я обещал Ягичу написать для энциклопедии (нельзя найти другого названия) историю словенской литературы. Хотя я связан уж на несколько лет, согласился все-таки, потому что от всей души сочувствую вашему предприятию.

* внимание на мое* об участии в съезде, в котором я прошу пригласить двух ученых, которые желают приехать.

Ваш М. Мурко.

Ф. 134, оп. 3, № 1019.

¹ Работы А. А. Шахматова: „Исследование о Двинских грамотах XV в.“ в серии „Исследования по русскому языку“ (т. II, вып. 3, 1903) и „К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях“ в „Изв. ОРЯС“ (т. VII, кн. 1 и 2, 1902; т. VIII, кн. 1 и 2, 1903).

148

А. И. Белич — А. А. Шахматову

19 марта (1 апреля) 1904. Белград

Белград, 19 III 1904.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Наконец, я в состоянии исполнить свое обещание: присылаю Вам диалектологическую карту со статьей о сербских диалектах. Правда, я не успел окончить ее к обещанному сроку, но поверьте, это не потому, что на ней не работал непрерывно, а потому, что пришлось сделать две большие поездки из-за нее, одну в 20 дней, другую в 30, ехать то в Нови Сад, то в другие города для того, чтобы собрать весь материал, который теперь вообще можно иметь, и подобное. Благодаря тому, что по сербской диалектологии очень мало сделано, мне пришлось в большинстве случаев полагаться на свой материал, который и следовало отчасти теперь добывать. Все это требовало не мало времени и не малого труда.

Еще за одно прошу Вас не взыскать с меня. Извините меня за то, что рукопись отчасти написана небрежно: это потому, что я отчасти

* Кусок письма оторван.

присылаю черновик, ибо решительно не в состоянии еще раз переписать всю работу. Это задержало бы присылку ее на неопределенное время. Наборщики несомненно разберут, а Вас прошу читать и в корректуре. Впрочем, мне и так хотелось попросить кого-нибудь из русских читать корректурные листы (например, Кульбакина) для исправления моего русского языка, от которого я, не имея здесь случая практиковаться, очень отвык, так что, если бы Вы хотели взять это на себя, это было бы тем удобнее, что тогда не нужно бы было посылать листы и в Одессу.

Что касается печатания карты, то при ней присылаю записочку, которой и следует при этом руководствоваться.

Само собой, что мне хотелось бы по многим причинам, чтобы карта и статья печатались как можно скорее. Зная, с каким нетерпением Вы ждали ее, я думаю, что это мое желание и Ваше.

Недавно писал мне проф. Ягич, что съезд отложен.¹ Хотя это и вполне понятно, хотя я и сам со дня на день ожидал такого известия, мне лично было бы приятнее, если бы съезд состоялся именно в нынешнем году. Я, правда, еще было не известил Отделение о том, приеду или нет, но я несомненно приехал бы и предполагал прочесть две лекции, одну об обще-южнославянском языке и другую о переходных диалектах вообще. Но меня не из-за этого манил съезд. Мне было бы в высшей степени приятно повидаться с теми, которых в России я знал, познакомиться с другими, которых знакомство было бы для меня и полезным и дорогим, и, наконец, освежиться, уехать на время из нашей малой страны. [...] Я этого давно желал и поэтому жалею, что этот год делает невозможным исполнение этого желания, ибо немислимо ехать и в настоящем, и в следующем году в Петербург.

Надеюсь, что через 1½ — 2 месяца буду в состоянии прислать Вам свое исследование о диалектах восточной и южной Сербии, над которым работаю уже 2 года (печатается в трудах здешней Академии)² и которое столько времени меня всего *in Anspruch genommen* и поэтому мне уже тягостно.

Прошу Вас кланяться дорогому и многоуважаемому Филиппу Федоровичу и Юлье Ивановне.

К Вам с глубоким уважением

А. Белич.

Прошу Вас, что стало с работой г. Стояновича?³ Уже два месяца как я не получил ни одного печатного листа.

Ф. 134, оп. 3, № 105.

¹ Уже в конце февраля 1904 г. Отделению русского языка и словесности стало известно, что съезд будет отсрочен правительством, о чем решено было сразу же сообщить всем, принявшим приглашения. 24 июля министр народного просвещения В. Г. Глазов официально сообщил президенту Академии о том, что Николай II „высочайше соизволил, чтобы первый съезд русских и иностранных славистов при имп. Академии Наук в текущем году не созывался“ (ф. 9, оп. 1, № 798).

² Дијалекти источне и јужне Србије. Српска краљевска академија. Српски дијалектошки зборник, кн. 1, Београд, 1905.

³ См. прим. 6 к докум. 139.

А. Е. Гагарин — А. А. Шахматову

27 апреля (10 мая) 1904. Петербург

27 апреля 1904.

Милостивый государь Алексей Александрович!

Один из выдающихся славянских филологов и патриотов, д-р Эрнест Юревич Мука, с которым я уже много лет состою в переписке, обратился ко мне на днях с просьбою, сущность которой позволю себе изложить в кратких словах, будучи убежден, что некоторая поддержка облегчит д-ру Муке окончание начатых им полезных трудов и поощрит его к дальнейшей деятельности на поприще славянского языкознания.

Недавно изданы д-ром Мукой Пословицы Верхне-Лужицко-Сербского народа,¹ и при ограниченном круге читателей продажа приостановилась; выручено всего 500 марк, а типографии следует заплатить еще 700 марк, так как все издание стоило 1200 марк.

Этот долг и забота об уплате действуют угнетающим образом на д-ра Муку и задерживают, между прочим, окончание и издание самого обширного и незаменимого его труда: *Thesaurus linguae sorabicae Lusatiae inferioris*.²

Он просит меня сообщить ему, может ли он надеяться получить премию Котляревского. Так как, по сообщенным сведениям, я не могу обнадежить его в этом смысле, то не окажется ли возможным выдать из средств императорской Академии Наук одновременно денежную сумму, достаточную для уплаты долга типографии, тем более, что окончание замечательного Словаря ниже-лужицкого наречия, о котором я упомянул выше, не может не интересовать Академию.

С истинным почтением и преданностью остаюсь Вашему превосходительству покорнейший слуга кн. Анатолий Гагарин.

СПбг, Моховая 3.

Ф. 9, оп 1, № 775.

¹ „Zbërki serbskich narodnych p̃islowow“ Э. Муки были напечатаны в „Časopisu Masiu serbskeje“ за 1883, 1887 и 1888 гг. Речь идет, вероятно, о новом их издании.

² Предшествующая переписка Э. Муки с II Отделением в 1899 г., в которой был разрешен вопрос о желательности издания подготовляемого им ниже-лужицкого словаря на средства Академии, изложена в статье В. Н. Кораблева „Э. Ю. Мука в его письмах к русским ученым“ (Труды Института славяноведения, т. II, 1934, стр. 273—276). В заседании II Отделения от 1 мая 1904 г. было постановлено выслать Муке 300 р. в счет гонорара за составляемый им лужицкий словарь.

И. Пекарж — Н. К. Никольскому

7(20) мая 1904. Прага

Милостивый государь,

я точно теперь прочитал в чешском беллетристическом журнале „Звон“¹ известие, что Вы были так щастливы открыть древне-русский перевод легенды Гумполада.² Это известие для меня, который уже больше одного

года работаю об чешских легендах о св. Вячеславу,³ очень интересно и я рад бы имел немножко больших (чем было напечатано в Звону) сведений об Вашем драгоценном открытии.

Извините, пожалуйста, что обращаюсь в Вам с вопросами:

- 1) напечатан ли Ваш отчет и можно ли его сейчас получить;⁴
- 2) будет ли текст Вами открытой легенды издан, когда и где;
- 3) были ли бы Вы естественю так любезны обозначить меня директно с открытием Вашим?

Осмеляюсь Вам послать издание мое.⁵

С совершенным почтением длубоко Вам преданный

prof. dr. Josef Peřař.

Prague (Bohême)

Прага чешская.

20 5 04.

Ф. 247, оп. 3, № 293.

¹ „Zvon“ — художественно-литературный журнал, выходил в Праге с 1899 до 1939 г.

² 16 апреля 1904 г. Н. К. Никольский сделал сообщение в Обществе любителей древней письменности об открытой им славяно-русской редакции Легенды о Вячеславе, князе чешском. Доклад его напечатан в „Отчетах о заседаниях Общества любителей древней письменности в 1903—1904 году“ (Памятники древней письменности, № 156, СПб., 1904).

³ В книге „Nejstarší kronika česká“ (Praha, 1903) Пекарж дал анализ одного из вариантов жития Вячеслава, а в 1904 г. напечатал статью под тем же названием в „Český Casopis Historický“ (т. X). Его обширная монография под названием „Wenzels und Ludmila Legendens und die Echtheit Christians“ вышла в Праге в 1906 г.

⁴ Н. К. Никольский опубликовал открытую им редакцию жития в книге „Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском переложении“ (Памятники древней письменности, № 174, СПб., 1909).

⁵ Очевидно „Nejstarší kronika česká“.

151

М. М. Мурко — А. А. Шахматову

22 мая (4 июня) 1904. Градец

Градец $\frac{4 \text{ июня}}{22 \text{ мая}}$ 1904.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Сегодня успел я выслать Академии Наук материалы Буяса и Царича. Царич в конце концов собрал свои материалы приблизительно в таком виде, как их я требовал, хотя также у него иногда еще проникает желание следить примеру Буяса. Могу Вам ручаться за верность наблюдений Царича. Буяс обработал свои материалы и привел их в свою систему. Поэтому он окончил только substantiva в винодольском наречии, но это главная и самая сложная часть. Общее введение о своих наблюдениях о чакавских ударениях, поскольку он мог с ними познакомиться на своем путешествии, он должен еще выработать и хочет его окончить в июле месяце. Между тем, вероятно, поедет в Вену, чтобы познакомиться с фонографом Венской Академии. Я его в прошлом году еле-еле удержал от покупки собственного фонографа, которого он хотел приурочить для своих целей. Из ожидаемого отчета о поездке Вы еще убедитесь, на какого наблюдателя исследователя хорватско-сербского ударения мы

попали. Он теперь не ценит высоко своей поездки и жалеет, что не мог дальше остаться в Винодоле. О adjectiv-ах он не мог бы написать отчета без нового путешествия. Глагол не сделает ему затруднений и не отнимет так много времени, но он желает и должен написать в будущем году диссертацию на доктора и сдавать докторские и государственные экзамены. Но я стараюсь ему все облегчить посколько возможно и думаю, чтобы он мог еще до осени приготовить для Вас остальные материалы, если их Вы сейчас желаете. Но пока действительно нельзя от него больше требовать. Вы, разумеется, были бы более довольны только его материалами, но Буяс не в состоянии не сказать своих мнений. В каждом случае они любопытны. У меня принцип уважать и развивать индивидуальность своих учеников, поэтому дал и ему волю. Он изучил всю ему доступную литературу. К сожалению, я мог только в последнее время купить Русский Филологический Вестник, поэтому я не мог познакомить его с Вашими статьями.

Жду Вашего отзыва и желания на счет остальных материалов. Надеюсь, что Буясом еще чаще воспользуетесь.¹

Отчет о хозяйничании с полученными 500 рубл. пришлю я с материалами Буяса в июле.

Жалею отсрочку съезда. Но что теперь вся филология в сравнении с иными громадными задачами России!

Вам преданный
М. Мурко.

Ф. 132, оп. 3, № 1019.

¹ Исследование Р. Буяса — отчет о поездке для изучения ударения чакавских говоров — печаталось II Отделением Академии Наук; ввиду типографских затруднений Отделение выяснило стоимость издания его труда в Загребе и выдало ему 300 р. для этой цели, с условием доставить Академии Наук 250 экземпляров (Протоколы ОРЯС от 15 марта и 9 мая 1908 г.).

152

Ф. Лоренц — А. А. Шахматову

29 августа (11 сентября) 1904. Нейштадт.

Neustadt, Westpr., 11. September 1904.

Sehr geehrter Herr Professor!
Excellenz!

Indem ich Ihnen für Ihren freundlichen Brief danke, teile ich Ihnen zugleich mit, das ich das mir gewordene Anerbieten rund abgelehnt habe. Die ganze Sache lag so, das ich mich nicht darauf einlassen konnte, wenn ich meine jetzigen Studien nicht vollständig hätte aufgeben wollen. Wenn ich nämlich die Stelle hätte gewissenhaft ausfüllen wollen, hätte ich mich ganz auf die klassische Philologie werfen müssen, um die ich mich schon lange gar nicht mehr gekümmert habe, also sehr viel nachzuholen hätte. Ich konnte unter diesen Umständen gar nicht anders als einfach Nein sagen.

Damit ist nun aber auch, was ich gefürchtet habe, leider eingetreten: meine Verwandten verstehen die Gründe meiner Ablehnung nicht und sind in grosser Empörung. Es thut mit leid, das es dazu gekommen ist, ich habe

es aber nicht vermeiden können. Das Drückendste für mich ist dabei, das ich ihm noch für mehrere Hundert Mark verpflichtet bin, welche er einmal in einer Familienangelegenheit ausgelegt hat. Wenn ich ihm dies Geld jetzt zurückzahlen könnte, würde ich von einer grossen, mich moralisch drückenden Last befreit sein. Ich bitte darum Eure Excellenz, wenn es irgend möglich ist, bei der Hohen kaiserlichen Akademie befürworten zu wollen, das mir dieselbe die Summe von etwa 300 Rubel bis zum Ende dieses Monats gütigst zukommen lässt. Damit und mit dem, was ich augenblicklich selbst missen kann, würde ich mich frei machen können.

Eure Excellenz schrieben von einer Nachricht des Herrn Prof. Jagić betreffs einer Bearbeitung des Polabischen von mir. Es muss hier ein Missverständnis vorliegen. Ich hatte allerdings vor einigen Jahren die Absicht, das Polabische auf die von der Jablonowskischen Gesellschaft gestellte Preisaufgabe hin zu bearbeiten, gab diese aber wieder auf, da Leskien mir mitteilte, das Porżesinski dasselbe schon bearbeitete.

An Herrn Martens habe ich geschrieben. Inzwischen hat der Druck der Texte begonnen, ungefähr $1\frac{1}{2}$ Bogen habe ich schon zur Korrektur hier gehabt, seit zwei Wochen aber habe ich keine Sendung bekommen.

Indem ich Sie nochmals angelegentlichst bitte, mir wenn es irgend möglich ist, bei der Hohen Kaiserlichen Akademie einen Vorschuss von 300 Rubeln bis Ende dieses Monats auswirken zu wollen, verbleibe ich mit grösster Hochachtung Euer Excellenz ergebenster

F. Lorentz.

Ф. 9, оп. 1, № 801.

Перевод

Нейштадт, Западная Пруссия, 11 сентября 1904.

Ваше превосходительство!
Глубокоуважаемый г-н профессор!

Благодарю Вас за дружеское письмо и вместе с тем сообщаю Вам, что я наотрез отказался от сделанного мне предложения.¹ Дело обстоит так, что я мог согласиться только при полном отказе от моих теперешних занятий. При добросовестном выполнении обязанностей я должен был бы целиком перейти к изучению классической филологии, которой я давно уже не занимался, и в этой области многое наверстать. В таких обстоятельствах я мог ответить только отказом. Но, к сожалению, случилось то, чего я больше всего опасался: мои родные глубоко возмущены, так как не понимают причины моего отказа. Мне жаль, что так получилось, но я не мог этого избежать. Всего тягостнее для меня, что я должен ему* несколько сот марок, которые он однажды заплатил в связи с семейными обстоятельствами. Если бы я мог вернуть эти деньги, то я освободился бы от морального гнета.

Поэтому прошу Ваше превосходительство, если возможно, ходатайствовать перед Высокой имп. Академией о предоставлении мне 300 руб. до конца этого месяца. Эта сумма и некоторые лишения с моей стороны в настоящее время позволили бы мне освободиться от этого долга.

Ваше превосходительство писали, что проф. Ягиц сообщил о моей статье о полабском языке. Здесь какое-то недоразумение. Правда, несколько лет тому назад я намеревался подготовить работу по полабскому языку для представления ее на премию в Общество Яблоновского,

* Шурину Лоренца.

но отказался от этого, так как Лескин сообщил мне, что Поржезинский уже обрабатывал эту тему.²

Я написал г-ну Мартенсу. Между тем приступили к печатанию текстов, около 1 1/2 листов я получил уже для корректуры, но вот уже две недели как корректуры перестали поступать. Еще раз обращаюсь к Вам с убедительной просьбой по возможности исходатайствовать перед имп. Академией мне ссуду в 300 руб. до конца этого месяца.

Остаюсь глубокоуважающий и преданный слуга Вашего превосходительства

Ф. Лоренц.

¹ Идет речь о конфликте Ф. Лоренца с его родными, которые настаивали, чтобы он работал для заработка, и предлагали ему место научного руководителя в частной антикварной торговле. В 1903 г. II Отделение Академии Наук напечатало в академической типографии труд Лоренца „Slovinzische Grammatik“. С 1904 г., по постановлению отделения от 11 октября 1903 г., началось печатание его „Slovinzisches Wörterbuch“ (ч. I, СПб., 1908; ч. II, 1912), в счет чего Лоренцу высылался гонорар.

² В. К. Поржезинский был командирован в 1900 и 1901 гг. II Отделением в Ганновер для исследования полабских славян, в результате чего появились его отчеты о памятниках языка полабских славян (Изв. ОРЯС, т. V, кн. 3, 1900; т. VII, кн. 2, 1902).

153

Ю. Поливка — М. Н. Сперанскому

23 ноября (6 декабря) 1904. Прага

Прага — Виногра
Hálek. tr. 4.
6 XII 04.

Дорогой Михаил Несторович!

Есть у меня большая просьба к Вам. В летнем семестре я намерен читать курс о новой русской поэзии от половины XIX ст. Не удивляйтесь, пожалуйста, этому намерению. Хочется когда-то все-таки читать курс более доступный и привлекательный, чем может быть именно у нас курс по истории литературы старших времен, как я до сих пор читал.

Итак, я выбрал эту тему. Пособий по истории новейшей русской литературы и по критике у меня есть достаточно, но нет самих авторов. Из поэтов только Некрасов и Алексей Толстой.

Предполагаю, что Вы опять на рождественские каникулы поедете в Москву. Итак, покорнейше прошу, чтобы Вы для меня там купили антикварным путем собранные сочинения, или по крайней мере более важные сочинения выдающихся поэтов этого времени: Полонского, Мей, Ап. Майкова, м. б. и Огарева, Фета, Тютчева (биография его от Аксакова¹ у меня есть), Никитина.

Не сердитесь, пожалуйста, что столько услуг от Вас требую, но надеюсь, что наши приятельские связи не забыты и что ходить по букинистам будете и без того во время своего пребывания в Москве.

Оттуда выписывать книги и новейшие издания очень трудно. Вот недавно я поручил Рживначу выписывать русский перевод румынских сказок, который издал г. Яцимирский в Москве 1902 г.² Комиссионер Deubner ответил, что книга эта в Москве неизвестна. Два года назад ответил тот же Deubner, что Беломорские былины Маркова³ неизвестны

в Москве. Я их после приобрел из Лейпцига и таких случаев было и с петербургским комиссионером. Кстати, не можете ли мне сообщить адрес Яцимирского, я бы хотел ему лично писать ради этой его книжки, сильно меня интересующей.

Я выслал Вам вчера свою книжку *Pohadkoslovné studie*¹ и прошу Вас, чтобы Вы ее принимали как доказ моих искренних приятельских чувств. Второй экземпляр передадите, пожалуйста, г. Рудченко с моим поклоном.

Разумеется, что я сейчас Вам вышлю деньги за книжки, которые за меня приобретете.

Весь Ваш Ю. Поливка.

Ф. 172, оп. 1, № 188.

¹ Отдельное издание вышло в Москве в 1886 г.

² Сказочные сокровища забытого уголка. Собрание румынских сказок и легенд. Пер. А. И. Яцимирского. М., 1902.

³ Беломорские былины, записанные А. В. Марковым, с предисловием В. Ф. Миллера, М., 1901.

⁴ Praha, 1904.

154

Л. Нидерле — А. И. Соболевскому

3 (16) декабря 1904. Прага

Praha 16. XII. 904.

Vysocectěný Alexeji Ivanoviči.

Teprve včera odevzдал mi kollega Polívka otisk Vašé kritiky II. tomu mých Slov. Starožitností spolu s otiskem článku o jezeře Seligeru. Děkuji Vám za oboje.

Ku kritice Starožitností dovolil bych si podotknouti, že sám nejlépe znám své nedostatečné vzdělání ve slovanské filologii, a'e není mi více možno jako historiku a archaeologu, abych to dohonil. Psáti Slov. Starožitností a býti při tom dokonale obeznalý s materialem historickým, archaeologickým i filologickým bylo ještě možno za času Šafaříkova, dnes pochybuji žeby někdo všechno mohl ovládnouti. Proto jsem také v předmluvě výslovně přiznal, že nejsem filolog a prosil jsem aby kniha nebyla posuzována jen z tohoto hlediska.

Zároveň jsem tam vyslovil naději, že se najde jiný, kdo z filologického hlediska pokročí dále. Přesvědčuji se nyní čím dále tím více, že jste k tomu v prvé řadě povolán Vy vysocectěný Alexeji Ivanoviči a sám Vás prosím, abyste při jiných mnohých a velkých pracích na tento obor nezapomněl a podal nám jednou knihu o počátcích dějin slovanských na základě filologickém. Největší radost budu mítí já.

Jelikož jsem Vaše otisky dostal teprve nyní, nebylo mi více možno upotřebiti jich pro počátek ruského překladu mých Starožitností, který počíná vycházeti v Kijivě jako Приложение к летописи арх. Южной России. Připojím však odkaz do doplnků.

Sám nyní počínám pracovati na III. svazku, jednajícím o postupu Slovanů na Balkán až po stol. VII po kr. Bohužel poslední dobu trpím nemocí oční, následkem čehož práce nepostupuje tak, jak bych si přál. Ale doufám že III. svazek vyjde asi za 1¹/₂ roku. Mimo to leží na mně těžce nyní obsahlá stat do Encyklopedie slovanské, kterou vydá ruská akademie pod red. Iagi-

čovou. Ale jen až jaro a leto přijde, půjde mi práce veseleji od ruky, v zimě vždy leží na mně únava a tíha.

Přeji Vám vysocectěný Alexeji Ivanoviči šťastný nový rok a zůstávám

Vam cele oddaný

L. Niederle.

Ф. 176, оп. 2, № 306.

Перевод

Прага, 16 XII 904.

Высокоуважаемый Алексей Иванович!

Только вчера коллега Поливка передал мне отпечаток Вашей рецензии на II том моих Славянских древностей¹ вместе с отпечатком статьи об озере Селигер.² Спасибо Вам за то и другое.

По поводу рецензии на Древности я разрешил бы себе заметить, что сам лучше всех знаю пробелы своего образования в области славянской филологии, но будучи историком и археологом, я не имею возможности пополнить их. Писать Славянские древности и быть при этом в совершенстве знакомым с материалом историческим, археологическим и филологическим возможно было во времена Шафарика, сейчас же сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог всем этим овладеть. Поэтому в предисловии я и указал, что не являюсь филологом, и просил не подвергать обсуждению мою книгу только с этой точки зрения.

Одновременно я выразил там же надежду, что найдется кто-нибудь другой, кто продолжит дело, исходя из филологической точки зрения. Убеждаюсь чем дальше, тем больше, что к этому в первую очередь призваны Вы, высокоуважаемый Алексей Иванович, и прошу Вас не забыть при Ваших других многочисленных и больших трудах и про эту область и дать нам когда-нибудь книгу о начатках славянской истории на основе филологической. Больше всего буду рад ей я.

Поскольку Ваши отпечатки получил я только теперь, постольку я не имел возможности использовать их для русского перевода моих Древностей, начинающего выходить в Киеве в качестве приложения к Археологической летописи южной России.³ Сделаю ссылку в дополнениях.

Сам я приступаю сейчас к работе над III томом, излагающим эпоху от прихода славян на Балканский полуостров до VII в. по Р. Х. К сожалению, в последнее время я болею глазами, в силу чего работа движется не так, как бы хотелось. Но надеюсь, что III том выйдет приблизительно через 1½ года. Кроме того на мне лежит обширная статья для Славянской энциклопедии, издаваемой русской Академией под редакцией Ягича. Но как только наступят весна и лето, работа у меня пойдет веселее и бодрее, зилой же я всегда чувствую утомление и тяжесть.

Желаю Вам, высокоуважаемый Алексей Иванович, счастливого нового года и остаюсь

Вам всецело преданный

Л. Нидерле.

¹ Рецензия А. И. Соболевского (ЖМНП, 1904, июнь) на т. I, ч. 2 труда Нидерле, „Slovanské starožitnosti. Díl I. Původ a počátky národa slovanského“ (sv. 2, v Praze, 1904). Т. I, ч. I вышла в Праге в 1902 г. и также была рецензирована А. И. Соболевским (ЖМНП, 1902, июнь); продолжение „Slovanské starožitnosti“ появилось в 1906—1924 гг. (Díl II, sv. 1—4).

² А. И. Соболевский. Название озера Селигера в связи с вопросом о праславянской родине. Отпечаток из „Трудов 2-го областного Тверского Археологического съезда 1903 г.“

³ Л. Нидерле. Славянские древности. Пер. с чешского Антонины Скриленко. Т. I. Происхождение и начало славянского народа, ч. 1. Издание редакции журнала „Археологическая летопись Южной России“. Киев, 1904.

155

И. В. Ягич — А. Н. Веселовскому

8 (21) февраля 1905. Вена

Вена, 8/21 февр. 1905.

Его превосходительству

г. председательствующему Отделению русского языка и словесности императорской Академии Наук, Александру Николаевичу Веселовскому в С.-Петербурге.

Чсть имею представить Вашему превосходительству для передачи на обсуждение и решение Отделения следующие предположения, вызванные необходимостью предварительных расходов по „Энциклопедии славянской филологии“.¹

Согласно с планом, представленным мною Отделению и им же одобренным,² оказывается неизбежным некоторым из сотрудников назначить для предварительного изучения предмета денежные субсидии, благодаря которым они могли бы предпринять различные поездки.

К числу таких принадлежат:

1. Профессор Оляф Брок в Кристиани	900 р.
2. Профессор Будде в Казани	400 р.
3. Д-р Фридрих Лоренц в Картузе (Carthaus, Westpreussen)	500 р.
4. Профессор Поржезинский в Москве	400 р.
5. Профессор Нитц в Кракове	400 р.
6. Профессор Шурмин в Загребе	250 р.
7. Профессор Пастернек в Праге	100 р.
8. Учитель Иван Графевауер в Крайне	50 р.
9. Кандидат Жилинский из Галиции	80 р.

Итого 3080 р.

К этим расходам, имеющим целью вознаградить путевые издержки на поездки, надо еще прибавить вознаграждение в размере 125 р. для трех лиц, собирающих под руководством проф. Шурмина материал турецких слов в южнославянских наречиях по литературным памятникам различных столетий — как предварительную работу для пражского ориенталиста проф. Дворжака. Наконец, я должен упомянуть, что в прошлом году мною истрчено на поездки в Дрезден (для переговоров с проф. Лескином), в Прагу (два раза для переговоров с тамошними) и в Грац — всего около 100 рублей; в нынешнем же году я желал бы в ближайшем будущем побывать в среде членов Отделения и на обратном пути заехать в Краков и Львов. Для покрытия этих расходов я вношу в смету 300 рубл. Следовательно в нынешнем году предвидится расход на энциклопедию в размере 3605 рубл. Поэтому покорнейше прошу Ваше превосходительство исходатайствовать у Отделения постановление, чтобы упомянутая сумма могла быть в течение года уплачена.

При этом честь имею сообщить, что пока желательно только, чтобы д-р Фр. Лоренц сейчас же получил на счет назначенной для него субвенции — не полную сумму, а в сроках, сначала, например, 100 или 150 рубл.

Контроль этой выдачи мог бы обязательно взять на себя академик А. А. Шахматов. Точно так же желательно, чтобы проф. Будде в скором времени получил определенную для него субвенцию (400 рубл.), при чем я предоставляю Отделению решить, каким путем проф. Будде должен исходатайствовать себе командировку, при рекомендации ли со стороны Отделения, или независимо от него.

Относительно всех прочих сумм я бы просил пока вызвать принципиальное согласие со стороны Отделения. Сроки же для ассигновки денег будут мною указаны потом, когда приблизится время для действительного осуществления путешествий и поездок.

Наконец, прошу вызвать решение по вопросу, в сколько экземпляров Отделение желает печатать Энциклопедию. Я предложил бы в 1000 экземпляров.³ Постановление по этому вопросу желательно уже теперь, потому что, например, к некоторым статьям придется заказывать таблицы уже в ближайшем будущем.

Рассчитывая на одобрение со стороны Отделения этих первых шагов, необходимых для осуществления нашего великолепного предприятия, честь имею быть

Вашего превосходительства
покорн. слуга д. член Отделения

И. В. Ягич

Ф. 9, оп. 1, № 822.

¹ Согласно с решением съезда русских славистов в апреле 1903 г. приступить немедленно к работе над Славянской энциклопедией, не дожидаясь созыва съезда славистов, II Отделение поручило И. В. Ягичу общую редакцию энциклопедии и приняло меры для финансового обеспечения издания, выделив на него по 5000 р. в год.

² Уже 30 октября 1904 г. II Отделение обсуждало представленный Ягичем „Первый отчет“ с „Планом первого, т. е. лингвистического отдела энциклопедии“ и поручило представить замечания на этот план А. И. Соболевскому, Ф. Ф. Фортунатову и А. А. Шахматову (эти замечания в ф. 9, оп. 1, № 822).

³ 3 ноября 1907 г. Общим собранием Академии Наук утверждено решение II Отделения печатать Энциклопедию славянской филологии в 1200 экз. на бумаге высшего качества.

156

А. И. Белич — А. А. Шахматову

9 (22) сентября 1905. Белград

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Собираюсь давным давно писать Вам, но все не знаю, в Петербурге ли Вы или нет, и поэтому все откладываю.

Моя статья, должно быть, напечатана; но так как я не имел возможности просмотреть вторично корректурные листы, а не знаю, сделал ли это вместо меня кто-нибудь другой в Петербурге, прошу Вас сказать г. Ястребову или кому-нибудь другому, кому следует, чтобы мне были присланы отпечатанные листы в одном экземпляре. Они мне, впрочем, нужны и для ссылок.

Кроме того прошу Вас, если возможно, прислать мне гонорар за статью и карту. Этой осенью я порешил предпринять экскурсии в различных направлениях и мое жалованье для этого недостаточно. Наша здешняя Академия в этом направлении не оказывает никаких материальных поддержек.

Наконец, здесь недавно был г. Ильинский, который в беседе со мной мне сообщил, что Вы не вполне согласны с моей картой и что даже у Вас есть опасение, что болгаре будут в претензии, когда узнают, что я часть говоров западной Болгарии отношу к сербскому языку. Он, правда, заметил еще, что я много „захватил“, но это, я думаю, он уже от себя прибавил, потому что я убежден, что Вам прекрасно известно, что я в этом направлении пользовался болгарскими данными, т. е. данными, сообщаемыми их учеными. Поэтому вопрос может заключаться лишь в том, приписать ли эти говоры к сербскому языку или болгарскому, а никоим образом, точно ли их граница помечена. Что касается их принципиальной, внутренней стороны, то я на днях, через 3—4 недели, пришлю Вам свою обширную работу о тождественных с этими говорами диалектах восточной и южной Сербии. Исследование фактов в ней, как Вы увидите, заставило меня именно так думать. Я очень жалею, что Вы, Алексей Александрович, и на минуточку могли подумать, что я в состоянии вообще, а в особенности в работе, издаваемой вашей Академией, руководствоваться в науке и целями, не имеющими ничего общего с ней.

К Вам с глубоким уважением

А. Белич.

Белград,
9 сент. 1905.

Ф. 134, оп. 3, № 105.

157

И. В. Ягич. План лингвистического отдела Славянской энциклопедии

19 октября (1 ноября) 1905. Вена

ПРОСПЕКТ

Энциклопедии славянской филологии¹

Отделение Русского языка и словесности императорской Академии Наук постановило (в 1903 году) издать на свои средства Энциклопедию славянской филологии. Заведывание редакцией издания оно поручило своему члену И. Ягичу. Издание должно обнимать одно общее Введение и три главные Отдела. Первый отдел: славянское языковедение (лингвистическая часть). Второй отдел: славянские литературы (историко-литературная часть). Третий отдел: быт славянских народов (этнографическая часть). Полный объем всех трех отделов рассчитан приблизительно на шесть томов, по 80—100 листов каждый том. Формат и шрифт видны из предлагаемого проспекта.

Отделение русского языка и словесности считает целесообразным и полезным для сотрудников представить теперь же Проспект или план Общего введения и первого, лингвистического отдела. Оно желает по возможности скоро приступить к печатанию. Изменения в частностях этого плана зависят, конечно, от непредвиденных обстоятельств. Но в существенном изменений не будет.

Общее введение

1. История славянской филологии. И. Ягич (8 л.).
2. Статистико-географический обзор современного славянства. Т. Флоринский (6 л.).
3. Графика у славян.
 - а) Вопрос о рунах у славян. И. Ягич ($\frac{1}{2}$ л.).
 - б) Греческое письмо в IX столетии. Гардтгаузен (2 л.).
 - в) Глаголическое письмо. И. Ягич (1 л.).
 - г) Кирилловское письмо:
 - у южных славян. П. Лавров (3 л.);
 - на Руси. А. Соболевский (3 л.);
 - у румын. Э. Калужняцкий ($\frac{1}{2}$ л.).
 - д) Тайное письмо:
 - у южных славян. Д. Костич ($\frac{1}{2}$ л.);
 - у русских ($\frac{1}{2}$ л.).
 - е) Латинское письмо у югозападных славян:
 - у поляков. А. Бриксер ($\frac{1}{2}$ л.);
 - у чехов. И. Гебауер ($\frac{1}{2}$ л.);
 - у лужичан. Э. Мука ($\frac{1}{4}$ л.);
 - у словенцев. К. Штрекель ($\frac{1}{4}$ л.);
 - у хорватов. М. Решетар ($\frac{1}{2}$ л.).
 - ж) Греческое письмо у болгар. Л. Милетич ($\frac{1}{4}$ л.).

Примечание: К статье под № 2 имеется в виду прибавить несколько географических карт. К статьям же под № 3 несколько таблиц образцов различного письма.

Первый отдел

Славянское языковедение

I

Общеславянские вопросы в области языка

1. Психические основания, применительно к славянским языкам. И. Бодуэн де Куртене (2—3 л.).
2. Физиология славянской речи. Отчасти О. Брок, отчасти В.* Богородицкий (5 л.).
3. Славянский язык в среде индоевропейской. Иос. Зубатый (Zubatý) (3—4 л.).
4. Очерк праславянской грамматики. Ф. Фортунатов (5 л.).
5. Славянское словообразование. А. Лескин (4 л.).
6. Главные черты славянского синтаксиса. А. Лескин (4 л.).
7. Общеславянское ударение. А. Шахматов (3 л.).
8. Славянская метрика в произведениях народного творчества. Ф. Корш (4—5 л.).
9. Классификация славянских языков, наречий и говоров. И. Бодуэн де Куртене (2 л.).

II

Отдельные славянские языки в грамматическом отношении

1. Церковная славянщина.
 - а) Историческое введение. И. Ягич (1—2 л.).
 - б) Грамматика церковно-славянского языка по древнейшим памятникам. А. Лескин (6 л.).
 - в) Изменения церковно-славянского языка с примесью диалектической:
 - на почве болгарской. С. Кульбакин ($\frac{1}{2}$ л.);
 - на почве сербской. А. Белич ($\frac{1}{2}$ л.);
 - на почве хорватской. И. Мильчетич ($\frac{1}{4}$ л.);
 - на почве чешско-моравской. Фр. Пастернек ($\frac{1}{4}$ л.).
 - г) Судьба церковно-славянского языка на Руси до настоящего времени. А. Соболевский (3 л.).
 - д) Церковная славянщина на почве румынской. Э. Калужняцкий и Ев. Козак (1 л.).
 - е) Употребление ударения в церковно-славянских текстах. П. Лавров (1—2 л.).

* В тексте: О.

2. Русская группа.

- а) Историческое введение. А. Шахматов (2 л.).
- б) Грамматика древнерусского языка по памятникам совокупной древней письменности. А. Шахматов (4—5 л.).
- в) Обзор современных наречий: великорусских. А. Соболевский (4—5 л.); белорусских. Е. Карский (2 л.); малорусских. К. Михальчук (3—4 л.).
- г) Образование современного литературного русского языка. Е. Будде (4 л.).
- д) Образование современного литературного малорусского языка. П. Житецкий (2—3 л.).
- е) Русское ударение (литературное и по говорам). Р. Брандт (3—4 л.).

3. Польско-полабская группа.

- а) Историческое введение. А. Брикнер (1—2 л.).
- б) Историческая грамматика древнепольского языка. В. Неринг (3 л.).
- в) Обзор польских наречий, отчасти В. Поржезинский, отчасти К. Нич (Nitsch) (2—3 л.).
- г) Образование современного литературного польского языка. В. Неринг (2 л.).
- д) Особенности кашубско-поморских и полабских говоров. Фр. Лоренц и И. Миккола (2 л.).
- е) Ударение в польском языке. С. Кульбакия (1/2 л.).

4. Чешско-лужицкая группа.

- А. Чешский язык.
- а) Историческое введение. И. Гебауер (1 л.).
- б) Историческая грамматика древнечешского языка. Д-р Сметанка (3 л.).
- в) Обзор чешско-моравских наречий. Фр. Пастернек (2—3 л.).
- г) Образование современного литературного чешского языка. И. Гебауер (2 л.).
- д) Обзор словацких наречий. Фр. Пастернек (1—2 л.).
- е) Образование современного литературного словацкого языка. Фр. Пастернек (1—2 л.).
- ж) О чешско-словацком ударении (1 л.).

Б. Лужицкий язык (верхний и нижний).

Все относящееся к лужицко-сербским наречиям будет по той же программе вкратце изложено Э. Мука (4—5 л.).

5. Южно-славянская группа.

- А. Словенский язык.
- а) Историческое введение. Ст. Шкрабец (1 л.).
- б) Обзор наречий и говоров в пределах австрийских. К. Штрекель (3 л.).
- в) Обзор говоров словенских в северной Италии. И. Бодуэн де Куртэжэ (1 л.).
- г) Образование современного литературного словенского языка. К. Штрекель (1 л.).
- д) Ударение. Ст. Шкрабец (2 л.).
- Б. Сербско-хорватский язык.
- а) Историческое введение. И. Ягич (1 л.).
- б) Историческая грамматика на основании кирилловских памятников до конца XV ст. А. Белич (2 л.).
- в) Грамматика литературного языка Далмации и Дубровника с XV по XVIII стол. М. Решетар (1—2 л.).
- г) Обзор сербско-хорватских наречий: штокавских восточной половины (экавские говоры). А. Белич (2 л.); штокавских западной половины (икавские и екавские говоры). М. Решетар (2 л.); чакавских говоров (Далмации, Хорватии, Истрии и Островов). М. Решетар (1 л.); кайкавского наречия (в Хорватии, Медюмурьи и в Венгрии). Г. Шурмин; переходных говоров в Славонии. Д. Богданович (1—2 л.).
- д) Образование современного литературного сербско-хорватского языка. Люб. Столянович (2—3 л.).
- е) Сербско-хорватское ударение. М. Решетар (2 л.).
- В. Болгарский язык.
- а) Историческое введение. П. Лавров (1 л.).
- б) Обзор наречий и говоров. Л. Милетич (3—4 л.).
- в) Образование современного литературного болгарского языка. Д-р Цонев (2 л.).
- г) О болгарском ударении. Д-р Цонев (1—2 л.).

III

Сношения славянских языков между собою и с неславянскими языками. Отражение взаимного влияния на лексике, а также синтаксисе

1. Праславянский язык.

Следы древнейшего влияния, преимущественно германского. Э. Бернекер (1/2 л.).

2. Церковно-славянский язык.

- а) Влияние греческое. И. Ягич (1 л.).
- б) Влияние западное (латинское, немецкое). В. Вондрак (1 л.).
- в) Влияние чешско-моравское. В. Вондрак (1/2 л.).
- г) Влияние русское. А. Соболевский (1 л.).

3. Русский язык.

- а) Влияние церковно-славянского языка. А. Соболевский и А. Шахматов (2 л.).
- б) Влияние греческое (минуя посредничество церковно-славянское). А. Соболевский (1/2 л.).
- в) Влияние германское. Ф. Браун и д-р Саблер (2—3 л.).
- г) Влияние польское. С. Кульбакин (2 л.).
- д) Влияние восточных языков. П. Мелиоранский и Ф. Корш (3 л.).
- е) Следы финские. И. Миккола (1/2 л.).
- ж) Влияние французское в литературном языке. Е. Будде (2—3 л.).

4. Польский язык.

- а) Влияние чешское. В. Неринг (1/2 л.).
- б) Влияние латинское. К. Моравский (1—2 л.).
- в) Влияние немецкое. А. Брикнер (2 л.).
- г) Влияние восточных языков. (1—2 л.).
- д) Влияние мадьярское. О. Ашбот (1/4 л.).
- е) Влияние французское. (1—2 л.).

5. Чешский язык.

- а) Следы влияния церковно-славянского. В. Вондрак (1/4 л.).
- б) Влияние латинское. Д-р Флайшганз (2 л.).
- в) Влияние немецкое. Д-р Янко (2—3 л.).
- г) Влияние русское. В. Францев (1/2 л.).
- д) Влияние мадьярское в словацком языке. О. Ашбот (или И. Мелих) (1/2 л.).

6. Южно-славянские языки.

- а) Влияние немецкое и итальянское в словенском языке. К. Штрекель (2 л.).
- б) Влияние немецкое в сербско-хорватском языке. Т. Матич (1 л.).
- в) Влияние итальянское в сербско-хорватском языке. П. Будмани или М. Решетар (2 л.).
- г) Влияние церковно-славянского в сербско-хорватском языке. И. Ягич (1 л.).
- д) Влияние латинское в литературном кайкавском языке. И. Ягич (1/2 л.).
- е) Влияние греческое (помимо церковно-славянского посредничества) в болгарском и сербском языках (1/2 л.).
- ж) Влияние русское в болгарском языке. П. Лавров (1—2 л.).
- з) Влияние русское в сербско-хорватском языке. А. Белич (1 л.).
- и) Влияние хорватское, чешское и русское в словенском языке. К. Штрекель (1 л.).
- й) Влияние румынское в болгарском языке. Л. Милетич (1/2 л.).
- к) Следы албанские в сербском и болгарском языках. А. Лескин (1 л.).
- л) Влияние мадьярское в южно-славянских языках. О. Ашбот (1—2 л.).
- м) Влияние турецкое в южно-славянских языках. Проф. Дворжак в Праге и министр Шишманов в Софии (3 л.).

7. Следы славянского влияния на соседние языки.

- а) на язык средне- и новогреческий. П. Кречмер (Kretschmer) (1/2 л.).
- б) на язык албанский. А. Лескин (1—2 л.).
- в) на язык румынский. Д-р Зандфельд-Ензен (3 л.).
- г) на язык мадьярский. Д-р И. Мелих или проф. Ашбот (3 л.).
- д) на языки литовский и латышский. В. Поржезинский или Э. Бернекер (2 л.).

- е) на язык финский. И. Миккола (1 л.).
 ж) в разных германских наречиях старого и нового времени. Э. Бернекер (1½ л.).
 и) в романских языках (за исключением румынского). Г. Шухардт или К. Штрель (½ л.).

И. В. Ягич.

19. 10 (1. 11) 1905

Ф. 9, оп. 1, № 822.

Напечатано ОРЯС на правах рукописи в 100 экземплярах.

¹ Энциклопедия славянской филологии выходила выпусками в разбивку по мере подготовки исследований. Были осуществлены следующие ее выпуски (в порядке плана): вып. 1. И. В. Ягич. История славянской филологии, 1910; вып. 2. А. Нидерле. Обзорение современного славяинства, 1903; вып. 3. Графика у славян. И. В. Ягич. Вопросы о рунах у славян; П. В. Гардтгаузен. Греческое письмо IX—X столетий; III. И. В. Ягич. Глаголическое письмо, 1911; вып. 4, I, —4, II. П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма; Е. Калужняцкий. Кирилловское письмо у румын, 1915; Приложение к выпуску 4, I—4, II. Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма, П. А. Лаврова. Альбом снимков с кирилловских рукописей румынского происхождения, Е. Калужняцкого и А. Соболевского, 1916; вып. 4, III. М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма, 1929; вып. 5, II. О. Брок. Очерк физиологии славянской речи, 1910; вып. 10. С. М. Кульбакин. Грамматика церковно-славянского языка по древнейшим памятникам. 1915; вып. 11, I. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, 1915; вып. 12. Е. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX в.), 1908.

158

И. Ягич. Отчет II Отделению Академии Наук

28 октября (10 ноября) 1905. Вена

Второй отчет

о результатах переговоров и переписки с сотрудниками по Энциклопедии славянской филологии

Прошло больше года с тех пор, как я имел удовольствие представить в Отделение Русского языка и словесности мой первый отчет, относящийся к энциклопедии. Он был помечен числом 24 октября 1904 года. С того времени я не перестаю постоянно заботиться о средствах, обеспечивающих успешный ход нашего предприятия. Но тяжелые времена этого года отозвались очень невыгодно также на нем. Прежде всего ими весьма затрудняется моя переписка с сотрудниками в пределах России. На неоднократные запросы с моей стороны иногда нет никаких ответов. Пропадали ли мои или ответные письма, не знаю. Очень может быть, что в это смутное время не было даже возможности отвечать, потому что не было спокойствия духа и сосредоточенности, необходимой для ученых занятий.

Несмотря однакож на эти всем известные страдания, вопрос об энциклопедии не прекращал своего существования, по крайней мере насколько это от меня зависело, да он даже подвинулся значительно вперед.

Прежде всего я должен с большой признательностью вспомнить о жертвах, приносимых Отделением в пользу осуществления энциклопедии. Из пяти тысяч рублей, ассигнованных Отделением для предварительного изучения некоторых вопросов, входящих по программе в энциклопедию, возможно было оказать известному числу русских и загранич-

ных ученых помощь денежными пособиями на поездки с определенной ученою целью. Я очень обязан Отделению за оказанное мне доверие в том смысле, что оно сочувственно отнеслось к моим представлениям по этому поводу. Но эта признательность, которую я живо чувствую, вызывает также с моей стороны откровенное признание, что мои ожидания пока не вполне оправдались — о чем я конечно очень жалею. Некоторые из ученых, получивших по моему же представлению от Отделения денежные пособия, не сочли до сих пор нужным сообщить мне о результатах их занятий по определенным вопросам. Быть может они прислали свои отчеты прямо в Отделение, но я полагаю, что Отделение не оставило бы меня без осведомления. Как бы то ни было, я до сих пор не знаю, воспользовался ли проф. Будде летними месяцами в смысле выраженного им желания побывать в столичных библиотеках? Я не получил никакого известия от д-ра Лоренца, кончил ли он свое изучение кашубско-поморских говоров? Не имею также сведений от проф. Поржезинского, позволили ли ему известные волнения, продолжавшиеся все лето в Царстве Польском, поехать туда для изучения польских говоров? Я не желаю эту забывчивость со стороны упомянутых ученых приписывать недостатку внимательности по личному отношению ко мне. Дело объясняется вероятно просто ходом тяжелых событий нынешнего года. Но я все-таки должен сознаться, что оставшись без малейших известий в течение многих месяцев я тоже начал уже терять веру в возможность преодолеть все трудности возложенного на меня дела. К сожалению, и там, где я мог лично присматриваться к ходу дела, не все шло так, как я ожидал. Проф. Брок, принявший поручение изучить физиологическую сторону славянских языков, выполнил свою задачу на мой взгляд не вполне удовлетворительно. Он взялся правда за очень обширный и сложный предмет, но на деле вышло так, что он почти и не входил в живую среду славянских народов. Для словенского языка, который кажется изучал несколько повнимательнее, он довольствовался Любляною; для сербского одним студентом из Мостара, но уже в Вене, а не Герцеговине; для болгарского точно так одним студентом болгаринном в Вене; в Кракове он пробыл несколько суток, в Праге несколько дней; с галичанами познакомился по данным нашего усердного студента Жилинского, тоже в Вене. Не могу поверить, чтобы подобное, отрывочное изучение предмета могло принести ожидаемую пользу. Не в упрек г. Броку будь все это сказано, но я должен как редактор заблаговременно указать на незаконченность предварительных работ по этому важному вопросу. Впрочем, увидим как объяснит все это сам г. Брок. Более утешительными представляются мне результаты, достигнутые пособиями, розданными в небольших размерах некоторым южнославянским и чешским молодым труженикам. Они повидимому принесут свою пользу, как можно судить по имеющимся у меня отзывам.

По счету, документы которого у Алексея Ивановича, выходит, что из 5000 рубл. в нынешнем году израсходовано на пособия 2925 рубл.; остаток 2075 рубл. будет употреблен на расходы, которые предвдятся в будущем году.

В течение года переписка моя по энциклопедии приняла довольно значительные размеры, как видно из большого количества ответных писем; они же уступают численностью моим письменным обращениям то к тому, то к другому. Эта переписка преследовала двоякую цель. С одной стороны, пришлось подыскивать недостававших сотрудников для восполнения пробелов или взамен отказавшихся — были же и такие

случаи; с другой надо было продолжать ее с отысканными уже сотрудниками для установления плана, объема и срока отдельных тем. Помимо переписки у меня была также возможность объяснения на словах, когда по случаю тот или другой сотрудник приехал в Вену (как например, Гебауер, Милетич, Белич) или же когда я в летние месяцы встречался с тем или другим из них на юге (в Целье, Любляне, в Вараждине, в Загребе).

Благодаря этим двум способам объяснений, дело мало-помалу движется; по крайней мере первый, лингвистический, отдел энциклопедии представляется мне теперь уже в определенном виде. Большинство приводимых в проспекте сотрудников подают большие надежды, что они исполнят возложенную на них задачу, что представят статьи к сроку. Но я не смею обманывать себя иллюзиями, поэтому скажу лучше, что не рассчитываю на такой редкий и очень невероятный случай, чтобы все сотрудники исполнили свои задачи. И нам надо считаться с некоторым процентом неустойчивости. Чтобы из-за таких замедлений или пробелов не произошла слишком продолжительная остановка или даже полное прекращение дела, я предлагаю издавать энциклопедию по выпускам, каждый в отдельной пагинации, но выпуски, издаваемые по очереди, могут быть помечены числом, вытекающим из точного плана издания. При таких условиях точно выработанный план издания является делом первой необходимости. Поэтому обращаюсь к Отделению с покорнейшей просьбой подвергнуть представленный мною через Алексея Ивановича проспект еще раз тщательному рассмотрению, когда же будет рассмотрен и одобрен, напечатать его в ограниченном числе экземпляров, на правах рукописи, для ознакомления с ним принимающих в энциклопедии участие сотрудников. Едва ли нужно напомнить, что проспект должен быть напечатан в том же формате, на той же бумаге, тем же шрифтом (двойным для текста и для примечаний; одно примечание с этой целью прибавлено мною ко 2-му и 3-му пункту Общего введения), какие полагается употребить в самом издании.

Относительно предлагаемого для напечатания проспекта, я должен заметить, что он содержанием своим, т. е. распределением предметов, вполне совпадает с планом, представленным мною в Отделение год тому назад. Тогда Отделение ничего не возражало против моего плана. Поэтому я и теперь рассчитываю на согласие. Но я считаю нелишним прибавить от себя несколько слов, рисующих мое положение.

Во-первых, что касается сотрудников, хотя число их для первого отдела энциклопедии определилось с достаточной прочностью, остаются все-таки некоторые пробелы или недоумения. Для устранения их я принимаю от себя все возможные старания, но да будет мне позволено надеяться также на содействие со стороны членов Отделения. Как на один пробел укажу на статейку о русской тайнописи. Для южнославянской у меня имеется хороший знаток этого вопроса, белградский профессор Драгутин Костич. Не может ли Отделение указать мне на такое же лицо относительно древне-русской тайнописи? А как на недоумение сошлюсь на статейку о вязи (лигатурах), автор для которой у меня приводится, но я должен сознаться, что полного согласия со стороны предположительного автора еще не последовало. В таких случаях я чувствую потребность призвать в помощь как высшую инстанцию Отделение, от имени которого это издание пойдет. В тех затруднительных случаях, когда мои старания добиться согласия того или другого из русских ученых остаются безуспешными, могло бы Отделение еще раз задать вопрос от себя. Это было бы тем желательнее в настоящее

время, где мои частные письма быть может и не доходят до адресатов. Если Отделению угодно будет согласиться с этим моим взглядом, я бы уже теперь просил написать такие запросы в Москву Вячеславу Н. Щепкину и проф. Т. Д. Флоринскому в Киев. Относительно их обоих я пока в недоумении. Решительным же согласием или отказом дело упростится. Редактор, зная, что не может рассчитывать на участие одного намеченного сотрудника, постарается найти заменника ему.

Во-вторых, я должен прибавить, что в последней переписке с сотрудниками я выставлял весну 1906-го года как тот срок, к которому я желал бы видеть задачу исполненной. Большая часть сотрудников дала мне обещание постараться, чтобы к этому сроку было дело сделано. От некоторых (например, Ф. Е. Корша) я не имею известий. Быть может и письма мои не дошли до них. Поэтому я желаю посредством этого отчета довести желание мое и просьбу мою относительно срока до сведения всех членов Отделения, принимающих участие в первом отделе энциклопедии.

Итак, по моему расчету можно бы надеяться, что самое позднее летом 1906-го года мы приступим к печатанию энциклопедии. Но тут надо иметь в виду следующее обстоятельство. Рукописи, поступающие от нерусских сотрудников, будут по большей части написаны не на русском языке. Придется заблаговременно позаботиться о хороших, добросовестных и сведущих переводчиках. Надеюсь, такие найдутся легко в рядах молодых русских славистов. Но я желаю во всяком случае получить об этом точные сведения. Рукописи для перевода будут доставляемы конечно через меня в окончательно одобренном виде.

Вот все существенное, что я должен был внести в этот второй отчет к прилагаемому Проспекту.

И. В. Ягич.

Вена, 28 окт. (10 ноября) 1905.

Ф. 9, оп. 1, № 82.

Напечатано в приложении к протоколу II Отделения от 5 ноября 1905 г.

159

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

22 октября (4 ноября) 1906. Вена

Вена, 22 окт. (4.11). 906
VIII Kochgasse 15.

Дорогой Алексей Александрович!

Спасибо за Ваше сочувственное письмо. Кончина дорогого друга, с которым связывают меня лучшие воспоминания моей петербургской жизни, произвела на меня удручающее впечатление.¹ Я считал его у вас представителем наших общих воспоминаний, которым теперь уже и следа нет. Хороши ли были те времена или нет, не в этом дело, но они были мне дороги, потому что я был их свидетелем и принимал в них участие. Я, конечно, очень желаю продолжать самые лучшие сношения с Отделением и впереди, но кроме Вас, которого я знаю с молодых Ваших лет — у меня теперь уже нет в Отделении близкого человека. Я очень

уважаю моего бывшего товарища по университету Владимира Ивановича, но нас разделяли взгляды славянофильства и западничества. Теперь, конечно, ни того, ни другого нет уже в России в прежнем виде, но ведь мы живем воспоминаниями. Мое знакомство с Никодимом Павловичем* началось уже в Одессе, но потом наше индивидуальное развитие пошло по противоположным направлениям. Филипп Федорович и Федор Евгеньевич близки мне через Вас. Голубинского я совсем не знаю. Его отзыв об одном сочинении Вондрака в Известиях пахнет отсталостью.² В Соболевском я уважаю начитанного ученого и только. Теперь Вы рекомендуете Никольского, человека повидимому железной воли и энергии, но насколько взгляды его широкие, культурные, в роде незабвенного А. Н. Пыпина — я не знаю. Но будет ли у него только большое трудолюбие и широкая начитанность? Об этом должны судить Вы, лучше зная его, чем я. Во всяком случае имейте в виду, не будет ли Никольский повторением Голубинского? Люди с духовным образованием легче могут оказаться односторонними. Россия изобилует — поповичами, превосходными, но и невыносимыми. Дашкевич мне очень симпатичная личность, но не принадлежит ли он теперь уже к инвалидам? Смотрите, как бы не превратилось Отделение в инвалидный дом! Говорится о succès d'estime, не делайте élection d'estime.

У меня нет, конечно, дерзости предлагать Вам своих кандидатов, да признаться у меня их и нет. На будущее время я имею в виду на славянское академическое кресло — Лаврова, на византийское — Бенешевича. Но пока они не идут в счет. Других я не знаю.

Я надеюсь, что это откровенное сообщение останется между нами.

Прилагаю Вам последнюю статью из Neue freie Presse — она на две недели явилась слишком поздно. Быть может, события опередили ее. Но новейшие события, к сожалению, оправдывают мой быть может через чур пессимистический взгляд. Для будущей статьи мне хотелось бы несколько подробнее знать программу обновленцев, нынешнее положение октябристов и как относятся они к монархистам и русским людям. Не можете ли Вы снабдить меня новейшими по этим вопросам данными. Не знаю также, что творится в партиях левее кадетов? Может ли вообще при военном положении и т. д. существовать партия с.-д., не говоря уже о с.-р.?

От Флоринского не получил ничего. От Будде пришло письмо. От Брока ничего. Ульянов к моей большой радости и удовольствию принял мое предложение.³ К Коршу обращаюсь на днях.

Если вышел Сборника том семьдесят девятый, скажите кому следует, что у меня этого тома нет, есть же уже 80-й и 81-ый.

Вашей супруге и Вашей миленькой барышне мой сердечный поклон.⁴ Вам же дружеское рукопожатие.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1758.

¹ Некролог А. Н. Веселовского, написанный Ягичем, помещен в „Archiv f. slav. Phil.“ (XXVIII, 1906).

² Е. Е. Голубинский. Вацлав Вондрак „Studie z oboru cirkevneslovanskeho pisemnictvi“, v Praze, 1903. Изв. ОРЯС, т. IX, кн. 3, 1904.

³ Ягич предложил Г. К. Ульянову одну из тем для Энциклопедии славянской филологии вместо заболевшего А. Лескина.

⁴ Дочь А. А. Шахматова Ольга была крестницей Ягича.

* Кондаковым.

16)

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

11 (24) ноября 1906. Вена

Вена, 11/24 ноября 1906.

Дорогой Алексей Александрович!

Очень приятно было узнать от Вас, что совершилось то, о чем мы с Н. П. Кондаковым толковали на днях здесь, у меня, за чашкой чаю. Кого другого и можно было поставить во главе Отделения, как Вас, самого дельного и преданного интересам Отделения сочлена! Поздравляю Вас с оказанным Вам доверием, которое, конечно, разделяю и сам. Дай бог, чтобы Вы многие годы руководили судьбами Отделения в пользу науки и в славу Академии. Я, к сожалению, уже в таких летах, что не долго придется мне принимать участие в деятельности Отделения, которому я предан всей душой. Но меня успокаивает мысль, что Отделение в руках и под руководством такого человека, как Вы, будет стремиться постоянно стоять во главе всех общеславянских интересов научных, будет проводить помимо специальных задач русских также все то, что составляет фундаментальные задачи общеславянской науки, о которых мало заботятся провинциальные академии вроде Краковской, Пражской, Загребской и Белградской. В этом стремлении я готов поддерживать Вас, пока у меня еще несколько жизненных сил.

Не доверяя вашему нынешнему правительству, я все же надеюсь, что освободительное движение по направлению к истинно конституционному режиму, несмотря на все препятствия, и в новой Думе, сделает несколько шагов вперед. Большое было заблуждение первой Думы, что она надеялась сразу устранить вековое хозяйничанье бюрократического произвола. Теперь кажется уже и кадеты настолько отрезвились, что они не рассчитывают на *deus ex machina*. Хотелось бы верить, что и русское студенчество опомнится, что оно откажется от прежней рутины, негодной для нынешних обстоятельств. Не обструкцией, не митингами, не сходками не во время может молодежь оказать пользу России в ее нынешнем положении!

Я не знаю, получили ли Вы мое последнее письмо. На него нет намека в Вашем сегодняшнем письме, но это и понятно. Перед Вами теперь новые обязанности. Я хочу только к тому, что было мною сказано прежде, прибавить еще, что, мне кажется, Вам и Отделению следовало бы позаботиться о порядочном представителе по новой русской литературе. Если нет готового академика, ищите кого-нибудь в адъюнкты. По моему Истрин при Соболевском и Вас — *idem per idem*. Вам нужен человек с хорошим широким европейским философским образованием, который в то же время был бы русский словесник. Как жаль, что такие люди, как князь Евг. Трубецкой только философы, и не в то же время русские словесники!

Впрочем, я не хочу навязывать Вам своих взглядов!

Я ужасно занят спешным приведением к концу моего издания. Несчастный Северьянов, на которого я рассчитывал, обманул меня, и теперь я должен все делать один.¹

Пожорнейше прошу Вас, как нового председательствующего, поговорить с Соболевским насчет тех 200 крон, которые были обещаны по

моему предложению молодому галичанину Зилинскому, а он до сих пор не получил их. Не знаю, как объяснить себе молчание Соболевского?!
 Передайте мой поклон Вашей супруге.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 153, оп. 3, № 1758.

¹ Идет речь об издании текста Болонской псалтыри: „Словѣньскаѣ псалтырь. Psalterium Bononiense“ (Wien, 1907), к которой С. Н. Северьянов должен был сделать словарь.

161

Л. Нидерле — А. И. Соболевскому

19 декабря 1906 (1 января 1907). Прага

V Praze, dne 1. I. 1907.

Vysocectěný Alexeji Ivanoviči!

Před několika dny překvapil mne prof. Polívka zprávou, že jsem byl zvolen za člena korrespondenta petrohradské Akademie nauk. Poněvadž zpráva ta došla od Vás a poněvadž nepochybuji, že i Vy na této volbě měl Jste značný podíl, prosím Vás, abyste přijal tímto mé nejupřímnější díky za čest, kterou Jste mi tím prokázali.

Mohu říci, že žádné s dosavadních vyznamenání jichž se mi dostalo, nemá pro mne ten význam, jako tato volba do Vaší akademie. Ostýchám se věru věřiti, že jsem ji hoden, proto že se vlastně ocituji teprve na počátku svých prací a to, co chci dokonati, leží teprve v daleké budoucnosti a nejisté. Raďte však býti, vysocectěný Alexeji Ivanoviči a ostatní pánové v Akademii ujištění, že nebude pro mne nyní větší pobídky k další práci, než ta, abych vyznamenání, které Jste mi poskytli, se ctí dostal.

Při té příležitosti děkuji za zasloupanou recenzi 3. svazku mých Starožitností. Jako vždy, jsou tam opět pro mne cenné jednotlivosti a pokyny, kterých vděčně použiju.

O projektované všeslovanské vystavě v Praze psal Vám asi už prof. Polívka sám, že jednak s tím naše slavistické kruhy dosud neměli co dělati (byl to projekt pol. „Slovanského klubu“) a za druhé, že nedojde k ní nejen pro poměry v Rusku a Polsku, nýbrž i proto, že bude v 1908* u nás nová velká výstava průmyslová (českoněmecká), která na dlouho znemožní vystavu jinou.

S přáním šťastného nového roku zůstávám

Vám cele oddaný

L. Niederle.

Ф. 176, оп. 2, № 306.

Перевод

Прага, 1. I. 1907.

Высокоуважаемый Алексей Иванович!

Несколько дней назад проф. Поливка ошеломил меня сообщением, что я избран членом-корреспондентом Петербургской Академии Наук. Поскольку известие это пришло от Вас и поскольку я не сомневаюсь,

* В подлиннике: 1898.

что и Вы принимали в этих выборах большое участие, то прошу Вас принять мою самую горячую благодарность за честь, которую Вы мне этим оказали.

Могу сказать, что ни одно из отличий, которые до сих пор получены мною, не имеет для меня такого значения, как это избрание в вашу Академию. Я не решаюсь верить, что я достоин его, потому что ведь я, собственно, нахожусь только в начале своей деятельности, а то, что я хочу совершить, лежит только в далеком и неверном будущем. Во всяком случае будьте уверены и Вы, высокоуважаемый Алексей Иванович, и остальные господа в Академии, что отныне для меня не будет большего побуждения к дальнейшей работе, чем с честью заслужить почеть, которой Вы меня удостоили.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Вас за присланную рецензию на 3-ий том моих Древностей.¹ Как всегда, в ней опять имеются ценные для меня мелочи и замечания, которые я с благодарностью использую.

О проектируемой Всеславянской выставке в Праге писал Вам вероятно уже проф. Поливка, что, с одной стороны, наши славистические круги до сих пор не знали, что делать с ней (это был проект польского славянского клуба), с другой, что из нее ничего не будет не только из-за обстановки в России и Польше, но также еще потому, что в 1908 г. у нас организуется новая большая промышленная выставка (чешско-немецкая), которая надолго исключит всякую другую.

С пожеланием счастливого нового года

остаюсь всецело Вам преданный

Л. Нидерле.

¹ ЖМНП, 1906, ноябрь.

162

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

5 (18) февраля 1907. Вена

Вена 5/18. 2. 1907
VIII. 1. Kochgasse 15.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Обстоятельства заставляют меня обратиться к Вам с этим письмом. Дело вот в чем.

Несколько времени тому назад проф. Флоринский послал мне свою статью, составленную им для энциклопедии под заглавием „Статистико-этнографический обзор современного славянства“ (вместо выражения „этнографический“ я говорил о „географическом“ обзоре, но это не так важно). Будучи слишком занят заканчиванием Псалтыри, я не мог тотчас взяться за чтение рукописи. Но как скоро я освободился, приступлено мною к чтению труда. Прочтя первые две главы, я должен был, к сожалению, убедиться в том, что статья Флоринского в настоящем ее виде на мой взгляд не годится для энциклопедии. Она не имеет желаемого научного спокойно объективного характера. Автор постоянно делает экскурсии в область критики положения политического, культурного, социального. Он придает своему сочинению характер чего-то задорного, говорит в каком-то приподнятом патриотическом тоне, где

этого никто не ожидает. Поэтому большая часть его изложения не обставлена критическими ссылками на источники. Прилагаемая к отдельным главам „литература“ не имеет никакого отношения к излагаемой материи, включает в себе нагроможденный список всего возможного.

Вследствие этого крайне неприятного впечатления я должен был написать автору дружеское письмо, в котором я убедительно просил его согласиться на изменения в его статье и в случае такого согласия я был готов указать в самой статье по крайней мере все те места, где можно было бы исправить изложение то вычеркиванием лишнего, то переделкой содержания. Я старался убедить его, что от этих сокращений и изменений сочинение его выиграет. Я указывал на прекрасный образец в Народописе Шафариковском,¹ где и следа нет задору политическому или национальному.

К моему большому прискорбию вместо ответа и согласия я получил вчера телеграмму следующего содержания: Покорнейше прошу немедленно возвратить мою рукопись и карту. Флоринский.

Я, конечно, должен исполнить желание автора, сегодня же отправлю рукопись и карту обратно. Последней я даже не открывал еще, она прислана мне в жестяной коробке. В первых двух главах нет никаких ссылок на карту, поэтому я хотел изучить ее после прочтения текста.

Желая сделанный мною шаг оправдать перед Отделением, я взял на себя труд и сделал из первых двух глав автора коротенькое извлечение. По цитатам, полагаю, может Отделение убедиться в том, прав ли я или нет, требуя изменений в этой статье. Если бы Отделение, против моего ожидания, нашло возможным эту статью напечатать в энциклопедии в неизменном виде, я должен заявить, что я не мог бы согласиться взять на себя редакторскую ответственность. Эта статья вызвала бы бурю раздражения между разными славянскими племенами, не говоря уже о ее научной несостоятельности.

Было бы очень желательно склонить автора к разумной уступчивости, в пользу его же труда. Но я не могу сделать ничего, если он не ответит мне на мое письмо. Его телеграмма произвела на меня впечатление полнейшего отказа.

Я очень жалею, что все это так вышло, но я не мог ожидать, что автор так странно не научно поймет свою задачу! В энциклопедию славянской филологии не должны входить никакие чувства патриотического восторга или негодования. Это не газета, не политическая брошюра.

В моем приложении точно обозначены выписки буквально точные из рукописи автора. Красными чернилами прибавлены мои впечатления главным образом лично для Вас.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1758.

¹ P. J. Šafařík. Slovanský narodopis. S mapou. Praha, 1842.

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

9 (22) февраля 1907. Вена

Вена, 9 22.2 1907.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Вопрос, который вызван отказом проф. Флоринского подвергнуть свою статью некоторым изменениям, осложняется еще тем, что он составил карту при помощи (денежной) со стороны Отделения. Материал для этой карты пока еще у меня в той же жестянке, в которой он мне доставлен. Я не отослал этой длинной коробки, вроде пушки, обратно в Киев только потому, что еще не потерял надежды, что Флоринский образумится. Признаться, надежды эти очень слабы. Флоринский не счел нужным ответить мне на мое письмо. Повидимому он желает прекратить со мною все сношения, поэтому и ограничивается пока телеграммой, о которой я уже сообщил. Беда с такими „учеными“. Будем надеяться, что примеру Флоринского никто больше подражать не будет. Для Вас лично сообщу и то, что как раз в прошлое воскресенье, когда я сделал для моего оправдания выписки, были у меня Иречек, Решетар, Белич и Радониц (оба последних из Белграда), я прочел мои, на завтрашний день Вам отосланные выписки. Все они единогласно признавали, что выходки подобного рода для энциклопедии никуда не годятся. Откровенно скажу, что я никогда не придавал значения Флоринскому; его грамматическая компиляция не имеет другого, кроме практического значения; все что он хорошо было начал, сводится к средневековой истории сербов.¹ Как все ученики Ламанского, он историк, конечно, с известной славянофильской окраской, с тем же не критическим отношением к делу, как его учитель, застроивший в последнее время кирилло-мефодиевское здание такой же массой ненужных пристроек, как и проф. Брикнер.² Не желая предписывать Отделению, что оно намерено сделать (ведь у вас должно быть есть уважатели и почитатели Флоринского), я бы желал вскоре вывести это дело начисто. По-моему энциклопедия только выиграет, если Флоринский откажется от текста. Нидерле составил бы этот обзор несравненно лучше и научнее. Жаль только потерять карту, если она — годится. Я признаться еще не открывал коробки, в особенности теперь, когда его телеграммой наложен запрет. В крайнем случае могла бы карта остаться под его именем, с объяснительной запиской (в рукописи его нет никаких ссылок на карту, а без этого нельзя), статья же могла бы быть написана другим.³

Теперь я читаю статью Будде,⁴ за исключением многоглаголивого введения я изложением его доволен, хотя мне сдается, что он все-таки слишком мало уважает Карамзина. Но во всяком случае тут никаких недоразумений не произойдет. Я желал бы даже в скором времени начать с этой статьи, лучше сказать с русской части, если бы Вы да Соболевский были готовы.

Поздравляю Петербург! с блестящим результатом, он не отстал от белокаменной первой столицы.⁵ Какое варварство пока выкинуло правительство, лишив Ковалевского права быть выборщиком! У нас все возмущены этим, меня просили даже написать об этом несколько слов. К сожалению, я знаю Ковалевского очень поверхностно.

Кто назначен вторым выборщиком от Академии? Не нашел в газетах. Ваши газеты, не исключая „Страны“, не умеют сгруппировать факты

так, чтобы легко было найти самое важное и интересное, не тратя слишком много времени. Мне „Русские Ведомости“ лучше нравятся, чем „Страна“, т. е. по нынешнему „Телеграф“.

На днях я отправляю к Вам 50 экземпляров моего издания Псалтыри. Пока — всего лучшего.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1758.

¹ Идет речь о работах Т. Д. Флоринского: Лекции по славянскому языкознанию, ч. I—II. Киев, 1895 и 1897; Южные славяне и Византия во 2-й четверти XIV в. СПб., 1882; Памятники законодательной деятельности Душана. Киев, 1888.

² Ягич имеет в виду статьи Ламанского „Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и исторический источник“ (ЖМНП, 1903, №№ 3—7 и 12, 1904, №№ 1, 4, 5); содержание их в конспектированной форме помещено в „Archiv f. slav. Phil.“ (XXVIII, 1906) в цикле „Cyrillo-Methodiana“ вместе со статьями А. Брюкнера и Ив. Франко.

³ Работа Флоринского была тогда же издана им в Киеве: „Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства“ (1907).

⁴ Книга Е. Ф. Будде „Очерк истории современного литературного русского языка“ вышла первым по времени выпуском Энциклопедии славянской филологии (СПб., 1908).

⁵ Идет речь об успехах на выборах во 2-ю Государственную Думу кадетской партии, к которой буржуазный либерал Ягич относился с сочувствием.

164

М. М. Мурко — А. А. Шахматову

7 (20) декабря 1907. Градец

Градец $\frac{20}{7}$ дек. 1907.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

В сентябре 1909 состоится в Градце 50 *Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner*, короче *deutscher Philologentag*. Хотя славянская филология преподается в Германии и трех австрийских университетах по-немецки, все-таки *Philologentag* не имел пока славянской секции, даже в Вене 1893, где мы нашли приют в индогерманской секции. Славяноведение считалось пока, особенно в Градце, необходимым злом. Поэтому я тем более удивился, когда при первом совещании здешних филологов было сделано предложение, что *Philologentag* в Градце должен иметь также *Slavistische Sektion*. Я взял с оговоркою на себя подготовительные работы. Прежде всего я обратился к Ягичу с разными вопросами и с просьбою, чтобы он содействовал при первом маленьком съезде славистов, которому будет он, как само собою разумеется, и председательствовать. Он относится сочувственно к образованию такой секции и надеется, что мне удастся ее устроить. О своей будущности он говорит элегически и очень скептически относительно будущего съезда славистов, пока не решатся разные славянские вопросы. Но это другое дело, и я надеюсь, что вашею Академиею приготовленный съезд скоро состоится, так как мы должны науку отделить от разных иногда мелочных вопросов и злобы

дня. Теперь важно то, чтобы вы такого съезда не созывали на 1909 год, потому что бы это все-таки мешало нам и вам. Из слов Ягича я уже сделал главное заключение, но все-таки обращаюсь еще к Вам с таким же вопросом, относительно просьбою. Я думаю, чтобы наша секция могла быть хорошою пробою для будущего съезда и чтобы главным образом мы, югозападные слависты, могли потолковать по крайней мере частным образом также о будущем съезде славистов в России. Поэтому надеюсь, что приедет к нам и несколько русских. Пример немецких съездов будет для вас очень поучителен, как надо устраивать съезды в 4 дня, не так, как ваши археологические съезды, которые тянутся три недели, где невозможно встречать всех участников сразу, а главное все-таки личные встречи. Участие славян в съезде немецких филологов не представляет ничего необыкновенного, особенно для русских, которые часто участвуют в съездах естествоиспытателей и врачей (*Naturforscher und Ärzte*). Более чувствительны теперь австрийские славяне, но я думаю, что можно все устроить как следует, так как на таких съездах разным шовинистам нет места. Я даже в Дрездене 1897 ничего не заметил, что бы могло славянину быть неприятно. В Базеле в этом году участвовали и французы и итальянцы, были и французские рефераты. Это может также быть и в нашей славянской секции. Я в этом году читаю *in der deutschesten Stadt* даже лекции по исторической грамматике русского языка по-русски, так как слушатели этого желали.

Всего хорошего желает Вам

Вам преданный М. Мурко.

Ф. 134, оп. 3, № 1019.

165

Л. Нидерле — А. А. Шахматову

11 (24) января 1908. Прага

Vysocectěný pane předsedo,

Jako děkan české filosofické fakulty mám čest Vám* sdělit, že se fakulta naše, hvalíc letošním rokem 25-leté trvání samostatné české university, usnesla udělit Vám (a p. A. Sobolevskému) čestný doctorát naší university.

Bylo uloženo předem se Vás zeptati, zdali tuto poctu, kterou naše fakulta disponuje a která vyjadřiti má úctu a obdiv nad Vaší vědeckou činností, laskavě přijmete.

Prose o tuto odpověď, zůstávám Vám cele oddaný

Lubor J. Niederle.

Praha, Kr. Vinohrady, Hradešianská ul. 7.

Praha 24. 1. 908.

Ф. 131, оп. 3, № 1047.

* Одно слово не разобрано.

Перевод

Многоуважаемый г. председатель.

Как декан философского факультета Чешского университета честь имею * уведомить Вас, что наш факультет, отмечая в этом году двадцатипятилетнюю годовщину самостоятельности Чешского университета, постановил присвоить Вам (и г. А. Соболевскому) звание почетного доктора нашего университета.

Было решено предварительно осведомиться, согласны ли Вы благоклонно принять это звание, которое наш факультет Вам присваивает и которое должно выразить наше уважение и восхищение Вашей научной деятельностью.

В ожидании ответа остаюсь Вам всецело преданный
Любор Нидерле.

Прага, Кр. Винограды, Градешинская ул. 7.
Прага, 24. I 1908.

166

А. И. Белич — А. А. Шахматову

10 (23) февраля 1908. Белград

Белград, 10. II, 1908.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович!

В прошлом году Вы мне писали, что Академия Наук, если мне понадобится, вместо вознаграждения за мою Диалектологическую карту (т. е. статью и карту), окажет мне материальное пособие для исследования сербо-хорватских говоров.

Так как я теперь думаю распределить свое время для занятий в нынешнем году, то мне следовало бы знать, могу ли я рассчитывать на пособие Академии. Мне хотелось бы в нынешнем году познакомиться с чакавскими говорами на самом месте и попытаться определить точную фонетическую форму их звуков. Вам известно, как неполно то, что по этой части до сих пор сделано. Кроме того Вам также и то известно, что и со стороны ударения характеристика чакавских говоров далеко не закончена; так что и с этой стороны мне хотелось бы более подробно исследовать чакавские говоры. Я предполагаю сначала поехать на остров Црес (в группе северноостровных диалектов), так как мне кажется, что он лучше Крка сохранил старый диалект, а потом отправиться оттуда в Истрию, на средние и южные чакавские острова. Конечно, мне было бы самым приятным получить в таком смысле поручение от Академии. Я знаю, что путешествие на чакавские острова и исследование местных говоров имеет свои трудности, но я думаю, если Академия мне поможет, мне удастся справиться с ними.¹ Я Вас прошу, Алексей Александрович, в таком смысле представить мое желание, если Вы захотите внести в Отделение предложение о поручении и пособии мне. Этим бы Вы меня очень и очень обязали и сделали бы, насколько мои силы позволяют, пополнение значительных пробелов в сербско-хорватской диалектологии.

* Одно слово не разобрано.

Быть может, Вы еще не имели случай подробнее познакомиться с мнением д-ра Решетара о моей Диалектологической карте (Der štokavische Dialekt).² В трудах Сербской королевской Академии я печатаю полное опровержение его взглядов, основанных всецело на недоразумениях.³ Я очень жалею, что мне там пришлось констатировать, за немногими исключениями, что Решетар не понял и не понимает самого простого смысла моих слов. На русском языке я напечатаю подробную рецензию о его труде (собственно о фактической стороне его) и пришлю Известиям, если подобная рецензия в них до тех пор не появится, или Русскому Филологическому Вестнику.

Кроме того я Вам пришлю, через 2—3 месяца, и описание двух говоров косовско-ресавского типа, которые Вас несомненно заинтересуют своим ударением.

Прошу Вас, когда при случае увидите Филиппа Федоровича и Петра Алексеевича,* кланяйтесь им.

К Вам с глубоким уважением и признательностью

А. Белич.

Belgrade Serbie
Карађорђева ул. 69.

Ф. 9, оп. 1, № 914.

¹ II Отделение Академии Наук послало А. И. Беличу на поездку на чакавские острова для исследования местных говоров 100 р. (Протокол ОРЯС от 5 марта 1903).

² В „Schriften der Balkankommission“ (В. VIII, 1903).

³ О серпским или хрватским диалектима. „Глас“, LXXVIII, 1908.

167

М. М. Мурко — А. А. Шахматову

14 (27) февраля 1908. Градец

Градец 27/II 08.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Я опоздал, но очень занят приготовлением рукописи своей *Geschichte der südslavischen Literaturen*, хотя выйдет летом только *Ältere Periode*, которая не совсем по моей части.¹

Русским славистам вышлем — это разумеется — приглашения на наш маленький съезд. Но при этом случае хотел бы обратить Ваше внимание на то, что нам за границую очень трудно следить за *Personalia* в русском славяноведении. Я уж чаще думал о том, что должны или „Известия“ или „Русский Филологический Вестник“ приносить сведения о назначении профессоров, о габилитациях и подобных делах. Это не отнимало бы много места и было бы очень полезно.

Издания Академии приходят к нам, но вопрос, все ли, потому что мы не знаем, что получает семинария, что я и на что имеет Штрекель — он стался ординарным профессором — как корреспондент, право. Так, например, я получил „Статьи по славяноведению“,² но в семинарии их пока нет и я их не требую, потому что не знаю, не будут ли высланы позже

* Лаврова.

через комиссионера в Лейпциге. Поэтому было бы очень полезно знать, что получаем вообще и что прямо и что через Лейпциг.

Кроме того я за себя и Штрекеля уж ответил на печатный запрос, что бандероль очень часто разорвана и что бы следовало выбрать лучшую.

Буясу я прочел, что его касалось. Верю, что беда с его значками. Надеюсь, что его работа будет скоро напечатана. Он опять уехал и должен все еще возиться своим экзаменом.

Искренне преданный М. Мурко.

Ф. 134, оп. 3, № 1019.

¹ Geschichte der älteren südslavischen Literaturen. Leipzig, 1908.

² К этому времени вышли вып. 1 (1904) и 2 (1906) сборника „Статьи по славяноведению“, изданного II Отделением Академии Наук под ред. В. И. Ламанского, при участии славянских ученых. Вып. 3 вышел в 1910 г.

168

Э. Мука — А. А. Шахматову

11 (24) марта 1908. Фрейберг

Freiberg, 24. III. 08.

Verehrtester Herr Praesident und Gönner!

Endlich, endlich bin ich mit meinem niedersorbischen Wörterbuch fertig, so dass nunmehr die Drucklegung desselben vor sich gehen kann. Ich habe zwei Probedrucke machen lassen und sende sie Ihnen anbei unter Kreuzband, damit Sie über das Format und die typographische Ausstattung mir Ihr Urteil zukommen lassen könnten. Wenn wir uns für eins von den beiden Formaten entschieden haben werden, wird uns unsere Firma Marko Smolař in Bautzen die Kosten berechnen und es kann der Kontrakt mit derselben aufgesetzt und unterschrieben werden. Soll auch mit mir eine Stipulatoin unterschrieben werden? Ich glaube, es könnte der Druckerei die Arbeit alle Quartale bezahlt werden. Wie möchten Sie den Kontrakt gemacht sehen?

Zu vorzüglichster Hochachtung

Ihren Bescheiden entgegensehend

Ihr ergebenster Prof. Dr. Ernest Jurjevič Muka.

Ф. 9, оп. 1, № 775.

Перевод

Фрейберг, 24. III. 08.

Глубокоуважаемый г. президент и покровитель!

Наконец-то я закончил мой нижнесербский словарь, так что печатание его может начаться теперь же. Я заказал два пробных оттиска и высылаю их Вам бандеролью, для того, чтоб Вы сообщили мне Ваше мнение о формате и типографской обработке.¹ Когда мы остановимся на одном из форматов, то наша фирма Марко Смоляр в Баудене рассчи-

тает издержки и тогда можно будет составить и подписать с ней контракт. Следует ли заключить также условие со мной? Я думаю, что типографии за ее работу можно будет вносить деньги каждый квартал. Какого рода соглашение Вы предполагаете заключить?

С совершенным уважением и в ожидании Вашего ответа, остаюсь преданный Вам

проф. д-р Эрнест Юрьевич Мука.

¹ 15 марта 1908 г. II Отделение Академии Наук поручило А. А. Шахматову списаться с Э. Мукой относительно размеров нижнеудуицкого словаря и стоимости его печатания за границей.

169

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

7 (20) апреля 1908. Вена

Вена 7/20 апреля 1908
VIII/I Kochgasse 15.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Я был бы теперь доволен ходом нашего предприятия, если бы только типография не слишком затягивала набора, т. е. просто целые недели бездействовала. Я получил последнюю корректуру 13/3 (а сегодня 7/4!) и с тех пор ничего дальше. Теперь у меня 5 листов сдано окончательно с *imprimatur* в типографию. Пора бы теперь уже продолжать набор — а то мы в течение года даже этого выпуска не кончим, мне же хотелось бы по крайней мере издать вып. 1 (мой) и 2 (Нидерле). Не можете ли шепнуть словечко фактору, чтобы он не останавливал набора на целый месяц.

Я бы желал изданием Энциклопедии помочь нашему книжному делу. Если только ваш лейпцигский комиссионер *à la hauteur* своего дела, т. е. если ему вменяется в обязанность заботиться о продаже академических изданий, я убежден, это издание могло бы своей дешевизной и удобством покупки по выпускам приобрести русской книге некоторое распространение на юге и западе. Если Вы доставите мне 10 экземпляров я воспользуюсь ими охотно для рекламы. Я Вам (или же непременно секретарю) уже писал о том, что наши венские книгопродавцы даже еще не знают, кто ваш комиссионер в Лейпциге!

На днях проездом на юг был у меня профессор Э. Мука, известный Вам лужичанин. Он мне рассказывал о своем словаре и о некотором разочаровании, которого он повидимому не ожидал со стороны нашего Отделения. Я обещал ему вступить за это хорошее дело. Словарь его куда лучше того, что у вас вышло как I том Лоренца. Этим изданием я признаться очень мало доволен. Пустые слова, без фраз — главное пристрастие его к вычурным буквам для передачи чорт знает какого произношения! Эти пестрые буквы, должно быть, импонируют лингвистам, но я не придаю им даже для науки большого значения. Совсем другое дело — разумно составленный, богатый содержанием словарь Муки! Но я понимаю, что Академия наша (т. е. ваша, извините, что называю ее „нашей“) не может брать на себя все одна. Для чего же существуют

другие славянские академии? Вот этот труд Муки стоит того, чтобы поддержали его не одна, а три академии (наша, Краковская и Пражская). Между славянами теперь идет какое-то движение. Сегодня я прочел, что даже у вас затевается какое-то новое общество для взаимной поддержки славян между собой, конечно, в области науки, литературы, искусства и т. д.¹ [...] Как бы то ни было, я бы рекомендовал вашему милостивому вниманию словарь Муки. Вы могли бы в течение двух лет — 1909 и 1910 — определить ему покрытие расходов на печатание словаря (по 2000 руб. в год) — а Пражская и Краковская (или, по крайней мере, Пражская, получившая теперь богатое наследство от Главки, 70% ежегодного дохода от 6 миллионов крон) пусть дадут ему вознаграждение за труд. Такое разделение было бы вполне справедливо.

Спасибо за сообщение относительно Рышкова. Я последую Вашему совету.

Моей барышне Олечке прилагаю карточку. Мой внук (15-летний юноша выше ростом нас, кроме папаша) снял меня в прошлую пятницу, когда мы сделали маленькую экскурсию в Баден. При превосходной весенней погоде (которая с тех пор опять испортилась) мы гуляли по парку и он, упражняясь с своим кодаком, заставил и меня стать перед его аппарат. Картинка вышла довольно удачная. Вот ее и посылаю я Олечке вместо яйца!

Всего хорошего.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1759.

¹ Имется в виду вновь образованное в Москве Общество славянской культуры. 29 марта 1903 г. на собрании его учредителей выступил с программной речью акад. Ф. Е. Корш, избранный председателем Общества. Общество славянской культуры защищало равноправие культур славянских народов и отмежевывалось от реакционных шовинистических течений в славянском вопросе.

170

Э. Мука — А. А. Шахматову

28 апреля (11 мая) 1908. Фрейберг

Freiberg in Sa., den 11. Mai 1908.

Verehrtester Herr Professor!

Ihr werthes Schreiben vom 29. März 08 hatte mich so bestürzt, dass ich allen Mut verloren hatte, da ich der festen Überzeugung lebte, dass das Praesidium der kais. russ. Akademie ohne Zögern das Angebot und Versprechen hinsichtlich des Verlags und des Honorars meines mit unendlicher Mühe und Selbstverleugnung verfassten niedersorbischen Lexikons halten werde, das es mir von ungefähr 5 Jahren gemacht hatte; in diesem meinen Vertrauen hatte ich es nicht für nötig gehalten, schon damals einen schriftlichen Kontrakt aufsetzen und unterschreiben zu lassen.

Ich kann mir diesen Wandel nur so erklären, dass die Herren der Akademie mein niedersorbisches Wörterbuch für eine gewöhnliche lexikalische Arbeit halten; doch mein Wörterbuch ist, erstens, ein Thesaurus linguae sorabicae und, zweitens, zugleich ein vergleichendes Wörterbuch der westslavischen Sprachen auf Grund des Altslavischen, es ist die Frucht 10-jähriger angestrengter Arbeit, entstanden ohne alle Vorarbeiten anderer, also meine ureigene Arbeit. Es soll aber auch zugleich ein Muster slavischer Lexikographie sein. Die drei bedeutendsten Slavisten des Westens, denen grössere bz. kleinere Teile meines Manuscripts vorgelegen haben, urteilen über meine Arbeit in ihren Briefen an mich folgendermassen: 1) Herr Hofrat Jagić, Wien: ... Mit Vergnügen habe ich Ihr Manuscript gelesen... ich freue mich schon jetzt auf das eine grosse Lücke auszufüllen bestimmte Werk... ich wünsche Ihnen Gesundheit, Kraft und Lust, das Werk glücklich zu Ende zu führen. 2) Herr Professor Leskien, Leipzig: ... Wenn Sie alles so lassen, wie Sie es geplant und ausgeführt haben, kann ich Ihnen sagen: es ist vortrefflich... ich wünsche Ihnen Gesundheit und Frische, um die lange Korrekturarbeit gut überwinden zu können. Sie werden selbst grosse Freude haben, wenn das Werk fert'g vorliegen wird, und können des besonderen Dankes aller Slavisten gewärtig sein. 3) Herr Professor Brückner, Berlin: Ausführung und Ausstattung haben mir ausgezeichnet gefallen... Die Abkürzungen finde ich ausgezeichnet gewählt und sehr gut verständlich...

Nun aber war mein Mut sehr gesunken, und ich hätte es kaum über mich gewonnen, an die Hohe kais. russ. Academie wieder zu schreiben, wenn mir nicht auf meiner Erholungsreise zu Ostern nach dem slav. Süden Herr Hofrat Prof. Dr. Jagić in Wien Mut gemacht hätte. So will ich denn nun auf die mir gestellten Fragen ergebenst antworten:

1) Der Umfang des Werkes war schwer zu berechnen, weil die Blätter des Manuscripts natürlich nicht gleichmässig beschrieben sind. Aber Sachverständige haben ausgerechnet, dass das Lexikon in dem Kleineren Ihnen eingesandten Format 75—80 Druckbogen umfassen werde.

2) Die Firma Brockhaus in Leipzig hat ferner berechnet, dass der Bogen in jenem Format für Satz und Druck inclusive Papier bei einer Auflage von 1500 Exemplaren 70, bei 1800 Ex. 75 Rubel kostet. Dabei sind nachträgliche Korrekturen nicht berechnet.

3) Was nun mein Honorar für die 10-jährige Arbeit betrifft, so hatte ich, nicht vermögender Schulprofessor, offen gestanden, mich darauf gefreut, doch ich will mit Rücksicht auf die jetzige pecuniäre Lage der kais. russ. Academie ganz darauf verzichten und dem Hohen Praesidium nur folgenden ganz ergebenen Vorschlag zu machen mir erlauben: Da die Druckkosten nach der oben angegebenen Berechnung der Firma Brockhaus wenigstens 4000 Rubel betragen werden, so bitte ich das Praesidium ganz ergebenst mir einen Druckkostenbeitrag von rund 4000 Rubel zahlen in zwei Raten und zwar je 2000 Rubel 1908 und 1909 an mich zu bewilligen für die Bestreitung der Druck- und Korrekturkosten, dadurch wird die Hohe Academie Verlegerin des Werkes, das Lexikon selbst aber bleibt anstatt des Honorars mein Eigentum und ich gebe der Akademie etwa 50 Exemplare oder mehr für ihre Zwecke unentgeltlich ab. Ich werde mich energisch bestreben, dass das Werk nach Abschluss unseres Vertrages binnen zwei Jahren druckfertig vorgelegt wird, während des Druckes selbst aber bin ich bereit, auf Wunsch Aushänge — bz. Belegbogen an das Praesidium der 2. Abteilung der Academie einzusenden, damit es über den Fortgang der Drucklegung auf dem Laufenden erhalten bleibe.

Dabei gebe ich mich der Hoffnung hin, dass die kais. russ. Academie in Anbetracht der Wichtigkeit meines Werkes für die Slavistik, in Anbetracht meiner 10-jährigen, an Entsaugungen reichen Arbeit und in Anbetracht meines Verzichtes auf jegliches Honorar bei Verleihung von Auszeichnungen und Preisen sich meiner Person gütigst erinnern wird. Doch die Hauptsache ist und bleibt, dass der Druck des Lexikons ermöglicht wird, und das Praesidium der 2. Abteilung der kais. russ. Academie würde mich zu steter höchster Dankbarkeit verpflichten, wenn es auf meinen Vorschlag betreffs der Druckkostendeckung gütigst eingehend mir baldigst einen zustimmenden Bescheid zukommen liesse.

In vorzüglichster Hochachtung und unter Zusicherung wahrer Dankbarkeit verharret

Ew. Hochwohlgeboren ganz ergebener

Prof. Dr. Ernest Jurjevič Muka.

Ф. 9, оп. 1, № 775.

Перевод

Фрейберг в Саксонии 11 мая 1908.

Глубокоуважаемый господин профессор!

Ваше уважаемое письмо от 29 марта 08 так меня поразило, что я упал духом, так как находился в полной уверенности, что Президиум имп. русской Академии немедля сдержит данное около 5 лет назад обещание по поводу издания и гонорара за составленный мною с бесконечным трудом и самоотверженностью нижнесербский словарь. Пребывая в этой уверенности, я не считал нужным в то время заключить письменный договор.

Я могу объяснить себе эту перемену только тем, что господа академики рассматривают мой нижнесербский словарь как обычную лексикологическую работу; но мой словарь, во-первых, представляет собой Thesaurus linguae sorabicae, а, во-вторых, одновременно является сравнительным словарем западнославянских языков на основе старославянского; это результат моей 10-летней напряженной работы, возникшей при отсутствии предварительных работ других авторов, таким образом, это — моя совершенно самостоятельная работа. Вместе с тем этот словарь должен быть образцом славянской лексикографии. Три виднейших западных слависта, которые ознакомились с частями моей рукописи, различного объема, в своих письмах высказываются следующим образом о моей работе: 1) господин придворный советник Ягич, Вена: ... Прочел с удовольствием Вашу рукопись ... радуюсь уже теперь, что Вашей рукописи предстоит заполнить большой пробел. ... желаю Вам здоровья, силы и бодрости довести до счастливого конца работу. 2) Господин профессор Лескин, Лейпциг: ... Если Вы оставите все так, как Вы наметили и выполнили, то могу Вам сказать: это превосходно. ... желаю Вам здоровья и бодрости, чтобы справиться с длительной работой по корректуре. Вы испытаете большую радость, когда работа будет лежать готовой, и можете ждать особой благодарности от всех славистов. 3) Господин профессор Брюкнер, Берлин: Выполнение и внешняя форма мне очень понравились. Нахожу, что сокращения прекрасно выбраны и вполне понятны ...

Мое настроение сильно упало и едва ли я мог бы заставить себя снова написать высокой имп. Академии, если бы во время моей поездки на пасхе для поправления здоровья на славянский юг господин придворный советник проф. доктор Ягич в Вене не подобрал меня.

Теперь хочу ответить на поставленные мне вопросы:

1) Было трудно рассчитать объем работы, так как страницы рукописи, конечно, написаны неравномерно. Но специалисты рассчитали, что словарь в посланном Вам меньшем формате содержит 75—80 печатных листов.

2) Далее фирма Брокгауз в Лейпциге рассчитала, что лист этого формата для набора и печати, включая сюда бумагу, при выпуске 1500 экземпляров обойдется в 70, 1800 экз. в 75 руб. Притом не учтены дополнительные корректуры.

Что касается моего гонорара за 10-летнюю работу, то откровенно говоря, я, небогатый школьный учитель, был бы ему рад, но, принимая во внимание теперешнее финансовое положение имп. русской Академии, я от него совершенно отказываюсь и осмеливаюсь сделать высокому Президиуму следующее покорнейшее предложение: так как расходы по набору, по данным фирмы Брокгауз, составят по крайней мере 4000 р., то я покорнейше прошу Президиум издержки по печатанию в размере 4000 р. уплатить мне двумя частями, а именно по 2000 руб. в 1908 и 1909, и согласиться на покрытие издержек по набору и корректуре; тем самым высокая Академия станет издательницей этого труда, словарь же взамен гонорара останется моей собственностью; я же отдам Академии бесплатно около 50 экз. или больше для ее целей. Я буду энергично стремиться к тому, чтобы после заключения нашего договора труд мой в течение двух лет был готов к печати; во время набора я готов, по желанию, высылать печатные листы Президиуму II Отделения Академии, чтобы держать его в курсе хода печатания.

Пребываю в надежде, что имп. русская Академия, учитывая значение моей работы для славистики, 10-летнюю, полную лишений работу и отказ от какого-либо гонорара, при раздаче премий и отличий благосклонно вспомнит о моей особе. Но главное то, что печатание будет осуществлено. Президиум II Отделения имп. русской Академии обяжет меня к постоянной глубокой благодарности, если благосклонно согласится на мое предложение о покрытии расходов по печатанию и вскоре сообщит мне свое положительное решение.

Пребываю в исключительно глубоком уважении и с уверенением в истинной благодарности преданный Вашему высокоблагородию

проф. д-р Эрнест Юрьевич Мука.

¹ В ответ на эти условия Шахматов сообщил Э. Муке, что II Отделение предлагает ему перенести печатание в Петербург, назначив полнотипный гонорар в 20 р. (отношение от 13 мая 1908, ф. 9, оп. 1, № 755; напечатано в „Трудах Института славяноведения, т. II, 1934, стр. 276). Так как ввиду финансовых затруднений издание словаря задерживалось, Академия добилась того, что Министерство просвещения провело в Государственной Думе законопроект об отпуске из Государственного казначейства специальной суммы в 8800 р. „на издание Академиею Наук словаря нижнелужицкого языка доктора Муки и на выдачу вознаграждения составителю словаря“. После одобрения законопроекта Государственным Советом, Николай II утвердил его 26 мая 1911 г. „Словарь нижнелужицкого языка“ набрался в академической типографии; к его тексту присоединялись объяснения слов на русском языке, над чем работал сотрудник Библиотеки Академии Наук Ю. И. Клецанда. Вследствие утраты рукописи после смерти Клецанды, издание не могло быть окончено в России. В Петрограде вышел в 1921 г. неполный вып. 1, остальные выпуски (2 и 3) были изданы по сохранившейся у автора рукописи Чешской Академией в 1923 г. История словаря Муки изложена акад. Б. М. Ляпуновым в статье „Д-р Э. Ю. Мука“ (Труды Института славяноведения, т. II, 1934).

**Адрес II Отделения Академии Наук И. В. Ягичу по случаю
его 70-летия**

9 (22) мая 1908. Петербург

Глубокоуважаемый Игнатий Викентьевич.

В торжественный день Вашего юбилея, который будет отпразднован всем славянским ученым миром, Вы получите не мало поздравлений и из России. Здесь, в России, Вы имеете много почитающих Вас друзей, здесь много благодарных Вам учеников Ваших, здесь живы яркие следы Вашей деятельности. России принадлежит и то ученое учреждение, которое давно уже, пожалуй с самого вступления Вашего на широкий путь, Вами избранный, следило с неустанным вниманием за Вашими успехами и с решительным упорством стремилось к сближению с Вами.

Отделению Русского языка и словесности императорской Академии Наук удалось привлечь Вас в свой состав в 1880 году. Вы сделали по приезде в Петербург средоточием всех славянских изучений в России; кратковременное пребывание Ваше здесь будет памятно в истории как Академии Наук, так и кафедры славяноведения С.-Петербургского университета.

С большою любовью отнеслись Вы к той стране, которая сблизилась с Вами в лице своих учреждений: русские молодые силы нашли в Вас опытного руководителя и могущественного вдохновителя. Вы обратили свое внимание на преподавательскую деятельность и организацию научных работ, проявляя при этом Ваши блестящие таланты и отдаваясь живому делу с увлечением. Вас увлекала та духовная мощь нашего народа, которую Вы умели распознать и оценить как в современной действительности, так и в великом прошлом России.

Духовное наследие, доставшееся нам от южных славян и греков, нами сохраненное и приумноженное, стало предметом Вашего страстного исследования и любовной разработки: много памятников старины увидело свет благодаря Вашим трудам и стараниям; много темных историко-литературных вопросов разрешено Вашими учеными изысканиями.

История Русского языка, почти совсем запущенная после первых трудов в этой области, появившихся в двух предшествующих десятилетиях, стала преподаваться Вами в университете. Вы собрали обильный материал, которым делились со своей аудиторией, увлекая ее на путь изучения родного языка.

Но деятельность Ваша не ограничивалась одним прошлым русского народа. Вы считали, что это прошлое обязывает его к особенному напряжению и в настоящем, напряжению в области духовной жизни и культуры. Вы справедливо настаивали на том громадном воспитательном значении, которое должно иметь, для правильного духовного развития нашей страны, изучение южного и западного славянства, а также живое общение с ним. Изучение это важно не только для нашего самопознания: оно ведет к сближению России с нашими родичами, сближению, столь необходимому для взаимной поддержки в общих всему славянству задачах, в напряженной борьбе славянства за культурное свое существование. Ваша ученая и преподавательская деятельность содействовала общению русского народа с прочими славянами и дала заметные

плоды в том оживлении, которое Вы создали своими трудами и лекциями, а также знаменитым в летописях славянства периодическим изданием, отпраздновавшим недавно двадцатипятилетие своего существования.

К великому ущербу для России, деятельность Ваша перенеслась в другой центр. Вена, с переездом Вашим туда, стала средоточием работ по славяноведению. С неослабной энергией продолжали Вы среди другой обстановки великое культурное дело, оставленное Вами здесь, в Петербурге. Каждый год Ваши петербургские товарищи, гордясь своим венским сочленом, подводили итоги Вашей деятельности: и эти итоги свидетельствовали о том, что Ваши богатые силы по-прежнему обслуживают славянство и Россию.

Мы счастливы тем, что, со времени съезда русских филологов, общение нашего учреждения с Вами стало теснее и оживленнее. Под Вашей редакцией стала выходить „Энциклопедия славянской филологии“, которая должна подвести итоги работам в области славяноведения.

На Вас выпала трудная и сложная задача: Вам, инициатору и руководителю общеславянского предприятия, пришлось соединить разрозненные силы славян на общую работу. Но мы верим в Вас, и вера наша оправдывается: казавшееся невозможным и недостижимым уже осуществляется. Славянский мир не остался глух к Вашему призыву: он дружно взялся за работу, и это его объединение вокруг Вашей личности пусть служит лучшей наградой за Ваши великие заслуги перед славянской наукой.

Напечатан в приложении к Протоколу ОРЯС от 9 мая 1908 г.

¹ Адрес по случаю юбилея И. В. Ягича был принят в Отделении русского языка и словесности 9 мая 1908 г.; тогда же было поручено чл.-корр. М. Н. Сперанскому доставить его юбиляру и прочесть от имени Отделения.

172

Обращение М. М. Мурко и К. Штрекеля об организации секции славистики на съезде немецких филологов и учителей

14 (27) июня 1908. Градец

Grac, 27. Juna 1908.

Slavno ravnateljstvo
Veleštovani gospodine!

U jeseni god. 1909 obdržavat će se 50. sastanak njemačkih filologa i učitelja. Pripravni je odbor odlučio, da taj sastanak ima prvi put i slavističku sekciju, te je pripravu za tu sekciju povjerio potpisanimu.

Nadalje se odlučelo, da se slavističkoj sekciji u znak pozdrava pokloni poseban svečani spis, sastavljen iz otisaka rasprava sviju slavističkih struka, koje bi zajedno izišle u izvještajima srednjih škola u Štajerskoj, Koruškoj, Kranjskoj, u Primorju i Dalmaciji za god. 1908/9. Jedan između glavnih povoda, da se na to odlučilo, bio je obzir na srednje škole sa slovenskim ili srpsko—hrvatskim nastavnim jezikom, da prema svome značaju mogu biti učesnici literarnoga rada kod tog sastanka.

Kako da se prirede i izdadu takove rasprave, pokazuje njemački odborski oglas, što su ga dobila sva srednjoškolska ravnateljstva učenih zemalja. Jznimka će biti samo ta, da se slovenske rasprave neće tiskati u Gracu, već toga radi, što bi štampo bila ovdje preskupa, pak bi bilo poželjno, po iskustvu jednakih publikacija, da se bar sve slovenske štampaju po mogućnosti u jednoj štampariji npr. u Ljubljani, a srpsko — hrvatske pak na drugom mjestu, rečimo u Dalmaciji. Ako to ne bi bilo moguće postići, onda treba odabrati jednak oblik (okl. 8°), jednak broj i duzinu redaka i jednaka slova (* za bilješke petit). Za naše djelo dostajalo bi 900 otisaka, stoga će naši otisci biti jeftiniji od njemačkih. O polankostima trebat će još detaljnijih dogovora s ravnateljstvima. Svjima dakle neka se i pisci dogovore radi veličine članaka. Dobro će doći također i kraći članci koji će biti potrebni u srednjim školama, ako njihovi izvještaji donose više rasprava, tato npr. uz talijanske hrvatske.

Prije svega je potrebno, da slavističke strukovnjaci najave svoje sudjelovanje odmah kod ravnateljstva, zatim pak ovdje kod nas, te da si što prije izaberu svoj predmet iz gramatike, dialektologije, literarne ili kulturne istorije, te iz etnografije, pri čemu im se treba svakako u prvom redu obazrijeti na južne Slavene. O polankostima će se tako moći učesnici dogovoriti s potpisanimima za vrijeme ovogodišnjih ferijalnih kurzoiri u Gracu.

Gg. zemaljske nadzornice Fr. Hubad u Ljubljani i M. Zavadlal u Zadru zanimaju se napose za ovaj svečani spis, te nas ovlastiše, da možemo to također istaknuti.

Potpisane su se latili na poziv pripravnoga odbora svoje teške zadaće, jer su osvjedočeni, da je potrebno također i u slavistici većega dodira između znanosti i škole i da imamo više znanstvenih i pedagoških pitanja o kojima bi se moglo uspješno raspravljati. Ušim toga biti će naša sekcija prvi sastanak slavenskih filologu u Austriji, na kome će učestvovati i stručnjaci iz drugih država. Svoju pomoc nam je obećao npr. g. dyorski savjetnik prof. dr. Vatroslav Jagić i pravi državni savjetnik A. A. Šachmatov, koji je izjavio, da će se carska ruska akademija znanosti rado obazri, jeti na želje našega sastanka, kojih bi izvršenje bilo ovisno od nje.

Iz toga izlazi da mi jugoslavenski slaviste u Austriji nećemo biti osamljeni. Zato je tim više potrebno, da budemo časno zastupani u rečenom spisu i brojem suradnika i predavanja, o čem treba također već prije misliti.

Prof. Dr. M. Murko.

Liebiggasse 10.

Prof. Dr. K. Štrekelj.

Humboldtstr. 29.

Ф. 134, оп. 3, № 1019.

Гектографированное издание.

Перевод

Град, 27 июня 1908.

Милостивые государи!

Многоуважаемый господин!

Осенью 1909 года состоится 50-ый съезд немецких филологов и учителей. Организационный комитет решил, что этот съезд должен иметь впервые и славянскую секцию, и организацию этой секции поручил нижеподписавшимся.

* Слово не разобрано.

Далее было решено, что славянской секции будет преподнесен в подарок специальный, посвященный ей сборник из оттисков статей по всем разделам славистики, которые появятся в известиях средних школ Штирии, Каринтии, Краины, Приморья и Далмации в течение 1908/9 года. Одной из главных причин, почему было принято такое решение, явилось желание обратить внимание на средние школы со словенским или сербско-хорватским языком преподавания, которые по своему значению могут быть участниками литературного отделения этого съезда.

Как готовятся к печати и издаются подобные работы, видно из объявления немецкого комитета, полученного директорами всех средних школ указанных земель. Разница только в том, что славянские статьи не будут печататься в Граце, так как печатание здесь стоило бы очень дорого, а было бы желательно, по опыту подобных изданий, чтобы все словенские статьи печатались по возможности в одной типографии, например, в Любляне, а сербско-хорватские в другом месте, скажем, в Далмации. Если этого нельзя будет достигнуть, тогда следует установить единый формат (например, 8°), единое количество и длину строк и одинаковые шрифты (* для примечаний петит). Для нашего дела было бы достаточно 900 оттисков, поэтому наши оттиски будут дешевле немецких. О подробностях необходимо будет детально договориться с директорами. Авторы должны также договориться о величине статей. Хорошо бы получить также и более короткие статьи, которые нужны в средних школах, хотя школьные известия и допускают большие исследования, как например в школах итальянской Хорватии.

Прежде всего необходимо, чтобы слависты-специалисты тотчас же оказали свое содействие директорам, а также здесь нам, и возможно скорей выбрали себе темы по грамматике, диалектологии, истории литературы или культуры, или по этнографии, причем, в первую очередь им надо обратить свое внимание на южных славян. О подробностях участники смогут договориться с нижеподписавшимися в течение каникул этого года в Граце.

Гг. советники Фр. Губад в Любляне и М. Завадлял в Задре занимаются специально этим сборником, и они нас уполномочили все это изложить.

По призыву организационного комитета нижеподписавшиеся принялись за осуществление своей трудной задачи, так как они убеждены, что и в области славистики необходима связь между наукой и школой и что следует разработать больше научных и педагогических вопросов, по которым можно было бы с успехом обменяться мнениями. При этом наша секция будет первым съездом славянских филологов в Австрии, в котором будут принимать участие и ученые других государств. Свою помощь обещали нам, например, придворный советник проф. д-р Ватрослав Ягич и действительный статский советник А. А. Шахматов, сообщивший, что имп. русская Академия Наук охотно пойдет навстречу тем пожеланиям нашего съезда, исполнение которых от нее зависит.

Отсюда следует, что мы, югославянские слависты в Австрии, не будем одиночками. А потому необходимо, чтобы мы были представлены в ука-

* Слово не разобрано.

занном сборнике значительным количеством участников и преподавателей, о чем следует заблаговременно подумать.¹

Проф. М. Мурко.

Проф. К. Штрекель.

¹ Съезд немецких филологов и учителей состоялся в июле 1909 г.; организация секции славистики не удалась (см. докум. 176).

173

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

29 июня (12 июля) 1908. Шпиталь

Spital am Sommering,
Steiermarke,
12. 7. 1908.

Дорогой Алексей Александрович!

Сердечнейше благодарю Вас за Ваше дорогое письмо и поздравление. Оно вызвало и в моей памяти дорогие, незабвенные воспоминания. Не смею сказать, что те времена были лучшие в моей жизни, потому что стариков охотно упрекают, что они *laudatores temporis acti*. Я не могу жаловаться, действительно, и на последние десятилетия жизни, хотя они не принесли быть может тех плодов, каких я мог бы достигнуть, если бы остался в одном и том же университете. Но что делать! Это была уже такая судьба. Главное и утешительное для меня все-таки то сознание, которое и теперь опять обнаружилось, что мои лучшие друзья находятся в России. Ей я обязан до конца жизни за оказанное мне покровительство в тяжелую годину моей жизни, в России я узнал значение славянства, у вас я проникся духом объективного спокойствия, соответствующего громадности нашего племени. Все невзгоды и неприятности, которые постигают славянскую жизнь здесь на окраинах, в столкновениях с враждебными нашему развитию факторами — я выношу как-то легче и спокойнее, зная, что за здешней узкой полосой раскинулось славянство восточное, подающее надежды, что со временем и там и здесь будет лучше. Хотя я и не увижу этого лучшего, одной веры уже достаточно, чтобы не падать духом.

Рассказывать о моем юбилее не буду, его собственно и не было, благодаря расстройству в моей семейной жизни из-за болезни моей жены. Поднесенный мне прекрасный литературный подарок очень обрадовал меня;¹ я был тронут до слез поднесенными мне адресами Сперанским. Но мой день рождения я провел уже здесь в полнейшем уединении, окруженный семьею. Поздравительных писем пришло так много, что я теперь в большом недоумении, как всех отблагодарить.

Дорогой Олечке я прилагаю здесь маленькую картинку — мой внук снял меня именно 6-го июля здесь перед домом, где мы живем — это ей на память.

Вашей супруге и всем дорогим Вашим мой сердечный поклон и привет.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1759.

¹ И. В. Ягичу был поднесен юбилейный „Zbornik u slavu Vatroslava Jagića“ (Berlin 1903), составленный из статей 88 авторов, в том числе 16 русских.

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

6 (19) августа 1908. Шпиталь

Spital am Sommering,
6/19 августа 1908.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Я видел Симиони два раза в Вене, на пути из Праги через Вену в Париж, и на обратном пути. Не знаю какая была у него цель кроме лечения, но маршрут он составил себе довольно плохой, пришлось делать большие крюки и даже жертвовать некоторыми напрасно заплаченными линиями. Но я все-таки был полезен ему тем, что он, желая попасть в Моравию, — что и совершил — не ехал по ошибке в Сан-Галлен в Швейцарию! К сожалению, я не мог взять его с собой в наше летнее жилище, по нездоровью моей жены. Нынешнее лето у нас Spital не только в смысле топографической номенклатуры, а также на деле — больница. К счастью, теперь жена уже при помощи костылей может двигаться. Но состояние здоровья ее помешало мне съездить в Берлин на конгресс историков. Вместо того я был на 3 дня на Wörthersee в Каринтии у братьев и матери моего зятя. Это и было мое единственное „развлечение“, продолжавшееся, собственно, только один день, когда мы на пароходе катались по озеру. Не только по причине болезни моей жены, но и по другим неприятностям, обнаружившимся при еще нерешенном вопросе о моем наследнике в университете — я предпочел провести 6-ое июля (по нов. ст.) в полнейшем уединении здесь, но 3-го июля была у меня на дому маленькая депутация, состоявшая исключительно из здешних славян и немцев (Кречмер, Гаулер — немцы, Иречек, Вондрак, Решетар, Приятель, Видиц, Сутнар — славяне), к которым присоединился еще Сперанский — они поднесли мне юбилейный сборник и поздравления как от себя, так и от разных обществ. К сожалению, я не был в состоянии пока даже погостить их, все это отложено до осени. В ту минуту я действительно почувствовал, что я чувствами и помышлениями — ваш, вы понимаете меня и я понимаю вас, из этого отношения взаимного доверия я и почерпаю бодрость духа.

Я очень досажую на самого себя из-за моей „Истории славянской филологии“. Несмотря на все желание быть кратким и сжатым, боюсь что всего выйдет около 25 листов!¹ Стыдно редактору давать такой дурной пример другим. Я явлюсь с повинной головой в Отделение, попрошу прощения на этот раз — при втором издании можно будет сделать сокращения, но на первый раз мне жаль было выкидывать. Быть может моя романтическая любовь к славяноведению — при моих семидесяти лет — подействует на того или другого из молодого поколения.

Набор идет довольно аккуратно, но пока еще не догнали меня. Я теперь занят последней частью. Я намерен остановиться на скончавшихся, в виде приложения прибавлю только сухой библиографический перечень всех еще действующих, не вдаваясь ни в какую критику. По этому поводу я намерен обратиться с просьбой ко всем товарищам снабдить меня данными и, таким образом, облегчить мне труд разыскания. Прошу вот по этому случаю и Вас.

Вы спрашиваете, какого я мнения о бывшем „неославянском“ съезде в Праге.² Трудно сказать, что из этого выйдет. Не имею больших

надежд. Но если это первое и не, в то же время, последнее собрание, оно могло бы быть полезным как попытка личного сближения и познания. Хорошо то, что заговорили люди дела о вопросах не филологических и т. п., а о некоторых, по крайней мере, практических вопросах. Впрочем все сводится к вопросу польско-русскому. Если ваше правительство будет продолжать ненужную и безуспешную руссификацию в Польше, тогда как к немцам остзейским все таки относится с некоторым снисхождением — то, конечно, из „неославянского“ движения не выйдет ничего.

Не бойтесь холеры? ведь она в Саратове? О Вашем намерении читать лекции в университете Вы мне ничего прежде не говорили.³ Не знаю, писал ли я Вам уже много лет тому назад, как я жалел, что Вы не ищете сближения с молодежью? Вот теперь это может принести обоюдную пользу.

Надеюсь, что все Ваши здоровы. Мы страдаем от ненастной погоды, впрочем, чувствуем себя очень хорошо. Остаемся здесь еще недели две-три. Куда потом, не могу сказать.

Всем Вашим кланяемся.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1759.

¹ „История славянской филологии“, вышедшая в 1910 г., занимает свыше 60 листов.

² Съезд в Праге летом 1908 г. был устроен так называемыми неославистскими чешскими кругами при поддержке из России со стороны Общества славянской взаимности, открывшегося в Петербурге весной 1908 г. Съезд носил характер демонстрации русско-славянского сближения.

³ А. А. Шахматов был приглашен на кафедру истории русского языка в Петербургский университет и начал чтение лекций в 1908 г.

175

А. И. Белич — А. А. Шахматову

14 (27) сентября 1908. Белград

Белград, 14 сент. 1908.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Два дня назад я вернулся с поездки по чакавским островам и хорватскому Приморью. Я пробыл там около месяца. Сначала я остановился несколько дней на острове Цресе, потом пробыл около 10 дней на Керке (Veglia) и столько же дней в Винодоле, в родине Антона Мажуранича. На этот раз мне удалось только побывать в Истрии, ибо в моем распоряжении был только 1 месяц времени и я при конце этого месяца уже был сильно уставшим.

Вас несомненно интересует материал, который я собрал; поэтому я Вам вкратце кое-что и сообщу. Естественно, что центром тяжести моих наблюдений было ударение, хотя, конечно, я и на другие особенности этих говоров обращал внимание. Самым интересным я считаю следующее. Прежде всего мне пришлось отметить тот факт, что все диалекты прекрасно сохранили и сохраняют в известном положении

долготу за ударяемым слогом. Они настолько хорошо сохраняют ее, что я могу с большой уверенностью сказать, что ее они лучше сохранили и лучше сохраняют, чем обыкновенные штокавские говоры. Что касается ударения, то можно также с несомненной уверенностью сказать, что в основе всех диалектов, которые я ныне исследовал, — три ударения. Но различье по качеству не всегда выдержано вполне последовательно. Хуже всего оно сохранилось на Цресе, лучше на Керке, а самым лучшим образом в Винодоле. Я не только мог проверить данные А. Мажураича, но собрал вполне достоверный материал по всем категориям. Тут мне пришлось отметить массу совершенно новых категорий с долгим восходящим ударением и совершенно новый чакавский циркумфлекс в известных категориях (например, у глаголов типа кора̑п и в других категориях). Кроме того в многих отдельных случаях до сих пор имелось неточное представление о чакавском ударении (вообще, например, в случаях типа *ústa*, *viáta* и под. — несомненно восходящее ударение). Я обратил особенное внимание на исход слов и на ударение различных окончаний. И в этом отношении материал очень любопытен, ибо этот диалект (винодольский) прекрасно сохранил и различия, которые нам позволят говорить о происхождении различных окончаний. Я упомяну только, что в родительном множественного можно отметить несколько типов ударений, которые в известных случаях всегда являются.

Самым интересным является в винодольском говоре то обстоятельство, что и в плавной речи, которая у меня и была объектом наблюдений, различие между акцентами такое резкое и такое ясное, что я никогда не был в сомнении, какой акцент ставить.

Из-за этого я и считаю винодольский говор особенно ценным. Его черты получают полное подтверждение в материале острова Керка, в котором много старины, в особенности по отношению к сохранению старых кратких слогов в конце слова, старых звуков и старых форм.

Так как мне этот материал кажется очень интересным, то я отложу другие работы в сторону и займусь его обработкой. При этом для того, чтобы она не длилась слишком долго, я дам пока только фактическую сторону его. Если бы я пожелал напечатать его в здешней Академии или в Загребе, то пришлось бы ждать очереди по крайней мере 1¹/₂ года. Быть может у Вас есть возможность напечатать его скорее: если это так, я с удовольствием напечатал бы его по-русски, но в таком случае я просил бы Вас об этом известить меня. Кроме того я Вас также прошу известить меня, до какого времени я должен прислать Вам отчет о поездке.¹

С глубоким уважением к Вам
А. Белич.

Belgrad Serbien
Карађорђева ул. 69.

Ф. 134, оп. 3, № 105.

¹ „Заметки по чакавским говорам“ А. Белича напечатаны в „Известиях ОРЯС“ (т. XIV, 1909, кн. 2).

М. М. Мурко — А. А. Шахматову

10 (23) декабря 1908. Градец

Градец, 23/12 (н. ст.) 08.

Многоуважаемый Алексей Александрович.

Съездам славистов не везет. Я был должен сегодня разослать сообщение, что секции славяноведения на Philologentag'e 1909 не будет. Все шло хорошо, для подарка нашей секции готовились 4 статьи на словенском и 4 на сербо-хорватском языке, но обстоятельства вследствие разных событий сложились так, что у словенцев взяли верх радикалы и Društvo slovenskih profesorjev* в конце концов приняло предложение: da slovenskim profesorjem ne kaže, se na kakršnen koli način udeleževati pozdrava „Philologentaga“,** значит нельзя подносить даже подарка на словенском и хорватском языках. Я сам тотчас чувствовал, что будет трудно собрать славян на „Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner“, как называется Deutsche Philologentag, но комитет сделал действительно все, что было нужно для национальной чести славян, и так я с Штреклем решился на устройство секции. Такое сочувствие, как у Вас, я нашел и у Ягича и большого числа южных славян, с которыми было надо прежде всего считаться, но уже такой славист как Поливка, который так много пишет по-немецки, возражал и думал, что с немцами теперь невозможно связываться. Действительно, furor teutonicus везде так свирепствует, что отталкивает славян. С другой стороны, и славянское самосознание, которому надо радоваться, не знает всегда меры. Я говорил потом словенцам, что следует присмотреться так древней и хорошей организации, как Philologentag, и потом устраивать подобные съезды по крайней мере для южных славян, но мои увещания были напрасны и голо у союза словенских профессоров надо подчиниться. Было бы все хорошо, если бы только у славян было больше смысла за совокупную деятельность. Но что делать, если мы, например, из России даже русских книг не можем получать, если не выписываем каждой прямо у издателя по всей России; мне даже немец Риккер каждый раз не посылает даже половины („ist nicht aufzutreiben“). Нельзя уж разстроить по крайней мере книжного дела в России? Если мне так трудно получать книги из России, что тогда бывает с другими славянами?

Несомненно Вам известно, что немецкие националы венского университета прочат в наследники Ягича на все лады немца, разумеется, Бернекера, так как он один налицо. Сначала еще предлагали: I. Berneker, II. Murko, Rešetar, III Vondrák, но это уж странное предложение пошло zurück in die Kommission, а осенью предложили unico loco Berneker-a. К сожалению, много виноват в этом сам Игнатий Викентьевич!

Всего хорошего и в новом году желает Вам

Вам преданный

М. Мурко.

Ф. 134, оп. 3, № 1019.

* Общество словенских учителей.

** не рекомендовать словенским учителям принимать какое-либо участие в подарке съезду филологов.

И. В. Ягич — М. Н. Сперанскому

4 (17) июня 1909. Шпиталь

Spital am Sommering.
4/17 июня 1909.

Дорогой Михаил Несторович!

Быть может и это письмо застанет Вас еще в Москве. Если у Вас такая же погода, дождливая и холодная, как у нас до последних дней — тогда и не желаешь вон из города. Мы собирались вчера на одну альпу (1600 метр.), но когда прошли четверть пути, небо заволокло тучами, и мы предпочли вернуться назад. Но после обеда было хорошо, мы могли гулять. Такая переменчивая погода стоит у нас теперь уже больше месяца. Одно здесь хорошо — воздух превосходный, освежающий и оживляющий, что в особенности для нас, стариков, очень кстати. Я могу действительно целый день заниматься. Кажется, я Вам уже похвалился, что „История“ наконец дописана, но еще не докончена в типографии. Из Ваших сообщений Малинина я должен оставить в стороне — „он же крив што је жив“! — о Сергии же знаю слишком мало, я припел его к *Annis ecclesiasticis* Мартынова.¹ Так и о Бартеневе я упомянул только по случаю, ставив его Русский Архив в параллель к Русской Старине Семейского.

Не знаю, получили ли Вы все листы до сих пор отпечатанные (36 л.). Типография работает ужасно медленно, хотя сверстано уже до 50 л., хотя прочитаны все корректуры до 40 л. включительно — она еще последних 4 л. не отпечатала.

Зная, сколько Вы были заняты в течение последних месяцев, я не смею приставать к Вам с просьбой относительно поправок и дополнений. Это уже сделают другие, когда книга выйдет, даже с бездарным недоброжелательством в роде Петровского, поучавшего меня в одной из последних книжек Журнала Министерства Народного Просвещения о том, что я знал раньше, чем он родился.²

Вы отпраздновали Гоголя.³ К началу августа славят хорваты столетний день рождения Гая. Маленький городок Крапика — место его рождения — готовится отпраздновать 2/15 августа эту годовщину, но неумелость местного комитета высказалась и в том, что никому не дали знать об этом. А между тем для литературного объединения целой западной части южного славянства в одном (чешском) правописании и в одном (штокавском) литературном языке заслуги Гая идут в уровень с заслугами Вука: один распространял народный язык под флагом сербства, другой под флагом иллирства. Название иллирское уступило место исторически и этнически более оправданному, именно хорватскому. Таким образом, мы дошли по крайней мере до дуализма вместо бывшего прежде дробления по областям в хорватов (кайкавских), славонцев, далматинцев, бошняков, сербов и серблянцев и т. д. К сожалению, теперь ненавистники нашего объединения (их же легион) напирают всеми усилиями на то, чтобы дружбу сербов и хорватов разорвать. Борьба ведется из Венгрии подстрекательством сербов-радикалов против сербско-хорватской дружбы в южной Венгрии и в Среме и так называемых франковцев в Хорватии против сербов „самостоятельных“, поддерживающих дружбу с хорватами. Мадьярскому правительству удалось в Вене оклеветать хорватов из-за дружбы с сербами в „нелояльности“, в „антидинастических“ стремле-

ниях — поэтому все они, за исключением франковцев — теперь в опале. Все усилия общественного мнения, все усилия Масарика, печати европейской (в особенности французской) остаются безуспешными. Нехорошие эти предзнаменования печальной судьбы, предстоящей новому „Reichsland-у“ — Боснии и Герцеговине.

К сожалению, у вас всего этого не понимают, да и у нас славяне представляют жалкое зрелище непонимания своих интересов. Как хорошо, что есть чем заниматься и без политики, которую даже Крамарж не умеет вести, как следовало бы, о других *minorum gentium* нечего и говорить.

Вот наша здешняя — злоба дня. У вас есть свои, не одна только, но много их — но зато вы и сильнее.

Всего хорошего

Ваш искреннейший

И. В. Ягич.

Ф. 172, оп 1, № 276.

¹ Идет речь о материалах, включенных Ягичем в его „Историю славянской филологии“ (СПб., 1910, стр. 685).

² Рецензия Н. М. Петровского (ЖМНП, 1909, май) об издании фирмы Тейбнера „Die Kultur der Gegenwart“. В. IX — „Die osteuropäischen Literaturen und die slavischen Sprachen“ (Berlin, 1908) касалась, в числе других, статьи Ягича „Славянские языки“.

³ Столетие со дня рождения Гоголя было отмечено также славянскими кругами Вены (см. статью: Всеславянское чествование Н. В. Гоголя в Вене. „Славянский век“, 1901 — 1902, № 39—40). Юбилейные торжества в Москве также были использованы в целях русско-славянского сближения: были оглашены приветствия чешских и сербских научных обществ, Пражского университета и пр. В торжественном заседании Общества славянской культуры 29 апреля 1909 г. выступали Ю. Полявка, Р. Копутич (см. сборник: Гоголевские дни в Москве, М., 1910).

178

Р. И. Кошутич — А. А. Шахматову

18 июня (1 июля) 1909. Белград

Многоуважаемый Алексей Александрович.

Приношу повинную голову. С тех пор, как я простился с Натальей Александровной и должен был прийти проститься с Вами, прошло более двух месяцев. В течение последних шести недель не было дня, чтобы я в мыслях не писал Вам и не извинялся за свой поступок. Я чувствовал и чувствую, что я сделал что-то непростительно нехорошее, что не пришел перед Вашим отъездом обнять Вас и поблагодарить за то горячее участие, которое Вы все время оказывали моей родине,¹ и за тот родственный прием, который я встречал в Вашем доме. Я медлил писать Вам, потому что у меня не было того душевного настроения, которое дают отдых и досуг; мне хотелось написать Вам не письмо, а стихотворение в прозе, чтобы взглянуть свою вину; но события шли своим чередом, и я все больше и больше уставал, и мысль моя все более затуманивалась, пока, наконец, не настало время полной апатии вследствие усталости и переутомления. И вместо горячего письма, способного тронуть Ваше сердце, вот Вам простое, самое обыкновенное письмо, которое будет говорить только Вашему уму.

В то время, когда Вы уезжали из Петербурга, славянские совещания были в полном разгаре.² Болгаре прислали двух делегатов, которые все отлично говорят по-русски; из приехавших сербов никто ничего не понимал. Вся работа легла на меня. Кроме того вести борьбу с Крамаржем дело нелегкое; я должен был присутствовать на всех совещаниях, держать речи и писать обширную декларацию от имени сербских делегатов. Я чувствовал, что эту последнюю борьбу надо выиграть во что бы то ни стало; я отдался делу и забыл про все. Были дни, когда я входил в Клуб общественных деятелей в 10 ч. дня и уходил из него в 2 ч. ночи. И когда все кончилось, и сербские делегаты вышли с честью из всего этого, а я очнулся из патриотического тумана — я первым делом поспешил на Васильевский остров — но, увы! Вас уже не было. Мне стало бесконечно грустно. В первое время что я мог Вам написать? „Простите и прощайте“. Этого было мало. Я ждал, а время уходило. Поехал я домой. После утомительной дороги надо было взяться за рефераты. Много времени ушло на это, а когда все эти объяснения кончились, стали приезжать русские. Вся работа ложится опять на меня. Сначала прибыла гимназия Штемберга (20 человек мальчиков и девочек). Три дня я был их проводником и проторил им дорогу даже во дворец; король отечески принял и обласкал маленьких экскурсантов; угостил их чаем и конфетами и подарил каждому сербскую книжку в красивом переплете. Только что уехали маленькие, приехали большие — Погодин с 17 студентами и курсистками. Три дня осматривали они Белград и 8 дней на военных автомобилях ездили по западной и южной Сербии. Я им устроил всю поездку, был все время с ними, провожал их до болгарской границы и несколько дней назад вернулся домой уже окончательно разбитый. Теперь мне ничего не хочется; в голове какой-то туман, свинец — только бы лежать и ни о чем не думать. Но одна мысль все-таки не дает мне спокойствия — я боюсь, что Вы сердитесь на меня. Ради бога, простите! Три маленькие, дорогие головки красуются на моем столе и смотрят на меня так ласково, и я уверен, что хотя бы из-за них дядя Радован будет прощен.

Поклон всем собравшимся в Губаревке. Наталье Александровне целую обе ручки, кланяюсь детям, а Вас, многоуважаемый, милый и дорогой Алексей Александрович, обнимаю от души и еще раз повторяю: простите!

Р. Кошутич.

Белград,
18/VI 1909 г.

В Вашем письме, которое Вы писали мне зимою и которое я мог прочесть только теперь, когда вернулся домой, есть чудные места. В них обрисовывается Ваша душа со стороны, с которой наверно никто ее не знал.

Ф. 134, оп. 3, № 739.

¹ А. А. Шахматов был деятельным участником попытки группы либеральных и славянофильствующих профессоров протестовать против аннексии Боснии и Герцеговины Австрией; эта группа выпустила в начале марта 1909 г. печатную листовку „Сербскому народу“ и собирала под ней подписи сочувствующих в Петербурге и в Москве (листок в ф.-134, оп. 1, № 441).

² Идет речь о совещании, созванном Обществом славянской взаимности в мае 1909 г. для обсуждения вопросов, поставленных на Пражском съезде, при участии делегатов Исполнительного комитета Пражского съезда. Славянские гости были затем торжественно приняты в Москве 17 мая Обществом славянской культуры (см. Известия Общества славянской культуры, т. I, 1912).

А. И. Белич — А. А. Шахматову

3 (16) июля 1909. Белград

Белград, 3 июля 1909.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Благодарю Вас за любезное письмо из деревни; но, к сожалению, я до сих пор моей рукописи и остального не получил, так что моя поездка на Приморье сильно задержалась. Я боюсь, не случилось ли в Петербурге какое-нибудь недоразумение, и прошу Вас попросить кого-нибудь в Петербурге, чтобы узнал, из-за чего происходит совершенно ненужная и для самого дела вредная задержка, ибо я теперь совершенно свободен, а неизвестно, буду ли я таков потом. Я писал, что не нужно и даже лучше, если статья еще не набрана, и поэтому не могу понять, отчего мне и ассигнованную сумму не пересылают.¹ Я Вас, признаюсь, сильно затрудняю своим расспросами, но я этого делать не буду, если Вы мне укажете лицо, которому мне по этому делу в Петербурге обратиться можно; а до тех пор прошу Вас извинить меня.

Кроме того у меня разговор с Вами. В течение моего пребывания в Петербурге я был столько занят, что мне, за исключением аннексии и национальной политики, решительно невозможно было о других делах и думать. Но теперь можно снова вернуться к своим делам. В нередких разговорах с теперешним министром народного просвещения Стояновичем мы обсуждали вопрос о славянских съездах и жалели о том, что так неудачно кончились первые попытки созвать съезд славистов. Причину неудачи мы видим в том, что этот съезд затеяли на слишком широком основании, так что, в настоящее время, в таких размерах нельзя было дело довести до конца. По нашему мнению, из-за этого не следует еще совершенно оставить идею о совместной работе теперешних славистов и о том, как бы решить тот или другой вопрос, касающийся славяноведения во всех славянских землях. В таких собраниях или совещаниях не следует читать исследования или сочинения, которые можно напечатать где угодно, а решать практические вопросы, касающиеся всех нас. Ведь нельзя же сказать, что в теперешней славистике много взаимного понимания и общей, совместной работы. Много в ней даром пропадает, хотя бы и могло дать и хорошие результаты, а хуже всего действует, в особенности, на новые, молодые поколения то, что нет настоящей оценки того, что печатается и пишется, что наша наука как бы без своего главного течения. Если теперь соединить снова разбросанные, разъединенные силы, быть может, можно было бы и привлечь к делу, в особенности в России, более работников и то, что теперь делается, дать, по крайней мере, на одном или несколько мест. Мне кажется, что Россия должна взять в этом деле больше всего участия и что почин должен также в ней явиться.

По нашему мнению или Ваша Академия, или какое-нибудь новое общество из ваших славистов могли бы ежегодно приглашать в определенное время славистов изо всех славянских земель для совещаний по общим, практическим вопросам славяноведения. Одним из этих вопросов был бы и вопрос, например, о научных журналах по различным отраслям славяноведения, в которых бы печаталось все, что касается, например, языка или старой письменности славянской и под. Почему у нас славян

не может быть журнала только по славянскому языкознанию, в котором проводились бы и известные принципиальные взгляды на развитие языка и который мог бы, благодаря выдержанности известного научного направления, послужить как школа для нового поколения? Мы, например, все еще не согласны в транскрипции одних славянских звуков на звуки другого славянского языка. Разве это не могло бы быть предметом одного из таких съездов? Отчего бы нам не иметь одну совместную библиографию всего, что выходит по, например, языкознанию во всех славянских землях? Неужели кто из славистов не согласился бы на одном из таких собраний посылать в определенное время отчеты о том, что вышло за несколько месяцев по его специальности в его земле? Разве таких вопросов мало? Вы, быть может, скажете — списаться можно. Но это дело другого рода: тогда приходится одному все делать и такие предприятия у нас славян не продерживаются долго.

И вот мне хотелось бы узнать Ваше мнение о всем этом. Если Вы в принципе согласны со мною, то можно было бы осенью пригласить участников на съезд зимою или весной следующего года. Во всяком случае было бы лучше всего, если бы это, по крайней мере сначала, было в России.

Я Вас прошу ответить мне это как можно скорее, ибо меня очень интересует то, что Вы скажете и как Вы ко всему этому отнесетесь.

Поклон Вашей госпоже.

К Вам с глубоким уважением преданный Вам

А. Белич.

Сердечный поклон от Вашего Люб. Стояновича.*

Ф. 134, оп. 3, № 105.

¹ 21 марта 1909 г. на заседании II Отделения Академии Наук, по докладу академиков Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова о работе члена Сербской Академии наук А. И. Белича, приславшего „замечательное исследование о чакавском ударении местечка Ново (в Далмации)“, положено выдать ему субсидию в 200 р. для новой поездки на Далматское побережье.

180

Р. И. Кошугич — А. А. Шахматозу

17 (30) августа 1909. Белград

Многоуважаемый Алексей Александрович.

Я вполне согласен с Вами, что открыть двери русских университетов для сербской молодежи было бы и для нас и для России очень полезно. Две России, которые мы до сих пор знали, делали в Сербии русское и славянское дело очень несоразмерно. Общественная Россия волновалась в годину наших бедствий, присылала нам на помощь людей и денег, а когда опасность миновала, она забывала про нас, занята своим делом. Официальная Россия, которая в сущности всегда нами торговала, но для которой очень важно было, чтобы все-таки мы могли драться

* Приписка рукою Стояновича.

на ее стороне, давала нам оружие, и на этом все кончалось. Наша молодежь, будущие руководители страны, воспитывались во Франции, Германии и Австрии, и только отброски попадали в Россию, нанося ущерб нашему имени и национальному достоинству. Надо во что бы то ни стало постараться, чтобы лучшая часть нашей молодежи попадала в Россию, приходила в соприкосновение с передовой частью русского общества, поняла эту новую, возродившуюся силу, полюбила ее за ее честные, светлые идеалы и, вернувшись домой, подняла веру в Россию и в наше общее будущее.

Кроме этого нужно вот что еще устроить. В Белграде надо основать большую русскую библиотеку, как центр образования для сербской молодежи. Восемь лет изучают они в гимназиях французский и немецкий языки и не усваивают их настолько, чтобы могли на литературах, которые писаны на этих языках, усовершенствовать свое знание и образование. Русский же язык в течение одного или двух лет она превосходно изучает, а так как у вас оригинальная литература занимает одно из самых видных мест среди европейских литератур, а переводная имеется почти вся налицо, то иметь в Белграде большое русское книгохранилище это значит иметь возможность довести до конца свое образование. Я мечтаю о большом русском доме в столице Сербии, где бы кроме библиотеки помещался и читальный зал для газет и журналов, и музей, в котором бы находились копии картин знаменитых русских художников и т. п. Вот предмет, на который Россия не должна жалеть денег; вот самый верный способ, как надо делать русское и славянское дело в Сербии.

Есть еще несколько вопросов, которые мне бы хотелось поднять, но я их оставляю до ноября, когда по всей вероятности опять буду в Петербурге. Тогда, если позволите, обширно поговорим обо всем.

Целую ручку Натальи Александровне и поздравляю с днем ангела. Поклон и привет Ольге Николаевне, Ольге Александровне, Вам и деточкам

от искренне преданного Вам
Р. Кошутича.

Белград
17/VII 1909 г.

Ф. 134, оп. 3, № 739.

181

А. И. Белич — А. А. Шахматову

19 августа (1 сентября) 1909. Белград

19 авг. 1909 г.
Белград.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Перед Вашим ответом на мое письмо о съездах, я получил из Петербурга корректуры и тотчас же, не дожидаясь, конечно, денег, уехал в Новый. Но, к сожалению, по домашним обстоятельствам, которые можно было предвидеть, я должен был вернуться в Белград, спустя 12 дней. Мне удалось все-таки проверить свой материал в статье

и восполнить его значительным образом. Корректурa, с моими исправлениями, вышла, конечно, нелепая, но я иного делать не мог; кроме того из-за этого вышла большая задержка (я продержал корректуру около 25-ти дней), и я прошу Вас извинить меня, если из-за этого произошел какой-нибудь беспорядок в самой типографии. Я просил управляющего прислать мне еще одну корректуру и обещался впредь не продержатъ ее у себя больше одного дня.

Когда я вернулся из Винодола, я застал Ваше письмо и спустя несколько дней я получил и деньги, а немногим позже и письмо вашего казначея с Вашей припиской. Конечно, я денег, посланных 14 апреля, не получил и, по Вашему желанию, прилагаю при сем об этом и официальное заявление.

Относительно продолжения моей поездки — дело обстоит следующим образом. Я буду свободен только во второй половине сентября и только тогда я мог бы снова предпринять свою поездку, конечно, если это погода позволит. Поэтому я Вас прошу известить меня, в случае невозможности теперь предпринять экскурзию, вернуть ли Вам деньги обратно, или оставить их у себя и поехать туда, когда мне элементарные условия это позволят. Я жалею, что это так случилось, и поэтому торопил типографию; если бы я денег даже не получил, а получил бы обратно свою рукопись, как я хотел, в июне или даже начале июля, поездка бы моя осуществилась.

Нам очень приятно, что Вы сочувственно отнеслись к идее о съезде. Дело это нам представляется следующим образом. Вашей Академии незачем нести расходы гостеприимства: участники съезда должны взять на себя свои расходы. Самое большее, что бы можно было для них сделать — это выхлопотать льготы по железным дорогам, да и это не необходимо.

Главный вопрос заключается в том, кому созвать первый съезд. Ассоциация академий и других ученых обществ несомненно очень хорошая вещь, но помимо неблагоприятных для этого политических обстоятельств для славян в Австрии, вполне справедливо опасение, что, если этот вопрос ставится на обсуждение славянским учреждениям такого рода, которых немало, дело затянется долго, а этого нам именно не хотелось бы.

Ваше предположение, чтобы мы с Стояновичем вошли с запиской в ваше Отделение, кажется мне неудобным, на том основании что, если дело касается только вопроса о созыве съезда, мы могли бы войти с таким предложением в нашу Академию, а она, вероятно, на это согласилась бы. Но вы правы, этого официального характера следует избегать; а впрочем у Академии нашей и нет достаточно авторитета, чтобы ей начать это дело.

Поэтому нам и кажется самым лучшим, чтобы этот съезд создало частное общество славистов или просто группа славистов. Так как таких людей в Петербурге больше, чем где бы то ни было в других славянских землях, и так как они пользуются достаточной репутацией для того, чтобы это считалось с их стороны совершенно естественным и уместным, нам и кажется самым удобным, если бы, на первый раз, представители славяноведения именно в Петербурге созвали этот съезд и выработали программу его деятельности. Академии могли бы послать только своих депутатов, которые потом старались бы провести в своих академиях то, что бы было постановлено на съезде относительно них.

Ваше мнение обо всем этом меня очень интересует. Поэтому я с нетерпением буду ждать Вашего ответа.

Поклон Вашей супруге.

К Вам с глубоким уважением
А. Белич.

Ф. 134, оп. 3, № 105.

182

Я. Розвадовский — А. А. Шахматову

8 (21) ноября 1909. Краков

Karmelicka 57, Kraków 21/XI. 09.

Szanowny Paniel

Рównocześnie wysyłam przekazem honorarjum за рецензję в Roczniku Sławistycznym II, а мianowicie за 39 stron 9 wierszy, licząc 40 koron за аркуш, = 98 koron 13 halery = 38,55 rubli. Zalatwiając to proszę o stałą życzliwość: i poparcie dla Rocznika Sławistycznego, którego II tom właśnie wyszedł: jeden egzemplarz wysyłam, wraz z pańskimi odbitkami.

Czy możemy liczyć на то, że Pan zechce coś napisać о Roczn'ku Sławistycznym, odrazу może о obu томach. Przecież to ciekawe i charakterystyczne, że np. Jagić в Afslph. ani słówkiem nie wspomniаł о Roczniku Sławistycznym, а dostał egzemplarz рецензyjny. А в РФВ wspomniано, аle odrazу нам przepowiedzieli rychły koniec.

Tym więcej się cieszę, że Pan wziął odrazу udział в Roczniku Sławistycznym II: chciałbym nadal móc liczyć на pańskie współpracownictwo.

Zwracałem się też niedawno do Fortunatowa з propozycją napisania do Rocznika Sławistycznego III jakiejś rozprawy zasadniczo — programowej, ważniejszej, article de fond, бо chcemy od III тому począwszy dawać zawsze на czele taką rozprawę.

Serdeczne pozdrowienia
szczerze oddany
J. Rozwadowski.

Ф. 134, оп. 3, № 1301.

Перевод

Кармелицкая 57, Краков, 21/XI.09.

Милостивый государь!

Одновременно перевожу Вам гонорар за рецензию в Rocznik sławistyczny т. II,¹ а именно за 39 страниц 9 строк, из расчета 40 крон за лист, т. е. 90 крон 13 таллеров, т. е. 38 р. 55 коп. Выполняя это, прошу и в дальнейшем быть благосклонным и оказывать поддержку RS, том II которого только что вышел, и один экземпляр которого мы высылаем вместе с Вашими отписками.

Можно ли рассчитывать на то, что Вы что-нибудь напишете о RS, может быть сразу об обоих томах? Любопытно и характерно, что, например, Ягич в Archiv f. slav. Phil. ни слова не упомянул о RS, хотя получил для отзыва экземпляра. В Русском Филологическом Вестнике упомянули, но тут же сразу предсказали нам скорый конец.²

Тем более радует меня, что Вы сразу приняли участие в RS II, я хотел бы и в дальнейшем иметь возможность рассчитывать на Ваше сотрудничество.³

Недавно я обратился и к Фортунатову, с предложением написать для RS III какую-нибудь принципиально-программную, основную статью, article de fond, так как, начиная с III тома, мы собираемся всегда давать на первом месте такую статью.

Сердечный привет.

Искренне преданный

Я. Розвадовский.

¹ „Rocznik Slawistyczny“ выходил в Кракове с 1908 по 1931 г. В т. II (1909) помещена рецензия Шахматова: А. Е. Крымский. Украинская грамматика, ч. I, вып. 1. М., 1907; вып. 2 и 6. М., 1908; ч. II, вып. 1. М., 1907.

² Рецензия Соболевского (т. LXI, 1909)

³ Статей Фортунатова в „Roczniku Slawistycznym“ нет.

183

Л. В. Стоянович — А. А. Шахматову

18 февраля (3 марта) 1910. Белград

Белград, 18 февр. 1910.

Дорогой Алексей Александрович.

Нам кажется, несмотря на то, что мы разговаривали с Петром Алексеевичем* подробно о съездах, и несмотря на нашу переписку с Вами, что или мы друг друга не понимаем, или что вы в Петербурге не чувствуете той необходимости для их созыва, как мы. Поэтому мы считаем уместным еще раз изложить ясно и кратко нашу точку зрения.

Начнем с отрицательной стороны.

1. Мы не хотим созывать „славянский съезд“, а съезд славистов. Поэтому мы удивляемся, как вообще можно было сюда приплести „Славянское благотворительное общество“ и „Общество деятелей славянской взаимности“. Если кому-нибудь из славистов понадобится говорить о политике и о славянстве, он найдет способ и место, как это делать, но на съезде славистов об этом говорить не следует.

2. Мы не думаем, что на этом съезде следует читать исследования и статьи. Ибо в таких случаях неподготовленные участники только слушают и благодарят, а прока от этого нет никакого. Подобные вещи каждый из участников может напечатать и без съезда, а остальные будут читать это у себя дома на досуге и, если понадобится, опровергать или одобрять в рецензиях.

3. Мы не желаем, чтобы ваша Академия понесла материальные убытки для созыва съезда. Напротив, каждый участник должен сам нести все свои расходы, необходимые для пребывания в Петербурге и дороги. Каждый из них должен это сделать: „о своем руху и круху“, как сербы говорят.

4. Мы не желаем никаких парадов, банкетов, тостов, речей; этот съезд не должен быть „Gelehrtenfütterung“, как когда-то сказал Иречек.

* Лавровым.

5. Наконец, мы не думаем, что на такой съезд нужно пригласить 200 человек! но число гораздо более скромное.

Теперь отсюда нетрудно заключить, чего мы желаем.

1. Чтобы на таких съездах были прения по вопросам, касающимся всего славяноведения и нуждающимся в всестороннем обсуждении, например:

а) одна научная азбука для транскрипции звуков всех славянских языков;

б) составление библиографических сборников всей старинной славянской письменности как печатанной, так и по рукописям, и у русских, болгар и сербов заключающейся в многочисленных библиотеках;

в) способ для издания древних памятников, который должен быть у всех славян один и тот же;

г) вопрос об общей библиографии;

д) принципиальные вопросы по изучению славянских языков и обработке различных частей их грамматики.

2. В теперешнем славяноведении много неотложных работ. Например, составление церковно-славянского словаря. Если бы это дело разделить на несколько участников съезда, которые бы могли взять на себя обязанность к определенному сроку кончить свою часть, то это можно было бы окончить очень скоро и дело бы было сделано хорошо. Или, например, издание большой сводной палеографии по рукописям славянским всех славянских народов. Потом издание текстов древних памятников. Такие издания образовали бы специальную библиотеку по славяноведению, и издержки по изданию ее были распределены на несколько академий и ученых обществ, имеющих в своем распоряжении материальные средства для подобных целей.

3. Соответственно этому следовало бы пригласить на съезд ограниченное число людей, и то таких, которые бы могли как представители университетов и академий взять на себя обязанности и по обработке известных вопросов, и по изданию исследований или сборников.

Мы думаем, что для таких съездов было бы достаточно работы каждый второй или третий год и что их деятельность была бы скоро очень заметна в области нашей науки.

Вы, петербуржцы, предопределены сделать почин в этом направлении и держать дело в своих руках. Если результаты первого съезда и не удовлетворят нашим ожиданиям, то нам предприятие не следует бросить, а через два года возобновить. Если и тогда дело не удастся, это значит, что идея еще не созрела, что нет еще почвы для такой деятельности. Тогда можно было бы сделать перерыв на 3—4 года, потом снова возобновить ее, ибо, по-нашему, идея здравая и должна восторжествовать.

Для успеха идей о съездах очень много значит само начало. В программе первого съезда должно заключаться только то, что выполнимо и что представляет настоятельную нужду. Если первый съезд удастся, тогда этим вполне загарантирован и успех второго, который должен быть также в России. Третьи, четвертые и т. д. могут быть и в других странах. Но пока идея о необходимости съездов не окрепнет, пока съезды не войдут в ход, они должны быть одерживаемы в России. Это главная причина, почему мы не считаем полезным и уместным созывать съезды в Сербии: у нас нет нужного авторитета и достаточ-

ного числа людей, которые бы могли дать первому съезду тот характер, который он должен иметь. А если дело в самом начале потерпит неудачу, потом было бы очень трудно снова оживить его!

Это, как Вы видите, не записка, которой Вы от нас ожидали, а целое послание. Если Вы с нами согласны, а также и остальные члены Отделения, то больше никакой записки и не надо, а прямо взяться за дело!

Но если Вы хоть немножко сомневаетесь в хорошем исходе дела или в возможности его осуществления у вас, то бросьте все до поры до времени. В это дело следует войти с убеждением о его целесообразности и полезности; тогда оно получит свой настоящий характер. Но если и у Вас и у других Ваших товарищей нет теперь охоты и возможности организовать его, несмотря на его полезность, мы и это поймем и не будем больше ни на чем настаивать. Ибо мы предпочитаем, чтобы и не было съезда, чем чтобы он был организован, как бы сказать, под давлением со стороны, из вежливости. В таком случае съезд бы был чем-то официально-холодным, не имеющим настоящего интереса к делу.

Весь Ваш
Люб. Стоянович.

Ф. 134, оп. 3, № 1479.

184

А. И. Белич — А. А. Шахматову

1910. Белград

[...]* Мы должны теперь упомянуть еще только об одном: как мы представляем себе личный состав съезда. Конечно, он находится в непосредственной зависимости от приведенной программы: ею определяются как члены съезда те лица, которые научно работают в области славяноведения по указанным вопросам или в связи с этими вопросами.

Например, в России: г.г. Фортунатов, Ламанский, Бодуэн, Шахматов, Соболевский, Булич, Корш, Лавров, Кулаковский, Грот, Истрин, Никольский, Абрамович, Пташицкий, Липовский, Ястребов, Погодин, Каринский, Л. Васильев, Евсеев, Яцимирский, — Брандт, Щепкин, Поржезинский, Сперанский, Кузминский, Ушаков, Соколов, Северьянов. — Грунский. — Карский, Погорелов, Францев, Ильинский. — Флоринский, Лукьяненко. — Кульбакин, Дурново. — Будде, Богородицкий, Александров, Петровский. — Ляпунов, Попруженко. — Миккола. — Заболотский.

Например, за границей: Калужняцкий, Козак, Смаль-Стоцкый. — Колеса, Крыньский. — Лось, Нич, Розвадовский, Улашин. — Бернекер, Абихт. — Поливка, Зубатый, Пастрнек, Сметанка, Гуер (Hujer), Вайс, Diels. — Ягич, Иречек, Решетар, Вондрак. — Ажбот, Молих. — Мурко, Штрекель, Маретич, Шурмин, Поранич. — Брюквер, Бэмс. — Лескин, Рост, Лоренц. — Meillet, Boyer. — Люндель, Брок, Т. Torbjörnsson. — Богдан, Барбулеску. — Шишманов, Милетич, Цонев, Младенов, Романский. — Новакович, Стоянович, Белич.

Здесь, конечно, много пробелов; например, не указывается на корпорации, которые должны быть приглашены и т. п. Но это не трудно восполнить: ведь и этими указаниями, как и раньше программой, мы

* Начало письма утрачено.

хотели дать только некоторое освещение нашей основной идеи: каков должен быть, соответственно нашему представлению, этот съезд, и кто должен в нем принять участие. Ваш же организационный комитет рассудит, были ли мы правыми, и поступит, конечно, как ему заблагорассудится.

Нам очень приятно, что во время обсуждения этих вопросов находились в Белграде М. Н. Сперанский и Ю. И. Поливка. Они участвовали также в наших беседах о съезде и помогли нам и своими советами и указаниями. Идея съезда и его программы, как она тут изложена, встретила у них полное сочувствие.

Нижайший поклон М-те.

К Вам с глубоким уважением

преданный Вам

А. Белич.

Ф. 134, оп. 3, № 105.

185

Р. И. Кошутич — А. А. Шахматову

1 (14) октября 1910. Белград

Многоуважаемый Алексей Александрович.

Очень обрадовался, когда вчера получил Ваше письмо. Шесть недель провел я летом в России, но Вы были далеко на юге, так что на этот раз, к сожалению, мне не удалось повидаться с Вами, пожать Вам руку и еще раз поблагодарить Вас за то теплое участие, которое Вы приняли в моем труде. Когда на досуге прочтете предисловие и рассмотрите весь этот труд,¹ Вы убедитесь, что Ваша помощь не пропала даром, что в славянскую науку вошло сочинение совершенно новое: получились первые современные славянские тексты в научной обработке. В русскую лексикографию и в комментарии я внес массу нового; ударение в предложении здесь в первый раз разработано и выставлены его законы; отношение книжного языка к разговорной живой речи образованных русских людей здесь впервые затронуто и проведено; в методическом отношении здесь первый раз указан путь, как надо обрабатывать новые славянские тексты, и этот метод проведен до подробностей и до тонкостей, о которых никому из славянских ученых и во сне не снилось. Но беда в том, что это все современность. Если бы я восемь лет работы посвятил старым текстам и выпустил три тома в подобной обработке, все бы нашло, что это вклад в науку, потому что за такими трудами привыкли признавать научное значение, а так как я занялся новыми текстами, языком Пушкина, Лермонтова и других великих русских писателей, для обработки которых понадобилось знания десять раз больше, чем для старых текстов, но за которыми (вследствие того, что их до сих пор совсем не было) не упрочилось научного значения, то я буду и дальше сидеть на доцентуре и не подвинусь вперед. [...] И мне придется ждать, пока кто-нибудь из ученых не рассмотрит основательно этот мой труд и не скажет своего веского слова о его значении. Эта санкция со стороны людей науки или какого-нибудь ученого общества непременно нужна моей работе, как нужна всему новому в науке, а я смело

утверждаю, что то, что я сделал, является чем-то совершенно новым, из ряда вон выходящим.

Берусь за русскую грамматику.² Петр Алексеевич Лавров обещался прислать мне Ваши университетские лекции. Надеюсь, что летом будущего года принесу первую часть в Губаревку.

Зимой я вряд ли приеду в Россию, хотя бы не мешало туда приехать, чтобы набраться нравственной силы и стойкости для новой работы. В здешней пустыне ужасно трудно работать.

Кланяюсь Вам от души, многоуважаемый Алексей Александрович; целую ручку Наталье Александровне; привет моим маленьким друзьям

Искренне уважающий и любящий Вас
Р. Кошутич.

Белград
1/X 1910.

Хотелось бы мне прислать один экземпляр для в. князя. Для дела, о котором мы с Вами говорили, может быть это бы было хорошо. Но как это сделать. Нельзя ли через Вас?

Ф. 131, оп. 3, № 739.

¹ Радован Кошутич. Примери књижевног језика руског (Русская хрестоматия). I. Текстови. II. Напомене. III. Речник. Београд, 1910.

² Составленная Кошутичем первая часть его грамматики „Грамматика руског језика I. Гласови. А. Општи део (књижевни изговор)“, приготовленная к изданию, пропала во время мировой войны; она была издана вновь, как „друго издање“ Академией Наук (П., 1919); часть вторая „Грамматика“ — „Облици“ вышла своевременно в Белграде в 1914 г.

186

Л. Стоянович — А. И. Соболевскому

24 ноября (7 декабря) 1910. Белград

Белград 24 ноября 1910.

Многоуважаемый коллега!

В тот же самый день, когда я получил Ваше письмо, случилось и заседание полной Академии, и когда я после заседания сообщил им содержание его, все без исключения очень радо согласились и просили меня уведомить Вас об этом. И так Академия только ждет приглашения от вашей Академии.

Я лично в восторге! Давно бы вам русским начать было это дело. Однако, „за добро дело никад није доцкан“.

Я не сомневаюсь, что Южнославянская Академия примкнет к союзу не только потому, что она не получает никакой субсидии от правительства, а потому, что теперь другая атмосфера в Загребе. Тоже самое надеюсь и от чехов. Нечего говорить, что очень желательно было бы видеть в союзе и поляков, и нет сомнения, что ваша Академия сделает все, чтобы и они дали свое согласие.

Мы постараемся выхлопотать у правительства или у скупщины хоть и небольшую сумму ежегодного взноса. Вам может быть неизвестно, что ваш Археологический Институт в Константинополе уже в союзе с Белградом и Софией и что наше и болгарское правительство [дают] по пяти и Институт десять тысяч франков в год для совместных рас-

копок на Балканах. И если бы мы в этом успели, несомненно успеем и для Академии.

На счет программы мы с Ал. Беличем уже переписывались с Шахматовым по поводу съезда славистов, теперь же это надо переработать на более широком основании и установить несколько секций. Лучше всего было бы поговорить об этом лично на основании одной программы, которую бы выработала ваша Академия и прислала другим.

Мне кажется, что недурно было бы если бы в союз вошли и естественники, географы, математики и пр., хотя их дело более интернациональное, но все-таки не мешало бы им сблизиться и войти в сношения.

Убедительно прошу не откладывать это дело, а поскорее прислать приглашения.

Относительно моего русского языка, пожалуйста, не взыщите.

Всегда к Вашим услугам
Любомир Стоянович.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

187

А. И. Белич — А. А. Шахматову

30 ноября (13 декабря) 1910. Белград

30/XI 1910, Белград.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

На днях получил г. Стоянович письмо от А. И. Соболевского, в котором говорится о союзе славянских академий и ученых обществ. Содержание этого письма г. Стоянович сообщил в совещании, в котором приняли участие около 12-ти академиков. Они все в том согласны, что это очень полезное предприятие и что и Сербская Академия должна войти в союз. Теперь Академия ждет от Вас (т. е. от Академии Наук), как об этом писал А. И., приглашение на совещание в Петербург, куда она пошлет своего уполномоченного депутата.

Когда г. Стоянович передавал содержание письма А. И., мне все казалось, что это его предложение результат совещаний для организации съезда. Быть может, я и ошибаюсь, но мне и тогда казалось и теперь кажется, что после нескольких неудачных попыток организовать съезд русские слависты охладели к идее съезда вообще и думают, что союз академий будет работоспособнее. Мы, конечно, ничего против этого не имеем и примем с большой готовностью и с большою охотой все, что относится к общему делу, к совместной работе в области славяноведения. Ведь мы этого только и добиваемся! Но мне хотелось бы знать, как Вы смотрите на это дело и в каком отношении оно находится к идее съезда. Тот факт, что не Вы, а Алексей Иванович писал г. Стояновичу, показывает нам, что Вы не так близко стоите к указанной перемене идеи съезда в идею о союзе академий. Ведь эти две вещи не исключают друг друга. Или быть может Вы вообще не согласны с указанным изменением первоначального плана. Вы нас очень обяжете, если нам, хотя бы только в нескольких словах, объясните все это. Нам это необходимо для дальнейшего образа действия.

Я надеюсь приехать к Вам в Петербург, конечно, совершенно независимо от того, состоятся ли совещания, о которых я упоминал, или

не състоятся, к половине январа будущего года, и тогда переговорим обо всем.

Прошу Вас извинить меня за беспорядочное письмо, так как не чувствуя вполне хорошо,

М-те низайший поклон,

к Вам с глубоким уважением

А. Белич.

Ф. 134, оп. 3, № 105.

188

А. Милетич — А. Соболевскому

2 (15) декабря 1910. София

София, 2/XII 1910. Ул. Шипка 27.

Многоуважаеми колега!

У всички наши слависти и други учени има също таково желание да се сбъдне проектираният съюз на славянските академии и учени дружества, както и у вас там. Това общо желание наметнати изрази миналото лето на славянския конгрес в София, в една специално за това взета резолюция.¹ Много се радваме, че вие в Петербург, както се и полага, вече вземате инициатива да се осъществява тая добра идея. Ние сме готови съ слабите си сили да вземем участие въ туй дело и ще направим всичко нужно, да бъдем представени добре и с съответна вноска в вид на ежегодна помощ. Още немаме понятие, какъви суми ще се изискват за съюза на академиите, но мога да Ви уверя положително, че ще вземем участие пропорционално. Щом бъдем по — добре осветлени по този вопрос, ще можем да се произнесем и за сумата. Сега ние правим последни приготовления за да се преименува нашето „Българско Книжовно Дружество“ в „Българска академия на науките и изкуството“. Това провъзгласяване ще стане в началото на 1911 година. Именно затова е найуместно, уважаеми Колега, да се отнесете формално до „Българското Книжовно Дружество“ в лицето на председателя г. Иван Евстратиев Гешев. Когато се получи писмото в Дружеството, ще се реши въпросът и за сумата, — било че ще се дава направо от самото Дружество respective Българската Академия, било от правителството чрезъ посредство на нашата Академия. Добре би било, в случай че стане некое общо съвещание в Петербург по този вопрос, да предложите на Българското Книжовно Дружество да изпрати свой делегат. На таково едно съвещание биха могли да се установят подробностите относително деятелността на бъдещия академичен съюз — общите издания, които би предприел съюзът, общославянските научни инициативи, които той би давал, общослав. научни институти, които по негова инициатива биха се образували, научни пътувания и общослав. научни срещи (конгреси) и пр.

Това е, което за сега в съгласие с нашите по-близки колеги слависти мога да Ви съобща по вопроса.

С искренен поздрав Ваш

А. Милетич.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

Перевод

София, 2/XII 1910. Ул. Шипка 27.

Многоуважаемый коллега!

У всех наших славистов и других ученых имеется желание, как и у Вас, чтобы проектируемый Союз славянских академий и ученых обществ состоялся. Это общее желание нашло выражение в прошлом году на славянском конгрессе в Софии, в специально об этом вынесенной резолюции.¹ Мы очень рады, что Вы в Петербурге, как это и полагается, взяли на себя инициативу по осуществлению этой хорошей идеи. Мы со своими слабыми силами готовы принять участие в этом деле и сделаем все необходимое, чтобы быть хорошо представленными соответственными взносами в виде ежегодной помощи. Мы еще не имеем понятия о том, какие суммы потребуются для союза академий, но могу заверить Вас, что мы примем участие в них пропорционально. Как только мы будем как следует осведомлены по этому вопросу, мы сможем выделить сумму. Сейчас делаются последние приготовления для преобразования нашего Болгарского Книжного дружества в Болгарскую Академию наук и искусств. Это провозглашение произойдет в начале 1911 года. Поэтому было бы хорошо, если бы Вы, уважаемый коллега, обратились официально к Болгарскому Книжному дружеству в лице его председателя Ивана Евстратиевича Гешова. Когда в дружестве будет получено письмо, разрешится вопрос и о сумме — будет ли она выделяться непосредственно самим Дружеством *respectively* Болгарской Академией, или правительством через посредство нашей Академии. Хорошо будет, если в Петербурге состоится какое-нибудь общее совещание по этому вопросу, и Вы предложите Болгарскому Книжному дружеству прислать своего делегата. На таком совещании могла бы быть намечена в подробностях деятельность будущего Союза академий — общие издания, которые предпринял бы Союз, общеславянская научная инициатива, которую бы он взял на себя, общеславянские научные институты, которые по его инициативе организовывали бы научные экспедиции и общеславянские научные съезды (конгрессы), и пр.

Вот все, что пока могу в согласии с ближайшими коллегами славистами сообщить Вам по данному вопросу.

С искренним приветом Ваш

Л. Милетич.

¹ Славянский съезд в Софии 24—27 июня 1910 г., организованный при ближайшей поддержке Петербургского Славянского благотворительного общества, при участии многочисленной русской делегации из правых элементов, получил ярко выраженный политический характер. Его пытались использовать как средство для укрепления влияния царской России в Болгарии. По предложению чешского делегата Ю. Поливки на съезде было принято пожелание о созыве научного съезда славистов.

189

Ю. Поливка — А. И. Соболевскому

7 (20) декабря 1910. Прага

20 XII. 10.

Глубокоуважаемый Алексей Иванович!

Я Вам кажется уже ранее писал, что я летом сделал в нашей академии предложение о каком-то союзе славянских академий наук и что я

тогда уже потерпел поражение. Потому неудивительно, что не имело ни Ваше письмо успеха.

В прошлую неделю было заседание нашего (III-го) отделения и в нем я сообщил Ваше письмо. Чисто теоретически члены нашего отделения поздравляют мысль о каком-то союзе славянских академий, но не знают каким образом, до каких мер бы можно было ее осуществить. Всего менее сочувствия нашел Ваш вопрос, какую сумму бы могла наша академия вносить в общую союзную кассу. Наши приходы небольшие! Теперь, когда вследствие немецкой обструкции академия (как и все другие корпорации ученые, художественные и др.) не получает никакой субсидии от земли, весь приход нашего отделения около 20 000 кор. Это не хватает ни на издания и др. Этот денежный вопрос самый трудный и щекотливый, и сомневаюсь, что Вы, ставя его в первые ряды, найдете сочувствия у южнославянских академий, которые беднее нас. В отделении высказана мысль, чтобы следовало, чтобы ваша академия обратилась по нашу официальным письмом с точно определенной программой.

Вчера только мог я говорить с председателем академии, Рандой. Он думает совершенно напротив: из политических соображений, особенно при теперешних обстоятельствах, полагает самую мысль о более менее установленном союзе славянских академий неосуществимой; протектором нашей академии эрцгерцог — престолонаследник и он едва ли позволит связь нашей академии с русской; несмотря на ограниченные средства нашей академии Ранда думает, что мы смеем по уставу тратить деньги только на чешские издания, али не на издания другим языком. Его мнение, что мы можем сойтись неофициально, но приватным путем время от времени, и спомоществовать издание более общего характера, он назвал какой общеславянский словарь...

Наши передовые люди, как видите, ужасно боятся, что наше народное дело такими предприятиями только испортится, боятся теперь еще больше, когда немецкое влияние в нашей внутренней и внешней политике небывалым образом возросло. В наших высших правительственных сферах не терпят славянское течение — будь оно консервативное или прогрессивное, бог знает како-фильское — и слабые единицы сдаются. — Но, ради бога, не уставайте в своем начинании, по крайней мере сделайте союз с южнославянскими академиями. Сербам и болгарам ваша помощь всего нужнее. Сделайте союз русско-южнославянский и надеемся, что придет время, что и нам будет позволено примкнуть. Наше положение отчаянное — с одной стороны хотят нас по возможности потаптывать, а к другой не смеем или боимся примкнуть! Трудно не поддерживаеме чтобы не теряли всех надежд. Одинок боремся, одинок и падаем.

Весь Вам преданный

Ю. П.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

190

А. И. Белич — А. А. Шахматову

13 (26) декабря 1910. Белград

Белград, 13 XII 1910.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Мы очень рады, что идея о съезде не пропала: она получила только другую, в действительности более целесообразную форму.

А. И. Соболевский писал только о союзе академий. Но таким образом, как Вы мне пишете, вопрос поставлен шире, ибо в упомянутом у Вас собрании славистов можно было бы говорить и о союзе академий. Но его можно решать и отдельно от собрания славистов, как этого, повидимому, желает А. И. Во всяком случае, хоть что-нибудь от этого всего осуществится.

В своем письме Вы мне еще сообщаете для меня в высшей степени лестное и приятное известие, о моем избрании членом-корреспондентом вашей Академии.

Я знаю, что за большую честь, оказанную мне Академией, я прежде всего должен быть обязан Вам и Филиппу Федоровичу. Я и до сих пор часто убеждался в Вашем и Филиппа Федоровича добром расположении ко мне и был Вам за это очень признателен; но теперь я Вам признателен вдвое больше, ибо этим избранием Вы мне показали, что в известном смысле, в известном направлении Вы одобряете мою научную деятельность. А это мне очень дорого. Я жалею только об одном: что моя деятельность, к сожалению, не могла быть вполне так, как я этого желал.

Впрочем я очень рад, что в очень скором времени я буду в состоянии и лично выразить и Вам и Филиппу Федоровичу свою глубокую благодарность за большое внимание, оказанное вашей Академией моей скромной деятельности.

К Вам с глубоким уважением

А. Белич.

Из Белграда я выеду 15 января 1911 г. и надеюсь быть в Петербурге 18—20 января.

Ф. 134, оп. 3, № 105.

191

И. Лось — А. И. Соболевскому

9 (22) января 1911. Краков

Милостивый государь Алексей Иванович!

На сколько можно было убедиться по наведенным частным справкам, члены здешней Академии желают оказать содействие предприятию Русского Отделения имп. Академии Наук в Петербурге в пределах, соответствующих требованиям здешних условий. Именно, по их мнению, если бы между работами, написанными по почину будущего Союза славянских академий, было написано на польском языке исследование, отвечающее требованиям научной критики, то можно было бы рассчитывать, что каждое такое сочинение Краковская Академия была бы склонна издать на собственные средства. Ввиду того, что других обязанностей Академия на себя принять не может, лица, с которыми я говорил, выразили мнение, что было бы лишним высылать представителей Краковской Академии в Петербург на совещание.

Посылая при сем лучшие пожелания, чтобы задуманное Русским Отделением дело принесло славяноведению обильную пользу, имею честь быть

Вашим покорным слугою
И. Лось.

221 911.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

192

Т. Смичиклас — А. И. Соболевскому

12 (25) января 1911. Загреб

Mного poštovani gospodine!

Oprostite mi, što Vam tek sada odgovaram na Vaše vjelicijenjeno pismo. Po ustavu naše akademije, donose se sva važnija pitanja u skupnu sjednicu, u kojoj učestnuju svi pravi članovi akademije. Vi meni pišete ne u ime carske petrogradske akademije, već u ime „članova ruske akademije“, koji se tek spremaju postaviti upit o savezu slavjanskih akademije za viša zajednička djela o Slavjanstvu. Ja sam predložio našoj akademiji to pitanje, ali sam i naglasio, da je to upit pojedinih ruskih akademika. Ovlašten sam od naše akademije, da Vam objavim, kako se Vaše pismo primilo veoma simpatično. Pojedini akademici jedan ili dvijica došli bi na dogovora glede — programa u Petrograd, kada cijelo pitanje dobije konkretni izražaj.

Za taj savez akademija mogli bismo dati i naučnih sila, samo novičanih sredstava jedva bismo mogli doprinostiti. U ostalom mislim, da sve visi o dogovoru i o naravi samih naučnih poslova.

Ja stojim na službu Vašemu gospodstvu, za dalje u pregovorima s našom akademijom.

Primite izraz moga iskrenoga štovanja

Vama na službu pripravn

Tade Smičiklas.

U Zagrebu dne 25. 1. 911.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

Перевод

Многоуважаемый господин!

Простите, что я только сейчас отвечаю на Ваше письмо. Согласно уставу нашей Академии, все важные вопросы разрешаются в общем собрании, в котором принимают участие все действительные члены Академии. Вы пишете мне не от имени имп. Петербургской Академии, а от имени „членов Русской Академии“, которые собираются поставить вопрос о союзе славянских академий для высоких общих трудов, касающихся славянства. Я предложил нашей Академии этот вопрос, но заявил, что это — замысел отдельных русских академиков. Я уполномочен нашей Академией сообщить Вам, что Ваше письмо было принято с большим сочувствием. Некоторые академики, один или два, приехали бы

на совещание по вопросу о программе в Петербург, когда уже весь вопрос получит конкретное содержание.

Для этого союза академий мы могли бы предоставить научные силы, но едва ли бы мы могли вносить намеченные средства. В остальном, я думаю, все зависит от совещаний и от характера самих делегатов.

Я готов к услугам в дальнейших переговорах Ваших с нашей Академией.

Примите выражения моего искреннего уважения

Ваш покорный слуга

Таде Смичиклас.

Загреб, 25 I. 911.

193

А. Соболевский — II Отделению Академии Наук

5 (18) февраля 1911. Петербург

Имею честь довести до сведения Отделения, что, согласно данному мне от Отделения поручению, я входил в сношения с членами славянских академий и навел у них справки относительно возможности образования „Союза славянских академий“. Выяснилось, что академии в Белграде и Загребе и будущая академия в Софии (пока еще ученое общество) имеют желание войти в союз с нашим Отделением для устройства общих научных предприятий, а академии в Праге и Кракове уклоняются от участия в таком союзе.

Письма ко мне гг. Стояновича, Смичикласа, Милетича, Поливки и Лося при сем прилагаются.

А. Соболевский.

5/II 1911.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

194

А. И. Белич — А. А. Шахматову

27 марта (9 апреля) 1911. Белград

• Белград, 27. III 911.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Две недели как я здесь и мне кажется, что я здесь уже бог знает сколько!

Г. Стояновичу и Новаковичу я сообщил о принципиальном решении Отделения о созыве съезда. Конечно, они этим очень довольны и желают, как и мы все остальные, быстрого осуществления этого решения.

Когда я был в Кракове и поставил вопрос об участии польских славистов в съезде, поляки (Розвадовский, Нич и Лось), повидимому, были к такому вопросу неподготовлены. Розвадовский не находил

никаких препятствий к этому, Нич молчал, Лось мялся на стуле и что-то ворчал. Но в одном они все вполне согласны: А. И. Соболевский не должен быть председателем съезда, а то ни один из них и не подумает прийти на съезд. Как видите, они о нем судят без снисхождения и без жалости. Быть может на отрицательный ответ о союзе академий и повлияло то, что о нем хлопотал А. И.

Был я у Ягича. Съездом он не особенно много интересуется, но все-таки заставил меня рассказать ему все, что мне по этому поводу было известно. Мы потом вместе у Riethof'a ужинали и разошлись, по венскому очень поздно, в 10¹/₂ веч.

Дома я застал всех в хорошем расположении духа и в хорошем здорье. Про карточки я не забыл, но погода у нас теперь такая дождливая и неприятная, что детей на двор не пускаем.

Слежу по газетам за университетскими событиями у Вас, но, к сожалению, вижу, что дело все еще не улаживается.¹

У нас здесь все по старому, и как бы иначе и быть могло!

Кланяюсь Наталье Александровне и Вашим деткам.

К Вам с глубоким уважением

преданный Вам

А. Белич.

У нас были несколько дней А. И. Яцимирский с женой. Он усердно работал, а она ему помогала. Недавно они уехали в Софию.

Когда я был в Петербурге у управляющего Книжным складом, я отметил все издания Академии, которые мне было бы желательно получить. Я боюсь, не забыл ли он сообщить Вам об этом.

Я кончаю работу об ударении у прилагательных и на днях сдам ее в типографию. Я прибавил II часть о склонении прилагательных.²

Ф. 134, оп. 3, № 105.

¹ Идет речь о студенческих волнениях и выступлениях профессуры в связи с уничтожением университетской автономии реакционным министром народного просвещения Л. Кассо.

² Белич работал над своим исследованием „Акценатске студије“; книга вышла в Белграде в 1914 г. в серии „Посебна издања“ Сербской Академии.

195

М. Г. Долобко — П. А. Лаврову

30 апреля (13 мая) 1911. Белград

Белград, 30 IV—1911.

Дорогой Петр Алексеевич!

Спасибо Вам за письмо.

Вот уже неделя с небольшим, как я в Белграде.¹ Правду говоря, от него я ожидал, в смысле внешности, большего... Но буду излагать свои впечатления по порядку, начиная с Вены. В Вену я приехал 15 апреля и застал здесь после „хладного Петрограда“ полную весну; цветут цветы, поют соловьи (в Шенбрунне), не говоря уже о вполне распустившихся деревьях. Вена, с внешней стороны, произвела на меня самое хорошее впечатление: идеально чистый, вполне благоустроенный,

великолепно расположенный, красивый город, и что его особенно украшает, так это масса зелени. На следующий день по приезде отправился я к Ягичу; он произвел на меня прямо чарующее впечатление: всем интересующийся, великолепно осведомленный во всех мелочах современности, живой настолько, что дай бог быть таким любому 20-ти летнему юноше, милый и предупредительный в обращении, интересный собеседник, — таков этот 73-х летний юноша. Виделся я с ним несколько раз и подолгу беседовал как на общие темы, так и относительно моих планов. Мой (точнее — Ваш) план занятий он одобрил, рекомендовал в первую голову заняться классификацией памятников сербского языка (не помню, говорил ли я Вам, — Алексей Александрович тоже обращал на этот вопрос мое внимание при последнем нашем свидании). Был я и у Решетара, который произвел на меня настолько неопределенное впечатление, что я затрудняюсь что-нибудь сказать о нем, как о человеке. Здесь же в Вене я познакомился через Ягича с одесским профессором Евгением Щепкиным, работающим здесь над вопросом об „изгойстве“ в русском (и славянском) княжеском наследственном праве; он просил передать Вам поклон. Пробыв неделю в Вене и осмотрев ее достопримечательности и музеи (они очень хороши), я через Пешт прибыл в Белград.

Возвращаясь к начатому, повторю, — я от него ожидал большего. По внешности, это средней руки русский губернский город с убийственными мостовыми, троттуарами тож. А, между тем, у него великолепное местоположение: пообчистить бы, да позаботиться о том, чтобы сооружаемые здания были красивее, и из этой восточной „вароши“ получился бы великолепный европейский город. Зато отношение „братьев-сербов“ к „Лавровлеву ћаку“ и „Русу“ прямо обязывающее. Павел Иванович* до бесконечности любезен, его ассистенты г. Стеванович и г. Джонич любезны не менее своего учителя: они помогли мне устроиться, — нашли для меня „стан“, водили осматривать город и окрестности (Топчидер — великолепен). Благодаря им, я имел возможность уже с понедельника сесть за работу. По утрам (до 12 ч.) я работаю над рукописями в Народной библиотеке, „поподне“ в сербском семинарии университета; семинарий у Павла Ивановича очень благоустроен и довольно богат книгами, — здесь я нашел все необходимые для меня пособия. — В воскресенье был у А. И. Белича[...].

Что касается выбора листов для Ваших снимков,² то часть рукописей, отмеченных Вами, я уже пересмотрел и выбрал листы для съемки; остальную часть пересмотрю в самое ближайшее время; кстати, из каждой рукописи необходим снимок одного только листа, или можно отмечать и несколько?

Перевод истории Иречка³ выйдет на будущей неделе (это я узнал вчера от книгопродавца Кона, с которым встретился в университете); завтра зайду к Цвијановићу и исполню Ваше поручение. Погода в Белграде последние дни великолепная (раньше были дожди) — ясные, теплые, но не жаркие дни, очаровательные лунные ночи.

Шлю привет Марье Сергеевне; прошу, при встрече, передать поклон Алексею Александровичу.

Преданный Вам М. Долобко.

Адрес мой: Коларчева ул., бр. 5.

* Попович

¹ Отчет М. Г. Долобоко о поездке и занятиях для подготовки к профессорской и преподавательской деятельности помещен при „Отчете ОРЯС за 1911 г.“.

² Лавров подбирал репродукции для „Палеографического обозрения кирилловского письма“ (вышло как 4₁ вып. Энциклопедии славянской филологии, СПб., 1915).

³ Geschichte der Serben, I. Gotha, 1911. — Сербский перевод (К. Јиречек, Историја Срба. Превео Ј. Радонић) вышел в Белграде в 1911 г.

Ф. 284, оп. 2, № 64.

196

Замечания Ф. Е. Корша на проект „Устава Союза славянских академий и ученых обществ“¹

Апрель 1911. Москва

§ 1

„Императорская Академия Наук в С.-Петербурге, в лице своего Отделения русского языка и словесности, и другие славянские академии образуют Союз славянских академий и ученых обществ“.

[Корш]* Все? если не все, то какие именно?

§ 2

„Академии, основательницы Союза, принимают в члены Союза другие славянские академии и славянские ученые общества.“

Три члена полагали дополнить этот § словами:

если они в своей деятельности не преследуют политических целей“.

[Корш] Ср. замечание к § 1

Как их в этом уличить убедительно для всех других?

§ 3

„Цели образования Союза исключительно научные — 1) выполнение общими силами и средствами значительных по своим размерам научных предприятий в области славяноведения и 2) организация съездов славянских ученых деятелей.“

Один член полагал слова «исключительно научные» исключить.“

[Корш] Слово „исключительно“, бесполезно подчеркивая слово „научные“, может повести к неожиданным осложнениям, тем более прискорбным, что с ними может быть связано подозрение в произвольной interpretatio juris.

§ 6

„Число голосов (2 или 1) для тех академий и ученых обществ которые приняты в члены Союза, на основании степени участия этих академий и обществ в предприятиях и вообще в деятельности Союза.“

* Замечания Ф. Е. Корша сделаны на полях соответствующего печатного текста, взятого здесь в кавычки.

Один член предлагал начало этого § изложить так: Право голоса тем академиям и ученым обществам.

Тот же член предлагал дополнить это § еще следующим:

Совет, в виду новых обстоятельств, может предоставлять право голоса тем академиям и ученым обществам, членам Союза, которые ранее им не пользовались, и наоборот, лишать права голоса те академии и общества, которые им пользовались“.

[Корш] Независимо от принадлежности их Союзу? или предполагается наличие бесправных членов Союза?

§ 10

„Каждая академия и каждое ученое общество, входящие в состав Союза с правом голоса, имеют в Совете столько представителей, сколько признано ими будет полезным; но число голосов, им принадлежащих, остается неизменно одним и тем же, независимо от числа представителей“.

[Корш] Ср. к § 6.

Может противоречить § 6, так как степень участия отдельных членов Союза в его деятельности не есть величина неизменная.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

¹ Проект „Устава Союза славянских академий“ был составлен А. И. Соболевским. В процессе его обсуждения члены Отделения русского языка и словесности вносили свои поправки. Текст проекта с приложенными к нему поправками был послан в Москву члену Отделения Ф. Е. Коршу, который также сделал свои замечания.

197

Проект устава Союза славянских академий и ученых обществ, принятый II Отделением Академии Наук

30 апреля (13 мая) 1911. Петербург

Проект устава Союза славянских академий и ученых обществ¹

§ 1

Императорская Академия Наук в С.-Петербурге, в лице своего Отделения русского языка и словесности, и (такие-то) славянские академии образуют Союз славянских академий и ученых обществ.

§ 2

Академии, основательницы Союза, принимают в члены Союза другие славянские академии и славянские ученые общества.

§ 3

Цели образования Союза: 1) выполнение общими силами и средствами значительных по своим размерам научных предприятий в области славяноведения и 2) организация съездов славянских ученых деятелей.

§ 4

Делами Союза заведует Совет его, состоящий из представителей тех академий и тех ученых обществ, которые входят в состав Союза.

§ 5

Императорская Академия Наук в С.-Петербурге, в лице своего Отделения русского языка и словесности, имеет в Совете три голоса (один из них обязательно принадлежит Непременному члену, см. § 9), а другие академии, основательницы Союза, — по два голоса, независимо от числа наличных представителей их в Совете.

§ 6

Число голосов (2 или 1) для тех академий и ученых обществ, которые приняты в члены Союза, определяется Советом Союза, на основании степени участия этих академий и обществ в предприятиях и вообще в деятельности Союза.

§ 7

Совет собирается не менее одного раза в два года для рассмотрения отчетов Непременного члена по выполнению предприятий Союза и проч. (§ 9), для составления программ и смет расходов новых предприятий, для избрания лиц — исполнителей предприятий, для организации съездов славянских ученых и т. п.

§ 8

Совет распоряжается расходованием принадлежащих Союзу денежных сумм, а также выдачей, рассылкой и продажей изданий Союза.

§ 9

Текущими делами Союза заведует избранный Советом, сроком на два года, Непременный член Совета, из числа представителей Отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук, имеющий жительство в С.-Петербурге. Он же исполняет распоряжения Совета по расходованию сумм Союза, всякий раз с сообщением о денежных выдачах Отделению русского языка и словесности императорской Академии Наук и по утверждению таких выдач этим Отделением; принимает все назначаемые в распоряжение Союза деньги и ведет приходо-расходную книгу Союза; заведует выдачей, рассылкой и продажей изданий Союза, на основании распоряжений Совета, и приемом получаемых от продажи сумм; представляет в первом заседании Совета до избрания Советом председателя Совета.

§ 10

Каждая академия и каждое ученое общество имеют в Совете столько представителей, сколько признано ими будет полезным; но число голосов, им принадлежащих, остается неизменно одним и тем же, независимо от числа представителей.

§ 11

Совет и Непременный его член имеют право приглашать в заседания Совета тех ученых, присутствие которых в этих заседаниях будет признано с их стороны полезным.

§ 12

Совет разрешает все вопросы открытою баллотировкою и простым большинством голосов, кроме вопросов: 1) о принятии в Союз новых членов, 2) об исключении из Союза членов, 3) об изменении настоящего устава и 4) о закрытии Союза. Для разрешения этих вопросов требуется не менее двух третей наличных голосов.

§ 13

Время и место очередных заседаний Совета определяются самим Советом. Если же со стороны Совета, по какой бы то ни было причине, определения не будет сделано, или оно будет не точно, вопрос решается Отделением русского языка и словесности императорской Академии Наук.

§ 14

Если встретится надобность в экстренном созыве Совета для рассмотрения важных вопросов, время и место внеочередных заседаний Совета определяется тем же Отделением русского языка и словесности, на основании представления Непременного члена или заявления членов Союза.

§ 15

Денежные средства Союза составляются из тех сумм, которые назначаются каждым членом Союза не менее как на два года вперед. Эти суммы могут быть предоставляемы в распоряжение Союза или без указания определенной цели, или с указанием того предприятия, на которое они назначаются.

§ 16

Сверх того, Союз принимает денежные и другие пожертвования. Если пожертвование связывается с какими-либо условиями для Союза, вопрос об его принятии разрешается или Советом Союза, или Отделением русского языка и словесности императорской Академии Наук, по представлению Непременного члена, смотря на обстоятельства дела.

§ 17

Расписка в приеме пожертвования может быть выдана каждым из членов Совета, но пожертвование считается поступившим в кассу Союза лишь тогда, когда оно перейдет в ведение Непременного члена и будет внесено в его приходо-расходную книгу.

§ 18

Избрание представителей (§ 4) производится академиями и учеными обществами, на основании постановлений этих академий и обществ

§ 19

Члены Союза (академии и ученые общества) оставляют Союз или 1) по собственному решению, о котором они своевременно сообщают Совету или Непременному его члену, или 2) по постановлению Совета.

§ 20

В том и другом случае они обязаны привести в исполнение взятые ими на себя обязательства и вообще произвести расчет с Советом, на основании постановлений Совета.

§ 21

Действия Союза открываются тотчас по подписании представителями выше означенных академий (§ 1) настоящего Устава и по составлении о том надлежащего акта.

§ 22

Действия Союза прекращаются и самый Союз закрывается: 1) когда в составе его окажется менее трех членов, 2) по постановлению Совета.

§ 23

В том и другом случае наличные члены Совета избирают для окончания дел Союза ликвидационную комиссию и предоставляют ей определенные особым актом полномочия.

Напечатано в приложении к протоколу Общего собрания Академии Наук 7 мая 1911.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

¹ В протокол заседания Отделения от 30 апреля 1911 г. в ст. CV занесено: „В настоящем заседании текст проекта устава Союза славянских академий и ученых обществ подвергся окончательной обработке и принят Отделением единогласно.

Положено представить этот проект Общему собранию и послать его славянским академиям: Краковской, Чешской, Югославянской, Сербской и Болгарской, прося их войти в состав предложенного Союза“.

Общее собрание 7 мая положило „уполномочить Отделение русского языка и словесности приступить к предварительным переговорам со славянскими академиями и затем окончательную редакцию проекта устава представить на утверждение Общего собрания“.

А. И. Белич — П. А. Лаврову

2 (15) мая 1911. Белград

Белград, 2 мая 1911.

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Алексеевич.

Оба Ваших письма я своевременно получил. Долобко в Белграде и начал уже заниматься. Он был у меня и сказал мне, что он займется белградскими рукописями, их исследованием со стороны языка и их классификацией. Конечно, это очень хорошо, и, если он это сделает хорошо, я лично буду ему очень признателен. Насколько я знаю, здесь никто не интересуется нашими рукописями с этой стороны за исключением моей личности; но я буду очень благодарен всякому, кто возьмет на себя эту работу, ибо я так завален работами другого рода, что и сам не знаю, когда мне пришлось бы исследовать еще те из них, которые до сих пор не успел рассмотреть. С этой точки зрения я очень рад, что Долобко взял на себя именно эту работу; быть может для него лично было бы выгоднее взять какие-нибудь памятники, в которых народный язык развернулся широкой волной, как например, икавские, боснийские и т. под. Но, впрочем, это безразлично: для истории сербского языка необходимо и то и другое, и, равным образом, и то и другое еще не сделано.

Само собою разумеется, что я готов помочь Долобко и своими указаниями, и своим содействием всегда, когда он в этом нуждаться будет. Я ему предложил принять участие в диалектологических экскурсиях, которые я предпринять собираюсь нынче летом.

Ваше предложение съездить с Вами на Афон на будущий год мне очень понравилось, и я с большим удовольствием приму участие в совместной работе. Я к этому времени, вероятно, буду готов с приготовлением к печати венских и дубровницких грамот. Так что в таком случае осталось бы дополнить их афонскими. Впрочем, к печатанию их я не так скоро приступаю, ибо мне хотелось бы дать как можно более полное и вполне проверенное издание наших грамот (с палеографическим альбомом грамотного материала). Впрочем, все это еще впереди и бог знает, как все выйдет.

Бумагу я передам Долобко. Она была на сухом месте и, надеюсь, несколько не испортилась. Через несколько недель я поеду в Загреб и тогда Вам закажу снимки рукописей. Я боюсь, не поздно ли Вам это будет, а если так писать туда, боюсь, сделают не так, как следует.

Я не знал, что умерла мать Марьи Сергеевны: прошу Вас передать Марье Сергеевне наше искреннее сочувствие.

У нас уже стало очень жарко. Мы в винограднике уже на Топчидерском брде. Тут лучше. Ваш А. Белич.

Жена и дети кланяются Марье Сергеевне и Вам, Петр Алексеевич, а точно также и преданный

Ваш А. Белич.

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

4 (17) мая 1911. Вена

Вена 4/17 5—1911,

[...] Прочел я проект „Устава союза славянских академий и ученых обществ“ и, признаться, нашел в нем совсем не то, что я ожидал. Прежде всего поражает меня ограничение Устава иля Союза на — славяноведение. У нас ни в Интернациональной ассоциации академий, ни в картеле немецких академий нет такого ограничения, скажем — одной какой-либо филологией. Это даже и не хорошо. Сколько раз славяноведение нуждается в различных других филологиях, обойдя которые ничего хорошего не выйдет. А разве немыслимы общие предприятия в области естественных наук? Отчего их исключать из Союза? Этого у нас не делается. И картель немецких академий и международная ассоциация обнимают академии в полном объеме их деятельности. Ограничиваясь одним славяноведением, мы бросаем на союз тот час тень и подозрение какого-то „панславизма“ или „неославизма“ и т. д. Если вы в Петербурге сосредоточиваетесь на „Отделении русского языка и словесности“, то естественным последствием этого ограничения будет то, что и прочие славянские академии не пожелают или не будут в состоянии войти в союз полным своим составом. А между тем, организации внутри отдельных академий довольно различные, не вполне соответствующие одна другой. Несравненно лучше было бы обнять совокупный состав всех академий и определить число представителей поровну между академиями, предоставив каждой академии определить, т. е. выбрать из своей среды кого хочет, лишь бы соблюдалось определенное число. Конечно, по природе наук всегда выходит дуализм историко-филологический или философский, с одной, и естественных наук (с математикой), с другой стороны. Поэтому минимальное число членов от каждой академии должно бы все таки быть — 4.

Сначала следовало бы ограничиться академиями, оставляя в стороне различные общества. Чем менее сначала, тем лучше. Возьмем, собирались бы по 4 члена как представители Петербурга, Кракова, Праги, София, Белграда и Загреба — вышло бы уже 24 члена. У вас привыкли считать по сотням, но до сотен легко дойти и потом.

Устав говорит, что совет собирается по крайней мере раз в два года, но не сказано где, желательнее же, чтобы эти собрания чередовались сообразно с составом Союза, значит, в первом собрании должно бы большинством голосов решить, где соберется Союз на следующий раз. Важен еще вопрос о языке. Хотя обсуждения и прения должны быть допускаемы на всех славянских языках, все таки деловой язык (ведение протоколов и т. д.) должен бы сообразоваться с национальностью места, например, в Петербурге должен быть русский, в Кракове польский, в Праге чешский, в Софии болгарский, в Белграде и Загребе сербско-хорватский.

Цель Союза и собраний, кроме важного момента личных встреч и личных знакомств — конечно, главным образом, в обсуждении тех ученых вопросов, разработка которых могла бы быть лучше достигнута дружескими усилиями нескольких академий, чем если каждая поработает

в одиночку. Принятие участия в таких предприятиях вовсе не должно быть обязательно для всех, а это зависит от наличных средств каждой академии или от расположения ее к данному вопросу.

Идея академического союза — прекрасная вещь, но к оживотворению ее должно приступить с большой осторожностью. Я не вижу этой осторожности в вашем уставе. Во-первых, слишком часто выступает наше Отделение (§ 5, 9, 13, 16), что может вызвать подозрение, что оно хочет властвовать и первенствовать. Во-вторых, Совет играет какую-то роль надзирателя, слишком бюрократически понятую. Например, роль „непременного члена“ совсем лишняя, этого нет у нас ни в одном союзе. У нас состоит в каждой академии дома у себя комиссия, обсуждающая все дела, относящиеся к ассоциации или к картелю, роль письмоводителя (или секретаря) предоставляется всегда той академии, в среде которой в данный год заседает союз. Комиссии эти составлены из членов всех разрядов (или отделений) академии, обыкновенно под председательством президента или вице-президента академии. В общих собраниях союза обыкновенно председательствует председательствующий домашней комиссии, который и в промежутках между собраниями ведет все дела.

Не хочу вдаваться в странные постановления вашего устава, как например, в § 13 о том, что в случае какой-то неточности наше Отделение должно определить время и место очередного заседания, или же § 12, где говорится об исключении из Союза членов. Что сие значит, не понимаю. Ведь члены Совета считаются уполномоченными от академии, стало быть, исключая члена, исключаете и академию.

Не нравится мне, что устав навязывает Союзу обязанность заботиться об организации съездов. Нет, эту организацию следовало бы предоставить университетам. Союз академий не нуждается ни в каких съездах, кроме своих академических, в которых речь идет лишь о научных предприятиях, о их ходе, о средствах для покрытия расходов и т. д. Съезды, напр[отив], должны развиваться отдельно по специальностям, например, съезд славистов, съезд историков, съезд математиков и т. д.

Вы видите, что я с вами, господа, расхожусь принципиально, поэтому в подробности устава и не вхожу.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1759.

200

Я. Розвадовский — А. А. Шахматову

31 мая (13 июня) 1911. Краков

Kraków, Smolensk. 21. 1.
13/VI. 11.

Szanowny Panie kolego!

W sprawie, którą Pan poruszył w swym uprzejmym liście, mówiłem z sekretarzem generalnym Akademji, prof. Ułanowskim. Nie zauważyłem

u niego zasadniczej jakiejś niechęci do projektu, tem mniej u innych członków Akademii. W każdym razie nie sam Zarząd będzie decydował, tylko członkowie czynni razem. Ja osobiście jestem stanowczym zwolennikiem kooperacji, oczywiście na gruncie realnym. Ale, wedle tego, co mi mówiono, trzeba postępować ostrożnie, a raczej przezornie, bo ponieważ akcja projektu wychodzi po granice monarchji, więc wypada się zapewnić, że ze strony protektora Akademii (a jest nim następca tronu) nie będzie jakiejś objekcji. Tylko tyle. Oczywiście nie chcielibyśmy też w projektowanym związku być w jakikolwiek sposób upośledzeni, ale o tem sam Pan mnie uprzedził à propos wysłanego projektu i ja też zawiadomiłem o tem sekretarza. Tyle na razie w tej sprawie.

Co się tyczy wyboru na członka, to szanowny Pan kolega został wybrany członkiem czynnym nie korespondentem. W związku z tem bardzo proszę w imieniu kancelarji, aby Pan zechciał na ręce kancelarji nadesłać krótką notatkę biograficzną oraz spis swych prac, bo potrzebne to jest do Rocznika Akademii.

Cięszę się bardzo, że Pan wybór na członka naszej Akademii przyjął chętnie i zyczliwie.

Kończę zapewnieniem głębokiego poważania i szczerej zyczliwości.

prawdziwie oddany

J. Rozwadowski.

Ф. 134, оп. 3, № 1301.

Перевод

Краков. Смоленская 21. 1.
13/VI. 11.

Многоуважаемый коллега!

По вопросу затронутому Вами в Вашем любезном письме я говорил с генеральным секретарем Академии, проф. Улановским. Я не заметил со стороны его никаких принципиальных возражений против проекта, тем более со стороны других членов Академии. Во всяком случае, вопрос будет разрешаться не самим правлением, а только Общим собранием действительных членов. Лично я являюсь постоянным сторонником кооперации, разумеется, на реальной почве. Но, в связи с тем, что мне говорили, следует поступать осторожно, вернее предусмотрительно, потому что, поскольку действие проекта выходит за пределы монархии, необходимо заручиться, что со стороны протектора Академии (а им является наследник престола) не будет никаких возражений. Только и всего. Разумеется, мы не хотели бы в проектируемом союзе быть каким-нибудь образом обижены, но об этом Вы меня сами предупредили à propos высланного проекта, а я поставил секретаря об этом в известность. По этому вопросу — все.

Что касается выборов в члены, то Вы избраны в действительные члены, а не в члены-корреспонденты.¹ В связи с этим, от имени канцелярии прошу Вас прислать в её адрес коротенькую биографию и список своих трудов, потому что все это необходимо для Ежегодника Академии.

Я очень рад, что избрание в члены нашей Академии Вы приняли охотно и благожелательно.

Кончаю уверением в глубоком уважении и искреннем расположении,
истинно преданный

Я. Розвадовский.

¹ Избрание А. А. Шахматова членом Краковской Академии Наук произошло 23 мая 1910 г., утверждено 15 апреля н. ст. 1911 г.

201

Президент Сербской Академии Наук С. Новакович — Академии Наук

13 (26) июня 1911. Белград

13 јуна 1911 у Београду

Царској Академији Наука у Петрограду.

Српска краљевска Академија Наука има част известити царску Академију Наука у Петрограду, да је на својој седници 10 о. м. прихватила предлог Руске Академије Наука од 5. пр. м. № 301, о савезу словенских Академија и учених друштава. Академија ће одредити 1 или 2 делегата који ће доћи у Петроград ради утврђивања правила о овоме савезу.

Председник
Српске краљевске Академије,
Стојан Новаковић

Ф. 9, оп. 1, № 944.

Перевод

13 июня 1911
Белград

Императорской Академии Наук в Петербурге

Сербская королевская Академия Наук имеет честь известить императорскую Академию Наук в Петербурге, что на заседании своем 10 числа сего месяца она приняла предложение Русской Академии Наук от 5 числа прошлого месяца за № 301 о Союзе славянских академий и ученых обществ.

Академия выделит 1 или 2 делегатов, которые прибудут в Петербург для утверждения устава этого союза.

Президент
Сербской королевской Академии
Стоян Новакович.

202

Президент Болгарской Академии Наук Н. Е. Гешов — II Отделению
Академии Наук

20 июня (3 июля) 1911. София

София 20/VI 1911.

До императорската Академия на науките. — Отделение за руски
език и словесност —

В Петербург

Управителният съвет на Българската академия на науките изслуша
съ големо удоволствие писмото, с което Отделението за руски език
и словесност я кани да се присъедини към инициативата на Отде-
лението за образуване Съюз на славянските академии и учени дру-
жества.

Българската академия възприема на радо сърце по принцип
мисълта за подобен съюз и е съгласна да участвува в изработване
на проект устава за съюза, каго избира за свои делегати по съвеща-
нията в ноември — декември своя подпредседател г-н д-р Л. Милетич
и секретар на историко-филологичния клон г-н Васил Златарски.

Приемете уверение в отличните ни към Вас почитания.

Председател: Ив. Ев. Гешов.

Секретар: Ив. Пеев.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

Перевод

София 20/VI 1911.

Президиум Болгарской Академии Наук заслушал с большим удо-
вольствием письмо, в котором Отделение русского языка и словесности
приглашает его присоединиться к инициативе Отделения в образовании
Союза славянских академий и научных обществ.

Болгарская Академия с сердечной радостью принимает в принципе
идею подобного союза и согласна принять участие в разработке
проекта устава союза, избрав в качестве своих делегатов на совещания
в ноябре — декабре своего вице-президента г. д-ра Л. Милетича и secre-
таря историко-филологического Отделения г. Василия Златарского.

Примите уверения в совершенном нашем к Вам почтении.

Президент: Ив. Ев. Гешов.

Секретарь: Ив. Пеев.

203

А. И. Белич — А. А. Шахматову

29 июня (12 июля) 1911. Белград

Белград 29. VI 1911.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Спасибо за любезное письмо от 11 VI. Хотя Сербия не так далеко
от России, я его получил 28-го сего месяца и поэтому, конечно, не мог
Вам ответить до сих пор на вопросы, которые нас столько интересуют.

Проект Союза славянских академий и ученых обществ встречен от наших академиков хорошо, даже очень хорошо. Даже по отношению к неперемемному члену они не отнеслись несочувственно, руководствуясь практическими соображениями. Несомненно, было бы неудобно с перемещением управления союза перемещать постоянно и склад изданий и остальное имущество союза академий, так что хранение всего этого необходимо поручить какой-нибудь академии в лице одного из ее членов. Наша академия не сочла это неудобным поручить вашей академии, но, конечно, это не значит, что и все другие представители академий, должествующих войти в союз, так на дело посмотрят. В особенности, поляки, которые все еще так чувствительны и раздражительны, как только речь заходит о каком бы то ни было (хотя бы и самом мнимом) преимуществе русских по отношению к остальным славянам. Поэтому я с удовольствием сообщу им Ваше мнение о неперемемном члене и прошу их, и с своей стороны, приехать, хотя бы на предварительное совещание. Наша академия порешила послать на это совещание одного или двух делегатов и об этом своем решении она уведомила вашу академию.

Я недавно вернулся с своих диалектологических экскурсий в области шумадийского говора и теперь снова собираюсь поехать к чакавцам. Несколько дней тому назад я получил письмо от И. А. Бодуэна де Куртене, в котором он выразил желание участвовать в моей экскурсии между чакавцами; я, конечно, с удовольствием принял его предложение и через две-три недели мы с ним увидимся в Реке (при Кърке).¹

Исследование об ударениях я почти совсем переработал. Я внес западно-славянские языки в больших размерах, чем раньше, в особенности польские диалекты, которые (а, в особенности, кашубский) дали мне в высшей степени ценный материал. Напечатаю я его осенью или зимой.

Спасибо за Ваше очень интересное исследование о прародине славян,² которое я только что начал читать.

Сердечный поклон Вам и всем Вашим

от преданного Вам

А. Белича.

Ф. 134, оп. 3, № 105.

¹ И. А. Бодуэн де Куртене позже опубликовал письмо А. И. Белича, в котором разработана программа собирания диалектологического материала (Известия ОРЯС, т. XVIII, кн. 1, 1913).

² Имеется в виду статья А. А. Шахматова „К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях“, напечатанная в „Известиях Академии Наук“ (1911, №№ 9, 10).

Президент Югославянской Академии Наук Т. Смичиклас — II Отделению Академии Наук

14 (27) июля 1911. Загреб

Slavnomu Odjelu

ruskoga jezika i književnosti Carske akademije nauka u Petrogradu.

Na cijenjeni dopis od 24. maja 1911 br. 297 čast nam je odgovoriti, da Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti u principu s veseljem odo-

brava misao o predloženom savezu slavenskih akademija i učenih društava i da je spremna sudjelovati kod izradbe pravilâ saveza. Ali smo slobodni već unaprijed spomenuti, da poradi naših skućenih materijalnih sredstava ne bismo mogli obilato pridonositi za svihe saveza. Rado ćemo poslati i dva svoja člana u Petrograd na vijećanje. Ali budući da su u vrijeme odvedeno za taj sastanak t. j. u novembru—decembru članovi naši, koje bismo na nj poslali, službenim svojim poslovima najviše zabavljeni, uljudne molimo, da bi se vrijeme sastanka, ako je ikako moguće, prenijelo ili na ranu jesen ili na kasno proljeće, jen bi tada članovima našima najlakše bilo dati se na put, i da bi nam se o eventualnoj takovoj odluci dobrostivo za vremena poslala obavijest.

U Zagrebu, 14. jula 1911.

Za Jugoslavensku akademiju znanosti i umjetnosti

Predsjednik:
Tade Smičiklas.

Tajnik:

Dr. August Musić.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

Перевод

Славному Отделению
русского языка и словесности императорской Академии Наук
в Петербурге.

В ответ на Ваше письмо от 24 мая 1911 г. за № 297 честь имеем сообщить, что Югославянская Академия наук и искусств в принципе с радостью одобряет идею проектируемого союза славянских академий и научных обществ и готова принять участие в разработке устава союза. Но мы вынуждены предупредить, что в силу нашего стесненного материального положения мы не могли бы много вносить на нужды союза. С радостью мы пошлем двух своих членов в Петроград на совещание. Но, так как в намеченное для этого собрания время, т. е. в ноябре—декабре, наши члены, которых мы выделим для него, будут больше всего заняты своими служебными обязанностями, то мы покорно просим, если это возможно, перенести совещание на начало осени или на конец весны, чтобы нашим делегатам легче было отправиться в путь, и, если таковая отсрочка возможна, заблаговременно прислать нам извещение.

Загреб, 14 июля 1911.

От Югославянской Академии наук и искусств

Президент:
Тадe Смичиклас.

Секретарь:
Д-р Август Мусич.

205

И. В. Ягич—А. А. Шахматову

17 (30) сентября 1911. Вена

Вена 17/30. 9. 1911
VIII/I Kochgasse 15.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Наконец Вы успокоили меня. Надеюсь, и дальнейшие известия будут сообщать о благоприятном состоянии здоровья Натальи Александровны. Старайтесь только обставить жизнь ее по возможности спокойной. Сама природа тогда творит чудеса.

Вспоминая наш разговор относительно энциклопедии, я уже начал переписку с многими на счет плана и сотрудничества во второй, историко-литературной части. К сожалению, с тех пор как я набросал себе первый план этой части, многие добрые знакомые покинули нас навсегда. Например, вопрос о деятельности Кирилла-Мефодия я предназначил было покойному Дринову. Кем мне заменить его теперь? Мне хотелось бы найти трезвого ученого, вроде Голубинского, но Голубинский, должно быть, уже совсем отказался от занятий. Кому же поручить? Положительно недоумеваю. Не имеете ли Вы кого-нибудь на примете? Церковнославянскую литературу, я думаю, следует изложить в одном обзоре, не различая по редакциям текстов, что русское, что болгарское, что сербское. Ведь это очень часто дело случая. Лучше всего было бы разработку поручить кому-нибудь из ученых духовного образования, но где найти такого? Разве спросить Евсеева? Впрочем, очень близок к этим вопросам также Сперанский. У него то преимущество, что он чувствует естественную связь русской церковной письменности с южнославянской.

Но когда выделим церковное из древнерусской литературы, кому поручить остальное?

Non propter causa нельзя миновать Истрина, но в состоянии ли он еще взяться за это дело, не знаю. Не хотел бы я обидеть также и Соболевского, если б я только знал, претендует ли он на участие и по какому периоду древнерусской письменности. Наконец, я хорошо знаю, что летописями и хронографами много занимались Вы, поэтому я не хотел бы обойти и Вас. По вопросу о повестях и романах допетровского и петровского времени у меня был в списке участников незабвенный А. Н. Пыпин. Кто теперь интересуется этой отраслью русской литературы среднего периода?

Новейшую литературу я имею в виду поручить академику Котляревскому, не знаю только, интересуется ли его также литература XVIII-го века и XIX-го до Пушкина? или же эту часть поручить кому-нибудь другому? Как Вы полагаете?

Относительно малорусской литературы я обратился сначала за советами к проф. Перетцу. Увидим, что он мне ответит. Жаль, что наш Франко не может больше заниматься, он умнее всех из природных малорусов.

Как видите, я желал бы угодить Вам и содействовать к ускорению и этой части предприятия, хотя не питаю больших надежд. Меня очень печалит небрежное отношение к исполнению обещания со стороны Лаврова, Бодуэна, Зубатого и многих других, которые были бы на очереди, а из-за них продолжение останавливается. В придачу, у вас в Отделении, повидимому, сочувствие к энциклопедии падает. Где же сказано, что я должен все свое время тратить на это дело? Разве оно так блестяще оплачивается, по—20 рублей с листа! или же вместо материального вознаграждения является нравственное удовольствие? где оно? в вялом участии сотрудников!

Я уже давно хотел сложить с себя это бремя, но все надеюсь, что обстоятельства со временем улучшатся. Надежды мало!

Не могли бы Вы узнать от Лаврова, что он намерен сделать? Ведь мне-то он и не отвечает. Так и Бодуэн был, правда, в Вене, расхвалил мне деятельность Краковской академии по конкуренции нашей энциклопедии, а что сдержит слово и напишет и для нашей энциклопедии, этого я от него не услышал!

Все мои кланяются Вам и всем Вашим. Мы теперь опять все в Вене, живем под страхом забастовок и разных уличных демонстраций и под гнетом ужасной дороговизны.

Ваш И. В. Ягич.

Погоняйте типографию, чтобы она наконец закончила 3 выпуск. С моей стороны все уже сделано.

Зильнский благополучно возвратился домой, прилагаю для Вас письмо его ко мне, полученное как раз сегодня. Постарайтесь по возможности поддержать его.

Ф 134, оп. 3, № 1759.

206

С. Младенов — А. А. Шахматову

11 (24) ноября 1911. Париж

Париж, 6 Rue des Ecoles
24 ноемврий 1911.

Многоуважаеми господ. Шахматов.

Благодаря Ви за любезността, която показвате към мене, като ми изпратихте отпечатци от Вашите прекрасни работи за славяно-келтските, финско-келт. и финско-слав. отношения. Статията в Ягичовия Archiv ще подействува извънредно аргенд при разискването на тия толкоз важки въпроси, понеже повечето, ако не всички Ваши положения, са подкрепени с доста убедителни съображения и аргументи. Обясненията, които давате на слав. bojarinъ, braga, jakъ, kovъ, leđa и др. под. ще се посрещат наверно с одобрение. Само за tatъ, което се свързва обикновено с староинд. tāyúś, sluga < от корена же sluchъ, kotъ, котъсь, сравнено с староиран. kata — „дом“. и др. някои може да се спори. Поне аз бих очаквах и при тех такива интересни подробности, каквито има при bojarinъ и braga. Ще си позволя да Ви отягча и с един въпрос: как гледате на сравнението на слав. tragъ, „след, Spur“ и брет. trpad, осн. rtagid, което ми дойде на ум, когато преглеждах някои работи на Н. d'Arbois de Jubainville и което се подърже от Цупица. И още едно: ако тъкъ (рус. толк —) е заемка от келтски, не треба ли да се смета за такава заемка и дълъ (рус. долгъ „Schuld“)? С высокоуважение

оставам Ст. Младенов

Ф. 134, оп. 3, № 997.

Париж Rue des Ecoles
24 ноября 1911.

Перевод

Многоуважаемый господин Шахматов.

Благодарю Вас за любезность, которую Вы оказали мне, прислав оттиски Ваших прекрасных работ о славяно-кельтских, финско-кельтских и финско-славянских отношениях.¹ Статья в Архиве Ягича² повлияет чрезвычайно аргенд на исследования по этим столь важным вопросам, тем более, что не все Ваши положения подкреплены достаточно убедительно.

тельными соображениями и аргументами. Объяснения, которые Вы приводите для славянских *bojarinъ*, *braga*, *jakъ*, *kobъ*, *leđa*, и т. д., будут приняты, вероятно, с одобрением. Только в отношении *tatъ*, которое обычно связывается с древнеиндийским *tauś*, *sluga*, от корня *sluchъ*, *kotъ*, *kotъsъ* которое сравнивается с древнеиранским *kata*, „дом“, и некоторых других, можно спорить. Я, по крайней мере, ожидал бы и для них таких же интересных подробностей, какие имеются для *bojarinъ* и *braga*. Разрешу себе затруднить Вас одним вопросом: как смотрите Вы на сравнение славянского *tragъ*, след, *Sprig*, и брет. *trpad*, осн. *trigid*, которое пришло мне в голову, когда я проглядывал некоторые работы Н. d'Arbois de Jubainville, и которое поддерживает я Цупицей. И еще одно: если *tylkъ* (русское толк) является заимствованием из кельтского, не следует ли считать таким же заимствованием и *dylgъ* (русское долг, *Schuld*)?

С глубоким уважением остаюсь

Ст. Младенов.

¹ См. прим. 2 к докум. 203.

² Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen. Archiv f. slav. Phil., XXVIII, 1911.

207

В. Н. Златарский — А. А. Шахматову

27 ноября (10 декабря) 1911. София

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Не успел я еще ответить на Ваше любезное письмо от 2 октября, а Вы уже сюрпризировали меня другим еще более лестным, чем первым. Я глубоко тронут Вашим благосклонным вниманием ко мне и спешу поднести в Вашем лице искреннюю мою благодарность гг. членам Отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук за оказанную мне великую честь избранием в свои члены-корреспонденты. С большою готовностью исполню Ваше желание относительно нужных биографических данных, которые вышлю не позже первых чисел декабря вместе с фотографической карточкой.¹

Не ответил я еще на Ваше первое письмо потому, что во-1-х, заданный Вами мне вопрос несколько озадачил меня, но мне кажется, что я нашол подходящий ответ; нужно мне еще сделать некоторые справки, и во-2-х, что был занят спешною срочною работою — приготовлением краткого изложения болгарской истории средних веков для английского издания „The Cambridge Medieval History“,² а потому не был в состоянии определить точно, когда я бы мог приготовить короткий реферат о моей последней работе для Ваших „Известий“ согласно Вашему желанию. Работу эту я уже заканчиваю и предполагаю в течение первой половины декабря отправить в Кэмбрич. После того уже займусь приготовлением реферата. Только не знаю, не окажется ли такое изложение излишним, так как проф. Петровский в Казани мне недавно писал, что он уже приготовил перевод статьи Вигу с приложением моих замечаний к соответственным местам этой статьи вместе с моими выводами и скоро напеча-

гает его в „Известиях Общества археологии, истории и этнографии“ при импер. Казанском университете.³

Примите искреннее мое уверение в отличном к Вам уважении и почтении.

Готовый всегда к услугам

В. Н. Златарский

София 27 XI. 11.

¹ Для записки об ученой деятельности В. Н. Златарского, которая была представлена Шахматовым при утверждении избрания Златарского в Общем собрании Академии Наук (ф. 9, оп. 1, № 955).

² В тт. I и II этого издания (1911, 1913) статьи Златарского нет.

³ Идет речь о работе Златарского „Имали ли сж болгарите свое летоброение?“ в „Списание на Българската академия на науките“ (т. I, вып. 1, 1911), в которой сделаны критические поправки к статье J. B. Bury, „The chronological cycle of the Bulgarians“ (Byzantinische Zeitschrift, XIX, 1910). Н. М. Петровский использовал замечания Златарского, приложив их к своему переводу статьи Бьюри (О летосчислении древних болгар. Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXVII, вып. 6, 1911).

208

Президент Чешской Академии Наук А. Ранда — II Отделению Академии Наук

24 ноября (7 декабря) 1911. Прага

Slavnému předsednictvu

Oddělení ruského jazyka a slovesnosti při carské Akademii nauk
v Petrohradě.

Ažkoliv Česká Akademie pro vědy, slovesnost a umění v zásadě schvaluje myšlenku o navrhovaném svazu slovanských akademií a učených společností, jak sem byla oznámena ctěným přípisem ze dne 25. května 1911 č. 299, nemohla přece vstoupiti do počtu zakladatelů „Svazu“ vzhledem k §§ 15. a 16. navržených stanov, které co do příspěvku k společnému nákladu žádného obmezení nezná; neboť finanční prostředky České Akademie jsou skrovné a k tomu zastavením zemské subvence již po dva roky velice oslabeny, i není naděje, že by situace v brzké době zlepšiti se mohla.

Prosíce, aby slavné předsednictvo ráčilo přijati ujištění naší dokonalé úcty, znamenáme se oddaní

president Randa
gener. sekretář K. Vrba.

V Praze 7. prosince 1911.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

* Славяному президиуму

Отделения русского языка и литературы императорской Академии Наук

в С. Петербурге.

Хотя Чешская Академия наук, словесности и искусства одобряет в принципе мысль предположенного союза славянских академий и ученых обществ, как было ей сообщено письмом от мая 25 дня 1911. № 299,

* Текст на русском языке прислан вместе с отношением Чешской Академии.

то не могла она все-таки вступить в число учредителей Союза, смотря к ст. 15 и 16 проекта устава, которые касательно общих издержек не признают никакого ограничения, так как денежные средства Чешской Академии незначительные и кроме того приостановлением земской поддержки очень уменьшены и никакой надежды, чтобы ситуация в коротком времени могла улучшиться.

Прося, чтобы председательство приняло удостоверение нашего совершенного почтения, имеем честь быть покорными слугами.

председатель Randa
генеральный секретарь K. Vrba

Г. Прага, декабря 7 дня 1911 г.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

209

Я. Розвадовский — А. А. Шахматову

25 ноября (8 декабря) 1911. Краков

ul. Smoleńska 21 8/XII. 11.

Łaskawy i szanowny Paniel

Zbieram się oddawna podziękować za przysłane mi jeszcze w lecie odbitki o siedzibach i stosunkach prasławian i ugrofinów, tak ciekawe w każdym razie, a mnie szczególnie interesujące bo sam dosyć w tych rzeczach siedziałem. Różne rzeczy, nieszczęścia, kłopoty i zajęcia dotąd mi nie pozwoliły na to. A tym czasem dostaję od Pana wiadomość, która znawu wyzywa mą wdzięczność, tym razem tak wielką i z takimi okolicznościami związaną, że nie mogę zwłoczyć ani chwili z jej wyrażeniem.

Pisze mi Pan, że się cieszy mogąc mi o tem donieść, że to na niego wypadło; niech mi Pan wierzy że i dla mnie wiadomość tem cenniejsza, że od Pana pochodzi i że to wysokie odznaczenie Panu oczywiście mam do zawdzięczenia.

Odznaczenie to cenię sobie wysoko i głęboko wdzięczny jestem Drugiemu oddziałowi za nie. Osobnego pisma do Oddziału drugiego na razie nie posyłam, bo nie wiem, czy ten wybór jest ostateczny: u nas zawsze po wyborze na wydziale głosuje definitywnie ogólne zebranie czynnych członków, i dopiero wtedy wybór staje się ostatecznym. Proszę mi łaskawie donieść zatem czy mogę zaraz podziękować, czy też wypada jeszcze zaczekać.

W każdym razie będzie mym usilnem staraniem nie zapomnieć w przyszłości o tem, że Drugi oddział ces. Akademji zaszczyił mnie swym wyborem. Załączam* żądane spisy i daty. Fotografie przeszlę niedługo.

Tymczasem jeszcze raz serdeczne podziękowanie i zapewnienie prawdziwego szacunku i bardzo przyjaznych uczuć.

Oddany Rozwadowski.

Ф. 134, оп. 3, № 1301.

Перевод

Смоленская ул. 21 8 XII.11.

Милостивый государь!

Давно собираюсь поблагодарить Вас за присланные мне еще летом статьи о местах поселения и отношениях prasлавян и угрофиннов, столь

* Oвoбно wysyłam polecione.

любопытные вообще, а меня особенно интересующие, потому что я и сам достаточно долго сидел над этими вопросами. Разные дела, несчастья, заботы и занятия не позволяли до сих пор мне это сделать. А тем временем получаю от Вас сообщение, которое снова вызывает мою благодарность, на этот раз столь великую и с такими обстоятельствами связанную, что не могу ни на секунду откладывать ее изъявления.

Вы мне пишете, что рады, имея возможность сообщить мне об этом, рады, что это пало на Вас; поверьте, что и для меня сообщение это тем дороже, что оно исходит от Вас и что за это высокое отличие я, вероятно, должен благодарить Вас.

Отличие это я очень высоко ценю и глубоко благодарен за него Второму отделению. Я не посылаю пока отдельного письма Второму Отделению, так как не знаю, является ли это избрание окончательным: у нас всегда после выборов на отделении голосует общее собрание действительных членов и только тогда избрание признается окончательным. Прошу Вас, будьте добры, поэтому сообщить мне, могу ли я уже благодарить, или следует еще подождать.

Во всяком случае, самым главным моим старанием будет не забывать в будущем о том, что Второе отделение имп. Академии почтило меня своим избранием. Прилагаю* необходимые документы и даты. Фотографию вышлю скоро. Пока примите еще раз сердечную благодарность и уверения в истинном уважении и дружеском расположении.

Преданный Розвадовский.

210

Л. Нидерле — А. А. Шахматову

12 (25) декабря 1911. Прага

Praha, dne 25. XII. 911.

Mnohovážený Alexeji Alexandrovič!

Především Vám co nejsrdečněji děkuji za laskavé vyřízení mé poslední prosby za knihy Akademie vydané, s níž jsem se na Vás obrátil. Knihy jsem dnes dostal. Akademie může býti přesvědčena, že za tuto laskavost, s kterou mi věnuje své publikace, jsem opravdu vděčen. Mám zde v Praze při svém postavení tolik jiných vydání, že jsem rád, mohuli ušetřit vydání na knihy, kterých potřebuji.

Při této příležitosti vracím se k věci, o níž mi nedávno sdělil kollega Polívka. Myslím, že Jste už do Petrogradu dostali odpověď naší Akademie, odpověď, která v očích slovanského světa čest jí neudělá. Bohužel nedá se na tom více měnit. Praesidium Akademie dalo jí III. třídě, a podle návrhu této třídy celou věc vyřídilo. U nás ve třídě I. praesidiem vůbec nebyl dotaz petrohradské Akademie předložen. Ale i kdyby byl přišel — byl by celkový výsledek dopadl stejně, neboť naše právníky a historiky nebyl bych ani já sebe větší eloquencí dovedl pohnouti k příznivějšímu mínění (vyjimkou by byli asi prof. Celakovský a Kadlec), když III. třída *κατ' ἐξουχίαν* slavistická vyslovila se proti! Je to skutečně abdikace všech těch velkých tradic slavistických které v Praze pěstovali Dobrovský, Šafařík,

* Высылаю отдельно заказным письмом.

Palacký a jiní a které učinili do jisté míry Prahu i střediskem slovanských studií a slovanského citění.

Přál bych Vám velice, abyste došli vřude jinde úspěchu, aby se ruské akademii podařilo sestaviti slovanský svaz, v jehož čele by stál Petrohrad. Po tom teprve by česká akademie uviděla, jakou chybu a hanbu si způsobila.

Přijměte mnohovažený Alexeji Alexandroviči ještě jednou mé upřímné díky spolu s přáním šťastného nového roku

Vám cele oddaný
L. Niederle. [...]

Ф. 9, оп. 1, № 944.

Перевод

Прага, 25 XII 911.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Прежде всего сердечно благодарю Вас за любезное выполнение моей последней просьбы относительно книг, изданных Академией, с которой я к Вам обратился. Книги я сегодня получил. Академия может быть уверена, что за любезность, с которой она дарит мне свои издания, я искренно ей благодарен. При моем положении в Праге у меня столько других расходов, что я очень рад сократить расходы на нужные мне книги.

При этой okazji возвращаюсь к вопросу, о котором недавно сообщил коллега Поливка. Я думаю, что Вы в Петербурге получили уже ответ нашей Академии, ответ, не делающий ей чести в глазах славянского мира. К сожалению, больше ничего изменить не удастся. Президиум Академии представил запрос на рассмотрение III Отделению и согласно проекту этого отделения его разрешил. Нашему I Отделению запрос Петербургской Академии президиумом вообще не был предложен. Но если бы он и был предложен, результат был бы тот же, потому что наших правоведов и историков даже я при всем своем красноречии не смог бы склонить к более благоприятному мнению (исключением явились бы, вероятно, проф. Челяковский и Кадлец), если III Отделение, по преимуществу славистическое, высказалось против. Это настоящее отречение от всех тех великих славянских традиций, которые воспитывались Добровским, Шафариком, Палацким и другими, и благодаря которым Прага до известной степени стала и центром славянских штудий и славянского чувства.

Пожелал бы Вам очень, чтобы Вы всюду в других местах достигли успеха, чтобы Русской Академии удалось образовать славянский союз, во главе которого стал бы Петербург. Тогда бы только Чешская Академия увидела, какую ошибку совершила и какой позор на себя навлекла.

Примите, многоуважаемый Алексей Александрович, еще раз мою искреннюю благодарность вместе с пожеланием счастливого нового года.

Вам всецело преданный
Л. Нидерле [...]

Ю. Поливка — А. А. Шахматову

13 (26) декабря 1911. Прага

V. Praze, dne 26/XII 1911
Vinohrady Hálek. 49.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Проф. В. А. Францев сообщил Вам мое письмо о том, как в нашей Академии решался вами воздвигнутый проект союза славянских академий наук. Ответ председательства нашей Академии вероятно уже в Ваших руках и коллега Нидерле кажется писал Вам уже по этому поводу.

Позвольте мне, чтобы я смел прямо Вам высказаться по этому вопросу.

По моему убеждению было бы гораздо лучше, если бы ваша Академия поставила проект пошире. Дело не только в объединении изучений славянства, его истории культурного развития и т. д., и мне кажется даже важнее организация славянских ученых работ в области естественных наук и пр. Ведь были уже съезды славянских естествоиспытателей и лекарей! Вами предлагаемая организация славянских академий только по славистике трудно исполнима уже из простых практических соображений. Славистикой интересуется меньшинство не только академий, но даже их отделений. В нашей Академии только отчасти ею интересуется III Отделение, и можно исключить еще большинство узких специалистов — „богемистов“, для которых знакомство западных, особенно немецкой литературы гораздо важнее, чем других славянских. В I Отделении только некоторые интересуются славянством. Даже если б одно отделение было согласно с Вашим проектом, оно само собою не может быть членом организации, Вами предлагаемой, если не пожелает вся Академия.

Вы совершенно верно заметили, что Вами предложен только проект, который предлежит обсуждению предлагаемого Вами съезда делегатов академий. Я то же самое сделал замечание в заседании нашего (III-его) Отделения, когда шло прение о Вашем проекте. К сожалению, отделение отклонило мое предложение, чтобы в принципе высказалось за Вашу мысль, и верх взял жалкий, немужественный, боязливый оппортунизм, как Вы уже знаете.

Официальный ответ председательства нашей Академии вышел еще хуже. Эти господа, как я наверное знаю, совсем не сочувствуют Вами предлагаемому союзу. Да если бы в них было хотя некоторое сочувствие, ответ вышел бы другой...

Потому, если бы Вы предлагали такой всеобщий союз академий наук, как я думал и прежде (на Софийском славянском съезде) сам предлагал, эти господа тоже бы отклонили и нашли бы другие предлоги, если бы не был чисто финансовый, за которым закрывают свое нерасположение. Наши ученые под таким сильным влиянием западной, точнее говоря, немецкой науки и вообще немецкой душевной жизни, что не могли бы существовать вне ее. Они совсем не интересуются наукой других славянских народов. К этому приступает оппортунизм, страх перед высшими властями...

Вы не можете рассчитывать на согласие нашей Академии... но из-за того, убедительно Вас прошу, не откажитесь от Вашей прекрасной мысли. Я все-таки надеюсь, что южнославянские академии выскажут свое согласие, и так Вы положите основы союза славянских академий

наук. К чему все-таки со временем примкнут и западнославянские, когда в их главах при других обстоятельствах будут другие люди...

Присоединяю еще просьбу: прикажите пожалуйста Вашей канцелярии, чтобы мне выслала

1) Третий выпуск III-го тома (последний) Срезневского, Материалов для древне-русского словаря (прочее все у меня есть).²

2) Сержпутовский. Сказки и рассказы белоруссов-полешуков. СПб., 1911. Издание Отделения русского языка и словесности.

Составляю теперь библиографический отчет трудов по русской этнографии за последние три года для берлинского журнала *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*³ и для этой цели покорнейше прошу, чтобы мне названная книжка была выслана по возможности скоро. Кроме того может быть Вам известно, что я специально занимаюсь сказками, и потому уже книжка для меня важна.

Примите уверение в моем глубочайшем уважении, с которым имею честь подписаться

искренне преданный Ю. Поливка.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

¹ Имеется в виду XII съезд естествоиспытателей и врачей с участием славянских делегатов, происходивший в Москве 23 декабря 1909—6 января 1910 г.

² „Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам“ И. И. Срезневского готовились к печати его детьми. Вышло 3 тома в 10 выпусках (1890—1909) и выпуск дополнений (1912).

³ Georg Polivka. *Neuere Arbeiten zur slawischen Volkskunde*. Russisch in den Jahren 1909—1911. (*Zeitschrift...* 1912).

212

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

19 декабря 1911 (1 января 1912). Вена

Вена 1. I. 1912 н. ст.
VIII. I Kochgasse 15

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Сегодня у нас новый год и я пишу Вам эти строки, чтобы поздравить Вас, Наталью Александровну и всех Ваших детей, в особенности же мою знакомую Ольгу Алексеевну, с предстоящим еще у Вас праздником. Не знаю, успел ли мой Герольд отослать во время мой подарок на елку, заказано было еще до нашего рождества. Боюсь только вашей таможни!

Я давно не писал Вам потому, что у меня были различные задержки, приостановившие на время переписку. Прежде всего, к концу 3—4 выпусков Архива пришлось написать несколько рефератов, чтобы восполнить пробелы. Потом две редакции, одна в Загребе (*Savremenik*), другая в Белграде (*Књижевни Гласник*) просили меня дать им хоть что-нибудь так сказать для рекламы. Я и написал тому и другому журналу по одному эпизоду из моей жизни.¹ Жаль, что у этих редакторов нет обычая делать отдельные оттиски, а то я бы послал и Вам для развлечения. Говорят, старость любит вспоминать молодые годы. Этот признак старости начинает развиваться и у меня. И в альманахе, представляющем сербско-хорватское литературное единение, подаваемом

проф. Чурчиным в Белграде, я поместил маленький рассказ из воспоминаний молодости.² После возни с энциклопедиею я чувствую потребность отдыха в этом стилистическом упражнении.

Вы не думайте, что Ваши планы насчет великорусской литературы озадачили или даже обидели меня. Я, правда, нахожу, что Ваш план выходит из размеров целого предприятия, но в сущности это дело не важное. Важнее то, что Ваш план перечисляет длинный ряд сотрудников, а я еще ничего не знаю о их готовности взяться за темы, которые мы имеем в виду им навязать. Несколько оскорбляет меня такое небрежное отношение к делу, как например, что Евсеев, которому Вы давно уже послали мое письмо, даже не отвечает. Так, впрочем, делают и другие. Не спешу же я с ответом потому, что и на западе еще не все улажено, например для польской литературы проф. Брикнер все еще не мог уладить дело с намеченными им сотрудниками; для чешской литературы остаются тоже еще не восполненные пробелы. Лучше обстоит дело у южных славян. Самый трудный вопрос насчет малорусской или, как теперь вошло в моду говорить, украинской литературы. После того как у нас Франко по расстройству здоровья не может войти в состав сотрудников, у нас в Галиции. положительно никого нет, на кого можно бы рассчитывать, но, судя по письмам Сумцова и Перетца, и у Вас не лучше. [...] Вы, я слышал, затеваете сообща с Коршем какой-то малорусский литературный сборник.³ Вы могли бы указать кого-нибудь? Я, вообще, подумываю о том, как бы сдать по крайней мере церковнославянскую, велико- и малорусскую литературу в руки Отделения, пусть оно попробует, как трудно вести это дело.

У нас, к сожалению, даже чисто научные предприятия получают поневоле политический оттенок. Я думаю, вялое отношение западных славян к нашему предприятию зависит от натянутых отношений всех нерусских членов славянства к вашему черезчур националистическому направлению не то Думы, не то правительства. Не только польские, но даже и чешские ученые сторонятся даже от научной солидарности с вами. По крайней мере, мне так сообщали, что в Чешской Академии вопрос об участии в „Союзе славянских академий“ большинством голосов — отклонен. Академик Смолька из Кракова мне говорил, что они сначала колебались, но потом порешили тоже никого не посылать! Такого рода настроение влияет неприятно и на наших сотрудников. Они откладывают разными увертками исполнение обещания. В числе таких, например, профессор краковский — Нитч, профессор пражский — Зубатый и Сметанка.

В данных обстоятельствах немудрено сделаться пессимистом! —

Повторяю еще раз добрые пожелания к новому году для Вас и всех Ваших, да и для всех нас.

Ваш И. В. Ягич.

Вы получили, надеюсь, мою карточку, в которой я для типографии или для заведывающего рассылкой ваших изданий написал мои желания насчет 3-го выпуска. Увижу ли я вскоре этот выпуск? У нас уже 1912, и его еще нет!

Ф. 134, оп. 3, № 1759.

¹ „Moj boravak u Berlin god. 1871—1872 i njegove posljedice“ в хорватском ежемесячном журнале „Savremenik“ (VII, 1912, 1) и „Moj prvi dolavak u Rusiju godine 1872“ „Српс ки Књижевни гласник“ (1912, 1).

²² Документы к истории славяноведения

² В. Јагић. Неколике цртице из моје прошлости. Srpsko-Hrvatski Almanah за годину 1911. — Воспоминания Ягича изданы посмертно в Загребе (1930).

³ Идет речъ, вероятно, о подготовке издания Украинской энциклопедии, в которой принимали участие А. А. Шахматов и Ф. Е. Корш в качестве редакторов и составителей ее программы. Издание вышло в два выпуска „Украинский народ в его прошлом и настоящем“ (1914—1916).

213

**Президент Краковской Академии Наук С. Тарновский —
II Отделению Академии Наук**

24 декабря 1911 (6 января 1912). Краков

Do Cesarskiej Akademii Nauk
Oddzial Rosyjskiego języka i literatury

w Petersburgu.

Pismo z dnia 24 maja 1911 Nr 302 było z największą troskliwością omawiane przez odpowiednie czynniki Krakowskiej Akademii Umiejętności a na ostatku przez Walne Zgromadzenie Członków Akademii w dniu 7 grudnia 1911.

Po dokładnem rozpatrzeniu się w sprawie — Akademia doszła do przekonania, że statut jej bezwzględnie nie pozwala na przyjęcie propozycji Cesarskiej Akademii Petersburskiej w tej rozciągłości, jaka zawarta jest w piśmie z 24 maja 1911.

Natomiast uznano za rzecz pożądaną, ażeby Akademii i inne podobne Instytuty, pracujące na bliskich sobie terenach poszukiwań naukowych porozumiewały się z sobą w sprawę najbardziej odpowiedniego podziału pracy. Tylko w ten sposób da się bowiem uniknąć równoczesnego podejmowania identycznych zadań.

Od takiego porozumienia Akademia Krakowska się nie uchyla i zawsze gotowa, gdy chodzi o jakiekolwiek przedsięwzięcia naukowe, leżące tak w jej zakresie, jak w zakresie Akademii Petersburskiej, Czeskiej lub Zagrzebskiej, wchodzić w porozumienie z niemi w celu ustalenia tej sfery prac które z największą dla nauki korzyścią mogłyby sama wykonać.

W Krakowie, dnie 6 stycznia 1912.

Ułanowski
Sekretarz Generalny.

St. Tarnowski.
Prezes Akademii.

Ф. 9, оп. 1, № 944

Перевод

Императорской Академии Наук.

Отделение русского языка и словесности

в Петербурге.

Отношение от 24 мая 1911 за № 302 было с величайшим вниманием обсуждено соответствующими инстанциями Краковской Академии Наук и в заключение Общим собранием действительных членов Академии 7 декабря 1911 г.

После обстоятельного рассмотрения вопроса Академия пришла к выводу, что ее устав не разрешает ей принять предложение имп. Петербургской Академии в той форме, в какой оно изложено в отношении от 24 мая 1911.

Вместо этого признано желательным, чтобы академии и другие подобные институты, работающие в смежных областях научных исследований, согласовывали бы свою деятельность в целях наилучшего разделения труда. Только таким способом можно будет избежать одновременной постановки одинаковых тем.

От подобного согласования Краковская Академия не уклоняется и всегда готова, когда речь идет о каких-либо научных предприятиях, стоящих как пред нею, так и перед Академией Петербургской, Чешской или Загребской, войти в соглашение с ними на предмет определения сферы работ, которые с наибольшей для науки пользой она могла бы выполнить.

Краков, 6 января 1912.

Улановский.
Генеральный секретарь.

Ст. Тарновский.
Президент Академии.

214

Л. Милетич — А. И. Соболевскому

25 декабря 1911. (7 января 1912). София

София, 25 XII. 1911. Ул. Шипка 27.

Многоуважаемый коллега!

Не можахме да се видим лично, както се предполагаше, та бързам по случай на новата година да Ви пратя сърдечен поздрав и много благопожелания, преди всичко за добро здраве през бъдещата година.

У нас годината изтече благополучно, сир. без големи политически сътресения, които постоянно се указваха възможни та можахме и да поработим нещо и за науката. Новата наша Академия се урежда, и нейното съществуване сега се стабилизира чрез закон, приет от народното събрание, чрез който, между друго, и се осигурява постоянна държавна помощ ежегодно от 60 хиляди франка. Академията има още толкова свои приходи годишно от свои фондове, та ще може да почне по-усилена дейност.

Интересува ме да зная, и ще ви моля, ако се наканите да ми пишете, не забравяйте да ми съобщите, как се разреши въпросът за участието на Ческата Академия в проектирования съюз на слав. академии, и кои още други учени корпорации ще се привлекат. Върши ли се нещо сериозно за да се състои предварителното съвещание, което е предвидено да стане чрез месец май бд. години?

Приемете сърдечен поздрав и уверение в найискрено почитание

Ваш Л. Милетич

Ф. 176, оп. 2, № 281.

Перевод

София, 25 XII. 1911. Ул. Шипка 27.

Многоуважаемый коллега!

Мы не смогли, как предполагали, повидаться лично, и я спешу по случаю нового года принести Вам свои сердечные поздравления и пожелания, прежде всего доброго здоровья в будущем году.

У нас год прошел благополучно, т. е. без больших политических потрясений, которые постоянно казались возможными, и мы смогли поработать немного и для науки. Учреждается новая наша Академия, ее существование стабилизируется законом, принятым Народным собранием, который между прочим обеспечивает постоянную государственную поддержку в размере 60 тысяч франков в год. Академия имеет еще большие ежегодные доходы от своих фондов и сможет развернуть усиленную деятельность.

Меня интересует, и я попрошу Вас, если соберетесь мне писать, не отказать сообщить мне, как разрешился вопрос с участием Чешской Академии в проектируемом союзе славянских академий, и какие еще другие научные организации будут привлечены. Принимаются ли серьезные меры для того, чтобы состоялось предварительное совещание, намечавшееся на май месяц будущего года?

Примите сердечные приветствия и уверения в искреннем почтении

Ваш Л. Милетич.

215

А. И. Белич — А. А. Шахматову

10 (23) января 1912. Белград

Белград, 10, I. 1912 г.
Немањина ул. бр. I.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Прежде всего поздравляю Вас, Вашу супругу и всех Ваших с Новым годом и желаю Вам и всем Вашим в наступающем году много приятных и счастливых дней.

У нас теперь заканчивается осенний семестр и много экзаменов; в скором времени начнутся наши каникулы, которые, к сожалению, очень непродолжительные: не более 3-х недель.

Когда я уезжал, весной прошлого года, из Петербурга, я беседовал с Вами о научном лингвистическом журнале, и Вы были любезны обещать мне свое участие в нем.¹ Теперь я очень близок к осуществлению своего давнишнего желания, хотя и не в том виде, как мы об этом говорили. Журнал, в котором, за 1-ый год, не будет больше 20-ти — 25-ти листов, будет посвящен преимущественно сербскому языку и южнославянским языкам, а остальным славянским языкам настолько, насколько их материал позволяет говорить о праславянском языке. Но тем не менее этот журнал, у которого пока и названия нет (Језички часопис или Језички летопис или что-нибудь подобное), будет следить, в общих чертах, и за ходом развития славянского языкознания и у остальных славян. В нем имеется и отдел — „хроника“, в котором будут помещаться и краткие обозрения развития славяноведения (язык, издания памятников) у всех славян. И вот моя просьба к Вам (собственно, две просьбы): не хотите ли Вы стать, статейкой или заметкой принять участие в 1-ом же выпуске (собственно в 1—2 вып.) этого журнала, который выйдет к концу мая или быть может еще раньше; во-вторых, не хотите ли Вы написать нам краткое обозрение работ по русскому языку за 1911 г. Это обозрение не должно было бы иметь больше 6—7-ми печатных страниц in 8°. Если у Вас теперь времени нет, чтобы написать и то, и другое,

то „обозрение“ могло бы войти в 3—4 вып. за этот же год, который выйдет вероятно в октябре этого года. Я не должен особенно, я думаю, подчеркивать (это и само по себе разумеется), что Ваше сотрудничество будет очень дорого моему журналу и что его редактор от души Вам будет благодарен за все, что Вы для него в этом смысле сделаете.

Милий Герасимович* бывает у меня, и мы ведем иногда предварительные беседы. Он усидчиво занимается в Народной библиотеке сербскими рукописями. Мне кажется, что из него выйдет дельный работник.

Положение политических дел у нас в настоящее время более чем странное. Все согласны в том, что „ситуация“ опасная, а в чем опасность заключается, об этом никто ничего сказать не умеет. Но одно сказать можно: что опасность не от нас; в этом-то и заключается настоящая опасность!

Филипп Федорович мне пишет, что вышла Ягичевская Глаголическая Палеография;² но мы ее здесь еще не получили. Я даже и отчета Академии за 1911 еще не получил. На днях напишу письмо в Книжный склад Академии.

На днях начну печатать свой труд по славянскому ударению, который значительно разросся.

Сердечный привет Вам и Вашей супруге
от преданного Вам

А. Белича.

Ф. 134, оп. 3, № 105.

¹ Журнал, организованный А. И. Беличем, начал выходить в Белграде с 1913 г. под названием „Јужнословенски филолог“. Шахматов дал статью в № 1 — „Об окончании родительного падежа в склонении местоимений. Замена словенски наставок gen. sing. masc. и neutr.“

² Имеется в виду статья Ягича „Глаголическое письмо“ в 3-м выпуске Энциклопедии славянской филологии.

216

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

20 марта (2 апреля) 1912 года. Вена

Вена 2/4 20/3 1912
VIII/I Kochgasse 15.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Я, конечно, очень польщен Вашим приглашением принять участие в совещаниях славянских академий, но прежде чем ответить Отделению да или нет, я бы желал представить Вам мои недоумения. Дело не в деньгах, а в том, стоит ли поезжать на совещания, которые ограничиваются участием лишь трех южнославянских академий? Ведь это все-таки не то, чего я желал бы и о чем я мечтал. Согласитесь, что в славянском мире вне пределов России играют все же главную роль Краков да Прага. Если их академии отсутствуют, то нельзя и говорить о славянских академиях. Странно, что я, списавшись с Поливкой и Смолькой, никак не могу узнать настоящей причины, почему они отказываются принять участие по крайней мере в попытке, в предварительном совещании, не имеющем никакой обязательности. Белград и София, конечно, согласятся на все наши желания, Загреб и теперь уже не очень охотно

* Долобко.

решился послать своего делегата (им жаль 800 крон, назначенных для проф. Мильчетича), и для будущего не предвидится с его стороны большого рвения. Ведь Южнославянская академия очень стеснена средствами и широкими планов теперь уже у нее нет. Они решились, как мне писал Смичиклас, принять участие не столько из убеждения — ведь они и не понимают ваших стремлений вполне — а чтобы показать себя солидарными с Белградом. Вот тут я и боюсь, что из совещаний ничего не выйдет.

Теперь прошу Вас представить себе мое положение. Я одушевляюсь этой великолепной идеею не менее Соболевского, но мои понятия о союзе славянских академий далеко расходятся со взглядами его. Я, по крайней мере, так думаю. Не знаю, имеется ли еще у Вас то письмо, в котором я изложил Вам свои возражения против проекта. Я бы, конечно, во всем охотно согласился с воззрениями, господствующими в вашей среде, но только как член Отделения, а имея в виду желание, чтобы в союз вошли и академии Краковская и Пражская, я должен стать на совсем другую точку зрения, т. е. на полную равноправность и полный объем целого академического состава. Если в данное время и не окажется надобности, чтобы собирались также естественники — все же эта великая идея требует полного согласия не одного только Отделения, а всех отделений и разрядов. Только это общее участие, т. е. пока, по крайней мере, принципиальное согласие, гарантирует нам успех дела, оберегает нас от возражений тесногрудного национализма, дает затее нужный авторитет. Если у вас нельзя добиться согласия к участию в этом деле всех отделений (я даже не могу себе представить отсутствие филологов и историков III-го Отделения), то это уже с самого начала подрывает авторитет и важность, вы впадаете в ошибку вызывать против затеи предрассудки в роде всех тех, которые в России и за границей сопряжены с именем „славянским“. Скажут, вот опять „братья славяне“ желают обделывать свои делишки на счет России, и т. д.

Вы видите, что я просто боюсь участвовать в этом деле, не предвидя никакого результата, а главное не желая вызвать разноречия по отношению и к Соболевскому и к прочим членам Отделения. Приезжать и быть немим свидетелем, это, конечно, не имело бы никакого смысла; принять же участие, чтобы проводить взгляды, которым не сочувствуют члены вроде Соболевского, — и чтобы, очень может быть, провалиться — потому что я бы защищал интересы отсутствующих в надежде, что они рано или поздно все-таки примкнут к союзу — это тоже не очень желательно.

Эти мои недоумения представляю Вам на обсуждение. Сообщите мне, не склоняетесь ли и Вы, после этих моих доводов, к тому, что будет лучше для меня не двигаться. [...]

Поздравляю Вас и все семейство с предстоящим светлым праздником. Дай бог, чтобы страдания Вашей *grande maman* прекратились в какую бы ни было сторону.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1759*

217

В. Н. Златарский — А. А. Шахматову

20 марта (2 апреля) 1912. София

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Простите, что так поздно исполняю свое обещание. Совершенно неожиданно наша Академия возложила мне спешную и краткосрочную работу, над которой я должен был весьма усиленно работать, чтобы успеть в срок ее прочитать. Это-то обстоятельство и заставило меня отложить на некоторое время окончание обещанной мною статьи, которую, наконец, сегодня послал Вам по почте.¹ Прошу Вас принять ее благосклонно.

В статье, кажется, я передал самые важные положения моего исследования, прибавив к ним и некоторые изменения и пополнения, а главное — ответ на поставленный Вами вопрос относительно того, почему составитель Именника не вычислял годов в первой части от С. М., а только от Р. X. (в рукописи стран. 7а). Не знаю, будете ли Вы довольны этим ответом, но здесь позволю себе высказать Вам свою глубокую благодарность за то, что Вы обратили мое внимание на этот весьма важный вопрос.

Относительно величины статьи я старался сохранить указанный Вами мне объем, но кажется, не выдержал его, потому что статья вышла немного больше $1\frac{1}{2}$ печатного листа. Что же касается языка ее, то я убежден, что в нем найдутся немало стилистических шероховатостей и грамматических ошибок, потому что чувствую, как постепенно я забываю русский язык. Поэтому, если последних окажется весьма много, то я бы Вас покорнейше попросил передать рукопись Н. С. Державину, который обещался мне предварительно исправить ее.

Наконец, еще одна просьба. Если Вы одобрите присланную мою статью и решите напечатать ее, то покорнейше прошу Вас распорядиться выслать мне по крайней мере одну корректуру, так как в цифрах могут вкратце некоторые нежелательные ошибки.

Извинюсь перед Вами за все эти беспокойства и поднося мою глубокую благодарность имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

В. Н. Златарский.

София, 20. III. 912.

¹ „Болгарское летоисчисление“, „Известия ОРЯС“, т. XVII, кн. 2, 1912.

218

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

23 марта (5 апреля) 1912. Вена

Вена 5/4 (23/3) 1912
VIII/I Kochgasse 15.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Считая очень важным, чтобы выяснить все недоразумения, если такие существуют по вопросу о союзе славянских академий, я, не получив никакого ответа ни от Поливки, ни от Смольки, обратился к Пастернаку, зная его откровенность по отношению ко мне, и от него кое-что

интересное узнал. Питая к Вам безграничное доверие, я посылаю Вам оба его письма. По их содержанию Вы можете создать себе понятие о ходе дела в Праге. Не буду никого обвинять, зная и чувствуя, что нет теперь уже Шафариков в Праге; у маленьких людей и взгляды маленькие, узкие. Поливка хороший человек, но мямля, без энергии, без авторитета. Президент же академии, Ранда, знаменитость в юридической науке, очень трусливый господин. Вместо того, чтобы постараться убедить кого следует в „сферах“, что этот план не имеет положительно никакой политической задней мысли, он предпочел оставить дело под сукном.

Как Вы увидите из писем, тут много толкуется о финансовых затруднениях. Но или я не понял как следует Вашего проекта, или же это только благовидный предлог, um das Kind mit dem Bade auszugiessen.

Другое дело — Краков. Там, повидимому, действительно нет желания входить в какие-либо сношения с Петербургом, т. е. с Россией. Это я разобрал из слов проф. Розвадовского, бывшего прошлым годом в Вене и заговорившего об этом, когда сделал мне краткий визит. В Кракове после смерти Люциана Малиновского нет людей с более широкими славянскими взглядами. Краковские станчики ужасные сепаратисты. Не знаю, как они относятся к Вам, но на меня смотрят с подозрением, считая меня через чур руссофильски настроенным. Вот возьмите, например, их участие в энциклопедии. Единственный Брикнер, да покойный Неринг сдержал слово, проф. же Нитч все откладывает с году в год. Даже Бодуэн не дает даже обещанного ответа, так что я уже и перестал спрашивать его.

Я бы просил Вас подчеркнуть (для своей памяти) то место, где поляки хотели бы повидимому составить в противовес вашему союзу какой-то австрийско-католический союз. Теперь я понимаю тенденцию слов Смольки, когда он мне говорил, что собирается в Загреб. Очевидно ему хотелось перетянуть Южнославянскую академию в эту австрийско-католическую сторону и таким образом предоставить вам, т. е. вашему Отделению — православных южных неавстрийских славян. [...]

Поэтому я бы просил Вас, не давая огласки этим письмам и моему сообщению, применить все старания, чтобы у вас дело вели очень осторожно, чтобы вместо единения не вышло разъединения, чтобы целый план не принял окраску политическую или даже религиозную!

Еще одно. Пригласили ли Вы (т. е. Отделение) Общество Шевченки?¹ Ведь оно, не имея названия академии, все же играет роль малорусской академии. [...]

Считайте это мое письмо дополнением к предыдущему, которое еще лучше объяснит Вам, почему я считаю для себя почти невозможным принять участие. Ведь согласитесь, не совсем приятно было бы попасть промежу двух жерновов!

Письма сохраните на всякий случай. Спасибо за портрет Ломоносова, которым я обрадовал одного австрийского немца-чиновника. Он спрашивает, сколько стоил портрет.

Еще раз с праздником.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1759.

¹ Научное товарищество имени Шевченко во Львове.

Л. Нидерле — В. И. Ламанскому

23 марта (5 апреля) 1912. Прага

V Praze — Smíchově, dne 5. IV. 1912.
Zahrada Kinských.

Милостивый государь!

Этнографическое отделение Всеславянской выставки в Праге имеет честь выслать Вам, выдающему знатоку славянской этнографии, прилагаемую програму и искреннейше просит Вас, что бы изволили нас известить, если бы Вы желали брать участие на расширению и проглублению наших работ.

Выставка должна изображать жизнь и культуру всех славянских племен в самом широком смысле этого слова на основании научных метод. В прилагаемой брошюре Вы изволите найти обстоятельную програму, в которой, разумеется, нужно видеть только начальный очерк будущей выставки.

Надеясь твердо, что изволите содействовать на осуществлении нашей мысли, покорнейше просим, что бы изволили по возможности скорее известить нас:

1. полагаете ли нужным известить или дополнить предварительную програму, пока она касается русского народа и, особенно, русской деревни,

2. каким образом должно изобразить русский народ в центральном отделении,

3. который отдел целой програмы желали бы Вы обстоятельнее изработать,

4. известите нас, пожалуйста, если бы другие специалисты желали содействовать этому предприятию и которые.

Мы уверены, что вполне признаете большое значение выставки для всего Славянства. Отмечаем только, что бы выставка дала повод к основанию или дополнению этнографических музеев по програме всеславянской этнографии.

Вполне надеясь, что милостивый государь скоро исполните нашу просьбу и нам сообщите Ваше решение, имеем честь подписаться

в глубочайшем уважении
за этнографический комитет
Prof. Dr. L. Niederle.

Ф. 35, оп. 3, № 1007.

И. В. Ягич — П. А. Лаврову

4 (17) апреля 1912. Вена

Вена 4/17. 4. 1912
VIII/I Kochgasse 15.

Многоуважаемый Петр Алексеевич!

Благодарю Вас за последнее любезное письмо и сделанное Вами в нем сообщение на счет Вашего труда по палеографии.¹ С нетерпением буду ждать появления корректурных листов. В последнее время (приблизительно с нового года) я немного отстранился от этого дела, отчасти

чтобы немножечко отдохнуть, отчасти же потому что заинтересовал меня один сербский список Козьмы Индикоплова. Но, конечно, я не потерял Энциклопедию из виду, замечаю только ужасную медленность, на мои запросы получаю ответы или поздно, или совсем их нет. Я чувствую более чем кто-либо, что значит славянская солидарность! Впрочем, ее должно испытать в скором времени также Отделение русского языка и словесности. На его приглашение собраться славянским академиям для обсуждения вопроса о союзе славянских академий откликнулись, как мне пишут, только София, Белград и Загреб. Какой это будет союз без Праги?! Я вошел в переписку с проф. Пастернеком по этому поводу и мне кажется, что можно бы было уладить и Прагу склонить все-таки к участию, надо бы только начать снова переговоры, да быть может и совещание отсрочить до осени. Не знаю, что будет.

Но я обращаюсь сегодня к Вам собственно по другой причине. Дело вот в чем. Очень часто обращаются к нашему комиссионеру изданий Венской академии с требованиями доставить им мое *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Между тем экземпляров нет, нет даже тома *Denkschriften*, где мои статьи вышли. По этой причине я наконец решил переиздать эти статьи отдельным изданием, в виде книги.² Но переиздать без изменений неудобно. Надо принять к сведению явившиеся отзывы. Ведь Вы сами говорите в Византийском Временнике стр. 522,³ что Пастернек не принял к сведению статьи, „в которых высказывались по многим пунктам возражения“ мне и моему сочинению. Значит, этот упрек можно бы отнестъ еще с большим правом ко мне, если бы я не воспользовался сделанными возражениями. Поэтому я позволяю себе обратиться к Вам с большой просьбой следующего содержания: укажите мне на рецензии, напечатанные по поводу моей *Entstehungsgeschichte*. Я знаю и гринял к сведению рецензию Вашу в Известиях т. VI (1901).⁴ Но судя по Вашим словам таких рецензий было несколько, и Вы бы оказали большую услугу мне, если бы дали мне коротенькие указания о том, где еще вышли отзывы? Я бы конечно очень охотно и добросовестно воспользовался всем, что сказано, хоть бы иногда пришлось защищать свою точку зрения.

Но этого мало. Вы постоянно следите за этим вопросом и Ваш отзыв о моем труде в данное время заключал бы несомненно гораздо больше указаний на пробелы или недосмотры, чем тогда. Не хотите ли быть столь добры и обратить мое внимание хоть на самые главные пробелы сообразно с нынешним положением этого вопроса. Я, конечно, и теперь не желаю входить в анализ полной (не славянской) деятельности Константина, а остаюсь в намеченных мною размерах. Но и внутри этой рамки должно быть в течение 12 лет сделано кое-что, что быть может без Вашего указания ускользнет от моего внимания. Я здесь (в Вене) мог бы жаловаться под конец жизни приблизительно на такое же одиночество, как в свое время это делал Копитар, только по другим причинам, т. е. я не могу жаловаться на отсутствие друзей, главным образом в Вашей великой родине, но на отсутствие интересов к славяноведению в тех широких размерах, в каких я всегда понимал его, у нас, здесь, в окружающей меня ближайшей среде. Теперь уже все современные ученые вошли в свои специальности, против чего я, конечно, не намерен возражать, но при этой специализации теряется смысл для вопросов более широких, общих, не одному только славянскому народу близких. Одним словом теперь господствует центрифугальное направле-

ние, на смену которого несомненно опять явится центринетальное, но для меня это будет уже поздно!

В доказательство как вредно отзывается эта замкнутость, сошлюсь на статью чешского ученого Hубl-а в XIV томе чешского *Časopis historický*¹ Вот молодой, повидимому, чешский ученый увлекся лаврами Брикнера и хотел перещеголять его, он отрицает подлинность письма папы Иоанна VIII, которым признается право славянского богослужения. Вы должно быть знаете эту статью, она по-моему многозначительна как отражение новейшего расположения чехов к обсуждению вопросов славянской старины с точки зрения модерно-либеральной!

Итак, Вы видите, я без помощи Вашей ничего не исправлю и не допущу, как следовало бы.

Сердечно благодарю Вас за прекрасный Ваш новый труд о Клименте Римском.² Мне было очень приятно узнать из предисловия, что у Никольского имеется новый список Жития Кирилла. Когда он издаст его?

Мой поклон Вашей супруге и Вам. Желая Вам хорошей весны и лета. Мы живо-здоровы, но в грустном настроении из-за несправедливости, с которой относятся „сферы“ к моей дорогой, но очень несчастной родине, Хорватии. Ее бросают немилосердно в пасть мадыарского шовинизма!

Ваш искренне преданный

И. В. Ягич.

Ф. 284, оп. 2, № 217.

¹ Имеется в виду „Палеографическое обозрение кирилловского письма“, вошедшее в 3-й выпуск Энциклопедии славянской филологии (1915).

² 2-е издание вышло в Берлине в 1913 г.

³ Имеется в виду рецензия П. А. Лаврова на книгу Fr. Pastrnek „Dějiny slovanských apostoľů Cyrilla a Methoda“ (V Praze, 1902,) в „Византийском временнике“ (X, 1902).

⁴ Критический разбор книги Ягича в кн. 1 т. VI „Известий ОРЯС“ (1906, стр. 243—324).

⁵ Fr. Hубl, Slovanská liturgie na Moravě v IX věku. Český časopis historický, XIV, 1908.

⁶ „Жития херсонских святых в греко-славянской письменности“ напечатаны в „Памятниках христианского Херсонеса“ (вып. 2, М., 1911). Из 28 опубликованных Лавровым новых текстов 22 относятся к Клименту.

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

6 (19) апреля 1912. Вена

Вена 6/19. 4. 1912
VIII/I Kochgasse 15.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

В доказательство, что я живо принимаю к сердцу прекрасную идею союза славянских академий, я берусь опять за перо, чтобы паки и паки, как начинают у вас молитвы, представить дело в настоящем виде, т. е. в том виде, как оно мне представляется. По-моему без Праги ваше совещание теряет большую половину своего значения. И если мне не удастся склонить Пражскую Академию, чтобы она все-таки приняла участие — тогда я буду считать мой приезд совсем лишним. Вот для дости-

жения этой цели ваше Отделение должно бы все-таки сделать еще один шаг. Ведь вы взялись за дело не так как следовало. Вы могли из письма не только Пастрика, но даже и Нидерле, очень сочувствующего этой идее, убедиться в том, что все они находят, что со стороны Отделения сделана ошибка. Ошибка принципиальная заключалась в том, что вы обратились в Прагу и т. д. не от имени совокупной Академии Наук (хоть бы с оговоркою, что пока Отделение ведет переговоры от имени всей импер. Академии Наук). Если бы поступили иначе, ваша бумага не могла бы в Праге попасть только в III „třída“ (филологам), которая поступила очень оплошно, не передав вашей бумаги также в I „třída“ (т. е. историкам). Я Вам уже намекнул, что ваше Отделение могло бы эту формальную ошибку исправить.

Вторая ваша ошибка заключалась в том, что вы послали прямо проект устава вместо того, чтобы предварительно выставить несколько общих вопросов, указать несколько таких тем, которые могли бы с большим успехом разрабатываться сообща, чем в одиночку.

И эту ошибку можно бы исправить, если бы, например, послать пояснительную записку в Прагу и вызвать ее к вторичному обсуждению этого дела.

Я написал об этом уже нашему здешнему министру Брафу (зятю покойного Ригера), члену Чешской Академии; если он захочет войти в обсуждение этого дела (ответа с его стороны по сию минуту не последовало), я постараюсь убедить его в том, что для Праги просто неприлично в таком прекрасном серьезном деле не участвовать. Если он будет на моей стороне, тогда быть может нам удастся внушить и Ранде (тесногрудному юристу) столько смелости, что он еще раз внесет это дело на обсуждение не только в Третье, но и в Первое отделение Чешской Академии. Именно для этой цели пригодилась бы ваша вторая записка.

Все это лишние распинания с моей стороны, если ваше Отделение не придает такого значения участию чехов в этом деле, как я. Но именно по этой причине я не нахожу много привлекательного в том, чтобы вмешиваться в это дело, зная вперед, что мой голос остался бы голосом вопиющего в пустыне. У нас все еще не смотрят на славянство так, как следовало бы; все еще продолжают господствовать некоторые односторонние взгляды старых славянофилов. Поэтому и будут довольствоваться славянами Балканского полуострова с придачею добрейших, но слабых хорватов. Вы, т. е. Отделение, рискуете попасть в совсем узкую колею, если будете обсуждать этот вопрос при участии одних сербов и болгар. Хотя я должен Вам сообщить, что из Белграда просили меня снабдить их статутами Интернациональной ассоциации академий, значит и им-то ваш проект не совсем понравился. Но это конечно ничего не значит, ведь Вы и ожидали, что могут быть возражения. Поэтому именно я так и дорожу участием чехов.

Если дойдет до объяснения с Брафом, я сообщу Вам тотчас же, приняло ли дело новый поворот. Но уже теперь я должен просить Вас выяснить это дело в вашем Отделении. Если оно ни на какие уступки не идет, тогда, конечно, будет с моей стороны благоразумнее далее не вмешиваться в это дело, а предоставить всю заслугу наличным членам Отделения, без меня.

Всего хорошего.

Ваш искреннейший

И. В. Ягич.

На днях я спрашивал, получена ли бумага из Петербурга о том, что предварительное совещание Ассоциации в нынешнем году не состоится.¹ Мне отвечали в канцелярии, что ничего не знают! У нас все говорят, что и это — russische Zustände!

Ф. 134, оп. 3, № 1759.

¹ Международная Ассоциация Академий, основанная в 1899 г. по постановлению конференции академий в Висбадене, имела последнюю сессию в 1913 г. в Петербурге: ее существование прекратилось в связи с мировой войной 1914—1918 гг.

222

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

12 (25) апреля 1912. Вена

Вена 12/25. 4. 1912
VIII/I Kochgasse 15.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Согласно обещанию сообщаю Вам, что я получил сегодня ответ министра (старочеха, зятя Ригера, члена Чешской Академии) Брафа на мое письмо и просьбу об интервенции. Он уверяет меня, что он жалеет, что так вышло, сваливает же вину на — поляков в том смысле, что по его же инициативе в Праге порешили последовать примеру польской академии; Пражской-де Академии было бы неловко одной (без Краковской) принять участие. Но поводом моего письма он обещал представить еще раз вопрос на обсуждение не только президента, а так[же] протектора-товарища (князя Лобковица).

Получив такой ответ, я тотчас послал ему вторую записку, в которой я указываю на пример нашей Венской Академии, вошедшей, 1-е, в союз немецких академий, 2-е, в союз Интернациональной ассоциации, не спрашивая никого и не обращая внимания на Прагу или Краков. Следовательно и Пражская Академия могла бы поступить точно так, не спрашивая, что сделает или скажет Краков. Я представил ему, что дело идет пока только о предварительном совещании, не имеющем ничего обязательного, и что становится просто несколько невежливо отклонить приглашение. Наконец, упомянул и о том, что отсутствие Праги и Кракова может придать делу окраску политическую, как будто бы австрийское правительство не желало этого совещания.

Повлияют ли все мои аргументы на тех, кто содействовал до сих пор негативному результату, сказать не могу. Выражаю только мое убеждение, что если бы ваше Отделение со своей стороны послало предложенную мною пояснительную записку, это совпадение с обеих сторон желания исправить первую ошибку могло бы все-таки иметь успех. Но ваше Отделение, как доказывает Ваше вчерашнее письмо, предпочитает ограничиться присутствием Софии, Белграда и Загреба (?), чем идти навстречу столь важному фактору в данном вопросе, как Прага.

Вы можете, сколько Вам угодно, сердиться на меня, но я все же повторяю, что ваше Отделение опять делает новую ошибку, ослушиваясь доброго совета, даваемого Вам и Отделению мною. Что стоило бы вам написать вторично записку в Пражскую Академию с пояснением дела? какое находите в этом самоуниженье? Ведь в столь новом деле ошибки или недоразумения весьма возможны и понятны. Вашей вторич-

ной запиской вы доказали бы только, что дорожите, как и следует, участием всех славянских академий. Что Краков пока не хочет присоединиться, это особая статья, тут старый национальный антагонизм играет главную роль. Для Праги такой фактор не существует.

Я сделал еще вот что. Я сказал Пастернеку, что на него падает подозрение, что он главным виновником отказа со стороны Праги, и вызвал его (не знаю, захочет ли) написать Вам, как по его изложению дело происходило. Кроме того, я ставил Пражской Академии в упрек, что она Вашу бумагу обсуждала только в III Отделении (филологическом), что следовало содержание Вашей записки доставить также до сведения I Отделения (исторического). Тогда, вероятно, получился бы с самого начала другой результат.

Как Вы видите, я придерживаюсь сербской поговорки „Богу бог, попу поп“, т. е. я откровенно возражаю и против решений нашего Отделения и против решения Праги. У меня одна цель перед глазами: если возможно, дело поправить. У Брафа я достиг по крайней мере того, что он вторично заговорит об этом деле. Чего же я достиг у Вас? Ничего! По крайней мере Ваше вчерашнее письмо это доказывает. И Вы еще спрашиваете меня, какая у меня причина не явиться? Какая — просто неуверенность в успехе дела; если ваше Отделение считает, что оно уже все сделало, и мои доводы ничего не значат, с какой стати мне, 74-летнему старику, предпринимать поездку бесцельную?

Мне как раз сегодня пишет проф. Мильчетич, делегат Загребской Академии, что и он по болезни глаз едва ли решится приехать и что ему было бы приятнее, если бы совещание было отложено до осени.

В конце концов остается Белград и София. Хорошо ли это? благо-разумно ли? Предоставляю судить Вам и вашему „непогрешимому“ Отделению.

Всего хорошего. Как немцы говорят *Nichts für Ungut*. Мы расходимся во взглядах по этому, правда, не маловажному делу, но в прочем мы остаемся искреннейшими друзьями.

Ваш И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1759.

223

II Отделение Академии Наук — Чешской Академии Наук

15 (28) апреля 1912. Петербург

15 апреля 1912 г. № 210.

В Чешскую Академию.

Отделение русского языка и словесности императорской Академии Наук, получив в настоящее время от Болгарской, Сербской и Югославянской академий согласие на участие в совещании 7—20 мая, созываемом по вопросу о союзе славянских академий и ученых обществ, весьма опечалено тем, что Чешская Академия не согласилась прислать на это совещание своих представителей.

Как видно из текста ответа Чешской Академии на приглашение Отделения русского языка и словесности, ее отказ от участия в совещании вызван опасениями финансовых затруднений, связанных с вступлением в предполагаемый союз. Отделение русского языка и словесности пола-

гает, что в том общем деле, на которое приглашаются славянские ученые, вопрос денежный — второстепенный сравнительно с моральным значением как самого союза, так и предстоящих общих научных предприятий; оно не сомневается, что деньги найдутся там, где окажутся ясно сознанные задачи и исполнители этих задач.

Ввиду этого морального значения предполагаемого союза славянских ученых учреждений, Отделение русского языка и словесности особенно дорожило бы участием в нем славной Чешской Академии.

Но для того, чтобы союз с самого начала отвечал своему назначению, необходимо всестороннее обсуждение его оснований и задач. Проект, составленный Отделением русского языка и словесности, по мнению членов самого Отделения, должен быть рассматриваем только как материал для совещания представителей академий. Участие в этом совещании Чешской Академии в высшей степени желательно, и Отделение русского языка и словесности льстит себя надеждой, что Чешская Академия, заслуги которой так высоко ценятся во всем славянском мире, не откажет в нравственной поддержке начинанию, имеющему единственную цель развитие славянской науки, и пришлет своих уполномоченных в С.-Петербург на совещание 7—20 мая.

Председательствующий академик А. А. Шахматов.

Отпуск

Ф. 9, оп. 1, № 944.

224

Ю. Поливка — А. А. Шахматову

24 апреля (7 мая) 1912. Прага

Прага — Винограды Hálk. 49
7/V 12.

Глубокоуважаемый г. председатель!

Вопреки моим ожиданиям все-таки, наконец-то, председатель решил что после нового Вашего письма нельзя остаться при прежнем решении и что академия наша вышлет делегата. Выбор его оставлен нашему отделению, но председатель высказал желание, чтобы был выбран проф. Пастернек. За этой целью созвано заседание нашего отделения на субботу 11 сего месяца, и наверно выбран будет назначенный кандидат.

Председатель нашего отделения сказал, будто бы я был *legatus patus* и т. д. Но я прямо и открыто говорил ему, что бы я, если бы мне и сделали это лестное предложение, отказался при теперешних обстоятельствах. Свое убеждение, свои мысли не мог бы я высказывать, как официальный делегат академии, и отстаивать мнения председателя Чешской Академии Ранды не могу и не хочу.

Вы видите, что уже самый выбор делегата значит программу, не очень-то благоприятствующую Вашей мысли, Вашему проекту. Боюсь, что именно вследствие участия Чешской Академии на совещаниях делегатов славянских академий будет их успех весьма платонический. Дело при этих обстоятельствах не выиграет. Даже можно сказать, что бы ваши совещания только с делегатами южнославянских академий имели бы более прочный успех, могли скорее вести к основанию настоящего союза академий наук, пожалуй пока только южнославянских с Вашей. Раз бы был такой союз, должны бы были к нему примкнуть Чешская Академия и даже

польская — не могли бы долго оставаться в „splendid isolation“ между двумя союзами, международным и славянским.

Ваше мнение о значении нашей академии весьма лестное, и Ваше мнение о необходимости участия нашей академии на совещаниях петербургских до известной степени может быть даже основательно. Но я очень боюсь, что именно участие Чешской Академии будет для союза славянских академий скорее вредно, чем полезно.

Уверяю Вас, что нет человека, который бы искреннее желал самого блестящего успеха вашим совещаниям, и что бы я был очень счастлив, если они поведут все-таки к каким-то более прочным результатам.

На днях позволил я себе обратиться на Вас с маленькою просьбою. Не находится ли известный сюжет о матери Александра Вел. Олимпиаде и о Нектонебе-Аммоне в грузинской легенде, о которой писал А. Н. Веселовский в журнале „Кавказ“ 1897 г. № 2, 3 (библиографический список П. К. Симоны, стр. 39, № 239).¹ Не откажите, возможно ли, в этой небольшой справке.

Примите уверение в моем глубочайшем уважении

Ваш Ю. Поливка.

Ф. 134, оп. 3, № 1200.

¹ П. К. Симоны. К XL-летию учено-литературной деятельности А. Н. Веселовского с приложением библиографического списка его учено-литературных трудов. СПб., 1906.

225

Чешская Академия Наук — II Отделению Академии Наук

29 апреля (12 мая) 1912. Прага

Slavnému

Předsednictvu oddělení ruského jazyka a slovesnosti carské akademie nauk
v Petrohradě.

Třída III. České Akademie pro vědy, slovesnost a umění přihlížejíc k přípisu slavného předsednictva ze dne 27. dubna 1912 čís. 210 snesla se ve schůzi své dne 11. t. m., účastniti se porady dne 20. května, svolané ve věci svazu slovanských akademií a učených společností a jmenovala svým delegátem řádného člena Professora Dr. Františka Pastrnka. O čemž klademe sobě za čest podati zprávu.

Prosíme, aby slavné předsednictvo ráčilo přijati ujištění naši dokonalé úcty

znamenáme se oddani
Rob. Novák
za presidenta.
gener. sekretář K. Vrba.

V Praze dne 12 května 1912.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

Перевод

Славному
Президиуму Отделения русского языка и словесности
имп. Академии Наук

в Петербурге

Третье отделение Чешской Академии наук, литературы и искусств, принимая во внимание отношение Президиума от 27 апреля 1912 г. за № 210, постановило в заседании своем 11 числа сего месяца принять участие в совещании 20 мая, созываемом по вопросу о Союзе славянских академий и научных обществ, и назначило своим делегатом ординарного академика профессора д-ра Франтишка Пастрнка, о чем имеет честь сообщить.

Прося Президиум принять изъявление нашего совершенного почтения, имеем честь быть покорными слугами

Роб. Новак (за президента).
Генер. секретарь К. Врба.

Прага, 12 мая, 1912.

226

Документы совещания делегатов славянских академий

7—9 (20—22) мая 1912. Петербург

a

Протокол совещания о проекте Устава Союза славянских академий и ученых обществ 7 мая 1912 г. (утреннее и вечернее заседание)

Присутствовали академики императорской Академии Наук в С.-Петербурге, Югославянской Академии наук и искусств в Загребе, Чешской Академии императора Франца Иосифа I для наук, словесности и искусства, Сербской королевской Академии наук в Белграде и Болгарской Академии наук в Софии: Ал. Белич, Василий Златарский, Ф. Е. Корш, В. И. Ламанский, Любомир Милетич, Иван Милчетич, Фр. Пастернек, А. И. Соболевский, Любомир Стоянович, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и И. В. Ягич.

Заседание открыто председательствующим в Отделении русского языка и словесности академиком А. А. Шахматовым. Академик Шахматов, указав на цель собрания, предложил приступить к выбору председателя закрытою баллотировкою. Выбранным оказался академик А. И. Соболевский, предложенный десятью голосами из одиннадцати участвовавших в баллотировке (В. И. Ламанский не присутствовал в начале заседания).

Согласно предложению А. А. Шахматова и Ал. Белича постановлено, чтобы в настоящем совещании каждому из присутствующих академиков представлено было по одному голосу.

Председатель академик А. И. Соболевский предлагает приступить к обсуждению составленного им и одобренного Отделением русского языка и словесности императорской Академии Наук в С.-Петербурге проекта устава Союза славянских академий.

В § 1 академик Пастернек предлагает исключить слова: „Императорская Академия Наук в С.-Петербурге, в лице своего Отделения русского языка и словесности, и (такие-то)“, а перечень академий, образующих

союз, перенести во второй параграф. Академик Белич поддерживает предложение об исключении приведенных слов. Постановлено большинством голосов принять предложение академика Пастернака и редактировать § 1 так: „Славянские академии образуют Союз славянских академий и ученых обществ“.

По поводу § 2 академики Пастернек, Стоянович, Белич и Ягич высказывают мнение о необходимости точнейшего определения, какие ученые общества имеют право вступить в Союз, так как желательно, чтобы в Союз вступали общества, имеющие широкие интересы в научной области славяноведения и притом преследующие научные цели.

Из чешских обществ одно Королевское, по мнению академика Пастернака, могло бы быть включено в Союз.

Академики Стоянович и Белич говорят о необходимости ограничения в этом отношении ввиду особой роли многих обществ в демократической Сербии, где насчитывается не мало обществ, которые энергично будут домогаться вступить в Союз, но принять которые едва ли окажется возможным. Без введения же ограничений в уставе Союза поднимутся в стране толки о произволе.

По мнению академика Ягича, отсутствие ограничений поведет, несомненно, к недоразумениям. Так, руководясь проектом устава, возможно принять в Союз Матицу моравскую, а это поведет к необходимости принять и Матицы сербскую, хорватскую.

Академики Милетич и Златарский предполагают ограничиться такими обществами, которые имеют исключительно академический характер. Это предложение поддерживает академик Пастернек.

Академик Шахматов возражает академику Милетичу, указывая, что найдутся общества с чисто академическим характером, которые вследствие слишком специального характера своих интересов для Союза не желательны.

Академик Соболевский указал на нежелательность указанных ограничений, так как эти ограничения могут повести к слишком значительному сокращению полезных членов Союза. Ограничения, по мнению академика Соболевского, не вытекают из соображений, высказанных в заседании, так как ведь Союз будет принимать новых членов и примет, конечно, полезных для целей Союза. Кроме того, текст ограничения, по самому существу дела, едва ли может определить точно, какие общества подлежат избранию, и все равно главным критерием при избрании будет мнение о данном обществе большинства членов Союза. Однако, ввиду желания большинства ввести некоторое ограничение в статью устава о приеме в Союз ученых обществ, академик Соболевский предлагает после слов: „ученые общества“ прибавить слова: „известные своею научною деятельностью в области славяноведения“. Прибавка эта принимается единогласно.

Академик Шахматов по поводу того же § говорит о необходимости изменить текст в том смысле, чтобы облегчить вступление в члены Союза славянским академиям, напр., Краковской, не вступившей еще в Союз, избавив такие академии от баллотировки, так как самый смысл названия „Союз славянских академий“ предполагает участие всех славянских академий.

Академик Ягич не вполне согласен с академиком Шахматовым; он полагает, что могут возникнуть и уже существуют такого рода славянские академии, которые едва ли возможно принять в Союз по специальным и не подходящим к Союзу целям их деятельности. Это мнение поддерживает и акад. Соболевский.

Академики Ягич, Милетич, Златарский, Белич и Пастернек заявляют о желательности возможно облегчить вступление в Союз академий, по целям и деятельности подходящих к Союзу (в роде Краковской), однако, они полагают, что инициатива в этом деле должна исходить от этих академий.

Ввиду последних соображений академик Фортунатов предлагает следующее дополнение к § 2: „Каждая славянская академия наук имеет право вступить в Союз“. Академик Шахматов поясняет желательность такой прибавки стремлением сохранить целостность понятия „славянские академии“, которое имеет в виду Устав. Кроме того, по мнению академика Шахматова, необходимо открыть академиям наук наиболее удобный и легкий путь в Союз, до некоторой степени отличая их от ученых обществ.

Постановлено редактировать § 2 следующим образом:

„Ныне входят в Союз, как члены, академии: императорская Академия Наук в С.-Петербурге в лице Отделения русского языка и словесности. Югославянская Академия наук и искусств в Загребе. Чешская Академия императора Франца Иосифа I для наук, словесности и искусства в Праге в лице I-го и III-го Отделений. Сербская королевская Академия наук в Белграде. Болгарская Академия наук в Софии.¹ Другие славянские академии наук присоединяются к ним на основании своих заявлений о желании войти в Союз. Ученые общества присоединяются к Союзу на основании § 12“.

Переходя к § 3, академик Пастернек решительно возражает против второго пункта этого параграфа и предлагает его уничтожить. По мнению академика Пастернека, организация съездов не должна входить в круг деятельности Союза. Для целей Союза вполне достаточно параграфа, который предоставляет Союзу право приглашать ученых специалистов для разрешения любого вопроса, входящего в круг интересов Союза. При этом академик Пастернек добавил, что устав Чешской Академии не предоставляет ей права принимать участие в съездах.

Столь же решительно высказывается против второй части § 3-го академик Ягич. Он полагает, что § 11 дает возможность Союзу заменить съезд собранием специалистов, что гораздо проще устроить, чем собрать съезд. Для академика Ягича при этом неясно, какую роль будет играть Союз на съезде: ведь там будет своя особая организация, и это весьма усложнит дело. Союзу желательно видеть лишь специалистов ученых по текущему специальному вопросу. Съезды же должно предоставить устраивать различным организациям отдельных стран.

Академик Соболевский решительно расходится с мнениями академиков Пастернека и Ягича. Он указывает на возможность съездов в целях научных. Он напоминает, что ученые общества нередко их организуют, и такие съезды дают хорошие результаты. Очевидно, и слависты нуждаются в съездах. Организация таких научных съездов, конечно, должна быть в руках лиц, стоящих во главе славянской науки. Союз славянских академий именно и явился бы подобным научным центром.

Академики Милетич и Златарский заявляют, что в Историко-филологическом Отделении Болгарской Академии наук говорилось о неудобстве

* Порядок при перечислении академий, по предложению академика Шахматова, устанавливается следующий: в оригинале, написанном на русском языке и остающемся на хранении в Архиве С.-Петербургской Академии, академии перечисляются в порядке старшинства со времени учреждения каждой академии; в копиях, переведенных на другие славянские наречия и предназначенных для каждой из вступающих в Союз академий, первую ставится эта последняя академия, а затем остальные в вышеуказанном порядке старшинства.

предоставлять Союзу организовать конгрессы с широкими целями, однако высказывались мнения, что привлечение славянских ученых к общему обсуждению специальных вопросов желательно.

Академик Белич допускает возможность, как и академик Стоянович, соглашения по общим научным вопросам. Эта идейная сторона должна остаться за Союзом. Однако, необходимо все же исключить слово съезд и вторую часть § 3 редактировать так: „содействие обсуждению важных научных вопросов в той же области“.

Академик Пастернек к этому предлагает добавить: „поставленных хотя бы одним из членов Союза“.

Предложенная академиками Беличем и Пастернеком редакция принимается.

В § 4 академик Ягич предлагает заменить слово Совет словом Общее собрание, так как Совет, у которого члены живут в разных городах, едва ли удобен. Во время же между общими собраниями, по мнению Ягича, текущими делами Союза должна заведывать академия-распорядительница.

Ввиду того, что изменение § 4, таким образом, тесно связывается с существенным изменением § 5, собрание, по предложению академика Шахматова, переходит к обсуждению § 5 совместно с § 4.

Профессор Стоянович возражает против того, что в § 5 Отделение русского языка и словесности императорской Академии Наук в С.-Петербурге поставлено во главе Союза. Права, по мнению академика Стояновича, должны быть у всех академий одинаковы. Этот вопрос настолько существен, что, в случае сохранения в Уставе первенства Русской Академии, едва ли все другие славянские академии присоединятся к Союзу. Самую организацию Союза академик Стоянович представляет себе в таком виде: Общее собрание решает вопросы, а академия-распорядительница заведует средствами и руководит деятельностью до следующего Общего собрания.

Академик Белич заявляет, что Сербская Академия стоит во главе всех просветительных учреждений Сербии и потому она может войти лишь равноправным членом в Союз. Впрочем, академик Белич полагает, что на первых порах собрания естественно должны происходить в Русской Академии. Соглашаясь с организацией Союза, предложенной академиками Ягичем и Стояновичем, академик Белич предлагает исключить Непременного члена.

С академиками Стояновичем и Беличем вполне согласен академик Пастернек. Он присовокупляет, что Чешская Академия является верхом культурных организаций Чехии, почему она во всякий международный союз ученых учреждений может войти, получая лишь равные права. По уставу Чешской Академии она не может быть в подчиненном положении в Союзе. Академик Пастернек соглашается с предыдущими авторами и по вопросу об общей организации Союза, предлагая, сверх того, чтобы академией-распорядительницей была каждая из входящих в Союз академий по очереди.

Академик Соболевский заявляет, что проект Устава вовсе ни о каком подчинении не говорит. Проект имеет лишь в виду устройство практической стороны дела. Канцелярия Союза и архив необходимо должны быть в определенном месте и не могут постоянно странствовать. Необходимо, чтобы не замедлялась доставка корректур и денежных сумм. Наконец, необходимо, чтобы было юридическое лицо, так как Союз без определенного местонахождения не может его представлять. Все эти положения и имел в виду проект Устава. При этом составитель Устава и многие

из членов Отделения русского языка и словесности понимали недостатки Международной ассоциации академий и хотели их избежать. По мнению академика Соболевского, устранение проектируемой рассматриваемым Уставом организации организацией, предлагаемую некоторыми членами совещания, — создаст учреждение для внешнего украшения славянского мира, а не для практического осуществления намеченных целей.

Академик Шахматов заявляет, что проект решительно не имел в виду подчинять другие академии Русской Академии. Академик Шахматов соглашается с тем, чтобы распорядительная роль предоставлялась Союзом одной из академий на 3 года по избранию, при чем академия, пробывшая распорядительницей 3 года, может быть переизбрана Союзом на следующее трехлетие. Поэтому академик Шахматов согласен на исключение упоминания об императорской Академии Наук в § 5.

Что касается до Непременного члена, то его избрание следует, по мнению академика Шахматова, предоставить академии-распорядительнице. Академик Корш поддерживает мнение академика Шахматова.

В § 4 постановлено слово Совет заменить словом Общее собрание, а § 5 вовсе исключить.

В остальных частях проект без существенных разногласий принимается большинством членов собрания в редакции, приложенной к настоящему протоколу.

А. Соболевский.
Н. Каринский.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

6

Проект устава Союза славянских академий и ученых обществ¹

§ 1

Славянские академии наук образуют Союз славянских академий и ученых обществ.

§ 2

Ныне входят в Союз, как члены: императорская Академия Наук в С.-Петербурге, в лице своего Отделения русского языка и словесности, Югославянская Академия наук и искусств в Загребе, Чешская Академия императора Франца Иосифа I для наук, словесности и искусства, в лице своих I и III Отделений, в Праге, Сербская королевская Академия наук в Белграде и Болгарская Академия наук в Софии; другие славянские академии наук присоединяются к ним на основании своих заявлений о желании войти в Союз. Славянские ученые общества, известные своею научною деятельностью в области славяноведения, присоединяются к Союзу на основании § 10.

§ 3

Цели образования Союза: 1) выполнение общими силами и средствами значительных по своим размерам научных предприятий в области славяноведения; 2) содействие разрешению научных вопросов в той же области, поставленных хотя бы одним из членов Союза.

§ 4

Делами Союза заведует Общее его собрание, состоящее из представителей тех академий и тех ученых обществ, которые входят в состав Союза.

§ 5

Общее собрание собирается не менее одного раза в три года для рассмотрения отчетов по выполнению предприятий Союза и проч. (§ 7), для составления программ и смет расходов новых предприятий, для избрания лиц — исполнителей предприятий и т. п.

§ 6

Общее собрание распоряжается расходованием принадлежащих Союзу денежных сумм.

§ 7

Текущими делами Союза заведует академия-распорядительница, избираемая Общим собранием сроком на три года. Она исполняет постановления Общего собрания по расходованию сумм Союза, принимает все назначаемые в распоряжение Союза деньги и ведет приходо-расходную книгу Союза; заведует выдачей и рассылкой изданий Союза, на основании распоряжений Общего собрания.

§ 8

Каждая академия и каждое ученое общество имеют в Общем собрании столько представителей, сколько признано ими будет полезным; но один голос, принадлежащий каждому члену Союза, остается неизменным, независимо от числа его представителей.

§ 9

Общее собрание имеет право приглашать на свои заседания тех ученых, присутствие которых в этих заседаниях будет признано с его стороны полезным.

§ 10

Общее собрание разрешает все вопросы открытою баллотировкою и простым большинством голосов, кроме вопросов: 1) о принятии в Союз ученых обществ, 2) об изменении настоящего устава и 3) о закрытии Союза. Для разрешения этих вопросов требуется не менее двух третей всех голосов.

§ 11

Время и место очередных заседаний Общего собрания определяются самим Общим собранием.

§ 12

Денежные средства Союза составляются из тех сумм, которые назначаются каждым членом Союза с указанием того предприятия, на которое они назначаются, и того срока, на который они вносятся.

§ 13

Сверх того, Союз принимает денежные и другие пожертвования. Если пожертвование связывается с какими-либо условиями для Союза, вопрос об его принятии разрешается Общим собранием.

§ 14

Расписка в приеме пожертвования Союзу должна быть выдана тем членом Союза, который принял пожертвование. Он сообщает о пожерт-

твовании академии-распорядительнице, но сохраняет пожертвование в своем заведывании до постановления Общего собрания.

§ 15

Избрание представителей (§ 4) производится академиями и учеными обществами на основании постановлений этих академий и обществ.

§ 16

Академия-распорядительница несет все расходы по текущим делам Союза.

§ 17

Члены Союза, оставляя Союз, обязаны привести в исполнение взятые ими на себя обязательства и вообще произвести расчет с Союзом на основании постановлений Общего собрания.

§ 18

Действия Союза прекращаются и самый Союз закрывается: 1) когда в составе его окажется менее трех членов, 2) по постановлению Общего собрания.

§ 19

В том и другом случае наличные члены Союза избирают для окончания его дел ликвидационную комиссию и представляют ей определенные особым актом полномочия.

Игн. В. Ягич
Ф. Корш
Люб. Стоянович
А. Белич
И. Милчетић

Фр. Пастрънек
А. Шахматов
Ф. Фортунатов
Л. Г. Милетич
В. Н. Златарский.

С настоящим проектом согласен, кроме § 3—16
Соболевский.

(С.-Петербург. 9 мая 1912 г.).

Ф. 9, оп. 1, № 944.

в

1912 года, 7-го мая ст. ст. в С.-Петербурге, собравшиеся на совещание об организации Союза славянских академий и ученых обществ члены академий: императорской Академии Наук Отделения русского языка и словесности А. А. Шахматов, И. В. Ягич, В. И. Ламанский, Ф. Е. Корш, Ф. Ф. Фортунатов, А. И. Соболевский, Югославянской И. Мильчетич, Чешской императора Франца Иосифа I Ф. Пастрнек, Сербской королевской Л. Стоянович и А. Белич, Болгарской Л. Милетич и В. Златарский, по избрании председателем совещания А. И. Соболевского, выработали проект Устава Союза славянских академий и ученых обществ. Постановили: представить этот проект на рассмотрение Отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук, Югославянской, Чешской, Сербской и Болгарской Академий.¹

1912 года, 8-го мая, вышепоименованные члены славянских академий, под председательством И. В. Ягича, при товарищах председателя Л. Милетиче и Ф. Пастрнке, выслушали заявления как участников совещания, так и приглашенных на совещание лиц² о желательных, по их мнению, научных предприятиях. Постановили: представить список

этих предприятий на рассмотрение Отделения русского языка и словесности и перечисленных выше академий.

А. Соболевский	И. Милчетић
Л. Г. Милетич	А. Белич
Ф. Фортунатов	В. Златарский
А. Шахматов	Люб. Стоянович
И. В. Ягич	Ф. Корш.
Фр. Пастрънек	

Приложения к протоколу:

Темы, предложенные академиком А. И. Соболевским:

- 1) Издание древнейшего (Кирилло-Мефодиевского) перевода св. Писания.
- 2) Издание памятников древнейшей церковно-славянской литературы (начать с переводов и сочинений Иоанна Экзарха Болгарского).
- 3) Издание древних памятников церковно-славянской литературы о Кирилле и Мефодии.
- 4) Издание древнейших глаголических текстов литургического содержания.
- 5) Издание снимков, планов и обмеров с памятников христианской старины на Балканском полуострове, у славян и у румын, по возможности с исследованием.

Темы, предложенные академиком А. А. Шахматовым:

- 1) Организация антропологических исследований славянских народностей (будет представлена записка Ф. К. Волкова).*
- 2) Систематическое собрание речных и других географических названий на землях, занятых славянами, в пределах как нынешнего, так и первоначального их расселения.
- 3) Систематическое собрание материалов для установления торговых путей, соединявших северовосточную Европу, в частности побережья Балтийского моря, с культурными центрами Средиземного и Черного морей в эпохи, предшествующие 1453 году.
- 4) Новое критическое издание сведений мусульманских писателей о славянах и сопредельных с ними народностях.
- 5) Организация текущей библиографии по славяноведению (ожидается доклад В. Н. Бенешевича).*
- 6) Собрание материалов для истории греческого обряда у словаков и мадьяр.

Темы, предложенные академиком А. Беличем:

Акад. Белич сообщил о том, что Сербской Академией наук будут вероятно предложены следующие две темы: 1) Полный словарь славянского языка церковно-славянской письменности у русских, болгар, сербо-хорватов. 2) Полное обозрение всех описаний славянских рукописей и книгохранилищ, в которых находятся еще не описанные славянские рукописи.

* Записка Ф. К. Волкова и изложение записки В. Н. Бенешевича не воспроизводятся.

Тема, предложенная проф. С. К. Буличем:

Проф. С. К. Булич выразил пожелание, чтобы Союз организовал собрание образцов исчезающей уже на местах славянской народной музыки, а также кодификацию и издание материалов (печатных и рукописных), относящихся к этой области.

Тема, предложенная академиком И. А. Бодуэном де Куртенэ (в связи с 1-ою и 2-ою темой А. А. Шахматова):

Организация диалектологических исследований в странах, населенных славянами.

Распадается на 3 задачи:

а) Приведение в известность всего того, что до сих пор сделано в этой области, как по части собирания материалов, так и по части их обработки, — с критической оценкой отдельных исследований.

б) Пополнение всех пробелов в этой области научного труда.

в) Установление самого целесообразного метода диалектологических исследований. В основание можно бы положить письмо А. И. Белића к И. А. Бодуэну де Куртенэ о применяемых им, Белићем, приемах. Это письмо надо опубликовать как в сербском подлиннике, так и в переводах на другие языки.³

Все данные как по части того, что до сих пор сделано, так и по части того, что еще остается сделать, следовало бы, для наглядности, наносить на нарочно с этою целью приготовленные географические карты.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

2

Протокол заседания делегатов славянских академий по вопросу об образовании Союза славянских академий и ученых обществ 9 мая 1912 года.

I. Председатель совещания А. И. Соболевский предложил делегатам подписать новый проект Устава, явившийся результатом обсуждения в первых двух заседаниях 7 мая 1912 года.

Все делегаты подписали проект; к своей подписи А. И. Соболевский прибавил ограничение о том, что несогласен с §§ 3-16.

II. Председатель совещания прочел: а) протокол заседаний 7 мая, б) протокол заседаний 7 и 8 мая и предложил принять их. Протоколы единогласно приняты и подписаны, протокол заседаний 7 и 8 мая всеми членами, а протокол заседаний 7 мая председателем его, А. И. Соболевским, и секретарем Н. М. Каринским.

После прочтения упомянутых протоколов председатель закрыл заседание.

III. Нижеподписавшиеся делегаты решили посоветоваться еще по некоторым вопросам, касающимся дальнейшего образа действия самих делегатов и ведения дела предположенного Союза до полного принятия проектированного Устава союзными академиями. Делегаты просили И. В. Ягича занять место председателя. После обсуждения вопроса о том, что союзные академии должны немедленно приступить к разрешению вопроса о принятии проектируемого Устава Союза славянских академий, все делегаты единогласно просили Отделение русского языка и словесности временно заведывать делами предположенного Союза.

IV. Делегаты Болгарской, Сербской, Чешской и Югославянской академий единодушно выразили свою глубокую благодарность Отделению русского языка и словесности и его представителям за их просвещенное и преданное отношение к делу Союза, за его почин в этом деле и за многочисленные хлопоты, которые ему и его представителям из-за этого пришлось понести.

А. Белич
J. Milčetić
Fr. Pastrnek
В. Златарский
Л. Г. Милетич

Люб. Стоянович
И. В. Ягич
А. Шахматов
Ф. Фортунатов
Ф. Корш.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

Приведенные документы отпечатаны типографским способом.

¹ Проект устава Союза славянских академий и ученых обществ, составленный совещанием представителей Отделения русского языка и словесности и 4-х славянских академий, был принят в заседании Отделения 6 октября 1912 г. всеми голосами, кроме А. И. Соболевского. 3 ноября проект устава обсуждался Общим собранием Академии Наук, причем в него были внесены некоторые редакционные поправки и предложено включить в состав представительства Академии Наук в Союзе кроме Отделения русского языка и словесности еще и разряд историко-политических наук Историко-филологического Отделения. Вследствие этого проект устава обсуждался также Историко-филологическим Отделением 28 ноября, где решено было ввести в состав представительства Академии Наук Историко-филологическое Отделение в целом, изложив это следующим образом: „Ныне входят в Союз, как члены, имп. Академия Наук в С.-Петербурге в лице своих II и III отделений“. В таком виде Устав Союза славянских академий и ученых обществ был утвержден Общим собранием 1 декабря 1912 г.

² В совещании 8 мая участвовали приглашенные петербургские слависты: И. А. Бодуэн де Куртене, С. К. Булич, К. Я. Грот, Н. С. Державин, Н. М. Каринский, В. Н. Кораблев, П. А. Кулаковский, С. П. Обнорский, И. С. Пальмов, А. Л. Петров, П. А. Ровинский, И. П. Филевич, Н. В. Ястребов, А. Л. Липовский, Г. М. Князев, П. А. Лавров, А. И. Яцимирский (Труды Института славяноведения, т. II, 1934, стр. 342).

³ См. прим. 1 к докум. 203.

227

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

15 (28) мая 1912. Вена

Вена 15/28 мая 1912
VIII/I Kochgasse 15.

Дорогой Алексей Александрович!

Вот я и дома, приехал вчера из Праги, где я провел несколько часов дня в воскресенье и вечером виделся с участниками в энциклопедии по историко-литературной части. Собрались Якубец, Сметанка, Гануш, Быдло, Нидерле и Пастернек. Относительно чешской истории литературы, когда я сообщил им желание Соболевского привлечь к участию Пальмова — все единогласно отклонили эту кандидатуру, как я мог и ожидать. Между пониманием вопроса о Гусе со стороны Пальмова и новых чешских исследователей — бездна. Я так и оставлю Пальмова в стороне. Все собравшиеся много интересовались результатами наших совещаний, и я старался представить дело в настоящем свете.

Таким образом и Пастернек получил точные указания, в каком смысле ему действовать. Необходимым считается, чтобы Вы доставили в Прагу около 40 экземпляров нового проекта устава и, если возможно, хоть бы несколько экземпляров старого проекта для сличения. Дело в том, что до сих пор у вас слишком экономничали рассылкой первого проекта, так что например Нидерле и не видал его. Это объясняется конечно тем, что до сих пор только третья „třída“ обсуждала этот вопрос. Теперь же он попадет также в среду историков. Было бы очень желательно доставить также не по одному, а побольше экземпляров протоколов, чтобы и об этом могли получить правильное понятие интересующиеся этим делом, таких же в Праге много.

Я жалею, что все эти хлопоты падают на Вас, что у Вас нет настоящей поддержки, но когда Вы уже взялись за это дело, чтобы провести его разумным способом, не à la Соболевский, то нечего делать, надо со всеми желаниями и просьбами приставать к Вам и только к Вам.

Судя по очень коротеньким известиям у вас и в „Новом Времени“ и в „Речи“ (от пятницы) ваши представители общественного мнения очень мало интересуются нашим делом. Меня это не поражает, но чехи еще не привыкли такому индифферентному отношению со стороны русской публицистики к славянскому делу. Они судят по себе. Прага, например, уже теперь делает грандиозные приготовления к приему славянских гостей по случаю „слета“ соколов! Но я старался и Пастернека и других чехов посвятить в тайны „славянских“ вопросов в России. Все „славянское“ у вас эксплуатируют по возможности в свою пользу люди à la Кулаковский, Филевич, Соболевский. Тем же самым все это „славянское“ становится подозрительным для ваших либералов. Наши стремления поэтому и так нелегко прокладывают себе дорогу, что мы хотим все „славянское“, по крайней мере в рамке науки, эманципировать от ретроградных покровителей ваших „истинно-русских людей“ и вызвать к ним сочувствие скорее у представителей европейской мысли, мы хотим и должны доказать, что „славянское“ не есть нечто антиевропейское, антилиберальное, а что стремления славянских академий надо оценивать той же меркой, как если бы это были немецкие академии. [...]

Были ли Вы в пятницу вечером в „Благотворительном“ обществе? Мне уже эта попытка ужасно не понравилась. Славянские академии не нуждаются в покровительстве „благотворительного“ общества.

Жена моя, все мои дети благодарят Наталию Александровну и Вас за Ваши большие заботы обо мне и просят меня передать Вам их поклон. Приехав благополучно домой, я узнал, что мой сын — женится! Он дождался только моего возвращения и моего согласия на помолвку. Дай ему бог счастья!

Надеюсь, Вы со временем, когда отдохнете от наезда гостей, напишете мне несколько строк.

Ваш искренне преданный

И. В. Ягич.

Петров послал мне карточку уже из — Киссингена!

Ф. 134, оп. 3, № 1759.

А. И. Белич — А. А. Шахматову

30 мая (12 июня) 1912. Белград

Белград, 30 мая 1912.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Александрович.

Получили мы Вашу Объяснительную записку и прочли ее вместе с г. Стояновичем. Мы находим, что она вобще не лишняя, а, напротив, теперь только и убедились в ее необходимости: как руководства известного рода для будущих новых членов Собрания Союза, и как закрепления на бумаге того, и для настоящих членов Союза, что имелось у нас в виду при составлении той или другой статьи Устава.

Мы находим, что она почти всегда верно передает наши мысли. Только в очень редких случаях мы осмеливаемся предложить Вам те или другие изменения. Кроме того, в отдельных замечаниях мы дальше развиваем Ваши мысли или предлагаем то или другое дополнение; но нисколько не настаиваем на внесении их в Вашу Записку. Мы Вам все это предлагаем как материал, которым Вы можете воспользоваться как Вам угодно и насколько Вам удобным покажется.

В Академии мы пока сделали только устное сообщение, которое остальные члены приняли с сочувствием; детальный отчет о наших совещаниях мы дадим только тогда, когда от Вас получим протоколы.

В Вене мы видели Ягича. Он был в хорошем настроении и очень доволен своей поездкой в Петербург.

Дома я застал жену и детей здоровыми и сильно загоревшими от нашего горного солнца; но теперь начались ежедневные (иногда проливные) дожди.

Желаем Вам от души, чтобы все Ваши как можно скорее и прочнее оправились в деревне.

Наталии Александровне нижайший поклон от г. Стояновича и меня. Вам же сердечнейший привет от нас обоих.

Преданный А. Белич.

NB 1. Таким образом Союз славянских академий и ученых обществ является настоятельной нуждой славянской науки или, еще лучше и вернее, науки о славянстве; ибо многое в вопросах славянской науки может быть в целом понято и воссоздано только тогда, когда в его построение войдет все то, что может быть добыто внимательнейшим изучением научного материала, находящегося в географических границах всех славянских народов и доступного в полном объеме только местным ученым. Союз учреждений, специально занимающихся изучением славянства, постановкой задач и разрешением вопросов, его касающихся, обосновывается научной природой самого объекта, ими изучаемого.

NB 2. Здесь, между прочим, имеется в виду и тот для данного дела в высшей степени важный факт, что взаимные сношения между славянами создавали иногда широкое духовное общение между ними, сказывавшееся в одной общей литературе и одном, в главных чертах, литературном языке.

NB 3. Но тем не менее Союз славянских академий должен рассчитывать на их помощь и на их деятельное сотрудничество в общем деле. Только

его внутренний смысл совершенно иной, чем организация и задачи таких обществ; но Союз, в своей деятельности, должен соприкасаться с ними или, по крайней мере, с многими из них. Поэтому как только явится какой-нибудь специальный вопрос, являющийся специальным предметом занятий какого-нибудь ученого общества, в интересах самого предприятия привлечь к его исполнению то или другое ученое общество, понятно, с его согласия. Ибо соответственно § 5, Общее собрание Совета для избрания исполнителей предприятий Союза нисколько не ограничено.

В 4.; к таким задачам принадлежит например: издание трудов переводной деятельности братьев первоучителей, составление полного словаря церковно-славянского языка по памятникам, имеющимся в русской, болгарской, сербско-хорватской и чешско-моравской редакциях; составление полного словаря всех географических названий в землях, обитаемых славянами, и под.

В 5. То, что заключается в скобках, мы предлагаем пропустить по следующим причинам. Единственное имущество, которым непосредственно заведует Союз — это его архив; всем остальным его имуществом, материальными средствами, книгами и рукописями заведуют союзные академии по тому принципу, который указан в § 14 по отношению к пожертвованиям. Нам кажется возможным, что некоторое издание, вызванное Союзом, а исполненное каким-нибудь обществом, к Союзу не принадлежащим, может фактически и не принадлежать Союзу.

В 6. В § 5 упоминается, в очень общих выражениях, об исполнителях научных предприятий и под. Разумеется само по себе, что Союз как таковой, в полном своем объеме, не может быть таким исполнителем. Придется образовывать исполнительные комиссии или выбирать исполнителей. Теперь не было еще надобности входить подробно в вопрос об их организации, ибо таких предприятий фактически еще не имеется. Но уже и теперь высказывались мнения, что способы для достижения выполнения различных предприятий должны быть самыми разнообразными в зависимости от природы самих предприятий. Хотя такие комиссии и исполнители предприятий и должны давать отчеты Союзу о ходе дела, и хотя в случаях, когда сам Союз дает средства для исполнения предприятия, они каждый раз могут получить эти средства только с согласия Союза, они, по мнению многих членов, по этому поводу высказывавшихся, должны быть в своей деятельности вполне самостоятельны.

(P.S. Если что-нибудь из замечания 6 Вы внесете в Записку, то тогда, конечно, это следовало бы сделать не в конце, а на соответствующем месте).

Ф. 9, оп. 1, № 944.

А. А. Шахматов. Объяснительная записка к Проекту Устава Союза славянских академий и ученых обществ

Июнь 1912. Петербург

Мысль образовать Союз славянских академий и ученых обществ явилась последствием того убеждения, что для разрешения некоторых научных задач совершенно необходимо сосредоточить на них внимание

и совокупные усилия ученых специалистов всех славянских народностей. К таким задачам относится, например, разработка доисторического прошлого, которым объединяется славянство: исследование праязыка и праистории славян предполагает организацию целого ряда работ в различных областях славянского мира и объединение этих работ ясно поставленной общей задачей. Но славянство объединяется не только своим доисторическим прошлым. Многие ветви его в начале исторической своей жизни попали под общие культурные влияния, давшие общее направление дальнейшему развитию этих славянских народностей. Подобные же общие явления в разных областях материальной и духовной культуры замечались и в позднейших исторических эпохах жизни некоторых славянских племен, в силу непрерывавшегося между ними соседства, а также и других причин. Здесь, между прочим, имеется в виду и тот для данного дела в высшей степени важный факт, что взаимные сношения между славянами создавали иногда широкое духовное общение между ними, приводившее к одной общей литературе и к одному общему в главных чертах литературному языку. Относящиеся ко всем этим явлениям изучения объединяются общим понятием о славяноведении. Область славяноведения и определяет тот круг задач, который составит предмет занятий Союза славянских академий и ученых обществ (§ 3 Проекта Устава).

В состав Союза входят прежде всего славянские академии наук (§ 1). Для присоединения к Союзу той или другой из не перечисленных в § 2 славянских академий наук достаточно простого о том ее заявления; совещание, редактируя § 2, имело в виду как те академии, которые уже имеются у славян, так и те академии, которые могут возникнуть в будущем. В этом § академии, предположительно вошедшие уже в Союз, перечислены в порядке старшинства по времени учреждения их; такой порядок остался и в подписанном уполномоченными пяти академий Проекте; но в копиях с Проекта, переведенных на болгарский, сербско-хорватский, чешский и другие славянские языки и предназначенных для каждой из вступивших в Союз академий, первую ставится эта последняя академия, а затем остальные в вышеуказанном порядке старшинства.

Кроме академий, в состав Союза входят и славянские ученые общества (§ 1), причем однако в § 2 указано то существенное ограничение, которым определяется круг таких ученых обществ: в виду приведенных в § 3 целей Союза, в состав его принимаются только те ученые общества, которые известны своею научною деятельностью в области славяноведения (§ 2). Подобное ограничение представлялось совещанию необходимым в особенности потому, что в силу § 8 каждый член Союза является равноправным участником в разрешении подлежащих общему обсуждению вопросов; было бы неудобно предоставлять в Союзе равные права с академиями таким ученым обществам, которые, по научному цензу составляющих их членов или по преследуемым ими целям, отличаются от академий; следовательно, такие общества не могут быть и принимаемы в члены Союза. Предоставление вполне свободного доступа в Союз славянским ученым обществам могло бы, в виду их участия в Общем собрании Союза (§ 4), существенно повлиять на деятельность Союза, при чем совещание опасалось, что Союз может в таком случае отвлечься от задач общего характера и обратиться к разработке совершенно частных вопросов, относящихся к той или другой отрасли славяноведения. В виду того, что установленное в § 2 ограничение („общества, известные своею научною деятельностью в области славя-

новедения“) не основывается на вполне объективных, а потому бесспорных признаках, вопрос о присоединении к Союзу того или иного славянского ученого общества предполагается подвергать всякий раз баллотировке (§§ 2 и 10). Но тем не менее Союз славянских академий должен рассчитывать на помощь и деятельное сотрудничество ученых обществ, которые привлекаются к общему делу не только в качестве членов Союза, но также, в силу § 5, в качестве исполнителей предприятий, намеченных Союзом, понятно, всякий раз с согласия на это самих ученых обществ.

Цели Союза определяются, как указано, в § 3. При этом различаются два направления в деятельности Союза: с одной стороны, Союз определяет сам подлежащие его разрешению и выполнению научные предприятия; предприятия эти характеризуются как значительные по своим размерам, ибо сложность и трудность многих задач в области славяноведения и являются причиной объединения славянских ученых учреждений в целях выполнения этих задач. К таким задачам принадлежит например: издание трудов переводной деятельности братьев-первоучителей; составление полного словаря церковно-славянского языка по памятникам, имеющимся в русской, болгарской, сербско-хорватской и чешско-моравской редакциях; составление полного словаря всех географических названий в землях, обитаемых славянами, и т. п. С другой стороны, Союз содействует разрешению научных вопросов в области славяноведения, выдвинутых теми или другими из своих членов. Примерами подобных научных вопросов, как указывалось членами совещания, могут быть вопросы об установлении целесообразной научной транскрипции, определение методов диалектологических исследований и т. п. Разрешение подобных вопросов предполагает участие в их обсуждении значительного числа специалистов, не долженствующих непременно принадлежать к организациям, входящим в состав Союза, и даже не относящихся к славянским народностям; привлечение таких специалистов к составу ученых совещаний, организуемых Союзом в силу 2 п. § 3, предусматривается § 9.

Построенная на равноправии своих членов организация Союза предполагает равное для всех членов участие в управлении делами Союза. В силу § 4 управление делами Союза передается особому органу, определяемому как Общее собрание Союза; он состоит из представителей академий и ученых обществ, вошедших в состав Союза. Общее собрание функционирует непрерывно путем письменных сношений (§§ 4, 6, 10, 14, 17, 18); но для разрешения указанных в § 5 задач оно, путем присылки членами Союза своих уполномоченных, собирается в том или другом месте (§ 11), притом в неопределенные сроки (§ 11), однако, не менее одного раза в три года (§ 5). Последнее требование вытекает из самого свойства некоторых из функций Общего собрания: составление программ для научных предприятий, избрание лиц — исполнителей предприятий, обсуждение достигнутых уже результатов (§ 5) возможно только путем живого общения представителей тех организаций, которые входят в состав Союза. Слишком редкие совещания членов Союза могут оказаться тормозом в развитии живого дела. Само собою понятно, что при письменных сношениях Общего собрания каждый член Союза (академия, ученое общество) имеет только по одному голосу; но § 8 предусматривает то же и в собраниях уполномоченных представителей; случайно происшедший численный передед уполномоченных того или другого члена Союза, съехавшихся на совещание, не может послужить

основанием для перевеса мнения одного из членов Союза перед другими, поэтому и в совещаниях член Союза сохраняет лишь один голос независимо от числа своих уполномоченных представителей. Установленное в § 10 число голосов, требующихся при решениях, относится одинаково как к порядку письменного обсуждения вопросов, так и к устным совещаниям. Упомянутая там же открытая баллотировка имеет в виду устные совещания.

В § 5 упоминается в очень общих выражениях об исполнителях научных предприятий Союза и выдвинутых Союзом научных задач. Само собой разумеется, что Союз во всем своем составе не может быть таким исполнителем. Возникает вопрос об образовании особых исполнительных комиссий. Совещание не нашло возможным теперь, когда еще не имеется в виду определенных предприятий, подробно обсуждать организацию исполнительных комиссий, но некоторыми членами совещания подчеркивалась необходимость предоставить таким комиссиям полную самостоятельность в их деятельности.

Постоянное функционирование Общего собрания, равным образом необходимость заведывания делами Союза выдвигают вопрос об учреждении постоянного органа, в котором сосредоточивалось бы фактическое управление Союзом. Таким органом, заведующим прежде всего текущими делами Союза, должна быть одна из входящих в состав Союза академия. Эта академия, в силу избрания своего в Общем собрании Союза (не квалифицированным большинством голосов, в силу § 10), становится на трехлетний избирательный срок академией-распорядительницей (§ 7). Отсутствие противной этому оговорки делает возможным переизбрание академии-распорядительницы и на следующее трехлетие. Определяемые § 7 исполнительные действия академии-распорядительницы в общих чертах суть обычные функции исполнительных органов собраний. Канцелярские и другие расходы, сопряженные с ведением дел Союза, в силу § 16, ложатся на избранную академию-распорядительницу, насколько, впрочем, такие расходы не предусмотрены в порядке, определяемом §§ 5 и 6.

Дела Союза подлежат, однако, прежде всего предварительному обсуждению всех ее членов (§ 4). Устав не входит в рассмотрение того, как осуществляется это предварительное обсуждение каждым из учреждений, вошедших в состав Союза; решению самого учреждения принадлежит избрание того или иного способа. Выделение из своей среды особого уполномоченного лица или лиц — представителей (о которых упоминают §§ 4 и 15, предусматривая возможность устных совещаний членов Союза), поручение дел, относящихся к Союзу, особым комиссиям, или разрешение этих дел всякий раз в общих собраниях академии или ученого общества — это внутренний распорядок учреждений, не касающийся самого Союза. Равным образом от самой академии-распорядительницы зависит определение порядка выполнения принятых ею на себя обязанностей. Только § 2 касается отчасти внутреннего распорядка двух из вошедших в состав Союза академий, отмечая, что императорская академия в С.-Петербурге входит в Союз в лице только одного из своих отделений, Отделения русского языка и словесности, а Чешская Академия императора Франца Иосифа I-го — в лице двух своих отделений, I и III.

Перейдя к вопросу о денежных средствах Союза, совещание не нашло целесообразным установление особых денежных взносов со стороны членов Союза для образования капитала или фонда Союза. Задачи

Союза точно определяются наличием тех или иных научных предприятий, намеченных Общим собранием Союза (§ 5); поэтому денежные средства нужны Союзу только для определенной цели, для выполнения данных предприятий. Отношение отдельных членов Союза к научному предприятию Союза может быть различное: для одних из них оно может быть интереснее и казаться важнее и нужнее, чем для других. Поэтому каждому члену Союза предоставляется участвовать или не участвовать денежными взносами в поддержании того или иного научного предприятия; размеры денежных взносов, указание срока, на который они вносятся, зависит также от свободного решения каждого члена. Это выражено в § 12. Но совещание нашло необходимым предусмотреть возможность пожертвований, в том числе возможность и денежных поступлений, в пользу Союза: §§ 13 и 14 определяют порядок поступления, хранения и распоряжения этими имуществами, составляющими собственность всего Союза.

Последние три §§ устава предусматривают выход членов Союза из его состава и прекращение действий Союза. Требование § 17 вытекает из того соображения, что программы и размеры отдельных научных предприятий Союза стоят в прямой зависимости от ассигнованных членами Союза средств, следовательно, выход члена из Союза необходимо ведет за собой учинение полного расчета между ним и Союзом.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

Текст отпечатан типографским способом; без подписи.

230

И. В. Ягич — А. А. Шахматову

4(17) августа 1912. Вена

Вена 4.17-8. 1912.

Многуважаемый Алексей Александрович!

Для различных поручений пришлось мне сегодня заехать на несколько часов в Вену. Пользуюсь свободной минутой — у меня теперь меньше свободы в деревне, чем в городе — чтобы подробнее сообщить Вам о результате моей переписки с Соболевским. Он ответил мне довольно решительным отказом от нашей идеи. Это-де не его дело, поэтому ему незачем интересоваться дальнейшим его ходом. С этим можно бы, пожалуй, и примириться, если бы он не прибавил обвинений против Вас и Фортунатова, которые ни на чем не основаны. Он пишет мне, что Вы с Фортунатовым нарочно будто бы хотели устранить его от этого дела и передать все в чьи-то другие руки. При такой напраслине мне нельзя было молчать и я написал ему второе письмо, в котором изложен мною весь ход дела, сказано как и почему мы с Вами и Фортунатовым считаем нужным сделать уступки желанию южнославянских и чешского делегата, и что мы до последней так сказать минуты считали и его согласным с изменением некоторых постановлений прежнего проекта, поэтому мы и были очень озадачены его поведением при подписании нового проекта. Я решительно восстал против обвинений Вас или Фортунатова в каком либо неискреннем, коварном деле.

Я бы Вас просил считать это сообщение пока под секретом и не реагировать. Увидим, что Соболевский ответит на мое второе письмо, в котором я столь же решительно отверг его подозрения, как и убедительно просил его не отделяться от нас. Мне сдается, что у него

задето самолюбие и что он желал бы и впредь играть в этом деле главную роль, только у него нет нужной для этого эластичности, он человек крутого нрава, не умеющий идти на компромиссы, а без компромиссов ничего не поделаешь. Если нам не удастся склонить и расположить его в нашу сторону — я боюсь, он может невыгодно повлиять на „виляющих“ счленов Отделения. А что такие у вас есть, я заключаю из того для меня довольно неприятного факта, что из наличных членов Отделения отсутствовали Кондаков, Истрин, Котляревский и Вс. Миллер. По-моему эта, извините выражение, безалаберность не могла благоприятно подействовать на гостей (к числу которых прошу меня не причислять). Поэтому я считал своей обязанностью принять все меры осторожности и примирения по отношению к Соболевскому. Для меня, отсутствующего, это несколько легче, чем для вас прочих. Когда получу новое известие, если он вообще пожелает дальше вести переписку — я дам Вам знать.

Послал ли Вам Мильчетич свое донесение в Югославянскую академию? Если нет, я могу послужить Вам экземпляром.

У нас август очень холоден и дождлив, если это будет еще продолжаться несколько недель, всех нас пройдет охота заблудиться в деревне — хотя в нынешнем году мы несравненно лучше поставлены.

Не знаю, получили ли Вы мою последнюю карточку-письмо.

Всем Вашим дружеский привет и поклон.

Ваш

И. В. Ягич.

Ф. 134, оп. 3, № 1759.

231

Ф. Пастернек — А. А. Шахматову

2 (15) ноября 1912. Прага

Vysoce vážený pane předsedol

Upřímnou radostí naplnila mne zpráva Vaší Slovnosti, že slavné Oddělení ruského jazyka a slovesnosti návrh stanov Svazu slovanských akademií schválilo, a to při účasti a se souhlasem Jeho císa. Výsocti p. praesidenta Akademie, což zajisté jest bezpečnou zárukou, že take plenum císa. Akademie návrh schválí.

Vzdávaje Vaší Slovnosti za tuto laskavou zprávu hluboké díky, dovoluji si stručně naznačiti, jaký jest stav této důležité záležitosti u nás.

Po návratu svém z Petrohradu, v květnu t. r., přeložil jsem ihned návrh stanov do češtiny a dal rozmnožiti a zašlati všem členům I. a III. třídy naší Akademie. Zároveň jsem ustně uvědomil o výsledku našich porad a schůzí petrohradských p. generálního sekretáře a jeho prostřednictvím p. praesidenta, který tou dobou dlel již na svém letním sídle mimo Prahu. S potěšením jsem seznal, že p. generální sekretář nemá žádných námitek proti navrženým stanovám.

Podle mého návrhu zvolila pak naše III. třída zvláštní komisi a vyzvala též I. třídu, aby taktéž učinila. To se stalo ještě v červnu t. r., před prázdninami. V komisi jsou z naší III. třídy: Pastrnek, Polívka, Máchal, z I. třídy: Kadlec, Čáda, Niederle.

O prázdninách obdrželi jsme od Vaší Slovnosti otisky protokolů schůzí petrohradských, začež tuto vzdávám nejučtivější díky.

Jakmile mi p. tajný rada V. Jagić soukromým dopisem oznámil, že Oddělení ruského jaz. a slov. návrh stanov schválilo, dal jsem ihned podnet, aby společná komise I. a III. třídy byla svolána a podala o návrhu stanov své votum. Schůze komise skutečně se již konala v úterý 12 t. m. Předložil jsem písemnou zprávu o dosavadních přípravách a poradách, kterážto zpráva byla schválena. Dále projednán byl celý návrh stanov a jednomyslně schválen bez jakékoli změny.

Nyní je nutno, aby toto usnesení Komise obě třídy schválily a dále aby je schválilo též valné shromáždění Akademie.

Doufám, že i tyto instance zaujmou příznivé stanovisko k navrženým stanovám Svazu a neopomenu, jakmile nastane schválení, dáti o tom Vaší Slovnosti bez odkladu správu.

Oprávněna jest zajisté naděje, že jihoslov. Akademie návrh stanov schválí. Nyní ovšem trvá ještě na Balkáně osvobozovací válka. Junácké štěstí přeje našim slovanským bratřím a proto smíme se nadíti, že záhy nastane opět doba mírné práce, zejména na poli славяноведения.

Používám konečně této vítané příležitosti a vyslovuji Vaší Slovnosti nejvřelejší díky za všechnu laskavost a pozornost a péči, kterou Jste mne, jako delegáta naší Akademie po čas mého pobytu v Petrohradě, poctiti ráčil. Mám stále v živé paměti Vaši vzácnou ochotu a vysoce si cením projevy Vašeho blahosklonného přátelství.

V hluboké úctě oddaný
Fr. Pastřnek.

Praha, Mariánska 15.
15. XI. 1912.

Ф. 9, оп. 1, № 944.

Перевод

Многоуважаемый господин председатель!

Искреннюю радость доставило мне Ваше сообщение, что Отделение русского языка и словесности утвердило проект устава Союза славянских академий, и при этом при участии и с согласия его имп. высочества г. президента Академии, что является полной гарантией того, что и пленум имп. Академии также утвердит проект.

Приннося глубокую благодарность Вам за это любезное сообщение, разрешаю себе подробно указать, в каком положении находится этот вопрос у нас.

По возвращении своем из Петербурга в мае с. г. я тотчас же перевел проект устава на чешский язык и велел размножить его и разослать всем членам I и III отделений нашей Академии. Одновременно в устной форме я поставил в известность о результатах наших петербургских совещаний и заседаний г. генерального секретаря, а при его посредстве и г. президента, который в то время проживал уже на своей даче под Прагой. С удовлетворением убедился я, что г. генеральный секретарь не имеет никаких возражений против проекта устава.

По моему предложению наше III отделение выбрало специальную комиссию и предложило сделать то же I отделению. Это произошло еще в июне с. г. перед каникулами. В комиссию от нашего III отделения вошли: Пастрnek, Поливка, Махал; от I отделения: Кадлец, Чада, Нидерле.

На каникулах мы получили от Вас копии протоколов петербургских заседаний, за что почтительно Вас благодарю.

Как только г. тайный советник В. Ягич в частном письме известил меня, что Отделение русского языка и словесности утвердило проект устава, я тотчас же дал распоряжение, чтобы общая комиссия I и III отделений была созвана и вынесла свое решение о проекте. Заседание комиссии состоялось уже во вторник 12 числа сего месяца. Я представил письменный отчет об имевших до сих пор место подготовительных работах и совещаниях, каковой был утвержден. Далее был зачитан целиком проект устава и был единогласно без каких бы то ни было изменений утвержден.

Теперь необходимо, чтобы это решение комиссии утвердили оба отделения, и затем чтобы его утвердило общее собрание Академии.

Надеюсь, что и эти инстанции станут на доброжелательную точку зрения по отношению к проекту устава Союза, и не премину, как только утверждение состоится, сообщить Вам об этом без промедления.

С полным правом можно надеяться, что и Югославянская Академия утвердит проект устава. Правда, сейчас на Балканах продолжается еще освободительная война. Юнацкое счастье благоприятствует нашим славянским братьям и поэтому мы смеем надеяться, что скоро настанет опять время мирного труда, в частности и на ниве славяноведения.

Наконец, пользуюсь этим случаем и приношу Вам сердечнейшую благодарность за всю ту любезность, внимание и заботы, которыми Вы изволили почтить меня, как делегата нашей Академии во время пребывания моего в Петербурге. Я всегда буду почитать Ваше постоянное содействие и высоко ценить проявления Вашего доброго расположения.

С глубоким уважением преданный

Фр. Пастрнек.

Прага, Марианская, 15.
15. XI. 1912.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦ, УПОМИНАЕМЫХ В СБОРНИКЕ, С КРАТКИМИ
СВЕДЕНИЯМИ О НИХ

А

Абихт Рудольф, филолог, профессор Бреславльско-го университета.—303.

Абрамович Дмитрий Иванович, род. 1873, историк русской литературы; в 1878—1909 гг. доцент Петербургской духовной академии; в 1910—1919 г. — на Высших женских курсах; с 1919—1927 г. профессор Ленинградского университета; член-корреспондент Академии Наук с 1921 г. — 231, 303.

Августин Франтишек (Augustin, F.) (р. 1846), чешский климатолог-метеоролог, учитель гимназии в Праге. — 107.

Агура Д. Д., румынский филолог-лингвист.—200, 201.

Айналов Дмитрий Васильевич (18.2—1939); с 1890 г. приват-доцент Казанского университета по кафедре теории и истории искусств; с 1903 г. — на той же кафедре в Петербургском университете; с 1914 г. член-корреспондент Академии Наук. — 231.

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), публицист-славянофил; с 1858 г. был неофициальным редактором журнала „Русская беседа“; с конца 1861 г. по конец 18.5 г. издавал газету „День“, в 1867—1868 гг. газету „Москва“ (закрыта); с 1858 один из руководителей, в 1876—1878 гг. председатель Московского славянского благотворительного комитета; с 1880 г. издавал газету „Русь“.—20, 33, 37, 40, 43, 44, 56, 59, 61, 87, 115, 116, 127, 255.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), писатель.—22, 83.

Алабин Петр Владимирович (1824—1890), писатель, всеский деятель; в 1878 г. был губернатором в Софии. (Доклад его о деятельности в Болгарии см. „15 лет существования СПб. слав. благотв. общ.“, 1883, стр. 490—484).—95.

Александр II (1813—1881), император с 1855 г.—118.

Александр Обренович (1876—1903), сербский король; вступил на престол в 1889 г., убит в 1903 г.—185.

Александров Александр Иванович (1861—1917), проф. Казанского университета по кафедре славянского языковедения и славянской филологии.—231, 303.

Альберт Эдуард (р. 1841); с 1873 г. профессор хирургии в Инсбруке, с 1881 г. — в Вене.—154, 155.

Алябьев Александр Александрович (1787—1851), композитор, автор популярных романсов.—22.

Анастасий (IX век), библиотекарь в Риме, современник Кирилла и Мефодия.—165.

Андраши Юлий, граф (1823—1890), венгерский политический деятель в борьбе за автономию, глава первого конституционного кабинета Венгрии в 1857 г.; в 1871—1879 гг. австрийский министр иностранных дел, подготовил оккупацию Австрией Боснии и Герцеговины, содействовал заключению союза Германии и Австрии против России (1879 г.).—70.

Анненков Юрий Семенович, славист.—99, 101, 106, 111.

Аноним, венгерский хронист XIII в.—104, 108.

Априлов Василь Евстафьевич (1789—1847), деятель болгарского национально-культурного возрождения; возглавлял Одесское общество покровительства болгар; основал вместе с Н. С. Палаузовым первую болгарскую школу в Габрове (1835 г.).—11, 14.

Аранца Иосиф (Aranza J.), диалектолог.—186, 138.

Арбуа де Жюбенвиль Анри (Arbois de Jubainville, H.) (1827—1910), археолог и кельтолог; с 1832 г. профессор кельтского языка и литературы в Collège de France.—329.

Аргиропуло Кимон Манулович; в 1884—1897 гг. русский министр-резидент в Черногория.—127.

Аристов Василий Иванович; с 1877 г. секретарь СПб. славянского благотворительного общества.—165, 175.

Архангельский Александр Семенович (135.—1925), историк дрезнерусской литературы; в 1832—1908 г. профессор Казанского университета; в 1394—1896 гг. был в научной командировке в Германии, Австрии и славянских землях; с 1904 г. член-корреспондент Академии Наук.—231

Асень II—Иван Асень II, царь болгарский в 1218—1241 гг.—218.

Атанацкович — см. Платон Атанацкович.

Афанасьев Александр Николаевич (1826—1871), этнограф-фольклорист.—160, 164, 165.

Ашбот Оскар (Ásbóth, O.) (р. 1852), венгерский славист; профессор славянской филологии в Будапештском университете; с 1906 г. член-корреспондент Академии Наук.—109, 263, 303.

Ашкерц Антон (Aškerc A.), словенский поэт.—209, 210.

Б

Бакич, черногорский дипломат.—128.
Балабин Виктор Петрович, русский дипломат; в 1860—1864 гг. посланник в Австрии.—35.

Балакирев Милий Алексеевич (1835—1910), композитор, руководитель русской музыкальной школы.—57, 58.

Баллаги Аладор (Ballagy A.) (р. 1853), венгерский историк, профессор новой истории в Будапештском университете.—104.

Бандури Ансельм (1671—1743), далматинский ученый, византинолог.—80, 81.

Барбулеску Илие (Barbulescu Ilie), румынский историк.—303.

Барсов Николай Павлович (1839—1889); в 1862 г. изучал в славянских землях школьный вопрос, напечатал ряд статей в „СПб. ведомостях“ и ЖМНП; с 1872 г. читал русскую историю в Варшавском университете.—35, 41, 64.

Бартнев Петр Иванович (1829—1912); с 1853 г. издатель „Русского Архива“.—21, 293.

Бартоли Маттео Джулио (Bartoli M. G.), итальянский лингвист, профессор Туринского университета.—199.

Бартолович-Штайдугар Павел, студент хорват.—133.

Бартош Франтишек (Bartoš F.) (1837—1906), учитель гимназий в ряде городов Моравии (в 1869—1892 гг. в Брно), исследователь чешского языка (синтаксис и диалектология), собиратель и издатель народных моравских песен; с 1901 г. член-корреспондент Академии Наук.—144, 145, 234.

Башкиров Александр Владимирович (р. 1857), филолог.—140.

Бейст Фридрих-Фердинанд (Beust F.) (1813—1886), реакционный саксонский дипломат, проводивший проавстрийскую политику; после австро-прусской войны австрийский министр иностранных дел, а затем и канцлер до ноября 1871 г.—51, 53.

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848)—8.

Белич Александр Иванович, род. 1876, славист лингвист, специалист по истории, диалектологии и акцентологии сербского и других славянских языков; воспитанник Новороссийского и Московского университетов, где учился в 1895—1899 гг., с 1900 г.—

доцент Великой школы в Белграде, с 1905 г. профессор Белградского университета; президент Сербской Академии наук; член-корреспондент Академии Наук с 1910 г.—X, XI, 212, 225, 240, 249, 259, 261, 263, 273, 276, 277, 290, 291, 296, 298, 303, 306, 309, 312, 314, 320, 325, 326, 340, 341, 353, 354, 356, 359, 354, 367.

Белокуров Сергей Алексеевич (1862—1918), архивист; с 1903 г. член-корреспондент Академии Наук.—232.

Беляшевский Николай Федорович (р. 1867), директор Киевского художественного, промышленного и научного музея; в 1903—1904 гг. издавал сборник „Археологическая летопись Южной России“.—196.

Бенешевич Владимир Николаевич (р. 1874), византинолог; с 1911 г. профессор Петербургского университета по кафедре церковного права.—268, 360.

Бередников Яков Иванович (1793—1854), археолог; с 1838 г. главный редактор Полного собрания русских летописей; с 1841 г. адъюнкт Академии Наук, затем академик.—3, 5.

Бернард М., владелец музыкального магазина в Петербурге.—83.

Бернекер Эрих Карлович (1874—1937), исследователь славянских и балтийских языков, профессор в Праге, Бреславе и Мюнхене; с 1923 г. редактор „Archiv für slavische Philologie“; член-корреспондент Академии Наук с 1929 г.—85, 181, 182, 215, 263, 264, 303.

Берич Иван (Brčić J.) (1824—1870), знаток и исследователь хорватской глаголической письменности; учитель старославянского языка в духовной семинарии в Задре с 1855 г.—71, 72.

Бершадский Сергей Александрович, профессор Петербургского университета; с 1850 г. читал историю философии права, затем энциклопедию права.—178.

Бессонов Петр Алексеевич (1828—1899), славист, славянофил; с 1866 г. библиотекарь Московского университета; с 1878 г. занимал кафедру славянских наречий в Харьковском университете.—5, 6, 160, 161.

Бетлягк Оттон Николаевич (1815—1904), санскритолог, с 1342 г. адъюнкт Академии Наук, затем академик; с 1363 г. жил за границей.—97.

Беттишер, педагог, исследователь А. Коменского.—154, 155.

Бетховен Людвиг (1770—1827).—42.

Биларский Петр Спиридонович (1815—1867), славист; в 1860 г. адъюнкт Академии Наук, затем академик; редактор „Записок Академии Наук.“—3, 4.

Бирк Эрнест (Birk E.) (1810—1891), историк.—68.

Бишоп Генри (1809—1867), преподаватель английского языка.—1.

Блажей.—105.

Блаков Илья Райков (Блаков И.) (1839—1913), болгарский писатель, учитель.—87.

Блскв Райко (Бльсков Р.) (р. 1819), болгарский общественный и культурный деятель, учитель, издатель журнала "Училище" и др. — 87.

Блаудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), в 1837 г. министр юстиции, затем председатель сенатского департамента законов. Издал Уложение о наказаниях; с 26 ноября 1855 г. президент Академии Наук. — 7, 11, 14.

Бобринский. — 56.

Бобровский Михаил Кириллович (р. 1785), священник; под влиянием Добровского и Копитара занялся старославянской письменностью; совершил путешествие в южнославянские страны; в 1826—1833 гг. — преподаватель старославянского языка в Виленской духовной семинарии. — 3.

Бобчев Стефан С. (1853—1937); окончил курс в Московском университете; с 1902 г. профессор Софийского университета, историк болгарского права; председатель Славянского благотворительного общества Болгарии; в 1911 г. министр народного просвещения. — 87.

Богдан Иоган (1862—1919), первый профессор славянской филологии в Бухарестском университете; издатель исторических источников. — 303.

Богданова Надежда Константиновна (1835—1897), балерина 50—60-х гг. — 18.

Богданович Д., диалектолог. — 262.

Богишич Балтазар Власевич (1834—1908); с 1870 г. занимал кафедру славянского права в Новороссийском университете; в 1872—1888 гг. был отпущен в Париж для обработки Черногорского кодекса по поручению черногорского правительства. Во время Русско-турецкой войны составлял проект судоустройства Болгарии; в 1893—1899 гг. был министром юстиции в Черногории. — 80, 81.

Богородицкий Василий Алексеевич (1857—1941), профессор Казанского университета по кафедре сравнительного языковедения; член-корреспондент Академии Наук с 1915 г. — 231, 261, 303.

Богуславский Вильгельм (р. 1825), польский историк; окончил Петербургский университет; в 1858 г. побывал у серболужичан; под влиянием Смоляра и Горника посвятил себя изучению истории серболужичского народа и северо-западных славян вообще. — 32.

Бодуэн де Куртене Иван Александрович (1845—1929), в 1870 г. доцент Петербургского университета по новой кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков; в 1872—1875 гг. — научная командировка для исследования южнославянских говоров; в 1875—1883 гг. профессор сравнительного языковедения в Казанском университете; в 1883—1893 гг. профессор Юрьевского университета по новой кафедре сравнительной грамматики славянских языков; в 1894—1899 гг. профессор Краковского университета по сравнительному языковедению и санскриту; с 1900 до 1918 г. вновь профессор Петербург-

ского университета, затем перешел в Варшавский университет; с 1897 г. член-корреспондент Академии Наук. — XI, XII, 70, 72, 78, 84, 85, 103, 123, 125, 133, 142, 144, 219, 231, 235, 244, 261, 262, 303, 326, 323, 344, 361, 362.

Боздеж Эмануэль (Bozdech E.) (1841—1889), чешский писатель, драматург и театральный критик. — 9, 70.

Бойе Поль (Boyer P.) (р. 1864), профессор русского языка Института живых восточных языков в Париже. — 303.

Болотов Василий Васильевич (1854—1900), профессор общей церковной истории в Петербургской духовной академии; историк христианского Востока; с 1893 г. член-корреспондент Академии Наук. — 169.

Борис (Борис) III, царь болгарский в 1207—1218 гг. — 201.

Боровы Клеменс (Borový K.) (р. 1838), историк канонического права; с 1863 г. занимал кафедру в Пражском университете. — 72.

Боровдин Александр Корнилович (1863—1919), историк русской литературы и общественного движения; с 1896 г. преподавал в Петербургском университете. — 231.

Ботев Христо (1847—1876), болгарский пост-революционер, публицист, вождь национального освободительного движения. — 118.

Брандль Винцент (Brandl V.) (1834—1901), историк-археолог; с 1861 г. архивариус земского архива в Брно; издатель источников по истории Моравии и историко-юридических памятников. — 67.

Брандт Роман Федорович (1853—1919), славист-языковед, с 1877 г. профессор Нежинского историко-филологического института, с 1886 г. профессор Московского университета; с 1902 г. член-корреспондент Академии Наук. — 84, 85, 133—141, 143, 198, 232, 252, 303.

Браун Федор Александрович (р. 1862); в 1883—1920 гг. занимал кафедру романогерманской филологии в Петербургском университете; эмигрант, с 1927 г. профессор Лейпцигского университета. — 231, 253.

Браунер Франтишек (Brauner F.) (1810—1880), один из вождей старочешской партии, автор работ, посвященных правовому положению чешских крестьян. — 34, 56, 58.

Браф Альбин (Bráf A.) (1851—1912), чешский экономист, деятель старочешской партии. — 348, 350.

Брехтенский Шандор (Bresztyenszku, Brésheneki Ш.) (1843—1901), историк права; с 1869 г. профессор Юридической академии, с 1874 г. университета в Загребе. — 166.

Брок Оаф (Broch O.) (р. 1857), норвежский славист-лингвист, специалист по фонетике славянских языков, ученик Фортунатова; в 1886—1888 гг.; с 1900 г. профессор университета в Осло; с 1910 г. член-корреспондент Академии Наук. — 199, 215, 240, 258, 251, 264, 255, 268, 303,

Брокгауз Ф. А., книжная фирма в Лейпциге, основанная в начале XIX в. — 281, 283.

Бругманн Карл (Brugmann K.) (1819—1919), немецкий филолог-лингвист; глава школы младограмматиков; с 1882 г. занимал кафедру сравнительного языковедения в Лейпцигском университете; с 1893 г. член-корреспондент Академии Наук. — 213.

Брун Филипп Карлович (1804—1880), историк, археолог; с 1836 г. — профессор всеобщей истории Ришельевского лицея в Одессе, с 1866 г. занимал кафедру в Новороссийском университете. — 203.

Брыных Эдуард (Brynych E.) (1846—1902), епископ, чешский клерикальный писатель. — 153, 155.

Брюкнер Александр (Brückner A.) (р. 1856), польский языковед и историк литературы; занимал кафедру славянской филологии в Львовском, а затем в Берлинском университетах; открыл и надал ряд памятников древнепольской письменности, член-корреспондент Академии Наук с 1889 г.; в последние годы проявлял прафашистские тенденции. — 196, 215, 225, 241, 242, 261, 263, 273, 274, 231, 282, 303, 337, 344, 347.

Будде Евгений Федорович (1859—1929), историк русского языка, диалектолог; с 1891 г. занимал кафедру в Казачьем университете; с 1916 г. член-корреспондент Академии Наук. — 231, 258, 259, 262, 265, 273, 274, 303.

Будилович Антон Семенович (1846—1908), славист, русский националист; с 1869 г. преподавал в Петербургской духовной академии и Историко-филологическом институте; в 1875—1891 гг. профессор Нежинского историко-филологического института; в 1881—1892 гг. профессор Варшавского университета; в 1892—1901 гг. ректор Юрьевского университета, где проводил русификацию; в последние годы — редактор „Московских Ведомостей“; с 1832 г. член-корреспондент Академии Наук. — VII, VIII, 64, 66, 67, 73, 79, 103, 144, 145, 170, 231, 235.

Будмани Петр (Budmani P.) (1835—1914), славист-лингвист, диалектолог и лексикограф; с 1883 до 1907 г. редактор „Речника хрватског и српског езика“, издававшегося Югославянской Академией наук; с 1889 г. член-корреспондент Академии Наук. — 81, 188, 263.

Булгарин Фадей Венедиктович (1789—1859), реакционный писатель. — 25.

Булич Сергей Константинович (1859—1921); с 1885 г. приват-доцент; затем профессор по кафедре сравнительного языковедения и санскрита в Петербургском университете и в других высших учебных заведениях — 231, 303, 361, 362.

Буслаев Федор Иванович (1818—1897), исследователь истории русского языка, народной поэзии и древнерусского искусства; с 1847 по 1881 г. профессор

Московского университета; с 1860 г. академик. — 1, 5, 6, 142, 143, 188.

Буяс Рамиро, участник экспедиции М. Мурко по изучению сербской акцентуации. — 227—229, 242, 243, 247—249, 252, 253, 273.

Бидло Ярослав (Bidlo J.) (1868—1937) чешский историк славянских народов; профессор Пражского университета. — 362.

Бычков Афанасий Федорович (1818—1899); с 1844 г. хранитель рукописного отделения петербургской Публичной библиотеки; с 1882 г. ее директор; с 1854 г. главный редактор „Полного собрания русских летописей“; впоследствии председатель Археографической комиссии; с 1856 г. академик; с 1893 г. председательствующий в Отделении русского языка и словесности. — 5, 71, 141, 188, 231.

Бьюри Джон Бэгнол (Bury John Bagnell) (р. 1861), в 1893—1902 гг. профессор новой и греческой истории в Дублинском университете; затем профессор новой истории в Кембридже; с 1896 г. член-корреспондент Академии Наук. — 330, 331.

Бэмс, филолог. — 303.

В

Вазов Иван (1850—1921), болгарский поэт и писатель-демократ, общественный деятель; в 1897—1899 гг. министр просвещения. — 118, 119.

Вай, Николай, барон (р. 1802), венгерский политический деятель; в 1860—1861 гг. венгерский гофканцлер. — 42.

Вайс Иосиф (Vajs J.), род. 1865, филолог-славист, палеограф, исследователь глаголической письменности; с 1912 г. занимает кафедру в Пражском университете. — 303.

Валечка Эдуард (Valečka E.) (1841—1905), чешский автор, издатель. — 161.

Вальтрович Михаил (Вальтровић М.) (р. 1839), профессор архитектуры, затем археологии в Великой школе в Белграде, основатель Сербского археологического общества; в 1834 г. хранитель Народного музея. — 203.

Валыец Матия (Valjavec M.) (1831—1397), словесный лингвист, преподаватель; с 1893 г. библиотекер Югославянской Академии. — 145.

Варламов Александр Егорович (1801—1842), автор романсов и аранжировки русских народных песен. — 22.

Васильев Александр Александрович, род. 1857, историк-византинолог; с 1904 г. профессор Юрьевского университета; эмигрант. — 231.

Васильев Леонид Лазаревич (1880-е гг. — 1920-е гг.), лингвист. — 231, 303.

Васильевский Василий Григорьевич (1838—1899), византинолог; с 1870 г. на кафедре всеобщей истории в Петербургском университете; с 1890 г. редактор ЖМНП; с 1890 г. академик. — 96, 104, 108, 204.

Васильчиков Петр Алексеевич; с 1889 г. товарищ председателя петербургского Славянского благотворительного общества. — 158.

Вацлик Иван Яковлевич, публицист по славянским вопросам. — 19—21, 23.

Вашатты (Vazatý), председатель русского кружка в Праге. — 10.

Вебер Фридрих Альбрехт (Weber F.) (1827—1931), профессор индогерманской филологии; с 1860 г. член-корреспондент Академии Наук. — 96, 97.

Величков Константин (1357—1907), болгарский драматург; публицист, историк литературы, участник национального освободительного движения. — 119.

Венелин Юрий (1802—1830), западный украинец; с 20-х годов жил в России и посвятил себя изучению истории болгар; в 1830 г. был послан Академией Наук в Болгарию для собрания этнографического материала; труды его сыграли большую роль в национально-культурном возрождении болгарского народа. — 6.

Веркович Стефан Ильич (1827—1893), археолог, собиратель болгарских народных песен. — 15—17.

Веселовский Александр Николаевич (1838—10 октября 1906), с 1870 г. на кафедре истории всеобщей литературы в Московском, затем в Петербургском университетах; с 1877 г. адъюнкт Академии Наук, затем академик; с ноября 1901 г. председательствующий в Отделении русского языка и словесности. — 89, 91, 130, 134, 152, 219, 226, 231, 258, 267, 263, 352.

Видиц Франц (р. 1872), историк словенской литературы; с 1898 г. профессор славянской филологии в Венском университете. — 289.

Викторов Алексей Егорович (1827—1883), археолог, библиограф; с 1862 г. хранитель отдела рукописей в Румянцевском и Московском публичном музеях; с 1879 г. член-корреспондент Академии Наук. — 52, 54, 161.

Виллани Драгутин (Villany D.), член Пражского земского сейма, писатель. — 56, 58.

Винтер Зигмунд (Winter Z.) (1846—1912), чешский историк, учитель гимназии в Праге. — 154—155.

Вистгалер Фр. (Wiesthaler F.) — 147.

Витасек (Vitasek), приват-доцент Пражского университета, психолог. — 223.

Витек, секретарь русского кружка в Праге. — 105.

Витте Сергей Юльевич (1849—1915), министр финансов в 1892—1904 гг. — 173.

Вишаты (Vuzatý), младшец — 163.

Влайков Федор (Тодор) Генчов (1835—1943), болгарский писатель, учился на историко-филологическом факультете Московского университета. — 117—119.

Влангали Александр Георгиевич, русский дипломат; в 1863—1873 гг. посланник в Турции. — 45, 47.

Влчек Вацлав (Vlček V.) (1839—1908), чешский публицист, романист и драматург; с 1871 г. основатель и редактор журнала „Osvěta“. — 71.

Влчек Ярослав (Vlček, J.) (1860—1930), историк чешской и словацкой литературы; с 1908 г. профессор Пражского университета. — 192, 194.

Водник Валентин (Vodník V.) (1758—1819), словенский поэт, собиратель народных песен, издатель первой словенской газеты „Ljubljanske novice“ (1797—1800). — 146, 147.

Войнович Иво (Vojnović J.) (1857—1929), писатель, поэт, драматург. — 131.

Войцицкий Казимир Владиславович (Wójcicki K.) (1807—1879), польский историк литературы. — 4.

Волков Николай Владимирович, филолог. — 231.

Волков Федор Кондратьевич (1850—1918), этнограф. — 360.

Вольпер, филолог. — 215.

Вольтер Эдуард Александрович. (р. 1856), лингвист-литовед, этнограф, библиотечный работник Академии Наук, приват-доцент Петербургского университета. — 183, 184, 231.

Вондрак Вацлав (Vondrák V.) (1859—1925), славист; с 1892 г. занимал кафедру славянской филологии в Венском университете; с 1919 г. профессор университета в Брюно. Исследователь памятников старославянского языка. — 141—144, 164, 165, 238, 239, 263, 268, 289, 292, 303.

Воровка Карель (Vorovka K.) (р. 1842), историк чешской литературы. — 156.

Воскресенский Григорий Александрович (1849—1918), славист, профессор Московской духовной академии; с 1894 г. член-корреспондент Академии Наук. — 232.

Востоков Александр Христофорович (1781—1864), знаменитый русский славист; с 1841 г. академик. — III, VII, 2—4, 8, 50, 52.

Враз Станко (Vraz S.) (1810—1851), словенский поэт. — 2, 9, 210.

Врба К. (Vrba K.), секретарь Пражской Академии Наук в 1912 г. — 331, 352, 353.

Врбка А. (Vrbka A.), исследователь А. Коменского. — 154—156.

Врятко Антонин Ярослав (Vr'átko A.) (1815—1890), историк чешской литературы; с 1861 г. главный библиотечный работник Чешского музея. — 23, 24, 35, 57, 58, 71, 100, 101, 107, 112, 147.

Вукотич Радован, черногорец. — 128.

Вучкович, ректор семинарии в Карловцах (Сербия). — 168.

Высокий (Vysoký), чех, горный инженер. — 35.

Вяземский Павел Петрович (1820—1888); в 1877 г. организатор и председатель Общества любителей древней письменности. — 107.

Вячеслав (Вацлав) (921—935), чешский князь, утвердивший христианство в Чехии, канонизирован церковью. — 169, 252.

Г

Габлер, Вильгельм (Gabler V.) (1821—1897), историк, друг К. Гавличка, редактор газеты „Národní poviny“.— 47, 48.

Гавличек-Боровский Карел (Havlíček-Borovský K.) (1821—1856), чешский поэт и публицист, в 1840—1843 гг. редактировал газету „Pražské poviny“, затем основал „Národní poviny“— газету, пользовавшуюся огромной популярностью и запрещенную австрийским правительством в 1849 г.; продолжал издание под названием „Slovan“ в Кутной Горе, также запрещенное в 1851 г.; подвергся высылке в Тироля; вернулся в Прагу с надломленным здоровьем, вскоре умер.— 8, 19, 20, 51, 53, 54, 91.

Габрилович Андра (Габрилович А.) (р. 1864), сербский историк литературы, окончил Петербургский университет.— 183, 184.

Гагарин Анатолий Евгеньевич (р. 1844), гофмейстер, член Петербургского славянского благотворительного общества.— 251.

Гай Людевит (1809—1872), хорватский политический деятель, вождь культурно-национального движения в Хорватии, так наз. иллиризма; провел реформу хорватского литературного языка и графики.— 293.

Гамерник Иосиф (Hamešnik J.) (1810—1887); чешский врач.— 36, 56, 58.

Ганель Яромир (Hanel J.) (1847—1910), историк славянского права, с 1874 г. профессор Загребского, с 1881 г.— Пражского университета.— 69, 72, 80, 112.

Ганка Вацлав (Hanka V.) (1791—1831), чешский славист-филолог, ученик Добровского, один из деятелей чешского культурно-национального движения; с 1823 г. библиотекарь Чешского музея; преподавал бесплатно русский язык в Пражском университете; с 1840 г. член-корреспондент Академии Наук.— 1, 4, 5, 18—24, 26, 32, 33, 71, 87—92, 101, 102, 147.

Гануш Игнатий (Hanus J.) (1812—1839); занимал кафедру философии в Львовском, Олочумском и Пражском университетах (1836—1852); с 1860 г. библиотекарь Пражского университета; работал в области славянской филологии и истории чешской литературы.— 68, 88, 90, 91, 100, 101.

Гануш Иосиф (Hanus J.) (1861—1941), историк чешской литературы; в 1921—1932 гг. профессор Братиславского университета.— 93, 352.

Гарашанин Илья (1812—1874), сербский политический деятель в период 1837—1867 гг.; министр внутренних дел почти бессменно с 1852 до 1861 г.; затем председатель совета министров и министр иностранных дел; либерал и австрофил, противник русского влияния в Сербии, в последние годы руссофил и консерватор.— 129.

Гардтгаузен В. (Gardthausen W.), палеограф.— 261, 262, 264.

Гарибальди Джузеппе (1807—1882).— 45.

Гаррах Ян, граф (Harrach J.) (1828—1903), чешский историк, общественный и политический деятель, мценат, соратник Палацкого и Ригера.— 56, 58, 59.

Гаттала Мартин (Hattala M.) (1821—1903), историк словацкого и чешского языков; с 1854 г. профессор славянской филологии в Пражском университете; с 1862 г. член-корреспондент Академии Наук.— 21, 34, 51, 53, 54, 57, 58, 68, 69, 99—102, 104—103, 112, 116.

Гаулер Эдмунд (Hauler E.) (1859—1941), филолог-классик.— 2, 9.

Гебауэр Ян (Gebauer J.) (1838—1907), славист-языковед, историк чешского языка; с 1873 г. занимал кафедру в Пражском университете; один из основателей журнала „Listy filologické“; с 1899 г. член-корреспондент Академии Наук.— 68, 71, 84, 100, 102, 105, 106, 117, 161, 192, 194, 215, 261, 266

Гейтлер Леопольд (Geitler L.) (1847—1835), славист-филолог, доцент Пражского университета; с 1874 г. профессор сравнительного языковедения и славянской филологии в Загребском университете.— 68, 71, 239.

Гекторович Петр (Hektorovič P.) (1486—1567), хорватский поэт, представитель дубровницкой литературы.— 81

Геллер Серваций (Heller S.) (1845—192), чешский журналист, литературный критик и писатель; во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. корреспондент; автор романов из русской жизни, член редакции и сотрудник „Narodnich Listů“, и др. изданий.— 83.

Геллих Ян (Hellich J.) (р. 1850), историк-археолог.— 6.

Гельферт Иосиф (Helfert J.) (1820—1910), историк-медиевист, политический и общественный деятель; с 1847 г. профессор Краковского университета.— 35—37.

Генниг (Генниг) Христиан, составитель полабского словаря конца XVIII—начала XVIII в.— 5, 6.

Георгий Яков, летописец XVI в.— 183, 184.

Герберт Эдуард (Herbst E.) (1820—1893), австрийский политический деятель, профессор уголовного права в Львовском, потом в Пражском университете; с 1867 до 1893 г. министр юстиции; вождь немецкой централистской партии.— 120, 122.

Геров Константин, студент Московского университета.— 9, 44.

Геров Найдан (1823—1900), деятель национального возрождения в Болгарии; учитель-филолог, затем русский вице-консул в Пловдиве (Филиппополе) в 1856—1876 гг.; первый болгарский губернатор в Свищове.— IX, X, 8—10, 17, 173, 177, 178.

Геруд, книгопродавец в Петербурге.— 132.

Гетц Леопольд (Goetz L.) (1868—1930), историк славянской церкви и канонического права, профессор Боннского университета.—231, 236.

Гешов Иван Евстратиевич (1854—1924), болгарский общественный и культурный деятель; занимал ряд выборных должностей в освобожденной Болгарии; с 1883 г. директор Софийского народного банка; с 1886 г. министр финансов; с 1882 г. редактор газеты „Марица“; председатель Болгарского Книжного дружества; с 1911 г. президент Болгарской Академии наук.—87, 307, 303, 313, 314, 325.

Гибль Франтишек (Hýbl F.) (1855—1929), историк южных славян, особенно болгар, преподаватель гимназии в Праге.—347.

Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872), славист-лингвист и историк, публицист славянофил; председатель Петербургского отделения славянского благотворительного комитета; умер во время поездки для собрания Онежских былин; с 1856 г. член-корреспондент Академии Наук.—VII, 5, 6—8, 14—16, 22, 27, 28, 32, 34, 60, 127.

Гиндели Антонин (Gindely A.) (1829—1892), историк и археограф; с 1862 г. профессор Пражского университета и архивариус, потом директор Чешского земского архива; издатель документов по истории Чехии.—63, 71, 73, 112.

Гискра Карл (Giskra K.) (1870—1879), австрийский политический деятель, активно поддерживал германизаторскую политику Шмерлинга; в 1867—1871 гг. председатель рейхсрата и министр внутренних дел.—120, 122.

Главка Иосиф (Hlávka J.), пражский архитектор, меценат; на его средства основана в 1390 г. Чешская Академия наук.—283

Глазов Владимир Гаврилович (1843—1916), с апреля 1904 г. до 18 октября 1905 г. управляющий министерством и министр народного просвещения.—250.

Глинка Михаил Иванович (1804—1855); Чехия была одной из первых стран, поставивших его оперы: „Иван Сусанин“ 29 августа 1866 г., „Руслан и Людмила“ — 16 февраля 1857 г.—22.

Гнатюк Владимир (1871—1926), этнограф Западной Украины; с 1902 г. член-корреспондент Академии Наук.—234.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852).—5, 6, 22, 24, 23, 294.

Голечек Иосиф (Holeček J.) (1853—1922), публицист-славянофил, поэт и переводчик, редактор славянского отдела в „Národní Listy“; во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. военный корреспондент; организатор и председатель Союза славянских журналистов; был в России в 1887 г.—105, 10, 114—116, 170.

Голыцын.—56

Голл Ярослав (Goll J.) (1845—1929), историк славянских народов; с 1880 г. про-

фессор Пражского университета; основатель и редактор журнала „Český časopis historický“ (1895).—106, 107, 117.

Головацкий Яков Федорович (1814—1888), исследователь западно-украинского языка и литературы; профессор Львовского университета; вследствие политических преследований переселился в 1867 г. из Галиции в Россию, где был председателем Виленской комиссии по разбору древних актов, Виленской публичной библиотеки и музея.—69, 71, 72, 81.

Головнин Александр Васильевич (1821—1886); с конца 1851 г. до апреля 1866 г. управляющий министерством и министр народного просвещения.—47, 48.

Голубинский Евгений Евстигнеевич (1834—1912), историк русской церкви, профессор Московской духовной академии, с 1903 г. академик.—66, 232, 268, 328.

Голуховский Агенор, граф (1812—1875), галичанин австрийский политический деятель; с 1849 г. наместник Галиции, с 1859 г. министр внутренних дел, в 1866—1867 и 1871 гг.—опять наместник Галиции.—51, 53.

Горник Михаил Яковлевич (Hornik M.) (1833—1894), сербо-лужицкий филолог, исследователь сербо-лужицкого языка, истории и этнографии сербо-лужичан.—31, 32, 110, 181.

Горский Александр Васильевич (1812—1875), профессор общей церковной и русской истории в Московской духовной академии и ее ректор с 1852 г.; с 1857 г. член-корреспондент Академии Наук.—50, 52.

Гостинский Отакар (Hostinský O.) (1847—1910), историк искусств, музыкальный и театральный критик; в 1883—1903 гг. профессор Пражского университета.—70.

Грабар Ольга, дочь А. И. Добрянского.—103.

Графф Эбергард Готлиб (Graff E. G.) (1780—1841), немецкий филолог; с 1824 г. профессор немецкого языка и литературы в Кенигсбергском университете; в 1827 г. обследовал памятники древней письменности в Чешском музее.—89, 90.

Граффенауэр Иован, (Graffenaue, J.), род. 1830, историк словенской литературы; учитель в разных городах Словении; с 1920 г., профессор Загребского университета.—259.

Грегр Эдуард (Grégr E.) (1829—1907), брат Ю. Грегра, доктор медицины, популяризатор идей Дарвина, политический деятель; соредaktor газеты „Národní Listy“ и журнала „Živa“.—26.

Грегр Юлий (Grégr J.) (1831—1896), чешский публицист и политический деятель, основал газет „Národní Listy“, вельд левого крыла либеральной народной партии (младочехов).—VIII, 36, 37, 56—59, 85, 114, 119, 123.

Григорий Богослов (328—390), византийский духовный писатель.—67.

Григорий, митрополит рущукский.—163.

Григорий I Великий (Двоеслов), духовный писатель; с 590 г. папа. — 135, 135.

Григорьев Александр Алексеевич, ученик Ягича, филолог; преподаватель гимназии. — 130.

Гримм Александр Иванович, чиновник министерства иностранных дел. — 6, 8.

Гримм Вильгельм (1785—1859). — 80, 81.

Гримм, Яков (1785—1833), брат В. Гримма; оба брата филологи-германисты; с 1830 г. профессора Геттингенского, с 1840 г. Берлинского университетов; основоположники сравнительно-исторического метода в филологии; собиратели и издатели народных немецких сказок.

Я. Гримм — член-корреспондент Академии Наук с 1854 г. — 2, 69, 80, 31, 183.

Гробонь Само Богдан (Hroboň S. B.) (1820—1894), словацкий поэт 40-х годов. — 32.

Грот Константин Яковлевич (1853—1934), славист; в 1833—1899 гг. профессор Варшавского университета; с 1905 г. управляющий архивом министерства императорского двора; с 1911 г. член-корреспондент Академии Наук. — VIII, XII, 32, 104, 107, 109, 112, 113, 169, 223, 224, 231, 303, 362.

Грот Николай Яковлевич (1852—1897), психолог; с 1886 г. профессор Московского университета. — 112.

Грот Яков Карлович (1812—1893), филолог-руссист; с 1840 г. профессор русского языка и словесности в Александровском (Гельсингфорском) университете; с 1855 г. адъюнкт, затем академик; с 1884 г. председательствующий в Отделении русского языка и словесности; с 1889 г. вице-президент Академии Наук. — 7, 98, 175.

Груич Никанор (Грујић Н.) (1810—1887), сербский поэт (псевдоним Срб Милутин), затем духовный писатель; с 1861 г. епископ. — 47.

Груич Савва (Грујић С.) (1840—1913), сербский политический деятель; получила военное образование и была на военной службе в России; участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; с 1903—1904 г. председатель Государственного Совета; в 1897—1898 гг. — сербский посол в России; как лидер радикалов неоднократно занимал посты военного министра и премьер-министра (в 80—90-х гг.). — 119, 195.

Грунский Николай Кузьмич, род. 1872, славист; в 1900—1903 гг. приват-доцент Харьковского, позже Юрьевского университета; профессор Киевского университета. — 303.

Грушевский Михаил Сергеевич (1866—1934); с 1894 г. профессор Львовского университета по кафедре истории Восточной Европы; организатор галицко-украинской националистической партии. Глава буржуазно-националистической школы украинской историографии. — 196.

Губад Фран (Hübad F.), учитель гимназии в Градце. — 236, 287.

Губе Ромульд Михайлович (Hube R.) (1803—1890), историк польского и вообще славянского права; в 1825—1831 гг. профессор Варшавского университета; в 1841—1845 гг. профессор польского права в Петербургском университете; член и председатель кодификационной комиссии Царства Польского, существовавшей до 1831 г.; активно участвовал в разработке законодательства для Финляндии, Литвы, Прибалтики, Кавказа, Сибири; с 1857 г. почетный член Академии Наук. — 78.

Гуйер Ольдерих (Hujer O.) (1880—1942), историк чешского и других славянских языков, профессор Пражского университета. — 303.

Гумполд, епископ мантуанский (X в.). — 251, 252.

Гундулич Иван (Gundulić J.) (1588—1633), крупнейший представитель хорватской (дубровницкой) литературы XVII века. — 80, 85, 131.

Гунфальви Поль (Hunfalvy Pál) (1810—1871), венгерский лингвист и этнограф. — 103.

Гурбан Богуслав (Hurban B.), брат Светозара. — 132.

Гурбан-Ваянский Светозар (Hurban-Vajanski S.) (1847—1910), словацкий поэт и писатель, публицист, общественный деятель. Редактор газеты „Narodne noviny“, неоднократно терпел преследования в венгерских властях. — 132.

Гус Ян (Hus J.) (1369—1415), чешский ученый, вождь национально-религиозного движения, ректор Пражского университета; создатель чешской графики. — 362.

Д

Давыдов Иван Иванович (1794—1863); с 1831 г. на кафедре русской словесности в Московском университете; с 1847 г. директор Главного педагогического института в Петербурге; с 1841 г. академик. — 3.

Далматин Юрий (Dalmatin J.) (1547—1589), словенский духовный писатель-протестант. — 123, 12.

Даль Владимир Иванович (1801—1872). Писатель, этнограф, лексикограф; с 1863 г. почетный член Академии Наук. — 67, 71.

Дамаскин Студит, греческий проповедник XVI в. — 230, 201.

Даничич Джуро (Юрий) (Даничић Ђуро) (1825—1882), филолог-языковед, профессор славянского языковедия и литературы в Белградской Восточной школе; в 1857 г. секретарь Югославянской Академии в Загребе; с 1874 г. снова на кафедре славянской филологии в Белградском университете; с 1878 г. работал над историческим словарем сербо-хорватского языка, издаваемым Югославянской Академией; с 1864 г. член-корреспондент Академии Наук. — IX, 47—50, 72, 80—32, 85, 228, 229.

Дашкевич Николай Петрович (1852—1908), историк всеобщей литературы, профессор Киевского университета; с 1907 г. академик. — 231, 268.

Дворжак Рудольф (Dvořák R.) (1860—1920), ориенталист, профессор Пражского университета. — 253, 263.

Дейбнер (Deubner), вероятно Тейбнер, см.

Делаво Анри (Delaveau H.), французский литературный критик. — 25, 26.

Делянов Иван Давыдович (1818—189); в 1857—1873 гг. товарищ министра, с 1882 министр народного просвещения. — 39.

Демидовы, русские капиталисты-горнопромышленники. — 39.

Дервас фон, рязанский помещик. — 168.

Державин Николай Севастьянович; род. 1377, славист-филолог, историк и этнограф; с 1918 г. профессор Ленинградского университета; с 1931 г. академик. — 343, 362.

Джальский Ксавер Шандор (Babčič) (р. 1354), хорватский писатель. — 131.

Джемс Ричард, английский путешественник в России в XVII в. — 3.

Джонич (Ћонић), ассистент П. И. Поповича в Белградском университете. — 31.

Джорджевич Владан (Ђорђевић В.) (р. 1844), историк Сербии, политический деятель, редактор „Отаџбина“ (1375—1392). — 83.

Джорджевич Георгий (Ђорђевић Ђо Ђе) (1867—1393), филолог; с 1891 г. учитель гимназии в Белграде, с 1892 г. работал в семинарии Ягича в Венском университете; участвовал в подготовке к печати тома песен и тома сказок Караджича; умер в Вене, заболев при поездке туда в качестве депутата для переноса праха Вука Караджича в Белград. — 133, 184, 185.

Джорджевич Пера (Ђорђевић П.) (135—1902), филолог-языковед. — 164, 165.

Диккенс Чарльз (1812—1370). — 1.

Дильс Герман (Diels H.) (1343—1922), специалист по античной философии, профессор Берлинского университета, неприменный секретарь Прусской Академии наук; с 1395 г. член-корреспондент Академии Наук. — 303.

Диц Фридрих (Diez F.) (1794—1376), филолог-романист. — 63, 71.

Добровский Иосиф (Dobrovský J.) (1753—1329), знаменитый чешский славист. — III, 4, 32, 51, 53, 69, 71, 72, 83—92, 100, 102, 147, 161, 133, 333, 334.

Добролюбов Николай Александрович (1336—1361). — 160.

Добрянский Адольф Иванович (1317—1911), деятель национально-культурного возрождения Прикарпатской Руси. — 65, 106, 133, 109, 112.

Довнар-Запольский Митрофан Викторович (р. 1367); с 1901 г. занимал кафедру русской истории в Киевском университете. — 231.

Дозон Огюст (1822—1897); с 1353 г. в течение 30 лет был французским консулом в Балканских странах; изучал и переводил поэзию славянских народов; профессор русского языка в Парижской школе восточных языков. — 45, 117.

Долобоко Милий Герасимович (1334—1935), славист-лингвист, профессор Ленинградского университета. — 31, 314, 370, 341.

Достоевский Федор Михайлович (1321—1331). — 143.

Доуха Франтишек (Doucha F.) (1310—1834), чешский библиограф, переводчик Байрона, Данте, Шекспира и др. — 38, 91.

Драганов Петр Данилович (р. 1857), славист библиограф. — 54, 138, 231, 240.

Дробнич (Дробнић), сербский лексикограф. — 63.

Држич Марин (Држић М.) (1510—1567), представитель хорватской (дубровницкой) литературы, прованки и поэт, драматург. — 195.

Дринов Марин Степанович (1333—1906), деятель болгарского возрождения основатель Болгарского Книжного дружества, член правительства Болгарии в 1377—1879 гг.; с 1873 г. занимал кафедру славяноведения в Ларьковском университете; с 1898 г. член-корреспондент Академии Наук. — 62, 95, 117—119, 173, 177, 178, 232, 233, 323.

Дубровин Николай Федорович (1837—1904), историк; с 1896 г. редактор „Русской Старины“; с 1897 г. альжувкт, затем академик, с 1893 г. неприменный секретарь Академии Наук. — 231.

Дулик Беда Франц (Dudík B. F.) (1815—1890), историк Моравии, учитель в Брно; с 1855 г. государственный историограф Моравии. — 67.

Дундр Иосиф (Dundr J.) (1302—1874); с 1842 г. сотрудник Чешского музея в Праге; им переписано для Музея много важных литературных памятников. — 39, 91.

Дурдик Павел, доктор медицины. — 69, 72.

Дурих Осип Иванович, чех-руссофил мельник в Клашторе. — 111, 112.

Дурих Фортунат (Durych F.) (1735—1802), один из основоположников славяноведения в Чехии, учитель и помощник И. Добровского, занимается церковно-славянской письменностью и славянскими древностями. — 72, 92, 100, 102.

Дурново Николай Николаевич (р. 1876), руссист; с 1904 г. приват-доцент Московского университета по кафедре русского языка и литературы; в 1910 г. профессор Саратовского университета; эмигрант. — 303.

Дучич Никифор (Дучић Н.), (1832—1900), архимандрит, активный участник сербских восстаний и освободительных войн, историк Сербии. — 151, 153.

Дювернуа Александр Львович (1840—1836), славист-лингвист; с 135 г. занимал кафедру славянской филологии в Московском университете. — 45, 117—119, 135, 136.

Дювернуа Генриетта Андреевна, жена А. Л. Дювернуа. — 113, 119.

Дювернуа Лев, сын А. Л. Дювернуа. — 119.

Е

Евсеев Иван Евсеевич (1858—1921), профессор Петербургской духовной академии по истории древнерусской литературы; с 1914 г. член-корреспондент Академии Наук. — 231, 303, 323, 337.

Евфимий Тривский (XIV век), последний болгарский патриарх до завоевания Болгарии турками, культурный и общественный деятель. — 203.

Енко Элеонора, дочь Людевита Енко (1841—1939), известного общественного и культурного деятеля Словении, основателя русских кружков, автора статей о России, переводчика Пушкина. — 209.

Енсен Альфред (Jensen A.) (1859—1921), шведский славист, историк славянских литератур. — 215.

Ж

Жданов Иван Николаевич (1846—1901), историк русской литературы; с 1882 г. профессор Историко-филологического института в Петербурге; с 1899 г. академик. — 178.

Жижка Ян (Žižka J.) (1360—1424). Вождь таборитов в эпоху гуситских войн. — 34.

Жинзифов Ксенофонт (Райко) Иванович (1839—1877), болгарский поэт, публицист, общественный деятель; в 1855—1856 гг. учитель, помощник Дм. Младинова в Велесе (Македония); с 1860 г. — в Москве; окончил Московский университет и был преподавателем греческого языка в московских гимназиях; участником кружка московских болгар, занимавшегося издательской деятельностью; перевел на болгарский язык „Слово о полку Игореве“, Краледворскую рукопись, „Кобзаря“ Шевченко. — 10, 44.

Житецкий Павел Игнатьевич (1836—1911), исследователь украинского языка и литературы; с 1898 г. член-корреспондент Академии Наук. — 262.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), русский поэт. — 2.

З

Заблер Г., филолог. — 263.

Заболотский Петр Александрович (р. 1377), славист, историк литературы; директор гимназии в Немине. — 303.

Завадлал М. (Zavadlal M.), словенский филолог. — 286, 287.

Зайдфальд-Ензон, румынский филолог. — 263.

Зарр Карл-Владислав (Zarr K. V.) (1812—1876), чешский географ и археолог. — 26.

Звонимир, король хорватский (1076—1089). — 210.

Зейлер Андрей (Seiler A.) (1304—1372), деятель литературного возрождения сербо-лужичан, поэт. — 32.

Зеленый Вацлав (Zelený V.) (1325—1875), чешский педагог и литературовед. — 24, 56, 58, 68, 71.

Зенгер Григорий Эдуардович (1853—1919), филолог-классик; профессор Варшавского, затем Московского университета с ноября 1901 г. товарищ министра, затем управляющий министерством народного просвещения по январю 1904 г.; с 1907 г. член-корреспондент Академии Наук. — 220.

Зибрт Ченек (Zibrť Č.) (1364—1932), историк чешской культуры, библиограф; директор Чешского музея; профессор Пражского университета; с 1905 г. редактор „Часописа Чешского музея“, основатель и редактор этнографического журнала „Český lid“; с 1912 г. член-корреспондент Академии Наук. — IX, 23, 149, 153, 163, 170, 202.

Зигель Федор Федорович (р. 1845); славист, профессор Варшавского университета по кафедре истории славянских законодательств. — 73, 73, 231.

Зикель Теодор (Sickel T.), (1326—1908), историк, палеограф. — 109, 112.

Зиланский (Жиланский) Извн, галичанин, учитель, исследователь украинского языка и диалектологии. — 258, 265, 270, 323.

Златарский Василий Николаевич (1866—1935), историк Болгарии; воспитанник Петербургского университета; с 1895 г. профессор Софийского университета; с 1911 г. член-корреспондент Академии Наук. — 167, 168, 200, 201, 314, 325, 343, 353, 355, 359, 360, 362.

Злобичкий Валентин (Zlobický V.) (1743—1810); с 1775 г. профессор чешского языка в Венском университете. — 72.

Зольмсен Феликс (1865—1911), лингвист, профессор Боннского университета. — 215.

Зубек Франтишек (Zoubek F.) (1832—1890), историк городов Чехии, исследователь А. Коменского. — 153, 155, 156.

Зубатый Иосиф (Zubaty J.) (1855—1931), лингвист; с 1891 г. профессор Пражского университета по кафедре сравнительного языковедения и санскрита; с 1924 г. член-корреспондент Академии Наук; президент Чешской Академии наук. — 192, 194, 206, 207, 224, 226, 261, 303, 328, 337.

Зубрицкий Денис Иванович (1777—1852), историк Галицкой Руси; с 1855 г. член-корреспондент Академии Наук. — 4.

Зув, возможно Леонид Рафаилович, член Петербургского славянского благотворительного общества с 1877 г. — 134.

И

Игнатьев Николай Павлович (1832—1908), известный дипломат; в 1864—1877 гг. русский посол в Константинополе; с мая

1881 г. по май 1882 г. министр внутренних дел; председатель Петербургского славянского благотворительного общества. — 87, 166, 175.

Илешич Фран (Pešić F.) (р. 1871), историк словенской литературы; с 1914 г. в Загребском университете. — 209.

Ильинский Григорий Андреевич (1376—1929), славист-филолог; с 1904 г. приват-доцент Петербургского университета; затем в Харьковском университете, Нежинском историко-филологическом институте, Киевском, Саратовском, Московском университетах. — 260, 303.

Имшиш (Imiš), сербо-лужицкий деятель; в 1356 г. по его предложению при сербо-лужицкой Матице организовано историческое и археологическое отделение. — 111.

Иннокентий (Иван Борисов) (1800—1857); с 1848 г. архиепископ Херсонский и Таврический. — 14.

Иоанн экзарх Болгарский, писатель X века. — 141, 143, 360.

Иоанн VIII, папа Римский (872—882). — 347.

Иоанн Владимир (ум. 1015), король сербский. — 16.

Иоанн Постник — Иоанн III, патриарх константинопольский (ум. 595), духовный писатель. — 238, 239.

Йордан Ян (Jórdan J.) (1818—1891), сербо-лужицкий культурный и общественный деятель, реформатор сербо-лужицкого правописания, первый собиратель и издатель сербо-лужицкого фольклора; в 40-х годах преподаватель славянских языков и литературу в Лейпцигском университете. — 111.

Иречек Герменгялд (Jireček H.) (1827—1909), историк чешского права, с 1882 г. член-корреспондент Академии Наук. — 48, 83, 90, 105, 111.

Иречек Иосиф (Jireček J.) (1825—1888), историк чешской литературы, издатель памятников древней чешской письменности, председатель Чешского Коралевского научного общества; в 1871—1874 гг. министр народного просвещения. — 21, 45, 47, 48, 61, 69, 70, 88, 90, 103, 101, 106, 107, 111.

Иречек Константин (Jireček K.) (1854—1918), сын И. Иречка, внук П. Шафарика, историк южных славян, этнограф и историк литературы; в 1879—1884 гг. помощник министра и министр народного просвещения в Болгарии; в 1877—1879 и 1834—1893 гг. профессор всеобщей истории и истории южных славян в Пражском университете; с 1893 г. профессор истории славян в Венском университете; с 1888 г. член-корреспондент Академии Наук. — 45, 47, 164, 165, 188, 202, 203, 210, 273, 289, 301, 303, 314.

Исаков Яков Алексеевич (1811—1881), петербургский книгоиздатель. — 51, 52.

Истомин Федор Михайлович (р. 1356), этнограф; с 1883 г. секретарь этнографического отдела Русского географического общества. — 169.

Истрин Василий Михайлович (1865—1937), историк древней русской литературы; с 1891 г. занимал кафедру в Московском, с 1897 г. — в Новороссийском университетах; с 1907 г. академик. — 269, 303, 328, 370, 371.

К

Кадец Карл (Kadlec K.) (1865—1928), историк славянского права, профессор Пражского университета, секретарь Чешской Академии наук, с 1924 г. член-корреспондент Академии Наук. — 192, 194, 333, 370, 371.

Кадлубоиский Арсений Петрович (р. 1867), историк русской литературы; с 1893 г. читал лекции в Нежинском историко-филологическом институте; с 1899 г. приват-доцент Харьковского университета. — 232.

Калайдович Константин Федорович (1792—1832), археолог и историк, издатель исторических памятников; с 1825 г. член-корреспондент Академии Наук. — 113.

Калленбах Иосиф (Kallenbach J.) (1851—1929), историк польской литературы; с 1837 г. приват-доцент Краковского университета; с 1890 г. директор библиотеки Красинских в Варшаве, позднее профессор Львовского университета; с 1918 г. профессор университета в Вильно; последние годы жизни профессор Краковского университета. — 245, 246.

Калоусек Иосиф (Kalousek J.) (1838—1915), историк Чехии и чешского права; с 1871 до 1908 г. занимал кафедру в Пражском университете. — 106.

Калужняцкий Емельян Осипович (1845—1914); с 1875 г. профессор славянской филологии в Черновицком университете; издатель южно-русских памятников; с 1891 г. член-корреспондент Академии Наук. — 261, 274, 303.

Каравелов Любен (1837—1879), болгарский писатель и публицист; в 1837—1837 гг. учился и жил в России, где начал свою литературную деятельность; один из выдающихся деятелей национально-освободительного движения в Болгарии. — 44, 85, 87, 118, 119.

Караджич Вук Стефанович (Караджич В. С.) (1787—1864), сербский филолог и культурный деятель, реформатор сербского литературного языка и графики; с 1851 г. член-корреспондент Академии Наук. — I, 4, 51, 53, 54, 63, 82, 105, 183, 134, 135, 228, 229, 293.

Карамзин Николай Михайлович (1765—1826), историк; с 1818 г. почетный член Академии Наук. — 273.

Карасек Иосиф (Karásek J.) (1858—1916), чешский историк славянских литератур и публицист. — 164, 165.

Кареев Николай Иванович (1850—1931); с 1879 г. профессор всеобщей истории в Варшавском, с 1885 г. в Петербургском университетах; с 1910 г. член-корреспондент Академии Наук, с 1929 г. ее почетный член. — 231.

Каринский Николай Михайлович (1873—1935), славист-языковед; с 1903 г. приват-доцент Петербургского университета по кафедре русского языка и словесности; с 1921 г. член-корреспондент Академии Наук. — 231, 303, 357, 361, 362.

Карский Евфимий Федорович (1860—1931), исследователь в области диалектологии и истории белорусского языка; с 1874 г. профессор Варшавского университета; в 1914—1918 гг. редактор „Русского филологического вестника“; с 1916 г. академик. — 174, 231, 262, 303.

Кассо Лев Аристидович (1365—1914), профессор гражданского права; с 1910 г. управляющий министерством, затем министр народного просвещения. — 312.

Катанский Александр Львович (р. 1816); в 1857—1896 гг. профессор догматического богословия в Петербургской духовной академии. — 70.

Катков Михаил Никифорович (1818—1887), реакционный публицист; с 1851 г. редактор „Московских ведомостей“. — 43, 46, 78.

Катранов Николай Д. (ум. 1853), болгарин, студент Московского университета. — 6.

Каченовский Дмитрий Иванович (1827—1872); с 1849 г. занимал в Харьковском университете кафедру международного права; был близок к московским западникам 50-х годов. — 61, 62.

Квачала Ян (Kvachala J.) (1352—1934), словацкий филолог, биограф и издатель трудов А. Коменского. — 154, 155, 156.

Келер (Köhler), книгопродавец в Лейпциге. — 103.

Кеппен Петр Иванович (1793—1364), библиограф, этнограф, статистик; с 1337 г. адъюнкт Академии Наук, затем академик; в 1822 г. во время заграничной поездки сблизился с чешскими славистами, вел переписку с В. Ганкой, П. Шафариком и Ф. Челяжковским о привлечении их на службу в Академию Наук. — 3, 31, 71.

Киперт Генрих (Kierpert H.) (1313—1399) географ. — 97.

Киреевский Петр Васильевич (1303—1356), славянофил. — 160.

Кирилл (Константин) (329—859), создатель первой славянской азбуки, переводчик греческих богослужебных книг на славянский язык (старославянский). — 3, 10, 52, 54, 161, 274, 323, 346, 317, 360.

Кирпичников Александр Иванович (1845—1903), профессор истории всеобщей литературы в 1373—133 гг. в Харьковском, в 1885—1393 гг. в Новороссийском университете; с 1393 г. профессор новейшей русской литературы в Московском университете; с 1394 г. член-корреспондент Академии Наук. — 232.

Клам-Мартинид Индрих Ярослав (Clam-Martinic J.), граф, чешский меценат. — 34, 107.

Клеменд Дмитрий Александрович (1347—1914), земледелец; в ссылке изучал этнографию Сибири, затем работал в эт-

нографическом музее Академии Наук и в Этнографическом отделе Русского музея (6. музей Александра III). — 231.

Клецанда Юрий Иванович (ум. 1918), чех, сотрудник Библиотеки Академии Наук; работал по дополнению нижнелужицкого словаря Э. Муки русским переводом. — 32.

Клика Иосиф (Klika J.) (1857—1900), педагог; последователь и популяризатор идей А. Коменского. — 154—156.

Климент Словенский (ум. 916), епископ Великий (Макадония), ученик Кирилла и Мефодия, основоположник древне-благославянской письменности. — 233, 233, 240, 241, 347.

Клюге (Клуге) фотограф. — 211, 212.
Князев Гавриил Михайлович, филолог, преподаватель — 109, 302.

Кобург, см. Фердинанд.

Ковалевский Максим Максимович (1351—1916); в 137—1337 гг. занимал кафедру государственного права и сравнительной истории права в Московском университете; удаленный правительством, читал лекции в университетах Европы и Америки; во время выборов во II Думу разгневанием сената был лишен избирательного права по Петербургу, но был избран от академической курии в Государственный Совет; с 1914 г. профессор Петербургского университета и академик. — 273.

Кожанчиков Дмитрий Ефимович (ум. 1377), петербургский книгоиздатель. — 23.

Козак Евгений Авксентьевич, профессор Черновицкого университета по кафедре церковно-славянского языка. — 261, 303.

Козловский Игнатий Игнатьевич (1306—1839), подававший надежды молодой филолог, окончивший историко-филологический факультет Московского университета. — 142, 143.

Козловский Михаил Матвеевич (1354—1933), филолог. — 133, 110.

Козьма Индикоплов (Индикоплевет), византийский космограф VI в. — 3. 6.

Кокорев Василий Александрович (1317—1339), откупщик, миллионер. — 55.

Коларж Иосиф (Kolář J.) (1312—1316), чешский драматург и актер. — 21.

Коларж Осит (Мартин) Иванович (Kolář J.) (1830—1910), чешский ученый, писатель, журналист, лектор польского, русского и сербо-хорватского языков в Пражском университете. — 21, 56, 53, 107.

Колесса Александр, профессор славянской филологии в Львовском университете. — 303.

Коллар Ян (Kollár, J.) (1793—1852), словацкий поэт, активный деятель культурно-национального возрождения Чехии, певец славянской взаимности. — 4, 164, 165.

Коловрат Эденек (Kolovrat Z.) граф (1335—1392), сын мецената — основателя Чешского музея, покровителя Чешского музея и Чешской матицы, драматург. — 70, 89, 91.

Колосов Владимир Иванович, преподаватель Тверской духовной академии. — 140.

Комаров Виссарион Виссарионович (1838—1907), публицист панславистского направления; в 1889—1891 г. издавал „Славянские известия“ и др. — 176.

Комаровский, — 70.

Коменский Ян Амос (Komenský J. A.) (1592—1670), чешский ученый, один из основоположников педагогики; принадлежал к общине чешских братьев, вынужден был в 1620 г. эмигрировать в Польшу; жил и работал в Швейцарии, в Венгрии, в Амстердаме. — 153—156.

Кон Геца (р. 1873), крупный книгоиздатель в Белграде; открыл свое дело в 1901 г. — 314.

Кондаков Никодим Павлович (1844—1925); с 1870 г. занимал кафедру теории и истории искусств в Новороссийском университете; с 1833 г. в Петербургском университете; с 1893 г. академик. — 231, 263—370.

Кондлер В. (Kondler V), историк-археолог. — 26.

Константиин VIII Порфирородный Багрянородный (905—959), византийский император с 913 г. Его труд „Об управлении империей“ является ценным источником для древнейшей истории славян. — 29, 31, 80, 106, 108.

Константинович, родственница сербского короля Александра. — 183, 184.

Копитар Варфоломей (Kopitar V.) (1780—1844), славист-филолог, ученик Добровского, библиотечарь Придворной библиотеки в Вене, один из деятелей словенского культурно-национального возрождения; с 1826 г. член-корреспондент Академии Наук. — III, 3, 18, 69, 71, 72, 100, 102, 161, 239, 346.

Кораблев Василий Николаевич (р. 1873), славист. — 73, 219, 231, 251, 362.

Коркунов Михаил Андреевич (1806—1853), археолог, историк, географ; с 1847 г. адъюнкт Академии Наук, затем академик. — 14.

Корнилов Иван Петрович (1811—1901); в 1854—1868 гг. попечитель Виленского учебного округа, в 1872—1876 гг. председатель Петербургского славянского благотворительного общества. — 66, 70, 71, 78, 80.

Корш Валентин Федорович (1828—1833), публицист, редактор газет: „Московские ведомости“ с 1855 по 1862 г. и „СПб. ведомости“ с 1853 по 1874 г. — 61.

Корш Федор Евгеньевич (1843—1915), филолог-классик, востоковед, славист, исследователь метрики стихосложения, профессор Московского университета и Лазаревского института восточных языков; с 1900 г. академик. — 118, 119, 131, 171, 174, 209, 210, 215, 232, 261, 263, 267, 268, 230, 295, 303, 315, 316, 337, 333, 353, 357, 359, 360, 362.

Коскинен (Jrjö-Koskinen — псевдоним) — Форсман Георг (Forstman Georg Sakariäs) (1330—1903), историк Финляндии; с 1863 г. профессор Гельсингфорского университета. — 113.

Коссович Кавтан Андреевич (1815—1883), первый санскритолог в Петербургском университете с 1858 г. — 8.

Костиц Драгутин (Костић Д.), славист, профессор Белградского университета. — 261, 266.

Костиц Лаза (Костић Л.) (1841—1910), сербский поэт-драматург; с 1866 г. учитель гимназии; общественный и политический деятель. — 47.

Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк Украины; после ссылки по делу „Кирилло-Мефодиевского братства“ занимал в 1859—1861 гг. кафедру русской истории в Петербургском университете; с 1876 г. член-корреспондент Академии Наук. — 26, 29, 31.

Котляревский Александр Александрович (1837—1881), один из основателей и председатель Московского Археологического общества; с 1867—1873 гг. на кафедре славянского и русского языковедения в Юрьевском, с 1875 г. профессор Киевского университета; с 1875 г. член-корреспондент Академии Наук. — 82, 134, 145, 173, 251.

Котляревский Нестор Александрович (1863—1925), историк русской литературы, профессор Петербургского университета; с 1909 г. академик. — 328, 370, 371.

Кохановский Петр (Kochanowski P.). — 245, 246.

Кочубинский Александр Александрович (1845—1907), славист; с 1871 г. профессор Новороссийского университета. — 40, 111, 112, 164, 165, 232.

Кошут Людвиг (1802—1894), руководитель политической борьбы за независимость Венгрии, один из вождей революции 1848 г. — 42.

Кошутич Радован Иованович (Коштућ Р.), род. 1866, сербский славист, профессор Белградского университета; с 1928 г. член-корреспондент Академии Наук. — 213, 294, 304, 305.

Коялович Михаил Иосифович (1828—1891), историк, профессор Петербургской духовной академии. — 66, 70.

Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист, издатель ряда петербургских газет и журналов 30—70-х гг. — 78.

Кракау Василий Александрович, филолог. — 231.

Кралицкий Анатолий, галичанин, публицист 60—80-х гг. — 80.

Крамарж Карл (Kramář K.) (1860—1937), чешский националист, лидер младочешской партии, организатор неославистского движения; первый премьер-министр Чехословакии в 1918—1919 гг., проводил антисоветскую политику. — 168, 294, 295.

Красногорская Елишка (Krásnohorská E.) (1848—1926), чешская поэтесса

и переводчица (переводила Мицкевича, Пушкина и др.); возглавляла женское движение 70-х годов в Чехии. — 69.

Крейчи Ян (Krejčí J.) (1825—1887), чешский геолог и минералог; с 1881 г. профессор Пражского университета; издатель журнала „Živa“ вместе с Я. Пуркине; в 1865 г. редактор „Часописа Чешского музея“. — 24, 26.

Крек Грегор (1840—1905), историк словенского языка и литературы, профессор славянской филологии в университете в Градце; с 1902 г. профессор университета в Любляне; с 1887 г. член-корреспондент Академии Наук. — 80, 147.

Кречмер Пауль (р. 1866), лингвист, профессор Венского университета. — 263, 289.

Крижанич Юрий (1617—1683), ученый хорват; жил в России в 1658—1676 гг., оставил ряд публицистических и лингвистических сочинений. — 139, 140, 161, 181, 182.

Криксин Владимир Степанович, филолог. — 231.

Крольмус Вацлав (1787—1861), пражский археолог. — 34.

Круг Филипп Иванович (1764—1844), историк; с 1805 г. адъюнкт Академии Наук, затем академик. — 4, 5.

Крумбахер Карл (1856—1909), византинолог; с 1892 г. профессор кафедры византийской и новогреческой филологии в Мюнхенском университете; с 1894 г. член-корреспондент Академии Наук. — 152, 153.

Кршњавый Исидор (Кршњави И.) (р. 1845), сербский историк искусства и культуры, художник и писатель; с 1878 г. профессор Загребского университета. — 210.

Крылов Иван Андреевич (1769—1844), русский баснописец. — 5.

Крымский Агафангел Ефимович (1871—1942), украинский националист, историк украинского языка, востоковед, профессор арабской словесности и истории Востока в Лазаревском институте восточных языков. — 301.

Крымский Адам Антоний (Kryński A.) (1844—1932), полонист-языковед; профессор славянской филологии Львовского университета, потом профессор Варшавского университета. — 125, 245, 246, 303.

Куба Людвиг (р. 1863), собиратель славянских народных песен, музыкальный этнограф. — X, 156, 158—161, 170, 178.

Кубишта Ян (Kubišta J.) — 56, 58.

Куг Давид (Kuh D.) (1818—1878), немецкий публицист, издатель и редактор пражской газеты „Tagesbote aus Böhmen“, в 1858 г. был привлечен к суду В. Ганкой по делу Краледворской рукописи. — 22, 83, 90.

Кузмани Карл (Kuzmanu K.) (1806—1866), словенский деятель, поэт и писатель, профессор богословия в Венском университете. — 65.

Кузьминский, Константин Станиславович (р. 1875), искусствовед; занимался историей болгарской литературы. — 303.

Кукач Фран (Kuhač F.) (1834—1911), историк национальной хорватской музыки, этнограф и собиратель народных песен. — 156, 158.

Кукульевич-Сакцинский Иван (Kukuljević-Sakcinski J.) (1816—1889), историк южного славянства, историк хорватской литературы, поэт, драматург и публицист, активный борец за хорватскую независимость; с 1855 г. член-корреспондент Академии Наук. — 19, 79, 126.

Кулаковский Платон Андреевич (1848—1913), русский националист; в 1878—1882 гг. занимал кафедру русского языка в Белградской Великой школе; с 1884 г. лектор русского языка, а с 1892 по 1902 г. профессор кафедры славяноведения Варшавского университета; в 1836—1892 гг. редактор газеты „Dziennik Warszawski“; в 1902—1905 гг. редактор „Правительственного вестника“. — VII, 166, 175, 176, 231, 303, 362, 363.

Кулиш Пантелеймон Александрович (1818—1897), писатель, историк, историк литературы, деятель украинского движения. — 6.

Кульбакин Степан Михайлович (1873—1941), славист; в 1901—1903 гг. был в командировке в славянских землях; с 1905 г. профессор Харьковского университета; эмигрант; с 1920 г. профессор в Скопле, с 1924 г. — в Белградском университете. — 225, 237, 250, 264, 303.

Кун Адальберт (Kuhn A.) (1812—1881), лингвист и историк. — 84, 85.

Куник Арист Аристович (1814—1899), историк, археолог; в 1844 адъюнкт Академии Наук, затем академик. — 14, 42.

Кунц. — 26, 27.

Кунцевич Григорий Захарович, историк русской литературы; с 1904 г. приват-доцент Петербургского университета; позже в Варшавском университете. — 231.

Куршат Фридрих (1806—1885), языковед, специалист по литовскому языку, профессор Кенигсбергского университета. — 149.

Курторга Михаил Семенович (1809—1886), историк; с 1835 г. читал всеобщую историю в Петербургском, а в 1869—1874 гг. — в Московском университете; организовал первый исторический семинарий; с 1848 г. член-корреспондент Академии Наук. — 149.

Кушар Мардел (Kušar M.) (р. 1858), сербский филолог, диалектолог; учитель гимназии в ряде городов Хорватии. — 228, 229.

Л

Лаврентий, летописец XIV в. — 5.

Лавров Петр Алексеевич (1856—1929), славист-филолог; в 1894—1898 гг. приват-доцент Московского университета; в 1893 г. профессор Новороссийского, а с 1900 г. — Петербургского университета; с 1923 г. академик. — IX, XII, 5, 17, 87, 117, 119.

144, 181, 182, 200, 201, 219, 231, 261, 262, 264, 268, 277, 301, 303, 305, 313, 314, 320, 323, 345, 347, 362.

Лаврова Мария Сергеевна, жена П. А. Лаврова. — 315, 320.

Лавровский Петр Алексеевич (1827—1886), славист; с 1851 г. занимал кафедру славянских наречий в Харьковском университете; в 1858—1859 гг. был в командировке в славянских странах (Сербия и Хорватия); в 1869—1873 гг. ректор вновь открытого Варшавского университета; с 1856 г. член-корреспондент Академии Наук. — VIII, IX, 22, 32, 33, 37, 60, 62, 63.

Ламанская Александра Ивановна, жена В. И. Ламанского. — 169.

Ламанская Олимпиада Ивановна, сестра В. И. Ламанского. — 33, 37, 41, 43, 46.

Ламанский Александр Павлович, троюродный брат В. И. Ламанского; жил в Кауге. — 43.

Ламанский Владимир Иванович (1833—1914), один из идеологов панславизма, создатель школы русских славистов; окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1854 г.; служил в Публичной библиотеке и Гос. архиве министерства иностранных дел; с 1865 до 1899 г. занимал кафедру славянской филологии в Петербургском университете; председатель этнографического отделения Географического общества; с 1890 до 1912 г. редактор „Живой Старины“; руководил движением в пользу славян в 1876—1878 гг.; работал в Петербургском благотворительном славянском обществе; 15 января 1900 г. избран академиком. — VI, VII, VIII, XII, 1, 2, 17, 20, 23, 26—28, 32, 33, 37, 41, 43, 45, 47, 48, 50, 54—56, 59, 60, 62—65, 72, 73, 79, 81, 83—86, 88, 92, 97, 99, 104, 107—109, 114, 116, 117, 119, 123, 126, 128, 131—134, 144, 145, 147, 149, 152, 153, 162, 166, 167, 175—179, 186, 195, 196, 198, 202, 203, 205, 209, 210, 220, 231, 233, 238, 239, 240, 268, 273, 274, 278, 308, 345, 353, 359.

Ламанский Евгений Иванович (1825—1902), экономист-финансист, с 1859 г. член-корреспондент Академии Наук. — 27, 35, 43.

Ламанский Константин Иванович, судебный следователь в Петербурге. — 43.

Ламанский Нестор Иванович, экономист, деятель кооперативного движения. — 43.

Ламанский Порфирий Иванович (р. 1824), чиновник министерства иностранных дел, в 1849 г. привлекался к следствию по делу петрашевцев. — 43, 71.

Ламанский Сергей Иванович (1841—1900), физик; читал в Медико-хирургической академии, затем в Варшавском университете. — 35, 43.

Ламанский Яков Иванович, горный инженер; в последние годы — директор Технологического института. — 1, 35, 37, 43.

Ламбль Душан Федорович (1824—1895), анатом, профессор Харьковского, потом Варшавского университета. — 35.

Лапко-Данилевский Александр Сергеевич (1863—1919), в 1891—1905 г. на кафедре русской истории в Историко-филологическом институте; приват-доцент Петербургского университета; с 1899 г. адъюнкт Академии Наук, затем академик. — 231.

Ларионов, возможно Василий Григорьевич, учившийся в Казанском университете, в 1861 г. перешедший в Петербургский университет; в 1866 г. кандидат Казанского университета. — 51, 53.

Лебеда, пражский торговец. — 35.

Левассер В., путешественник. — 29, 31.

Левстик Фран (Levstik F.) (1831—1887), специалист по словенскому языку; с 1872 г. сотрудник Лицейской библиотеки в Любляне. — 81.

Леже Луи (1843—1923), старейший французский славяновед, историк, историк славянской и русской литературы; преподавал славянские языки в Сорбонне, в Collège de France и в Парижской школе живых восточных языков; с 1884 г. член-корреспондент Академии Наук. — 52, 54, 152, 196, 215.

Лейкина-Свирская Вера Романовна. — XII.

Лендовшек Иосиф (Lendovšek J.) (ум. 1895), учитель словенского языка в Словении. — 221—223.

Леонтович Федор Иванович (1833—1911), профессор истории русского права в Новороссийском и Варшавском университетах (до 1903 г.). — 231.

Леонтьев Павел Михайлович (1822—1874), филолог-классик; с 1842 г. на кафедре римской словесности и древностей в Московском университете; с 1856 г. соратник и руководитель Каткова по „Русскому вестнику“; с 1865 г. создатель „Московских ведомостей“; с 1856 г. член-корреспондент Академии Наук. — 43.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841). — 22, 24, 304.

Лескин Август (Leskien A.) (1840—1916), славист; с 1870 г. профессор славянского языковедения в Лейпцигском университете, с 1876 г. член-корреспондент Академии Наук. — 84, 133, 139, 215, 226, 227, 255, 258, 261, 263, 268, 281, 282, 303.

Лещевский Ян (Leciejewski J.) (1854—1929), польский филолог. — 49, 131.

Лешетицкий Федор Осипович (р. 1831), композитор, профессор фортепианной игры в Петербургской консерватории. — 21.

Линда Иосиф (Linda J.) (1789—1834), чешский поэт и журналист; в 1818—1819 и 1833—1834 гг. редактор „Pražských povínek“. Друг В. Ганки. — 88—91.

Линниченко Иван Андреевич (1857—1926), историк, археолог; с 1888 г. читал историю славян в Московском уни-

верситете; с 1896 г. профессор Новороссийского университета; с 1913 г. член-корреспондент Академии Наук. — 232.

Липовский Александр Лаврентьевич (р. 1867), славист, историк литературы, педагог, публицист по вопросам образования. — 169, 195, 219, 231, 262, 303.

Лобковиц (Lobkovic), один из основателей Чешского музея. — 107.

Лобковиц. Протектор Чешской Академии. — 349.

Лобода Андрей Митрофанович (1871—1931), историк русской литературы, профессор Киевского университета; с 1923 г. член-корреспондент Академии Наук. — 231.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), с 1742 г. академик. — 38, 43, 57, 59, 60, 344.

Лопарев Хрисанф Мефодиевич (р. 1862); был секретарем Общества любителей древней письменности; с 1896 г. сотрудник Публичной библиотеки. — 231.

Лоренц Фридрих (р. 1870), исследователь кашубского языка, с 1925 г. член-корреспондент Академии Наук. — X, 253, 255, 258, 262, 265, 279, 303.

Лось Ян (Иван Людянович) (Łoś J.) (1860—1923), полонист; воспитанник Петербургского университета; в 1900—1902 гг. приват-доцент славянской филологии в Петербургском университете, затем профессор Краковского университета, с 1927 г. член-корреспондент Академии Наук. — X, 178, 230, 236, 237, 303, 310, 312, 313.

Лукьяненко Александр Митрофанович, филолог. — 303.

Лундэль Йоганн (Lundell J.) (р. 1851), шведский славист-языковед, первый профессор кафедры славянской филологии в Упсальском университете (1891—1916). — 166, 215, 303.

Луцич Иван (Lucić J.) (1613—1679), хорватский историограф. Его капитальный труд: „De regno Dalmatiae et Croatiae“, Амстердам, 1666. — 79, 81.

Луцич Ханибал (Lucić H.) (1485—1553), хорватский поэт. — 81.

Лубавский Матвей Кузьмич (р. 1860), историк славянских народов, с 1902 г. профессор Московского университета по кафедре русской истории; с 1929 г. академик. — 232.

Любич Симе (Ljubić S.) (1822—1896), хорватский историк и археолог, специалист по нумизматике и эпиграфике, издатель многих памятников по истории Хорватии. — 79, 81.

Людмила, мать чешского князя Вячеслава (Вацлава), канонизирована. — 252.

Люик Карл (Luick K.) (1865—1935), специалист по английской филологии. — 227.

Лямбек Эмиль Эрнестович, филолог. — 219, 231.

Лямин. — 56.

Ляпунов Борис Михайлович (1862—1943), славист; с 1897 г. приват-доцент Харьковского университета; с 1899 по 1923 гг. профессор по кафедре славянове-

дения в Новороссийском университете; с 1923 г. академик. — IX, XII, 119, 130, 131, 139—141, 174, 177, 199, 200, 221, 222, 232, 282, 303.

Ляцкий Евгений Александрович (р. 1858), историк русской литературы; эмигрант. — 231.

Лященко Аркадий Иоакимович (1871—1931), историк русской и украинской литературы, библиограф, преподаватель; с 1928 г. член-корреспондент Академии Наук. — 231.

М

Маак Ричард Карлович (1825—1886), исследователь Сибири. — 27.

Мажуранич Антун (Mažuranić A.) (1805—1883), автор первых школьных учебников по хорватскому языку и литературе на хорватском языке, диалектолог; им установлено разделение сербо-хорватского языка на три наречия; он же первый занялся сербо-хорватской акцентологией. — 131, 227, 242, 249.

Мажуранич Иван (Mažuranić J.) (1814—1890), хорватский поэт, политический и общественный деятель, сподвижник Л. Гаю; в 1852—1872 гг. председатель Матисы Иалирской; в 1873—1882 гг. бан Хорватии. По его инициативе в 1874 г. открыт университет в Загребе. — 81, 227, 223, 290, 291.

Мазинг Леонгард Карлович (р. 1845), лингвист, с 1880 г. доцент русского языка и литературы, с 1902 г. профессор по кафедре сравнительной грамматики славянских наречий в Юрьевском университете. — 232.

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), русский поэт. — 60, 132.

Майков Леонид Николаевич (1839—1900), историк русской литературы, с 1883 г. главный редактор „Журнала Министерства народного просвещения“; с 1882 г. помощник директора Публичной библиотеки; с 1859 г. адъюнкт, затем академик, с 1893 г. вице-президент Академии. — 152, 187, 255.

Макушев Викентий Васильевич (1837—1833); в 1862—1865 гг. секретарь русского консульства в Дубровнике; изучал по архивам историю Дубровницкой республики; в 1868—1871 гг. собрал в итальянских архивах и библиотеках большой материал по истории южных славян; профессор Варшавского университета; с 1878 г. член-корреспондент Академии Наук. — 69, 72, 106, 107, 111, 112, 113.

Малинин Василий Николаевич (р. 1349), преподавал русский и церковнославянский языки и историю русской литературы в Киевском университете и Киевской духовной академии. — 231, 293.

Малиновский Алексей Федорович (1762—1340); в 1314—1340 гг. начальник Московского архива министерства иностранных дел, председатель Общества истории и древностей российских. — 113.

Малиновский Люциан (Malinowski L.) (1839—1898), славист, профессор

Краковского университета, воспитавший школу польских славистов. — 344.

Мальгин Тимофей Семенович (1752—1819); с 1791 г. член Российской Академии. — 4, 5.

Манассия Константин, византийский летописец XII века. — 4.

Манес Иосиф (Mánes J.) (1820—1872), чешский художник. — 26.

Манси Джованни Доменик (1692—1769), итальянский историк церкви. Его главный труд „Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio“ в 31 частях. Флоренция, 1757—1793. — 79.

Манчев Д. В., болгарский книгопровадец. — 86.

Марек Антонин (Marek A.) (1785—1877), чешский поэт-публицист, деятель культурно-национального возрождения в Чехии, друг и помощник И. Юнгмана в собирании материала к его Словарю. — 176.

Маретич Томислав (Маретич Т.) (р. 1854), филолог-языковед; в 1836—1914 гг. профессор славянской филологии; в 1919—1924 гг. профессор индоевропейских языков в Загребском университете. — 234, 303.

Маркевич Болеслав Михайлович (1822—1884), реакционный публицист, автор романов; до 1866 г. чиновник Министерства внутренних дел, затем народного просвещения. — 60.

Марко Королевич (Кралевиц), участник проигранной сербами битвы с турками на Косовом поле 1389 г., герой южнославянского эпоса. — 15.

Марков Алексей Владимирович, фольклорист. — 255.

Марков О. А., публицист и общественный деятель в Галиции. — 109.

Мартеис Федор Федорович (ум. 1906), заведующий Академической типографией. — 253, 255.

Мартышов Александр Евстафьевич (1816—1860), известный актер; с 1835 г. на сцене Александрийского театра. — 17.

Мартынов Иван Михайлович (ум. 1894), русский эмигрант, иезуит; археограф и историк. — 152, 293.

Марулич Марко (Marulić M.) (1450—1524), хорватский писатель, моралист и историк. — 205.

Масарик Томаш (Masaryk T.) (1850—1937), философ и историк общественной мысли, публицист, крупный политический деятель; с 1832 г. профессор Пражского университета; основатель и редактор научно-критических журналов „Atheneum“ и „Naše doba“; в 90-х годах член младочешской партии; в 1900 г. организовал особую партию реалистов; первый президент Чехословацкой республики (1918—1935). — 116, 143, 163, 294.

Матич Т., филолог. — 263.

Маткович Петар (Matković P.) (1830—1893), географ, статистик; профессор Загребского университета (1833—1893); с 1882 г. член-корреспондент Академии Наук. — 79, 80, 166.

Матценауэр Антонин (Matzenauer A.) (1823—1893), лексикограф; с 1849 до 1887 гг. профессор чешского языка и литературы в Земской академии в Брно. — 71.

Махал Ян (Máchal J.) (1855—1939), славист, историк литературы; занимал в 1894—1925 гг. кафедру в Пражском университете; с 1924 г. член-корреспондент Академии Наук. — 192, 194, 370, 371.

Мацевский Вацлав Александр (1793—1833), историк славянского права, историк Польши; с 1819 г. преподаватель классических языков, затем профессор римского и славянского права в Варшаве; с 1856 г. член-корреспондент Академии Наук. — IX, 4, 7, 10, 11.

Медакович Милорад (Медаковић М.) (1824—1897), публицист, историк; с середины 50-х годов — чиновник русского посольства в Белграде. — 45.

Мей Лев Александрович (1822—1852), поэт-переводчик. — 255.

Мейе Антуан (Meillet A.) (1866—1936), профессор сравнительного языковедения в Collège de France в Париже; с 1906 г. член-корреспондент Академии Наук. — 215, 303.

Мейер-Любке Вильгельм (Meuer-Lübke W.) (1861—1936), филолог-романист. — 223.

Мейнонг Алексис (Meinong von Hand-schuchheim A.) (1853—1920), профессор философии. — 227.

Мелетий, митрополит Софийский. — 92, 93, 95, 96.

Мелиоранский Платон Михайлович (1838—1906), востоковед, профессор Петербургского университета. — 263.

Мелих Янош (Melich J.) (р. 1872), венгерский славист-филолог; с 1911 г. профессор университета в Будапеште. — 263, 303.

Мельников Павел Иванович (Андрей Печерский) (1819—1833), писатель-этнограф. — 60.

Менандр (342—291 до н. э.), греческий поэт, автор комедий. — 151.

Менчик Фердинанд (Menčík F.) (1853—1916), историк чешской литературы; лектор чешского языка в Венском университете. — 153.

Мерингер Рудольф (1859—1931), профессор сравнительного языковедения. — 227, 223.

Месич Матия (Mesić M.) (1826—1873), историк Хорватии; с 1874 г. профессор Загребского университета. — 51, 53, 80.

Метличич, черногорский публицист. — 127.

Мефодий (820—855), брат Кирилла, продолжавший его деятельность. — 16, 52, 54, 328.

Миккола Иосиф Андреевич (1866—1946), профессор славянской филологии в университете в Хельсинки; с 1925 г. член-корреспондент Академии Наук. — 223, 262—264, 303.

Миклошич Франц (Miklosić F.) (1813—1891), славист-филолог, основопо-

ложник сравнительного исторического метода в славянском языкознании; с 1849 по 1885 г. профессор Венского университета; с 1856 г. член-корреспондент Академии Наук. — 3, 4, 16, 13, 65, 66, 96, 104, 119, 133—141, 143, 153, 165, 183, 239.

Миковец Фердинанд (Mikovec F.) (1826—1862), чешский историк искусства, драматург. — 25, 26.

Миладиновы братья, Дмитрий (1810—1861) и Константин (1830—1861), болгарские культурные деятели, собиратели народных песен. Константин М. окончил Московский университет. Активные участники освободительного движения; умерли в тюрьме. — 118, 119.

Милян IV Обренович (1854—1901), князь сербский с 1868 г., 22 февраля 1832 г. принял титул короля, отречся в 1889 г. — 119, 129, 199.

Милетич Любомир (1853—1937), исследователь болгарского языка, историк и этнолог; профессор Высшего училища в Софии, с 1904 г. преобразованного в университет; с 1901 г. член-корреспондент Академии Наук; президент Болгарской Академии наук. — 186, 187, 188, 196, 200, 261—263, 206, 303, 307, 308, 312, 314, 325, 339, 340, 353, 354, 359, 360, 362.

Миличевич Милян (Миличевич М.) (1831—1908), сербский этнограф, историк и географ, педагог; с 1877 г. член-корреспондент Академии Наук. — 183, 184.

Миллер Всеволод Федорович (1848—1913), лингвист, этнограф, востоковед и кавказовед, исследователь русского народного эпоса; в 1877—1903 г. занимал кафедру в Московском университете; с 1897 по 1911 г. — директор Лазаревского института восточных языков; с 1911 г. академик. — 232, 256, 370, 371.

Миллер Орест Федорович (1833—1889), историк русской литературы; славянофил; в 1863—1887 гг. занимал кафедру в Петербургском университете. — 63.

Милоjkович Радивой (Милоjkовић Р.) (1832—1888) сербский политический деятель, многократно занимавший министерские посты в период 1868—1887 гг. — 124.

Милутинович Драгутин (Милутиновић Д.) (р. 1846), сербский искусствовед, исследователь зодчества; с 1882 г. профессор Великой школы в Белграде. — 203.

Милчетич Иван (Milčetić J.) (1853—1921), хорватский диалектолог, историк литературы, этнограф. — 228, 229, 261, 342, 350, 353, 359, 360, 362, 370, 371.

Миркович Михаил Федорович (ум. 1891), генерал-лейтенант, почетный член Петербургского славянского благотворительного общества. — 60.

Михаил Иванович (р. 1826), митрополит сербский. — 45.

Михаил III Обренович, князь Сербии в 1839—1842 и 1860—1868 гг. — 40.

Михайлов Александр Васильевич (1859—1927), историк русской литературы; с 1895 г. в Варшавском университете;

с 1914 г. приват-доцент Московского университета; с 1922 г. член-корреспондент Академии Наук. — XII, 145, 146, 151.

Михальчук Константин Петрович (1840—1914), диалектолог украинского языка, украинский общественный деятель. — 262.

Мичагек Александр Матвеевич. — 231.

Младенов Степан, род. 1880, болгарский языковед, с 1931 г. член-корреспондент Академии Наук. — 303, 329.

Моммзен Теодор (Mommhzen T.) (1817—1903), историк Рима, с 1893 г. почетный член Академии Наук. — 79, 81.

Момчилов Иван, учитель, один из представителей культурно-национального возрождения Болгарии. — 86, 87.

Моравский Казимир (Morawski K.), филолог-классик, профессор Краковского университета; в 1919—20 гг. президент Краковской Академии наук. — 245, 246, 263.

Мордовцев Давид Лукич (1830—1905), автор исторических романов, публицист, деятель украинского культурного движения. — 26.

Морзе (Morze S. F.), лексиколог. — 119.

Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791). — 42.

Мочульский Василий Николаевич (1856—1920), профессор Новороссийского университета по кафедре русского языка, историк литературы. — 152, 232.

Мразик Ян (Mrazik J.) (1848—1923), чешский историк педагогики, популяризатор идей А. Коменского. — 153, 155, 156.

Мука Карл Эрнест Юрьевич (Мука К.) (1851—1932). Серболужицкий ученый и общественный деятель, лингвист, диалектолог и этнограф; с 1913 г. член-корреспондент Академии Наук. — X, 110, 179, 181, 251, 261, 262, 278, 279, 280, 283.

Мурко Матвей Мартышович (Murko M.), род. 1860, славист, исследователь словенского языка, историк славянских литератур; в 1887—1889 гг. был в научной командировке в России; профессор университета в Вене, в Градце (с 1902 г.), в Праге (с 1920 г.); с 1924 г. член-корреспондент Академии Наук. — X, 103, 136, 133—140, 145, 146, 164, 165, 195, 227, 234, 242, 247, 248, 252, 274, 277, 278, 285, 292, 303.

Мусич Август (Musić A.) (р. 1856); с 1894 г. профессор греческой филологии в Загребском университете; занимался сербо-хорватским языком; секретарь Югославянской Академии наук. — 227, 327.

Н

Нагель В., заведующий типографией „Политика“ в Праге. — 88, 90.

Надеждин Николай Иванович (1804—1856), историк, литературный критик, этнограф; в 1831—1836 гг. издатель „Телескопа“; в 1840—1841 гг. совершил путешествие по славянским землям. — 164, 165.

Надлер Василий Карлович (1841—1894), профессор Харьковского, затем

Новороссийского университета по кафедре всеобщей истории. — 62.

Наумович Иван Григорьевич (ум. 1891), священник галицанин, общественный и культурный деятель, публицист. — 80, 81.

Нафанал, митрополит Охридский. — 93.

Начович Григор (р. 1845), участник освободительного движения в Болгарии, основатель и редактор первой болгарской газеты „Марциа“ в Пловдиве; в 1879—1892 гг. занимал министерские посты. — 87.

Небе, исследователь А. Коменского. — 154, 155.

Небеский Вацлав Велемир (Nebešký V.) (1818—1882), чешский поэт, переводчик классиков, историк чешской литературы; с 1850 г. редактор „Часописа Чешского музея“, с 1851 г. — секретарь Музея. — 21, 23, 27, 68, 80, 88, 90, 111.

Неволин Константин Алексеевич (1806—1855), профессор энциклопедии права и учреждений Российской империи в Киевском университете с 1835 г.; с 1843 г. занимал кафедру российских гражданских законов в Петербургском университете; с 1853 г. член-корреспондент Академии Наук. — 2, 4.

Невоструев Капитон Иванович (1815—1872), археограф; работал по описанию рукописей Московской Синодальной библиотеки и издал ряд источников. — 50, 52.

Негой Иван, воевода, правитель Валахии в 1512—1521 гг. — 200, 201.

Неймани, секретарь серболоужицкого Исторического общества. — 6.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877). — 22, 25, 26, 255.

Некрасов Николай Петрович (1828—1914), филолог, профессор Историко-филологического института в Петербурге; с 1890 г. член-корреспондент Академии Наук. — 231.

Неманич Д. (Неманић Д.), сербский диалектолог. — 227—229.

Немцова Божена (Němcová B.) (1820—1862), чешская писательница. — 70.

Неофит Рыльский (1790—1881), болгарский лексикограф, директор первой болгарской школы в Габрове, монах Рыльского монастыря. — 44, 45.

Неринг Владислав (Nehring W.) (1830—1909), польский филолог, историк польского языка и древней польской письменности; в 1856—1907 гг. занимал кафедру в Бреславльском университете; с 1881 г. член-корреспондент Академии Наук — 84, 215, 202, 263, 344.

Нестор, летописец XI—XII в. — 241, 242.

Нестрой Ян (Nestroj J.) (1801—1862), чешский актер, драматург. — 17.

Нечаев С. С., псаломщик русской церкви в Дрездене. — 150, 168.

Нидерле Любор (Niederle L.) (1865—1944), чешский историк, археолог и этнолог, этнограф; в 1898—1929 гг. профессор этнографии и археологии в Пражском универ-

ситете; основатель чешского Этнографического музея (1895) и Государственного Археологического института; принимал участие в организации Славянского института; с 1906 г. член-корреспондент Академии Наук. — IX, X, 149, 163, 192, 194, 196, 197, 206, 207, 208, 211, 226, 256, 258, 264, 270, 273, 275, 276, 279, 333—335, 345, 343, 362, 363, 370, 371.

Никитенко Александр Васильевич (1805—1877), профессор теории словесности, а с 1850 г. истории русской литературы в Петербургском университете; цензор; с 1855 г. академик. — 14.

Никитин Иван Саввич (1824—1851), русский поэт. — 255

Никитин Петр Васильевич (1849—1916), филолог классик, в 1890—1897 гг. ректор Петербургского университета; с 1888 г. адъюнкт, затем академик, с 1900 г. вице-президент Академии Наук. — 166, 167, 231.

Никитин Сергей Александрович, славист-историк. — XII, 55.

Никола Эрзинский (Сигетский) (1508 или 1518—1566), хорватский бан в 1542—1556 гг., погиб при обороне от турок крепости Сигет. — 51, 52.

Николай I (1796—1855), император с 1825 г. — 42, 127.

Николай I Негош (1841—1921), князь черногорский с 1860 г.; в 1910 году принял титул короля; в 1918 г. низложен. — 126, 127.

Николай II (1868—1918), император с 1894 г., низложен в 1917 г. — 250, 283.

Никольский Николай Константинович (1863—1936), профессор Петербургской духовной академии по истории русской церкви, исследователь памятников древнерусской письменности, с 1916 г. академик. — XII, 231, 251, 252, 268, 303.

Нитш Казимир (Nitsch K.), род. 1874 г., польский языковед, диалектолог; с 1910 г. профессор славянской филологии в Краковском университете; президент Польской Академии наук; с 1947 г. член-корреспондент Академии Наук. — 258, 262, 303, 312, 334, 344.

Новак Роберт (Novák R.) (1853—1915), чешский филолог-классик; с 1882 г. занимал кафедру в Пражском университете. — 352.

Новак Ян (Novák J.) (1853—1920), историк чешской литературы, исследователь А. Коменского. — 153, 155.

Новикович Стоян Иванович (Новаковић С.) (1842—1915), историк сербской литературы и культуры, общественный и политический деятель, лидер партии напредняков; занимал посты министра народного просвещения и внутренних дел в 70—80-х гг., посланника в Константинополе (в 80—90-х гг.), посланника в Петербурге (1901—1905), премьер-министра (1895—1896 и 1908); президент Сербской Академии наук; с 1876 г. член-корреспондент Академии Наук. — 83, 203, 209, 210, 233, 303, 312, 323, 324, 352, 353.

Новиков Евгений Петрович (р. ок. 1820), славист, русский дипломат. В 1870—1879 гг. посол в Вене. — 70, 78.

Новодворский Виктор (Витольд) Владиславович (р. 1861), историк Польши, профессор Нежинского историко-филологического института, приват-доцент Киевского университета. — 231.

Нуваль Жан-Франсуа Мишель (1755—1841), французский писатель и политический деятель. — 2, 4.

О

Облак Ватрослав (Oblak V.) (1864—1896), ученик Ягича, специалист по южно-славянским языкам; с 1893 г. доцент университета в Градце. — IX, 103, 123, 125, 136, 133, 140, 141, 145, 221, 223, 228.

Обнорский Сергей Петрович, род. 1888, лингвист, историк русского языка, с 1939 г. академик. — 362.

Оболенский Михаил Андреевич (1805—1873), директор Архива министерства иностранных дел, издатель исторических памятников. — 5.

Овсяный Николай Романович (1847—1913), публицист по балканским вопросам, участник Русско-турецкой войны; профессор военной истории Академии генерального штаба. — 105.

Огарев Николай Платонович (1813—1877), поэт, публицист, соратник А. И. Герцена. — 255.

Омон Анри (Omont A.), французский палеограф и археограф. — 153.

Осоов Василий, филолог; в 1855 г. кандидат Петербургского университета. — 26, 27.

Островский Александр Николаевич (1823—1836). — 22.

П

Павич Армин (Павић А.) (1844—1914), историк хорватской литературы; с 1877 г. профессор Загребского университета. — 167, 204, 205, 223, 229.

Павский Герасим Петрович (1787—1863), филолог-гебраист, преподаватель Петербургской духовной академии в 1814—1835 гг.; с 1853 г. член-корреспондент Академии Наук. — 1.

Падаузов Владимир Николаевич (р. 1851), юрист; принимал участие в устройстве гражданского управления в Болгарии после ее освобождения; с 1830 г. занимал кафедру уголовного права в Новороссийском университете. — 203.

Палаузов Спиридон Николаевич (1818—1872), болгарский литератор и историк Болгарии; жил в России. — 8.

Палацкий Франтишек (Palacký F.) (1793—1876), вождь культурно-национального освободительного движения, глава старочешской партии; в 1839 г. получил звание государственного историографа; основатель и первый редактор „Часописа Чешского музея“ (с 1827 г.); с 1863 г. член-корреспондент Академии Наук. — IX, 13, 21, 23, 24, 27, 23, 31, 33, 36—33, 51, 53, 54, 57, 58, 64, 63, 69, 72, 92, 105, 334,

Палацкий Ян (Palacký J.) (р. 1830), сын Ф. Палацкого, чешский географ; с 1854 занимал кафедру в Пражском университете; общественный деятель. — 13, 21, 56, 58.

Палкович Юрий (Palkovič J.) (1769—1850), славист-филолог, деятель культурно-национального возрождения в Словакии. — 69.

Пальмов Иван Саввич (1856—1920), историк славянской церкви; с 1834 г. профессор Петербургской духовной академии; действительный член Петербургского славянского благотворительного общества; с 1916 г. академик. — VII, 105, 108, 112, 145, 167, 170, 173, 220, 231, 362.

Панноний Ян (Pannonius J.) (1432—1472), епископ, поэт, первый представитель гуманизма в хорватской литературе. — 205.

Панчев Тодор, болгарский лексиколог. — 173.

Паранич, филолог. — 303.

Парич Драгутин (Pačić D.) (1832—1902), хорватский филолог, лексиколог, исследователь глаголической письменности и сербо-хорватского языка. — 63.

Пасарич Иосиф (Pasarić J.) (р. 1860), хорватский публицист и критик, общественный деятель. — 195.

Пастернек Франтишек (Pastrnek F.) (1853—1940), славист-языковед, диалектолог; профессор Пражского университета; с 1925 г. член-корреспондент Академии Наук. — IX, 130, 135, 141, 164, 165, 192, 194, 195; 197, 206, 203, 226, 253, 261, 262, 303, 343, 346, 347, 343, 350, 356, 359, 360, 362, 363, 370, 371.

Патера Адольф (Patera A.) (1836—1912), исследователь памятников чешской письменности, хранитель и библиотечный работник Чешского музея; с 1877 г. член-корреспондент Академии Наук. — VIII, 36—40, 50, 54, 57, 67—70, 72, 73, 88, 92, 99, 102, 104—106, 111, 169, 223, 224.

Патера Франц. Брат А. Патеры. — 33—40, 55.

Паулова Милица (Paulova M.) род. 1891 г., историк славяноведения, профессор Пражского университета. — 55.

Пеев Иван, секретарь Болгарской Академии наук. — 211, 212, 325.

Пекарж Иосиф (Pekář J.) (1870—1937), историк Чехии, профессор Пражского университета, редактор журнала „Český časopis historický“. — 251, 252.

Пекарский Петр Петрович (1823—1872), историк русской литературы и культуры. — 71, 72.

Перволюф Иосиф Осипович (Perwolf J.) (1841—1895), чешский филолог, сотрудник Чешского музея; с 1871 г. профессор славянской филологии в Варшавском университете; исследователь славянских политических и культурных взаимоотношений. — VIII, 68, 116, 130.

Перетц Владимир Николаевич (1870—1934), историк древнерусской и украинской литературы, профессор Киевского, потом Ленинградского университета. — 231, 323, 337.

Перц Георг Генрих (Pertz G.) (1795—1876), немецкий историк. — 69.

Петр I (1672—1725), император. — 19.

Петранович Божидар (Petranović B.) (1309—1374), деятель хорватского возрождения, историк, этнограф и историк литературы. — 63.

Петров Алексей Леонидович (1859—1932), славист-филолог и историк. Специалист по истории Подкарпатской Украины, профессор Бестужевских высших женских курсов и Петроградского университета; эмигрант; профессор университета в Брно. — 135, 153, 169, 219, 231, 361, 363.

Петров Николай Иванович (р. 1840), филолог, историк русской литературы; с 1863 г. в Киевской духовной академии. — 231.

Петровский Мемнон Петрович (1833—1912), славист-филолог, преемник В. И. Григоровича по кафедре славянской филологии в Казанском университете; с 1895 г. член-корреспондент Академии Наук. — 37, 100, 102, 205, 231, 330, 331.

Петровский Нестор Мемнонович (1875—1921), славист-филолог; профессор Казанского университета; с 1917 г. член-корреспондент Академии Наук. — 205, 231, 293, 294, 303.

Петухов Евгений Вячеславович, род. 1863 г., филолог, историк русской литературы; с 1839 г. профессор Нежинского историко-филологического института; с 1895 г. — профессор Юрьевского университета; с 1916 г. член-корреспондент Академии Наук. — 150, 185, 232.

Пех Г. — 196.

Пешти Фриджеш (Pesty F.) (1823—1836), Венгерский историк. — 104.

Пикар, книжная фирма в Париже. — 81, 152.

Пиц Иосиф (Pič J.) (1847—1911), историк, исследователь доисторического прошлого славянских стран; с 1893 г. хранитель Народного музея в Праге; профессор Пражского университета. — 106—108, 111, 113.

Пичек — 52, 53.

Плавт Тит Макций (254 — 184 до н. э.), римский поэт, автор комедий. — 63.

Платон Атанацкович (1733—1867), сербский духовный писатель, меценат; с 1839 г. епископ в Бачке; председатель Сербской Матицы после перенесения ее из Вены в 1851 г. в Нови Сад. — 47, 165.

Платонов Сергей Федорович (1860—1933), историк России; с 1883 г. профессор Петербургского университета. — 231.

Плетне в Петр Александрович (1792—1865), историк русской литературы; с 1832 г. профессор Петербургского университета; в 1840—1861 г. ректор; с 1841 г. академик, с 1859 г. председательствующий в Отделении русского языка и словесности. — 3, 50.

Плошански Венедикт Михайлович (ум. 1902), западно-украинский писатель и публицист, редактор выходившей с 1860 г. газеты „Слово“ (Львов); вследствие преследований австрийских властей переселился в Россию. — 109.

Погодин Александр Львович, род. 1872, славист, филолог и историк; с 1897 г. приват-доцент Петербургского университета; в 1902—1907 г. профессор Варшавского, с 1909 г. Харьковского университета; в 1919 г. эмигрировал; профессор Белградского университета. — 231, 295, 303.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк России, один из представителей теории официальной народности, позже идеолог панславизма; в 1825—1844 гг. профессор Московского университета, с 1841 г. академик. — III, 22, 54, 56—53, 176, 244, 246.

Погорелов Валерий Александрович (р. 1872), славист-филолог; с 1896 г. библиотекарь Московской синодальной типографии, с 1903 г. доцент, потом профессор Варшавского университета. — 232, 303.

Подебрад Юрий (Jiří Poděbrad) (1420—1471), король чешский с 1458 г. — 107.

Подлага Антонин (Podlaha A.) (р. 1865), чешский историограф и историк искусства. — 54.

Покровский Михаил Михайлович (1863—1942), филолог-классик, профессор Московского университета; с 1929 г. академик. — 131, 132.

Поленов Дмитрий Васильевич (1306—1378), археолог, библиограф. — 5.

Поливка Юрий Иванович (Polívka J.) (1853—1933), чешский славист, историк литературы, этнограф и фольклорист; с 1895 г. занимал кафедру в Пражском университете; с 1901 г. член-корреспондент Академии Наук. — IX, 54, 144, 145, 147, 151, 160, 168, 183, 184, 192, 194, 197, 198, 206, 203, 226, 255—257, 270, 271, 292, 294, 303, 304, 303, 312, 333—336, 343, 344, 351, 370, 371.

Полит Михаил Иванович (р. 1835), хорватский публицист и политический деятель; с 60-х годов жил в России. — 63.

Половники Иринарх Николаевич, приват-доцент Петербургского университета по кафедре славянской филологии до 1904 г. — 169, 219, 231.

Полонский Яков Петрович (1819—1898), русский поэт. — 255.

Помяловский Иван Васильевич (1845—1906), филолог-классик, археолог; с 1869 г. профессор Петербургского университета; с 1890 г. член-корреспондент Академии Наук. — 79.

Пономарев Александр Иванович, историк древнерусской литературы, профессор Петербургской духовной академии; с 1330 г. издавал журнал „Странник“ с приложением „Памятники древнерусской литературы“. — 231.

Попов Андрей Николаевич (1841—1831), историк древнерусской литературы, библиограф; с 1872 г. член-корреспондент Академии Наук. — 135, 136, 141, 143.

Попов Нил Александрович (1333—1891), историк России и южных славян, славянофил; с 1833 г. член-корреспондент Академии Наук. — 57, 53, 165.

Попович Павел Иванович (Поповић П.) (р. 1863), историк южнославянских литератур, с 1904 г. профессор сербской литературы в Великой школе, затем в университете в Белграде. — 83, 315.

Попружечко Михаил Георгиевич (1866—1944), славист-филолог, в 1391—1919 гг. занимал кафедру в Новороссийском университете; эмигрант; с 1920 г. профессор истории русской литературы в Софийском университете. — 200, 201, 232, 303.

Поржезинский Виктор Карлович (1870—1929), славист-лингвист; с 1895 г. приват-доцент; с 1903 г. профессор сравнительного языкознания в Московском университете; с 1921 г. профессор Варшавского, потом Люблинского университета. — 181, 182, 212, 232, 255, 258, 262, 263, 265, 303.

Порфирий (Успенский Константин Александрович) (1304—1835), археолог; в 1840 г. настоятель посольской церкви в Вене, командирован в Иерусалим в том же году, а в 1845 г. на Синай и Афон, где собрал археологические сведения о христианском востоке; в 1347—1355 гг. начальник русской духовной миссии в Иерусалиме. — 186, 137.

Потебня Александр Афанасьевич (1335—1391), исследователь русского языка. Глава психологической лингвистики в России; в 1860 г. профессор Харьковского университета; с 1875 г. член-корреспондент Академии Наук. — 93, 140, 133, 134.

Почтали Коста, археолог. — 195.

Правда Фрагитшек (псевдоним Войтеха Глинки) (1817—1904), чешский писатель. — 70.

Прванов Никола (Първанов Н.) (1837—1872), болгарский учитель. — 86, 87.

Прейс Петр Иванович (1310—1346), славист-филолог, в 1839—1843 гг. был командирован в славянские страны; с 1843 г. первый профессор по кафедре истории, литературы и сравнительной грамматики славянских наречий в Петербургском университете. — III, 147, 149.

Прелог Милав, род. 1879, с 1922 г. профессор всеобщей истории в Загребском университете; с 1927 г. в университете в Скопле. — 55.

Прерадович Петар (Preradović P.) (1318—1872), хорватский поэт, представитель культурно-национального освободительного движения (иллиризма). — 80, 81.

Пресняков Александр Евгеньевич (1870—1929), историк России, профессор Петроградского университета; с 1920 г. — член-корреспондент Академии Наук. — 231.

Прешерн Франц (Prešern F.) (1800—1849), крупнейший словенский поэт. — 209, 210.

Приятель Иван Францевич (Priatelj J.) (1875—1937), филолог, историк словенской литературы, сотрудник Придворной венской библиотеки; с 1919 г. — профессор славянских литератур в Люблянском университете. — 231, 239.

Прус, книжная фирма в Лейпциге. — 51, 53.

Пташицкий Станислав Львович (1853—1933), славист-филолог и историк; с 1394 г. приват-доцент Петербургского университета по кафедре славянской филологии; после первой империалистической войны профессор Люблинского университета и директор польских государственных архивов. — 85, 178, 219, 231, 303.

Пуркине Эммануил (Purkyně E.) (р. 1832), сын Я. Пуркине, ботаник. — 35.

Пуркине Ян (Purkyně J.) (1787—1869), чешский физиолог, основоположник гистологии, культурный и литературный деятель; с 1823 г. профессор Братиславского, с 1851 г. — Пражского; университета основатель и редактор журнала „Živa“; с 1836 г. член-корреспондент Академии Наук. — 18, 26, 35, 147.

Пустьовойтова Анна, деятельница польского восстания 1863 г. — 56, 58.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837). — 22, 24, 199, 224, 304, 323.

Пфуль Христиан (Pfuhl K.) (1825—1890), деятель культурно-национального возрождения сербо-лужичан, лексикограф. — 32.

Пыпин Александр Николаевич (1833—1904), историк русской и славянских литератур; с 1860 г. профессор всеобщей литературы в Петербургском университете, уволен в 1861 г. в связи со студенческими волнениями; работал в редакции „Современника“ и „Вестника Европы“; с 1898 г. академик. — VI, VII, 8, 17, 20, 22, 23, 35, 99, 174, 187, 231, 233, 247, 263, 328.

Р

Радде Густав Иванович (1831—1903), зоолог; в 1855—1860 гг. участвовал в Восточносибирской экспедиции Русского географического общества, сотрудник Зоологического музея Академии Наук, основатель Кавказского музея в Тифлисе; с 1834 г. член-корреспондент Академии Наук. — 35.

Радецкий Иосиф, граф (1766—5 января 1353), австрийский фельдмаршал, участник наполеоновских войн и Австро-итальянской войны. — 19, 20.

Радич Анте (Радич А.) (1863—1919), хорватский этнограф, общественный деятель. — 196.

Радонич Иован (Радонич J.) (р. 1873), историк Сербии, в 1897—1898 гг. учился в Москве и Петербурге, с 1899 г. библиотекарь Сербской матиды; с 1905 г. профессор истории средних веков в Белградском университете. — 199, 273, 314.

Радченко Константин Федорович (1872—1903), славист, исследователь культурной истории южных славян. — 191, 232.

Раевский Михаил Федорович (1811—1834), свыше 40 лет настоятель русской церкви в Вене; активный деятель Славянского благотворительного общества. — 18, 20, 35, 56—58, 66.

Разумовская Любовь Вячеславовна. — XII.

Райков. — 117.

Ракоци, венгерский композитор. — 42.

Ранда Антонин (Randa A.) (1834—1914), юрист-цивилист; с 1862 г. профессор Пражского университета; после разделения последнего был ректором Чешского университета; президент Чешской Академии наук. — 309, 331, 344, 348, 351.

Ранк Иосиф (Ránek J.) (1833—1912), чешский лексикограф. — 57, 59.

Рачинский Сергей Александрович (1833—1902), ботаник, педагог; с 1891 г. член-корреспондент Академии Наук. — 83.

Рачинский Эдуард (Raczyński E.) (1787—1845), польский историк, общественный деятель, меценат. — 5.

Рачкий Франьо (Rački F.) (1828—1894), хорватский ученый и общественный деятель, историк и историк литературы южных славян, один из организаторов Югославянской Академии наук (открыта в 1866) и Загребского университета (1874); первый президент Академии; с 1838 г. почетный член Петербургского университета; с 1869 г. — член-корреспондент Академии Наук. — 79, 80, 81, 131, 134, 166, 167, 210.

Регель Василий Эдуардович (1857—1932), историк, византистолог; с 1833 г. занимал кафедру в Петербургском университете, редактор «Византийского вестника»; с 1915 г. профессор Юрьевского университета, после революции профессор и ректор Воронежского университета; с 1893 г. член-корреспондент Академии Наук. — 231.

Редин Егор Кузьмич (р. 1863), историк искусств; с 1893 г. читал в Харьковском университете. — 232.

Резай (Rezay). — 24.

Резек Антонин (Rezek A.) (1853—1909), историк Чехии; с 1878 г. профессор Пражского университета. — 154—156.

Ренненкампф Николай Карлович (р. 1332), историк права; профессор права в 1883—1390 гг. ректор Киевского университета. — 39.

Ретциус Андерс Адольф (Retzius A.) (1769—1860), шведский анатом и этнолог. — 26.

Рей Николай (Rej z Nagłowic M.) (1507—1569), польский писатель, «отец национальной польской прозы». — 84, 85.

Решетар Душко, сын М. Решетара, внук И. В. Ягича. — 195.

Решетар Милан (Rešetar M.) (р. 1860), славист, исследователь сербо-хорватского языка, его диалектологии, акцентологии; с 1895 г. доцент, с 1904 г. — профессор Венского университета; в 1915—1927 гг. в Загребском университете; с 1902 г. член-корреспондент Академии Наук. — 147, 186, 188, 227—229, 234, 261—263, 273, 277, 289, 292, 305, 314.

Рживнач Франц (Řivnač F.), пражский книгопродавец. — 255.

Ригер Франц Ладислав (Rieger F.) (1818—1903), политический и общественный деятель, один из вождей национально-освободительного движения в Чехии, глава старочешской партии. — 24, 26, 27, 34, 36, 37, 56, 57, 58, 72, 106, 107, 109, 348, 349.

Риккер, немецкая книжная фирма. — 292.

Ристич Иован (Ристић J.) (1831—1899), сербский политический деятель; глава партии либералов, австрофил, неоднократно занимал министерские посты; премьер-министр в 1878 и 1887 гг. Наместник короля Милая; в 1889—1893 гг. один из наместников короля Александра. — 129.

Риттерсберк Людвик (Ritter z Rittersberku L.) (1809—1848), чешский публицист. — 26, 27.

Ровинский Павел Аполлонович (1831—1916), путешественник, этнограф, исследователь Черногории; в 1878 г. был корреспондентом газет и журналов из Боснии, затем поселился в Черногории, работал в русской миссии в Цетинье. — 37, 40, 126, 128, 158, 362.

Розвадовский Ян (Rozwadowski J.) (1867—1935), лингвист, историк польского языка; профессор Краковского университета; в 1925—1927 гг. президент Краковской Академии; с 1911 г. член-корреспондент Академии Наук. — 230, 245, 246, 300, 303, 312, 323, 324, 332, 344.

Романов Константин Константинович, вел. князь (1858—1915), президент Академии Наук с 1889 г. — 219.

Романов Константин Николаевич, вел. князь (1827—1892), в 1862—1863 гг. наместник Царства Польского. — 37.

Романский Стоян, род. 1832, болгарский славист-филолог, языковед и этнограф, профессор Софийского университета. — 303.

Рост, филолог. — 303.

Рудченко Иван Яковлевич (р. 1845), этнограф, собиратель украинского фольклора. — 236.

Рыбай Юрий (Ribay J.) (1754—1812), словацкий фольклорист, библиограф, сотрудник И. Добрульского. — 69, 72.

Рыбников Павел Николаевич (1832—1885), собиратель русских народных песен. — 36, 37, 160.

Рышков Владимир Александрович, писатель, канцеляр Правления Академии Наук. — 280.

С

Саблер, см. Заблер.

Самарин Юрий Федорович (1819—1876), писатель и общественный деятель, славянофил. — VII, 34, 54, 55.

Самуил Шишман, царь болгарский в 976—1014 гг. — 204

Свобода Карель (Svoboda K.) (1824—1870), чешский художник. — 57, 58.

Севастьянов Петр Иванович (1811—1867), археолог; собрал большую

коллекцию славянских древностей; в 1859 г. возглавляла экспедицию на Афон. — 160, 161.

Северьянов Сергей Николаевич (ум. 1918), палеограф, издатель древнеславянских памятников. — 143, 188, 269, 303.

Семевский Михаил Иванович (1837—1892), историк; с 1870 г. издатель „Русской Старины“. — 293.

Семенов Виктор. — 153.

Семенов-Тяньшанский Петр Петрович (1827—1914), географ, путешественник, статистик, общественный деятель; первый исследователь Тяньшаня; с 1873 г. вице-председатель Русского Географического общества; редактор многотомных изданий: „Живописная Россия“, „Россия“ и др.; с 1873 г. почетный член Академии Наук. — 60, 105.

Сергий, духовный писатель. — 293.

Сержпутовский Александр Константинович, собиратель фольклора, сотрудник этнографического отдела Русского музея. — 333.

Серно-Соловьевич Николай Александрович (ум. 1866), участник революционного движения начала 60-х годов; арестован по делу „о сношениях с лондонскими пропагандистами“, приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь. — 43.

Сеченов Иван Михайлович (1829—1905). — 99.

Сечены Стефан (1792—1860), венгерский политический и культурный деятель. — 41, 42.

Сидоренко Георгий Дмитриевич (1832—1899); занимал кафедру политической экономии в Киевском университете. — 39, 40.

Симоны Павел Константинович (1859—1939), библиограф, издатель памятников древнерусской письменности; с 1892 г. делопроизводитель Отделения русского языка и словесности; с 1921 г. член-корреспондент Академии Наук. — 289, 352, 353.

Сиповский Василий Васильевич (1872—1930), историк русской литературы; с 1903 г. приват-доцент Петербургского университета; в 1910—1917 гг. профессор Бестужевских курсов, в 1919—1921 гг. Бакинского университета; с 1922 г. профессор Ленинградского университета. — 231.

Скрейшовский, владелец типографии в Праге. — 57, 58.

Скриван Франтишек (Skrivan F.) (р. 1807), чешский врач-практик; участник культурно-национального движения в Чехии. — 56, 58.

Скрялеико Антонина. — 258.

Славейков Пенчо (1865—1912), болгарский поэт и политический деятель. — 211, 212.

Смаль-Стоцкий Степан (р. 1856), профессор украинского языка и литературы в Черновицком университете. — 303.

Смарагдов Сергей Николаевич (р. 1871), автор учебников по истории. — 2.

Сметана Бедржих (Smetana B.) (1824—1884), чешский композитор, основатель чешской национальной музыкальной школы; в 1866—1874 гг. директор Чешского национального театра в Праге. — 57, 58.

Сметанка Эмиль (Smetanka E.) (р. 1875), чешский языковед и диалектолог; с 1907 г. профессор Пражского университета. — 262, 303, 334, 362.

Смирнов Александр Иванович (1842—1905), историк русской литературы; с 1880 г. профессор Варшавского университета; редактор „Русского филологического вестника“. — 231.

Смирнов Иван Николаевич (1856—1904), историк, археолог и этнограф; исследователь истории южных славян; с 1881 г. занимал кафедру всеобщей истории в Казанском университете. — 231.

Смирнов Я. Е., священник Дрезденской русской церкви. — 168, 231.

Смичиклас Таде (Smičiklas T.) (1843—1914), историк Хорватии; в 1882—1904 гг. профессор Загребского университета; с 1889 г. секретарь, с 1894 г. президент Югославянской Академии. — 166, 311, 312, 326, 327, 334.

Смолька Станислав (Smolka S.) (1850—1924), историк Польши; с 1875 г. занимал кафедру в Краковском, потом Люблинском университете; в 1891—1902 гг. секретарь Краковской Академии наук. — 334, 341, 343.

Смоляр Марк (Smoler M.), сын Я. Э. Смоляра. — 111, 278.

Смоляр Ян Эрнест (Иван Иванович) (Smoler J.) (1816—1884), деятель культурно-национального возрождения сербо-лужицан. — 5, 27, 28, 32, 112.

Соболевский Алексей Иванович (1856—1929), филолог, историк русского языка и литературы; с 1883 г. занимал кафедру в Киевском университете; в 1888—1908 гг. профессор Петербургского университета; с 1900 г. — академик; председатель Петербургского славянского благотворительного общества (1914—1920). — X, XII, 131, 138, 139, 144, 152, 171, 172, 178, 189, 207, 219, 233, 256, 257, 259, 261—266, 268—271, 273, 275, 276, 301, 303, 306, 307, 303, 310, 316, 318, 328, 339, 342, 353—355, 362, 363, 369, 370.

Созонович Иван Петрович (р. 1856), профессор всеобщей литературы Варшавского университета. — 231.

Сокол (Sokol), исследователь А. Коменского. — 153, 155.

Соколов Иван Иванович (р. 1865), преподаватель греческого языка в Петербургской духовной семинарии. — 97, 108, 109, 112, 169.

Соколов Матвей Иванович (1854—1906), ученик В. И. Ламанского, историк славянской литературы; в 1881—1889 гг. занимал кафедру русской словесности в Нежинском историко-филологическом институте, с 1889 г. ту же кафедру в Московском университете. — 140, 198, 232, 303.

Соколовский Мариан (Sokolowski M.) (1839—1911), историк искусства, проф. Краковского университета; с 1902 г. член-корреспондент Академии Наук. — 234, 245, 246.

Спасович Владимир Данилович (1829—1906), юрист; в 1857—1861 гг. занимал кафедру уголовного права в Петербургском университете; писатель, публицист, соавтор (вместе с А. Н. Пыщным) „Истории славянских литератур“. — XI, 231, 243, 244, 246.

Сперанский Михаил Несторович (1863—1933), историк древнерусской и славянской письменности; с 1395 г. профессор Нежинского историко-филологического института, затем Московского университета. — IX, XII, 141, 143, 145, 146, 152, 161, 164, 165, 174, 183—185, 191, 195, 197, 204, 205, 232, 253, 264, 235, 283, 239, 293, 303, 304, 323.

Срезневская Екатерина Федоровна (1825—1912), жена И. И. Срезневского. — 6.

Срезневский Всеволод Измаилович (1867—1936), библиограф древнерусской и славянской письменности; с 1893 г. библиотечарь Библиотеки Академии Наук; с 1906 г. член-корреспондент Академии Наук. — 231.

Срезневский Измаил Иванович (1812—1830), славист-филолог; 1339—1842 гг. провел в славянских землях, подготавливаясь к профессорскому званию; с 1842 г. профессор Харьковского, в 1847—1830 гг. — Петербургского университета; с 1849 г. адъюнкт Академии Наук, затем академик. — III, VII, VIII, IX, XII, 1, 3—10, 14—16, 13, 23, 31—34, 49—51, 53, 55, 57, 58, 61, 63, 64, 66, 73, 78, 79, 83, 92, 98, 147, 149, 185, 213, 336, 356, 357, 359—361.

Сречкович Пантелиа (Сречковић П.) (1834—1903), историк Сербии; учился в Киевском университете; с 1859 г. профессор Белградского лицея, затем Великой школы. — 191.

Станек Вацлав (Stanek V.) (р. 1804), чешский литератор. — 21, 149.

Станкович. — 18.

Станоевич Стане (Станојевић С.) (1874—1933), историк южных славян; в 1897—1893 гг. был в Петербурге; с 1900 г. занимал кафедру истории Сербии в Великой школе, затем в университете в Белграде. — 164, 165, 183, 199, 209.

Стасов Владимир Васильевич (1824—1906), искусствовед. Работал по славянской археологии и этнографии; с 1872 г. библиотечарь художественного отдела Публичной библиотеки; с 1900 г. почетный академик по Рязяду изящной словесности. — 231.

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911), историк, публицист; в 1852—1860 гг. занимал кафедру всеобщей истории в Петербургском университете; в 1865—1908 гг. издатель-редактор „Вестника Европы“. — 73.

Стеванович Павле (Стевановић П.) род. 1835, филолог; после империалистиче-

ской войны 1914—1913 гг. ассистент Белградского университета. — 314.

Степович Андриок Иоанникийевич (1856—1936), историк славянских литератур; приват-доцент Киевского университета по кафедре славяноведения. — 231.

Стефан Душан, сербский король в 1331—1355 гг. — 14, 16, 203, 274.

Стоюничи Владимир Яковлевич (1826—1888), преподаватель русской словесности, писатель по вопросам педагогики. — 51, 52, 54.

Стоянов Василь (1841—1910), болгарский общественный и культурный деятель, директор Народной библиотеки в Софии, председатель Болгарского Книжного дружества; первый редактор „Периодического списания“. — 203.

Стоянович Любомир (Стојановић Л.) (1850—1930), славист-филолог, политический деятель, один из руководителей партии радикалов; с 1891 г. доцент русского языка, в 1893—1899 гг. профессор славянской филологии Великой школы в Белграде; в 1903—1909 гг. неоднократно занимал министерские посты; в 1913—1923 гг. секретарь Сербской Академии наук; с 1923 г. член-корреспондент Академии Наук. — IX, XI, 181—185, 195, 199, 210, 238, 239, 241, 250, 262, 296, 297, 299, 301, 303, 305, 306, 311, 353, 354, 356, 359, 360, 362, 364, 363.

Страхов Николай Николаевич (1823—1896), публицист славянофильского направления. — 79.

Стрибржек. — 105.

Строев Павел Михайлович (1796—1876), археолог, в 1823—1834 гг. возглавлял Археологическую экспедицию Академии Наук; открыл, описал и издал большое количество памятников; с 1841 г. академик. — 50, 52.

Строупежницкий Ладислав (Stroupežnický L.) (1850—1892), чешский писатель, драматург. — 160, 161.

Студничка Франтишек (Studnička F.) (1836—1903), профессор математики Пражского университета. — 106.

Субботич Иован (Субботић И.) (р. 1817), сербский писатель, филолог, общественный деятель. — 63.

Суворов Николай Семенович (р. 1848), историк церковного права, профессор Ярославского демидовского лицея, затем Московского университета. — 233, 239.

Судовщиков Евгений, педагог. — 51, 52, 54.

Сумцов Николай Федорович (1854—1923), историк всеобщей литературы, исследователь украинской литературы, профессор Харьковского университета; с 1905 г. член-корреспондент Академии Наук. — 232, 337.

Сутнар Ярослав (Sutnar J.), филолог. — 289.

Сырку Полихроний Агапиевич (1855—1905), славист, исследователь истории культуры южных славян и румын, приват-доцент Петербургского универси-

гета. — 86, 92, 96, 152, 178, 186, 198, 220, 219, 231.

Т

Таафе Эдуард (Taaffe E.) (1833—1895), австрийский премьер-министр в 1863—1870 и 1874—1893 гг., проводил централистскую политику, используя национальную рознь в стране. — 120, 122.

Тадра Фердинанд (Tadra F.) (1844—1910), историк Чехии, издатель исторических источников. — 106.

Тарновский Станислав (Tarnowski S.) (1837—1917), историк польской литературы, профессор Краковского университета; секретарь Краковской Академии наук в 1883—1890 гг., президент с 1891 г. — 338, 339.

Тейбнер Б. Г. (Teubner B. G.), книгоиздательская фирма в Лейпциге, основанная в первой четверти XIX в. — 255, 294.

Тейнер Аугустин (Theiner A.) (1804—1874), историк католической церкви. — 81,

Телинкова, чешская актриса. — 57, 58.

Темпский Ф. (Tempák F.), книгоиздатель в Праге. — 203.

Тимковский Роман Федорович (1785—1820), преподаватель в Московском университете по кафедре древнерусской словесности. — 3, 5.

Тифтрунк Карель (1829—1897), историк чешской литературы, преподаватель и директор пражских гимназий. — 105, 106.

Тихонравов Николай Саввич (1832—1893), историк русской литературы; с 1859 г. профессор Московского университета; с 1890 г. академик. — IX, 130, 141, 143, 144.

Ткальчич Иван (Tkalčić J.) (1840—1905), хорватский историк; в 1832—1896 гг. хранитель архива Югославянской Академии наук. — 85.

Толстой Алексей Константинович (1817—1875), русский поэт. — 255.

Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), обер-прокурор Синода и одновременно в 1866—1880 гг. министр народного просвещения; с 1832 г. министр внутренних дел и президент Академии Наук. — 35, 66, 67.

Толстой Иван Иванович, граф (1853—1916), археолог, публицист; с 1897 г. почетный член Академии Наук. — 231.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910). — 148.

Томашек Вилем (Tošašek V.) (1841—1901), историк, географ и этнолог; с 1877 г. в Градецком, с 1836 г. в Венском университетах; с 1833 г. член-корреспондент Академии Наук. — 104, 107.

Томек Вацлав (Tomek V.) (1818—1905), историк Чехии; с 1850 г. профессор Пражского университета; с 1878 г. член-корреспондент Академии Наук. — 68, 71, 106.

Томич Сима Новакович (Томић С.) (ум. 1903), сербский филолог. — IX, 181, 183, 213, 218.

Торбьернсон Торе (Torbjörnsson T.) (р. 1864), датский славист-лингвист, профессор славянской филологии в Упсальском, потом в Копенгагенском университете. — 303.

Точилеску Григорий (р. 1845), профессор древней истории и этнографии в Бухарестском университете. — 86.

Трейчке Генрих (Treutschke H.) (1834—1896), историк, публицист, профессор Гейдельбергского и Берлинского университетов; с 1886 г. получил звание прусского историографа. — 97.

Троицкий Иван Егорович (1834—1901), историк церкви; в 1863—1888 гг. занимал кафедру в Петербургской духовной академии, с 1874 г. — в Петербургском университете. — 169.

Троянский Александр Степанович (р. 1835), чиновник русской дипломатической службы; в 60-х гг. посетил славянские земли, дав ряд очерков и корреспонденций о них. — 37, 40.

Трстеняк Давид (Trstenjak D.) (1817—1890), словенский языковед, литературовед и археолог. — 137.

Трубарь Примож (Trubarj P. — Truber), словенский культурный деятель XVI века, издатель первых книг на словенском языке, один из реформаторов словенской графики. — 123, 124.

Трубецкой Евгений Николаевич (1863—1919), профессор Московского университета по кафедре философии и права, политический деятель, буржуазно-либеральный публицист. — 269.

Турьев Борис Александрович (1868—1920), востоковед; с 1896 г. профессор Петербургского университета; с 1918 г. академик. — 168.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883). — 19, 22, 24.

Турн-Такси с Рудольф, князь. — 34.

Турнер, историк права. — 80.

Тютчев Федор Иванович (1803—1873), русский поэт. — 5, 6, 60, 255.

У

Уварова Прасковья Сергеевна, графиня (1840—1924), жена А. С. Уварова, с 1884 г. председатель Московского Археологического общества. — 195.

Улановский Болеслав (Ulanowski B.) (ум. 1919), профессор церковного и древнепольского права Львовского, потом Краковского университета; секретарь Краковской Академии наук. — 245, 246, 323, 338, 339.

Улашин Геирих (Ułaszyn H.), лингвист-полонист, профессор Познанского университета. — 303.

Ульянов Григорий Константинович (1859—1912), лингвист, ученик Фортунатова; с 1885 г. приват-доцент Московского университета, с 1888 г. занимал кафедру

сравнительной грамматики славянских языков в Варшавском университете и был его ректором в 1899—1904 гг. — 145, 147, 231, 268.

Урбанек Франтишек (Urbanek F.) (р. 1842), чешский библиограф. — 70.

Успенский В. В. — 141, 143, 144.

Успенский Федор Иванович (1845—1928), историк Византии; в 1879—1894 гг. профессор Новороссийского университета; основатель и директор Русского Археологического института в Константинополе (1894—1914); с 1900 г. академик; редактор „Византийского вестника“, в 1922—1927 гг. профессор Ленинградского университета. — XII, 152, 153, 163, 203, 204, 211.

Устинов Михаил Павлович, юрист, кандидат Харьковского университета, товарищ В. И. Ламанского по Первой петербургской гимназии. — 1, 2, 39.

Устрялов Николай Герасимович (1805—1870); в 1837—1859 гг. на кафедре русской истории в Петербургском университете; с 1837 г. академик. — 2, 14.

Утин Борис Исакович (1832—1872), историк права, публицист; в 1857—1859 гг. был в заграничной командировке; в 1860—1861 гг. в Петербургском университете, затем в Училище правоведения. — 18, 19, 64.

Ушаков Дмитрий Николаевич (1873—1942), лингвист, профессор Московского университета по кафедре русского языка и словесности; с 1939 г. член-корреспондент Академии Наук. — 303.

Ф

Фальтис — вероятно Вацлав (Faltis V.) (р. 1826), филолог, учитель немецкого языка в Праге. — 56, 58.

Фарлати Даниил (ум. 1773), историк южнославянской церкви; 4 тома его труда „Plurimum sacrum“ вышли в 1751—1769 гг. и 4 тома изданы посмертно (1775—1819). — 79.

Федр, римский баснописец I в. — 5.

Феокистов Евгений Михайлович (1829—1898); в 1871—1882 гг. редактор „Журнала Министерства народного просвещения“, в 1883—1896 гг. начальник Главного управления по делам печати. — 73.

Фердинанд Кобург, с 1837 г. князь, с 1908 г. царь болгарский; изложен в 1918 г. — 168.

Ферхголт — Товачевский (Förchgott—Tovačovský), чешский музыкант. — 57, 58.

Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892), русский поэт. — 255.

Филевич Иван Порфирьевич (1856—1913), с 1890 г. профессор Варшавского университета по кафедре русской истории; русский националист. — 231, 362, 363.

Филиппов Владимир. — 43.

Финали, филолог. — 42.

Фингерхут (Наперсток), чешский фабрикант. — 36.

Фирстенберг, князь, владетель рудников в Чехии. — 39.

Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854—1919), славист, профессор Киевского университета, русский националист; впоследствии активный враг советской власти. — VII, 112, 195, 219, 231, 261, 267, 268, 271—274, 303.

Фляйшганс Вацлав (Flajšhans V.) (р. 1866), историк чешского языка и древнечешской письменности, профессор Пражского университета. — 263.

Фляшка из Пардубиц Смиль (Flaška z Pardubic S.) (1349—1403), один из представителей чешской средневековой поэзии. — 68, 71.

Фортуатов Филипп Федорович (1848—1914), создатель русской школы лингвистов, основоположник акцентологии индоевропейских языков; 30 лет занимал кафедру сравнительного языковедения в Московском университете; с 1898 г. академик. — IX, X, 130, 131, 141, 143, 145, 147, 171, 174, 181, 184, 212, 214, 223, 225, 229, 231, 238, 250, 259, 261, 268, 277, 297, 300, 301, 303, 310, 341, 353, 355, 359, 360, 362, 369.

Фортуатова Юлия Ивановна, жена Ф. Ф. Фортуатова. — 225, 250.

Фосс, книжный комиссонер в Лейпциге. — 32.

Франко Иван Яковлевич (1856—1916), ученый, писатель, публицист, деятель национального возрождения Западной Украины. — 164, 165, 274, 328, 337.

Францев Владимир Андреевич (р. 1867), славист, профессор Варшавского университета; эмигрант, профессор Пражского университета. — 7, 181, 223, 231, 263, 303, 335.

Фрейганг Андрей Васильевич (1809—1880), вице-адмирал, славянофил. — 60.

Фридрише Юлий Федорович (Karl Julius) (1808—1871), химик-органик и натуралист; с 1834 г. в России; с 1838 г. адъюнкт Академии Наук, затем — академик. — 42.

Х

Халанский Михаил Георгиевич (1857—1910); с 1891 г. профессор Харьковского университета по кафедре русского языка и литературы; с 1909 г. член-корреспондент Академии Наук. — 62, 232.

Хаждеу (Хаждев) Богдан П. (Hasdeu B. P.), воспитанник Харьковского университета, славист, историк Румунии. — 86, 87.

Хмельницкий Богдан Зиновий Михайлович (ум. 1657), вождь освободительной борьбы украинского народа. — 29, 31.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), славянофил. — 22, 37.

Ц

Царич (Царий), участник экспедиции М. Мурко по изучению сербской акцентуации. — 227, 229, 242, 247—249, 252.

Царский А. — 54.

Цвьянович Сьетислав (Цвьянович С.) (1877), белградский книгоиздатель с 1902 г. — 314.

Цейнова Флорьян (Cejnova F.) (1817—1880), кашубский филолог, этнограф, первый исследователь языка и народного творчества кашубов. — 8.

Цонев Боян (1863—1926), историк болгарского языка, диалектолог; с 1893 г. занимал кафедру в Софийском университете. — 119, 262, 303.

Цупица Юлий (Zupitza J.) (1844—1395), лингвист-германист, профессор северогерманских языков в Венском университете, потом профессор английского языка и литературы в Берлине. — 329.

Ч

Чада Франтишек (Čada F.) (1865—1918), чешский философ, историк чешской философии, профессор Пражского университета. — 370, 371.

Чацкий Тадеуш (Czacki T.) (1765—1813), польский историк, общественный и культурный деятель. — 4, 5.

Челяковский Франтишек Ладислав (Čelakovský F. L.) (1799—1852), чешский поэт, филолог, публицист, деятель культурно-национального возрождения Чехии; с 1841 г. профессор славяноведения в Бреславльском, с 1849 г. — в Пражском университете редактор „Pražskych novin“. — III, 4, 51, 53, 54, 68, 70, 91, 147, 149.

Челяковский Яромир (Čelakovský J.) (1846—1914), сын Ф. Челяковского, историк чешского права, с 1871 г. сотрудник архива г. Праги, в 1896—1907 гг. главный его архивариус; с 1883 г. профессор Пражского университета. — 106, 110, 147, 333, 334.

Черкасский Владимир Александрович (1824—1878), близок к славянофилам, деятель крестьянской реформы; в 1868—1870 гг. московский городской голова; во время Русско-турецкой войны участвовал в организации гражданского управления в Болгарии. — 56.

Черкесов Александр Александрович (ок. 1839 — ок. 1908), участник революционного движения 60-х годов; в 1867 г. открыл в Петербурге библиотеку и книжный магазин; позже анархист. — 82.

Черны Адольф (Černý A.) (р. 1864), исследователь истории, литературы и народного творчества сербо-лужицян; лектор чешского и серболужицкого языков в Пражском университете. — 32.

Черный Томаш (Černý T.) (р. 1840), чешский общественный деятель, пражский адвокат, выступал защитником газеты „Národní Listy“ в процессах, возбуждавшихся против нее австрийским правительством. — 56, 58.

Чернышев Василий Ильич, род. 1867, педагог, исследователь русского языка; с 1931 г. член-корреспондент Академии Наук. — 231.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889). — VI, 19, 20, 26, 43.

Четвериков И. И. — 56.

Чех Сватошук (Čech S.) (1846—1908), чешский писатель и поэт-лирик. — 160.

Чубранович Андрия (Čubranović A.) (конец XV — начало XVI в.), хорватский (дубровницкий) поэт. — 80.

Чурчин Милан, белградский профессор. — 337.

Ш

Шафарик Владислав (Šafařík V.), сын П. И. Шафарика. — 47, 48.

Шафарик Войтех (Šafařík V.) (р. 1829), сын П. И. Шафарика, химик; с 1859 г. профессор Коммерческой академии в Вене, с 1868 г. — Пражского политехникума; в 1864 г. редактор „Часописа Чешского музея“. — 24, 47, 48.

Шафарик Павел Иосиф (Šafařík P.) (1795—1861), славист, филолог, историк, этнограф, деятель национального возрождения в Чехии; с 1848 г. библиотекарь Пражской библиотеки и профессор славянской филологии в Пражском университете; с 1839 г. член-корреспондент Академии Наук. — 16, 18, 19, 21, 23, 24, 27, 36, 38, 48, 51, 52, 68, 70, 92, 99, 100, 102, 147, 149, 175, 176, 256, 257, 272, 333, 334.

Шафарик Янко (Šafařík J.) (1814—1876), племянник П. И. Шафарика, медик по образованию; с 1843 г. профессор физики в Белградском университете, затем профессор истории славянских литератур и древностей. — 4, 15, 47, 48.

Шахматов Алексей Александрович (1864—1920), славист-лингвист, историк русского языка, исследователь русского летописания; с 1894 г. адъюнкт, затем академик, с 1906 г. председательствующий в Отделении русского языка и словесности Академии Наук. — IX, X, XI, XII, 73, 118, 123, 125, 130, 131, 138—143, 171, 174, 175, 178, 187, 188, 198, 208, 212—218, 220, 221, 223, 225, 227, 229—231, 234—237, 240, 242—244, 247—249, 251—253, 259, 261—264, 267, 269, 271, 273—280, 283, 286—290, 292, 294—298, 300, 301, 303, 304, 306, 309, 312, 314, 321, 323, 325—328, 330, 332—334, 336, 338, 340, 341, 343, 347, 349, 351, 353—355, 357, 359, 360—362, 365, 367—370.

Шахматова Наталья Александровна (1870—1940), жена А. А. Шахматова. — 294, 295, 298, 327, 333, 335, 340.

Шахматова Ольга Александровна, сестра А. А. Шахматова. — 298.

Шахматова Ольга Алексеевна (1901—1942), дочь А. А. Шахматова. — 280, 336.

Шахматова Ольга Николаевна (ум. 1920), тетка А. А. Шахматова. — 298.

Шебор Алоис Антонович, брат И. Шебора. — 105.

Шебор Иосиф Антонович (р. 1848), чех, филолог-классик; с 1867 г. был наставником в семье Я. К. Грота; окончил

Петербургский университет; с 1875 г. преподаватель латинского языка, затем профессор римской словесности в Петербургском университете. — 105.

Шекспи́р Вильям (1564—1616). — 1.

Шембе́ра Алоис (Šembera A.) (1837—1882), чешский языковед, диалектолог, историк литературы и этнограф; с 1839 г. профессор Оломуцкого университета (Моравия), в 1847 г. перенесенного в Брно; с 1850 г. профессор университета в Праге; с 1868 г. член-корреспондент Академии Наук. — 65, 66, 100, 102.

Шенфельд Ян Фердинанд (Schönfeld J.) (1750—1821), владетель типографии и книгоиздательства в Праге и Вене, автор исторических трудов. — 91.

Шерер Александр Николаевич (1771—1824), профессор химии в Медико-хирургической Академии; с 1805 г. адъюнкт Академии Наук, затем академик. — 42.

Шердль Викентий (Ченек) (Sercl Č.) (1843—1905), чешский филолог, сансктолог, языковед-полиглот, с 1869 г. доцент сравнительного языковедения в Харьковском университете; в 1885—1897 гг. профессор Новороссийского университета. — 68.

Шестакова Людмила Ивановна (р. 1816) — сестра М. И. Глинки, издательница его музыкальных произведений. — 51, 52.

Шеффер Петр Николаевич, приват-доцент Петербургского университета. — 231.

Шибанов, московский букинист. — 161.

Шифнер Антон Антонович (Franz Anton) (1817—1879), ориенталист, с 1852 г. академик. — 96.

Шишманов Иван Дмитриевич (1863—1928), болгарский общественный и политический деятель; исследователь фольклора; в 1903—1907 гг. министр народного просвещения Болгарии. — 17, 200, 201, 253, 303.

Шкорпил Карел (1859—1944), болгарский археолог, учитель гимназии в разных городах Болгарии; одновременно вел археологические изыскания; с 1894 г. директор Археологического музея в Варне. — 211, 212.

Шкрабец Станислав (Škrabec S.) (1844—1918), священник, словенский филолог-языковед, культурный и общественный деятель; в 1873—1914 гг. учитель школы французского ордена в Костаневице. — 137, 221, 223, 262.

Шкультетый Иосиф (Skultetý J.), словацкий историк литературы и культуры. — 107.

Шлейхер Август (1821—1868), немецкий филолог-языковед, основоположник сравнительно-исторического метода в языковедении; в 50-х гг. профессор в Пражском, затем в Йенском университете, с 1857 г. член-корреспондент Академии Наук. — 12, 82, 106, 108.

Шлоссер Фридрих Христиан (1776—1861), историк. — 19, 20.

Шляков Николай Васильевич (р. 1861) филолог-славист, ученик Ламанского. — 140, 232.

Шляпки́н Илья Александрович (1858—1918), историк русской литературы, профессор Петербургского университета; с 1907 г. член-корреспондент Академии Наук. — 231.

Шмага́ Иосиф (Šmaha J.) (1843—1922), исследователь А. Коменского. — 153, 154, 155, 156.

Шмерлинг Антон (1805—1893), австрийский политический деятель; в 1848—1851 г. занимал посты министра внутренних и иностранных дел; в 1850—1865 гг. премьер-министр; проводил централизаторскую политику (конституция 1861 года). — 36.

Шмидт Иоганн Адам Эрдман, лексикограф, русский консул в Лейпциге и лектор русского и польского языка в Лейпцигском университете. — 67, 71.

Шоду́р Станислав Иванович (1790—1858), русский нумизмат и коллекционер; собрал богатейшую в Европе коллекцию монет, гравюр, русских древностей, часть которой поступила в Эрмитаж; с 1836 г. член-корреспондент Академии Наук. — 4, 5.

Шолви́н Роберт (Scholvin R.), филолог. — 215.

Шолта (Šolta), серболужицкий культурный деятель. — 110.

Шрамек Иван Федорович (ум. 1884), чех, служил в России по министерству народного просвещения. — 26, 52, 53, 110.

Шрепёль Миливой (Šrepel M.) (1812—1905), с 1888 г. профессор классической филологии в Загребском университете, исследователь дубровницкой литературы; знаток и переводчик русской литературы; с 1902 г. член-корреспондент Академии Наук. — 204, 234.

Штитный Фома (Štitný T.) (1331—1401), чешский философ, проповедник, предшественник Я. Гуса; первый писатель, писавший на чешском языке. — 68, 71.

Штрекель Карл (Štrekelj K.) (1859—1912), историк словенского языка, диалектолог; с 1886 г. приват-доцент славянской филологии в Венском университете; в 1897—1908 гг. профессор университета в Градце; с 1902 г. член-корреспондент Академии Наук. — 123—125, 130, 146, 227, 234, 247, 261—264, 277, 278, 285, 292, 303.

Штросмайер Иосиф Юрий (Štrosmayer J. J.) (1815—1905), епископ, хорватский общественный и культурный деятель; по его инициативе и при его финансовой поддержке открыты Югославянская Академия наук в 1865 г. и Загребский университет в 1874, более 70 школ, ряд научных, литературных и художественных обществ. — 133, 134.

Шульц Фердинанд (1835—1905), чешский журналист и литературный критик. — 68, 71.

Шурмин Юрий (Джуро) (1867—1937), историк сербской и хорватской литературы; с 1902 г. профессор Загребского университета, политический деятель. — 258, 262, 303.

Шухардт Гуго (Schuchardt H.) (1842—1927), филолог-романист. — 264.

Щ

Щепкин Вячеслав Николаевич (1863—1920), славист-филолог, палеограф, историк; с 1887 г. работал в Российском историческом музее; с 1900 г. приват-доцент, затем профессор Московского университета; с 1913 г. член-корреспондент Академии Наук. — IX, XII, 117, 119, 135, 136, 138, 140, 141, 143, 145, 146, 160, 164, 165, 181, 199, 200, 213, 215 — 218, 232, 267, 303.

Щепкин Евгений Николаевич (1860—1920), историк; с 1898 г. профессор Новороссийского университета. — 314.

Э

Эмлер Иосиф (Emler J.) (1836—1899), историк и археолог; с 1870 г. архивариус г. Праги, с 1879 г. профессор вспомогательных исторических дисциплин в Пражском университете; редактор „Часописа Чешского музея“ в 1871—1890 гг.; с 1876 г. член-корреспондент Академии Наук. — 68, 71, 100, 101, 105, 107, 109, 110, 112.

Энгель (Арич), медик. — 168.

Эрбен Иосиф (Erben J.) (р. 1830), чешский статистик; с 1870 г. управляющий статистической канцелярией Праги. — 105, 108.

Эрбен Карл Яромир (Erben K. J.) (1811—1870), чешский поэт и ученый, исследователь славянского фольклора; с 1851 г. — архивариус г. Праги, издатель древнечешских памятников, основатель Исторического общества в Праге; с 1856 г. член-корреспондент Академии Наук. — 18, 20, 24, 26, 27, 36, 56, 58, 63, 71, 80, 106.

Ю

Юнг Юлий (р. 1851), профессор древней истории в немецком университете в Праге. — 104.

Юнгманн Иосиф (Jungmann J.) (1773—1847), славист, лексиколог, историк литературы, поэт и переводчик, деятель культурно-национального возрождения в Чехии. — III, 33, 39, 63, 71, 73, 80, 176.

Юришич Гедеон (Иосиф) (Јуришић Г.) (1809—1872), игумен ряда монастырей в Сербии. — 15.

Я

Яблоновский Александр Валерианович (р. 1829), польский историк, издатель исторических источников. — 245, 246.

Яблоновский Иосиф Александрович (1712—1773), польский ученый, основатель научного общества его имени. — 179, 181, 254.

Явнис (Яунис) Казимир Иосифович (1849—1903), лингвист, литовед. — 231.

Ягич Игнатий Викентьевич (Jagić Vatroslav) (1833—1923), славист-филолог, один из старейших членов Югославянской Академии; с 1868 г. член-корреспондент Академии Наук, с 1880 г. академик; в 1871—1874 гг. профессор сравнительной грамматики индоевропейских языков в Одесском университете; в 1874—1880 гг. профессор славянской филологии в Берлинском университете; в 1880—1886 гг. профессор церковнославянского и русского языков в Петербургском университете; с 1886 по 1903 г. занимал кафедру славянской филологии в Венском университете, где основал известный славянский семинар. — VIII, IX, X, XI, 32, 69, 72, 81 — 85, 96, 104, 105, 116, 117, 123—125, 130, 134—136, 138—143, 145, 146, 148, 151, 153, 161, 166, 171, 172, 174, 183—187, 189, 195, 196, 193, 199, 202, 205, 214, 219, 220—222, 226, 229, 232—234, 236, 243, 247, 249, 250, 254, 256—264, 267—269, 271, 273—275, 279—282, 284—289, 292—294, 299, 303, 314, 321, 327, 329, 333, 336, 338, 341, 343, 345, 347, 349, 353—356, 359—362, 364, 368, 369, 371, 372.

Якубец Ян (Jakubec J.) (1362—1936), историк чешской литературы; в 1903—1932 гг. занимал кафедру в Пражском университете. — 362.

Янко Иосиф (Janko J.) (р. 1869), филолог-германист, профессор Пражского университета; занимался историей чешского языка и древней историей славянских народов. — 263.

Янкович Мил. — 45.

Ярош. — 24.

Ясинский Антон Никитич (1864—1934), славист, историк Чехии, занимал кафедру в Киевском, с 1896 г. в Юрьевском университете. — 232.

Ястребов Николай Владимирович (1869—1923), историк славянских народов (Польши и Чехии); с 1902 г. читал в Петербургском университете; эмигрант; с 1920 г. занимал кафедру истории славян в Пражском университете. — 202, 205, 219, 231, 259, 303, 362.

Яцимирский Александр Иванович (1875—1925) славист; приват-доцент Петербургского университета; с 1913 г. профессор Варшавского университета; после его эвакуации — Ростовского; исследователь церковнославянской письменности, историк славянских литератур. — 231, 236, 255, 256, 303, 313, 362.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие. С. А. Никитин	III
1. В. И. Ламанский — М. П. Устинову. 9 (21) октября 1850. Петербург	1
2. В. И. Ламанский — М. П. Устинову. 26 ноября (8 декабря) 1851. Петербург	2
3. А. Ф. Гильфердинг — И. И. Срезневскому. 3 (15) сентября 1855. Сгорелец	5
4. А. Ф. Гильфердинг — И. И. Срезневскому. Сентябрь 1855. Карлсбад	7
5. А. Ф. Гильфердинг — И. И. Срезневскому. 21 августа (2 сентября) 1856. Остенде	7
6. Н. Геров — И. И. Срезневскому. 11 (23) сентября 1856. Петербург	9
7. В. А. Мацеевский — Академии Наук. 6 (18) февраля 1857. Варшава	10
8. Проект программы Истории Болгарии, составленный Комиссией Академии Наук. 1857. Петербург	11
9. А. Ф. Гильфердинг — И. И. Срезневскому. 23 августа (9 сентября) 1857. Сараево	14
10. А. Ф. Гильфердинг — И. И. Срезневскому. 22 октября (3 ноября) 1858	16
11. А. Н. Пыпин — В. И. Ламанскому. 10 (22) ноября 1858. Прага	17
12. А. Н. Пыпин — В. И. Ламанскому. 7 (19) декабря 1858. Прага	20
13. А. Н. Пыпин — В. И. Ламанскому. 17 (29) января 1859. Берлин	23
14. В. В. Гавка — В. И. Ламанскому. 20 октября (1 ноября) 1859. Прага	26
15. Я. Э. Смоляр — II Отделению Академии Наук. 29 октября (10 ноября) 1859. Петербург	27
16. Ф. Палацкий — В. И. Ламанскому 16 (28) марта 1860. Ницца	28
17. М. Я. Горник — И. И. Срезневскому. 8 (20) февраля 1861. Будапешт	31
18. В. И. Ламанский — родителям. 25 мая (7 июня) 1862. Прага	33
19. В. И. Ламанский — родителям. 9 (21) июня 1862. Гудайцы	37
20. В. И. Ламанский — родителям. 7 (19) августа 1862. Будиш	41
21. К. Жинзифов — И. И. Срезневскому. 17 (29) августа 1862. Москва	44
22. В. И. Ламанский — родителям. 24 августа (5 сентября) 1862. Белград	45
23. Я. Шафарик — И. Иречку. 22 октября (3 ноября) 1862. Белград	47
24. Ю. Даничич — II Отделению Академии Наук. 2 (14) апреля 1864. Белграда	49
25. А. Патера — В. И. Ламанскому. 24 октября (5 ноября) 1866. Прага	50
26. Ю. Ф. Самарин — В. И. Ламанскому. 5 (17) апреля 1867. Москва	54
27. Ю. Ф. Самарин — В. И. Ламанскому. 10 (22) апреля 1867. Москва	55
28. А. Патера — В. И. Ламанскому. 9 (21) апреля 1867. Прага	56
29. В. И. Ламанский. Заметка. 1867. Петербург	59
30. П. А. Лавровский — В. И. Ламанскому. 28 октября (9 ноября) 1867. Харьков	60
31. П. А. Лавровский — В. И. Ламанскому. 1 (13) декабря 1867. Харьков	62
32. Адреса Академии Наук Чешскому музею и Францу Палацкому. 2 (14) мая 1868. Петербург	64
33. А. С. Будилович — В. И. Ламанскому. 11 (23) ноября 1872. Вена	64
34. А. С. Будилович — В. И. Ламанскому. 15 (27) февраля 1873. Прага	67
35. А. В. Ягич — В. И. Ламанскому. 6 (18) апреля 1873. Одесса	72
36. И. С. Будилович — В. И. Ламанскому. 17 апреля (3 мая) 1873. Прага	73
37. А. С. Будилович — В. И. Ламанскому. 14 (26) февраля 1874. Загреб	79
38. И. В. Ягич — В. И. Ламанскому. 17 (29) декабря 1874. Берлин	81
39. И. В. Ягич — В. И. Ламанскому. 5 (17) февраля 1875. Берлин	83
40. И. В. Ягич — В. И. Ламанскому. 17 (29) мая 1875. Берлин	84
41. Ю. Грегр — В. И. Ламанскому. 16 (27) апреля 1877. Прага	85
42. П. А. Сырку — В. И. Ламанскому. 14 (26) сентября 1878. Тырново	86
43. А. Патера — В. И. Ламанскому. 27 декабря 1878 (8 января 1879). Прага	88
44. П. А. Сырку — В. И. Ламанскому. 28—29 декабря 1878 (9—10 января 1879). София	92

45. И. В. Ягич — В. И. Ламанскому. 9(21) октября 1879. Берлин	96
46. И. В. Ягич — В. И. Ламанскому. 12(24) марта 1830. Берлин	97
47. А. Патера — В. И. Ламанскому. 14(26) августа 1830. Прага	99
43. В. Облак — И. А. Бодуэну де Куртене. 16(28) декабря 1881. Целье	103
49. К. Я. Грот. Из записной книжки. Май — июнь 1882. Прага	104
50. К. Я. Грот — В. И. Ламанскому. 11(23) июня 1882. Прага	108
51. К. Я. Грот — В. И. Ламанскому. 23 августа (4 сентября) 1832. Прага	109
52. О. Пич — К. Я. Гроту. 20 апреля (2 мая) 1883. Прага	113
53. Ю. Грегр — В. И. Ламанскому. 7(19) февраля 1885. Прага	114
54. И. О. Первольф — В. И. Ламанскому. 25 марта (6 апреля) 1886. Варшава	116
55. П. А. Лавров — В. Н. Щепкину. 1885. Москва	117
56. Ю. Грегр — В. И. Ламанскому. 3(15) декабря 1886. Прага	119
57. В. Облак — И. А. Бодуэну де Куртене. 16(28) апреля 1887. Вена	123
58. И. Кукульевич-Сакцинский — В. И. Ламанскому. 26 июля (7 августа) 1887. Пулаковец	126
59. П. А. Ровинский — В. И. Ламанскому. 16(23) августа 1887. Цетинье	126
60. П. А. Ровинский — В. И. Ламанскому. 23 августа (4 сентября) 1887. Цетинье	128
61. И. В. Ягич — Б. М. Ляпунову. 15(27) ноября 1887. Вена	130
62. Фр. Рачки — В. И. Ламанскому. 10(22) января 1888. Загреб	131
63. С. О. Гурбан-Ваянский — В. И. Ламанскому. 15(27) апреля 1888. Турчанский св. Мартин	132
64. И. Штрессмайер — В. И. Ламанскому. 19(31) августа 1833. Дьяково	133
65. И. В. Ягич — В. И. Ламанскому. 10(22) ноября 1838. Вена	134
66. Ф. Пастернак — В. Н. Щепкину. 4(16) апреля 1390. Вена	135
67. В. Облак — И. А. Бодуэну де Куртене. 5(17) июня 1890. Целье	136
68. В. Облак — В. Н. Щепкину. 15(23) августа 1390. Целье	138
69. В. Облак — В. Н. Щепкину. 5(17) сентября 1890. Целье	141
70. Ю. Поливка — В. И. Ламанскому. 17(29) ноября 1890. Прага	144
71. В. Облак — В. Н. Щепкину. 14(26) декабря 1890. Целье	145
72. Ю. Поливка — В. И. Ламанскому. 1(13) февраля 1891. Прага	147
73. Ч. Зибрт — В. И. Ламанскому. 1(13) июня 1891. Прага	149
74. И. В. Ягич — А. В. Михайлову. 8(20) ноября 1891. Вена	151
75. Ч. Зибрт — В. И. Ламанскому. 26 марта (7 апреля) 1392. Прага	153
76. Л. Куба — Академии Наук. 1(13) апреля 1392. Подебрады	156
77. П. А. Васильчиков — президенту Академии Наук. Апрель 1892. Петербург	158
78. Ю. И. Поливка — В. Н. Щепкину. 2(14) мая 1892. Прага	160
79. Л. Куба — II Отделению Академии Наук. 21 мая (2 июня) 1892. Подебрады	161
80. А. Г. Нидерле — В. И. Ламанскому. 8(20) августа 1892. Прага	163
81. Ф. Пастернак — В. Н. Щепкину. 2(15) апреля 1393. Вена	164
82. П. А. Кулаковский — В. И. Ламанскому. 5(17) февраля 1894. Загреб	166
83. И. С. Пальмоя — В. И. Ламанскому. 21 августа (2 сентября) 1894. Прага	167
84. Л. Куба — Академии Наук. 14(26) сентября 1894. Подебрады	170
85. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 10(22) января 1895. Вена	171
86. Н. Геров — II Отделению Академии Наук. 9(21) февраля 1895. Филиппополь	172
87. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 9(21) марта 1895. Вена	174
88. П. А. Кулаковский — В. И. Ламанскому. 16(28) апреля 1895. Варшава	175
89. М. С. Дринов — В. И. Ламанскому. 26 апреля (8 мая) 1895. Харьков	177
90. Л. Куба — Академии Наук. 16(28) декабря 1895. Подебрады	178
91. Э. Мука — В. И. Ламанскому. 18(30) января 1896. Фрейберг	179
92. С. Томич — В. Н. Щепкину. 24 января (5 февраля) 1897. Белград	181
93. С. Томич — М. Н. Сперанскому. 5(17) сентября 1897. Белград	183
94. Л. Стоянович — М. Н. Сперанскому. 11(23) октября 1897. Белград	185
95. П. А. Сырку — В. И. Ламанскому. 17(29) октября 1897. Вена	185
96. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 2(14) ноября 1897. Вена	187
97. И. В. Ягич — А. И. Соболевскому. 12(24) февраля 1898. Вена	189
98. К. Ф. Радченко — М. Н. Сперанскому. 14(26) апреля 1899. Белград	191
99. Обращение группы чешских славистов о созыве съезда славистов филологов. 14(26) июня 1897. Прага	191
100. И. В. Ягич — М. Н. Сперанскому. 3(15) августа 1899. Аббация	195
101. Л. Нидерле — Академии Наук. 3(15) октября 1899. Прага	196
102. Ф. Пастернак — М. Н. Сперанскому. 6(18) ноября 1899. Прага	197
103. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 29 ноября (11 декабря) 1899. Вена	198
104. Л. Милетич — П. А. Лаврову. 1899. София	200
105. Ч. Зибрт — В. И. Ламанскому. 19 января (1 февраля) 1900. Прага	202
106. К. Иречек — В. И. Ламанскому. 30 марта (12 апреля) 1900. Вена	202
107. К. Иречек — Ф. И. Успенскому. 30 марта (12 апреля) 1900. Вена	203
108. М. Шрепель — М. Н. Сперанскому. 1(14) мая 1900. Загреб	204

	Стр.
109. Л. Нидерле — II Отделению Академии Наук. 21 сентября (4 октября) 1900. Прага	206
110. Л. Нидерле — А. И. Соболевскому. 28 октября (10 ноября) 1900. Прага	207
111. Ю. Поливка — А. А. Шахматову. 5 (18) ноября 1900. Прага	208
112. Ф. Е. Корш — В. И. Ламанскому. 19 декабря 1900 (1 января 1901). Москва	209
113. К. Иречек — В. И. Ламанскому. 22 декабря 1900 (4 января 1901). Вена	210
114. К. Шкорпил — Ф. И. Успенскому. 18 (31) марта 1901. Варна	211
115. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 2 (15) января 1902. Белград	212
116. В. Н. Шепкин — А. А. Шахматову. 17 (30) мая 1902. Москва	213
117. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 23 мая (5 июня) 1902. Вена	214
118. В. Н. Шепкин — А. А. Шахматову. 4 (17) июня 1902. Москва	215
119. В. Н. Шепкин — А. А. Шахматову. 10 (23) августа 1902. Москва	216
120. В. Н. Шепкин — А. А. Шахматову. 11 (24) сентября 1902. Москва	217
121. В. Н. Шепкин — А. А. Шахматову. 24 сентября (7 октября) 1902. Москва	218
122. II Отделение Академии Наук — президенту Академии Наук. 7 (20) октября 1902. Петербург	219
123. В. И. Ламанский — А. А. Шахматову. Осень 1902. Петербург	220
124. С. Шкрабец — А. А. Шахматову. 24 октября (6 ноября) 1902. Горица	221
125. А. О. Патера — К. Я. Гроту. 25 декабря 1902 (8 января 1903). Прага	223
126. II Отделение Академии Наук — редакторам „Вестника славянской филологии и древностей“. 17 февраля (2 марта) 1903. Петербург	224
127. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 15 (28) марта 1903. Белград	225
128. Редакторы „Вестника славянской филологии и древностей“ — II Отделению Академии Наук. 7 (20) марта 1903. Прага	226
129. И. В. Ягич — А. Н. Веселовскому. 8 (21) марта 1903. Вена	226
130. М. М. Мурко — А. А. Шахматову. 22 марта (4 апреля) 1903. Градец	227
131. И. Л. Лось — А. А. Шахматову. 22 марта (4 апреля) 1903. Краков	230
132. Список приглашенных Отделением русского языка и словесности на предварительный съезд славистов. Март 1903. Петербург	230
133. М. С. Дринов — А. И. Соболевскому. 23 марта (5 апреля) 1903. Харьков	233
134. С. Новакович — В. И. Ламанскому. 23 марта (5 апреля) 1903. Петербург	233
135. М. М. Мурко — А. А. Шахматову. 23 марта (5 апреля) 1903. Градец	234
136. Проспект программы занятий съезда славистов. Март 1903. Петербург	235
137. И. Л. Лось — А. А. Шахматову. 29 марта (11 апреля) 1903. Краков	236
138. И. Л. Лось — А. А. Шахматову. 28 апреля (11 мая) 1903. Краков	237
139. В. Вондрак — В. И. Ламанскому. 29 сентября (12 октября) 1903. Вена	238
140. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 2 (15) октября 1903. Белград	240
141. В. Вондрак — В. И. Ламанскому. 14 (27) октября 1903. Вена	240
142. М. М. Мурко — А. А. Шахматову. 3 (16) ноября 1903. Градец	242
143. В. Д. Спасович — А. А. Шахматову. 19 декабря 1903 (1 января 1904). Варшава	243
144. И. А. Бодуэн де Куртене — А. А. Шахматову. 26 декабря 1903 (8 января 1904). Петербург	244
145. М. М. Мурко — А. А. Шахматову. 29 декабря 1903 (11 января 1904). Градец	247
146. М. М. Мурко — А. А. Шахматову. 31 января (13 февраля) 1904. Градец	248
147. М. М. Мурко — А. А. Шахматову. 29 февраля (13 марта) 1904. Градец	248
148. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 19 марта (1 апреля) 1904. Белград	249
149. А. Е. Гагарин — А. А. Шахматову. 27 апреля (10 мая) 1904. Петербург	251
150. И. Пекарж — Н. К. Никольскому. 7 (20) мая 1904. Прага	251
151. М. М. Мурко — А. А. Шахматову. 22 мая (4 июня) 1904. Градец	252
152. Ф. Лоренц — А. А. Шахматову. 29 августа (11 сентября) 1904. Нейштадт	253
153. Ю. Поливка — М. Н. Сперанскому. 23 ноября (6 декабря) 1904. Прага	255
154. Л. Нидерле — А. И. Соболевскому. 3 (16) декабря 1904. Прага	256
155. И. В. Ягич — А. Н. Веселовскому. 8 (?) февраля 1905. Вена	258
156. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 9 (22) сентября 1905. Белград	259
157. И. В. Ягич. План лингвистического отдела Славянской энциклопедии. 19 октября (1 ноября) 1905. Вена	260
158. И. В. Ягич. Отчет II Отделению Академии Наук. 28 октября (10 ноября) 1905. Вена	264
159. И. В. Ягич. — А. А. Шахматову. 22 октября (4 ноября) 1906. Вена	267
160. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 11 (24) ноября 1906. Вена	269
161. Л. Нидерле — А. И. Соболевскому. 19 декабря (1 января 1907). Прага	270
162. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 5 (18) февраля 1907. Вена	271
163. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 9 (22) февраля 1907. Вена	273
164. М. М. Мурко — А. А. Шахматову. 7 (20) декабря 1907. Градец	274
165. Л. Нидерле — А. А. Шахматову. 11 (24) января 1903. Прага	275
166. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 10 (23) февраля 1908. Белград	276
167. М. М. Мурко — А. А. Шахматову. 14 (27) февраля 1908. Градец	277

168. Э. Мука — А. А. Шахматову. 11 (24) марта 1908. Фрейберг	278
169. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 7 (20) апреля 1908. Вена	279
170. Э. Мука — А. А. Шахматову. 28 апреля (11 мая) 1903. Фрейберг	230
171. Адрес II Отделения Академии Наук И. В. Ягичу по случаю его 70-летия. 9 (22) мая 1908. Петербург	284
172. Обращение М. М. Мурко и К. Штрекеля об организации секции славистики на съезде немецких филологов и учителей. 14 (27) июня 1908. Градец	285
173. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 29 июня (12 июля) 1903. Шпиталь	288
174. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 6 (19) августа 1903. Шпиталь	289
175. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 14 (27) сентября 1908. Белград	290
176. М. М. Мурко — А. А. Шахматову. 10 (23) декабря 1908. Градец	292
177. И. В. Ягич — М. Н. Сперанскому. 4 (17) июня 1909. Шпиталь	293
178. Р. И. Кошутич — А. А. Шахматову. 13 июня (1 июля) 1909. Белград	294
179. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 3 (16) июля 1909. Белград	296
180. Р. И. Кошутич — А. А. Шахматову. 17 (30) августа 1907. Белград	297
181. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 19 августа (1 сентября) 1909. Белград	298
182. Я. Розвадовский — А. А. Шахматову. 8 (21) ноября 1909. Краков	300
183. Л. Стоянович — А. А. Шахматову. 13 февраля (3 марта) 1910. Белград	301
184. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 1910. Белград	303
185. Р. И. Кошутич — А. А. Шахматову. 1 (14) октября 1910. Белград	304
186. Л. Стоянович — А. И. Соболевскому. 24 ноября (7 декабря) 1910. Белград	305
187. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 30 ноября (13 декабря) 1910. Белград	306
188. Л. Милетич — А. И. Соболевскому. 2 (15) декабря 1910. София	307
189. Ю. Поливка — А. И. Соболевскому. 7 (20) декабря 1910. Прага	308
190. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 13 (26) декабря 1910. Белград	309
191. И. Лось — А. И. Соболевскому. 9 (22) января 1911. Краков	310
192. Т. Смичиклас — А. И. Соболевскому. 12 (25) января 1911. Загреб	311
193. А. И. Соболевский — II Отделению Академии Наук. 5 (18) февраля 1911. Петербург	312
194. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 27 марта (9 апреля) 1911. Белград	312
195. М. Г. Долобко — П. А. Лаврову. 30 апреля (13 мая) 1911. Белград	313
196. Замечания Ф. Е. Корша на проект „Устава Союза славянских академий и ученых обществ“. Апрель 1911. Москва	315
197. Проект устава Союза славянских академий и ученых обществ, принятый II Отделением Академии Наук. 30 апреля (13 мая) 1911. Петербург	316
198. А. И. Белич — П. А. Лаврову. 2 (15) мая 1911. Белград	320
199. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 4 (17) мая 1911. Вена	321
200. Я. Розвадовский — А. А. Шахматову. 31 мая (13 июня) 1911. Краков	322
201. Президент Сербской Академии наук С. Новакович — Академии Наук. 13 (26) июня 1911. Белград	324
202. Президент Болгарской Академии наук И. Е. Гешов — II Отделению Академии Наук. 20 июня (3 июля) 1911. София	325
203. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 29 июня (12 июля) 1911. Белград	325
204. Президент Югославянской Академии наук Т. Смичиклас — II Отделению Академии Наук. 1 (14) июля 1911. Загреб	326
205. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 17 (30) сентября 1911. Вена	327
206. С. Младенов — А. А. Шахматову. 11 (24) ноября 1911. Париж	329
207. В. Н. Златарский — А. А. Шахматову. 27 ноября (10 декабря) 1911. София	330
208. Президент Чешской Академии наук А. Ранда — II Отделению Академии Наук. 24 ноября (7 декабря) 1911. Прага	331
209. Я. Розвадовский — А. А. Шахматову. 25 ноября (8 декабря) 1911. Краков	332
210. Л. Нидерле — А. А. Шахматову. 12 (25) декабря 1911. Прага	333
211. Ю. Поливка — А. А. Шахматову. 13 (26) декабря 1911. Прага	335
212. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 19 декабря 1911 (1 января 1912). Вена	336
213. Президент Польской Академии наук С. Тарновский — II Отделению Академии Наук. 24 декабря 1911 (6 января 1912). Краков	338
214. Л. Милетич — А. И. Соболевскому. 25 декабря 1911 (7 января 1912). София	339
215. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 10 (23) января 1912. Белград	340
216. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 20 марта (2 апреля) 1912. Вена	341
217. В. Н. Златарский — А. А. Шахматову. 20 марта (2 апреля) 1912. София	343
218. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 23 марта (5 апреля) 1912. Вена	343
219. Л. Нидерле — В. И. Ламанскому. 23 марта (5 апреля) 1912. Прага	345
220. И. В. Ягич — П. А. Лаврову. 4 (17) апреля 1912. Вена	345
221. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 6 (19) апреля 1912. Вена	347
222. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 12 (25) апреля 1912. Вена	349
223. II Отделение Академии Наук — Чешской Академии. 15 (28) апреля 1912. Петербург	350

	Стр.
224. Ю. Поливка — А. А. Шахматову. 24 апреля (7 мая) 1912. Прага	351
225. Чешская Академия наук — II Отделению Академии Наук. 29 апреля (12 мая) 1912. Прага	352
226. Документы совещания делегатов славянских академий. 7—9 (20—22) мая 1912. Петербург	353
227. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 15 (28) мая 1912. Вена	362
228. А. И. Белич — А. А. Шахматову. 30 мая (12 июня) 1912. Белград	364
229. А. А. Шахматов. Объяснительная записка к Проекту Устава Союза славянских академий и ученых обществ. Июнь 1912. Петербург	365
230. И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 4 (17) августа 1912. Вена	369
231. Ф. Пастернек — А. А. Шахматову. 2 (15) ноября 1912. Прага	370
Указатель лиц, упоминаемых в сборнике, с краткими сведениями о них	373

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *А. И. Соболева*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*

*

РИСО АН СССР № 3127. Подписано к печати
14/IV 1948 г. Печ. л. 26¹/₂. Уч.-изд. л. 37¹/₂.
М-07470. Тираж 3000. Зак. 1149. Цена 33 р.

1-я Типография Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12

